

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ «ЛЭТИ»
им. В.И. Ульянова (Ленина)

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО
И ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ИНФОРМАЦИЯ КОММУНИКАЦИЯ ОБЩЕСТВО

ИКО 2026

ТРУДЫ
XXIII ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ

22 - 23 января 2026

Санкт-Петербург, 2026

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ “ЛЭТИ”
им. В. И. УЛЬЯНОВА (ЛЕНИНА)**

***ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ***

**ИНФОРМАЦИЯ
КОММУНИКАЦИЯ
ОБЩЕСТВО**

ИКО-2026

**ТРУДЫ
XXIII ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ**

22 – 23 января 2026 г.

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2026**

УДК 1+3+81

Информация – Коммуникация – Общество (ИКО–2026): Труды XXIII Всероссийской научной конференции с международным участием / Санкт-Петербург, 22 – 23 января 2026 г. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ, 2026. – 479 с.

ISBN 978-5-7629-3591-3

Научная конференция ИКО–2026 представляет собой 23-й этап междисциплинарного проекта, направленного на исследование актуальных проблем развития общества и человека в XXI веке. В публикуемых материалах, представленных исследователями, работающими в различных областях социогуманитарного знания, обсуждаются импульсы и триггеры в философии XXI века, общество – культура – политика в условиях сетевой реальности, гибридные коммуникации в современном обществе, 100-летний путь функциональной лингвистики, современные тенденции научных исследований в области истории и права, а также образование как событие в современном университете.

Редакционная коллегия: д. филос. н., проф. **Иванов Андрей Федорович** (главный редактор); к. т. н., доц. **Гигаури Нина Константиновна** (зам. главного редактора); к. филос. н., доц. **Пирайнен Евгения Викторовна** (ответственный секретарь); д. и. н., проф. **Калашников Владимир Валерьянович**; к. полит. н., доц. **Строгецкая Елена Витальевна**; к. филос. н., доц. **Шарахина Лариса Валентиновна**; д. филол. н., доц. **Шумков Андрей Арнольдович**

ISBN 978-5-7629-3591-3

© Авторы публикаций, 2026

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

XXIII-я Всероссийская научная конференция с международным участием «Информация–Коммуникация–Общество» проходит в условиях разнонаправленных и качественно многообразных векторов глобальных трансформаций. Человеческая цивилизация находится в состоянии масштабной турбулентности, детерминированной сложнейшим комплексом противоречивых тенденций (человек – постчеловек, естественный интеллект – искусственный интеллект, правда – постправда, подлинное – неподлинное, реальное – виртуальное, глобализация – регионализация, онлайн – оффлайн, цифровое – аналоговое и многие другие). Современный, крайне неустойчивый, мир рождается в ходе стремительных изменений, детерминированных, в том числе, 4-й технологической революцией, основной тренд которой – стирание границ между физической, биологической, социальной и цифровой реальностями. Тем самым определяется цивилизационная и культурная эволюция человека и социума в третьем тысячелетии. И это явление не имеет аналогов во всем предыдущем опыте человечества. Сможет ли мировое сообщество, человек (возможно, новый человек) найти треки выхода из цивилизационных разломов? – Обсудим.

В современных турбулентных реалиях приоритетной задачей для академического сообщества становится объективное и системное осмысление экзистенциальных, социокультурных, ценностных, политических, технологических и других ориентиров. Мы надеемся, что наша творческая дискуссия внесет свой вклад в осмысление нового трека развития человека – общества – цивилизации.

Мы гордимся тем, что уже почти четверть века научная конференция «Информация – Коммуникация – Общество» является профессиональной площадкой, на которой встречаются исследователи, работающие в различных областях социогуманитарного знания, и ведут междисциплинарный полифонический диалог. К тому же летом 2026 года СПбГЭТУ «ЛЭТИ» готовится отметить свой 140-й юбилей.

Пожелаем же друг другу обретения новых идей, эффективных профессиональных практик, сохранения старых и приобретения новых друзей и партнеров, а также мира, успехов, счастья и благополучия.

ОРГКОМИТЕТ ИКО–2026

УДК 659:796

М. Ю. Абабкова (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: miuababkova@etu.ru)

ПРОБЛЕМЫ СИНТЕТИЧЕСКИХ ИЗОБРАЖЕНИЙ ЧЕЛОВЕКА В ГИБРИДНЫХ КОММУНИКАЦИЯХ

Проектирование образа человека в коммуникациях связано с повышением эффективности, образности и эмоциональности сообщения. Искусственный интеллект становится центральным элементом производственного цикла гибридных коммуникаций. Рост числа используемых синтетических изображений людей влечет за собой новые проблемы, связанные с качеством изображений, этикой и правовой неопределенностью в использовании сгенерированных человеческих образов. Качество сгенерированных изображений связано с четким воплощением заданных характеристик образа. Анализ современных исследований искусственного интеллекта в коммуникациях выявил наиболее частые стереотипы, которые присущи синтетическим изображениям человека: стереотипы внешности, гендерные, этнические, возрастные, профессиональные стереотипы. Правовые проблемы использования синтетических изображений включают в себя возможность схожести сгенерированного лица с реальным человеком и влекут за собой финансовые и репутационные риски. В статье подчеркивается важность ответственного использования инструментов искусственного интеллекта при генерации человеческих образов и необходимость разработки публичной политики компании об использовании синтетического контента.

Гибридные коммуникации, визуальные коммуникации, синтетические изображения, гендерные стереотипы, медиа-криминалистика

Визуальная составляющая коммуникации (фотографии, паттерны и рисунки, общее оформление сообщения) влияет на ее привлекательность для потребителя и оказывает сильное эмоциональное воздействие. По данным Consumer Acquisition, на изображения приходится от 75% до 90% конверсий рекламы [1], поскольку 90% решений о покупке продиктовано эмоциями, 85% потребительских покупок вызваны эмоциональной привязанностью, 95% решений о покупке происходят подсознательно [2].

Одним из мощных инструментов воздействия на потребителя в интернет-рекламе является изображение человека. Исследования показывают, что реклама, содержащая фотографии людей, привлекает большее число потребителей. Согласно мнению специалиста в области нейромаркетинга Р. Дули, язык тела, поза, улыбка, руки на изображении делают фотографию, а, следовательно, и продукт или услугу, более заслуживающими доверия, как и более

привлекательной атмосферу пользования товаром или услугой [3].

Стремительное распространение искусственного интеллекта (ИИ) коренным образом изменило производство и распространение изображений людей, обеспечивая беспрецедентную эффективность, персонализацию и точность создания контента, и в тоже время, затрудняя проведение различия между реальными и искусственно созданными изображениями человека [4]. Изображения, созданные искусственным интеллектом и человеком, сосуществуют в гибридных коммуникациях, включающих средства массовой информации, социальные платформы и взаимодействие за их пределами. Российская ассоциация электронных коммуникаций (РАЭК) отмечает, что доля коммерческих видеороликов, выполненных коммуникационными агентствами на основе технологий ИИ, в 2024 г. составила около 12% (против 3% годом ранее). Переход на генеративные модели сокращает прямые затраты коммуникационных агентств на съемку до 40%, а время запуска такого ролика (time-to-market) – с трех недель до трех-пяти дней [5]. Однако использование ИИ для генерации человеческого изображения влечет за собой определенные риски, связанные как с качеством изображений, этическими и правовыми нарушениями.

Основные проблемы качества изображений, созданных с помощью искусственного интеллекта, связаны с ясностью информации, когда каждый элемент промпта должен присутствовать и четко отображаться на сгенерированном портрете, а также с эмоциональным откликом, когда изображение должно вызывать у зрителей желаемую реакцию [6, с. 72].

С другой стороны, изображения и видео, созданные с помощью инструментов искусственного интеллекта, могут влиять на восприятие людьми реального мира, укрепляя тем самым существующие стереотипы. Например, в рамках нашего блиц-исследования мы попросили Fusion Brain сгенерировать 20 изображений представителей различных профессий, в которых одинаково задействованы мужчины и женщины (детский врач, рекламный специалист, учитель, дизайнер, водитель трамвая и др.). На 18 из 20 сгенерированных изображений были изображены мужчины, в возрасте 35–45 лет, что подтвердило ранее проведенные исследования.

На сегодняшний день к основным стереотипам, которые присущи синтетическим изображениям человека, можно отнести:

1) *Классические гендерные стереотипы.* Исследователи отмечают, что в среднем при генерации изображения мужчины длина промпта короче, чем средняя длина описания женщины. Промпты для генерации изображений мужчин включают в себя такие доминирующие качества, как «сильный» и «суровый». Промпты для женского изображения представлены образами, связанными с телом и внешностью: «красивая», «симпатичная» и т. д. Предвзятость в системах ИИ часто проистекает из социальных и культурных предубеждений, заложенных в обучающих данных или архитектуре модели [7].

Исследования показывают, что женщины на сгенерированных изображениях показываются молодыми, улыбчивыми и добрыми, в то время как мужчины выглядят старше, серьезными, думающими. Отмечается, что выражение лица и возраст человека на сгенерированном изображении зависят от пола – женщины больше улыбаются и представлены более молодыми, чем мужчины. Гендерная предвзятость, отмечают исследователи, характерна и для изображения представителей некоторых профессий, которые, как правило, связаны с определенным полом или расой [8].

Также гендерные стереотипы на сгенерированных изображениях включают в себя элементы эйджизма, определенные цвета и стили, одежду и моду, работу на определенных должностях, семейные роли и др. Исследователи отмечают, что на сгенерированных изображениях нет людей с ограниченными возможностями. Среди стереотипов, связанных с красотой, доминируют такие стандарты, как использование косметики и аксессуаров [9].

Сложность противодействия этим тенденциям усугубляется непрозрачностью сетевых процессов обучения, что затрудняет понимание и модификацию этих внутренних механизмов. С другой стороны, хотя генеративные модели и могут создавать реалистичные человеческие лица, иногда возникают трудности с созданием реалистичных головных уборов, очков, ушей, аксессуаров (серьги и ожерелья) и деталей одежды [10].

2) *Расовые и этнические стереотипы.* Авторы другого исследования отмечают, что в инструментах генеративного ИИ существуют расовые предубеждения: участники эксперимента были склонны классифицировать изображения белых мужчин как реальные, а изображения лиц реальных и синтетических людей других рас как созданные искусственным интеллектом [11].

3) *Деятельность, работа, хобби.* Синтетические изображения людей чаще связаны с досугом, чем с работой, причем преобладает отдых с минимальным представлением профессиональных или разнообразных культурных ролей [9].

Правовые проблемы, связанные с использованием сгенерированных человеческих образов, затрагивают возможность того, что нейросетевые лица могут случайно воспроизвести индивидуальные черты реальных людей и рекламодателю придется доказывать отсутствие узнаваемости синтетического героя. Специалисты отмечают, что потенциальный размер исков может составлять 50000-700000 руб. [5].

Таким образом, использование инструментов для генерации человеческих образов в коммуникациях требует многомерного подхода, при котором разработка и политика платформы и академические исследования должны согласовываться для решения этических и правовых проблем. К примеру, развивающаяся медиа-криминалистика (media forensics) предлагает концептуальные и методологические инструменты для обнаружения, анализа и про-

верки цифровых изображений, уделяя особое внимание артефактам, аномалиям и конфабуляциям, присущим синтетическим изображениям людей [12].

Безответственное использование инструментов ИИ при генерации человеческих образов может приводить к экстренной смене креативной концепции коммуникаций, срыву коммуникационной кампании и повышению репутационных и финансовых издержек на коммуникации. Одним из способов решения вышеуказанных проблем является публичная политика компании об использовании синтетического контента и четкие критерии его ответственного использования в интегрированных коммуникациях.

Источники:

1. Retargeting Images: 7 Strategic Ways To Use In Retargeting Ads. URL: <https://klientboost.com/ppc/retargeting-images/> (дата обращения: 26.11.2025).
2. Nelson-Field, K. Viral Marketing. The Science of Sharing. South Melbourne: Oxford University Press; The Benchmark Series: Emotions and Advertising. 2013. 128 p.
3. Dooley R. List-Building Secrets of the World's Top Conversion Experts // Neuromarketing by R. Dooley et al. URL: <https://www.neurosciencemarketing.com/download/list-building-secrets-of-the-worlds-top-conversion-experts> (дата обращения: 24.11.2025).
4. Gunukula, A.R., Das Gupta, H., Sheng, V.S. Detecting AI-Generated Images Using a Hybrid ResNet-SE Attention Model // Appl. Sci. 2025. № 15. <https://doi.org/10.3390/app15137421>.
5. «Нейросетевые лица» в рекламе: правовые риски и возможности в России в 2025 году. URL: <https://www.sostav.ru/blogs/272766/64767?ysclid=mh3nosqres853269572>. (дата обращения: 26.11.2025).
6. Балканский А. А., Федоричев С. М. Исследование влияния сгенерированных искусственным интеллектом изображений на эффективность веб-баннеров на сайте // Культура и технологии. 2025. Том 10. Вып.2. С. 68-76. <https://doi.org/10.17586/2587-800X-2025-10-2-68-76>.
7. Alkhateeb G, Storie J, Bell S, Suškevičs M. Virtual Imaginative Geographies: Generative AI and the Representation of Landscape Imagery // Geographies. 2025. № 5(1). <https://doi.org/10.3390/geographies5010009>.
8. Sandoval-Martin T., Martínez-Sanzo E. Perpetuation of Gender Bias in Visual Representation of Professions in the Generative AI Tools DALL·E and Bing Image Creator // Social Sciences. 2024. № 13(5). <https://doi.org/10.3390/socsci13050250>.
9. Freixa Pere et al. AI, Stock Photography, and Image Banks: Gender Biases and Stereotypes // Hipertext.net. 2025. № 30. P. 41-78. <https://doi.org/10.31009/hipertext.net.2025.i30.05>.
10. Yang K., Singh D., Menczer F. Characteristics and Prevalence of Fake Social Media Profiles with AI-generated Faces // Journal of Online Trust and Safety. 2024. № 2 (4). <https://doi.org/10.54501/jots.v2i4.197>.

11. Lawrence M., Cimermanis K., Collin C. Not all AI-generated faces are created equal: impacts of model gender, race, and emotional expression on classification accuracy // *AI & Soc.* 2025. <https://doi.org/10.1007/s00146-025-02670-7>.

12. Amerini I., Barni M., Battiato S., Bestagini P., Boato G., Bruni V., Caldelli R., De Natale F., De Nicola R., Guarnera L., Mandelli S., Majid T., Marcialis G. L., Micheletto M., Montibeller A., Orrù G., Ortis A., Perazzo P., Puglisi G., Vitulano D. Deepfake media forensics: Status and future challenges // *Journal of Imaging.* 2025. № 11(3), 73. <https://doi.org/10.3390/jimaging11030073>.

M. Yu. Ababkova (*Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»*)

ISSUES OF USING SYNTHETIC HUMAN IMAGES IN HYBRID COMMUNICATIONS

Designing human images in communications stems from the increasing the effectiveness, expressiveness and emotionality of a message. Artificial intelligence turns a central element of the production cycle of hybrid communications. The growing number of synthetic images of humans entails new problems related to image quality, ethics, and legal uncertainty in the use of generated human images. The quality of the generated images is about the clear embodiment of the specified image characteristics. The analysis of modern research on artificial intelligence in communications has revealed the most common stereotypes that are inherent in synthetic human images: stereotypes of appearance, gender, ethnicity, age, and jobs. The legal issues of using synthetic images include the possibility of a generated face resembling a real person and this could entail financial and reputational risks. The article highlights the importance of responsible use of artificial intelligence tools in generating human images and the need to develop a company's public policy on the use of synthetic content.

Hybrid communications, visual communications, synthetic images, gender stereotypes, media forensics

УДК 165.12

Е. М. Ананьева (Санкт-Петербургский государственный университет,
e-mail: e.ananeva@spbu.ru)

НУЖНО ЛИ УРБАНИЗИРОВАТЬ ХАЙДЕГГЕРОВСКУЮ ПРОВИНЦИЮ?

В докладе исследуется современная рецепция философской герменевтики Х.-Г.Гадамера в контексте проблемы социальной нормативности и противостояния идеологий. Обсуждаются сходства и различия предлагаемых герменевтикой решений с другими философскими подходами (структурализм, критическая теория). Анализируется динамика интереса к данной теме в публикациях последних лет.

Философская герменевтика, Ханс-Георг Гадамер, идеология, политическая методология

Гений дает искусству правила – так Кант объяснил смену художественных стилей в искусстве. Политика, видимо, подчиняется схожим законам: в «спокойное» время ориентируется на вечные разумные принципы, в эпоху войны всех против всех возникает запрос на коммуникацию (в том числе политическую) в поле напряжения конфликтующих интерпретаций и запрос на смену приоритетов, смену правил. Конфликт интерпретаций возрождает интерес к «ложному сознанию» – идеологии. Если мы проследим генезис проблематики идеологии, история вопроса напомнит нам о том, как идеи могут становиться материальными – в марксистском и домарксистском понимании этого процесса, – и одновременно напомнит о непостоянстве моды на политическую ангажированность [1].

В этом контексте у многих современных философских подходов – структурализма, герменевтики, критической теории – обнаружится в прошлом страница, на которой запечатлелись следы этой смены акцентов. Сергей Зенкин, издавая в 2008 году «Мифологии» Ролана Барта, в предисловии к этой книге рассказывает историю юбилейного издания, посвященного Барту – сборника «Новые мифологии». Он видит в этом опыте оценки вклада семиотики в теорию культуры «попытку, подражая Барту, составить каталог значащих вещей, жестов, слов, привычек, характерных для начала XXI века». Но при этом Зенкин обнаруживает некоторую общую тенденцию авторов «Новых мифологий», публикующих свои тексты не в середине XX столетия, как Барт, а в первом десятилетии нового века: «Почти все они оставили в стороне как семиотическую премудрость, так и политическую ангажированность Барта, заменив их морально-эстетической рефлексией или словесной игрой с материалом культуры: сегодня «литературная» интерпретация «Мифологий» явно преобладает над научной или политической» [2, с. 10].

Однако это замечание сделано полтора десятилетия назад, а новые философские дебаты нашего времени, похоже, снова демонстрируют смену вектора. Структурализм и его постмодернистские интерпретации, можно сказать, освоили обе полярные позиции – и эстетизирующую, и идеологизирующую. У герменевтики в этом смысле иная репутация.

Попытка Хайдеггера в 30-е годы сделать на прямую выводы из «герменевтики фактичности» к актуальной политической повестке не столько показала возможность использования методологического потенциала герменевтического подхода, сколько заставила говорить об утрате философией своего предписывающего социальные и политические нормы авторитета. Неслучайно возникла идея сравнивать неудачи Хайдеггера-политика с политическими неудачами Платона, решившего в какой-то момент давать советы правителям Сиракуз. Ханс-Георг Гадамер посвятил статью во *Frankfurter Allgemeine* напоминанию о бремени непростого выбора своего учителя – он рассказал историю, как к Хайдеггеру, готовящемуся принять пост ректора в нацистской Германии, обратился его коллега с ироническим вопросом: «Назад, в Сиракузы?» (этот вопрос Гадамер и вынес в заглавие своей статьи, где рассуждает о политических модальностях герменевтики) [3, с. 176–180].

Но двойственность интерпретативной модели, защищаемой герменевтикой, определяется наличием не только этой, но и противоположной тенденции, второго полюса. Если воспользоваться удачными метафорами Поля Рикера о двух путях понимания: «короткого замыкания» понимающего бытия *Dasein* и «окольного пути» – через вхождение в культуру, традицию, языковую практику, то, вероятно, двигаясь в этом втором направлении, герменевтика способна включиться в актуальные политические дебаты с иными, чем «герменевтика фактичности», предписаниями. Этот полемический потенциал герменевтики демонстрирует публикация, увидевшая свет в прошедшем году. В этой коллективной монографии герменевтике предается неожиданный импульс – оценить вклад идей понимающей методологии, прежде всего вклад философской герменевтики Гадамера, в наше современное мировоззрение не в качестве освещенного традицией обязательного философского контента, а, наоборот, обострить отношение этой философской традиции с современной повесткой – вывести на первый план дискуссионные, открытые вопросы [4]. Эта оптика требует обращения к герменевтике за пределами ее основного домена – методологии гуманитарного знания. Упомянутое издание демонстрирует, что внимание к понимающей методологии не только не угасает вместе с волнами философской моды на экзистенциальные темы, но и все отчетливее преодолевает привычные дисциплинарные границы. Вопросы политической модальности герменевтики в этом смысле выходят на первый план.

Но читателям, хорошо знакомым с рецепцией «Истины и метода» Гадамера, так же хорошо известны сопутствующие проблемы: попытки привести

сложные конструкции предложенного Гадамером образа философской герменевтики к простым и понятным решениям, востребованным (хотя бы потенциально), политической практикой, приводят либо к ссылкам на чаемые, но мало реальные гуманитарные утопии типа «государства образования», либо банализируют практику диалога ссылкой на «силу лучшего аргумента». И тем не менее, Юрген Хабермас усмотрел в движении от вселенной мысли Хайдеггера к построениям Гадамера позитивную тенденцию и иронично назвал это направление герменевтической мысли «урбанизацией хайдеггеровской провинции». Прежде всего при этом Хабермас имел в виду более конвенциональный терминологический инструментарий герменевтики в варианте «Истины и метода», чем «Бытия и времени». Но следующий шаг в освоении этого урбанизированного пространства в спорах между Хабермасом и Гадамером так и не привел к соглашению. Может ли герменевтика ответить на вызовы идеологизированной картины мира, может ли инструментарий герменевтического опыта быть полезен в анализе «ложного сознания», в анализе идеологии?

Поскольку этот спор об идеологиях имеет свою историю, будет полезно отступить на шаг назад и напомнить защищаемые оппонентами позиции. В дискуссии со своими молодыми коллегами, имевшей место в 1970 году, Гадамер отстаивал свою концепцию «действенно-исторического сознания». Хабермас, возражая Гадамеру, очертил возникающие в связи с этим решением проблемы «универсализации герменевтического феномена» [5, с. 49]: соглашаясь на роль главного арбитра в исторических спорах, на позицию «философии философии», герменевтика оказывается нечувствительна к смене социальных норм и к конфликту интерпретаций. Решение, предлагаемое Хабермасом в этой коллизии – дополнить действенно-историческое сознание рефлексией, исследующей нормативный аспект этого сознания.

Ответ Гадамера в этом споре был ссылкой на проблематичность предлагаемой мыслительной процедуры, поскольку рефлексия по поводу норм уже предполагает способность отличать «превращенное» сознание от подлинного, как если бы сама такая способность была свободна от предрассудков [6, с. 69–70]. Как кажется в этой тезисной реконструкции, дискуссия пошла по кругу, но в этом философском споре важны детали. Хорошо известно, что своеобразным лозунгом позиции Гадамера является критика идеологием эпохи Просвещения. Из «Истины и метода» мы вычитываем лейтмотив этой критики: отказ от «авторитетов» не есть отказ от «традиции». Из этого вытекает возвращение позитивного смысла понятию «предрассудки».

Но посмотрим внимательнее на то, как расставляет акценты Гадамер – например, в недавно пере-опубликованной статье 1952-го года «Задачи философии современности» [7]. Здесь достоинство герменевтической рефлексии не просто связывается Гадамером с возобновлением интереса к фундаментальным вопросам, а в значимом голосе, возвышенном герменевтикой в полемике разных философских подходов. В этом смысле, по мнению Гадамера, любая фи-

лософская традиция обременена определенным культурно-историческим контекстом, всегда вынуждена отвечать на неотложные вопросы современности: «...общественное сознание ожидает, что философия будет рассматривать идеологические конфликты нашего времени, помогать им, так сказать, новыми, более острыми, более удачными аргументами». Даже философская традиция, делающая выбор в пользу «органума» и «логистики» (позитивизм), в этом смысле не свободна от прояснения своих философских оснований» [7, с. 4].

В середине прошлого века, когда написана эта статья, Гадамер видит главную опасность в одномерности трактовки науки как основы нового мировоззрения. Оппонентом позитивизма в этом ложном движении могла бы стать метафизика. Но метафизика как признанный историей ответчик на этого рода вопросы двадцатым веком решительно оставлена в прошлом за свои теолого-онтологические предпочтения. Таким образом, место философии, отзывающейся на вызовы современности, в определенном смысле остается вакантным. Именно в этом проективном смысле Гадамер употребляет выражение «философия философии»: «Скорее, таким образом можно научно признать исключительно социальную функцию философии – то, что она означает как выражение социальной ситуации, как выражение времени, как выражение исторически развивающегося человечества. Это сводится к своего рода философии философии, которая сама больше не исследует то, что философия, как истинный объект своего исследования, призвана легитимизировать как высшие, всеобъемлющие истины» [7, с. 5].

Как видим, с потерей точного контекста выражения «философия философии» смещается весь контекст. Вряд ли, глядя на этот отрывок, можно утверждать, что Гадамер ратует за возврат прежней метафизической традиции. Наиболее близкие нам по времени интерпретации герменевтики Гадамера все сильнее оттеняют этот нормативно-динамический аспект понимания. Мирко Вишке называет главным вопросом герменевтики Гадамера проблему «почему понимание всегда разное» [8, с. 127]. В этом же ключе интерпретирует проект Гадамера выше упомянутая коллективная монография «Открытые вопросы». Фахундо Бей (Facundo Bey) видит достижением Гадамера не дисциплинарное разведение «наук о человеке», а пере-описание поля напряжения между этикой, политикой и герменевтикой, обозначенное Гадамером еще в диссертации о диалектической этике Платона [9]. Открытость вопросов как особый модус герменевтического опыта выводит на первый план искомую форму философской рефлексии – со ссылкой на этико-диалектическую интерпретацию диалогов Платона: «уже Хайдеггер подчеркнул фундаментальную роль реляционности (*pros ti*) в онтологии Платона в своих лекциях по софистам 1924–25 годов, рассматривая «общение» (*koinōnía*) *megista genē* как структурное выражение *Miteinandersein* в *Dasein*». Возвращаясь к спору Гадамера с Хабермасом по поводу социальных норм: герменевтика на примере диалогов Платона должна быть проинтерпретирована как «исследования того, как диалектика Платона может решить пробле-

му этики, не позволяя более широкой онтологической позиции Платона – теории идей – затмевать его исследование блага для человеческой жизни» [9, с. 429].

Источники:

1. Buchanan A. & Levinson E. Theories of Ideology: Origins, Development, and Prospects // *Social Philosophy and Policy* (2024), 41: 1, 13–43
2. Зенкин С. Вступительная статья // Барт Р. Мифологии / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. М.: Академический Проект, 2008.
3. Gadamer H.-G. Zurück von Syrakus? // *Die Heidegger-Kontroverse/ hrsg. von Jürg Altwegg. Übers. d. franz. Beitr. von Eva Groepler. Frankfurt am Main: Athenäum, 1988*
4. Hans-Georg Gadamer. Cuestiones Abiertas / Open Questions. Filosófica, Fundación de Estudios Filosóficos, Políticos y Culturales (Colección Filosófica Actual) & Editorial Universitaria de la Universidad Central Del Ecuador, 2025.
5. Habermas J. Zu Gadamer's «Wahrheit und Methode» // *Hermeneutik und Ideologiekritik. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1971.*
6. Gadamer H.-G. Rhetorik, Hermeneutik und Ideologiekritik, Metakritische Erörterungen zu «Wahrheit und Methode» // *Hermeneutik und Ideologiekritik. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1971.*
7. Hans-Georg Gadamer. Aufgaben der Philosophie in der Gegenwart. // *Philosophische Rundschau*, Vol. 66, No. 1 (2019), pp. 3–13
8. Wischke M. Platon und der Historismus. Ein neukantianisches Interpretationsmotiv bei Hans-Georg Gadamer. 2002. *Méthexis* 15 (1):125–143.
9. Facundo Bey. A phenomenology of the polis? Ethics, dialectic and hermeneutics in Gadamer's early interpretation of Plato // Hans-Georg Gadamer. Cuestiones Abiertas / Open Questions. 2025.

E. M. Ananieva (St. Petersburg State University)

SHOULD WE URBANIZ HEIDEGGER'S PROVINCE?

This paper examines the contemporary reception of Hans-Georg Gadamer's philosophical hermeneutics in the context of the problem of social normativity and the confrontation of ideologies. The similarities and differences between the solutions offered by hermeneutics and other philosophical approaches (structuralism, critical theory) are discussed. The dynamics of interest in this topic in recent publications are analyzed.

Philosophical hermeneutics, Hans-Georg Gadamer, ideology, political methodology

УДК 159.923.2:004.5

А. В. Апанин (Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: aleksandrapanin81972@gmail.com)

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ: АНАЛОГОВОЕ VS. ЦИФРОВОЕ

Работа исследует влияние ИИ на трансформацию идентичности европейского человека через сопоставление аналогового и цифрового пространств. Акцент сделан на изменениях в понятии «мышление» и феномене «цифрового заимствования», формирующем гибридные идентичности. Выявлены риски (фрагментация «Я», снижение когнитивной автономии) и возможности (расширение рефлексии, новые формы самовыражения). Поднимаются вопросы сохранения человеческой сущности в условиях технологической интеграции. Работа адресована специалистам в области цифровой философии и социокультурных исследований.

Идентичность, искусственный интеллект, аналоговое, цифровое, гибридное

Ни для кого не секрет, что большая часть современных людей перешла в пространство, окруженное новейшими атрибутами: от социально ориентированных маркетплейсов, электросамокатов до индивидуально прикладных умных колонок, часов и онлайн подписок. Или как бы выразился Элвин Тоффлер – «нас настигла очередная волна» [1].

А так как в период грядущих или совершенных изменений социально-культурного характера принято вновь осмыслять фундаментальные вопросы человеческого существа, и вышеперечисленные изменения вполне могут посягать на статус совершенных социокультурных феноменов, то вопрос человеческой индивидуальности так же является актуальным.

Аналоговая идентичность: телесность и непрерывный нарратив.

В рассмотрении причинности индивидуальности необходимо обозначить разделы атрибутов аналогового пространства вне оптики цифровизации. Их можно назвать следующим образом:

- 1) физический (к нему относятся природа, ощущаемое и телесное, жизнь и смерть),
- 2) пространственно-хронологический (это линейное время, индивидуальная и общественная память, единое пространство реализации),
- 3) феноменологический (отсутствие кодирования определенного опыта, возможность неизвестности, отсутствие и присутствие),
- 4) социокультурный (социальная и культурная опосредованность, государства, общества, национальности).

Опираясь на факторы аналогового пространства, можно постараться дать характеристику аналоговой идентичности: это в первую очередь физический субъект, наделенный способностью к мышлению, суждению, ощущениям, чувствам, восприятию и получению опыта. Аналоговый субъект так же наделен сознанием, способен к самосознанию и управлению собой самостоятельно, под воздействием собственной силы воли. Он относится к определенному полу, расе, национальности, культурному соотношению и находится в широком и узком обществе. Все перечисленное выше определяет понятие человеческой идентичности и работает в эмерджентности.

На чем же она строится, если опираться на феноменологические тезисы, культивирующие подтверждение существования? У Декарта это было фундаментально и сильнее всех остальных, в виду первичности. «Cogito ergo sum» – пролонгированный фундамент всей человеческой мысли, которые наряду с последующими тезисами подтверждал нахождение «самости» [2]. Непременно он в контексте аналоговой идентичности наиболее интересен к рассмотрению, так как указывает на характерную черту человека, отделяющегося и отличающегося от остальных сущностей и прочей «растительности». Более того, этот термин и в антропологическом рассмотрении дает человеку к объявлению границ своего собственного «Я». Ведь именно «Я» мыслю, а следовательно, и «Я», а не кто-то вместе, воедино со мной, существую. Принцип так же многогранен в своей сути: через его индивидуальность рождается универсальность. Если Я мыслю и, следовательно, существую, значит точно так же это относится и к другим людям. Многие столетия философов опираясь на «Когито» строили свои альтернативные выражения индивидуальности, кто-то был согласен, такие как Джордж Беркли «Esse est percipi» [3] (Быть – значит быть воспринимаемым), а кто-то видел неполноценность данной установки, например Фуко, указывая на дисциплинарные пространства, формирующие мышление [4].

Цифровая идентичность: алгоритм, суперпозиция и персистенция.

Говоря о цифровой идентичности, стоит поступить так же, как и с аналоговой версией: сначала рассмотреть пространство ее нахождения, а затем и сами характеристики, присущие этой форме «самости». Чем отличается цифровая среда, какие свойства ее обозначают?

Главным условием существования всех остальных разделов является техническая опосредованность среды, включающая такие характеристики как относительная алгоритмическая обусловленность, модульность и интерфейс. Следующим разделом в такой последовательности будет пространственно-хронологический: к нему относятся такие атрибуты как цифровой нарратив, временная пластичность, сетевая децентрализация. На третьем месте окажется раздел социокультурных прагматических атрибутов: цифровые нормы поведения, социальные роли, цифровая семиотика. Разумеется, охватить все атрибуты аналогового и цифрового пространств в рамках доклада представляется трудно достижимым, поэтому остановимся на представленных характе-

ристиках, тем более что они для рассмотрения идентичности более чем достаточны. Цифровая среда – это не просто «онлайн-версия реальности», а новый тип пространства с собственной логикой и атрибутами, из условностей которой формируется цифровая форма идентичности.

Стоит отметить, что, беседуя о цифровой индивидуальности, фундаментальными трудами для нас становятся «Симулякры и симуляция» Бодрийяра [5], «Жизнь на экране» Теркл [6] и Лучано Флориди «Четвертая научная революция» [7]. Разумеется, давая характеристику отдельно выделяемой цифровой идентичности необходимо подчеркнуть ее симулятивность. Исходя из этого факта цифровой версии приписываются такие характеристики как алгоритмическая опосредованность, копируемость, а также нахождение в персистенции и суперпозиции. Цифровая личность заключена в набор данных, находящемся в алгоритмическом коридоре, ее можно скопировать и вставить с детальной точностью, она нестираема, так как кэш и метаданные могут сохраняться в облачных носителях даже если пользователь захочет удалить страничку на ресурсе, что является фактором цифрового следа, а нахождение в суперпозиции обусловлено гомогенной дискретностью ее существования в различных источниках (соц. сети, куки файл, маркетплейсы и т. п.) из чего выходит, что она находится в нескольких состояниях одновременно.

Более того, с появлением ИИ конструирующая функция интернет личности и самопрезентация в цифровой среде посредством промтов становится еще более опосредованной алгоритмом. Возникновение языковой модели ставит перед учеными много различных вопросов. В том числе рассмотрение предыдущих тезисов, поднимающихся в аналоговой версии идентичности. Вернемся к Декарту. «Мыслю – значит существую». Данный тезис в текущем аналоговом, цифровом и гибридном пространстве уже не работает, это доказывает существование ИИ. Воспроизведение «глубокого мышления» в чате ГПТ является не столько самим фактом воспроизводства мысли, сколько поиска и структурирования информации, однако и поэтому текущий феномен можно назвать механическим мышлением без наличия сознающего субъекта и креативной функции. Это означает, что понятия «мышление» и «мысль» в наше время значительно трансформируется. «Когито» и ранее подвергалось критике, но сейчас она просто не может доказать собственную вторую часть относительно существования. Ведь если мыслю соответственно существую, значит и алгоритм, воспроизводящий мышление, является субъектом, способным осмыслить себя, и, следовательно, является экзистенциалом, а это неверное утверждение потому, что набор данных не способен к самосознанию, так как не является носителем сознания, а значит находится в форме объекта, что в декартовской парадигме является сомнительным и не удовлетворяет доказательство существования. Однако этот объект способен воспроизводить «мышление» путем алгоритмических вычислений, что не укладывается в понятие «Когито».

Итак, относительно тезисов, подтверждающих существование цифровой идентичности, нельзя сказать что-нибудь внятное ввиду того, что алгоритм из набора данных существует ирреально, а потому подобные выдвинутые тезисы были бы пошлостью. Но если постараться заключить тезисы аналогичные Декарту, то можно сказать, что Жульен Офре де Ламетри, французский врач, написавший трактат «Человек-машина» [8] в семантической рассматривании его работы оказывается поразительно точным. Тогда конкретным тезисом цифровой идентичности может стать, созвучный Декарту, литинский фразеологизм – «persistere est existens». Так как постоянство в сети есть понятие нестираемости, а если что-то не удалено из сети, то оно до сих пор существует.

Гибридная идентичность: синтетическая форма самости

Заводя разговор о сегодняшней форме идентичности человека, сошлюсь на прямую цитату Донны Харауэй из «Манифеста киборгов» 1985 года: «Все мы – химеры, теоретизированные и сфабрикованные гибриды машины и организма; короче говоря, мы – киборги» [9]. Гибридная идентичность, объединяя биологическое тело, аналоговую конфигурацию характера и цифровой след находится в постоянном аналогово-цифровом взаимодействии. Аналоговая идентичность делится с цифровым пространством своими жестами, голосом, телесностью – строит таким образом цифровую идентичность и получает биометрические данные, анализ которых в свою очередь позволяет конституировать и аналоговую самость. К примеру, фитнес браслет или умные часы, отслеживающие пульс, показывают период активности, состояния стресса, продолжительность сна, от обработки которых человек может заявить для себя определенное качество (например, я – человек с высокой активностью). Точно так же на более тонком уровне: к примеру, аналоговый экзистенциал заводит страничку в социальной сети, обозначающейся как цифровое пространство информационного поля, к которому человек подключается посредством цифровой личности, эта страничка в начале пуста, затем аналоговая личность заполняет ее в соответствии со своим желанием: по своему подобию, по собственному идеалу, вопреки аватаров конформизма и так далее.

С появлением ИИ человек столкнулся с новыми перспективами построения гибридной идентичности. Согласно теории расширенного разума Кларка и Чалмерса – «Мы не просто используем инструменты; мы включаем их в саму структуру наших когнитивных процессов» [10]. В гибридной идентичности мысль может начаться в уме и завершиться в алгоритме. Аналоговая личность использует чат ГПТ по уподоблению с калькулятором и заметками в телефоне которые выступают «внешним проявлением сознания», как внешнее мышление, внешняя память. При этом, gpt-ассистент оказывает влияние и на цифровую идентичность, и на аналоговую, как по отдельности, так и в гибридной взаимосвязи. С помощью возможностей нейросети человек уже сейчас может построить цифровое «Я» непосредственно от аналогового, кроме физических

кликов, сводящихся к минимуму. Кроме того, чат gpt так же подсказывает, как поступать и в аналоговом формате, влияя таким образом и на реальную идентичность. Конечно, возникновение ИИ затрагивает вопрос агентности и субъектности, но нисколько не подрывает теоретический базис. Нейросеть – агент, человек – субъект, пользующийся агентностью gpt в построении самого себя. Мы не просто пользуемся компьютерами, мы переосмысливаем себя через них, с их помощью и в их присутствии. В таком случае на чем будет строиться гибридная идентичность современного европейского человека? По аналогии с Декартом, гибридная идентичность существует тогда, когда находится в формате «Онлайнф», в понятии которого происходит синтез аналогового и цифрового.

Подытоживая все выше сказанное, хочется отметить, что перед научным сообществом стоят серьезные фундаментальные вопросы, к которым стоит подойти, объединив усилия программистов, философов, социологов и других специалистов. Является ли чат gpt проблемой подчеркивания индивидуальности человека? Заменит ли ИИ эмпирический опыт: книгу, наставника, как способ получения знания? Будет ли отказ от чрезмерной интеграции цифрового в аналоговое, так называемый феномен цифровой гигиены? Необходимо ли выделение применения ИИ исключительно под профессиональную, научную деятельность или его использование можно и нужно без ограничений оставить для широкого пользователя?

Отвечая на текущие вопросы, мы непременно укрепим почву для построения идентичности как для одного человека, так и для общественного сознания. Вышло ли человечество на новый ницшеанский уровень существования в виде наличия «сверхчеловека», наверное нет, но декартовское заявление сегодня точно преобразовалось из «Мыслю – значит существую» в «Мыслю, чувствую, действую, сознаю, эволюционирую, проявляюсь – следовательно, живу, а значит «Я» есть».

Источники:

1. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2018. 768 с.
2. Декарт Р. Медитации о первой философии // Сочинения. Т. 2. М.: Мысль, 1989. 511 с.
3. Беркли Дж. Трактат об основаниях человеческого знания // Сочинения. Т. 1. М.: Мысль, 1978. 607 с.
4. Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 2016. 496 с.
5. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М.: Постум, 2015. 256 с.
6. Теркл Ш. Жизнь на экране: Идентичность в эпоху интернета. М.: Вильямс, 2009. 352 с.
7. Флориди Л. Четвертая научная революция. М.: Альпина нон-фикшн, 2019. 320 с.
8. Ламетри Ж. О. Человек-машина. М.: Республика, 1994. 128 с.

9. Харауэй Д. Манифест киборгов: Наука, технология и социалистический феминизм в конце XX века // Искусство кино. 1999. № 3. С. 62–84.

10. Кларк Э., Чалмерс Д. Расширенный разум // Философские науки. 2010. № 2. С. 46–63.

A. V. Apanin (Saint Petersburg State University)

HUMAN INDIVIDUALITY: ANALOG VS. DIGITAL

The paper investigates the impact of AI on the transformation of European human identity through the comparison of analog and digital spaces. Emphasis is placed on changes in the concept of "thinking" and the phenomenon of "digital borrowing" which forms hybrid identities. Risks (fragmentation of the "Self", reduction of cognitive autonomy) and opportunities (expansion of reflection, new forms of self-expression) are identified. The paper raises questions about preserving human essence in the context of technological integration. The work is addressed to specialists in digital philosophy and sociocultural research.

Identity, artificial intelligence, analog, digital, hybrid

УДК 007.51

К. О. Атеев (Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики «ИТМО», e-mail: 307692@niuitmo.ru)

ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННЫЕ АВТОНОМНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК ФОРМА СЕТЕВОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ВЛАСТИ

Эмпирический анализ современных моделей коллективного управления в сетевой реальности, реализованных в концепции децентрализованных автономных организаций, выявляет разрыв между декларируемыми идеалами децентрализации и практикой распределения власти. На основе анализа моделей управления крупных протоколов и платформ для создания организаций показано, что формальное расширение участия не гарантирует справедливого влияния: власть остается сконцентрированной, вовлеченность низкой, а механизмы делегирования используются редко. Высокие транзакционные издержки и низкая активность пользователей указывают на незрелость реализации текущих подходов управления.

Коллективное управление, коллективные решения, децентрализованные автономные организации, децентрализация

Коллективное принятие решений, реализованное в концепции децентрализованных автономных организаций, (ДАО) представляет собой одну из наиболее ярких направлений формирующейся сетевой реальности, где технологические инфраструктуры блокчейна становятся основой для новых форм коллективного управления и принятия решений. Декларируемые идеалы ДАО, такие как прозрачность, инклюзивность и децентрализованность власти, противопоставляются традиционным иерархическим структурам управления, предлагая модель, в которой каждый участник может иметь голос и напрямую влиять на организацию. Однако эмпирические исследования, включая анализ крупных протоколов в сети Ethereum, таких как Uniswap, Compound, ENS и платформ для создания ДАО, демонстрируют сложную и зачастую противоречивую картину. Использование метрик оценки децентрализации, энтропии и разнообразия позволяют выявить существенный разрыв между декларируемыми принципами и распределением власти на практике [1, с. 64]. Возникает противоречие, которое можно интерпретировать как широкое участие без фактической возможности управления: при высоком уровне распределенности участников в механизмах голосования наблюдается значительное неравенство в распределении реального влияния [2, с. 3]. Примером служит протокол для бессрочных торгов dYdX, где формально реализован механизм делегирования, позволяющий реализовывать широкое управление участников. Однако в то же

время эмиссия токенов управления, отражающих силу голоса участника, остается чрезвычайно сконцентрированной, что приводит к сохранению централизованного контроля над процессами принятия решений. Это свидетельствует о том, что формальное расширение числа участников в системе управления не гарантирует справедливого распределения власти. В условиях децентрализованных организаций возможна ситуация, когда «демократизация» формальных процедур не сопровождается реальным увеличением степени влияния [3].

Исследование автономных моделей управления крупных протоколов и популярных платформ для их создания, таких как DAOhaus, Aragon и DAOstack, раскрывает ключевую диалектику в развитии децентрализованных автономных организаций: противоречие между стандартизацией и адаптивностью. С одной стороны, платформы служат мощным инструментом широкого доступа к децентрализованному управлению, снижая технические барьеры для создания новых организаций. В частности, они позволяют пользователям быстро разворачивать функциональные ДАО без написания кода, используя предварительно протестированные шаблоны. С другой стороны, эти же шаблоны, будучи оптимизированными для простоты и масштабируемости, приносят с собой системные ограничения, которые способствуют воспроизведению паттернов централизованных моделей власти даже в формально децентрализованных экосистемах. Крупные протоколы имеют гораздо более широкое распространение участия и используют собственные модели управления, хоть и основанные на стандартах.

Анализ поведения участников DAOhaus выявил системный уровень низкой вовлеченности в процесс управления. В 75,3% исследованных организаций за весь период существования было выдвинуто от 0 до 5 предложений. В 86% организаций решения принимаются в условиях ограниченной активности, где группа от 0 до 5 участников принимают фактически все управленческие решения. В этих условиях 94% всех голосов ДАО являются положительными, что маскирует высокую степень централизации влияния в руках небольшой группы активных участников. В относительно более крупных организациях платформ существует тенденция на снижение регулярной активности в голосовании, что указывает на глубокую диспропорцию между числом зарегистрированных участников и реальным уровнем вовлеченности в управление. Средний процент участников организаций в DAOhaus, имеющих силу голоса, составляет 96.2%, при этом средний процент голосующих на одно ДАО 31.2% [4, с. 20].

Эмпирический анализ платформы Aragon выявляет значительный разрыв между формальными показателями масштаба и реальными практиками управления. При наличии 2 069 зарегистрированных ДАО в экосистеме, лишь около 100 организаций проявляют ежемесячную активность, что составляет менее 5% от общего числа. Более показательная динамика наблюдается на уровне пользовательского участия: из 58 681 участников только 330 ежемесячно активны, формируя крайне низкий показатель реального участия в управлении на уровне 0.56% [5, с. 16]. При этом процент одобренных предложений достигает 92% в

DAOhaus против 74% в DAOstack, что отражает влияние дизайна моделей управления на исход голосований. Особый интерес представляет роль делегирования в системе управления ДАО. Механизмы делегирования, заимствованные из моделей жидкой демократии, теоретически способны снизить барьеры для участия и повысить эффективность принятия решений. Однако на практике они используются ограниченно. В ДАО механизмы делегирования силы голоса часто остаются незадействованными. Только 1% участников платформы DAOhaus используют функцию делегирования. В большинстве протоколов делегаты выступают как представители индивидуальных крупных держателей, а не как автономные или общественные агенты, действующие в интересах сообщества. Исключение составляют лишь ENS, Gitcoin и Hop, где около половины голосующих прав фактически контролируются так называемыми «общественными делегатами», то есть лицами, работающими в интересах широкой аудитории, а не частных инвесторов.

Важным экономическим аспектом функционирования ДАО в сетевой реальности являются транзакционные издержки. Выполнение операций голосования и делегирования в публичных блокчейнах, таких как Ethereum, сопряжено с существенными комиссионными затратами сети, которые могут достигать миллионов долларов на широком масштабе. Подобный уровень затрат характерен для функционирования существующих автономных систем управления крупных протоколов. Модифицированные методы трансфера токенов управления добавляют дополнительную операционную нагрузку к каждой транзакции, что для Uniswap вылилось в дополнительные 3 миллиона долларов затрат участников. Для ENS общая стоимость управления составила 7.7 миллионов долларов. Затраты становятся скрытой ценой децентрализации, что ставит вопрос о целесообразности использования on-chain механизмов для всех типов решений. При этом существенное количество произведенных транзакций управления являются бессмысленными: до 30% голосов в ENS и 47% голосов в Uniswap имели вес менее 1 токена [3, с. 10]. Это свидетельствует о незрелости экосистемы и непонимании механизмов управления значительной группой пользователей. Эмпирические данные отражают ситуацию, где ДАО как сетевая реальность воспроизводит традиционные модели централизации через пассивность большинства, высокие барьеры эффективного участия и экономические ограничения. Технологическая децентрализация не приводит автоматически к организационной децентрализации, требуя перепроектирования механизмов управления для достижения подлинной децентрализации управления.

Таким образом, децентрализованные автономные организации как форма коллективного управления в сетевой реальности демонстрируют сложный и многогранный ландшафт распределения власти. Несмотря на технологический потенциал для создания более справедливых и открытых систем управления, на практике ДАО сталкиваются с проблемами асимметрии влияния, низкой вовлеченности и высоких операционных издержек. Эмпирический анализ позволяет выявить подобные паттерны, чтобы учитывать их при проектировании

более сбалансированных и устойчивых моделей для принятия коллективных решений, сочетающих технологические инновации с глубоким пониманием социальной динамики. Дальнейшее развитие децентрализованных автономных организаций как сетевых форм будет зависеть от способности сообществ преодолевать внутренние противоречия и находить компромисс между идеалами распределения влияния и требованиями эффективности.

Источники:

1. Готская И. Б., Атеев К. О. Исследование распределения контроля и метрик разнообразия в децентрализованных автономных организациях // Экономика. Право. Инновации. 2024. № 3. С. 60–67.
2. Fritsch R., Muller M., Wattenhofer R. Analyzing voting power in decentralized governance: Who controls DAOs? // Blockchain: Research and Applications. 2024. Vol. 5(3). P. 100208. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2096720924000216> (дата обращения: 10.11.2025).
3. Feichtinger R., Fritsch R., Vonlanthen Y., Wattenhofer R. The Hidden Shortcomings of (D)AOs – An Empirical Study of On-Chain Governance. // Financial Cryptography and Data Security. 2024. Vol. 13953. P. 165–185.
4. Атеев К. О. Исследование фабричных механизмов daohaus для управления децентрализованными автономными организациями // Современные наукоемкие технологии. 2025. № 9. С. 16–21.
5. Faqir-Rhazoui Y., Arroyo J., Hassan S. A comparative analysis of the platforms for decentralized autonomous organizations in the Ethereum blockchain // Journal of Internet Services and Applications. 2021. Vol. 12(9). P. 1–20.

K. O. Ateev (Saint Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics «ITMO»)

DECENTRALIZEDAUTONOMOUS ORGANIZATIONS AS A FORM OF ONLINE REALITY: AN EMPIRICAL ANALYSISOF POWER DISTRIBUTION

An empirical analysis of contemporary models of collective governance in online reality, implemented in the concept of decentralized autonomous organizations, reveals a gap between the declared ideals of decentralization and the practice of power distribution. Based on an analysis of governance models of large protocols and platforms for creating organizations, it is shown that formal expansion of participation does not guarantee fair influence: power remains concentrated, involvement is low, and delegation mechanisms are rarely used. High transaction costs and low user activity indicate the immaturity of the implementation of current governance approaches.

Collective governance, collective decisions, decentralized autonomous organizations, decentralization

УДК 174, 179

С. С. Баженов (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: ssbazhenov@etu.ru)

ГРАНИЦЫ ЭТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ: ОПЫТ СРАВНЕНИЯ МОРАЛЬНОГО БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Сопоставление естественного и искусственного интеллекта само по себе представляет интересный вопрос с точки зрения этического анализа. Связь прослеживается не только в морали, но и в особых свойствах бытия человека и вычислительных систем. В работе приведены элементы морального бытия и выделены значимые проблемы, формирующие онтологический разрыв, выступающий препятствием для становления и существования искусственного интеллекта как нравственного субъекта.

Искусственный интеллект, естественный интеллект, мораль, моральный плюрализм, моральное сознание, антропология ИИ

На конференции 2015 года, посвященной проблеме моральной ответственности А. А. Гуссейнов утверждает, что цель этики не описывать сущее, а говорить о должном [1]. Вынеся за скобки дискуссионность подобной позиции, можно упростить ее до тезиса «этика должна говорить о должном», то есть формулировать моральную систему или императивы. Продолжая рассуждая о поведении человека, следует, что этическая система выступает в качестве системы программ или установлений, организующих поведение человека, выполняя которые общество будет считаться совершенным или идеальным. Однако, подобного состояния не наблюдается, что, вероятнее всего, вызвано двумя причинами: во-первых, многообразием этических систем, в которых один и тот же поступок, может интерпретироваться по-разному, а, во-вторых, существованию индивидуальной моральной практики, в которой поступок может быть оправдан, особенно в условиях противоречия моральных норм в ходе решения конкретной жизненной задачи. В этой связи особый интерес представляет попытка выстроить систему программных ограничений, которая может быть названа «моралью» искусственного интеллекта (далее ИИ). Вопрос, не в том возможно это ли нет на текущем уровне развития описываемой технологии, а какие фундаментальные проблемы мешают достичь подобный результат, который хотя бы в некоторой степени приблизился к морали человека. То есть, в текущей версии это не просто видится труднодостижимым, а не возможным принципиально. Для большей содержательности, отбросим иные причины и сконцентрируемся только на проблеме обучения морали в сравнении человека и искусственного интеллекта.

Первым значимым элементом в этой связи являются биологические основания морали, о которых пишет Ф. Де Вааль [2]. Получается мораль при-суща человеку не как элемент, обусловленный культурой, она опирается на биологический фундамент поведения, и усложняется с появлением второй знаковой системы. К животному этапу становления человека относятся две формы поведения альтруистическое и эгоистическое [3], которые также могут выступать в качестве основы для морали, а также подвергаться оценке как «правильные» и «неправильные» формы поведения. К этому же направлению можно отнести фундаментальные элементы психики, такие как, например, скорость нервных процессов или иные индивидуальные отличия в строении и функционировании нервной системы, что в совокупности с опытом приводят к многообразию людей, и, как следствие, многообразию поступков и субъективности внутреннего мира, то есть в итоге индивидуализация морали естественный элемент существования человека.

При этом мораль, не индивидуальна, она стремится к универсальности, за счет надындивидуальных элементов бытия человека. Во-первых, опыт жизнедеятельности в коллективах, порождает не только социальное взаимодействие в практическом плане, но и создает условия для выработки системы общих представлений о добре и зле, о правильном и неправильном. Коммуникация о морали, лишь усиливает этот эффект, поступок соотносится с некоторой сложившейся системой, что указывает на его коммуникативную природу, отмечаемую Ю. Хабермасом [4]. Также мораль существует в контексте культуры, которая с одной стороны представляет обширное пространство дискурса о должном, а с другой выступает в качестве бесконечной библиотеки историй, в которых герои выступают в качестве субъектов принятия решений о балансе добра и зла, и несут ответственность за совершенные поступки.

Подводя промежуточный итог, можно сказать что в процессе развития человек не просто существует в готовой моральной системе, но формирует моральное сознание, которое по мнению О. Г. Дробницкого представляет собой сложную [5]. В этой связи обучение морали не сводится к отдельному событию, процессу или явлению, а является элементом бытия и проходит становление, как и сам человек. Ужа на данном этапе легко отметить, что для обучения ИИ морали, потребуется подобный многоплановый путь, который включает не просто доступ к нормам и образцам, что возможно при применении разных способов обучения, но главное понимание сути морали, а также бесконечном проживании и обсуждении моральных фактов, включая перенесении их на «себя», в соответствии с «золотым правилом нравственности»: поступай с другим так, как ты бы хотел, чтобы поступали с тобой. Эту известную с детства каждому человеку максимум, невозможно перенести на ИИ, поскольку ему неизвестны боль, обида и горечь утраты.

Обучение систем ИИ интеллекта в настоящий момент разнообразно. В качестве основных направлений рассмотрим классификацию, приводимую С. Расселом и П. Норвигом [6]:

- обучение на основе наблюдений;
- статистические методы обучения;
- глубокое обучение;
- обучение с подкреплением.

За всеми способами сокрыты вычисления и алгоритмы, что позволяет находить приближенный ответ, но принципиально отличается от обучения человек. В обоих случаях используется слово обучение, однако онтологически речь идет о разных процессах, даже если результат выглядит очень похоже или идентичен. В случаях ИИ под вычислением, понимается подбор наиболее вероятного ответа или наиболее соответствующего по предыдущим элементам, фактически речь идет об приближении, то есть аппроксимации. Продолжение подобных вычислений на несколько итераций дает правильные или приближенные ответы, однако если вычислительная система совершает большее количество операций, или учится с подкреплением, на начинает накапливать ошибки, даже в случае использования рекуррентных вычисления. В качестве показательного примера, можно привести чат-ботов Боба (Bob) и Элис (Alice), которые в процессе разговора начали отклоняться от темы и говорить на непонятном испытуемым языке [7]. Такое искажение языка не есть признак проявления сознания, но все же актуализирует вопрос о понимании ИИ человеком, что в описываемом случае выражается в смещении правил использования элементов известного языка, а в общем виде восходит проблеме понимания иного разума. Искажения и фантазии, демонстрируемые различными моделями ИИ, показывают несовершенство вычислительных моделей и ставят вопрос о потенциальной возможности «правильных» вычислений. Как известно: «*errare humanum est*», что уж говорить о вычислениях, построенных на принципах, взятых у природы. Следовательно, время и отбор указывают на проверенные способы совершенствования, и делают проблему не решаемой лишь в ближайшем будущем.

Отходя от проблемы вычисления обратим внимание еще на ряд важных в контексте рассуждения замечаний. Во-первых, нравственная личность, не совершенствует принципы до бесконечности. Чаще наблюдается их выполнение или не выполнение, нормы, принципы, идеалы и ценности – составляющие элементы морального сознания могут меняться, однако это происходит не быстро, и чаще всего незаметно для субъекта. При этом человек может совершать поступки, нарушающие нормы или не соответствующие принципам, если существуют противоречия, которые отмечаются в моральных дилеммах. То есть моральный субъект может совершать аморальный поступки, но часто после этого терзается муками совести, и наоборот, ИИ старается совершать поступки в соответствии с программой, а если действие выходит за нее, то не озабочен рефлексией по этому поводу. Во-вторых, как отмечалось ранее, че-

человек осуществляет моральное бытие, в ходе которого происходит становление и развитие морального сознания с одной стороны, а также коммуникация о добре и зле с другой. ИИ подобное не доступно, как с позиции диалога с человеком, так и с позиции диалога о морали с другим ИИ. В-третьих, существует феномен «двойной морали», в случае перехода из одной социальной системы в другую, что позволяет человеку понимать контексты, и переключать систему допустимого и нежелательного в зависимости от окружения.

Подводя итог вышесказанному, отметим имеющийся фундаментальный разрыв, морального бытия человека и ИИ. Имеющаяся цель закладывания основ морали в вычислительные системы в виде норм или принципов видится спорной с точки зрения цели, поскольку, с одной стороны, претендует на моральный абсолютизм, который плохо работает в условиях наличия противоречий между разными правилами. С другой стороны, для осуществления морального поступка необходимо понимание контекста, в противном случае, происходит приближение к результату или попытка его спрогнозировать, но не истинно добродетельный поступок. В-третьих, на повестке дня вопрос о демаркации моральных и практических дилемм, который человеком решается на основании опыта и нравственного чувства, а ИИ не воспринимается вообще, поскольку оба случая могут быть формализованы и посчитаны. Во всех случаях, несовершенство вычислительных моделей на текущем этапе развития технологии ИИ видится неустранимым.

Источники:

1. Гуссейнов А. А. О состоянии современной отечественной этики // Проблемы этики: Философско-этический альманах. Вып. V. Ч. I. / Под ред. А. В. Разина, И. А. Авдеевой. М.: Издатель Воробьев А. В., 2015. С. 218–237.
2. Вааль де Ф. Истоки морали: В поисках человеческого у приматов. М.: Альпина нон-фикшн, 2017.
3. Дольник В. Р. Непослушное дитя биосферы. Беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей. СПб.: ЧеРо-на-Неве, Паритет, 2003.
4. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000.
5. Дробницкий О. Г. Моральное сознание и его структура // Вопросы философии. 1972. № 2. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=179 (дата обращения: 08.12.2025).
6. Рассел С., Норвиг П. Искусственный интеллект: современный подход, 4-е изд. Т.3. Обучение. Восприятие. Действие. СПб.: ООО «Диалектика», 2021.
7. A Facebook chatbot recently created its own non-human language. WEForum // URL: <https://www.weforum.org/stories/2017/06/a-facebook-chatbot-recently-created-its-own-non-human-language/> (дата обращения: 08.12.2025).

S. S. Bazhenov (*Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»*)

**BOUNDARIES OF ETHICAL COMPETENCE: AN EXPERIENCE OF
COMPARING HUMAN MORAL BEING AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE**

The comparison of natural and artificial intelligence is in itself an interesting question from the perspective of ethical analysis. The connection can be traced not only in morality but also in the unique properties of human existence and computing systems. The work presents elements of moral existence and highlights significant problems that form an ontological gap, which acts as an obstacle to the development and existence of artificial intelligence as a moral subject.

Artificial intelligence, natural intelligence, morality, moral pluralism, moral consciousness, anthropology of AI

УДК 316

А. В. Бакулин (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: bakulin.sanya2014@yandex.ru)

КАРЬЕРНЫЕ СТРАТЕГИИ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ДОПОЛНЕННОЙ СОВРЕМЕННОСТИ: ИНТЕГРАЦИЯ ИНСТИТУТОВ И ИНТЕРАКЦИЙ КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 24-18-00261 «Социоструктурная модель перехода российского общества в режим дополненной современности».

Статья рассматривает карьерные стратегии студентов в условиях дополненной современности через призму интеграции институтов и интеракций. Особое внимание уделяется внутреннему признанию в рамках организационной иерархии, а также гибридной динамике, где формальные структуры и повседневные взаимодействия взаимно обуславливают профессиональное развитие. Показано, как баланс между институциональными рамками и интеракционными практиками позволяет студенту формировать устойчивую карьерную траекторию, сочетающую формальные достижения и субъективное ощущение признания.

Карьера, студенты, институты, интеракции, профессиональное признание, социальные практики, цифровизация, дополненная современность

Современный мир формирует уникальные условия для профессионального становления студентов. Дополненная современность создает пространство, в котором формальные структуры, институты и повседневные практики взаимодействия, интеракции взаимно переплетаются, формируя гибридные стратегии карьерного развития [1, с. 71]. Институты задают рамки, легитимизируют достижения и обеспечивают формальное продвижение, тогда как интеракции создают микродинамику профессиональной идентичности и обеспечивают субъективное чувство признания [2, с. 156]; [3, с. 146].

Для студентов карьерный путь – это не только восхождение по формальной иерархии компании или организации, но и участие в сложной сети социального признания, где значимость определяется не только должностью, но и уровнем доверия, влияния и взаимного уважения со стороны коллег и наставников [4]. Стремление к внутреннему признанию становится важным мотиватором: оно позволяет ощущать себя полноценным участником профессионального сообщества даже в условиях динамических и цифровых изменений [5], [6].

Карьерные стратегии современных студентов нельзя рассматривать исключительно через призму формальных институтов или интеракций. В действительности эффективная стратегия строится на их интеграции. Институты создают правила игры: формальные оценки, требования к квалификации, стандарты продвижения и профессиональные регламенты. Интеракции же позволяют студенту включаться в сообщество, развивать профессиональные компетенции, выстраивать доверительные отношения и получать нематериальное признание, которое зачастую важнее формального повышения [7, с. 283]; [8, с. 92].

Важность интеграции проявляется в том, что формальное продвижение без поддержки интеракций может оставлять ощущение профессиональной изоляции. Студент может обладать всеми официальными документами и квалификациями, но без признания коллег и руководителей он ощущает недостаточную вовлеченность и невозможность реализовать свой потенциал. С другой стороны, активные интеракции без институциональной поддержки не дают карьерной устойчивости: студент может быть признанным и востребованным внутри локальной группы, но не иметь доступа к формальным ресурсам и карьерным возможностям.

Таким образом, успешная карьерная стратегия формируется в момент пересечения институтов и интеракций. Формальная структура организации предоставляет пространство и правила, в которых интеракции обретают смысл и ценность. В свою очередь, интеракции оживляют институциональные рамки, создавая эмоциональное и социальное подтверждение профессиональной значимости. В условиях цифровизации эта взаимосвязь становится еще более очевидной: платформы фиксируют результаты формальной деятельности и одновременно создают пространство для интеракций, коллаборации и обмена опытом.

Внутреннее признание как центр карьерной динамики

Ключевым элементом интеграции институтов и интеракций является внутреннее признание, ощущение ценности собственных усилий и компетенций внутри группы или организации. Для студентов это означает, что карьерная стратегия ориентируется не только на формальное продвижение по должностной лестнице, но и на формирование прочных социальных связей, которые подтверждают профессиональный статус и идентичность [9].

Внутреннее признание проявляется в нескольких формах: доверие наставников, поддержка коллег, возможность влиять на решения группы, участие в значимых проектах. Оно не противоречит существованию формальной иерархии, а скорее дополняет ее: студент понимает, что продвижение по должностной лестнице – это только часть профессионального признания, а интеграция в коллектив, участие в интеракциях и признание коллег создают полноценное ощущение профессиональной ценности.

Таким образом, институциональные рамки и интеракции создают взаимно поддерживающий контекст, где формальные достижения становятся зна-

чимыми только в сочетании с субъективным признанием. Это особенно важно в условиях дополненной современности, когда границы между физическим и цифровым взаимодействием стираются, и карьерная траектория определяется не только позициями в иерархии, но и активностью в сетях, проектах и виртуальных сообществах.

Практическая значимость интеграции институтов и интеракций

Понимание интеграции институтов и интеракций позволяет студентам и организациям строить более устойчивые стратегии карьерного развития. Для студентов это означает необходимость:

- Осознанного участия в институциональных процедурах: оценках, сертификациях, формальных проектах.

- Развития интеракционных навыков: коммуникации, наставничества, участия в командах, сетевых проектах.

- Баланса между формальным продвижением и получением внутреннего признания в профессиональном сообществе.

- Освоения цифровых платформ как инструментов для интеграции формальных и неформальных карьерных ресурсов.

Для организаций и университетов это подразумевает создание условий, где студенты могут одновременно ориентироваться на формальные требования и участвовать в интеракциях, формирующих чувство профессиональной ценности. Это требует не только обновления институциональных норм и регламентов, но и внимания к микродинамике взаимодействий, наставничеству и сетевым практикам.

Карьерные стратегии студентов в условиях дополненной современности формируются на пересечении институтов и интеракций. Институты обеспечивают структурирование, легитимируют достижения и создают формальные возможности, а интеракции оживляют эти рамки, предоставляя внутреннее признание, социальную поддержку и эмоциональное подтверждение профессиональной ценности.

Успешная стратегия – это не только продвижение по иерархии, но и баланс между формальной карьерой и ощущением собственной значимости внутри профессионального сообщества. Интеграция институтов и интеракций становится критически важной для формирования устойчивой, гибкой и адаптивной профессиональной траектории, обеспечивая гармоничное развитие компетенций, признание коллег и личное удовлетворение от профессиональной деятельности.

Источники:

1. Deriugin P., Bannova O. Students' Values of Various Training Profiles in the Digitalization of Society Context: Results of an Empirical Study // Discourse. 2022. Т. 8. С. 68–80. DOI 10.32603/2412-8562-2022-8-5-68-80.

2. DiMaggio P. J., Powell, W. W. The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields // *American Sociological Review*. 1983. Vol. 48, No. 2. P. 147–160.

3. Жуковская О. Ю. Социальный капитал и социальные сети в условиях цифровизации: взаимовлияние и особенности реализации // *Цифровая трансформация*. 2020. № 4 (13). С. 21–33. DOI 10.38086/2522-9613-2020-4-21-33.

4. Wasserman S., Faust K. *Social Network Analysis: Methods and Applications*. Cambridge University Press, 1994.

5. Халудорова А. В. Взаимосвязь ценностных и карьерных ориентации современных студентов // *Вестник БГУ. Образование. Личность. Общество*. 2010. №5.

6. Boat A. A., Miranda A. & Syvertsen, A.K. Enhancing Education and Career Pathways Through Peer and Near-Peer Social Capital. *J Youth Adolescence* 51, 1287–1304 (2022). <https://doi.org/10.1007/s10964-021-01540-x>

7. Emirbayer M. Manifesto for a Relational Sociology // *American Journal of Sociology*. 1997. Vol. 103, No. 2. P. 281–317.

8. Mead G. H. *Mind, Self, and Society*. Chicago: University of Chicago Press, 1934.

9. Жуковская О. Ю. Социальный капитал и социальные сети в условиях цифровизации: взаимовлияние и особенности реализации // *Цифровая трансформация*. 2020. № 4 (13). С. 21–33. DOI 10.38086/2522-9613-2020-4-21-33.

A. V. Bakulin (*Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»*)

CAREER STRATEGIES OF STUDENTS IN THE CONTEXT OF AUGMENTED MODERNITY: INTEGRATING INSTITUTIONS AND INTERACTIONS IN PROFESSIONAL DEVELOPMENT

The article examines students career strategies in the context of augmented modernity through the prism of integration of institutions and interactions. Special attention is paid to internal recognition within the organizational hierarchy, as well as hybrid dynamics, where formal structures and everyday interactions mutually determine professional development. It shows how the balance between institutional frameworks and interactive practices allows a student to form a stable career trajectory combining formal achievements and a subjective sense of recognition.

Career, students, institutes, interactions, professional recognition, social practices, digitalization, augmented modernity

УДК 800.92:519.682

Д. А. Белозуб (Санкт-Петербургский государственный экономический университет «СПбГЭУ», e-mail: daryabelozub75@mail.ru)

РОЛЬ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ В СОЗДАНИИ И ПОДДЕРЖАНИИ ПАРАСОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье рассматривается использование средств английского языка в процессе создания и поддержания парасоциальных отношений. Раскрывается значение формул вежливости в общении инфлюенсера со своей аудиторией. Анализируются англоязычные инновации сферы парасоциальных отношений, рассматриваются способы их образования и прагматический потенциал.

Парасоциальные отношения, языковые средства, инфлюенсеры, антропони-мы, формулы вежливости, прагматический потенциал, фанатские сообщества, коммуникативная стратегия

Вследствие растущей в течение последних пяти лет эпидемии одиночества и атомизации общества [1] актуальность парасоциальных отношений в его жизни стала очевидна и, как закономерный результат, обнаружилось растущее влияние упомянутого феномена на множество сфер, взаимодействующих с социумом, в ряду которых – политика, экономика, маркетинг и связи с общественностью. Лексема «parasocial» (рус. парасоциальный) стала словом года по версии Кембриджского университета [2]. Само явление «парасоциальных отношений» не является новым для науки, впервые оно было исследовано и описано на материале радио, телевидения и фильмов социологом Ричардом Волом и антропологом Дональдом Ортоном в конце первой половины XX-го века [3, с. 215].

Понятие «парасоциальные отношения» обозначает естественное следствие одностороннего парасоциального взаимодействия, т. е. иллюзии общения наблюдателя с пассивным объектом привязанности, которым является вымышленный персонаж, артист, актер как личность или в амплуа, ведущий шоу или инфлюенсер, любой человек [3, с. 218]. Данный тип отношений не обладает возможностью развития и находится под контролем наблюдателя, вольного прекратить их в любой момент, но ограничен объектом привязанности, который зачастую недоступен и не имеет понятия о существовании отдельного наблюдателя, но знает о существовании аудитории. Если объект не предпримет никаких реальных действий, то парасоциальные отношения не перетекут в социальные.

Закономерно то, что от качества парасоциальных отношений напрямую зависят доходы или их значительная часть в сфере шоу-бизнеса, блоггинга и

маркетинга, соответственно, объект парасоциальных отношений может быть заинтересован в их поддержании и интуитивно или намеренно придерживаться особых коммуникативных стратегий [4], реализуемых различными лингвистическими средствами. Несмотря на очевидность задействованности лингвистических средств в поддержании односторонней связи с неизвестным адресатом, в упомянутой конкретной функции они почти не освещались наукой, поскольку мера их воздействия с трудом поддается измерению. На настоящий момент не существует точной и адекватной шкалы измерения парасоциальных отношений, ввиду субъективности данного вида опыта, однако были попытки ее разработки.

Наиболее частотным и естественным языковым средством дискурсивной реализации парасоциальных отношений можно назвать различные формулы вежливости. К ним относятся приветствия и прощания, такие как «Hello everyone, welcome back to...», «See you later»/«See you next time», и обращения, например, «guys»/«you, guys», поскольку они гендерно-нейтральны и широко охватывают аудиторию (взрослые, пожилые, молодежь, женщины и мужчины), все приведенные фразы можно услышать в различном медиаконтенте, начиная от телевизионных шоу и заканчивая личными блогами. Поддержание связи с аудиторией и соблюдение социальных норм в виде обыденного взаимодействия сближает инфлюенсера с аудиторией, приветствующей своих коллег, друзей и знакомых при встрече и прощающей с ними ежедневно. Отдельные инфлюенсеры индивидуализируют формулы этикета в соответствии с собственным имиджем и чертами личности. Поздравления с юбилеями, национальными, сезонными, международными и личными праздниками также имеют место в качестве знаков внимания аудитории к инфлюенсеру и наоборот, но они не подходят под определение полноценной коммуникации.

В сфере блогинга активно функционируют лексемы, относящиеся к интернет-слэнгу и номинирующие людей, состоящих в парасоциальных отношениях: a delulu – делулу, a simp – симп, a stan – стэн, a fangirling – фангерлинг. Они происходят от смысловых глаголов, отсылающих к парасоциальным отношениям как к активному процессу: to keen – кинить, т. е. увлекаться чем-то или кем-то, to stan – стэнить, to simp – пренебр. симповать/симпить, to stalk – сталкерить (иронично или в негативном смысле), to fangirl, – пренебр. «фанатеть». Перечисленные глаголы объединяются семантическим признаком «быть привязанным к кому-то, увлеченным кем-то», тем не менее, их смысл и коннотации разнятся.

Так, выражение «to be delulu» происходит от слова delusional, при использовании этого выражения подразумевается, что погруженный в собственные фантазии фанат имеет неоправданные надежды на встречу/отношения с объектом привязанности, испытывает неоправданную ревность.

Лексема «simp» обозначает человека, чаще мужского пола, готового почти на любые траты и унижения, терпение пренебрежительного отношения

ради любимого инфлюенсера/стримера, то же касается неоправданных трат на продукцию мерчендайза.

Ранее слово «stan», возникшее из имени персонажа, сумасшедшего фаната из одноименного клипа рэпера Eminem'a, имело негативную коннотацию и номинировало одержимых поклонников, в жизни которых кроме увлечения кумиром нет никакого смысла, затем оно стало использоваться с положительной или нейтральной коннотацией, указывая на чрезмерный энтузиазм [5]. Схожая лексема «to stalk» в контексте парасоциальных отношений может подразумевать преследование, угрозы инфлюенсеру как в цифровом пространстве, так и в реальном мире, в нейтральном и ироничном смысле она означает активный мониторинг новостей и социальных сетей объекта парасоциальных отношений.

Некоторые лексические единицы переходят из религиозной сферы – idol, to worship, icon, iconic, что характеризует высшую меру привязанности к инфлюенсерам и их идеализацию, восприятие их недостижимости и принятие как объекта поклонения или подражания. В отношении последних двух слов можно сказать, что знаменитости рассматриваются как собирательный образ, с которым можно себя ассоциировать. Степень симулякра (термин Жана Бодрийяра) близости к объекту парасоциальных отношений может заставлять наблюдателя именовать их в общении как waifu/husbando, husband/wife material, то есть лексикой, обозначающей близкие родственные связи или перспективу романтического интереса.

Отдельное место занимают самоназвания поклонников определенных звезд или инфлюенсеров, к примеру, почитатели творчества Джастина Бибера называются «Beliebers», Рианны – Arianators, Селены – Selenators, Бейонсе поддерживают Beyhive. Подобные антропонимы в большинстве случаев окказионально создаются фанатским сообществом, а затем перенимаются объектом парасоциальных отношений. Аналогичным образом, ценители музыки поп-певицы Тэйлор Свифт называют себя Swifties, сама исполнительница, обнаружив данный факт, отреагировала, отметив его в интервью и посчитав знак привязанности фанатов «милым» [6]. Кроме того, поклонники придумали певице прозвище Tay (рус. Тэй), сокращение от ее полного имени.

Многие из указанных онимов происходят от имени или черты инфлюенсера/группы, ассоциации с собственно фанатской группой (army у группы BTS) или инфлюенсером (blackjacks у группы 2NE1), от фразы или какого-либо значимого для фанатов или инфлюенсера события. Такие инновации зачастую являются собирательными существительными или номинациями профессий и образуются при помощи суффиксов -zen (ntczen от группы NTC), -у, -ie (nevie от Neverland), -er, -ator, -lover, -ian и т. д. Они же являются наиболее продуктивными суффиксами, образующими новую лексику данной сферы, наряду с суффиксами прилагательных: -tic, -ic (ikonik от IKON), -у (kissy от U-KISS). Среди способов образования антропонимов для фанатских сообществ

(фандомов) можно уверенно назвать аббревиацию, субститутивную деривацию, лексические заимствования из контента, книг и фильмов [7].

В некоторых случаях встречаются комбинации нескольких способов словообразования, реализующие языковую игру: сокращение Blinks от группы BLACK PINK, где окончание -s маркирует множественное число, engene от группы Enhypen, корень -gene обозначает слово «ген», а при прочтении появляется каламбур, т. е. «engine», или ReVeluv от Red Velvet, где корень -luv, искаженное love, агглютинируется. Оригинальность самоназваний привела к актуальности вопроса о брендировании и праве интеллектуальной собственности в их отношении [8]. Отдельного внимания заслуживает графичность названий, что, возможно, сделано намеренно для броскости онима и его примечательности среди всех остальных, языковая игра делает название запоминающимся и узнаваемым, благодаря комическому эффекту, сопутствующему субститутивной деривации или, например, контаминации при словотворчестве [9].

Примечательно, что огромное количество названий фанатских сообществ независимо от языка или страны происхождения контента, созданного объектом внимания, создаются и узуально закрепляются на английском языке, передаваясь при общении на каком-либо другом языке трансплантацией, транскрипцией или транслитерацией. Вероятнее всего, подобное происходит по причине международного характера интернет-коммуникации, естественной потребности в общении на близкие темы и в расширении сообществ для поддержки или продвижения кумиров.

Конечной целью именования фанатских сообществ представляется их самоидентификация и манифестация с демонстрацией привязанности и интереса к конкретным личностям-объектам парасоциальных отношений. Созданные поклонниками антропонимы конвенциональны, остроумны, возникают случайно соответствуют образам инфлюенсеров и ассоциируются с ними. Среди способов образования антропонимов названий фанбаз находятся лексические заимствования, сокращение, агглютинация, субститутивная деривация и каламбуры.

Источники:

1. Мир захлестнула эпидемия одиночества. Чем она страшна и что сделать, чтобы перестать быть одному? // Новостное интернет-издание Лента.ру. URL: <https://lenta.ru/articles/2024/06/27/odinochestvo/> (дата обращения: 01.12.2025).
2. Кембриджский словарь выбрал слово 2025 года // Ежедневная деловая газета РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/18/11/2025/691c78539a7947f1-5a39490d> (дата обращения: 01.12.2025).
3. Horton D., Wohl R. Mass communication and para-social interaction; observations on intimacy at a distance // Psychiatry. 1956. Aug; 19 (3). С. 215-229.
4. Samadi S., Akhtar I. Parasocial Relationship in relation to the Impact of Social Media Influencers on Consumer Purchase Intention // ResearchGate.net. URL:

https://www.researchgate.net/publication/388907815_Parasocial_Relationship_in_relation_to_the_Impact_of_Social_Media_Influencers_on_Consumer_Purchase_Intention (дата обращения: 02.12.2025).

5. Stan. // Merriam-Webster.com dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/stan> (дата обращения: 03.12.2025).

6. Hopper A. A Look at the Phenomenon of Taylor Swift's Fanbase: the Swifties // American Songwriter. URL: <https://americansongwriter.com/a-look-at-the-phenomenon-of-taylor-swifts-fanbase-the-swifties/> (дата обращения: 03.12.2025).

7. Peyron D. Fandom Names and Collective Identities in Contemporary Popular Culture. // The Future of Fandom, special 10th anniversary issue, Transformative Works and Cultures, 2018. № 28. URL: <https://journal.transformativeworks.org/index.php/twc/article/view/1468/1923> (дата обращения: 02.12.2025).

8. Ribeiro A. C. Beyond music rights: how K-pop fandoms rally around intellectual property. // WIPO Magazine. URL: <https://www.wipo.int/en/web/wipo-magazine/articles/beyond-music-rights-how-kpop-fandoms-rally-around-intellectual-property-73531> (дата обращения: 02.12.2025).

9. Шаталова Ю. Н. Неузусальные способы создания новых слов в повседневной разговорной речи // Молодой ученый. 2009. № 2 (2). URL: <https://moluch.ru/archive/2/120>. (дата обращения: 02.12.2025).

D. A. Belozub (*Saint Petersburg State University of Economics «UNECON»*)

THE ROLE OF LANGUAGE MEANS IN THE CREATION AND MAINTENANCE OF PARASOCIAL RELATIONSHIPS

This article examines the use of English language tools in the creation and maintenance of parasocial relationships. It explores the importance of polite expressions in influencer communication with their audience. It analyzes English-language innovations in the field of parasocial relationships, discussing their formation methods and pragmatic potential.

Parasocial relationships, linguistic means, influencers, anthroponyms, politeness formulas, pragmatic potential, fan communities, communication strategy

УДК 81'41+811

Д. А. Белослудцева (Санкт-Петербургский государственный экономический университет, e-mail: d.belosludtseva@gmail.com)

МЕДИАРЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА RESPONSIBLE CONSUMPTION: КОРПУСНЫЙ ПОДХОД

В статье рассматриваются проблемы медиарепрезентации ценностей и их трансформации в рамках медиадискурса. Выделяются содержательные признаки концепта RESPONSIBLE CONSUMPTION в дискурсе британских СМИ, а также определяются основные дискурсивные модели репрезентации концепта.

Медиадискурс, концепт, ценность, дискурсивная репрезентация, коллокация

В фокусе современной дискурсивной лингвистики находится рассмотрение широкого спектра вопросов, связанных с медиатизацией ценностей и концептов, и особую нишу в данной научной деятельности занимает изучение языковой репрезентации лингвокультурных феноменов в рамках медиадискурса.

Дискурсивная реализация концепта в настоящее время во многом опирается на систему человеческих ценностей как таковую, а также их отражение в текстах СМИ. Таким образом, в фокусе нашего исследования находится лингвистическое описание содержательной специфики лингвокультурного концепта «разумное потребление» в его дискурсивной репрезентации в современных медиа Великобритании. Ценность разумного/ответственного потребления начала активно обсуждаться в СМИ развитых стран мира в последней четверти XX века, после того, как на конференции ООН по проблемам сохранения окружающей среды (5–16 июня 1972 г., г. Стокгольм) была впервые озвучена концепция устойчивого развития человечества. Ответственное потребление – это практика использования ресурсов окружающей среды таким образом, чтобы сохранить их для будущих поколений. Оно предполагает совместные усилия правительства, производителей, потребителей и других заинтересованных сторон по продвижению сознательного подхода к количеству и качеству потребляемого и разработке наиболее безопасных для экологии способов производства. В последние несколько десятилетий концепт осознанного потребления стал приобретать новые грани. В настоящий момент разумное потребление представляет собой одну из основных тенденций развития современного общества и оказывается тесно связанным с целым рядом новых представлений в области этики и эстетики. Так современные тренды концептуализируют отказ от чрезмерного потребления (англ. «overconsumption») как «красивую» линию

поведения. В ряде случаев можно наблюдать такие крайности в моделях поведения и ценностных интерпретациях как «эстетика недостаточного потребления», или «эстетика недопотребления» (англ. «underconsumption core»). Следуя данным идеологическим ориентирам и поведенческим паттернам, люди стараются довести экологическое потребление ресурсов до максимально высокого уровня экономии, следуя принципу «6 R's» – Reduce, Reuse, Recycle, Refuse, Rethink, Repair.

Концепт RESPONSIBLE CONSUMPTION становится одной из главных ценностей, формирующих современную экологическую и социально ориентированную риторику в англоязычных СМИ. Его медиарепрезентация предполагает отражение глобальных процессов, наиболее часто создающих экологическую повестку, в то числе усиление климатической угрозы, укрепление норм экологической ответственности, а также изменение общественных потребностей в экологичном образе жизни. Очевидно, в своем медийном воплощении концепт претерпевает определенную трансформацию (акцентуацию одних содержательных признаков и «затемнение» других), что впоследствии влияет на структуру одноименного концепта в его иных дискурсивных реализациях.

Согласно мнению Т. В. Шмелевой, *феномен медиатизации* необходимо рассматривать в социальном и личностном аспектах ее функционирования. При этом в первом случае «открывается характер изменений для общества в целом, управления им и организации его жизни», тогда как во втором «можно проследить изменения жизненного уклада личности, располагающей возможностями встроиться в современные коммуникации и существенно изменить характер своей жизни» [1, с. 146]. Таким образом, медиадискурс в значительной степени формирует представления о социально значимых феноменах, трансформируя их в соответствии с актуальной повесткой.

На данный момент в фокусе СМИ находится тенденция к интерпретации экологически ориентированных практик в качестве общественных норм, связанных коллективным действием и конструированием социального стандарта ответственного потребителя.

Процесс медиатизации регулятивных социально значимых ценностей не только позволяет вербализовать концепты, наполняя их новыми оценочными интерпретациями, но и конструирует и внедряет образы, способные оказывать воздействие на восприятие концептов обществом [2, с. 110]. Однако важно также отметить, что усиление воздействия образов на общественное сознание невозможно без определенных дискурсивных стратегий, направленных на формирование знаний и убеждений, а в дальнейшем и закрепление определенных норм в картине мира реципиентов. На данном этапе можем выделить такие дискурсивные стратегии, как концептуализация и категоризация ценностей, нарративизация, символизация, легитимация, где последняя реализуется при помощи подкласса дискурсивных стратегий: рационализация, нормализация, универсализация, дискредитация и делегитимация ценностей [3, с. 34].

Говоря о месте концепта разумного потребления в системе ценностей социума, целесообразно обратиться к типологии лингвокультурных концептов В. И. Карасика, согласно мнению которого, «содержательно все концепты можно противопоставить как параметрические и непараметрические ментальные образования» [4, с. 98]. Непараметрические концепты ученый предлагает разбивать на регулятивные и нерегулятивные, где к регулятивным ценностям принято относить «те ментальные образования, в содержании которых главное место занимает ценностный компонент» [4, с. 98]. «Ответственное потребление» на данном историческом этапе рассматривается как способ поведения, предполагающий использования доступных ресурсов таким образом, чтобы сохранить их для будущих поколений. Целью ответственного потребления является достижение основной цивилизационной ценности – высокого качества жизни, поэтому его целесообразно отнести к классу социально значимых регулятивных концептов. Не вызывает сомнений тот факт, что структура концепта в данном случае трехчастна и включает в себя понятийный компонент, мыслимый как знания о рациональном потреблении, аксиологический компонент, мыслимый как ценностные установки и поведенческий компонент, описывающий модели общественного поведения.

Данное исследование осуществлялось на материале британского сегмента корпуса англоязычных медиатекстов *News on the Web* общим объемом более 20,3 млрд. слов. Функции «Collocates» и «Word List» выступили в качестве инструментов, при помощи которых были выделены основные коллокации, репрезентирующие концепт RESPONSIBLE CONSUMPTION в британском сегменте корпуса NOW в период с 2010 по 2025гг. На данном этапе вводится понятие коллокации, которое, согласно Дж. Синклеру, представляет собой совместное появление двух или более лексических единиц в максимальном интервале единиц слева и справа от анализируемого слова [5, с. 115]. Использование корпусных данных позволяет сделать верифицированные выводы о наполнении исследуемого концепта, его лингвокультурной и социокультурной специфике, а также о динамике его развития в рамках того или иного дискурса.

Для проведения исследования на материале корпусных данных был создан запрос для поиска биграмм для левого контекста с ядерной лексемой *consumption*: 1) Adj + consumption, 2) V + consumption. В первые 30 по частотности биграмм, образованных по модели Adj + consumption, вошли (далее в скобках представлена статистическая мера MI, пороговой величиной которой считается 3.0): *conspicuous consumption* (12.24), *excessive consumption* (9.37), *increased consumption* (5.63), *safe consumption* (4.93), *moderate consumption* (6.92), *responsible consumption* (4.82), *sustainable consumption* (5.47), *conscious consumption* (6.62).

Проведенный анализ контекстов атрибутивных биграмм *responsible consumption*, *sustainable consumption* и *conscious consumption*, наиболее частотно репрезентирующих исследуемый концепт в британском сегменте корпуса NOW, показал, что концептуализация ответственного потребления в британ-

ских СМИ происходит в контексте повышения осведомленности общества о глобальной проблеме и необходимости коллективной вовлеченности в достижение общечеловеческой ценности:

*Research carried out in Brazil and worldwide has shown that **awareness of environmental concerns** has increased significantly (14.08.2016, The Guardian) ([6]); Through more than 30 hours of educational content for schools, Madar Farms **aims to raise awareness of the current environmental challenges** that are being faced today and solutions that can address them (27.02.2020, Zawya) ([6]); This involved selling the food to **raise awareness of responsible consumption** (26.12.2019, Sharing Best Practice) ([6]).*

Отметим также, что широкое распространение информации о необходимости применения стратегий экологичного поведения приводит к закономерной рутинизации данных практик: таким образом, «ответственное потребление» уже рассматривается не как нововведение, а как повседневная необходимость: *It looks for **everyday solutions to reduce our ecological footprint** by changing the way we produce and consume goods and resources (12.11.2020, PR Newswire) ([6]).* В данном случае рутинизация «ответственного потребления» реализуется при помощи дискурсивной стратегии нормализации ценности.

Закономерно, что нормативизация влечет за собой и морализацию ценности – потребление ресурсов концептуализируется в качестве этической обязанности как каждого отдельного гражданина, так и общества в целом: *His call for action to address over-consumption and building a UAE-wide **social norm around responsible and sustainable consumption** (29.11.2023, Zawya) ([6]).*

Однако также было выявлено, что за последние годы концепт ответственного потребления наполнился сравнительно новыми репрезентантами – лексемами, номинирующими процесс эстетизации осознанного потребления: *Second-hand fashion represents a shift toward more conscious consumption. **This trend** is not just about clothing – it's about redefining how we value fashion, making it more sustainable, ethical, and personal (14.10.2023, Varsity) ([6]); **The trend for more environmentally friendly services** becomes increasingly mainstream (15.10.2020, The Guardian) ([6]).* Медиатизация концепта отражается в восприятии умеренного потребления в качестве нового тренда – тенденции, следование которой является не только нормой, но и современной модой и привлекательным образом жизни.

Анализ корпуса демонстрирует, что лексема *consumption* образует широкий спектр атрибутивных моделей, отражающих различные ценностные и нормативные интерпретации: *sustainable, responsible, conscious, moderate, excessive, increased, circular consumption* и др. В медиа особенно продуктивны следующие механизмы: модализация (*must reduce consumption; need to shift to sustainable patterns*), глагольные репрезентации действия (*cut, limit, reduce consumption*), семантическая аттракция с лексикой целей и результатов (*to achieve, to reach targets*), интернационализация дискурса (связь с SDGs, COP28, национальными стратегиями).

Согласно данным, полученным на основании анализа корпуса, «ответственное потребление» интерпретируется в современных СМИ не только как экологический фактор (impact on resources, emissions), но и как экономический индикатор, социальная практика, объект регулирования, а также этическая категория, при этом стоит отметить, что одной из ключевых тенденций в данном случае выступает эстетизация ценности.

Таким образом, медиарепрезентация «умеренного потребления» и содержательная специфика анализируемого концепта отражает глубокие социальные трансформации и выступает важнейшим инструментом формирования экологически ориентированного поведения.

Источники:

1. Шмелева Т. В. Медиатизация как феномен современной культуры и объект исследования. // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, 2015. № 7 (90).
2. Ilyinova E. Yu., Kochetova L. A. Mediatization of artificial intelligence concept in the Russian language media discourse: corpus-based approach. // Science Journal of VolSU. Linguistics, 2024. Vol. 23. No. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediatization-of-artificial-intelligence-concept-in-the-russian-language-media-discourse-corpus-based-approach> (дата обращения: 23.11.2025).
3. Орлянская М.Н. Медиатизация ценности «экологическая безопасность» в англоязычных СМИ: корпусный подход: автореф. дис. канд. фил. наук: 5.9.6. / Орлянская Мария Николаевна. СПб., 2025.
4. Карасик В. И. Концепты-регулятивы. // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2005. Вып. 30.
5. Sinclair J. Corpus, Concordance, Collocation. Oxford: Oxford University Press, 1991.
6. English-Corpora.org – News on the Web (NOW). URL: <https://www.english-corpora.org/> (дата обращения: 10.12.2025).

D. A. Belosludtseva (Saint Petersburg State University of Economics)

MEDIAREPRESENTATION OF THE VALUE OF RESPONSIBLE CONSUMPTION: CORPUS-ASSISTED APPROACH

The article discusses the problems of media representation of values and their transformation within the framework of media discourse. The article highlights the substantive features of the value of RESPONSIBLE CONSUMPTION in the discourse of the British media, and defines the main discursive models of representation of the concept.

Media discourse, concept, value, discursive representation, collocation

УДК 177.5

М. Н. Бондарева (Сибирский Федеральный Университет, e-mail: lychkovskay@mail.ru)

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ: ЭВОЛЮЦИОННЫЕ КОРНИ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ

В работе анализируется происхождение и трансформация гендерных стереотипов в современном обществе. Показано, как эволюционные механизмы, основанные на разделении древних ролей между мужчинами и женщинами, формировали различия в навыках, поведении и нейрофизиологических особенностях полов. Особое внимание уделяется роли мифологических архетипов, коллективного бессознательного и культурной памяти в закреплении гендерных дуальностей и социальных ролей. Бинарность мужского и женского образов сохраняется благодаря глубоко укорененным историческим и религиозным моделям, но в условиях современных социальных изменений эти модели подвергаются переосмыслению и корректировке. Рассматриваются механизмы передачи и трансформации стереотипов, их влияние на самооценку, идентичность и социальные отношения.

Гендер, стереотипы, маскулинность, фемининность, мифологические архетипы, культурная память, гендерные роли, идентичность, социальные изменения, социокультурные факторы

Эволюционная психология объясняет различия между мужчинами и женщинами влиянием древних ролей: мужчины охотились и развивали пространственные навыки, а женщины заботились о потомстве и укрепляли социальные связи, совершенствуя коммуникативные способности. Современные нейрофизиологические исследования подтверждают эти различия: мужской мозг сильнее ориентирован на решение пространственных задач, женский – на речь и взаимодействие [1, с. 77]. Эти исторические особенности до сих пор формируют гендерные стереотипы, где мужчинам приписывают силу и самостоятельность, а женщинам – заботу и общительность.

Гендерные стереотипы имеют исторические корни, уходящие в мифологию, которая отражает коллективное бессознательное. Эти мифы важны для соединения рационального и символического в нашей социальной реальности, выявляя архетипические модели, укоренившиеся в культурной памяти человечества. Рассматривая мифологические системы, можно заметить, что они включают организованный набор характеристик, формирующих гендерные стереотипы. В этот набор входят стандартизированные образы мужского и женского, а также выражена внутренняя бинарная структура, возникающая

из самой сущности мифа как способа понимания и символической интерпретации реальности.

Мифологическое мышление формирует гендерные стереотипы, сакрализуя различия между полами через архетипы мужского и женского. Эти символические образы задают социальные роли и укрепляют бинарность как основу порядка и стабильности мира. Гендерная дуальность, заданная мифом, воспринимается универсально, придавая всему существующему мужские или женские черты. Семантические структуры мифов, насыщенные культурными архетипами, делают гендерные различия устойчивыми и значимыми для разных культур, хотя требуют специфической интерпретации.

Гендерные стереотипы нельзя разрывать с контекстом общества – они меняются под влиянием социальных процессов и отражают сложную систему властных отношений между мужчинами и женщинами. Символы пола выступают маркерами этих отношений, подчеркивая их иерархический характер. Как отмечала М. Виттиг, анализируя западную культуру, современные дискуссии расширили смысл «женского», добавив к нему не только традиционные черты, но и оттенки «другого» и «различного» [2, с. 65]. Благодаря этим процессам привычные образы мужчины и женщины постоянно прорастают новыми смыслами, переосмысливаются и дополняются: социологи констатируют, что в большинстве культур женское по-прежнему связывается с природой, хаосом, эмоциями и пассивностью, с идеями тьмы и пустоты, в то время как мужское символизирует порядок, свет, культуру, силу и деятельность. Эта контрастность лежит в основе гендерных стереотипов и предопределяет различные роли, поведение и качества, ожидаемые от представителей каждого пола.

В западной культуре традиционно доминирует дуалистическая система взглядов, где именно гендерные различия формируют противоположные социальные роли и символические смыслы. Эта двойственность особенно заметна в том, как связывают мужское с такими понятиями, как рассудок, свет, мораль и порядок, тогда как женское обычно ассоциируется с телесностью, мраком, хаосом и даже злом. Христианская традиция, основанная на древних библейских сюжетах, на протяжении веков играла ключевую роль в формировании европейских представлений о мужчинах и женщинах, закрепляя подобные противопоставления на уровне не только религиозной, но и социальной нормы. Исследователь Дж. Хантер, рассматривая образы женщины в иудейско-христианской традиции и взгляды Средневековья, выделяет три доминирующих культурных стереотипа: женщина как зависимая и подчиненная фигура, женщина как носительница деструктивного, и женщина как идеализированный объект поклонения [3, с. 7]. Эти устойчивые архетипы, возникшие в далеком прошлом, глубоко укоренились в коллективном сознании Запада, продолжая оказывать влияние на современные гендерные стереотипы и ожидания от женщин. Таким образом, определенные образы и представления о женственности до сих пор воспроизводятся в западном об-

шестве, сохраняясь как в институтах, так и в потаенных слоях культурной памяти. Их долговечность и значимость во многом обязаны исторической связи с религиозными и мифологическими истоками, благодаря которым эти модели женственности воспроизводятся из поколения в поколение.

Многие современные исследования, изучающие гендерные стереотипы, обращают особое внимание на то, как мужчины и женщины воспринимают друг друга. Так, например, социологи Дж. Макки и А. Шерифс [4, с. 356] отмечают, что представления о мужчинах зачастую связаны с чертами, такими как склонность к агрессии, стремление доминировать, авторитаризм и даже некоторый перебор с рациональностью, что проявляется в желании контролировать происходящее вокруг. Женщины же традиционно воспринимаются как более пассивные, эмоциональные и стремящиеся к сотрудничеству. Распространенным остается и убеждение, что женщины чаще занимают подчиненные позиции в отношениях с мужчинами, а также якобы не склонны к самостоятельным решениям. Однако подобная противоположность образов мужчин и женщин далеко не абсолютна. Современная психология пола обращает внимание на то, что устоявшиеся стереотипы все чаще утрачивают силу: большинство женщин стремятся к независимости, проявляют инициативу и отказываются воспринимать себя слабыми или зависимыми от мужчин. Соответственно, привычные образы женщины как слабой и пассивной все больше теряют актуальность и все чаще становятся полной противоположностью тому, к чему реально стремятся современные представительницы женского пола [5, с. 123].

Когда люди взаимодействуют друг с другом, принадлежность к разным социальным группам нередко становится почвой для дискриминации. При этом особое внимание зачастую уделяется каким-то внешним или ярко выраженным чертам, которые якобы отличают одну группу от другой, и эти различия нередко искусственно преувеличиваются. В то же время уникальность и разнообразие внутри каждой из групп зачастую игнорируются или полностью стираются. Все это не просто влияет на восприятие окружающих – такие процессы серьезно формируют наше представление о себе самих, своей идентичности, а также о других людях. В результате подобного искаженного восприятия складывается весьма однобокий взгляд на мир, появляются устойчивые стереотипы и предвзятые оценки целых социальных групп. Это, в свою очередь, может негативно сказаться на том, как мы строим отношения с другими и как воспринимаем реальность в целом.

Опираясь на идеи теории социальной идентичности, можно заметить, что подобная система стереотипов работает неслучайно: те положительные качества, которые обычно связывают с женщинами – как, например, умение сопереживать или поддерживать других, – начинают восприниматься скорее как своеобразная «компенсация» того, что они занимают менее престижные позиции в структуре власти. Однако важно понимать, что стереотипы о «теплоте» и эмпатии на деле не служат убедительным аргументом в пользу

настоящей профессиональной или социальной ценности и зачастую не находят подтверждения в реальной практике, а потому остаются лишь поверхностными образами. Если мужчинам приписывается больше лидерских и престижных характеристик, то женщины сталкиваются не только с недооценкой, но и с риском потери чувства единства внутри своей группы. Это может отражаться на самооценке женщин, подталкивая их к тому, чтобы перенимать ценности, доминирующие в мужской среде, или ориентироваться на мужские эталоны успеха, что затрудняет объективную оценку собственных достижений. В патриархальном обществе такие процессы только укрепляют позиции мужчин как представителей привилегированной группы, что выражается в устойчивой социальной иерархии, где женщины оказываются в подчиненном положении.

Процесс формирования гендерных стереотипов в научной среде объясняется как результат усилий каждого члена общества, где подобные установки закрепляются благодаря сложной системе коммуникаций и межличностных взаимодействий. Стереотипы не просто появляются внезапно – они аккумулируются поколениями, когда взрослые люди транслируют определенные представления о мужчинах и женщинах своим детям, а те в дальнейшем передают их уже следующему поколению. Так обеспечивается их долговечность и устойчивость: они становятся почти неотъемлемой частью понимания человеком своей гендерной идентичности и влияют на то, как люди ведут себя в обществе. В процессе общения гендерные стереотипы не только сигнализируют о социальном статусе, но и отражают особенности взаимодействий между мужчинами и женщинами, существующие в той или иной культуре и историческую эпоху. Бывает, что под влиянием новых обстоятельств или культурных сдвигов эти представления меняются или корректируются. Существенную роль в этом контексте играет понятие «гендерных репрезентаций», предложенное Ирвингом Гоффманом, который рассматривал их как специфические способы отображения мужчин и женщин на различных платформах для коммуникации и как совокупность смыслов, которую общество выводит из этих образов. Согласно Гоффману, подобные репрезентации можно считать своего рода культурными ритуалами, укорененными в определенном историческом контексте, которые задают рамки для оценки и восприятия гендера в обществе. Эти способы представления столь тесно вплетаются в структуру общения, что становятся основой того, как люди интуитивно определяют пол собеседника и дают ему характеристику – ведь половая принадлежность, по Гоффману, наиболее глубоко вписана в самоощущение и поведение человека, оставаясь одним из самых быстрых и простых маркеров идентичности в любых социальных ситуациях [6, с. 7].

Когда мы размышляем о том, как воспринимается и конструируется гендер, становится ясно, что этот процесс далек от нейтральности или простого отражения реальности. На самом деле, восприятие гендера – это результат сложной селекции информации, закрепления определенных образов и посто-

янного наполнения их смыслом в меняющемся обществе. Взаимосвязь между тем, как общество формирует гендерные нормы, и индивидуальному осмыслению этих норм приводит к появлению новых значений, которые делают наше понимание гендера одновременно более многогранным и сложным. Сейчас, когда общество стремительно меняется, и человек, и социальные группы вынуждены заново определять и даже пересматривать свои взгляды на гендерную идентичность. Иллюстрацией этому служит то, как меняются женские образы в различных медиа: подобные изменения нельзя рассматривать исключительно как пассивное отражение социальных сдвигов – напротив, такие репрезентации оказывают активное влияние на то, какими воспринимаются и обосновываются гендерные нормы в дальнейшем. Необходимо помнить, что сам акт восприятия любых гендерных образов всегда происходит в определенном контексте, который складывается из культурных, исторических, социальных и даже экономических особенностей конкретного общества. Именно поэтому одинаковые изображения или сообщения о гендере могут быть истолкованы совершенно по-разному представителями разных культур, а иногда и разными социальными группами одной и той же культуры.

Гендер – это явление, сотворенное самим обществом, и проявляется оно в различных способах, которыми люди определяют себя и свое место в мире. Сложившиеся системы гендерных отношений заметно противостоят переменам, особенно если изменения не затрагивают фундаментальные моральные основы общества. Джоан Скотт отмечает, что любые преобразования в организации социальной жизни всегда идут рука об руку с изменениями в представлениях о власти, хотя направление этих изменений далеко не всегда совпадает [7, с. 434]. История Российской империи и последующих изменений после Октябрьской революции наглядно иллюстрирует, как меняются общественные взгляды на гендер: образ «русской женщины» сменился образом «советской женщины», что явилось появлением совершенно новой модели женственности. Кроме того, такие процессы, как культурный обмен и миграция, приносят в уже существующие гендерные представления новые идеи – зачастую через заимствование или трансформацию стереотипов. Все это говорит о том, что даже самые глубоко укоренившиеся в коллективном сознании гендерные стереотипы на деле оказываются гибкими и способны меняться под влиянием социально-культурных факторов.

Становится понятно: маскулинность и феминность проявляются через культурные образы и символы, которые создают целый пласт особых значений внутри общества. Эти значения уходят корнями в традиции и менталитет, и именно от культуры зависит, каким будет «настоящий мужчина» или «настоящая женщина». Иногда такие представления приобретают крайние, почти мифологические формы – идеалы или устойчивые предрассудки, делящие наполненный нюансами мир всего лишь на две противоположные категории. Философский взгляд открывает в этом нечто большее, чем просто привычку думать определенным образом: стереотип становится своеобраз-

ной схемой восприятия и ориентира, которая влияет не только на то, как мы видим окружающее, но и на то, как действуем. Необходимо систематизировать стереотипы, рассматривая их на разных уровнях, чтобы лучше понять роль гендерных стереотипов в человеческом обществе.

Источники:

1. Карпова М. К. Гендерные отношения в современном обществе: равноправие или неравенство? // Наука. Общество. Государство. 2023. Т. 11, № 1 (41). С. 77–89.
2. Виттиг М. Прямое мышление и другие эссе. М.: Идея-Пресс, 2002.
3. Hunter J. E. Images of Women // Journal of Social Issues. 1976. Vol. 32. P. 7–17.
4. McKee J. P., Scherriffs A. C. The Differential Evaluation of Males and Females // Journal of Personality. 1957. Vol. 25. P. 356–371.
5. Maccoby E., Jacklin C. The Psychology of Sex Differences. Stanford: Stanford University Press, 1974.
6. Goffman E. Gender Advertisements. New York; Hagerstown; San Francisco; London: Harper & Row, 1979.
7. Скотт Дж. Тендер: полезная категория исторического анализа // Введение в тендерные исследования / под ред. Жеребкина С. СПб.: Алетейя, 2001.

M. N. Bondareva (Siberian Federal University)

GENDER STEREOTYPES: EVOLUTIONARY ROOTS AND SOCIOCULTURAL REINTERPRETATION

The paper analyzes the origin and transformation of gender stereotypes in modern society. It shows how evolutionary mechanisms based on the division of ancient roles between men and women have shaped differences in skills, behavior, and neurophysiological characteristics between the sexes. Special attention is given to the role of mythological archetypes, the collective unconscious, and cultural memory in the consolidation of gender dualities and social roles. The binary nature of male and female images is maintained by deeply rooted historical and religious models, but in the context of modern social changes, these models are being reinterpreted and adjusted. The article explores the mechanisms of stereotype transmission and transformation, as well as their impact on self-esteem, identity, and social relationships.

Gender, stereotypes, masculinity, femininity, mythological archetypes, cultural memory, gender roles, identity, social changes, sociocultural factors

УДК 378.147

А. Х. Бугазов (Кыргызско-Российский Славянский университет, e-mail: abugazov@rambler.ru)

РОЛЬ ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН В ФОРМИРОВАНИИ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ОБЩЕСТВА

Рассматривается роль гуманитарного образования в воспитании молодежи и сохранении цивилизационной идентичности стран Евразийского экономического союза, таких как Кыргызстан и Россия. Обосновывается необходимость осознания общих ценностей и культурного наследия этих государств, несмотря на существующие различия и скептицизм относительно постсоветского единства. Подчеркивается, что философия, как основополагающая гуманитарная дисциплина, играет ключевую роль в формировании социокультурных основ общества.

Гуманитарные дисциплины, евразийское сообщество, ценностные основания, цивилизационная идентичность. евразийская цивилизация

Сегодня, столкнувшись с активным продвижением в мировом информационном пространстве новых «либеральных» ценностей, евразийское сообщество осознало необходимость активизации всей системы нравственного и духовного образования молодежи. Это понятно, поскольку в современных условиях важно сохранить свою цивилизационную идентичность, ее ценностную основу. Однако, прежде чем, мы перейдем к анализу роли гуманитарных дисциплин в формировании социокультурных оснований общества, следует уточнить о какой цивилизационной идентичности идет речь.

По нашему глубокому убеждению, Кыргызстан, как и Российская Федерация, являются выразителями евразийской цивилизации и придерживаются во-многом схожих, ценностей.

Невзирая на то, что «у нас давно больше нет такой культурно-исторической общности, как «советский народ», что как утверждают оппоненты, «молодое поколение опирается в своих суждениях исключительно на национальное виденье истории и культуры» [1], нас по-прежнему многое объединяет. Это – единая геополитическая стратегия для обеспечения безопасности и стабильности в регионе; совместные культурные и образовательные программы, обмен технологиями и научными исследованиями для обогащения культурного и образовательного опыта. Русский язык, несмотря на попытки его смещения на периферию социальной активности, по-прежнему остается языком межгосударственного общения, языком науки и образования, культуры и межнационального взаимодействия. Но, главное – мы по-прежнему представляем собой уникальное цивилизационное образование, в основе которого

лежит комплекс общих цивилизационных кодов: единство, полиэтничность, коллиерирующие с религиозным многообразием и толерантностью, опора на традиционные ценности, добрососедство и миротворчество.

«Евразийская идентичность, – справедливо утверждает В. Егоров, – это сложный многоуровневый феномен, являющийся продуктом не только аккумуляции или универсализации культур, евразийская идентичность не описывается политической интеграцией, а охватывает весь комплекс факторов, наполняющих экзистенцию и составляющих общий социальный потенциал народов, наций и государств, участвующих в ее генезисе и развитии. Итак, идентичность вообще и евразийская в частности есть порождение общности особого социального качества, возникающего в процессе исторически протяженного сосуществования, сопровождаемого взаимным культурным обменом» [2].

Приняв данный факт, становится понятным, на что именно должно быть обращено внимание гуманитариев и какие задачи стоят перед ними, в контексте формирования социокультурных оснований евразийской идентичности.

Одной из основополагающих дисциплин в сфере гуманитарных наук, является философия. Как форма познания мира, философия побуждает к размышлениям о сущности человеческого существования, смысле жизни, природе морали и этики, что не только способствует развитию общественного сознания, но и структурирует нормы и ценности, вокруг которых организуются социальные и культурные институты. Эту роль философии невозможно переоценить, так как ее значение носит междисциплинарный характер: философские концепции перетекают в политическую теорию, искусство, литературу, религиозные учения и другие сферы жизни, влияя на общественные устои.

В этой связи, вполне понятно выглядит стремление утвердить философию евразийства в качестве методологической основы евразийского сообщества, естественно, адаптированную к современным реалиям. Ведь основной посыл евразийской философии – политическое экономическое, а также ментальное и языковое единство народов. Единство, под которым подразумевается, не их территориальная целостность, а, прежде всего, естественность и закономерность евразийского сообщества. «Действительно, – писал П. Н. Савицкий, – совпадение границ особого культурного мира и особой географической области не могло быть случайным» [3, с. 82].

В современном мире усилия философов, как и прежде, направлены на то, чтобы обеспечить гармонию между свободой индивида и коллективной ответственностью за процветание общества [4]. Эта особенность философского мышления сегодня наиболее актуальна, поскольку евразийская политическая система имеет ряд особенных характеристик, требующих специального теоретико-методологического исследования. К числу таковых, относятся: роль государственного аппарата в регуляции социальных отношений. Место и значение силовых структур в формировании и функционировании института власти, при одновременном неприятии военной диктатуры, хунты. Большое зна-

чение в евразийской политической системе отводится личности, стоящей у власти. Глава государства наделяется харизматическими качествами и позиционируется не только как лидер конкретной партии, но и нации, общества в целом. При этом общество не приемлет авторитаризм. Также как и традиционализм в понимании ценностей, не предполагает архаизм и патернализм [5, с. 130–133]. Все эти противоречия требуют своего внимательного исследования, поскольку, они лежат в основании евразийского сообщества, точнее его политической формы бытия.

В настоящее время мы являемся свидетелями трансформации мирового порядка, что ставит перед евразийским сообществом проблему выбора своих геополитических целей и интересов. В этой связи, а также учитывая неограниченный доступ к сомнительным источникам информации, скорость и масштабы распространения дезинформации и манипуляторных стратегий, особую актуальность приобретает формирование у учащихся навыков критического мышления. Способность анализировать, умение аргументировать и полемизировать помогает учащимся адекватно воспринимать различные идеи и события, избегать предвзятости и находить разумные решения для всевозможных проблем и задач. Способность ставить под сомнение догмы, смотреть на ситуацию с различных точек зрения и искать рациональные решения сложных многочисленных проблем, которые в форме исторического вызова стоят перед евразийским сообществом, все эти навыки и умения – являются одной из главных составляющих современного гуманитарного образования.

Сегодня заметен активный интерес общества к своим социокультурным и историческим корням. Особенно это ощутимо в странах, обретших политический суверенитет после распада СССР. История своей государственности, культуры и т. д. находится там, в центре внимания политической элиты, национальной интеллигенции, научного сообщества. Можно выделить два принципиально важных ракурса понимания задач исторической науки в современных постсоветских государствах. Символический, – вопросы генезиса и формирования новых политических смыслов, заполнение когнитивного и эмоционального «вакуума» национальной самоидентификации, и образовательный – преподавание истории в учебных заведениях [6, с. 270].

Однако вызывает опасения тот факт, что история в странах постсоветского пространства часто характеризуется не критическим отношением к своему прошлому, этнической окраской и отрицанием общей евразийской идентичности. Зачастую такая «история» помимо этноцентризма, наполнена негативным отношением к России как колониальной державе и «источнику всех бед «своего» народа». Необходимо понимать, что абсолютизация национальных аспектов, возвращение к архаике прошлого – противоречит идеям справедливости и препятствует объективному познанию истории. В нашем общем евразийском прошлом формировалось коллективное сознание и ценности общества, менялся не только социальный ландшафт, но и культурные ориентиры целых народов, обеспечивая их переход к современным социокультурным моделям.

Из общей для евразийских народов истории, следует и единая культура. Культура, как область идей, традиций и самовыражения, также испытывает значительное влияние истории, культурологии, философии культуры. Востребованность данных дисциплин, объясняется еще и тем, что многие виды искусства в евразийской культуре были сформированы в условиях взаимодействия различных народов и цивилизаций. Особенно это взаимодействие проявилось в годы советской власти, когда представители различных этнических групп закладывали основы национального классического искусства коренных народов на евразийском пространстве.

Для понимания евразийской культуры важно знать, что исторически она формировалась как многонациональное, многоконфессиональное и многокультурное общество и продолжает оставаться таковой. Для художественного освоения действительности евразийцам свойственны: полифоничность, духовность, традиционность. Это объясняет, что вопросы жизнеспособности многокультурного общества, роли и функций государства в целях достижения социальной гармонии, предупреждения распада, поиска автохтонных моделей общества, не только не устарели, но, напротив, находятся в самом центре внимания современного гуманитарного познания.

Евразийство, всегда основывалось на объединении различных культурных компонентов, подчеркивал С. Н. Трубецкой, где различные народы сосуществуют на равных условиях, сохраняя при этом свою национальную идентичность, религию, взаимодействуя со всеми другими народами [7, с. 80].

Сохранение культурной идентичности евразийского пространства через усвоение аутентичной истории и культурологии, должно способствовать укреплению национального самосознания евразийских народов, снижая риски их ассимиляции и потери суверенитета. В то же время, будучи сосредоточенной на изучении культуры как формы человеческой деятельности, культурология должна стремиться к пониманию искусства, традиций, обычаев и ритуалов, как факторов, формирующих единое социокультурное пространство Евразии, что позволит избежать культурных конфликтов и способствовать построению в нем гармоничных социальных связей.

Говоря о роли гуманитарного образования на евразийском пространстве, следует отметить, что и другие, не упомянутые здесь гуманитарные дисциплины, также являются важным инструментом анализа и формирования его социокультурных основ. Гуманитарные дисциплины изучают прошлое, чтобы понять настоящее, предоставляют инструменты для анализа социальных процессов и способствуют гармонизации межкультурного взаимодействия.

Источники:

1. Рекеда Д. Существует ли постсоветское пространство? // Россия в глобальной политике. URL:<https://globalaffairs.ru/artic-les/strany-uzhe-ne-vmeste/> (дата обращения: 14.08.2024).

2. Егоров В. Россия и евразийская идентичность // Международная жизнь. URL:<https://interaffairs.ru/news/show/46136> (дата обращения: 15.11.2024).
3. Савицкий П. Н. Степь и оседлость // Классика геополитики, XX век: Сб. / Сост. К. Королев. М.: АСТ, 2003.
4. Бурнашев Р. Ф. Философские аспекты цифровой этики в эпоху технологического прогресса // Universum: общественные науки: электронный научный журнал. 2023. № 12. (103). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskie-aspekty-tsifrovoy-etiki-v-epohu-tehnologicheskogo-progressa> (дата обращения: 04.11.2025).
5. Бугазов А. Х. Ценностные основания евразийской интеграции // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. №3–4 (90). С. 130–133.
6. Титов В. В., Бушуев В. В., Самохвалов Н. А. Историческая политика в государствах бывшего СССР: попытка концептуального осмысления. // Социально-гуманитарные знания. 2015. №2. С.270–280.
7. Трубецкой Н. С. Европа и Человечество. М.: Директ-Медиа, 2021.

A. Kh. Bugazov (Kyrgyz-Russian Slavic University)

THE ROLE OF THE HUMANITIES IN FORMING THE EURASIAN IDENTITY OF SOCIETY

This article explores the significance of humanities education in fostering the development of young people and preserving the civilizational identity of the member states of the Eurasian Economic Union, particularly Kyrgyzstan and Russia. The study argues for the necessity of acknowledging and promoting shared values and the common cultural heritage of these nations, despite existing differences and skepticism regarding the continuity of post-Soviet unity. Special emphasis is placed on philosophy, which, as a core discipline within the humanities, plays a pivotal role in shaping the socio-cultural foundations of society.

Humanities, Eurasian community, value foundations, civilizational identity, Eurasian civilization

УДК 331

О. А. Васильева (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: kokochauchla@gmail.com);

С. И. Ефимов (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: x5serge@yandex.ru)

ОПТИМИЗАЦИЯ ТРУДА В ЭПОХУ AI-ПЛАТФОРМ: ВЛИЯНИЕ OPENAI НА СТРУКТУРУ ПРОФЕССИЙ И ДИНАМИКУ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

В статье рассматривается влияние платформы OpenAI Atlas – новой AI-ориентированной веб-браузерной системы – на организацию труда, профессиональную структуру и социальную динамику. Показано, как интеграция генеративного искусственного интеллекта в повседневные рабочие процессы снижает когнитивные издержки работников, перераспределяет управленческие функции, трансформирует требования к квалификации, порождает новые социальные роли и изменяет «сетевую реальность» современного общества. Анализ опирается на реальные кейсы использования OpenAI Atlas, данные исследований и теоретические рамки. Также рассматривается, как Atlas выступает когнитивным ассистентом и агентом, способным выполнять сложные задачи, и какие следствия это имеет для организации труда и социальной структуры.

Искусственный интеллект, OpenAI Atlas, управление, персонал, человек, взаимодействие

OpenAI Atlas – это веб-браузер нового поколения с встроенным агентным помощником ChatGPT, выпущенный OpenAI 21 октября 2025 года [1]. В отличие от традиционных браузеров, Atlas тесно интегрирован с моделью ChatGPT и может понимать контекст просматриваемых страниц, запоминать действия пользователя, резюмировать информацию и выполнять поручения на естественном языке [2]. Это позволяет снизить когнитивную нагрузку на пользователя: а именно многие умственные операции – поиск, фильтрация и синтез информации, запоминание данных – частично берет на себя ИИ.

Atlas способен брать на себя и комплексные поручения: например, в официальных примерах разработчиков написано, что этот браузер планирует вечеринки, бронирует столики в ресторанах, заполняет корзины интернет-магазинов необходимыми товарами и оформляет доставку без прямого участия человека [2]. Конечно, такие возможности требуют доверия к системе и контроля, однако факт остается: значительная доля рутинных когнитивных операций может быть делегирована AI. В терминах теории распределенного

познания Atlas становится расширением когнитивных способностей человека, уменьшая его информационную перегрузку.

Если ранние волны автоматизации в основном затрагивали физический труд, то современные AI-платформы все более заметно влияют на структуру управленческого труда. OpenAI Atlas и похожие системы начинают выполнять часть типичных задач менеджеров низшего и среднего звена: мониторинг показателей, сбор отчетности, координация проектов, первичная аналитика. Исследования показывают, что внедрение генеративного ИИ смещает баланс задач между менеджерами и исполнителями. Так, в недавнем эксперименте с программными разработчиками и инструментом Copilot было зафиксировано, что время, которое сотрудники тратят непосредственно на основную работу (например, кодирование), выросло на 5%, тогда как доля времени на организационно-управленческие задачи сократилась на 10% [3]. Иными словами, при поддержке AI специалисты становятся более автономными в планировании своего рабочего дня и решении текущих вопросов, и не нуждаются в постоянном надзоре менеджеров [3]. Это ведет к упрощению: контрольные функции частично берет на себя алгоритм, а руководители могут сосредоточиться на стратегически важных аспектах.

Классический цикл управления включает функции планирования, организации, мотивации, контроля и координации. AI и другие алгоритмы способны внести изменения на каждом из этих этапов [4]. Например, на стадии планирования интеллектуальные алгоритмы быстро анализируют большие массивы данных о рынке и ресурсах, выявляют тренды и моделируют сценарии развития событий, предлагая руководителю обоснованные варианты решений [4]. На этапе организации алгоритм совместно с AI может в реальном времени отслеживать загрузку сотрудников, состояние ресурсов и автоматически оптимизировать распределение задач и графики [4]. В части контроля – современные платформы непрерывно мониторят ключевые показатели эффективности, сигнализируют о рисках и отклонениях от плана быстрее, чем это сделал бы человек [4].

Важно отметить, что речь не идет об упразднении управленческого звена, а о перераспределении ролей в связке «человек-ИИ». Как отмечает эксперт Ольга Германович, AI должен стать «надежным помощником руководителя», выполняя аналитические, вычислительные и рутинные задачи и освобождая время человека для стратегического управления, мотивации сотрудников и принятия решений в условиях неопределенности [4]. Именно в сферах, требующих человеческого участия – вдохновение команды, этические выборы, творческое мышление – управленцы будут сохранять ключевую роль. В то же время ряд промежуточных функций контроля и координации может отойти автоматизированным системам. Тенденция такова, что менеджеры, использующие AI-инструменты, вытесняют тех, кто их игнорирует. Уже сейчас компании пересматривают должностные инструкции: меньше времени уходит на составление отчетов вручную или совещания по мелким

вопросам, поскольку AI-платформы способны самостоятельно готовить сводки статуса проектов, отслеживать выполнение задач и даже принимать некоторые оперативные решения [3]. В результате работа управленца смещается в сторону высокоуровневого наставничества, принятия творческих решений и развития команды – того, что неподвластно алгоритмам.

Внедрение AI-платформ радикально меняет и портрет компетенций, необходимых современным работникам. С одной стороны, возрастает спрос на цифровые навыки и умение эффективно взаимодействовать с умными системами. Еще несколько лет назад компьютерная грамотность подразумевала владение офисными программами, теперь же в множество профессий проникают основы data science, навыки работы с большими данными и искусственным интеллектом. По прогнозам Всемирного экономического форума, к 2030 году наиболее востребованными станут именно технические умения: работа с AI и большими данными, знание сетевых технологий и кибербезопасности, техническая грамотность [5]. Уже к 2025 году 75% компаний ожидают интеграции генеративных AI-инструментов в свою деятельность, что означает необходимость массового повышения квалификации персонала в этой области.

С другой стороны, парадоксально, но развитие искусственного интеллекта подчеркивает ценность сугубо человеческих «гибких» навыков – тех, которые дополняют возможности машин. В том же отчете ВЭФ отмечается рост значения навыков креативного мышления, адаптивности и непрерывного обучения [5]. Работник будущего должен не только уметь применять готовые алгоритмы, но и проявлять творческую инициативу, критически мыслить и быстро осваивать новое. Более того, по мере того как AI берет на себя рутинные и аналитические функции, на первый план выходят социальные и эмоциональные компетенции. Руководители подчеркивают, что эмпатия, умение общаться, лидерские качества и этическое мышление становятся еще более значимыми, поскольку именно в этих областях человека нельзя полностью заменить алгоритмом [4]. Например, хотя AI может проанализировать тонны данных о сотрудниках и даже дать рекомендации по мотивации, только живой лидер способен вдохновлять команду, разбирать конфликт или принимать морально сложные решения [4]. Таким образом, формируется противоречивый на первый взгляд запрос: высокий уровень технологической грамотности и одновременно развитый эмоциональный интеллект.

Распространение AI-платформ наподобие OpenAI Atlas ведет к глубоким изменениям того, что Мануэль Кастельс назвал «сетевым обществом». Уже в 1990-х Кастельс описал формирование социального строя, где ключевые структуры и процессы организованы вокруг сетей информации и коммуникаций [6]. Сетевое общество – это не просто совокупность онлайн-связей, а новая морфология, в которой потоки электронно обработанной информации определяют экономические, политические и культурные исходы [8]. Внедрение же искусственного интеллекта в эти информационные сети придает им качественно иной характер. Если ранее узлами сети были люди (индивиды,

организации), то теперь в сеть интегрируются нечеловеческие единицы – интеллектуальные агенты, способные самостоятельно обрабатывать информацию и принимать решения.

Будучи по сути посредником между пользователем и глобальной сетью, Atlas интерпретирует, фильтрует и иницирует информационные потоки [6]. Теперь не пользователь в одиночку серфит веб-пространство, а делает это в тандеме с AI, который заранее предлагает релевантные ссылки, предупреждает о рисках, обобщает чужие мнения. Браузер превращается в интерактивного собеседника и гида, а не пассивный инструмент отображения страниц [6]. Это меняет сам характер взаимодействия с информацией: происходит персонализация и агентирование опыта. Например, два человека, пользуясь Atlas, могут получать различный опыт от одного и того же интернета, поскольку AI адаптирует подсказки под их прошлый контекст и цели. С одной стороны, это повышает эффективность – информационная среда подстраивается под индивидуальные потребности, уменьшается шум. С другой стороны, возникают новые вопросы о прозрачности и контроле: чью картину реальности мы видим – объективную или сформированную алгоритмом? Ведь если AI-агент решает, какие новости показать, какие задачи предложить выполнить, он фактически участвует в конструировании социальной реальности пользователя.

Последствия этого широкомасштабны. Коммуникационная структура общества приобретает новый уровень сложности: помимо взаимодействия «человек–человек» и «человек–контент» теперь распространено взаимодействие «человек–AI–человек», где AI выступает посредником. Это может касаться и политической сферы (например, AI-платформы фильтруют политический контент или участвуют в модерации дискурса), и культурной (алгоритмы рекомендуют книги, фильмы, формируя вкусы), и экономической (торговые платформы с AI управляют потребительским спросом). Кастельс отмечал, что распространение сетевой логики существенно модифицирует процессы производства, власти и культуры [8] – с приходом AI эта модификация ускоряется.

Сетевая реальность в контексте AI – это мир, где большая часть информации проходит через фильтр интеллектуальных агентов. Следовательно, владеющий AI-инфраструктурой получает новую форму власти – возможность направлять и структурировать информационные потоки по своим правилам. Отсюда вытекает острая потребность в этическом и правовом осмыслении происходящего. Общество должно договориться, как сохранить подотчетность алгоритмов, как не допустить усиления предубеждений и неравенства через AI. Одновременно открываются и позитивные перспективы: AI может стать связующей тканью глобального общества, убрать языковые барьеры, предоставить людям доступ к знаниям и сотрудничеству невиданного ранее масштаба [7].

Таким образом, взаимодействие человека и AI трансформирует сетевую реальность, делая ее более адаптивной и умной, но и более сложной. Atlas – «агентный браузер» – лишь первый шаг в сторону будущего, где большинство онлайн-взаимодействий будет происходить через интеллектуальных посредников. Как метко подмечено в одном обзоре, Atlas представляет собой одновременно захватывающий и пугающий взгляд на будущее не только веб-серфинга, но и жизни в эпоху ИИ [2]. Впереди – переосмысление того, что считать объективной информацией, как сохранять человеческую автономность в условиях, когда AI везде рядом, и каким ценностям учить «машинных помощников». Сетевое общество, по выражению Кастельса, – это динамичная структура, и появление в ней AI-актеров знаменует новый этап этой динамики, последствия которого мы только начинаем понимать.

Источники:

1. Atlas сокращает время исследования на 70% – вот как // Product Monk. URL: <https://www.productmonk.io/p/atlas-cuts-research-time-70-here-s-how> (дата обращения 24.11.25)
2. OpenAI launches its new agentic AI Atlas browser with the intention of taking over 'most web use' and a warning to 'weigh the tradeoffs' of using its most powerful features // PC GAMER. URL: <https://www.pcgamer.com/software/ai/openai-launches-its-new-agentic-ai-atlas-browser-with-the-intention-of-taking-over-most-web-use-and-a-warning-to-weigh-the-tradeoffs-of-using-its-most-powerful-features/> (дата обращения 24.11.25)
3. How AI Is Redefining Managerial Roles | Harvard Business Review // BRIAN HEGER. URL: <https://www.brianheger.com/how-ai-is-redefining-managerial-roles-harvard-business-review/> (дата обращения 24.11.25)
4. Руководители vs AI: как искусственный интеллект изменит управленческие функции? // ibMedia. URL: <https://ibmedia.by/news/rukovoditeli-vs-ai-kak-iskusstvennyj-intellekt-izmenit-upravlencheskie-funksii/> (дата обращения 24.11.25)
5. Future of Jobs Report 2025: The jobs of the future – and the skills you need to get them // World Economic Forum. URL: <https://www.weforum.org/stories/2025/01/future-of-jobs-report-2025-jobs-of-the-future-and-the-skills-you-ne-ed-to-get-them/> (дата обращения 24.11.25)
6. ChatGPT Atlas – The AI Browser That Redefines the Customer Experience Frontier // CX QUEST. URL: <https://cxquest.com/chatgpt-atlas-the-ai-browser-that-redefines-the-customer-experience-frontier/> (Дата обращения 24.11.25)
7. Network society // Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Network_society (дата обращения 24.11.25)
8. Superagency in the workplace: Empowering people to unlock AI's full potential. January 28, 2025 | Report // McKinsey & Company. URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/tech-and-ai/our-insights/superagency-in-the->

workplace-empowering-people-to-unlock-ais-full-potential-at-work (дата обращения 24.11.25)

O. A. Vasilyeva (*Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»*);

S. I. Efimov (*Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»*)

**LABOR OPTIMIZATION IN THE ERA OF AI PLATFORMS: THE IMPACT
OF OPENAI ON THE STRUCTURE OF PROFESSIONS AND THE
DYNAMICS OF MODERN SOCIETY**

The article examines the impact of the OpenAI Atlas platform, a new AI-oriented web browser system, on labor organization, professional structure, and social dynamics. It is shown how the integration of generative artificial intelligence into everyday work processes reduces the cognitive costs of employees, redistributes managerial functions, transforms skill requirements, generates new social roles and changes the "network reality" of modern society. The analysis is based on real-world use cases of OpenAI Atlas, research data and a theoretical framework. It also examines how Atlas acts as a cognitive assistant and agent capable of performing complex tasks, and what implications this has for the organization of work and social structure.

Artificial intelligence, OpenAI Atlas, management, personnel, human, interaction

УДК 316.77

Д. А. Васин (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», email: dmitriyvasin103@gmail.com)

ОТ ОБЩЕГО ГОРИЗОНТА К МИКРОКОСМАМ: АНТРОПОЛОГИЯ КУЛЬТУРНОЙ ИЗОЛЯЦИИ И КОНЕЦ УНИВЕРСАЛЬНОГО АВТОРА

Рассматривается феномен радикальной партикуляризации современного общества, появление изолированных коммуникативных вселенных. Анализируются социальные и философские последствия распада общего культурного горизонта: исчезновение фигуры универсального автора (на примере Мишеля Уэльбека) и трансформация функции философии из поиска общезначимых истин в инструмент, обслуживающий частные идентичности в условиях цифровизированного общества, в котором господствуют алгоритмы.

Атомизация общества, культурная фрагментация, изолированные сообщества, Мишель Уэльбек, кризис универсализма, партикуляризация дискурса, философия идентичности, цифровая публичная сфера

Европейская культура долгое время говорила о человеке большими нарративами, задавая вопросы, претендующие на универсальность. Ее общий язык задавал вопросы об одиночестве, о смысле жизни, о Боге. Разочаровавшись в универсалиях премодерна, где ответы искали в божественном откровении, люди пришли к универсалиям модерна – разуму, прогрессу, критическому субъекту. Однако на сегодняшний день можно заметить, что к этим универсалиям обращаются все реже, что от больших нарративов культура перешла к частным. Фигура Мишеля Уэльбека стоит на этом историческом переломе как последнего крупного автора, творчество которого сохраняет пафос обращения к общечеловеческому. Его произведения также обращаются к общечеловеческим проблемам. Однако на сегодняшний день можно заметить, что это делать все сложнее из-за изменившейся структуры общества. Сама возможность общего культурного поля рассыпается. Актуальным видится исследование распада общего культурного поля под влиянием новой, алгоритмически организованной реальности. Социальная структура, пронизанная цифровыми платформами, более не порождает «читателей вообще», а формирует изолированные сообщества-микроскопы. Таким образом, творчество Уэльбека становится не только предметом анализа, но и методологическим инструментом: лакмусовой бумажкой, позволяющей зафиксировать сам момент, когда универсальный язык модерна окончательно уступает место партикулярным языкам цифровых ячеек и алгоритмической культуре. Один из самых тревожных эффектов алгоритмической культуры –

это фрагментация общего опыта. Благодаря персонализированным лентам контента мы больше не потребляем одни и те же медиа, истории или отсылки. Вместо этого мы оказываемся в узких «эхо-камерах», где наши существующие вкусы и убеждения постоянно подкрепляются [1].

Алгоритмическая культура – это режим циркуляции смыслов, в котором ключевую роль в отборе, ранжировании и «видимости» культурных объектов играют вычислительные процедуры, встроенные в платформы [2]. Это не просто набор инструментов, а новая эпистема, создающая и распределяющая смыслы. Роль «критика», «цензора» – культурного фильтра – берут на себя непрозрачные алгоритмы, чья цель не культурное обогащение общества, а максимизация прибыли и минимизация издержек (зарплата редактора или возможные судебные иски) [1]. В условиях такой культуры не может существовать единого пространства смыслов, неизбежна партикуляризация – единое пространство универсальных форм распадается на множество локальных, часто изолированных миров, каждый из которых имеет особенную систему отличительных знаков и свои критерии значимости. В результате всего этого формируются фильтр-пузыри (The Filter Bubbles) и эхо-камеры (echo chambers). Процесс их формирования следующий:

1. Персонализация потока. Платформы собирают данные о пользователе (клики, просмотр, подписки, география, устройство) и на их основе подбирают контент, максимально похожий на уже потребленный [3].

2. Когнитивный отбор. Пользователь сам предпочитает комфортную, подтверждающую его взгляды информацию, что усиливает однородность увиденного контента

3. Социальное уплотнение. Люди вступают в группы и подписываются на тех, с кем согласны; в результате формируются кластеры, где слышен в основном собственный голос, отраженный другими участниками – эхо-камера [4].

Моделирование показывает, что даже слабый алгоритм по отбору «похожего» контента в совокупности с человеческой склонностью к подтверждению своих убеждений приводит к созданию устойчивых фильтр-пузырей [5]. А анализ полу-закрытых платформ (Discord, закрытые соцсети) показывает, что архитектура сервисов (серверы, каналы, приватные ленты) дополнительно дробит аудиторию на малые, слабо пересекающиеся сегменты [6].

Ленты социальных сетей настраиваются под каждого отдельного пользователя, стремясь увеличить прогнозируемость поведения, избегая «нерелевантных» материалов. Это необходимо, например, для наиболее выгодных рекламных предложений, попадающих точно в целевую аудиторию. Работы о фильтр-пузырях показывают, что при таком сценарии точки пересечения потоков информации становятся исключением, а не нормой [3]. Даже формальная свобода выбора и доступность «всего для всех» не исправляет ситуации – архитектура платформ и логика алгоритмов нацелены на создание многих параллельных культурных миров, а не единого культурного пространства [6].

В мире победившей алгоритмической культуры произведение не оценивается по универсальным критериям, первичной становится релевантность внутри собственной ячейки. В таких условиях универсальный автор является не просто редкостью, а настоящей противоположностью, контр-случай, в то время как по-настоящему востребованными будут «нишевые пророки».

В такой реальности творчество Мишеля Уэльбека стоит особняком. Он – яркий контр-случай, последний наследник традиции модерна в европейской литературе, последний крупный автор, знакомый самым различным культурным мирам. Уэльбека можно воспринимать как писателя, запечатлевшего диалектическое противоречие между модерном и традицией, используя не частные идентичности персонажей, а фигуры, в которых отражается целая эпоха [7] или как писателя, обрекающего европейский модерн на распад [8], [9]. Уэльбек говорит языком модерна с миром, где модерн был разрушен. В своих книгах он описывает общеконтинентальные страхи и проблемы (ислам, смерть либерализма, изживший себя капитализм) в декорациях выгоревшей Европы, где религиозная альтернатива не личный выбор, а капитуляция.

Уэльбек описывает не просто социальные типы – он воплощает отдельные философские категории в плоть. Его персонажи – «симптомы» европейской цивилизации. Они интересны не сами по себе, а тем, как они отражают общий недуг. Они интересны своим тотальным, отчаянным отчуждением. Уэльбек выступает «диагностом Европы».

Именно этот прием, универсализирующий персонажей, благодаря которому Уэльбек рассуждает на глобальные темы, превращает его в невидимого для алгоритмической культуры автора. Его произведения невозможно «корректно рекомендовать» по набору конкретных маркеров, ведь вся их суть в постановке неудобных вопросов всей системе целиком. В условиях активного выстраивания границ между различными «культурными ячейками» существование автора, который ставит под вопрос само существование этих ячеек воспринимается или как угроза, или как шум. Творчество Уэльбека – последний бой европейской традиции модерна обществу фильтр-пузырей. Он не анахронизм, а показатель существования неразрешимого противоречия между большим искусством, вынужденным маргинализироваться и бросающим вызов цивилизации и инфраструктурой, дробящей эту цивилизацию на части.

Что же придет на смену Уэльбеку? BookTok – книжный сегмент TikTok. В логике алгоритмической культуры показательным то, как он устроен и как он превращает чтение в часть экономики внимания. Здесь на первый план выходит не сам текст, а видимая эмоция читателя: популярность набирают ролики с «плачущими читателями», где книга служит лишь спусковым крючком для выдавливания легко распознаваемой эмоции, пригодной для тиражирования в формате коротких горизонтальных видео [10].

Чтение перестает быть «индивидуальным», «интимным» процессом, превращаясь в социальный перформанс, становясь гонкой количеств прочитанных страниц. Люди покупают «рекомендованные книги» и сами форми-

руют списки «рекомендаций», зарабатывая социальный капитал, не интересуясь содержанием книг, стремясь создать только «форму» – образ читающей, глубокой личности [11].

BookTok обеспечивает колоссальные прибыли издателям, создавая короткоживущие тренды, постоянно меняющиеся списки «обязательных к прочтению» книг, которые остаются «обязательными» вплоть до выхода такой же, но новой, книги. Алгоритмы, ко всему этому, создают замкнутые ниши вкуса – определенные книги циркулируют в определенных культурных ячейках. Эти ниши практически не пересекаются, что исключает возможность создания единого пространства смыслов [12]. Компании, в свою очередь, рассматривают фандомы как основной драйвер роста [13], превращая творчество в «продукт для предсказуемого рынка».

Анализ BookTok позволяет увидеть в действии все принципы алгоритмической культуры: подмену ценности – релевантностью, глубины – виральностью, общего смысла – групповой идентичностью. Однако было бы ошибкой считать эту модель исключительно проблемой одной единственной отрасли. Напротив, литература здесь – лишь частный и предельно наглядный случай общего системного сдвига. Логика алгоритмической партикуляризации, победившая в BookTok, становится новой парадигмой для всего творчества и производства смыслов.

BookTok – это лишь наглядный пример. Музыкальные рекомендации в Spotify дробят слушателей на жанровые кластеры, алгоритмы YouTube создают параллельные вселенные политических (а внутри политических свои, «правые» или «левые» «тусовки»), научно-популярных и пр. взглядов. Индустрия кино все чаще ориентируется на предсказуемые сиквелы и «киновселенные» для лояльных фандомов. Автор больше не голос поколения, а лишь прислуга своей цифровой ячейки. Все это – продолжение идеи смерти автора, выдвинутой Роланом Бартом. Но что куда страшнее – эта логика захватывает и те сферы, которые исторически претендовали на универсальность мысли: философию и науку. Философская мысль, отказавшаяся от «больших нарративов», все чаще обслуживает частные идентичности и идеологии, превращаясь в инструмент их легитимации. Наука воспроизводит модель изолированных ниш, где диалог между дисциплинами затруднен, а «прорывное» знание зачастую оценивается по его виральности внутри профессионального сообщества, а не по общечеловеческой значимости. Таким образом, диагноз, наблюдаемый в литературе, оказывается верным для всей экосистемы смысла: современное творчество и знание все больше напоминают конгломерат высокоспециализированных, плохо сообщающихся между собой «силосов», где универсальный проект Просвещения окончательно уступает место партикулярной эффективности цифрового Вавилона.

«Противостояние Уэльбека и BookTok» выявляет не просто конфликт эстетик, а глубинный сдвиг в самой парадигме производства и потребления культуры. Алгоритмическая партикуляризация, победившая на уровне ин-

фраструктуры внимания, системно преобразует все сферы творчества и знания. Философия фрагментируется на языки самоописания конкурирующих идентичностей, искусство оценивается по параметру релевантности нишевому запросу, и даже научное знание вынуждено считаться с логикой «изолированных миров» и цитирования внутри узких сообществ.

Культура становится инструментом оптимизации группового комфорта и подтверждения внутриплеменных границ. В этом смысле «смерть» универсального автора – лишь симптом куда более масштабного процесса: смерти универсального читателя, универсального зрителя, универсального субъекта знания. Мы вступаем в эпоху, где «большое высказывание» невозможно не потому, что его некому сделать, а потому, что для него не осталось общего пространства восприятия. Будущее культуры принадлежит не пророкам, а архитекторам цифровых ячеек и поставщикам точного контента для точно рассчитанных аудиторий.

Источники:

1. What Happens to Culture in the Age of the Algorithm? // The Word 360. 11.07.2025. URL: <https://theword360.com/2025/07/12/what-happens-to-culture-in-the-age-of-the-algorithm/> (дата обращения: 13.12.2025).
2. Striphas T. Algorithmic Culture // European Journal of Cultural Studies. 2015. Vol. 18, No. 4–5. P. 395–412. DOI:10.1177/1367549415577392
3. Pariser E. The Filter Bubble: What the Internet is Hiding from You. New York: Penguin Press, 2011.
4. Sunstein C. R. The Law of Group Polarization // Journal of Political Philosophy. 2002. Vol. 10, No. 2. P. 175–195. DOI:10.1111/1467-9760.00148.
5. Holtz P., Naderer B. The Triple-Filter Bubble: Using Agent-Based Modeling to Test a Meta-Theoretical Framework for the Emergence of Filter Bubbles and Echo Chambers // Journal of Information Technology & Politics. 2019. Vol. 16, No. 2. P. 144–159. DOI:10.1080/19331681.2018.1485608
6. Community Atomization on Semi-Private Online Platforms // SEALab Research Reports. 2024. Vol. 3, No. 1. P. 1–22.
7. Michel Houellebecq and the Dialectic between Modernity and ...: Master's Thesis. Leiden University, 2019. 80 p.
8. Michel Houellebecq: The Prophet of Europe's Decay // Spiked. 12.07.2025. URL: <https://www.spiked-online.com/2025/07/13/michel-houellebecq-the-prophet-of-europes-decay/> (дата обращения: 13.12.2025).
9. Michel Houellebecq and the Ruins of Modernity // VoegelinView. 12.09.2023. URL: <https://voegelinview.com/michel-houellebecq-and-the-ruins-of-modernity/> (дата обращения: 13.12.2025).
10. Birke D. Crying Readers from the Age of Sensibility to BookTok // Language and Literature. 2025. Vol. 34, No. 2. P. 123–140. DOI:10.1177/09639470251330400

11. Pósái A. R. The Transformation of Reading as a Social Practice in the Age of BookTok: Master's Thesis. University of Gothenburg, 2024. 112 p.

12. Is BookTok Killing Literature? // Venture Magazine. 23.12.2024. URL: <https://blog.venturemagazine.net/is-booktok-killing-literature-a4221b25c673> (дата обращения: 13.12.2025)

13. From Niche to Mass: Spotting Emerging Cultures in Fandoms // Creativebrief. 08.12.2024. URL: <https://www.creativebrief.com/bite/trend/guest-trend/niche-mass-spotting-emerging-cultures-fandoms> (дата обращения: 13.12.2025)

D. A. Vasin (*Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI"*)

**FROM THE COMMON HORIZONT TO MICROCOSMS: THE
FNTHROPOLOGY OF CULTURAL ISOLATION AND THE END OF
UNIVERSAL AUTHOR**

The phenomenon of radical particularization of modern society, the emergence of isolated communicative universes is considered. The article analyzes the social and philosophical consequences of the disintegration of the common cultural horizon: the disappearance of the figure of a universal author (using the example of Michel Houellebecq) and the transformation of the function of philosophy from the search for universally valid truths into a toolkit serving private identities in a digitalized society dominated by algorithms.

Atomization of society, cultural fragmentation, isolated communities, Michel Houellebecq, crisis of universalism, particularization of discourse, philosophy of identity, digital public sphere

УДК 94

М. С. Волынцев (Санкт-Петербургский государственный университет,
e-mail: maximvolintsev@gmail.com)

СТОЛИЧНАЯ ПЕЧАТЬ О ПАТРИОТИЧЕСКОЙ МАНИФЕСТАЦИИ 19 ИЮНЯ 1917 Г. В ПЕТРОГРАДЕ

Статья посвящена освещению петроградской периодической печатью патриотической манифестации в честь начала наступления русской армии 18 июня 1917 г. Наступление на фронте стало одним из важнейших событий лета 1917 г. не столько с военной, сколько с политической точки зрения, поскольку споры вокруг вопроса о наступлении и войне в целом наглядно демонстрировали усугубляющийся раскол русского общества. Состоявшаяся в Петрограде манифестация в поддержку наступления вызвала острые конфликты не только в городе, но и в печати. Особое внимание в статье уделено классовому характеру раскола общества, что печатью не только осознавалось, но и подчеркивалось.

Наступление, манифестация, Керенский, Петроград, периодическая печать, газеты, пресса, класс

Общий стратегический план наступления русской армии был разработан Ставкой еще в начале 1917 г. 24 января того же года он был утвержден Николаем II, но окончательное время перехода в наступление установлено не было [1, с. 164]. Пришедшее к власти в результате Февральской революции Временное правительство, несмотря на стремительное разложение армии и расстройство тыла, продолжило военные приготовления [2, с. 20]. Готовящееся наступление преследовало не столько военные, сколько политические цели: укрепление международных позиций России, упрочение положения правящих слоев, приостановку распада армии, отвлечение народа от хозяйственной разрухи, затруднение деятельности крайне левой оппозиции, настроенной резко против войны [3, с. 307]. В Петрограде сложилась ситуативная коалиция сторонников наступления, состоявшая из социалистов-оборонцев и кадетов. Информационную поддержку им оказывала не только их собственная периодическая печать, но также общественно-политическая пресса «цензового» толка (либеральная и консервативная), бульварные газеты, военные издания. Эта шаткая коалиция развернула пропаганду наступления еще с мая 1917 г., а после его начала обеспечила его информационное сопровождение.

Начало наступления на фронте в воскресенье, 18 июня, совпало по времени с политической демонстрацией, проводившейся в тот же день в Петрограде представителями левых сил. Поскольку большинство газет по понедельникам не выходило, о происходивших событиях они могли сообщить не

раньше вторника, 20 июня. Более того, до второй половины дня 19 июня власти сознательно задерживали информацию о начале наступления русской армии, опасаясь негативной реакции участников политической демонстрации 18 июня, на которой превалировали большевики. Когда же сведения о наступлении начали поступать, взрыв всеобщего энтузиазма не допустил дальнейшего углубления намечавшегося политического кризиса [4, с. 444].

Взрыв патриотических настроений среди высших и средних слоев населения столицы носил грандиозный характер [5, с. 120]. Почти все петроградские газеты сообщали о небывалом эмоциональном всплеске в городе, печатая примерно одинаковые по содержанию сводки. Социалистическая газета «День» передавала, что слухи о переходе русской армии в атаку распространялись еще с утра 19 июня. Около 1 часа пополудни в окнах вечерних газет появились краткие сообщения о наступлении, а вскоре вышли и официальные известия, разбрасывавшиеся листками с автомобилями [6, с. 3]. С этого времени со всех концов города к Невскому проспекту стали стекаться толпы «восторженно настроенных граждан» [7, с. 4]. В начале второго часа дня из здания Главного штаба выступила небольшая манифестация военного ведомства во главе с генералом Н. В. Рузским и представителями союзных держав, двинувшаяся по Морской улице. Впереди шли солдаты с красными флагами и портретами А. Ф. Керенского, возвещавшие гражданам о победе и призывавшие к полному единению [8, с. 3]. Начали образовываться импровизированные митинги, манифестации, а около 3 часов дня на Невский проспект вышла организованная группой «Единство» большая манифестация, к которой прикнул президиум съезда увечных воинов. Как сообщалось, впереди манифестации шли полковник и солдат, несшие портрет Керенского. За ними несли плакат «Да здравствует наступление» и знамя «Единства». К трехцветному национальному знамени был приколот портрет Керенского [6, с. 3]. «Русская воля» отметила, что трехцветный русский национальный флаг, который несли георгиевские кавалеры, в первый раз появился в манифестации революционного народа [9, с. 5]. В «Петроградском листке» писали, что также несли плакаты «Да здравствует победоносная армия», «Да здравствует Временное правительство», «За немедленное наступление», «Не изменим союзникам», «Слава Керенскому» [10, с. 3]. Несли десяток других портретов Керенского, украшенных цветами, приделанных к разного рода знаменам и стягам. Инвалиды, помимо портрета Керенского, несли и портрет А. А. Брусилова. У Казанского собора манифестация переросла в митинг. После выступления Г. В. Плеханова, принесенного на площадь с паперти собора на руках, духовенство вынесло чудотворную икону Казанской Божьей Матери, отслужило краткий молебен и благословило толпу. Отмечался чрезвычайный энтузиазм толпы, перечислялись возгласы: «Только Керенский смог поднять дух уже разлагавшейся русской армии»; «только Керенский сумеет вывести великую русскую армию из того тупика, в который она попала благодаря проискам врагов»; «только Керенский сумеет создать настоя-

щую радостную минуту» [6, с. 3]. Разросшаяся толпа манифестантов двинулась по Невскому проспекту, остановившись на углу Невского и Садовой улицы, перед окнами редакции «Вечернего времени». В окнах были развешаны плакаты с описанием успехов на фронте, при виде которых раздались торжественные возгласы «Ура!» [11, с. 3]. В «Русском инвалиде» писали, что женщины крестились при виде манифестантов, мужчины кричали: «Слава Богу!» и «Ура!». Петроград, как отметили в газете, давно не был таким; чувствовалось, что в нем пробудилась Россия [12, с. 3]. Манифестация достигла Мариинского дворца, где под взрывы восторженных рукоплесканий ее участники слушали речи представителей военного ведомства, а также повторную речь Плеханова. По сообщению «Нового времени», порядок на манифестации был образцовый [7, с. 4]. На вечернем шествии группы «Единство», начавшемся около 11 часов вечера, толпа не расходилась до часу ночи; по сообщению «Петроградского листка», многие плакали от умиления при исполнении маршей и Марсельезы [10, с. 3]. Публицисту А. Е. Зарину вспомнились первые дни революции: «Впереди светло, радостно, и чувствует каждый, что он словно нашел свою родину» [10, с. 2].

При этом отмечались и инциденты, происходившие на манифестациях и летучих митингах. На Невском проспекте было задержано несколько солдат и даже офицеров, критиковавших правительство. Толпа с негодованием требовала отправить их в комиссариаты как германских агентов. Раздавались даже отдельные возгласы немедленно идти арестовать Ленина [6, с. 3]. Газета «Народное слово» упоминала о едва не произошедших случаях самосуда [13, с. 1]. В «Петроградском листке» писали о бурных словесных столкновениях с большевиками, пытавшимися охладить повышенное настроение публики. При появлении усиленных патрулей противники расходились, чтобы тут же собраться на другом углу [10, с. 3]. В «Петроградской газете» сообщалось, что у Публичной библиотеки на Садовой улице удалось насчитать целых пять митингов, причем повсюду большевиков-агитаторов прогоняли со свистом и оскорблениями [14, с. 2]. Согласно сведениям «Живого слова», «ленинцев» встречали и провожали или насмешками, или гробовым молчанием [11, с. 3]. «Речь» дополняла, что выступавших с критикой правительства манифестанты отводили в комиссариаты, но их там тут же освобождали. На вечернем шествии, организованном кадетами, едва не случилась потасовка с извозчиком, заявившим манифестантам, что нельзя устраивать подобные мероприятия без согласия Совета. Усилиями М. М. Винавера он был вызволен из окружения обступившей его толпы и усажен в один из двух автомобилей во главе колонны. Интересно, что лозунгам в поддержку Керенского на этой манифестации места не нашлось – в газете не отмечается ни одного плаката или возгласа в его честь [15, с. 3].

Большинство петроградских газет писали, что патриотические манифестации проходили без серьезных происшествий, за исключением незначительных столкновений, носивших словесный характер. Случаев насилия в

центре города отмечено не было. Отчасти это может быть объяснено тем, что, в отличие от демонстрации 18 июня, на улицы вышел не «народ», а «публика», как со ссылкой на левую печать признавал П. Н. Милюков [16, с. 226]. Сугубо классовый характер состоявшихся шествий был общим тезисом крайне левой прессы. Например, в «Новой жизни» с легкой руки М. Ю. Левидова патриотическая манифестация была сатирически названа «Наступлением Невского проспекта». Описывая «взрывы классовой злобы», перечисляя возгласы «буржуазной черни», Левидов задавался вопросом, чем она обрадована на самом деле: прорывом фронта или скорым окончанием революционных «безобразий» [17, с. 2]. Куда более резко высказывался В. Е. Трутовский в левоэсеровской «Земле и воле», негодовавший из-за торжественности манифестации. Обвиняя «чистую публику» в уклонении от воинской повинности, в зарабатывании миллионов на военных заказах, он требовал отправить ее на фронт: «Пусть они на позициях, а не в тылу вопят о наступлении!» [18, с. 1]. Большевики и вовсе называли участников манифестации «буржуазной швалью» [19, с. 1]. Б. А. Бреслав в «Правде» иронически заметил, что вся манифестация напоминала манифестации «старого доброго времени», разница была лишь в том, что в прежние времена «публика Невского проспекта», хотя и сочувствовала черносотенцам, стыдливо отворачивалась, а теперь она с тротуаров и балконов неистово аплодировала. Схожесть с прошлыми порядками отмечалась и в том, что, как раньше манифестанты носили портреты Николая II, так и теперь ко всем знаменам крепили портреты Керенского [20, с. 3].

Необычайно резкие характеристики манифестантов от левой печати свидетельствовали не только о нескрываемом крайнем раздражении текущим моментом, но и о глубокой нетерпимости, непримиримости по отношению к поборникам наступления. Поскольку к таковым относили «публику», т. е. «буржуазию», вполне допустимо назвать эту ненависть классовой, что, в свою очередь, служит довольно отчетливым провозвестием грядущего гражданского раскола. Как отмечал Г. Л. Соболев, к началу июня со всей определенностью выявилось классовое и политическое размежевание в Петрограде. Идеи революционного оборончества и сотрудничества с буржуазией большинством рабочих были отвергнуты [21, с. 152]. Пресса фиксировала акты насилия, совершавшегося антивоенными элементами. В «Петроградском листке» сообщалось о нападении толпы манифестантов большевистского толка на корнета Скосырева, который по поручению Главного управления Генерального штаба развозил на Выборгской стороне прокламации Керенского о наступлении. Скосырев был обезоружен и избит вместе со своим шофером. Спасло их лишь появление милиционеров [22, с. 4]. В той же газете чуть позже приводилась подобная история: одновременно с нападением на Скосырева близ Путиловского завода были задержаны и отправлены в комиссариат чиновники того же управления Генерального штаба, Румянцев и Блок, действовавшие с аналогичной миссией, а также двое солдат. Толпа

окружила комиссариат и требовала выдать задержанных, угрожая в противном случае облить помещение керосином и сжечь. Лишь около двух часов ночи задержанным удалось вернуться в город [23, с. 5]. Характерно, что эти события произошли в рабочих районах Петрограда, и в обоих сообщениях фигурируют «толпы» нападавших, что косвенно позволяет судить о подлинных настроениях рабочих столицы.

Эта ситуация отчетливо осознавалась и осмыслялась в печати. В газете «Живое слово» в статье «Две правды» автор под псевдонимом Т. Б-ый констатировал разделение Петрограда по территориально-классовому признаку: «Окраины – гнездо большевизма, пораженчества, германофильства. Центр – цитадель оборончества, национального самосознания, здоровой ненависти к врагу». Причем разделение на два лагеря усугублялось взаимной враждебностью, подтверждавшейся живыми примерами: на рабочей окраине был избит Скосырев, а в центре, на углу Невского и Садовой, едва не был избит в трамвае агитатор-большевик. Моральное преимущество автор признавал за оборонцами из центра, поскольку руку на противника они не подняли – хотя упомянул, что вряд ли кто-нибудь поднялся бы на его защиту. Однако автор воздержался от однозначной оценки, признав, что подлинная правда находится где-то посередине между враждующими лагерями, и враждебность между ними по сути есть плод деятельности крайних представителей обоих лагерей [24, с. 3]. Подобные мысли высказал в «Вечернем времени» А. И. Ксюнин. В статье «18 июня» он провел четкую границу между группами граждан, условно названными им «одни» и «другие»: «Одни лутили семечки, устраивали манифестации, выносили резолюции – другие ходили в атаку и умирали за родину». Разделение граждан по признаку политической ориентации усиливалось их противопоставлением в контексте злободневной темы начавшегося наступления. В качестве крайних точек этого спектра приводились, с одной стороны, солдаты и офицеры, сражавшиеся с врагом на фронте, а с другой – интернационалисты, большевики и пораженцы, против которых применялся классический набор пропагандистских мифов, в первую очередь об их службе немцам. Героизм и самопожертвование первых противопоставлялись бессмысленности и даже прямой вредности вторых. Ксюнин не делал никакого вывода из своей статьи, не выражал ожиданий или опасений, но лишь фиксировал сложившееся разделение, наглядно продемонстрированное отношением к наступлению [25, с. 1].

Патриотическая манифестация 19 июня 1917 г. в центре Петрограда продемонстрировала глубокое социально-политическое и территориально-классовое расслоение города. Манифестации и патриотические шествия, сосредоточенные в центральных районах, отражали поддержку наступления русской армии среди высших и средних слоев населения, тогда как окраины, населенные преимущественно рабочим классом, демонстрировали антивоенные настроения. Пропагандистское освещение манифестаций средствами прессы усилило восприятие этого разделения и акцентировало противопо-

ставление сторонников наступления и его противников, а также послужило индикатором углублявшегося общественного раскола, который имел классовую природу и предвосхищал дальнейшие социально-политические конфликты.

Источники:

1. Жилин А. П. Из истории подготовки наступления русской армии летом 1917 года // История СССР. 1974. № 6.
2. Жилин А. П. Последнее наступление (июнь 1917 г.). М.: Наука, 1983.
3. Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. Кн. 1. На путях к социалистической революции. Двоевластие / ред. С. Н. Валк [и др.]. Л.: Наука, 1967.
4. Колоницкий Б. И. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март–июнь 1917 г.). М.: НЛО, 2017.
5. Рабинович А. Кровавые дни: Июльское восстание 1917 г. в Петрограде. М.: Республика, 1992.
6. День. 1917. 20 июня. № 89 (1650).
7. Новое время. 1917. 20 июня. № 14807.
8. Биржевые ведомости. 1917. 19 июня. № 16291.
9. Русская воля. 1917. 20 июня. № 144.
10. Петроградский листок. 1917. 20 июня. № 147.
11. Живое слово. 1917. 20 июня. № 39.
12. Русский инвалид. 1917. 21 июня. № 143.
13. Народное слово. 1917. 20 июня. № 14.
14. Петроградская газета. 1917. 21 июня. № 142.
15. Речь. 1917. 20 июня. № 142 (3884).
16. Милюков П. Н. История второй русской революции. Т. 1. Борьба буржуазной и социалистической революции. Вып. 1: Противоречия революции. София: Российско-болгарское книгоиздательство, 1921.
17. Новая жизнь. 1917. 21 июня. № 54.
18. Земля и воля. 1917. 20 июня. № 72.
19. Правда. 1917. 21 июня. № 87.
20. Правда. 1917. 20 июня. № 86.
21. Соболев Г. Л. Пролетарский авангард в 1917 году: революционная борьба и революционное сознание рабочих Петрограда. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1993.
22. Петроградский листок. 1917. 21 июня. № 148.
23. Петроградский листок. 1917. 28 июня. № 154.
24. Живое слово. 1917. 22 июня. № 41.
25. Вечернее время. 1917. 23 июня. № 1854.

M. S. Volintsev (Saint Petersburg State University)

**THE PETROGRAD PRESS AND THE PATRIOTIC DEMONSTRATION OF
JUNE 19, 1917**

The article examines how the Petrograd periodical press covered the patriotic demonstration held in honor of the beginning of the Russian Army's offensive on June 18, 1917. The offensive became one of the most significant events of the summer of 1917, not so much from a military as from a political perspective, since the debates surrounding the offensive – and the war as a whole – vividly reflected the deepening divisions within Russian society. The demonstration in Petrograd, organized in support of the offensive, provoked sharp conflicts not only in the streets but also in the press. Special attention in the article is devoted to the class-based nature of this societal split, which was not only recognized but actively emphasized by the newspapers.

Offensive, demonstration, Kerensky, Petrograd, periodicals, newspapers, press, class

УДК 316.334.2

Вэй Линдэ (Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: weilingdie214@163.com);

Би Цзяньцзюнь (Московский университет дружбы народов, e-mail: feizai199681@gmail.com)

ПЛАТФОРМЕННАЯ ЗАНЯТОСТЬ КАК МЕХАНИЗМ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ЖЕНЩИН В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Статья посвящена анализу того, как платформенная занятость становится для женщин одним из доступных способов поддерживать экономическую активность в условиях социальной трансформации. На основе исследований российского и китайского рынков труда показано, что гибкость платформ позволяет совмещать работу и заботу, но при отсутствии устойчивых гарантий может усиливать уязвимость и ограничивать возможности профессионального роста. Платформенная занятость тем самым выступает как ресурс адаптации и одновременно как пространство воспроизводства неравенства.

Платформенная занятость; гибкий труд; женщины; социальная адаптация; рынок труда

Социальные трансформации последних лет – ускоренная цифровизация услуг, нестабильность занятости, рост нагрузки на семью – привели к тому, что трудовые траектории женщин в крупных городах стали гораздо более фрагментированными и подвижными. В условиях, когда традиционный рынок труда все чаще предъявляет требования, плохо совместимые с заботой и нерегулярным временем, цифровые платформы начинают восприниматься как удобное пространство для поддержания экономической активности. В доступных женщинам формах гибкого труда – продажи на маркетплейсах, самозанятость через онлайн-сервис, удаленные микро-услуги – проявляется своеобразный механизм адаптации к институциональной неопределенности и изменяющимся режимам занятости.

При этом платформенная занятость не сводится только к гибкому графику. Она становится ответом на более широкие социальные изменения, связанные с перераспределением ответственности между государством, рынком и семьей, а также с переходом к «экономике проекта» [1]. Именно в этой зоне – между необходимостью зарабатывать и невозможностью полноценно участвовать в формальных трудовых отношениях – формируются стратегии, позволяющие женщинам сохранять автономию, не выпадая из социального пространства. Настоящая работа направлена на осмысление того, как платформенная занятость становится частью повседневных способов навигации в

условиях трансформаций и какую роль она играет в адаптивных практиках городских женщин.

В качестве теоретической оптики работа опирается на несколько взаимодействующих подходов, позволяющих увидеть платформенную занятость не просто как технологический феномен, а как часть более глубоких социальных процессов.

Во-первых, важным является представление У. Бека о «обществе риска», где нестабильность труда и неопределенность будущего создают давление на индивидуальные стратегии жизнеобеспечения [2]. В этой логике платформенная занятость может быть понята как одна из форм индивидуализированного решения структурных проблем, когда ответственность за социальную защищенность переносится на самих работников.

Во-вторых, концепция «ликвидной современности» З. Баумана подчеркивает размывание устойчивых институтов и необходимость постоянно адаптироваться к меняющимся условиям [3]. Платформенная работа встраивается в эту текучесть: правила взаимодействия здесь минимальны, а участие возможно эпизодически, что делает ее удобной для тех, чья занятость связана с заботой или непредсказуемым ритмом жизни.

В-третьих, анализ гибкого и проектного труда Р. Сеннетта позволяет увидеть, как формы занятости, основанные на автономии и временных связях, создают одновременно и новые возможности, и новые уязвимости [1]. Платформы предлагают свободу выбора и низкие входные пороги, но при этом исключают традиционные элементы социальной защиты, переводя риски на исполнителя.

Наконец, российские исследования цифровой самозанятости – в частности, работы Л. Герауф и Е. Готовой – показывают, что платформенная занятость нередко становится «зоной включения» для тех, кто испытывает трудности в доступе к формальному рынку: женщин с маленькими детьми, работников с перерывами в карьере, людей, находящихся в периоде жизненных переходов [4]. Их выводы позволяют рассматривать платформы как социальный механизм, позволяющий частично компенсировать институциональные разрывы.

Таким образом, теоретическая рамка исследования строится вокруг идеи о том, что платформенная занятость – это не просто рынок услуг, а пространство адаптационных практик, возникающих на пересечении цифровых технологий, семейных обязательств и изменений городской социальной структуры. Она выступает своеобразным ответом на фрагментацию труда и неопределенность современных институтов, позволяя женщинам создавать собственные режимы участия в экономической и социальной жизни.

Положение женщин на российском рынке труда остается противоречивым: при высокой формальной экономической активности заметны различия в оплате труда и ограниченные возможности карьерного роста. Мета-анализ исследований показывает, что значительная часть разрыва в заработках свя-

зана с семейными обязанностями и перерывами в занятости [5]. Дополнительное давление создает то, что именно женщины выполняют основную часть неоплачиваемого домашнего труда [6].

На фоне этих структурных ограничений цифровизация открыла новые формы участия в рынке труда. По данным аналитического доклада НИУ ВШЭ, платформенная занятость в России стала одной из самых доступных форм гибкой работы: она охватывает широкий круг работников и позволяет сочетать несколько видов занятости [7]. Исследования подчеркивают, что женщины используют платформы прежде всего как временный или переходный формат занятости – в период ухода за детьми, смены места проживания или перерывов в карьере. Гибкий режим участия и низкие входные барьеры делают платформы привлекательными, однако нестабильность доходов и ограниченная социальная защищенность остаются значимыми рисками.

Китайский контекст демонстрирует схожие тенденции. Уровень участия женщин в рабочей силе постепенно снижается, что сопровождается устойчивыми ожиданиями выполнения семейных обязанностей и ростом разрыва в доходах [8]. Международные доклады фиксируют увеличение числа женщин, занятых в гибких и платформенных форматах, особенно среди тех, кто совмещает оплачиваемый труд и уход за детьми [9]. При этом исследования показывают, что несмотря на расширение возможностей, цифровизация может усиливать различия в доходах между мужчинами и женщинами, особенно в сегментах низкооплачиваемой платформенной работы [10].

Таким образом, и в России, и в Китае платформенная занятость развивается в условиях структурного неравенства и высокой нагрузки по уходу. Это подталкивает женщин к гибким форматам работы, которые позволяют оставаться экономически активными даже при ограниченных возможностях участия в формальном рынке труда.

Исследования гибкой занятости подчеркивают, что переход к новым формам труда связан не только с технологическими изменениями, но и с более широкой трансформацией социальной структуры. Концепции Р. Сеннетта, У. Бека и З. Баумана показывают, что современный труд все меньше опирается на устойчивые институты и все больше – на индивидуальную способность адаптироваться к меняющимся условиям [1], [2], [3].

Для женщин платформенная занятость становится способом согласовать оплачиваемый труд с повседневными требованиями жизни. Гибкость графика, возможность работать из дома и эпизодическое участие позволяют не выпадать из рынка труда в периоды интенсивной нагрузки по уходу за детьми. Именно такие свойства платформ делают их важным ресурсом в периоды жизненных переходов – после рождения ребенка, при смене места проживания или временной утрате стабильной занятости.

Однако адаптивный потенциал платформ имеет и обратную сторону. Нестабильность доходов, зависимость от рейтингов, отсутствие формализованных гарантий и ограниченная возможность профессионального роста мо-

гут поддерживать и усиливать уже существующие неравенства. Международные исследования фиксируют, что даже в растущем сегменте цифровой экономики женщины нередко оказываются сосредоточены в низкооплачиваемых и менее устойчивых видах деятельности [11].

Если обобщить представленные наблюдения, можно сказать, что платформенная занятость становится значимым элементом повседневных стратегий женщин, живущих в условиях социальной трансформации. Ее привлекательность связана не столько с технологическими преимуществами, сколько с возможностью гибко распределять время, сохранять связь с рынком труда и поддерживать экономическую самостоятельность в периоды жизненных переходов.

Для многих женщин платформы оказываются одним из немногих доступных способов совмещать оплачиваемый труд и заботу, особенно тогда, когда формальный рынок предъявляет требования, плохо совместимые с реальными ритмами семейной жизни. Это делает платформенную занятость своеобразным механизмом адаптации, позволяющим сокращать эффект от карьерных разрывов и временной неопределенности.

В то же время недостаток институциональных гарантий, зависимость от алгоритмических оценок и концентрация женщин в низкооплачиваемых сегментах создают риски воспроизводства неравенства. Гибкость, которая помогает преодолевать ежедневные трудности, может оборачиваться хрупкостью занятости, если ответственность за социальную защищенность полностью переносится на самого работника.

Тем самым платформенная занятость занимает промежуточное положение между ресурсом автономии и источником уязвимости. Ее роль в жизни женщин определяется сочетанием индивидуальных обстоятельств и степени развитости механизмов регулирования, которые способны либо смягчать, либо усиливать структурные различия на рынке труда.

Понимание этой двойственности важно для дальнейших исследований и разработки политики в сфере занятости, поскольку позволяет увидеть, что цифровые формы труда не являются ни универсальным решением, ни однозначной угрозой, а формируют новое пространство социальных возможностей и ограничений, требующее внимательного анализа.

Источники:

1. Сеннет Р. Коррозия характера: последствия личностных изменений в новом капитализме. Новосибирск: ФСПИ «Тренды», 2004.
2. Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
3. Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008.
4. Глотова Н. И., Герауф Ю. В. Платформенная занятость – главный тренд развития рынка труда в современных условиях // Экономика. Профессия. Бизнес. 2021. № 4. С. 22–27. DOI: 10.14258/epb202151.

5. Рощин С. Ю., Емелина Н. К. Мета-анализ гендерного разрыва в оплате труда в России // Экономический журнал ВШЭ. 2022. Т. 26. № 2. С. 213–239.
6. Позняк П. В. Гендерное неравенство на российском рынке труда // Умная цифровая экономика. 2022. Т. 2. № 2. С. 64–72.
7. Синявская О. В., Бирюкова С. С., Горват Е. С., Карева Д. Е., Стужок Д. А., Чертенков К. О. Платформенная занятость в России: масштабы, мотивы и барьеры участия: аналитический доклад. М.: НИУ ВШЭ, 2022.
8. Wang X. Boosting women's labour force participation in China: current state and challenges // VoxDev. 2024.
9. International Labour Organization. Coverage of workers in diverse forms of employment and in selected sectors in China. Geneva: ILO, 2022.
10. Han J., Li M., Li S., et al. The widening gender wage gap in the gig economy in China: the impact of digitalisation // Humanities and Social Sciences Communications. 2024. Vol. 11. Art. 1639. <https://doi.org/10.1057/s41599-024-04172-1>
11. Тонких Н. В., Баранова Н. А. Качество трудовой, семейной и личной жизни при удаленной работе: мнения российских женщин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2022. № 2. С. 77–90.

Wei Lingdie (Saint Petersburg State University);

Bi Jianjun (Peoples' Friendship University of Moscow)

PLATFORM-BASED EMPLOYMENT AS A MECHANISM OF SOCIAL ADAPTATION FOR WOMEN IN TIMES OF TRANSFORMATION

This article analyzes how platform-based employment has become one of the accessible ways for women to maintain economic activity amid social transformation. Drawing on studies of the Russian and Chinese labor markets, it demonstrates that the flexibility of digital platforms allows women to combine work with caregiving responsibilities. However, in the absence of stable guarantees and protections, such employment may also intensify vulnerability and constrain opportunities for professional growth. Thus, platform-based work serves both as a resource for adaptation and as a space for the reproduction of gender and social inequality.

Platform employment; flexible work; women; social adaptation; labor market

УДК 004.8

В. А. Глухих (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: vladimirglu@mail.ru);

Н. П. Кирсанова (Университет при МПА ЕврАзЭС, e-mail: kirsanovan@mail.ru)

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ИНСТРУМЕНТ УСИЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В ОБРАЗОВАНИИ

Статья посвящена роли искусственного интеллекта (ИИ) в образовании и его влиянию на формирование человеческого капитала. ИИ оказывает значительное воздействие на образовательный процесс: персонализирует обучение, автоматизирует рутинные задачи, повышает доступность и инклюзивность образования. Однако наряду с преимуществами важно учитывать ограничения и возможные негативные последствия чрезмерного доверия к алгоритмам. Необходимо развивать у студентов критическое мышление и способность анализировать получаемую информацию, тогда цифровые компетенции будут усиливать человеческий капитал, а не заменять его.

Цифровизация, искусственный интеллект, человеческий капитал, образовательный капитал, цифровая трансформация образования

Технологии искусственного интеллекта (ИИ) неотвратимо проникают во все сферы деятельности: начиная от повседневной и заканчивая научной. А для молодого поколения ИИ уже становится обыденностью. Как показало исследование, проведенное Высшей школой экономики, среди более, чем четырех тысяч учащихся 10 ведущих университетов страны в марте – апреле 2025 года [См.: 1], подавляющее число студентов активно применяют технологии ИИ. Исследователей интересовало, считают ли студенты искусственный интеллект полезным и насколько доверяют ему. Согласно исследованию, «около 87% респондентов используют ИИ в процессе своего обучения. Из них 36% – для выполнения учебных задач больше одного раза в неделю, 33% – несколько раз в месяц, 10,7% – ежедневно. 12,5% респондентов никогда не используют ИИ в обучении» [1]. Основной причиной использования ИИ респонденты указали экономию времени (75%). При этом, подавляющее большинство тех, кто активно применяет технологии ИИ, отметили, что сэкономленное время они тратят на отдых и личную жизнь, что говорит о желании молодежи сохранить баланс между учебой и личной жизнью.

Современные студенты зачастую разбираются в технологиях ИИ лучше, чем преподаватели. Таким образом, ключевой задачей в образовании становится задача формирования у студентов аналитических навыков и критиче-

ского мышления, составляющих, как показывают современные концепции, фундамент человеческого капитала [2].

По словам Шапиро Н. А. и Приходько Р. В., образование является «одним из важнейших факторов, формирующим «запас» человеческого капитала, наличие которого проявляется в сформированных компетенциях как общепрофессиональных, так и специфических, которые зависят от уровня и направления развития общества и экономики, и конкретных сфер возможного применения. Сформированный «запас» знаний и компетенций превращается в капитал тогда, когда находит сферы применения, где приобретенные компетенции востребованы» [3, с. 5].

Человеческий капитал, и в частности его образовательная составляющая, в настоящее время является ключевым фактором, определяющим положение человека на рынке труда и его профессиональное развитие [4].

Активная цифровизация и развитие искусственного интеллекта создают сегодня новые условия для понимания и конструирования образовательного капитала, указывая на необходимость его переосмысления в свете современных социальных и экономических вызовов. Особая роль отводится новым технологиям, в том числе, искусственному интеллекту, который создает новые возможности и меняет способы приобретения и использования образовательного капитала.

Искусственный интеллект используется, в первую очередь, в повседневных образовательных задачах, где важны эффективность, скорость и форма представления информации. Для более сложных задач ИИ применяется с большей осторожностью, что свидетельствует о растущем осознании студентами как возможностей, так и ограничений этой технологии [5].

Баслык Е. П. выделяет следующие основные направления воздействия искусственного интеллекта на образовательный процесс [6]:

1. Глубокая персонализация обучения. Системы на основе ИИ анализируют успеваемость, предпочтения и стиль обучения учащихся, корректируя темп и уровень сложности материала в соответствии с индивидуальными потребностями. В традиционной модели обучения, где преобладают лекции, добиться персонализации гораздо сложнее.

2. Автоматизация рутинных задач. Речь идет о стандартизированных задачах: проверке тестов, создании отчетов успеваемости, автоматической обратной связи.

3. Интеллектуальная аналитика данных для поддержки принятия решений. ИИ-системы могут обрабатывать огромные массивы данных об успеваемости, вовлеченности и поведении учащихся. Это позволяет выявлять закономерности, прогнозировать риски (академическая неуспеваемость, эмоциональное выгорание), оценивать эффективность методик и программ, предоставляя педагогам и администраторам ценную аналитическую основу для принятия обоснованных решений;

4. Повышение доступности и инклюзивности. современные инструменты ИИ позволяют создавать автоматические субтитры и транскрипцию, преобразовывать текст в речь и т. д. Это делает образование более доступным для всех категорий обучающихся.

Если говорить о рекомендациях и методиках использования технологий ИИ, то одним из значимых документов является так называемый «Пекинский консенсус» – документ, принятый в рамках международной конференции по ИИ и образованию, проходившей в 2019 г. под эгидой ЮНЕСКО [7]. В документе содержатся общие рекомендации и принципы в области внедрения и управления технологиями ИИ.

Согласно исследованию [4], студенты предпочитают гибридную модель обучения, которая использует как потенциал современных технологий, так и ценность традиционного контакта с преподавателем. Хотя некоторые респонденты остаются приверженцами классических методов, а некоторые заявляют о своей готовности учиться исключительно с помощью искусственного интеллекта, преобладающий выбор гибридного варианта предполагает направление развития образования, ориентированного на интеграцию цифровых решений с опытом и компетенциями преподавателей.

Таким образом, можно выделить несколько направлений, которые могут эффективно поддержать процесс формирования образовательного капитала современных студентов.

Во-первых, оптимальной представляется разработка гибридной модели обучения, которая объединяет традиционные академические методы с возможностями, предоставляемыми ИИ. Студенты осознают ценность контакта с преподавателем, но в то же время стремятся использовать технологические инструменты для поддержки процесса обучения. Этот формат позволяет использовать преимущества обоих подходов: взаимоотношения и взаимодействие между людьми, а также эффективность и гибкость цифровых решений.

Во-вторых, поэтапное и прозрачное внедрение инструментов, основанных на искусственном интеллекте. Крайне важно, чтобы учащиеся и преподаватели понимали цели использования технологий и знали об их ограничениях.

В-третьих, нужно понимать, что в условиях растущей автоматизации меняется роль преподавателя. Из основного источника знаний он становится наставником, гидом и фасилитатором процесса обучения [См.: 8]. Его основной задачей становится развитие мягких навыков, социальных отношений и ценностей. Эти навыки остаются за пределами досягаемости алгоритмов, являясь при этом значительной составляющей образовательного капитала.

Преподаватели, профессорско-преподавательский состав и академическая среда в целом играют ключевую роль в увеличении образовательного капитала студентов. Именно они создают среду, благоприятную для получения знаний, развития профессиональных компетенций и формирования ценностных установок.

Фундаментальной отправной точкой для анализа влияния современных технологий на развитие человеческого капитала (и образовательного, как его части) является теория капитала Пьера Бурдье, которая позволяет нам выявить механизмы накопления, воспроизводства и обмена культурным, социальным и экономическим капиталом в сфере образования.

Интеграция ИИ в образовательные процессы открывает новые возможности и, в то же время, ставит задачу переосмысления традиционных механизмов доступа к знаниям и развитию компетенций молодежи.

Расширение классических концепций капитала за счет включения цифрового измерения имеет важное значение для понятия цифрового капитала, определяемого как «сумма цифровых ресурсов и компетенций для эффективного функционирования в цифровой среде, которая взаимодействует с культурным и социальным капиталом, позволяя человеку влиять на свое положение в образовательном процессе» [4].

Авторы подчеркивают, что цифровой капитал играет ключевую роль в формировании личности, влияя на уровень образования и различные аспекты социальной жизни.

Цифровой капитал может быть, с одной стороны, представлен как набор цифровых компетенций и технологий, а, с другой стороны, подчеркивает связь между цифровыми компетенциями и различными аспектами культурного и образовательного капитала [4].

В литературе по данной теме также подчеркивается, что искусственный интеллект является активным компонентом образования, поскольку он влияет на взаимоотношения между субъектами и формирует новые формы символического и экономического капитала.

В заключение следует отметить, что растущая роль искусственного интеллекта в образовании требует междисциплинарного подхода, сочетающего классические социологические теории, такие как концепция капитала П.Бурдье, с современными исследованиями в области технологий, этики и цифрового равенства. Только такой всесторонний подход позволит в полной мере понять и оценить влияние искусственного интеллекта на формирование человеческого капитала молодежи и сравнить его с традиционными моделями обучения.

Источники:

1. ИИ в образовании: как преодолеть соблазн готовых решений. Режим доступа: <https://www.hse.ru/news/edu/1038459152.html> (дата обращения: 01.12.2025)
2. Фролов О. А. Современные концепции теории человеческого капитала // Инновации и инвестиции. 2020. №8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-kontseptsii-teorii-chelovecheskogo-kapitala> (дата обращения: 11.12.2025).

3. Шапиро Н. А., Приходько Р. В. Концепция человеческого капитала – актуальная сегодня и отвергнутая в прошлом// Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и Экологический менеджмент» № 3, 2024. URL: <https://economics.ihbt.ifmo.ru/file/article/22995.pdf> (дата обращения: 11.12.2025).

4. The Role of Artificial Intelligence (AI) in Shaping the Educational Capital of Students at the University of Rzeszów: A Comparison with Traditional Teaching

5. Barwinska-Malajowicz A., Pyrek R. The Role of Artificial Intelligence (AI) in Shaping the Educational Capital of Students at the University of Rzeszów: A Comparison with Traditional Teaching// European Research Studies Journal, Volume XXVIII, Issue 3, 738–757, 2025. URL: <https://ersj.eu/journal/4073> (дата обращения: 09.12.2025).

6. Баслык Е. П. Искусственный интеллект в современном образовании// Актуальные исследования. №28 (263), июль 25. URL: <https://apni.ru/article/-12661-iskusstvennyj-intellekt-v-sovremennom-obrazovanii> (дата обращения: 05.12.2025).

7. Beijing Consensus on Artificial Intelligence and Education // UNESCO Digital Library URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000368303> (дата обращения: 11.12.2025).

8. Глухих В. А., Кирсанова Н. П. Образование в бані-мире – новая реальность// Современное образование: содержание, технологии, качество. 2023. Т. 1. С. 62–64.

V. A. Glukhih (*St. Petersburg State Electrotechnical University «LETI»*);

N. P. Kirsanova (*University associated with the IPA EurAsEC*)

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A TOOL FOR STRENGTHENING HUMAN CAPITAL IN EDUCATION

The article is devoted to the role of artificial intelligence (AI) in education and its impact on the formation of human capital. AI has a significant impact on the educational process: it personalizes learning, automates routine tasks, and increases accessibility and inclusivity of education. However, along with the advantages, it is important to consider the limitations and possible negative consequences of excessive trust in algorithms. It is necessary to develop students' critical thinking and the ability to analyze the information they receive, then digital competencies will strengthen human capital, rather than replace it.

Digitalization, artificial intelligence, human capital, educational capital, digital transformation of education

УДК 81'33

Н. Л. Грейдина (Дипломатическая академия МИД России, e-mail: greidina@yahoo.com)

СЛОВО В МЕДИЙНОЙ СРЕДЕ: ИНФОРМАЦИЯ И ДЕЗИНФОРМАЦИЯ

Данное научное исследование посвящено анализу актуальных вопросов, характеризующих медийное пространство. Предмет исследования связан с лингвоинтерпретацией медийного дискурса с учетом его внешнеполитического характера. Решение исследовательской цели достигается посредством использования комплексной методологии на основе лингвокогнитивного подхода как к процессу формирования медийного дискурса, так и его истолкованию. Материалом исследования служат медийные тексты. Новизна исследования определяется детерминацией лингвокогнитивного медийного диссонанса на международном уровне. Вывод исследовательской работы связан с установлением интерпретационной тональности медийного дискурса на внешнеполитическом векторе его реализации.

Медийный дискурс, информация, дезинформация, лингвокогнитивный анализ, политический анализ, дискурсивная практика, медийный диссонанс, национально-государственные интересы, внешняя политика

Слово является не только эффективным проводником мысли, но и важным двигателем превращения выраженной в нем мысли в действие. В медийной среде слово оказывает наряду с социально-контролирующим, образовательно-просветительским воздействием и информационное.

В XXI веке развития социума во многом детерминируются значительными изменениями в медийной сфере.

Если военные конфликты обладают рядом правовых и этических ограничений, основанных на международных конвенциях и договорах, информационно-коммуникативные войны не имеют выработанных и закреплённых границ применения стратегических и тактических приемов, действий и технологий. В этой связи нельзя не согласиться с мнением П. Вирильо о том, что на современном этапе главнейшим орудием войны является не более или менее изощренная стратагема, а устранение видимости фактов [1, с. 86]. Это следование максиме А. В. Понсонби: «The first causality of war is truth» («Первой жертвой войны оказывается правда») [2, с. 67].

В этих условиях не разрабатываются новые маневры и оригинальные тактики, а прибегают к стратегическому сокрытию информации при помощи дезинформации, являющейся не столько уловкой и заведомой ложью, сколь-

ко пренебрежением самим принципом истины. Правда уже не маскируется, а упраздняется: реальность уступает место изображению и интерпретации.

В данном исследовании под дезинформацией понимается намеренное распространение ложной или искаженной информации с целью введения в заблуждение, манипулирования для достижения определенных целей.

В рамках исследования анализу подвергается политическая дезинформация с типичными для нее подвидами:

- манипуляция фактами (представление фактов в искаженном или выборочном виде в целях создания иной интерпретации событий);
- ложные новости (целенаправленное создание фактов).

В медийной среде релевантность слова определяется его уместностью. В медийной среде это означает соответствие контексту. В этом смысле медийная среда, представляя собой форму, подчеркивает смысл как содержание. Таким образом медийный контекст не только подчеркивает, но и формирует содержание обращений, в частности в рамках политического дискурса. Подобный подход является одной из основ лингвокогнитивного анализа.

При этом дискурс в данном контексте в целях обозначения коммуникативного образа действительности, отражающего ценностные и идеологические установки.

Примером актуализации подобного принципа является выступление российского президента В. В. Путина. В анализируемом обращении российского руководства, нацеленном, прежде всего на внешнеполитический контур – политическую власть США, проявляется ужесточение позиции России в отношении украинского режима. Медийной средой в данном случае стали военные – моряки-подводники атомного подводного крейсера «Архангельск» и церемония спуска на воду атомной подводной лодки «Пермь». В этой связи как символичен, так и прагматичен выбор аудитории президентом России – военные, которым предстоит положить конец войны на Украине. Отсутствие стереотипизации в обращении президента подчеркивает медийная среда – нерядовое событие спуска на воду атомного подводного крейсера. Атомная подводная лодка как фоновая медийная составляющая усиливает стратегичность заявленной позиции России.

Адресатом послания президента России В. В. Путина стали морские державы, существование и мощь которых связывается и обеспечивается флотом. Спущенная на воду «Пермь» является первой лодкой, модернизированной под применение гиперзвуковых ракет «Циркон», позиционируемых не только как убийц морских объектов, но и авианосцев, и надводных флотов в целом.

Данное обращение российского лидера В. В. Путина характеризуется аллюзивностью и транслирует очевидную ассоциацию с событиями цирковой дипломатии 2021 г., когда с сентября по ноябрь указанного года подводная лодка «Северодвинск» и многоцелевой фрегат «Горшков» произвели пуск «Циркона». При этом на фоне этих маневров – отстрела гиперзвуковых

боеприпасов – была сделана серия заявлений высшего военно-политического руководства России.

Вербальная составляющая медийной среды со стороны России носила интенсивно ультимативный характер и была нацелена на руководство США. В частности, предлагалось заключить договор о взаимных гарантиях безопасности, по условиям которого США должны были

- остановить расширение НАТО на восток;
- отказаться от создания военных баз на территориях бывших республик СССР;
- отказаться от развертывания ударных систем в регионах, откуда можно дотянуться до территории России (в том числе, в Норвегии, Северном море и Японии);
- отказаться от развертывания ракет малой и средней дальности за пределами американских границ;
- признать за Россией «коренные интересы безопасности».

Результатом стало недоверие властей США (прежней администрации Дж. Байдена) к транслируемой медийной информации, которая была воспринята в качестве российской дезинформации, а со стороны России – начало СВО (специальной военной операции) менее чем через два месяца.

На данном этапе словесный контент медийной среды со стороны президента России В. В. Путина не характеризуется дипломатической ультимативностью, а построен на тактиках политических предложений, периодически сопровождаемых медийным невербальным контекстом – подводными лодками, заточенными под убийство ключевого элемента американской морской и геополитической мощи.

Позиции дезинформации отражаются в СМИ США, которые анализируют сплоченность российского президента и российского народа как преднамеренное «заигрывание» с населением: «Putin is consciously playing to a conservative majority» («Путин сознательно играет на консервативном большинстве») [3].

«Putin's policy is permeated by a wacky, retrograde, Slavophile worldview that is centered on a strong Russia enchanted with its own past and in which the outside world plays only a negative role, if it is featured at all» («Политика Путина пронизана дурацким, ретроградным, славянофильским мировоззрением, которое сосредоточено на сильной России, очарованной своим собственным прошлым, и в котором внешний мир играет только негативную роль, если она вообще присутствует») [3].

Указывается, что идеологический поворот В. Путина может быть взрывным и агрессивным: «Putin's spiritual-moral turn becomes dangerous» («Духовно-нравственный поворот Путина становится опасным») [4].

СМИ США представили результаты президентских выборов 2024 г. в России как сфальсифицированные, дезинформирующие общественность: «orchestrated win» («организованная победа») [5], «stage-managed presidential

vote» («организованное президентское голосование») [4], «*a foregone conclusion of the victory*» («предрешенная победа») [5], «*pegging the election results*» («подтасовка результатов выборов результаты») [5], «*a make-believe exercise*» («инсценировка») [5], «*the carefully choreographed presidential votes*» («тщательно спланированные президентские выборы») [5], «*an undemocratic election*» («недемократические выборы») [6, с. 3], «*the least transparent election in recent Russian history*» («наименее прозрачные выборы в новейшей истории России») [6, с. 3], «*rigged election*» («сфальсифицированные выборы») [7, с. 3], «*pre-determined election*» («предопределенные выборы») [7, с. 3], «*neither free nor fair elections*» («ни свободные, ни справедливые выборы») [7, с. 3], «*so-called election*» («так называемые выборы») [7, с. 3], «*a sham election*» («фиктивные выборы») [8], «*a rubber-stamp presidential election*» («обычные президентские выборы») [9] (такое название выборов указывает на политическую метафору, которая связывает результаты с признанием де-юре, но незначительность возможностей признания де-факто).

Подобная политическая дезинформация нацелена на построение фейкового образа российского лидера. Под образом в данном исследовании понимается комплекс логико-эмоциональных представлений вербально-невербального характера, формирующихся на сознательном и подсознательном уровнях носителя языка [10, с. 176].

В данном случае образ политического лидера России связывается с историческим, континуальным во временном смысле субъективным формированием образа страны в общественном сознании на основе личных впечатлений, сведений из документальных и художественных источников, мнения журналистов, выраженных в медийной сфере.

Медийный образ охватывает представления о субъекте в системе общественного мнения и восприятия, которые формируются медийными средствами.

Базовыми предпосылками создания медийного образа российского лидера в англоязычном медиапространстве являются восприятие страны на уровне правящих элит и рядовых граждан, национальной исторической памяти, двусторонних отношений между странами, англоязычные информационные регуляторы. При этом восприятие российского лидера соотносится с мифологизированными и стереотипизированными представлениями о нем.

Мифологизированное восприятие лидера России основано на его постижении в эмоционально-чувственных образах, которые, наполняя данный объект осмысления более глубоким смыслом, переходят в языковую плоскость. Стереотипизированное восприятие президента России определяется его оценкой на основе распространения существующих представлений и стереотипов как устойчивых образов упрощенного характера.

Медийный образ российского лидера акцентирует внимание на целенаправленном характере данного процесса, реализуемом средствами медиа с

использованием существующих манипуляторных технологий, охватывающих техники, способы, приемы, средства.

Образ президента России в англоязычном медийном дискурсе отражает комплекс новостной и стереотипной информации, обусловленной современной политической конъюнктурой и историческими экскурсами.

В результате наблюдается медийный диссонанс на уровне внешнеполитического вектора действия медиа США: несоответствие заявленных целей полученным результатам.

Такую политическую дезинформацию необходимо замечать и быть в состоянии ей противостоять. Для этого необходимы знания в области лингвострановедения, политологии, истории и культуры анализируемой страны, этнопсихологии ее народа, с одной стороны. В то же время важно иметь требуемую лингвистическую подготовку для аналитического чтения информационного или новостного материала. Данная подготовка становится особенно продуктивной в совокупности с риторическим анализом текста.

В рамках освоения текстового анализа важно развивать умение определять соответствие текста реальной политической ситуации, понимать поставленные прессой США задачи, видеть их отражение в медийном продукте. Не менее важным представляется оценить целевую установку редакции или автора текста на фоне взаимоотношения последнего со своей реальной и потенциальной аудиторией. Навык нахождения в тексте аргументов отражаемой точки зрения и их отнесение к соответствующим типам и видам аргументации также является полезным в этом процессе. Это способствует осознанию, нахождению и противостоянию текстовым манипуляторным приемам.

Источники:

1. Вирильо П. С. Машина зрения. М.: Наука, 2023. 396 с.
2. Ponsonby A. A. *Falsehood In War-Time*. N.Y.: Appleton, 2021. 378 p.
3. Hear what Putin said at his inauguration. (2024, May 7). Retrieved June 18, 2024, from <https://edition.cnn.com/2024/05/07/world/video/putin-inauguration-speech-russia-moscow-digvid/index.html>.
4. Edwards Ch. K. Putin Extends one-man rule in Russia after stage-managed election devoid of credible opposition. (2024, March 17). Retrieved June 16, 2024, from <https://edition.cnn.com/2024/03/17/europe/putin-wins-russia-presidential-election-intl/index.html>.
5. MacFarquhar N. S. 5 Takeaways from Putin's Orchestrated Win in Russia. (2024, March 18). Retrieved April 26, 2024, from <https://www.edition.cnn.com/2024/03/18/world/video/putin/takeaways-orchestrated-win-112919515.html>.
6. Troianovski A. K. With New Six-Year Term, Putin Cements Hold on Russian Leadership. (2024, March 17). *New York Times*.
7. Leven D. R. Putin 'Wins' Rigged Russian Election with 87 Percent of the Vote. (2024, March 17). *Politico*.

8. Sheridan D. S. Putin is a Modern-Day Stalin, Says Shapps after Russian Leader Wins Sham Election. (2024, March 18). Retrieved June 26, 2024, from <https://www.wsj.com/news/putin-modern-day-stalin-says-223000160.html>.

9. Strange Moment in New Putin Speech. (2024, June 16). Politico.

10. Валгина Н. С. Теория текста. М.: Логос, 2025. 386 с.

N. L. Greidina (*The Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry*)

THE WORD IN THE MEDIA ENVIRONMENT: INFORMATION AND DISINFORMATION

This scientific study is devoted to the analysis of topical issues that characterise the media space. The subject of the study is related to the linguistic interpretation of media discourse, taking into account its foreign policy nature. The research goal is achieved through the use of a comprehensive methodology based on a linguistic and cognitive approach to both the formation of media discourse and its interpretation. The material of the study is media texts. The novelty of the study lies in the determination of linguistic and cognitive media dissonance at the international level. The conclusion of the research is related to establishing the interpretative tone of media discourse in the foreign policy vector of its implementation.

Media discourse, information, disinformation, linguocognitive analysis, political analysis, discursive practice, media dissonance, national and state interests, foreign policy

УДК 811

L. V. Grigorieva (A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia, Herzen University; email: lyubasya@list.ru)

Research Supervisor:

Yu. A. Filyasova (A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia, Herzen University; email: phill.yield@gmail.com)

PHONETIC MEANS OF EMPHASIS IN ENGLISH PROMODISCOURSE

Phonetic means of emphasis function in conjunction with other linguistic means of accentuation information: the imperative, antithesis, emotive vocabulary, synonymous pairs, repetition of morphological units, first- or second-person narration, and parcellation.

Alliteration, assonance, rhyme, prominence, parcellation, second-person narration, emotive vocabulary, synonymous pair, antithesis

English promotional discourse is characterized by multiple linguistic means of attractive attention, such as metaphor, hyperbole, epithet, metonymy, personification, antithesis, comparison, repetition, parallelism [1], [2], phonetic means – vocal pitch, tone, register, accents, onomatopoeia, voice characteristics, synesthetic tropes [3]. In addition, syntactic means of expression serve as persuasive techniques for attracting attention, such as interrogative and exclamative constructions [4], ellipsis, parcellation [5], inversion [6] and fronting, cleft- and pseudo-cleft sentences, introductive, elaborative and duplicated constructions [7]. At the lexical level, expressive and evaluative vocabulary, intensifiers, phraseological and idiomatic units, subjective-modal attitude, modal verbs enhance the impression of brand image [8]. In contrast to research discourse, which is normally neutral in style and has a nominative character [9], headings in promotional discourse are aimed at interaction with readers and their involvement into narration.

English promotional discourse deploys a multitude of colloquial techniques in order to imitate the simplicity of spontaneous speech and produce the impression of an easy-going style of promotext representation [10]. The inclusion of phonetic means is also aimed at creating a true-to-life conversational style which is close to spoken speech where prominence is reached through segmental and supra-segmental features [11]. Obviously, phonetic means act in combination with those at the lexical and grammatical levels since phonetic phenomena are integral characteristics of meaningful linguistic units and cannot function autonomously [12]. The description of phonetic prominence is combined with functional and semantic content analysis [13]. The research into emphasis gives insight into language functioning in its interaction among its different levels and types of linguistic units, which constitutes the theoretical significance of the study. The integration of pro-

motional texts into the practice of teaching English as a foreign language introduces wide opportunities for students to learn emotionally rich language relying on a number of phonetic, lexical and grammatical means that constitute the basis for emphatic speech [14; 15].

The aim of this research is to analyze phonetic means of emphasis in English promotional discourse, in combination with other linguistic means of prominence. Promotional brochures devoted to automobiles – their technical characteristics and customer benefits – served as material for the research. Intratextual headings inside the brochures were the object of the research. The discourse combined both informative and advertising materials. The research methods included discursive analysis, linguistic analysis, stylistic classification and semantic categorization. Phonetic means identified as elements of prominence were further divided into three groups. Let us consider them in more detail.

Alliteration as a stylistic technique involves repetition of initial consonants in words which constitute one phrase, sentence or single communicative unit. The majority of the consonants was represented by voiceless consonants – plosives /k/, /p/, weak plosive /b/, weak affricate /dʒ/, voiceless plosive and sonant /pl/, voiceless fricatives /f/, /s/, /θ/, voiceless combination /ks/.

Examples: COOL AND COLLECTED / A CAVERN FOR CARGO / FEEL-GOOD FUEL EFFICIENCY / THE FUSING OF FORM AND FUNCTION / FamCAM KEEPS YOU FACING FORWARD / XTREME XCITEMENT. BMW X / POISE, PRESENCE AND PERSONALITY / PLUG AND PLAY / INGENIUM ENGINES.

COOL AND COLLECTED – the pair of the synonyms underlines composure and calmness related to brand personality associated with good isolation in the salon interior which provides comfortable microclimate.

A CAVERN FOR CARGO – the metaphor builds associations with huge space inside the car boot.

FEEL-GOOD FUEL EFFICIENCY – the alliteration focuses strong emotional connection with an economical engine which promises economic benefits for potential car owners.

THE FUSING OF FORM AND FUNCTION – the unity of form and functional properties of the car is emphasized in the phonetic form of the heading.

FamCAM KEEPS YOU FACING FORWARD and XTREME XCITEMENT. BMW X. – these headings contain the key consonants in the brand names /f/ and /ks/ which are repeated in the contextual neighbors, thus intensifying the brand names.

POISE, PRESENCE AND PERSONALITY – the repetition of consonants emphasizes the personalized automobile qualities which metaphorically connect its competitive advantages and emotional customer expectations.

PLUG AND PLAY – the alliteration is combined with the imperative form of the verbs and their semantics, providing persuasive reasons for the customer assurance of excellent engine power and performance.

INGENIUM ENGINES – the repetition of the consonant /dʒ/ contributes to accentuating engine properties.

Assonance as repetition of vowels makes headings more memorable and expressive, evokes certain mood and emotion, and reinforces meaning; in addition, assonance enhances imagery and cohesion through connecting contextually related lexical units. The obtained material provides evidence for repeating front or front-related vowels: /ɪ/, /e/, /æ/, /aɪ/, /i:/, /aʊ/, /ʌ/. Phonosematically, these are associated with positive emotions and positive attitude towards the denoted objects [16].

Examples: Individual and intuitive / EFFORTLESSY CONNECT TO EVERYTHING AND EVERYONE / PACK YOUR BAGS / UNCOVER THE UNEXPECTED / REDEFINING REFINEMENT / Outfit your Outback

UNCOVER THE UNEXPECTED – the assonance is added by the imperative and the negative prefix with contextually positive semantics.

PACK YOUR BAGS – the assonance is combined with the imperative; semantically, the phrase forms connections with journey-related activities.

Rhyme is an effective phonetic technique since it creates patterns easily accepted and memorized by the human mind. Due to rhyme, potential customers subconsciously develop favorable connections between brands and their perception. Noteworthy, the vowels involved in the rhymes also belong to front-related sounds – /eɪ/, /i:/, /e/, /ʌ/.

Examples: RACE WITH GRACE. / ADD SUN TO THE FUN. / ACTUALLY, IT IS MY WAY OR THE HIGHWAY / Easy. Breezy. / Feel protected. Stay connected. / Tough Not Rough / LESS IMITATION. MORE INNOVATION. / TECH THAT PROTECTS.

LESS IMITATION. MORE INNOVATION – rhyme is accompanied by antithesis which underlines sophisticated technology.

ACTUALLY, IT IS MY WAY OR THE HIGHWAY – first person narration creates a more personal text perception and even complete identification of the narrator with personal customer expectations.

To summarize, phonetic means constitute effective persuasive connections in the consumer minds owing to pleasant perception and effortless memorization of information, especially the technical and user-oriented automobile properties.

References:

1. Filyasova Yu. A. The Stylistics of English Headlines in Promotional Discourse: a Multidimensional Study // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2023. Vol. 14, No. 3. P. 856–875.
2. Gao B. Linguistics means of prominence in English promotional discourse // Humanitarian Scientific Bulletin. 2025. No. 10. P. 117–123.
3. Медведева Н. С. Средства звуковой аттракции в рекламе (на материале англоязычных и франкоязычных рекламных видео и радио роликов) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2007. № 2-2. С. 201–207.

4. Filyasova Yu. News Headlines: A Contrastive Linguistic Analysis // 5th international multidisciplinary scientific conf. on social sciences and arts SGEM 2018: conference proceedings. Vol. 5 (3.1). Vienna, 2018. P. 333–344.
5. Филясова Ю. А. Парцелляция как графическое средство выразительности в английских рекламных заголовках // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15, № 4. С. 1215–1231.
6. Дегтярева В. В., Саланина О. С. Инверсия как средство создания эмфазы // Языки и литература в поликультурном пространстве. 2025. № 11. С. 30–32.
7. Филясова Ю. А. Синтаксические средства эмфазы в английском рекламном дискурсе // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. № 3. С. 27–42.
8. Ладоша О. М. Языковые средства выражения эмфазы в немецкоязычном научно-публицистическом тексте // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2020. № 3(832). С. 57–67.
9. Filyasova Yu. A. A Linguistic Analysis of Petroleum-Related English Research Article Titles // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2020. Vol. 11, No. 1. P. 120–134.
10. Bogdanova-Beglarian N., Filyasova Y. Active processes in modern spoken Russian language (evidence from Russian) // Communications in Computer and Information Science. 2018. Vol. 859. P. 391–400.
11. Филясова Ю. А. Взаимодействие сегментных и просодических факторов при реализации акцентного выделения: темпоральный аспект (экспериментально-фонетическое исследование на материале британского варианта английского языка): спец. 10.02.19 «Теория языка»: дисс. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2010.
12. Николаева Т. М. Интонационный поток и его функциональные соседи // Человек говорящий: исследования XXI века: к 80-летию со дня рождения Л.В. Бондарко. Иваново, 2012. С. 83–89.
13. Филясова Ю. А. Просодическое оформление выделенного слова в различных позициях в синтагме // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2008. № 2–2. С. 249–256.
14. Нечаева Н. В., Кириллова Ю. Н. Перспективы использования текстов социальной рекламы в обучении иностранным языкам // Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку в образовательных организациях высшего образования МВД России: традиции и инновации. Санкт-Петербург, 2017. С. 144–149.
15. Филясова Ю. А. Моделирование системы непрерывного и тематического контроля уровня развития иноязычной коммуникативной компетенции // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2015. № 4. С. 210–223.

16. Шамина Е. А. Универсальная классификация ономастов С. В. Воронина как инструмент изучения языковых звукоподражаний // Актуальные проблемы языкознания. 2019. Т. 1. С. 277–281.

Л. В. Григорьева (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

Научный руководитель:

Ю. А. Филясова (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

ФОНЕТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ЭМФАЗЫ В АНГЛИЙСКОМ ПРОМОДИСКУРСЕ

Фонетические средства эмфазы функционируют в совокупности с другими языковыми средствами выделения информации: императивом, антитезой, эмотивной лексикой, синонимичными парами, повторением морфологических единиц, повествованием от первого или второго лица, парцелляцией.

Аллитерация, ассонанс, рифма, акцентное выделение, парцелляция, повествование от второго лица, эмотивная лексика, синонимическая пара, антитеза

УДК 93/94

А. Б. Гуркин (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: abgur313@mail.ru);

Я. А. Гуркин (Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет), СПбГТИ (ТУ), e-mail: yargur@mail.ru

ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК ПОЛИЦИИ» КАК ВАЖНЕЙШИЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ СЫСКНОЙ ПОЛИЦИИ

Изучение истории сыскной полиции Санкт-Петербурга сталкивается с проблемой недостаточной источниковой базы. Масса документов, накопленных за полвека существования данной структуры, была безвозвратно утрачена сразу после Февральской Революции 1917 года. В этой связи периодическая печать позволяет отчасти восполнить эту потерю. Наиболее информативным источником среди периодических изданий, является журнал «Вестник полиции». На его страницах печаталась самая разнообразная информация, связанная с функционированием полиции. Здесь публиковались официальные нормативные документы, криминальная хроника, материалы, направленные на повышение профессионального и образовательного уровня сотрудников полиции.

Журнал «Вестник полиции», сыскная полиция, криминалитет, нормативно-правовые акты, розыскная деятельность, дактилоскопия, полицейские собаки

Жизнь криминального Петербурга второй половины XIX–начала XX века вызывала повышенный интерес у современников. Целый ряд писателей, художников, тогдашние газеты, ученые-правоведы – каждый в своей области не обошли своим вниманием это явление. Определенный интерес сохраняется и сегодня. «Петербургские трущобы» Крестовского или воспоминания Путилина переиздают и читают. На эти сюжеты снимают целые сериалы. В то же время научных исторических исследований сравнительно мало. Преступный мир и его антагонист – сыскная полиция не часто становятся предметом изучения. Связано это прежде всего с тем, что источниковая база для серьезных исследователей, привыкших работать в архивах, крайне мала. До нас дошла лишь ничтожная часть документов, связанных с деятельностью сыскной полиции Санкт-Петербурга, а составлено их было громадное количество. Далеко не всякая государственная структура имела столь обширный документооборот.

К концу XIX века сыскная полиция столицы состояла из пяти структурных подразделений: стола (отдела) приводов, стола находок, стола о дворниках и антропометрического бюро, фотографии и канцелярии.

Стол приводов играл роль координирующего центра и в его задачу входила работа по сбору, систематизации и хранению всевозможной информации о лицах, замеченных во всевозможных противоправных проявлениях. В эту категорию в первую очередь попадали лица ранее судимые, далее шли те, чье поведение рассматривалось как «предосудительное», подвергавшиеся различным административным взысканиям, находящиеся в розыске за совершенные преступления, высланные из города. Также полагалось отвечать на запросы различных учреждений, поступающие из других губерний и даже из-за границы. Частные лица также могли обращаться в стол приводов с просьбой предоставить им информацию о благонадежности лиц, поступающих на работу в качестве домашней прислуги, кучеров, дворников и швейцаров, служащих в увеселительных заведениях [1, с. 287–278].

Архивы сыскной полиции за пять десятков лет накопили громадный объем информации о той части петербургского общества, которая была не в ладах с законом. Однако, до нас дошла лишь ничтожная часть этих документальных свидетельств эпохи. Февральская революция 1917 г. и последовавшие за ней события привели к тотальному уничтожению полицейской документации. В ходе сведения счетов с прежней властью гнев народа обрушился в первую очередь на полицию, которая воспринималась как важнейший оплот самодержавия. Есть основания полагать, что самое активное участие в погромах принимали уголовные элементы и многочисленные осведомители и внештатные сотрудники полиции. Были разгромлены и сожжены здания сыскной полиции на Офицерской улице (ныне Декабристов, д. 28), полицейского архива на Екатерининском канале, Окружного суда на Литейном проспекте, Департамента полиции на Фонтанке, Литовского замка и т. д. Ценнейшие архивные документы были потеряны, и в этой связи возрастает значение периодической печати как источника по истории Санкт-петербургской сыскной полиции.

К ведомственной печати относились такие издания как «Вестник полиции», «Тюремный Вестник», «Вестник Министерства Внутренних Дел». Общеполитическая и научная периодика, такие издания как «Санкт-Петербургские Ведомости», «Новое время», «Юридический вестник», «Речь», «Право» и другие содержат массу интересных материалов по следам криминальных событий, репортажей, отчетов о судебных процессах. Дореволюционная пресса обладает значительным информационным ресурсом, так как деятельность полиции находилась в центре ее внимания. Хроника происшествий, «Судебная хроника», разделы «Сыскные статьи», аналитические статьи, статистические материалы, документы, посвященные деятельности правоохранительных органов, – все это регулярно появлялось на страницах газет и журналов, удовлетворяя читательскому спросу.

Среди перечисленных изданий безусловно наиболее ценным источником по истории сыскной полиции является журнал «Вестник Полиции», который начал издаваться в конце 1907 года и выходил вплоть до середины

1917 года. Это было еженедельное издание, объем которого был не менее 20 страниц при 52 номерах в год.

Журнал освещал деятельность всех полицейских учреждений Российской Империи, но деятельности уголовного сыска уделял особое внимание. Анализ содержания журнала за десять лет его существования показывает, на первый взгляд, что эта своего рода «сборная солянка», в которую замешали все, мало-мальски интересное с точки зрения криминалистики. Развлекательный контент безусловно присутствовал на страницах журнала. Здесь печатались детективы, красочное описание криминальных происшествий в джунглях Бразилии или горах Тибета и т. п. Однако в целом журнал был своеобразным энциклопедическим справочником для сотрудников полиции.

В первую очередь в журнале печатались все должностные и ведомственные инструкции, выходившие в департаменте полиции и МВД, пограничной и тюремной службе, приказы градоначальства и другие документы. Если объем нормативного документа был слишком велик, делалось бесплатное приложение. Отдельные, наиболее значимые нормативные акты, не просто публиковались, но и активно обсуждались. Авторы публикаций делились практическим опытом, давали рекомендации.

6 июля 1908 г. был принят основополагающий для сыскной полиции закон «Об организации сыскной части». Два года спустя, 9 августа 1910 года министром внутренних дел П. А. Столыпиным была утверждена «Инструкция чинам сыскных отделений». В эти годы на страницах «Вестника полиции» появилось несколько десятков публикаций, посвященных этим документам [2, с. 5], [3 с. 10]. Знакомство с «официальным разделом» позволяет получить разнообразную информацию, начиная от штатного состава сыскной полиции, порядка ношения формы, использования оружия и кончая денежным довольствием и пенсиями ветеранов.

Почти во всех номерах журнала имелся раздел, целью которого было повышение профессионального уровня сотрудников полиции. Состав чинов сыскных отделений был очень разнообразным. Средний возраст 25–35 лет. Профессиональный и образовательный уровень большинства чинов сыскной полиции был невысоким. Большая часть личного состава сыскных отделений окончила сельское либо городское народное или начальное училище. Исключение составляли только начальники сыскных отделений.

Журнал не оставался в стороне от этой проблемы. В каждом номере была масса полезных и практичных советов молодым полицейским в области криминалистики, различных технических новшеств и способах расследования преступлений различных категорий не только в России, но и по всему миру. Также их вниманию предлагалась рубрика под названием «исповедь старого служаки», в которой старые и давно вышедшее в отставку полицейские делились своим колоссальным опытом по расследованию любых преступлений, а также их профилактике, вербовке тайных агентов, задержанию преступников и т. д. Подобный метод подготовки доминировал, но в тоже

время начинают работать и различные специальные курсы и полицейские школы. Журнальные публикации подробно рассказывали о деятельности таких школ: чему учили, как шло обучение, кого привлекали в качестве преподавателей [4, с. 3], [5, с. 12–13], [6, с. 16].

При помощи «Вестника Полиции» и по заказу МВД было издано множество брошюр для нижнего и среднего состава полиции, которые содержали методическо-практические материалы для повышения их профессионального уровня. Авторами выступали известные специалисты в области криминалистики: В. А. Дьяченко [7], В. М. Попов [8], В. М. Лебедев [9], С. Н. Трегубов [10] и др.

Рубрика «Борьба с преступностью» присутствовала во всех номерах журнала. Знакомство с этим разделом позволяет получить представление о степени криминогенности общества, характере преступных проявлений, эффективности работы сыскной полиции. Материал здесь подавался в самой разнообразной форме. Это могла быть простая краткая информация – «Арест фальшивомонетчика», «Задержание мошенника» [11, с. 11–12]. В других случаях это могло быть красочное описание на несколько страниц с погонями, стрельбой и фотографиями героев-полицейских [12, с. 7–8].

Как увлекательный детективный рассказ читается история о расследовании крупной кражи в Ювелирном магазине Гордона в мае 1908 года в Санкт-Петербурге. Преступники, взломав сейф похитили ювелирных ценностей и бриллиантов на сумму превышающую семьдесят тыс. рублей. Начальник Санкт-Петербургской сыскной полиции В. Г. Филиппов поручил расследование одному из лучших сотрудников сыскной полиции Петербурга М. Н. Кунцевичу. Идя по следу злоумышленников, сыщик объехал десяток российских городов и даже посетил Константинополь. Кульминацией стал арест главного злодея на корабле, который шел из Одессы в Константинополь. Большая часть похищенного была обнаружена при нем [13, с. 9] и т. п.

Еще одной постоянной темой которой уделялось большое внимание, стали научно-технические достижения того времени. Их использование позволило решить многие проблемы. Пожалуй, самым болезненным был вопрос об идентификации преступников. Указом от 17 апреля 1863 года было отменено клеймение преступников, а сколько-нибудь эффективная замена начнет появляться только тридцать лет спустя.

Появление фотографии, системы Бертильона и дактилоскопии существенно изменило ситуацию. Фотография вошла в обиход полицейской работы без всяких проволочек, «бертильонаж» и дактилоскопия вступили в долгую конкуренцию. На страницах «Вестника полиции» шло бурное обсуждение достоинств и недостатков этих систем [14, с. 14]. К чести журнала следует отметить, что он занял сторону более прогрессивной дактилоскопии и всячески ее пропагандировал [15, с. 10], [16, с. 9], [17, с. 6–8]. Полицейское руководство согласилось с этим далеко не сразу.

Журнал является ценным источником по истории служебного собаководства. Рубрика, посвященная полицейским розыскным собакам, присутствовала в большинстве номеров [18, с. 21, 23]. В статьях давались советы по отбору, дрессировке, испытаниям собак. Самым подробным образом описывались «подвиги» четвероногих помощников полицейских при поимке преступников [19, с. 18]. Благодаря журналу и газетным публикациям некоторые собаки своей славой затмили дела многих сыщиков. Знаменитому доберман пинчеру по кличке Треф приписывают несколько сотен успешных розысков и задержаний.

В таких рубриках, как «Разные известия», «Почтовый ящик», «Самоотверженное исполнение долга», «Смесь, статистика, отчеты и мелочь» и др. можно найти массу интереснейших фактов, рассказывающих о деятельности сыскальной полиции.

Всего за годы существования журнала вышло около пятисот номеров журнала. Многочисленные и разнообразные материалы, размещенные на страницах «Вестника полиции», делают его наиболее информативным источником по истории сыскальной полиции.

Источники:

1. Высоцкий И. П. Санкт-Петербургская столичная полиция и градоначальство. СПб., 1903.
2. Реформа полиции // Вестник полиции. 1907. № 1.
3. Вестник полиции. 1909. № 1.
4. Полицейские школы в России и за границей // Вестник полиции. 1909. № 10.
5. Вестник полиции 1910. №1.
6. Экзамен в полицейской школе// Вестник полиции. 1911. № 2.
7. Дьяченко В. А. Пособие низшим чинам полиции при производстве дознаний по уголовным делам. СПб., 1909.
8. Попов В. М. Алфавит полицейских законов, разъяснений и циркуляров. СПб., 1913.
9. Лебедев В. М. Самооборона и арест (с рисунками) Петроград 1915, Искусство раскрытия преступлений. Дактилоскопия. Петроград 1915
10. Трегубов С. Н. Основы уголовной техники (научно-технические приемы расследования преступлений) Петроград 1915.
11. Вестник полиции 1909. № 40.
12. Вестник полиции 1911. № 39.
13. Вестник полиции 1908. № 32.
14. Вестник полиции 1908. № 42.
15. О дактилоскопии // Вестник полиции. 1908. № 32.
16. К вопросу о непогрешимости дактилоскопии // Вестник полиции. 1909. № 17.
17. Новая победа дактилоскопии // Вестник полиции. 1909. № 18.
18. Полицейские и сторожевые собаки // Вестник полиции. 1909. № 40.

19. Задержание преступника полицейской собакой // Вестник полиции. 1909. № 12.

A. B. Gurkin (Saint Petersburg State Electrotechnical University "LETI");

Ya. A. Gurkin (Saint Petersburg State Technological Institute (Technical University), SPbGTI (TU))

THE POLICE BULLETIN AS AN IMPORTANT SOURCE ON THE HISTORY OF THE ST. PETERSBURG POLICE

The study of the history of the St. Petersburg detective police faces the problem of insufficient source base. A lot of documents accumulated over half a century of the existence of this structure were irretrievably lost immediately after the February Revolution of 1917. In this regard, periodicals can partially compensate for this loss. The most informative source among periodicals is the Bulletin of the Police magazine. Its pages contained a wide variety of information related to the functioning of the police. Official regulatory documents, criminal chronicles, and materials aimed at professional development were published here.

The Police Bulletin magazine, detective police, criminals, legal acts, investigative activities, fingerprinting, and police dogs

УДК 179[004.8]

Э. Г. Дагбалдай (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: dagbaldai@yandex.ru)

ЭТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЛОГОПЕДИИ

В статье рассматриваются ключевые этические принципы, необходимые для ответственного использования искусственного интеллекта, основанного на компьютерном зрении, в сфере логопедии.

Искусственный интеллект, компьютерное зрение, логопедия, этика ИИ

Тема искусственного интеллекта (ИИ) сегодня стала самой обсуждаемой – она пронизывает все сферы жизни: от медицины и образования до искусства и права, вызывая как энтузиазм по поводу его возможностей, так и серьезные социальные вопросы. Технологии совершают стремительный прорыв, однако главным фокусом дискуссий остается этическая сторона ИИ.

Современные технологии стремительно проникают в сферу здравоохранения и реабилитации, включая логопедию – область, направленную на диагностику и коррекцию речевых, голосовых и артикуляционных нарушений. Одним из перспективных направлений является применение искусственного интеллекта, основанного на компьютерном зрении, для анализа и оценки правильности выполнения логопедических упражнений. Такие системы могут отслеживать положение губ, языка, челюсти и других артикуляционных органов в реальном времени, давая обратную связь пациенту или терапевту [1].

Однако внедрение подобных технологий поднимает важные этические вопросы, касающиеся врачебной тайны, принципа «не навреди», конфиденциальности, объективности, автономии и отсутствия дискриминации [2]. В данной статье рассматриваются ключевые этические принципы, которые должны лежать в основе разработки и использования ИИ-систем в логопедии.

Защита персональных данных. ИИ-системы, использующие компьютерное зрение, собирают и обрабатывают визуальные данные, часто включающие изображения лица, мимики и движений речевого аппарата. Эти данные являются биометрическими и относятся к категории персональных данных повышенной чувствительности. Данные должны собираться только с явного и информированного согласия клиента. Обработка должна осуществляться в соответствии с законодательством о защите данных (ФЗ «О персональных данных» от 27.07.2006 N 152-ФЗ).

Чтобы обеспечить высокий уровень защиты данных ИИ-системы должны быть спроектированы по принципу «конфиденциальность по замыслу» [3]. Концепция Privacy by Design, впервые сформулированная А. Кавукян, требует, чтобы защита персональных данных была заложена в архитектуру и жизненный цикл ИИ-системы изначально, а не добавлена как внешний контроль. В контексте логопедических ИИ-приложений на основе компьютерного зрения это реализуется через семь ключевых практик:

1. Проактивность, а не реактивность – меры по защите данных внедряются до начала сбора информации (автоматическая анонимизация видеопотока на этапе захвата).

2. Конфиденциальность по умолчанию – система собирает минимально необходимый объем данных (например, не сохраняет полное видео, а выделяет только траектории ключевых точек лица).

3. Встраивание в дизайн – шифрование данных «в покое» и «в движении», локальная обработка на устройстве пациента без передачи на сервер – снижают риски утечек.

4. Положительная сумма – конфиденциальность не должна снижать функциональность: современные методы федеративного обучения позволяют обучать модель без централизованного хранения персональных данных.

5. Полнота жизненного цикла – после завершения терапии данные автоматически удаляются в соответствии со сроками, установленными ФЗ-152 (п. 3 ст. 21).

6. Прозрачность – пользователь получает доступ к журналу обработки своих данных (кто, когда и зачем их использовал).

7. Ориентация на пользователя – права субъекта данных на доступ, исправление, удаление реализуются через простой интерфейс.

Такой подход не только соответствует требованиям российского законодательства, но и повышает доверие пациентов к технологиям ИИ.

Отсутствие дискриминации. Алгоритмы ИИ, в том числе компьютерное зрение, могут быть предвзятыми: если обучающие данные содержат преимущественно изображения людей определенной расы, пола, возраста или типа артикуляции, система может хуже справляться с другими группами [4]. Например, если датасет состоит преимущественно из видеозаписей пациентов европеоидной расы, определенного возраста (6–10 лет) и без сопутствующих неврологических заболеваний, система может некорректно интерпретировать артикуляцию у детей с ДЦП, у носителей диалектов или у людей с синдромом Дауна – из-за иных паттернов мимики, мышечного тонуса или скорости речи. Такие ошибки не только снижают точность диагностики, но и могут привести к неравному доступу к качественной помощи, что противоречит принципу справедливости в здравоохранении.

Для минимизации рисков дискриминации необходимо соблюдать ряд мер. На этапе сбора данных – формирование репрезентативных и сбалансированных обучающих выборок. Включать записи пациентов разного возраста

(дети, взрослые, пожилые), пола, этнической принадлежности, наличия инвалидности (например, ДЦП, РАС, глухота), а также анатомических вариаций (например, после челюстно-лицевых операций). Рекомендуется сотрудничество с межрегиональными логопедическими центрами для сбора разнородных данных. На этапе эксплуатации – регулярный аудит на отсутствие дискриминации по метрикам: равенство точности, одинаковый уровень ложноположительных / ложноотрицательных решений по группам, оценка соотношение положительных решений для разных групп.

Аудит может проводиться как внутренней командой, так и независимыми экспертами по этике ИИ. Адаптация под индивидуальные особенности пациента – не опция, а этическая и клиническая необходимость. Система должна позволять калибровку под конкретного пользователя и предусматривать «ручной режим» – возможность отключения автоматической оценки в пользу экспертного решения логопеда.

Прозрачность системы для пользователя. Логопедические ИИ-системы не должны быть «черными ящиками». Пользователи – как пациенты, так и специалисты – должны понимать, на каком основании ИИ делает выводы о правильности выполнения логопедических упражнений. Решения ИИ должны сопровождаться понятной обратной связью (например: «язык слишком низко», «губы недостаточно округлены»). Разработчикам следует раскрывать ограничения модели и контексты, в которых она может давать неточные результаты. Важно четко разделять роль ИИ (вспомогательного инструмента) и роль логопеда (профессионального судьи и корректора).

Информированность пользователя. Пациенты могут сохранять контроль над своим участием в использовании ИИ. Это особенно важно в работе с детьми, людьми с когнитивными нарушениями или ограниченными возможностями. Пользователь должен иметь возможность отказаться от использования ИИ без ущерба для доступа к терапии. Интерфейс системы должен быть интуитивно понятным, доступным и не вызывать тревоги или стресса. При работе с детьми необходимо вовлекать родителей или опекунов в процесс принятия решений. Важно предусмотреть динамическое информирование: если в ходе терапии система обнаруживает потенциально патологические паттерны (асимметрию мимики, указывающую на неврологическое нарушение), она должна уведомить логопеда – но не пациента напрямую, чтобы избежать необоснованной тревожности. Такое взаимодействие согласуется с принципом «не навреди» и требует четкого регламента в протоколе использования. Также должно быть реализовано технически право на «цифровое забвение»: удаление данных должно быть не только заявлено, но и подтверждено, например, через электронное уведомление: «Ваши данные удалены из базы».

Ответственность и безопасность. Когда ИИ используется в клинической или реабилитационной практике, возникает вопрос: кто несет ответственность за ошибки системы? Распределение ответственности при исполь-

зовании ИИ в клинической практике требует четкого регулирования на всех этапах – от разработки до эксплуатации. При интеграции ИИ возникает цепочка ответственности, включающая:

- Разработчика – отвечает за соответствие системы требованиям к надежности, валидации и кибербезопасности;
- Медицинскую организацию – отвечает за корректный выбор, настройку и применение системы в соответствии с инструкциями;
- Логопеда – остается конечным ответственным лицом за диагноз, интерпретацию ИИ-результатов и принятие клинических решений.

Важно учитывать и психологическую безопасность: некорректные или излишне критичные формулировки обратной связи (например, «вы делаете это неправильно») могут вызвать у пациента чувство стыда, тревогу или отказ от терапии – особенно у детей и людей с тревожными расстройствами. Поэтому рекомендуется использовать мотивационный дизайн (например: «Попробуйте еще раз – в прошлый раз язык был ближе к правильному положению!») и проводить юзабилити-тестирование с участием целевой аудитории.

В международной практике (рекомендации ВОЗ) подчеркивается необходимость страхования ответственности разработчиков и медицинских учреждений за вред, причиненный некорректной работой ИИ-системы – как дополнительной меры защиты прав пациентов [5].

Искусственный интеллект, основанный на компьютерном зрении, открывает новые горизонты для персонализированной и доступной логопедической помощи. Однако его внедрение должно происходить не только с технической, но и с этической ответственностью. Уважение к личности пациента, защита его данных, обеспечение отсутствия дискриминации и прозрачности – фундаментальные условия легитимного и гуманного использования технологий. Будущее развитие искусственного интеллекта, в том числе в логопедии, – не замена человека, а расширение его возможностей. Но чтобы это будущее стало по-настоящему полезным, оно должно быть построено на прочных этических основаниях. Смысл применения ИИ состоит в том, что он должен быть помощником человека.

Источники:

1. Савчиц Д. О., Прокопенко С. В., Субочева С. А. Современные технологии бесконтактного управления компьютером и их применение в реабилитации. Доктор.Ру. 2025;24(6):69–78. DOI: 10.31550/1727-2378-2025-24-6-69-78.
2. Белкина А. М. Этическая сторона искусственного интеллекта // Вестник ОмГУ. 2025. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/eticheskaya-storona-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 11.12.2025).
3. Кавусян А. Privacy By Design: The Seven Foundational Principles // The Sedona Conference Institute. 2009. URL:

https://www.thesedonaconference.org/sites/default/files/conference_papers/Recommended%20%5B08b%5D%-20Privacy%20By%20Design_Cavoukian.pdf (дата обращения: 11.12.2025)

4. Смирнова А. И. Предвзятость как проблема алгоритмов ИИ: этические аспекты // Философия и общество. 2023. № 3. С. 118–126. DOI: 10.30884/jfio/2023.03.07.

5. Всемирная организация здравоохранения. Этика и управление использованием искусственного интеллекта в здравоохранении. 2021. С. 148.

E. G. Dagbaldy (*Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»*)

ETHICAL PRINCIPLES OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN SPEECH THERAPY

The article examines key ethical principles essential for the responsible use of artificial intelligence (AI) based on computer vision in speech therap.

Artificial intelligence, computer vision, speech therapy, AI ethics

УДК 800.92:519.682

П. П. Дерюгин (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: deriuginpav@yandex.ru);

О. В. Кузнецова (Иркутский государственный университет, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, e-mail: kuznetsova1@mail.ru);

О. М. Алексеева (Центр содействия адаптации детей-инофонов, ГАОУ ДПО МО «Корпоративный университет развития образования», e-mail: leli-aal@mail.ru)

АДАПТАЦИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ГИБРИДНОГО ОБЩЕСТВА: РИСКИ РАСТУЩЕЙ ДУАЛЬНОСТИ ИДЕНТИФИКАЦИИ

При финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 24-18-00261 «Социоструктурная модель перехода российского общества в режим дополненной современности».

Исследования по адаптации в гибридном обществе берут начало в современной социологии с конца прошлого столетия. В них отражается специфика полярных социальных характеристик современного социума: социальной реальности и дополненной социальности. В научных исследованиях сложилось ряд направлений изучения адаптации в таких условиях. Особый интерес составляет проведение социологических исследований адаптации на стыке реального и виртуального социального пространства. В частности, эти исследования раскрывают характеристики социоструктурной модели перехода российского общества в режим дополненной современности.

Гибридное общество, гибридная адаптация, риски адаптации, уровни дезадаптации, успешность адаптации

Адаптацию в гибридном обществе следует рассматривать как ранее неисследованный вид адаптации. Об этом ученые-социологи заговорили еще в 80-х гг. прошлого столетия. Концептуальные положения этой теории формируются на пересечении нескольких исследовательских потоков: акторно-сетевой теории [1], исследований цифровых технологий [2], социальной морфологии [3] и анализа социальных изменений [4]. Хотя конкретного «первого автора» термина «гибридная адаптация» нет, смысловые работы Латура, Харавэй и других ученых заложили методологическую базу для его становления.

Гибридное общество рассматривается социологами как социальная реальность, в которой происходит взаимопроникновение физического (реального) и цифрового (виртуального) пространств [5]. Границы между офлайн- и онлайн-средами стираются, формируя единое гибридное социальное про-

странство. Поэтому можно говорить, что в самом общем виде гибридная адаптация представляет собой процесс приспособления социального опыта, ценностей, норм и умений через взаимодействие в обеих средах. Это синтез традиционных форм социализации (непосредственное общение) и новых форм (интернет-пространство, социальные сети), в котором реальное (физическое) и виртуальное (цифровое) пространства тесно переплетены и функционируют как единое целое [6].

Адаптация в гибридном обществе имеет ряд актуальных особенностей, в частности, выражающихся в некоторых важных моментах: в расширении социальных связей за пределы географического местоположения; в доступе к образовательным ресурсам без пространственных ограничений; в увеличении пространства для экспериментов с идентичностью и социальными ролями; в развитии цифровых компетенций, востребованных на рынке труда; в формировании глобального мышления через взаимодействие с разными культурами. Как очевидно, гибридная среда способствует в повышении роли гибкости адаптации к быстро меняющимся условиям.

Наряду с этим данные конкретных социологических исследований фиксируют увеличение разрыва идентичности в условиях гибридного общества. В частности, можно сослаться на данные, раскрывающие риски увеличивающейся дуальности адаптации в гибридном социальном пространстве. Дуальность адаптации выражается в том, что в гибридном обществе человек не всегда может понять, в каком из пространств – реальном или виртуальном – он находится в то или иное мгновение и в каком направлении следует вырабатывать технологии и практики личностных изменений [6]. В чем конкретно выражаются такие риски?

Во-первых, в растущем конфликте между онлайн- и офлайн-идентичностью. Исследования показывают, что цифровая среда позволяет экспериментировать с образом «Я», но одновременно усиливает разрыв между реальным и идеальным «Я». Например, по данным китайских исследователей, в WeChat акцент делается на позитивных сторонах и личностных характеристиках, а в Weibo – на негативных [7].

Во-вторых, возникает целый ряд проблем реальной самопрезентации и цифрового двойника. Цифровые платформы формируют «цифрового двойника», почти всегда отличающегося от образа реального индивида, что может привести к растождествлению личности [8].

В-третьих, усиливается влияние алгоритмов и платформ. Крупные онлайн-платформы используют аналитику больших данных и манипулятивные стратегии, подталкивая пользователей к определенной модели поведения и потребления. Так формируются ценности и смыслы в виртуальном пространстве, которые часто противоречат реальным убеждениям человека. Цифровая идентичность характеризуется масштабированием стремления быть похожим на «других», к унификации и подавлению индивидуальности.

В-четвертых. усиливаются противоречия *гибридной идентичности в культурном контексте*. В частности, в исследованиях европейских мусульман второго и третьего поколения выявлено, что многие идентифицируют себя через религию, а не через национальную принадлежность родителей или европейскую идентичность. Это создает конфликт между религиозной самоидентификацией и секулярной европейской идентичностью, что является примером гибридной идентичности с амбивалентностью и многослойностью [9].

В-пятых, усиливается *деанонимность и публичность контактов*. Тотальная цифровая прозрачность и анализ «цифровых следов» (транзакций, поисковых запросов, геолокации) делают идентичность более публичной. Это создает вызовы для самопрезентации, так как цифровая среда предьявляет человека миру, оставляя меньше места для анонимности [10].

Представленный перечень проблем адаптации в гибридном пространстве далеко не полностью раскрывает все их грани. Обобщение публикаций позволяет **классифицировать ключевые проблемы и риски дезадаптации** в гибридном обществе, которые могут быть рассмотрены на нескольких уровнях, – на личностном, социальном, технологическом и системном.

Личностный уровень проблемы, которая возникает из-за нарушений приватности и размытия границ индивидуального пространства в онлайн-среде, затрудняет адаптацию формируя двойственность ее целей и противоречивые ценностные ориентации. Среди негативных психологических эффектов отмечаются зависимость от внешних виртуальных одобрений, ориентацию на мнение понятного большинства, невозможность развития уникальных ориентиров индивидуальности и самотворчества. Стрессы, эмоциональное выгорание и ощущение диссонанса между «цифровым» и «реальным» образом «Я», стимулируют внутренний конфликт и когнитивный диссонанс, что выражается в противоречии между «реальным Я» и «цифровым Я». Необходимость постоянного переключения между ролями истощает психические ресурсы на базе чего возникает чувство фальшивости, самоотчуждения, хронического напряжения. Сравнение себя с идеализированными онлайн-образами ведет к ощущению несостоятельности и снижению самооценки. Формируется зависимость от лайков и комментариев стремление ориентироваться на внешнюю референцию, т. е. оценка себя через чужое мнение и страх «не соответствовать» в офлайн-пространстве, после достигнутого эффекта успешной онлайн-самопрезентации. В конечном итоге, нарушение личностной самоидентификации размытие границ «кто я на самом деле» не только способствует развитию диссоциативных расстройств и глубокой фрагментации идентичности в процессе приспособления к гибридной среде, фактически тем самым создается множество трудностей адаптации, прежде всего, в определении ее истинных ценностей и целей,

Социальный уровень проблем риска дезадаптации в гибридном обществе характеризуется прежде всего потерей социальных навыков перестройки и

изменений – приспособления к условиям реального социума. Как правило, это выражается в формировании поверхностных связей вместо глубоких межличностных отношений в реальном мире, снижении способности к невербальной коммуникации, потере способности поддержания зрительного контакта [11]. В гибридном обществе изменяется формат общения, возникает приоритет текстовых коммуникаций над живым взаимодействием, происходит ослабление реальных социальных навыков адаптации из-за переноса коммуникации в онлайн. Отдельного рассмотрения заслуживают риски кибербуллинга и онлайн-травли, угроза конфиденциальности и цифровой безопасности, которые приводят к возникновению чувства опасности к изменениям и переформатированию своей социальной среды. Киберсреда становится пространством, где нередко распространяются фейковые идентичности и анонимные провокации, затрудняется распознавание истинных намерений собеседника из-за чего наступает эрозия доверия в обществе, рост цинизма и подозрительности в процессе адаптации и выстраивании новых межличностных отношений. Манипуляция сознанием и раздвоенность идентичности происходит в разных каналах (онлайн/офлайн) киберпространства. В том числе такому раздвоению способствуют таргетированные маркетинговые кампании, эксплуатирующие противоречия в самовосприятии человека, делают его уязвимым к пропаганде и дезинформации из-за размытой критической рефлексии. Нередко можно видеть целенаправленное использование дuality идентичности в гибридном пространстве, используемом для организации деструктивных сообществ и распространения радикальных идей через анонимные каналы. Угроза социальной стабильности подрывает институты гражданского общества из-за недоверия к «реальным» акторам, одновременно актуализируя адаптацию преимущественно в структурах киберпространства. В конечном итоге, фрагментация сообществ способствует формированию «параллельных реальностей» в разных цифровых средах и усилению дезориентации направлений социальной адаптации: люди общаются только с единомышленниками в своих онлайн-экосистемах по причинам чего ослабевают общекультурные национальные коды и общие ценности, а также снижается стремление адаптироваться в рамках единого социального пространства.

Технологический уровень проблем адаптации человека в гибридном обществе прежде всего выражается в цифровом разрыве: неравенство в доступе к технологиям и уровню цифровой грамотности самым существенным образом влияет на возможности приспособляться. Использование цифровых платформ и алгоритмов существенно повышает эффективность процессов адаптации – как в профессиональной среде (адаптация персонала), так и в более широких социальных контекстах. Цифровые платформы и алгоритмы делают адаптацию быстрее, дешевле, персонализированнее и измеримее. Наряду с этим, информационная перегрузка, трудности в фильтрации и критическом анализе данных приводит к цифровому исключению тех, кто не

имеет доступа к технологиям. Фактически это та часть общества, которая не имеет возможности эволюционировать в направлении трансформаций гибридного пространства, т. е. с такими социальными группами происходит стагнация и консервация.

Системная характеристика проблем адаптации в гибридном пространстве наиболее выпукло выражается в социальной изоляции, вопреки расширяющейся сетевой «связанности», проявляющееся как ощущение одиночества даже при тысячах подписчиков [12]. Помимо показанных ранее, важными составляющими системы проблем адаптации в гибридном обществе, могут быть названы вопросы правовых и этических коллизий. В частности, это проявляется в сложности идентификации личности в цифровом пространстве. Сюда же следует отнести проблемы юридической ответственности за действия «цифрового двойника», конфликты юрисдикции между офлайн-законами и онлайн-нормами платформ. Отдельную группу составляют экономические последствия, в том числе, рост затрат на кибербезопасность и защиту персональных данных; убытки от мошенничества с поддельными идентичностями; снижение продуктивности из-за постоянной мультизадачности и переключения контекстов.

Вывод: успешность адаптации в гибридном обществе – сложный, но неизбежный процесс. Ключевое решение проблем преодоления дуальной идентичности как преграды успешной адаптации в гибридном пространстве, заключено в формировании навыков рефлексии и интеграции разных по своей природе факторов формирования «Я» при сохранении осознанных границ между офлайн- и онлайн-существованием. Успешность адаптации зависит от ряда факторов: баланса между онлайн- и офлайн-активностью; развития как цифровых, так и традиционных социальных компетенций; создания безопасной и инклюзивной гибридной среды; системной поддержки со стороны образовательных и социальных институтов.

К числу наиболее значимых стратегий успешной адаптации могут быть отнесены, например, такие комплексные меры как: повышение цифровой грамотности, включающие обучение безопасному использованию технологий и развития навыков критического анализа информации; создание инклюзивных цифровых пространств, таких как платформы с защитой от травли и обеспечение доступность для людей с разными возможностями; гибридные форматы взаимодействия, включающие мероприятия с онлайн- и офлайн-участием, а также смешанные образовательные программы; развитие офлайн-навыков – тренинги по коммуникации лицом к лицу, практики эмпатии и активного слушания; формирование цифрового этикета, предполагающего разработку правила уважительного общения в сети и осознание последствий онлайн-действий; поддержка психологической устойчивости и консультации по цифровой детоксикации, профилактики интернет-зависимости; интеграция в профессиональную сферу на основе освоение цифровых инструментов для карьеры и развитие гибридных форматов работы.

Наиболее важный принцип социальной деятельности, способствующей успешной адаптации, заключен в стратегии, позволяющей не противопоставлять реальное и виртуальное, напротив, обучение навыкам гармоничной интеграции в оба пространства, включения в реальную социальную жизнь на основе использования преимущества каждой среды и минимизации рисков.

Источники:

1. Гобрусенко Г. К. Онтологии акторно-сетевой теории // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2015. № 7 (47). С. 37–44.
2. Платонова С. И. Социальная идентичность в цифровом обществе: философское осмысление // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2023. № 3. С. 4–13.
3. Егорова Л. С., Старосотникова В. Ю. Принципы морфологического анализа социального пространства // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2012. № 2 (26). С. 28–32.
4. Балдицына Е. И. Онтологические основания теории социальных изменений: детерминизм и индетерминизм социальной реальности // Наука. Инновации. Технологии. 2010. № 68. С. 165–171.
5. Игнатъев В. И. Объект социологии в метаморфозе морфогенеза гибридного социума // Социологические исследования – 2022. № 4. С. 114–123. URL: <http://ras.jes.su/socis/s013216250017890-2-1> (дата обращения: 07.12.2025). DOI: 10.31857/S013216250017890-2.
6. Василенко Л. А., Мещерякова Н. Н. Гибридность цифрового общества: инновационная реальность или утопия? // Философия науки и техники. 2023. № 1. С. 48–65.
7. Неврюев А. Н., Самородов Н. В., Смирникова О. В. Онлайн-идентичность как психологический феномен: современные подходы и эмпирические исследования // Современная зарубежная психология 2025. № 14 (2). С. 85–94. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2025140209>.
8. Платонова С. И. Социальная идентичность как феномен цифрового общества // Социология науки и технологий. 2023. № 3. С. 149–163.
9. Андреева Л. А. Особенности гибридной идентичности второго/третьего поколения мусульман // Современная Европа. 2023. № 4. С. 170–182.
10. Лисенкова А. А. Трансформация идентичности в цифровую эпоху // Вопросы философии. 2020. № 3. С. 65–74.
11. Social network analysis as an organizational diagnostic tool: The case of small business in Russia / S. Rasskazov, M. Rubtcova, P. Derugin [et al.] // International Review of Management and Marketing. 2016. Vol. 6, No. 1. P. 170–176. EDN UKKGA.

12. Ценности и человеческий капитал сотрудников корпорации: опыт сетевой диагностики / П. П. Дерюгин, Л. А. Лебединцева, О. В. Ярмук, Р. А. Травин // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, № 4. С. 10–25. DOI 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-1. EDN ZYTAGK.

P. P. Deriugin (St. Petersburg State University, St Petersburg Electrotechnical University "LETI");

O. V. Kuznetsova (Irkutsk State University, Institute of Sociology of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences);

O. M. Alekseeva (Center for Assistance to Adaptation of Children with Foreign Languages, Academy of public administration)

ADAPTATION IN THE SPACE OF A HYBRID SOCIETY: THE RISKS OF GROWING IDENTITY DUALITY

Research on adaptation in a hybrid society has its origins in modern sociology since the end of the last century. They reflect the specifics of the polar social characteristics of modern society: social reality and augmented sociality. Scientific research has developed a number of directions for studying adaptation in such conditions. Of particular interest is conducting sociological research on adaptation at the junction of the real and virtual social space. In particular, these studies reveal the characteristics of the sociostructural model of the transition of Russian society to the augmented modernity regime.

Hybrid society, hybrid adaptation, risks of adaptation, levels of maladaptation, success of adaptation

УДК 3.32.321

Я. А. Емелин (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: emelinyaroslav@yandex.ru)

РОЛЬ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ПРОЦЕССЕ РЕЛЕГИТИМАЦИИ ИНСТИТУТОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

Впервые в современный политический дискурс вводится понятие релегитимации институтов политической власти. Раскрывается специфика средств массовой информации в данном процессе и формирования публичной среды в цифровую эпоху. Концептуализация сложнейшего процесса восстановления легитимности политической власти, протекающего на институциональном, функциональном, системном, коммуникативном уровнях, предполагающего активное участие прессы как гражданско-политического института является назначением и содержанием предлагаемой универсалии.

Релегитимация, легитимность, политическая система, политические институты, средства массовой информации, политическая коммуникация, публичная среда, общественное мнение

Проблема восстановления утраченного или подорванного доверия к институтам политической власти приобретает особую актуальность в современных политических системах, в контексте социально-политической нестабильности и трансформации общественных институтов. Наиболее методологически сложной представляется задача по объяснению статуса и роли средств массовой информации в процессе релегитимации институтов политической власти в условиях цифровизации современной публичной среды. В новой реальности легитимность власти оспаривается и конструируется не только в традиционных медиа, но и цифровых платформах, блогах и мессенджерах, где скорости распространения информации противостоит проблема ее верификации. Ключевым механизмом трансформации выступает развитие дисфункций в рамках существующей институциональной матрицы, когда традиционные правила, ритуалы и паттерны перестают эффективно решать новые общественные проблемы или легитимировать существующий порядок. Данные процессы часто описываются в терминах деинституционализации – эрозии или утраты социальной значимости устоявшихся норм, и последующей реинституционализации – формирования новых правил и моделей.

В общем виде категория легитимности в современную науку введена М. Вебером, которым она концептуализируется как признание политической власти ее субъектами, в ходе чего происходит постепенная монополизация аппарата принуждения государством [1, с. 13]. Источники легитимности классифицируются традиционным, харизматическим и рационально-

легальными основаниями [2, с. 31]; по классификации Д. Истона – идеологическими, структурными, персональными основаниями [3, с. 81]. Теоретико-методологическая эволюция понятия легитимности связана с именами Д. Битама, которым различались категории власти и легитимности [4], Ж. д'Аспремонта, которым усматривалась неразрывная связь между легитимностью и демократией [5], Ю. Хабермаса, чьи рассуждения о предмете исследования обладают значительной долей философской абстракции и направлены на изучение генезиса права и кризиса легитимности, связанного с недееспособностью политической власти в вопросе обеспечения массовой лояльности [6] и др.

В дальнейшем эволюция дискурса о легитимности политической власти неразрывно связана с явлением делегитимации, описание которого обнаруживается в исследованиях И. Р. и С. А. Бадретдиновых, в качестве наиболее хрестоматийного примера приводящими утрату легитимности институтами политической власти в период распада СССР, когда результатом делегитимации становится потеря государственности [7, с. 40]; А. И. Вертешина и Г. Г. Филиппова, которыми подчеркивается специфика легитимационных и делегитимационных процессов с участием средств массовой информации [8]; А. И. Калиниченко, которым снижение эффективности институтов политической власти объясняется халатным исполнением властных полномочий, незаконным насилием, реактивностью реагирования на чувствительные общественные запросы и др. [9, с. 39]. Процесс делегитимации политической власти является обратным и был наиболее ярко выражен в период стагнации общественных институтов советской системы, когда доверие к партийной идеологии было подорвано, а ее легитимность утратила таковой статус.

Особое значение приобретает процесс *релегитимации* институтов политической власти. Предпринимается попытка преодоления системного дефицита, выявленного в ходе краткого теоретико-методологического анализа. В современном дискурсе отсутствует терминология, направленная на интерпретацию процессов, связанных с утратой свойств, признаков и качеств легитимности институтами политической власти, которые нуждаются в восстановлении. Ключевая роль отводится гражданско-политическому институту средств массовой информации, обладающему специфическими характеристиками в условиях российской политической системы. Если в классической демократической теории доминирует функция контроля за властью, то в современной России на первый план выходят иные задачи. Указанная специфика находит отражение в феномене медиалегитимации, условным обозначением которого является информационное формирование легитимной политической власти лояльными средствами массовой информации. Содержание феномена более соответствует проблематике стабильности политической системы, а не собственно легитимации, по причине чего представляется справедливым его рассмотрение в рамках эвристической позиции данного функционального компонента.

В вопросе о статусе и роли СМИ в политическом процессе исследователями актуализируется понятие медиакратии, содержание которого состоит в реконструировании политической реальности средствами массовой информации и обеспечении коммуникации между политической элитой и обществом, в результате чего происходят интерпретация и обоснование политических решений [10, с. 72–73]. Наиболее существенным методологическим наблюдением является устойчивая тенденция к трансформации коммуникационной парадигмы, в рамках которой политический дискурс более не эвристичен, тяготея к удовлетворению информационных запросов общественности.

Сказанное приобретает актуальность, когда задача легитимации политической власти закреплена за институтом прессы. Становление политической системы современного российского общества сопровождалось реструктуризацией медиасистемы путем количественного и качественного роста новых средств массовой информации, лояльно настроенных по отношению к действующей политической системе. Под процессом легитимации политической власти понимается взаимодействие объекта и субъекта власти, опосредованное образованным средствами массовой информации политическим дискурсом, где контроль над политическим содержанием со стороны субъекта власти является показателем эффективности политической коммуникации. Таким образом, релегитимация предполагает не только узаконивание политической власти в политико-правовом сознании общества, но и дискредитирует прежние основания законности институтов власти [8].

Назначение предлагаемого понятия состоит в концептуализации сложнейшего процесса восстановления легитимности политической власти, протекающего на институциональном, функциональном, системном, коммуникативном уровнях, предполагающего активное участие гражданско-политического института средств массовой информации, который самым непосредственным образом контекстуализирован в данном процессе. В условиях цифровизации публичной среды данная задача распространяется и на новые медиа, приобретающие особую актуальность при формировании общественно-политической повестки. Эффективность каналов политической коммуникации зависит от успешного продвижения доминирующих политических нарративов, интерпретирующих вновь конструируемую социально-политическую реальность в глазах общественного мнения, и воспрепятствования распространению недостоверной или же ангажированной информации, так называемых «фейков».

Сегодня одним из ключевых направлений российской политики является достижение цифрового суверенитета государства в ответ на сложнейшие вызовы. Являясь особым политическим нарративом, цифровой суверенитет предполагает целый комплекс государственных стратегий и моделей общественной адаптации, необходимых в целях реализации национальных интересов. Системный анализ российской публичной среды свидетельствует об особом предназначении средств массовой информации в ее формировании.

Изложенные тезисы актуализируют современный исследовательский дискурс, направлены на его развитие и приглашают к научной дискуссии по заданной проблематике.

Источники:

1. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Т. III. Право. М: ИД Высшей школы экономики, 2018.
2. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Т. I. Социология. М: ИД Высшей школы экономики, 2016.
3. Игнатьева О. А. Системные основания легитимности политической власти // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2025. № 2 (83). С. 76–84. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2025.83.2.009>
4. Beetham D. The Legitimation of Power. Basingstoke: Macmillan, 1991.
5. D'Aspremont, J. Legitimacy of Governments in the Age of Democracy // New York University Journal of International Law and Politics (JILP). 2006. Vol. 38. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=1265527>.
6. Habermas J. Legitimation Crisis. Boston: Beacon Press, 1975.
7. Бадретдинов И. Р., Бадретдинова С. А. Легитимация и делегитимация государственной власти как политический процесс // Общество: экономика, политика, право. 2019. № 11 (76). С. 38–42. DOI: 10.24158/per. 2019.11.5
8. Вертешин А. И., Филиппов Г. Г. Легитимация и делегитимация политической власти средствами журналистики – конструкт исторического развития политической культуры общества // Личность. Культура. Общество. 2008. Т. 10. № 2 (41). С. 310–316.
9. Калининченко А. И. Легитимность и делегитимация власти // Закон и право. 2019. № 1. С. 38–40. DOI: 10.24411/2073-3313-2019-10005
10. Демушина О. Н. СМИ как инструмент легитимации институтов власти // Вестник ВГПУ. 2008. № 3 (27). С. 71–75.

Ya. A. Emelin (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

THE ROLE OF THE MASS MEDIA IN THE PROCESS OF RELEGITIMIZATION OF POLITICAL AUTHORITY INSTITUTIONS

For the first time, the concept of relegitimation of political authority institutions is introduced into modern political discourse. The specificity of the media in this process and the formation of the public environment in the digital era is revealed. The purpose and content of the proposed universal concept is to conceptualize the complex process of restoring the legitimacy of political power, which takes place at the institutional, functional, systemic and communicative levels, and involves the active participation of the press as a civil and political institution.

Relegitimization, legitimacy, political system, political institutions, mass media, political communication, public environment, public opinion

УДК 81

О. М. Журавлева (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: omzhuravleva@etu.ru)

ХАРАКТЕРИСТИКИ СУБКУЛЬТУРЫ КАК ЧАСТЬ ОБРАЗА ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

На материале романа-антиутопии «Дивергент» Вероники Рот анализируются черты американской лингвокультуры сквозь призму особенностей и характеристик субкультур (фракций) и их образов, представленных в романе при помощи разнообразных языковых средств.

Субкультура, лингвокультура, культура США, языковые средства, «Дивергент»

Каждая лингвокультура проявляет себя в созданных ею художественных произведениях. С точки зрения семиотики использование определенного языкового кода позволяет и народному творчеству во всем его многообразии, и литературному языку, и невербальным элементам, – любой знаковой системе, свойственной той или иной культуре, в равной степени отражать различные ее аспекты и характеристики. Художественный текст, будучи продуктом лингвокультуры, при помощи языковых средств и созданных с их помощью образов реализует языковую и концептуальную картину мира лингвокультуры, отражает ее характеристики, является уникальным проводником и ключом к пониманию глубинных черт ее носителей.

Подвергая текст, в том числе художественный, лингвистическому анализу, И. Р. Гальперин отмечает, что автор играет существенную роль в проявлении субъектно-оценочной модальности, причем, обособляя свои выводы от литературоведческих изысканий, он указывает на коммуникативную направленность любого текста, которая вырастает из фрагментарного, фразового уровня и последовательно проявляется в масштабе всего произведения, что можно формализовать в коэффициенте модальности [1, с. 116–118]. Полностью соглашаясь с утверждением, необходимо также указать и на тот факт, что модальность, являясь результатом непосредственного воздействия автора произведения, в том числе, отражает и уровень корреляции между языковой картиной писателя и лингвокультуры в целом, согласованности концептуальных элементов художественного текста и представлений типичных носителей культуры, о чем свидетельствует принятие произведения сообществом, для которого оно создано, т. е. реципиентом.

Языковая личность автора играет важную роль при создании художественных текстов, имеет определяющее значение в создании их модальности, а также последовательного и планомерного формирования образов своего

представления о мире, в том числе вымышленном. Обобщая взгляды лингвистов на авторскую картину мира и ее вербальную репрезентацию в текстах, исследователи Т. Б. Михеева, В. В. Панкова и Е. Ю. Шаповалова отмечают, что концептуальная картина мира писателя отличается от общенациональной, «поскольку обладает набором своих собственных, только ей присущих мотивационно-прагматических установок» [2, с. 72]. С другой стороны, невозможно отрицать и наличия общих черт с общенациональной картиной, соответствия отображаемых концептов национальной системе ценностей, лингвокультурным особенностям. Уровень соответствия концептуальной составляющей связан как с личностью самого автора, так и с его коммуникативной установкой, прагматической направленностью текста.

Заключение об обязательном частичном совпадении авторской индивидуальной картины мира и общенациональной, отраженной в произведении, а также необходимом и достаточном уровне их восприятия всеми участниками коммуникации (автором и читателями) справедливо относительно различных жанров художественного произведения, как при создании реалистичных миров, так и фантастических. На грани репрезентации реального и вымышленного находится жанр антиутопии. По справедливому замечанию О. В. Вежлевой, его нельзя считать в полной мере фантастикой, поскольку в антиутопиях содержится значительное количество реалистичных компонентов [3, с. 29–30].

Роман американской писательницы Вероники Рот «Дивергент» [4], как и вся серия книг, последовавших за ним, с полным правом относится к жанру антиутопии, однако его существенно отличает интерес не только к личности главной героини и ее ближайшего окружения, но и к ее социальным связям, а также к характеристикам пяти фракций (субкультур), на которые разделено общество вымышленного писательницей мира.

Основной гипотезой лингвистического исследования романа стало предположение о том, что в произведении описано именно американское сообщество, не случайно помещенное на территорию постапокалиптического Чикаго. На страницах романа изображена не просто группа оказавшихся на этой территории людей, и не случайно город, где они живут, назван знакомым топонимом, герои произведения – американцы, которые являются носителями определенной лингвокультуры, не только потому, что говорят на английском языке, но и потому, что разделяют американские ценности и концептуальное мировоззрение.

В мире, созданном фантазией В. Рот, люди распределены на пять фракций в соответствии с основной чертой характера их представителей (*Abnegation* – *самоотречение*, *Amity* – *дружелюбие*, *Candor* – *откровенность*, *Erudite* – *эрудиция*, *Dauntless* – *бесстрашие*), каждая из которых обладает ограниченным набором характеристик, и на их основании жители города единожды в жизни делают свой выбор – в пользу одной из групп. В соответствии с замыслом автора черты, которые ценятся в одной фракции, не востребованы в дру-

гих, и тем самым судьба людей предопределена, им должно быть комфортно проживать свою жизнь и приносить пользу обществу только в одном из пяти сообществ. Удобная для всех жизнь не создает, тем не менее, идеального мира, и не только потому, что попадают изгои – те, кто не принадлежит к фракциям по разным причинам, или дивергенты, которые находят в себе черты, свойственные нескольким группам. Опасность исходит от тех, кто идеально вписывается в рамки своих сообществ, но обладает избыточным количеством требуемых качеств. Впрочем, суть произведения – не стремление к умеренности во всем. Данное наблюдение имеет побочное значение при восприятии произведения.

С лингвистической точки зрения фракции – это субкультуры внутри вымышленного сообщества. Характерные для них черты важны для всего сообщества, они глубоко положительны и отражают попытку создать идеальный мир. Но гармония разрушается, и благая цель разделить людей в соответствии с их склонностями терпит фиаско.

Автор романа строит свой мир как при помощи прямых лексических указаний на определенные черты характера, свойственные представителям субкультур, так и путем использования различных языковых средств – специально подобранных глаголов действия и движения, наречий и прилагательных, а также сравнений, метафор, речевых характеристик, свойственных героям, и, наконец, невербальных элементов. Так «бесстрашные» всегда в движении, у них активный образ жизни, иногда даже чрезмерно; они постоянно бегут, прыгают («sprint», «frantic, running people» [4, с. 131]), шумят («laughing and shouting», в то время, как «эрудиты» «chatter over books and newspapers» [4, с. 9]), активно жестикулируют, для них характерны резкие действия («rush», «snatch», «grab», «pull», «go quickly» [4, с. 132–133]); их легко отличить по внешнему виду – они одеты в черное, у них татуировки и пирсинг. В процессе знакомства с героями выясняется: утверждение о том, что им неведом страх, неверно, им, как и всем остальным, свойственны страхи, но они с ними борются и побеждают, и не терпят трусости. Таким образом, их жизнь – борьба, в том числе, с самими собою. При этом они не понимают ценности качеств других фракций, могут себе позволить неуважительно высказаться про них, а честностью, которая так ценится среди «правдолюбков», они и вовсе могут пренебречь («honesty is his mistake» [4, с. 160]).

«Эрудиты» причиной всех несчастий считают невежество, а потому реализуют себя в учении и науке, их приоритет – знание во всех его проявлениях, они считают, что минимизировать конфликты можно только путем объединения всех людей, несмотря на различия между ними, увеличивая взаимопонимание путем распространения знаний. Им не нравится отбор на государственные должности в соответствии с фракцией, они за выборность, поскольку ощущают свое преимущество [4, с. 261–262]. Вероятно, именно чувство превосходства, которое сопровождает наличие знаний и ума, ощущение силы и власти приводит их к разрушению привычного мира и нарушению

гармонии. Именно так картину постапокалиптического мира видит читатель глазами автора – ведь к краху идеального общества приводит не фракция действия – «бесстрашных», а фракция «тихой силы» – «эрудитов».

Субкультура «дружелюбных» внешне выделяется красно-желтой одеждой, их поведенческое кредо – совместные действия, благодушные, спокойствие («always peaceful and always safe» [4, с. 128]), они миролюбивы, самодостаточны, склонны к доброте и прощению, их действия неспешны и размеренны. Именно среди «дружелюбных» процветало творчество, к которому не были склонны представители других субкультур [4, с. 89]. За кажущимся отсутствием недостатков скрываются и негативные проявления их характера – эти черты автор вкладывает в оценочные характеристики тех фракций, где их не любят, например, «правдолюбы» видят проблему в том, что ради мира и дружбы «дружелюбные» могут предать и обмануть [4, с. 81].

Основной чертой, типичной для представителей субкультуры «правдолюбов», является их честность, их сила – в правде, а все зло, с их точки зрения, порождается враньем и обманом; ложь мешает решению проблем и становится источником конфликтов, в то время как мир достигается искренностью и полным доверием. Для них характерны споры и бесконечные обсуждения ради выявления истины [4, с. 9], представителям именно этой субкультуры в обществе антиутопии В. Рот доверили решать правовые вопросы, и хотя они не враждовали открыто с теми, кто выбрал для себя «самоотречение», но избегали их, вероятно, подозревая в неискренности [4, с. 81]. По этой же причине они не смогли бы и сформировать альянс с «эрудитами» [4, с. 484]. Важной невербальной характеристикой этой группы являются цвета их одежды – черный с белым, что подчеркивает контрастность суждений, отсутствие полутонов, необходимость принимать четкие конкретные решения.

Для субкультуры «самоотречения» характерна безоговорочная помощь ближним, практически всегда в ущерб себе, скромность, безграничное терпение, трудолюбие, стремление к тишине и спокойствию. Неприемлемым для них является эгоизм, который во всех его проявлениях они подавляют в себе. Поскольку традиции фракции запрещают привлекать к себе внимание и выражать эмоции, в качестве основного цвета для представителей субкультуры выбран серый. Их самоотверженное поведение стало причиной того, что именно им было отдано предпочтение сформировать правительство, что со временем вызвало неприязнь и зависть со стороны «эрудитов».

Включая краткие характеристики в повествование, в реплики персонажей В. Рот пытается более объемно представить отдельных героев, но изображает их, как часть субкультуры, к которой они принадлежат, объединяя по общим признакам, что типично для жанра антиутопии. В стремлении к некоторой объективности присутствует и важная черта, придающая произведению реалистичности, – все хорошее и крайне положительное имеет и оборотную сторону. Автор сомневается, что типичные для представителей субкультур действия постоянно приносят им удовольствие и радость, предпола-

гая, что многие всего лишь следуют набору правил и традиций, но не отрицает наличия определенных склонностей.

Безупречно справившись с задачей показать различия между фракциями, В. Рот менее открыто проговаривается и про общие черты. Именно они позволяют выделить значимую языковую картину, понятную и близкую Американской лингвокультуре. Искусственно созданное сообщество построено на принципе социального договора, идея распределения по фракциям, а также распределение социальных ролей, формы управления и государственной власти были приняты на заре формирования агломерации, с большой долей уважения к лидерам прошлого, что несколько напоминает пиетет перед «отцами-основателями» и государственными идеями Новой Англии. Всем жителям, вне зависимости от принадлежности к субкультуре, свойственны принцип свободы, равенства, и главное – право выбора. При том, что субкультуры определяют жизнь каждого адепта, общество индивидуалистично, даже среди бескорыстных представителей фракции «самоотречения», для которых общие интересы превыше всего, а индивидуальность подавляется, допускаются проявления индивидуализма (не индивидуальности!). Как минимум, все признают, что выбор фракции не зависит от семейных или иных привязанностей, то есть молодежь хотя и воспитывается в подчинении правилам и традициям, но без предопределенности и семейственности. Лишь одна из пяти фракций демонстрирует склонность к коллективизму, что в значительной степени соответствует индикаторам Американской лингвокультуры.

Представители сообщества – это активные люди. Действия важнее рассуждений и размышлений, и даже «эрудитов» сложно назвать пассивными. Деятельность для всеобщего благоденствия – основная цель жизни всех и каждого. Герои романа – решительные и целеустремленные, они работают над собой, совершенствуют свои качества, оценивают собственную значимость по уровню пользы, которую приносят. Все фракции подчиняются определенной регламентации, правилам и традициям, фактически живут в рамках единого закона, который вполне можно сопоставить с конституцией.

Единственное, в чем можно было бы заподозрить это вымышленное общество, так это в отсутствии свободы, такого существенного и неотъемлемого концепта Американской культуры. Однако не все так однозначно – свобода реализуется за счет выбора, единственного в жизни, но абсолютно свободного волеизъявления. В 16 лет каждый выбирает свою жизненную траекторию сам. Именно к этому возрасту американцы определяются с будущей сферой деятельности, примерным образом жизни, они готовы оставить родительское «гнездо» и начать самостоятельный путь. В выборе возрастной границы также проявляется лингвокультура, к которой принадлежит автор – В. Рот и ее основные реципиенты – американцы. Отмечая, что свобода реализуется в романе посредством концепта выбора, нельзя забывать и о том, что она настолько значима для сообщества, что, при желании, герои романа могут реализовать выбор и второй раз – покинув фракцию и примкнув к «бес-

фракционникам». Таким образом, свобода возводится в ранг бесспорной ценности, и люди не воспринимаются ограниченными своим единственным в жизни выбором. Именно факт наличия свободы в повседневности героев заставляет «бесстрашных», не желающих стареть, убиваться насмерть, осуществляя свободный выбор.

Благодаря привнесенной автором модальности, реализованной за счет реплик героев, оценочных суждений, описаний, сравнений и иных разнообразных языковых средств, а также элементов невербальной коммуникации, выявлены ценности и приоритеты, характерные для антиутопии «Дивергент». Гипотеза о том, что в Чикаго будущего живут американцы, унаследовавшие (вероятно, генетически) основополагающие концепты Американской лингвокультуры, подтвердилась. В первую очередь, внимания заслуживает стремление к свободе, которое проявляется, казалось бы, при полном ее отсутствии. Также важное место в жизни персонажей романа играет индивидуализация выбора, следование правилам и традициям, регламентация моделей поведения, принципов власти, обращает на себя внимание снижение роли семьи на фоне доминирования общества, а также важное значение активной жизненной позиции, динамики личностного роста и борьбы – как за свои идеалы, так и за право приносить пользу обществу, и, наконец, приоритет действия, что также можно признать проявлением свободы, как главной ценности.

Источники:

1. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 5-е, стереотип. М.: КомКнига, 2007.
2. Михеева Т. Б. Картина мира в интерпретации языковой личности автора и коммуниканта / Т. Б. Михеева, В. В. Панкова, Е. Ю. Шаповалова // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2014. № 2(75). С. 71–74.
3. Вежлева О. В. Антиутопия как литературный феномен в художественной системе реализма (к вопросу о творческом методе антиутопии) // Веснік БДУ. Серія 4: Філологія. Журналістика. Педагогіка. 2007. № 2. С. 28–33.
4. Roth V. Divergent. NY: Katherine Tegen Books, 2012.

O. M. Zhuravleva (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

SUBCULTURE CHARACTERISTICS AS A PART OF A PECULIAR IMAGE OF LINGUACULTURE

Article examines the image of subcultures («factions») and the use of language to represent them in the novel-dystopia «Divergent» by Veronica Roth in order to find out the level of correspondence between the findings with typical elements and essential concepts of American culture.

Subculture, lingvoculture, culture of the USA, use of language, «Divergent»

УДК 316.33

М. П. Замотин (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: jethro79@mail.ru)

ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ М. КАСТЕЛЬСА

Рассматривается и детально анализируется, как именно М. Кастельс вводит, операционализирует и использует концепцию «сети» в своей теории сетевого общества. Начиная с обзора роли сети в его макросоциологической теории, оценивается его концептуальный подход в контексте современного сетевого анализа и его вклад в теорию сетей.

Социальные сети, информационное общество, информационные технологии, коммуникация

Как известно, исходные научные изыскания Мануэля Кастельса были детерминированы структурным анализом капитализма и социальных движений как рефлексии противоречий капиталистического общества и не включало сетевой анализ как основную концептуальную рамку. Конституирование понятия «сетей» находит свое наиболее явное выражение в его работе «Информационный город» [1]. Если ретроспективно учесть марксистское влияние, доминирующее в работах Кастельса 1970-х годов, становится очевидной причина периферийного положения сетевой парадигмы в тот период. «Информационный город» представляет собой первую существенную попытку артикуляции логики сетей в рамках расширенной теоретической рамки и может рассматриваться как предтеча его последующей трилогии об информационной эпохе. Несмотря на ограниченное число прямых ссылок на сети, сама концепция релевантна для описания фундаментальных изменений в формирующейся социальной морфологии и сопутствующей ей техноэкономической системе. Кастельс пишет о том, что «сети» представляют собой новую форму организации нашего мира и будут играть фундаментальную роль в обеспечении процесса реструктуризации систем, которые уже не смогут существовать в больших масштабах без средств массовой информации, предоставляемых новыми информационными технологиями.

В рамках анализа, изложенного в работе «Информационный город», концепция «сети» фигурировала преимущественно как вспомогательный конструкт, подчиненный доминирующей структурной основе, и играла ограниченную роль в экспликации феномена информационного капитализма, исходя из прямого лексического присутствия термина. Однако по мере развития Трилогии об Информационной эпохе и в последующих трудах Кастельс предоставляет операциональное определение сети как совокупности взаимосвязанных узлов. В качестве эмпирических иллюстраций приводятся глобальные сети

финансовых потоков (например, фондовые биржи и центры передовых финансовых услуг), политические сети элит (такие как советы министров и комиссары ЕС в системе управления Европейского союза), а также глобальные медиа-сети (включающие вещательные системы, студии и провайдеров социальных сетей). По своему определению, сети децентрализованы и оперируют бинарной логикой включения/исключения, где существование определяется релевантностью узлов для функционирования системы. Узлы, утратившие свою функциональность, подвергаются исключению или замещению, что приводит к реорганизации сети по принципу, аналогичному биологическому клеточному процессу. Приоритетность узла определяется его способностью интегрироваться в сеть через обмен информацией и программировать ее, осваивая протоколы, критически важные для функционирования сетевых коммутаторов.

Кастельс постулирует, что сети представляют собой совокупность взаимосвязанных узлов, осуществляющих обработку финансовых и иных потоков ценности посредством новых информационных технологий. Данные структуры характеризуются как самостоятельно настраивающиеся, сложные системы коммуникации и власти. Внутрисетевое и внесетевое взаимодействие (кооперация и конкуренция) осуществляется в соответствии с интересами, артикулированными на уровне узлов, и регулируется бинарной логикой включения/исключения. Ключевой атрибут сетей – их способность к самообновлению (self-renewal), позволяющая реинкорпорировать новых участников и контент в ответ на изменяющиеся внешние условия. Именно такой динамический потенциал обуславливает их гибкость, масштабируемость и устойчивость, что является необходимым условием для функционирования в условиях перманентно трансформирующейся техноэкономической среды.

Переход к анализу бинарной логики информационного капитализма знаменует собой концептуальное значение роли сетей в теории Кастельса. На этом уровне абстракции сеть функционирует не просто как структура, а как описательная концепция, фиксирующая макроуровневые тенденции социальной организации в условиях информационного капитализма. Роль сетей в данной социальной теории определяется им таким образом, что доминирующие функции и процессы информационной эпохи все чаще организуются вокруг сетей. Сети являются новой социальной морфологией обществ: распространение сетевой логики существенно меняет само функционирование и результаты процессов производства, власти и культуры. Кастельс прекрасно понимает, что сетевые формы социальной организации существовали и в другие времена, но новая парадигма информационных технологий обеспечивает материальную основу для их широкого распространения по всей социальной структуре. Таким образом, для Кастельса сеть перестает быть просто механизмом (как в ранних работах), превращаясь в фундаментальную онтологическую основу доминирующей социальной морфологии, материально опосредованную информационными технологиями [2].

Для всестороннего постижения социального контекста функционирования данных сетей необходимо реконструировать политико-экономическую основу социальных преобразований в капиталистическом обществе. Возвращаясь к своим марксистским истокам, Кастельс последовательно настаивает на том, что сетевые общества остаются субъектами капиталистической системы. Примечательно, что данный этап развития позволяет утверждать, что практически вся мировая система функционирует в рамках капитализма. Центральным антагонизмом в этом общественном устройстве, в соответствии с тезисом Карла Маркса о внутренних противоречиях капитализма, остается противостояние капитала и труда. Однако Кастельс модифицирует эту диалектику для информационного века, утверждая, что ключевое противоречие информационного капитализма заключается в исторической асимметрии распределения ролей: капитал обладает структурной способностью к сетевой организации (networking), в то время как труд подвергается индивидуализации.

Заключительный этап исследовательской траектории Кастельса характеризуется концентрацией на взаимосвязи коммуникации, власти и сетевых структур. Несмотря на преемственность тем, заявленных в ранних публикациях, наблюдается отчетливая актуализация интереса к микросоциологическим аспектам социального анализа. Одной из ключевых работ в этой области является «Коммуникационная власть», в которой автор демонстрирует методологический сдвиг по двум основным направлениям. Во-первых, хотя прямая связь между анализом и категориями личности и идентичности менее выражена, чем в рамках Трилогии об Информационной эпохе, данная работа закладывает более прочный психологический фундамент для объяснения характера социальных действий. Во-вторых, важным отступлением от его прежнего подхода является интеграция микросоциологических объяснительных схем, которые начали оказывать существенное влияние на его теоретические построения.

Аналитическая концепция сети, разработанная Кастельсом, утверждает-ся в качестве фундаментального структурного элемента как в новых режимах коммуникации, так и в опосредованном обществе в целом. Ее проявления охватывают феномены «массовой самокоммуникации» (mass self-communication), связанной с развитием социальных сетей. Например, вклад гражданского общества (в частности, экологических движений) в управление последствиями климатических изменений, а также нейрополитику, которая исследует механизмы власти через призму когнитивных процессов. Кастельс приходит к выводу, что, будучи осознанными акторами, субъекты функционируют подобно органическим сетям, интегрированным во внешнюю среду. Данное утверждение методологически приближает его теорию к формулированию общей теории сетей. Такая теория способна обеспечить объединяющую основу для понимания материальных, психологических и социальных измерений реальности, выступая в качестве интегративного каркаса для естественных, гуманитарных и социальных наук.

Кастельс позиционирует себя как последовательный сторонник сетевой парадигмы, утверждая, что теория сетей способна предоставить унифицирующий язык и концептуальную матрицу для осмысления как природы, так и человеческого общества. Этот унифицирующий потенциал охватывает биологические, неврологические, цифровые и коммуникационные сети. Хотя автор сохраняет приверженность своей концепции сетевого общества, его более поздние изыскания, касающиеся роли сетей в социальных исследованиях, демонстрируют необходимость дальнейшего концептуального уточнения ее теоретических оснований.

Источники:

1. Castells, Manuel. *The Informational City: Economic Restructuring and Urban Development*. Oxford: Blackwell, 1989.
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

M. P. Zamotin (*Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»*)

M. CASTELLS'S THEORY OF SOCIAL NETWORKS

This article examines and analyzes in detail how M. Castells introduces, operationalizes, and utilizes the concept of "network" in his theory of the network society. Beginning with an overview of the role of networks in his macrosociological theory, it evaluates his conceptual approach in the context of contemporary network analysis and his contribution to network theory.

Social networks, information society, information technology, communication

УДК 130.2:124.5

А. В. Ильина (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: a.ilyina2045@gmail.com)

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕХАНИК ГЕЙМИФИКАЦИИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСЛЯЦИИ ЦЕННОСТЕЙ

В работе рассматриваются вопросы, связанные с применением геймификации в области трансляции ценностей. Анализируются варианты использования механик геймификации в условиях работы с духовно-нравственными ценностями. В качестве примера производится выявление механик геймификации, которые могут быть использованы при трансляции ценности сотрудничества.

Ценности, трансляция ценностей, передача ценностей, геймификация, механики геймификации, элементы геймификации, сотрудничество

В современном социуме все большей популярностью пользуются игры: компьютерные, мобильные, консольные и пр. По мере того, как к играм приобщается большое количество людей, получает распространение геймификация. Термин «геймификация» был впервые предложен в 2002 г. британским программистом и создателем игр Ником Пеллингом (Nick Pelling), однако стал по-настоящему востребованным несколько позднее, в 2008 г., и к началу второго десятилетия XXI в. геймификация обрела применение в ряде социально значимых прикладных контекстов [1, с. 15–16].

Долгое время под геймификацией понималось внедрение игровых механик в неигровые сферы. В настоящее время предлагается альтернативная формулировка определения, согласно которой «геймификация – это методология работы с человеческим поведением за счет использования средств и приемов игрового мышления» [1, с. 27]. Геймификация – это не игра, но она обращается к практикам и методикам, которые активно применяются в играх, и через игры являются знакомыми целевой аудитории. Ввиду того, что геймификация распространяется на разные сферы, целевая аудитория геймификационных мероприятий может быть разной: студенты в сфере образования, пациенты в сфере медицинского обслуживания, покупатели товаров и услуг в сфере бизнеса и т. д. Возможность столь широкого распространения геймификации обусловлена тем, что современный человек все больше времени проводит в цифровом мире, куда легко перенести игровые практики. Геймификация позволяет использовать эти практики, чтобы ориентировать целевую аудиторию на обращение к новым поведенческим паттернам или на закрепление паттернов, которые иначе остались бы недостаточно востребованными. Например, в случае образования выполнение рутинных действий может не представляться

студентам увлекательным и интересным. Внедрение геймификации открывает новые способы повышения интереса к этим действиям, мотивируя студентов к более качественному усвоению материала.

В исследовательской литературе можно обнаружить многочисленные варианты определения сущности геймификации. В частности, речь может идти о структуре геймификации из пяти ключевых составляющих [2].

1) Исходная система, в рамках которой предполагается использовать геймификацию.

2) Элементы (реже – компоненты) геймификации.

3) Механики геймификации.

4) Динамические взаимодействия пользователей с элементами и механиками геймификации.

5) Намерения пользователей, на формирование которых направлены геймификационные мероприятия.

Обращаясь к системе (1), пользователь осуществляет взаимодействия (4) с элементами геймификации (2) в рамках механик геймификации (3) и получает мотивацию к проявлению целевого поведения (5) благодаря более глубокому вовлечению в процесс, веселью и др. позитивным вариантам обратной связи.

Принимая во внимание указанную структуру, механики геймификации необходимо отнести к числу ключевых факторов успешного формирования ожидаемого поведения пользователя. В то же время, в литературе обращение к механикам геймификации оказывается тесно связано с использованием элементов геймификации. В то время как механики геймификации принято определять как доступные пользователю действия, элементы геймификации рассматриваются как объекты, с которыми производятся данные действия. Конкретнее, механики геймификации ассоциируются с глаголами, а элементы геймификации – с существительными. Примером механики геймификации может служить глагол «развиваться», ассоциируемый в литературе с термином «прогрессия». Примерами элементов геймификации, которые отсылают к этой механике, выступают очки, квесты, уровни и др. объекты, которые дают пользователю возможность реализовать свое развитие [1, с. 20].

Анализ исследований, посвященных геймификации, позволяет предположить, что ее достижения применимы не только в прикладных контекстах, но также в более общих вариантах социальных и культурных взаимодействий. В качестве важного проявления данных взаимодействий следует назвать процесс трансляции ценностей. Трансляция ценностей может быть охарактеризована как процесс передачи определенного когнитивно-деятельностного содержания в сознание человека. Речь может идти о передаче положительного опыта, в широком смысле – положительного опыта человечества, а также об освоении соответствующих знаний: экзистенциальных, теоретических и инструментальных и др. [3, с. 181]. Сюда же можно отнести передачу идеалов, норм и правил между людьми разных поколений, на уровне семьи и иных малых социальных групп, на уровне социальных инсти-

тутов, в медиапространстве и т. д. В зависимости от контекста механизмы трансляции ценностей могут существенно отличаться: личный пример, следование традиции, образы, транслируемые СМИ, и др. Однако можно отметить, что во всех случаях трансляция ценностей предполагает, по меньшей мере, две группы участников: участники, которые транслируют, или передают, ценности, и участники, которые эти ценности воспринимают. В определенный момент мотивация стороны, которая воспринимает ценности, может снизиться. В этом случае полезными окажутся варианты дополнительной мотивации, среди которых представляется возможным использовать геймификацию.

Применение геймификации не накладывает специфических ограничений на характеристики вовлеченных сторон. С этой точки зрения сторону, которая транслирует ценности, можно отождествить с модераторами системы передачи ценностей, тогда как сторону, которая воспринимает ценности, – с пользователями этой системы. Теоретически наработки геймификации могут быть привлечены в рамках различных систем передачи ценностей, поэтому к ним в равной степени могут обратиться семьи, детские сады, школы, университеты и др. участники социальных взаимодействий. Важно, только, чтобы реализация геймификационных мероприятий была уместна, продуманна и соответствовала ситуации.

Необходимым шагом на пути к успеху применения геймификации в контексте передачи ценностей выступает выбор этих ценностей. Возможности геймификации многочисленны и требуют соотнесения с образом целевого поведения пользователя системы. При наличии соответствующего образа выбор ценностей, которые планируется транслировать средствами геймификации, может быть представлен как работа с каталогом ценностей. В рамках такого каталога ценности допускают группирование на разных основаниях, с использованием существующих классификаций или авторских классификаций модераторов системы. Речь может идти об универсальных, профессиональных, духовно-нравственных и иных ценностях. В их составе может быть выбрана одна ценность – или их набор. В качестве примера можно обратиться к духовно-нравственным ценностям и остановить выбор на ценности сотрудничества.

Далее, в зависимости от характера социальных и культурных взаимодействий, о которых идет речь, сторона, транслирующая ценности, может опереться на разные варианты взаимодействия с воспринимающей стороной. Основываясь на этих вариантах, можно конкретизировать сценарий повышения мотивации пользователей системы к восприятию ценностей. В литературе о геймификации предлагается различать не менее восьми вариантов мотивации пользователей [4]. Это «значимость», «самосовершенствование», «социальное влияние», «непредсказуемость», «избегание негатива», «ограниченность ресурсов», «обладание» и «достижение». С ними соотносятся различные элементы геймификации. Например, с вариантом мотивации «достиже-

ние» соотносятся такие элементы геймификации как значки, рейтинги, выигрыш приза и др., а с вариантом мотивации «социальное влияние» – приглашение друзей, групповой квест, наставничество и др. В качестве примера можно сфокусироваться на варианте взаимодействия преподавателей и студентов в области высшего образования. В этом случае в качестве вариантов мотивации студентов могут быть выбраны «значимость», «самосовершенствование», «социальное влияние» и «достижение». Подобный выбор актуализирует обращение к вышеперечисленным элементам геймификации, связанным с мотивацией «достижение» и «социальное влияние», а также к ряду дополнительных элементов. Например, для мотивации «значимость» – элементы геймификации бесплатный ланч, повествование и др.

Наличие списка элементов геймификации, которые могут быть использованы при передаче ценностей, позволяет тщательно продумать варианты использования геймификационных механик. В частности, механики можно выбрать из следующего перечня [2]: достижения, вызовы, кооперация, обратная связь, обладание, прогрессия, транзакции, а также случайные элементы. Несмотря на то, что приведенные названия не выражаются в форме глаголов, они выстраиваются с опорой на представление о механиках геймификации как потенциальных действиях пользователей системы и могут быть преобразованы к глагольной форме. Можно заметить, что выбранные ранее элементы геймификации, относящиеся к мотивации «достижение», тяготеют к механикам достижения, тогда как элементы, относящиеся к мотивации «социальное влияние» теснее связаны с механиками кооперации.

В условиях привлечения геймификации для передачи ценностей механикам следует отвести особенно важную роль. С одной стороны, механики геймификации могут по-разному применяться в зависимости от характера, темперамента, деталей биографии, социального статуса, а также иных характеристик пользователей системы. Результатом может оказаться разный внутренний отклик на взаимодействие с механиками. Успешная система трансляции ценностей должна учитывать эти различия. С другой стороны, мотивирование пользователей системы к тому или иному варианту поведения способна приводить к ситуации, в которой интериоризация ценностей подменяется видимостью интериоризации – внешними проявлениями поощряемого системой поведения. Необходимо учитывать этот риск и своевременно корректировать работу системы для его минимизации.

Необходимо сделать следующие выводы. Современный мир восприимчив к достижениям геймификации. Допустимо распространить ее использование не только на прикладные контексты, но и на более абстрактный уровень трансляции ценностей в обществе и культуре. Использование геймификации в процессе трансляции ценностей предполагает как минимум четыре шага. Во-первых, нужно выбрать ценности, которые будут транслироваться, а также уточнить контекст обращения к этим ценностям. Во-вторых, проанализировать варианты взаимодействия с целевой аудиторией и выбрать способы

мотивировать ее к усвоению ценностей. В-третьих, определить, какие элементы геймификации будут способствовать усвоению ценностей. В-четвертых, выбрать механики геймификации, которые будут использованы для работы с этими элементами. Обращение к механикам геймификации в рамках трансляции ценностей требует учета особенностей целевой аудитории и предполагает меры, направленные на снижение риска подмены интериоризации ценностей внешними проявлениями социально желательного поведения. Этот вопрос заслуживает дальнейшего исследования.

Источники:

1. Ветушинский А. С. Больше, чем просто средство: новый подход к пониманию геймификации // Социология власти. 2020. No 32 (3). С. 14–31.
2. Wood L., Reiners T. Gamification // Encyclopedia of Information Science and Technology. 2015. Edition: 3rd. PP. 3039-3047.
3. Дорожкин А. М., Тимофеева О. В. Трансляция ценностей в духовных традициях и образовательном процессе // Нижегородское образование. 2013. № 2. С. 179–185.
4. Чоу Ю-К. Геймифицируй это. Как стимулировать клиентов к покупке, а сотрудников – к работе. Пер. Шалаева Д. М.: Изд-во Бомбора, 2023.

A. V. Ilin (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

FEATURES OF THE APPLICATION OF GAMIFICATION MECHANICS IN THE CONTEXT OF VALUE TRANSLATION

The paper examines issues related to the application of gamification in the field of value transmission. Possible uses of gamification mechanics in the context of working with spiritual and moral values are analyzed. As an example, gamification mechanics that can be applied to transmit the value of cooperation are identified.

Values, value transmission, value transfer, gamification, gamification mechanics, gamification elements, cooperation

УДК 32

С. И. Каминский (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: stanislavkam13@gmail.com);

В. П. Милецкий (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: falesm@mail.ru)

МОДЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ В ИГРОВОМ ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Исследование посвящено рассмотрению процесса трансформации игрового виртуального пространства в инструмент политических коммуникаций. На основе критического анализа существующих научных публикаций авторами предложена оригинальная типология, включающая четыре базовые модели коммуникаций в игровом виртуальном пространстве: политического информирования, идентификации, социализации и мобилизации. Эти модели позволяют выявить механизмы интеграции политических символов, образов и дискурсов в игровой опыт, оценить их воздействие на пользователей. В статье делается вывод о синергетическом взаимодействии данных моделей и возрастающей значимости видеоигр в современных политических коммуникациях.

Видеоигры, модели политических коммуникаций, информирование, социализация, мобилизация, идентификация, цифровой суверенитет

Активное развитие цифровых технологий в начале XXI века обусловило фундаментальную трансформацию представлений о природе, каналах и субъектах политических коммуникаций. В настоящее время игровое виртуальное пространство, характеризующееся многомиллиардной аудиторией, перестало быть исключительно развлекательной средой и эволюционировало в инструмент для политического взаимодействия. В пространстве игровой виртуальной реальности перманентно формируются и распространяются политические символы, образы и дискурсы [1, с. 63–66].

Данный феномен представляет собой не просто техническую новеллу, а качественную реструктуризацию природы видеоигр, которые перемещаются из сферы досуга и эскапизма в форму политического взаимодействия. Несмотря на растущий интерес академического сообщества, что отражено в работах как отечественных, так и зарубежных исследователей, данная область характеризуется существенной методологической неоднородностью, фрагментарностью эмпирических данных и отсутствием целостных теоретических моделей, способных охватить всю сложность и многогранность изучаемого явления.

Проведенный критический анализ массива актуальных научных исследований позволил выделить четыре доминирующие концептуально обособ-

ленные модели политических коммуникаций в игровом виртуальном пространстве, которые мы классифицируем как «идеальные типы» (в интерпретации М. Вебера): модель политического информирования, модель политической идентификации, модель политической социализации и модель политической мобилизации [2].

Модель политического информирования, представляющая собой фундаментальную основу предложенной типологии, актуализирует базовую, классическую функцию передачи политизированной информации. Ключевой особенностью данной модели является имплицитный и опосредованный характер трансляции информации, которая предоставляется пользователю не только в виде готового дискурса, но и интегрируется в ткань игрового опыта через нарративную структуру, дизайн игровых механик, визуальное и звуковое оформление, а также семиотическое пространство символов и образов. Такой подход способствует эффективному донесению сложных и спорных идеологических концепций, минимизируя при этом эффект когнитивного отторжения и критической рефлексии, характерный для прямой пропаганды и традиционных форм политической агитации.

Теоретической основой модели служит переосмысленная и адаптированная к интерактивной среде формула Г. Лассуэлла, где односторонняя линейная коммуникация, представленная как «коммуникатор-сообщение-канал-реципиент-эффект», трансформируется в нелинейный, интерактивный и циклический процесс. Эффективность данного процесса достигается не только через пассивное восприятие информации, но и за счет активного участия реципиента-игрока. Через систему запрограммированных выборов и стратегий игрок фактически создает финальное сообщение, испытывая иллюзию личного влияния и агентности в отношении исходов виртуальных событий [3].

Ключевые характеристики модели включают нарративность, процедурную риторику, иммерсивность и симуляционный характер. Нарративность обеспечивает целостность и последовательность передачи информации через игровой сюжет. Процедурная риторика убеждает игрока через правила и системы, а не только через текст. Иммерсивность создает эффект глубокого погружения, размывающего границу между реальным и виртуальным. Симуляционный характер моделирует упрощенные, но функциональные версии социально-политических процессов.

Иллюстрацией к данной модели могут служить квазиисторические стратегии, такие как «Sid Meier's Civilization» и «Total War». Через механику «дерева технологий», культурного прогресса и дипломатических взаимодействий игра, созданная по мотивам вселенной С. Мейера, имплицитно продвигает телеологическую концепцию истории. Это способствует легитимизации соответствующих политических ценностей и институтов в сознании игроков. В противоположность «Sid Meier's Civilization» серия пошаговых военных стратегий «Total War», фокусируясь на конфронтационном аспекте политики, процедурно утверждает идею силового доминирования как единственно эф-

фективной стратегии исторического развития политической общности (развитие философии «перманентной войны» Ж. Моне и Р. Шумана, концепции «друг – враг» К. Шмитта).

Модель политической идентификации акцентирует внимание на глубинных, подсознательных механизмах, которые лежат в основе формирования, принятия и трансформации идентичностей в процессе политических коммуникаций. Ключевым элементом данной модели является архетипическая оппозиция «Свой/Другой/Чужой» (впервые сформулированная Э. Х. Эриксоном), которая не просто декларируется, но и постоянно воспроизводится и актуализируется посредством системы игровых выборов, визуальных, аудиальных и нарративных репрезентаций различных фракций, наций, этнических групп и идеологических конструкторов.

Теоретической основой выделения данной модели является теория социальной идентификации А. Тэшфела и Д. Тернера, адаптированная к специфическим условиям цифровой интерактивной среды. Важно отметить, что идентичность в данном контексте не навязывается игроку директивно, а активно конструируется им самим через серию интерактивных выборов, таких как принадлежность к фракции, класс персонажа, моральные и стратегические решения в рамках сюжета. Это делает процесс политической идентификации более персонализированным [4].

К ключевым свойствам модели относятся конфликтность как организующий принцип игровых миров, визуальная и нарративная семиотика, которая выступает катализатором групповой солидарности, а также нормативное давление со стороны формирующегося внутриигрового сообщества, которое вырабатывает собственные нормы и дискурсивные практики.

Примером данной модели является канадская стратегия «Companions of Heroes 2». В этой игре советские солдаты целенаправленно репрезентируются как «Чужие» – аморальные, жестокие и фанатичные. Образ американских военных, раскрываемый в сюжетных дополнениях к игре, напротив, позиционируется как образ «Своих» – справедливых праведников, придерживающихся концепции «боевого братства» и стремящихся минимизировать жертвы среди гражданского населения. Это способствует формированию устойчивой негативной идентификации, которая потенциально может влиять на историческую память о подвиге советского народа в годы Второй мировой войны и решающем вкладе СССР в победу над нацизмом.

В массовых многопользовательских онлайн-играх (MMORPG), таких как «World of Warcraft», идентификация с внутриигровыми фракциями (Альянсом или Ордой) зачастую выходит за рамки игрового процесса, становясь элементом молодежной субкультуры. Это приводит к созданию мемов, фанатского контента и оказывает заметное влияние на модели самоидентификации и групповой принадлежности в реальном мире.

Модель политической социализации рассматривает виртуальное игровое пространство как новый, высокоэффективный инструмент виртуальной поли-

тической социализации. Процесс интеграции индивида в политическую систему общества, традиционно включающий усвоение знаний, норм, ценностей и моделей поведения, приобретает в игровой среде принципиально иной характер.

Данная модель тесно связана с идеями классической работы Й. Хейзинга «*Homo ludens*». Ключевые характеристики модели включают симулятивность, безопасность и поощрение экспериментирования. В отличие от традиционных агентов социализации (семья, школа, университет и пр.), предлагающих преимущественно пассивное усвоение информации, игровые сообщества и механики обеспечивают погружение в безопасную, но структурированную среду для эмпирического экспериментирования с различными политическими ролями, моделями управления, экономическими системами и методами разрешения конфликтов. Ошибки, совершенные в игровой среде, не имеют реальных последствий, что позволяет игрокам свободно экспериментировать без страха негативных социальных или политических последствий. Важную роль играет нормативное давление игрового сообщества и отдельные «блоггеры-летсплееры», выступающие агентами социализации [5].

Наибольшую эффективность и наглядность модель демонстрирует в «играх-песочницах», таких как «*Minecraft*» или «*Tropico*». На специализированных серверах игроки самостоятельно создают сложные виртуальные государства с конституциями, институтами власти, налоговыми системами и дипломатическими механизмами. Это позволяет имитировать отдельные аспекты политической социализации, начиная с освоения базовых норм и правил и заканчивая активным участием в выборах, лоббировании интересов, законодательной деятельности и разрешении кризисов [6].

Наконец, модель политической мобилизации описывает наиболее рациональное и непосредственное использование технологической инфраструктуры, организационных ресурсов и уже сформированной аудитории игровых платформ для структурированного планирования и координации политических действий, направленных на достижение конкретных целей в физическом пространстве. Эта модель демонстрирует окончательное преодоление устаревшей бинарной оппозиции «виртуальное/реальное», поскольку действия, инициированные и координируемые в цифровой среде, получают непосредственное, измеримое и зачастую значительное продолжение в реальной политике.

Теоретической основой данной модели служат классическая теория коллективных действий М. Олсона, объясняющая логику формирования и функционирования групп, и современная концепция краудсорсинга Дж. Хоу, описывающая процесс привлечения ресурсов большого количества людей для решения различных задач [7].

Основные характеристики модели включают сетевую децентрализованную структуру, обеспечивающую устойчивость и адаптивность; чрезвычайно высокую скорость и эффективность распространения информации через

внутриигровые чаты, форумы и стриминговые платформы; виртуальная координация логически подготавливает и сопровождает реальные акции (виртуальные митинги и флешмобы, кибератаки); а также выраженную ориентацию на формирование медиаэффекта и символического капитала.

В качестве релевантных примеров можно привести не только виртуальную предвыборную кампанию, организованную штабом Д. Байдена в игре «Animal Crossing: New Horizons», но и организацию виртуальных митингов ЛДПР в «Minecraft», а также координацию масштабных протестных движений, таких как «Свободный Гонконг», в «GTA Online» и «Genshin Impact».

Описанные модели политических коммуникаций в игровом виртуальном пространстве находятся в отношениях взаимодополняемости и иерархической последовательности. Информирование создает необходимый идеологический и нарративный фундамент. Идентификация преобразует полученную информацию в устойчивую систему аффективных предпочтений и групповых лояльностей. Социализация обеспечивает усвоение практических норм и навыков, необходимых для эффективного функционирования внутри этих групп. Мобилизация предоставляет конкретные механизмы для трансформации усвоенных установок и сформированной идентичности в виртуальные коллективные политические действия.

В заключение необходимо подчеркнуть, что предложенная типология, состоящая из четырех взаимосвязанных моделей, представляет собой не только аналитический инструмент для систематизации эмпирических данных, но и отражает объективно существующий фундаментальный сдвиг в природе политического взаимодействия в условиях цифровизации. Видеоигры более не являются пассивной платформой для репрезентации политических процессов или их суррогатным аналогом. Игровое виртуальное пространство трансформировались в полноценный, сложноструктурированный и автономный социально-политический институт, выполняющий критически важные функции информирования, идентификации, социализации и мобилизации индивидов.

Источники:

1. Каминский С. И., Федотов Д. А. Теоретические аспекты изучения геймификации политики: видеоигры как инструмент влияния на общественное мнение // Право и политика. 2025. № 6. С. 51–70. DOI: 10.7256/2454-0706.2025.6.74423.
2. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
3. Lasswell H. D. The Structure and Function of Communication in Society // Reader in Public Opinion and Communication / ed. by B. Berelson, M. Janowitz. New York: The Free Press, 1966. P. 178–189.
4. Social Identity and Intergroup Relations / ed. by H. Tajfel. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. 546 p.

5. Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.

6. Мальцева Д. А., Федотов Д. А., Каминский С. И. Видеоигры как инструмент формирования политического образа социального государства в сознании молодежи: кейс «Tropico 6» // Конфликтология. 2023. Т. 18, № 4. С. 7–22. DOI: 10.31312/2310-6085-2023-18-4-7-22.

7. Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М.: Фонд экономической инициативы, 1995. 174 с.

S. I. Kaminskii (St. Petersburg Electrotechnical University «LETI»);

V. P. Miletsky (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

MODELS OF POLITICAL COMMUNICATIONS IN THE VIRTUAL GAMING SPACE

The study is devoted to the process of transformation of the virtual gaming space into a political communication tool. Based on a critical analysis of existing scientific research, the authors propose an original typology that includes four basic models of communication in the virtual gaming space: political information, identification, socialization, and mobilization. These models allow us to identify mechanisms for integrating political symbols, images, and discourses into the gaming experience and assess their impact on users. The article draws a conclusion about the synergetic interaction of these models and the increasing importance of video games in modern political communications.

Video games, models of political communication, information, socialization, mobilization, identification, digital sovereignty

УДК 316.442

Е. А. Камышина (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: kamyshina.elena@gmail.com)

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КОРПОРАТИВНОГО ЛИДЕРА В УСЛОВИЯХ СЕТЕВОЙ ПРОЦЕССУАЛЬНОСТИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕСУРСА ВЛИЯНИЯ

В статье рассматривается трансформация человеческого капитала руководителей корпораций в контексте становления «потокowego общества» и сетевой реальности. Человеческий капитал утрачивает свойства статичного актива и превращается в динамический ресурс, конституируемый структурной позицией актора в сетях. На основе синтеза теории потокowego общества и сетевого анализа предлагается теоретическая модель для исследования социодинамики человеческого капитала.

Человеческий капитал, сетевая реальность, потокowego общество, сетевой анализ, SNA, руководители, лидеры

Современный этап социального развития, характеризуемый как переход к «потокowому обществу», где пластичность и волатильность, темпоральность и текучая аутентичность становятся определяющими характеристиками того, что производят и потребляют, воспринимают и проживают [1, с. 49] различные члены общества. В корпоративном мире потокowego общество может проявляться через логику потоков информации, капитала и технологий, которая детерминирует трансформацию природы человеческого капитала. Корпорация перестает быть жесткой иерархией, превращаясь в гетерогенную сетевую конфигурацию, что требует переосмысления человеческого капитала ее лидеров. Компании переходят к гибким и кросс-функциональным моделям. Команды становятся самоорганизующимися, уровень автономности сотрудников растет. Руководители теперь не просто «принимают решения», а создают среду, где сотрудники сами находят решения [2]. Классические теории, фокусирующиеся на объективных и субъективных факторах, не учитывают сетевую и процессуальную природу человеческого капитала. Цель данного исследования – предложить теоретико-методологический каркас для анализа человеческого капитала как функции от способности актора к навигации и модуляции сетевых потоков.

Теоретической рамкой выступает синтез нескольких подходов. Во-первых, это теория потокowego общества М. Кастельса, в которой основная идея заключается в том, что в эпоху информационных технологий, когда складывается сетевое общество, при сохранении традиционного пространства мест возникает пространство нового типа – это пространство потоков, в

основе которого лежит «непрестанно меняющаяся сеть взаимодействий» [3, с. 386]. Во-вторых, понимание цифровой социализации как процесса интеграции индивида в новую, гибридную реальность, где происходит слияние физического и цифрового миров и формируются новые компетенции, необходимые для управления [4]. В-третьих, методология сетевого анализа (SNA), предоставляющая аппарат для операционализации реляционных связей и структурных позиций акторов, что позволяет перевести исследование с уровня индивидуальных атрибутов на уровень анализа сетевых конфигураций [5].

Итак, в сетевом обществе человеческий капитал руководителя приобретает реляционный характер и конституируется его структурной позицией в коммуникативных потоках корпорации. Одна из гипотез состоит в том, что эффективность реализации человеческого капитала детерминирована не формальным статусом, а позицией с высокой центральностью посредничества (*betweenness centrality*). Руководители, аккумулирующие социальный капитал в узлах коммуникационных потоков, получают стратегические возможности управления ресурсами. Таким образом, человеческий капитал стоит переосмыслить с позиции сетевой процессуальности.

Интракорпоративные сетевые конфигурации, инициируемые лидером, проецируются вовне и становятся фактором структуризации городской социальной и культурной среды. Стиль управления и коммуникативные паттерны, воплощенные в архитектуре внутренней сети, транслируются через практики корпоративной социальной ответственности (КСО) и взаимодействие с локальными институтами. Корпорации с «открытыми» сетевыми структурами склонны к более активному участию в формировании общегородской повестки, выступая агентами трансляции новых организационных культур и социальных технологий.

Ключевой компетенцией руководителя в потоковом обществе становится способность к модуляции сетевых потоков, а основной формой конвертации человеческого капитала – «инфлюэнс-капитал» или капитал влияния. Управление как контроль уступает место управлению как модуляции – способности артикулировать значимые потоки и устанавливать «протоколы» взаимодействия. Это позволяет ввести понятие «инфлюэнс-капитала» как способности агента быть не просто узлом, а правилом, по которому другие узлы устанавливают связи. Руководитель с таким капиталом проявляет себя как сетевой инженер, создающий новые форматы коммуникации.

В заключение следует отметить, что социодинамика человеческого капитала корпоративных лидеров не может быть адекватно понята вне рамок сетевой парадигмы. Предложенная модель, интегрирующая теорию потоков М. Кастельса, цифровую трансформацию и сетевой анализ, позволяет преодолеть дуализм структуры и агентности. Выдвинутые тезисы открывают программу для дальнейших исследований, в центре которых – роль корпора-

тивных акторов в структурировании нового социально-сетевого порядка, что может быть верифицировано, в том числе, методами динамического SNA.

Источники:

1. Иванов Д. В. Актуальная социология: веселая наука в поисках злых истин // ЖССА. 2010. №2. С. 21–50.
2. Денисова А. Влияние цифровой трансформации экономики на систему управления бизнесом // РБК. 24 марта 2025. URL: <https://companies.rbc.ru/news/hHw66RTd41/vliyanie-tsifrovoj-transformatsii-ekonomiki-na-sistemu-upravleniya-biznesom/> (дата обращения: 21.11.2025).
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
4. Микляева А. В. Цифровое общество и цифровая социализация: перспективы социально-психологических исследований // Социальная психология и общество. 2024. Т. 15, № 2. С. 5–11.
5. Матвеев С. Р. Сетевой подход как метод исследования интеллектуальной коммуникации // Социологические исследования. 2014. № 6. С. 141–148.

E. A. Kamyshina (St. Petersburg state electrotechnical University "LETI")

**HUMAN CAPITAL OF A CORPORATE LEADER IN THE
CONDITIONS OF NETWORK PROCESSUALITY: TRANSFORMATION OF
THE INFLUENCE RESOURCE**

The article examines the transformation of the human capital of corporate leaders in the context of the emerging "network society" and "space of flows". Human capital is losing its properties as a static asset and is turning into a dynamic resource constituted by the structural position of an actor in networks. Based on a synthesis of the theory of the network society and network analysis, a theoretical model for studying the social dynamics of human capital is proposed.

Human capital, network reality, network society, space of flows, network analysis, SNA, managers, leaders

УДК 316.776

А. Р. Ковалёва (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: 5565090na@gmail.com)

РИТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ЭТИЧЕСКИ СЛОЖНЫХ КОММУНИКАЦИЯХ (НА ПРИМЕРЕ МОДЕЛИ Р. КРЕЙГА)

Настоящее исследование посвящено анализу применения риторической традиции в этически сложных коммуникациях на примере табачной продукции. Основываясь теории коммуникации Р. Т. Крейга, в статье прослеживается трансформация риторических практик: от открытого и агрессивного использования триады «этнос–пафос–логос» в дорегуляторную эпоху до их смещения в сферу юридико-политического дискурса и замещения семиотической традицией в потребительской рекламе после введения жестких запретов.

Коммуникативная теория Р. Крейга, риторическая традиция, табачная продукция, семиотическая традиция, регулирование рекламы, этически сложные коммуникации, манипулятивное убеждение, дорегуляторная коммуникация, пострегуляторная коммуникация

Актуальность исследования применения риторической традиции в этически сложных коммуникациях обусловлена тем, что коммуникации вокруг табачной продукции и борьбы с курением концентрируют в себе ключевые противоречия современной медийной среды: столкновение коммерческих интересов и задач общественного здоровья, жесткое регулирование и креативные обходные ходы, усиление этического контроля и параллельную эволюцию риторических стратегий. Табачная реклама в XX веке стала одним из наиболее показательных полей применения классической риторической традиции.

Проблема исследования заключается в недостаточной разработанности вопроса о том, как именно риторическая традиция проявляется в условиях «этически сложных коммуникаций» – то есть коммуникаций вокруг вредного, но легального продукта. При этом особенно интересным представляется сопоставление риторики табачных брендов и риторики кампаний «против курения», которые борются за одно и то же поле значений, но с противоположными целями.

Гипотеза исследования состоит в том, что риторическая традиции используются в табачной рекламе до момента ужесточения рекламы, в пострегуляторный период риторическая традиция переходит в защиту продукции. А в рекламе табачной продукции начинает проявляться семиотическая традиция.

Цель исследования – анализ трансформации применения риторической традиции в коммуникациях табачной индустрии под воздействием этических ограничений и правового регулирования.

Методологическую базу исследования составляют концепция коммуникативного поля. Р. Т. Крейга с выделением риторической традиции. В процессе работы над статьей, при анализе большого количества информации использовались вспомогательные нейросетевые инструменты на базе больших языковых моделей (DeepSeek, Perplexity). Окончательный анализ, синтез теоретического материала и все содержательные выводы выполнены автором.

Р. Т. Крейг в программной статье «Communication Theory as a Field» предложил модель «семи традиций» теории коммуникации, в которой риторическая традиция занимает ключевое место как исторически первая и до сих пор одна из центральных [1, с. 130–131]. В риторической традиции коммуникация понимается как «искусство убеждающего публичного высказывания», ориентированного на влияние на аудиторию через аргументацию, стилистику и стратегическое использование языковых и символических ресурсов. Крейг трактует традиции не как жестко разделенные школы, а как разные «разговоры о коммуникации», которые могут вступать в диалог друг с другом в рамках единого поля исследования.

Риторическая традиция опирается на античное наследие (Аристотель, Цицерон) и связана прежде всего с тройкой классических средств убеждения этосом (характер и доверие к говорящему), пафосом (эмоциональное воздействие) и логосом (рациональные доводы). В современном мире риторика рассматривается как набор стратегий конструирования правдоподобия, авторитета и желательности определенных моделей поведения для целевых аудиторий. В этом смысле табачная реклама и коммуникация табачной индустрии естественно попадают в поле риторической традиции, поскольку систематически используют этос, пафос и логос для нормализации и оправдания потребления вредного продукта.

Коммуникации табачной индустрии имеют принципиально конфликтную природу: коммерческая цель изначально противоречит целям общественного здравоохранения. Исследования истории табачного маркетинга показывают, что на протяжении XX века компании выстраивали сложные риторические стратегии, направленные на смягчение восприятия риска, сдвиг ответственности на индивидуальный «выбор» и создание положительных ассоциаций с курением (успех, свобода, независимость) [2], [3].

В рекламе табачных продукции сознательно использовали «язык науки» и медицинского авторитета, чтобы сформировать у публики ощущение контролируемого риска. Это классический пример риторической игры с этосом (статус «заботящегося» и «научно ориентированного» актора) и логосом (манипуляция данными, псевдорациональность), направленный на нейтрализацию негативных пафос-реакций (страх, отвращение, тревога).

До введения строгих ограничений на рекламу табачной продукции компании имели почти неограниченный доступ к телевизионным, журнальным и наружным каналам. Классические примеры – кампании Camel с «рекомендациями врачей» и Marlboro с фигурой ковбоя.

Риторический анализ этих кампаний показывает интенсивное использование всех трех аристотелевских средств: этоса – присвоение медицинского и экспертного авторитета, ассоциация с успешными, красивыми, спортивными персонажами; пафоса – образы свободы, мужественности, сексуальной привлекательности, принадлежности к элите; логоса – псевдонаучные аргументы о «мягкости», «меньшем раздражении горла», сравнения с «обычными сигаретами».

Табачная реклама этого периода является образцовым примером «классической» риторической традиции: выгодный этос и эмоциональные ассоциации призваны затмить реальный логос о вреде продукта, а сам логос подменяется квазинаучными деталями, создающими иллюзию рационального выбора.

В начале XXI века в большинстве стран были введены жесткие ограничения или полные запреты на прямую рекламу табачных изделий в СМИ, а также серьезно ограничены спонсорство и промо-активности. Усилилась дискуссия общественного здоровья, в связи с чем были внедрены меры, направленные на снижение привлекательности брендов и самих продуктов [4]. Коммуникации вокруг таких продуктов описываются как «этически сложные» поскольку они законны и экономически значимы, однако социально и медицински проблематичны [5].

В данных условиях происходит трансформация риторической традиции: ее фокус смещается в юридиико-политическое поле, где она используется не столько для прямого продвижения продукта, сколько для легитимации самого его существования. Однако доминирующей становится семиотическая традиция, которая реализуется через систему визуальных и нарративных кодов: цветовые градиенты и коды, текстуры и тактильные элементы, абстрактные формы и символы, дым как метафора и спонсорские нарративы.

Рассмотрим рекламную кампанию Marlboro, основанную на архетипах «Marlboro Man» и «Marlboro Country». Она является примером применения риторической традиции, так как сделала бренд символом мужественности, свободы и силы [6]. Этос формируется через использование культурного архетипа (ковбой), что формирует доверие. Доминирующую роль играет пафос, поскольку реклама прежде всего «продает» чувство свободы, независимости и мужественности. Логос же минимален, но подчинен образу: фильтр, лаконичные слоганы, иногда отсылки на «новую, усовершенствованную» сигарету. С точки зрения риторической традиции кампания успешна, поскольку эффективно соединяет аудиторию (мужчин, переживающих изменения гендерных ролей и своей идентичности в послевоенной Америке) с образом-символом «настоящего мужчины».

После введения ограничений на продвижение табачных продуктов доминирующей становится семиотическая традиция, где убеждение строится на визуальных кодах и скрытых коннотациях.

Так, дизайн упаковки (знак) Marlboro Iceblast (белая «слим-пачка» с капсулой) использует коды технологичности, чистоты и свежести, ресемантизируя продукт в высокотехнологичный аксессуар (скрытый смысл). Параллельно брендированный мерчендайз создает культурные коды принадлежности к клубу/племени и американской культуре, позволяя потребителю приобретать идентичность и историю (скрытый смысл). Таким образом, происходит опосредованная передача смыслов через знаковые системы, что легитимизирует коммуникацию в обход прямых запретов.

Сравнение демонстрирует, что риторическая традиция не исчезает, а трансформируется. В дорегуляторный период она использовалась открыто и агрессивно, с акцентом на пафос (свобода, успех) и этос (врачи, герои), подкрепляемый манипулятивным логосом («мягче», «безопаснее»), при этом этический дискурс в публичной рекламе либо отсутствовал, либо был подменен. В послерегуляторный период прямая реклама практически исчезла и начинает преобладать семиотическая традиция, где коммуникация осуществляется через дизайн упаковки, digital и юридико-общественный дискурс. При этом триада этос–пафос–логос сохраняется, но логос (аргументы о «меньшем вреде», «альтернативах») становится центральным, а пафос и этос реализуются более опосредованно и тонко. Реклама табачной продукции начала говорить и о вреде курения, что используется в партизанском маркетинге.

Источники:

1. Craig R. T. Communication theory as a field. *Communication Theory*, 1999.
2. The Evolution of Cigarette Advertising: Shifting Narratives and Brand Perception / Berkeley communication // Электрон. дан. URL: <https://clck.ru/3QoVae> (дата обращения: 09.12.2025)
3. Legislation by Country/Jurisdiction Russia / Tobacco control laws // Электрон. дан. URL: <https://clck.ru/3QoVfa> (дата обращения: 09.12.2025)
4. Казакова К. А. Анализ семиотических моделей рекламы как способа повышения эффективности коммуникативного взаимодействия между брендом и покупателем // *Человек. Культура. Образование*. 2012. №3 (5).
5. Кузнецов А. В. Особенности рекламы алкогольной и табачной продукции в российском и зарубежном праве // XIX международная научно-методическая конференция заведующих кафедрами маркетинга, рекламы, связей с общественностью, дизайна и смежных специальностей Москва, 2015.
6. The Marlboro Man Phenomenon: How a Cowboy Redefined Cigarette Marketing in the 1950ss / Brandvertising // Электрон. дан. URL: <https://clck.ru/3QoXrF> (дата обращения: 10.12.2025)

A. R. Kovaleva (*Saint Petersburg State Electrotechnical University “LETI”*)

**THE RHETORICAL TRADITION IN ETHICALLY COMPLEX
COMMUNICATIONS (USING THE EXAMPLE OF R. CRAIG'S MODEL)**

The present study is devoted to the analysis of the application of the rhetorical tradition in ethically complex communications using the example of tobacco products. Based on R. T. Craig's theory of communication, the article traces the transformation of rhetorical practices: from the open and aggressive use of the ethos–pathos–logos triad in the pre-regulatory era to their shift to the sphere of legal and political discourse and their replacement by the semiotic tradition in consumer advertising after the introduction of strict prohibitions.

R. Craig's communicative theory, rhetorical tradition, tobacco products, semiotic tradition, regulation of advertising, ethically complex communications, manipulative persuasion, pre-regulatory communication, post-regulatory communication

УДК 327.51

О. М. Корчажкина (Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» Российской академии наук, e-mail: olgakomax@gmail.com)

СОВРЕМЕННЫЕ УЧЕНЫЕ О МНОГОВЕКОВОМ ПРОТИВОСТОЯНИИ РОССИИ И ЗАПАДА

В статье делается обзор исследований ведущих российских политиков, социологов, историков, философов по вопросам взаимоотношений России и коллективного Запада. Часть исследований носит законченный характер, а ряд других находятся на этапе осмысления и выбора перспектив дальнейшего анализа нарастающих противоречий между двумя крупнейшими мировыми цивилизациями.

Противостояние России и Запада, угроза конфликтов, ядерная доктрина, мировые цивилизации, идеологические противоречия

Многовековое противостояние России и Запада является темой для исследования не только представителей исторических научных школ. События на Украине – незаконная смена президентской власти и вхождение Крыма в состав России в 2014 году, восьмилетнее вооруженное противостояние Донбасса националистическим формированиям, геноцид русского народа, проживающего на Украине, и, наконец, начало Россией специальной военной операции (СВО) в феврале 2022 года – включили в круг исследователей истоков, последствий и перспектив враждебного отношения к России западных государств новых лиц – политиков, социологов, философов, военков и даже кадровых военных.

Цель статьи – сделать обзор наиболее значимых и интересных монографий на тему взаимоотношений России и Запада, вышедших в 2022–2025 гг.

«Русские уроки истории»

Таково название начатого в 2013 году исследования Т. Н. Сергейцева, Д. Е. Куликова и И.С. Валитова, результаты которого изданы спустя десять лет в виде монографии под тем же названием [1]. В ней приведен анализ, а также предсказаны перспективы развития многовекового противостояния России и Запада, причем это противостояние является не войной между государствами, а войной, объявленной коллективным Западом русскому народу, когда перед российским обществом стоит задача «обеспечить непосредственную преемственность русского дела, которое сегодня состоит в суверенизации народного государства» [1, с. 292].

Основой укрепления суверенитета страны авторы «Русских уроков» называют реализацию принципа «расширенного воспроизводства человека и государства в полном объеме» [1, с. 293]. На решение подобной глобальной

задачи необходимо время, равное циклу воспитания человека нового поколения, который занимает в среднем двадцать-тридцать лет. В течение этого времени государству необходимо работать не только в проективном, но и в антикризисном режиме, то есть в режиме *управления кризисом* в условиях враждебного отношения Запада к России.

Современная борьба является противостоянием неофашизма и русского мира в лице Российского государства и Российского народа: «Нас обязательно попытаются добить. Не дать подняться в новом качестве суверенного народного государства, народной империи. Время мира подходит к концу. И сначала нам придется вернуть потерянное, разгромить воинствующий национализм окраин, единственное назначение которого – уничтожение универсальной антинационалистической русской цивилизации. Битва за Украину – рубеж, дальше которого мы не можем отступать ни территориально, ни идеологически» [1, с. 300].

Угроза конфликтов и глобальных катастроф

В монографии В. И. Пантина «Эпоха великих потрясений и перспективы России. 2025 год: перелом неизбежен» намечены «наиболее вероятные перспективы России в 2020–2030-е годы и условия преодоления ею опасных ловушек, которые связаны с политикой западных государств и наличием влиятельных антинациональных, компрадорских сил в российской «элите»» [2, с. 2].

Реальными угрозами и «ловушками» для России со стороны Запада, которым нам необходимо активно противодействовать, автор монографии считает: развал России изнутри; разжигание социальных, межэтнических и межрелигиозных конфликтов; победу над Россией в информационно-психологической войне; включение Украины и Грузии в НАТО; блицкриг в Калининградской области, в Крыму и на Донбассе; «цветные революции» на постсоветском пространстве; государственный переворот в России по украинскому сценарию; истощение России, ее человеческих и энергетических ресурсов в войне на Украине; наращивание военного потенциала стран НАТО для победы над Россией в полномасштабной войне, которую Запад планирует начать в 2030 году.

Ядерная доктрина России 2024-го года как ответ на новые угрозы Запада

Книга Д. В. Тренина, С. И. Авакянца и С. А. Караганова «От сдерживания к устрашению» [3] представляет собой отредактированную для открытой печати версию доклада, представленного ведущими российскими аналитиками руководству страны. В этом докладе (и впоследствии в книге) речь идет о необходимости для России укрепления всеобъемлющего *стратегического сдерживания*, особенно ядерного, «которое должно стать действенным средством *устрашения* США и их сателлитов», поскольку прежняя версия стратегического сдерживания Россией США и их европейских союзников не сра-

ботала, доказательством чего стал прозападный государственный переворот на Украине в 2014 году.

Авторами доклада предложен подробный план всеобъемлющего стратегического сдерживания, но и главное – устрашения Запада в условиях затяжного военного противоборства с Россией на территории Украины, состоящий из целого комплекса конкретных мероприятий, включающих перехват Россией инициативы за счет неотложных политических, военно-технических и военных шагов противодействия Западу. Поэтому следует недвусмысленно заявить о решимости России продвигаться по «Лестнице эскалации» [3, с. 88–101], чтобы восстановить у человека страх перед войнами. В одном из своих интервью С. А. Караганов привел научное название этого страха, основанного на «достоверности ядерного сдерживания для устрашения». Оно необходимо для того, чтобы люди снова начали бояться войны и начали ценить мир (<https://globalaffairs.ru/articles/oruzhie-mira-karaganov/>).

С этой целью новая Доктрина должна быть направлена не только на реализацию целей СВО, но и на длительную перспективу, в которой акцент переносится с приоритета стратегии *обороны* на приоритет активного *сдерживания* и *устрашения*, что включает «укрепление достоверности ядерного сдерживания, осуществляемого Россией в отношении потенциальных противников, а также его эффективности как одного из средств недопущения агрессии в отношении России или иного существенного ущерба национальной безопасности нашей страны, экономии ресурсов и человеческого капитала» [3, с. 102].

Поражение Запада и победа России

Исследование А. К. Исаева «Бесконечность истории и конец классических идеологий» [4] имеет расширительный заголовок «Почему Запад проиграет России». В последней главе, названной «От чего Россия спасает мир?» [4, с. 77–81] автор моделирует развитие ситуации в мировом сообществе, а не только в России, если в нынешнем глобальном противостоянии западная «коалиция желающих» одержит победу над Россией. Тогда мир ожидают не просто деструктивные, а катастрофические тенденции в экономике, политике, социальной и военно-технической сфере.

В этих условиях, делает вывод автор, борьба России против коллективного Запада имеет целью не только сохранение себя как суверенной цивилизации, но и сохранение всего мира, тогда как «хранители неоколониальных традиций делают свой выбор в пользу войны и гегемонии, а значит – неизбежного саморазрушения. Тот факт, что Россия встала на их пагубном пути, происходит во всемирной истории не впервые и, видимо, происходит закономерно» [4, с. 81]. В этих обстоятельствах Россия не может не победить. Победа для нее равносильна сохранению жизни и способности к будущему развитию.

Честный и беспристрастный анализ взаимоотношений России и Запада делает французский ученый Эммануэль Тодд, выбравший для публикации

своего исследования громкое и недвусмысленное название «Поражение Запада» [5]. Автор приводит десять сюрпризов, удививших и продолжающих удивлять западных аналитиков [5, с. 12–17], среди которых наиболее интересным для российского читателя является десятый сюрприз, сформулированный автором как «поражение Запада».

Это поражение, пишет Тодд, является несомненным, поскольку Запад вступил в черную полосу самоуничтожения и скорее даст сам себе погибнуть, чем подвергнется прямым нападкам со стороны России, которая не имеет достаточно сил и ресурсов для контроля над всей планетой. Да и целей у нее таких нет: «она является нормальной предсказуемой державой. Нет никакого российского фактора, дестабилизирующего мировое равновесие. Есть неизлечимый кризис Запада, в основном США, ставящий под угрозу равновесие на планете. Его самые периферийные волны обрушились на волнорез сопротивления, на Россию – классическое и консервативное национальное государство» [5, с. 17].

Об изменении методологии исследования конфликтов

В статье «Сообщество конфликта» [6] О.В. Аронсон, проводя детальный анализ современного противостояния различных социальных, культурных, идеологических сил в мире, указывает, что предъявления отдельных фактов и их интерпретаций часто бывает недостаточно для анализа причин, содержания и последствий современных конфликтов.

Автор рекомендует сместить акцент исследования с вопросов об истоках или предпосылках напряжений, опирающихся только на факты, в сторону «методологической проблемы теоретического высказывания о конфликте» и предлагает «мыслить конфликт неполитически». Этот означает рассматривать конфликт как ситуацию политической *еще-не-вовлеченности* [6, с. 288–289], не-созрелости, недостаточности поводов и причин перерастания из латентной («холодной») фазы в «горячую» – открытое противостояние, противоборство или войну. Изучение конфликта именно на стадии *еще-не-вовлеченности* позволяет прогнозировать и предвосхищать пути отхода от неизбежности проявления сторонами политического противостояния, неминуемо приводящего к насилию в форме военных действий.

Таким образом задается одно из новых перспективных направлений изучения глобального противостояния между странами, которое может найти сторонников в среде современных аналитиков – историков, философов, социологов и даже политических и государственных деятелей.

Еще в 2022 году В. И. Пантин написал: «на долю России выпадает особенно трудная и тяжелая миссия, особенно большие испытания и особенно важная, ключевая роль в противостоянии экспансии Запада, в борьбе с многоликим либеральным фашизмом, угрожающим не только России, но и всему миру. От того, выстоит ли Россия сегодня и завтра, в буквальном смысле зависят и судьбы человечества, и судьбы нашего мира» [2, с. 31].

Источники:

1. Сергейцев Т. Н., Валитов И. С., Куликов Д. Е. Русские уроки истории. СПб.: Питер, 2023.
2. Пантин В. И. Эпоха великих потрясений и перспективы России. 2025 год: перелом неизбежен. М.: ЛЕНАНД, 2022.
3. Тренин Д. В., Авакянц С. И., Караганов С. А. От сдерживания к устрашению. М.: Молодая гвардия, 2024.
4. Исаев А. К. Бесконечность истории и конец классических идеологий, или Почему Запад проиграет России. СПб.: СПбГУП, 2024.
5. Тодд Э. Поражение Запада. / Пер. с фр. Н. Жиро. М.: АСТ, 2025.
6. Аронсон О. В. Сообщества конфликта // Этюды по социальной инженерии: от утопии к организации / Отв. ред. В. М. Розин. Изд. стереотип. М.: ЛЕНАНД, 2023. С. 288–300.

О. М. Korchazhkina (*Federal Research Centre “Computer Science and Control” of The Russian Academy of Sciences*)

**MODERN SCHOLARS ON THE CENTURIES-LONG
CONFRONTATION BETWEEN RUSSIA AND THE WEST**

The article provides an overview of the research made by leading Russian politicians, sociologists, historians and philosophers on the relationship between Russia and the collective West. Some of the studies are complete, while others are at the stage of understanding and evaluating, and explored further prospects for analyzing the growing contradictions between the two largest world global civilizations.

Confrontation between Russia and the West, the threat of conflict, nuclear doctrine, world civilizations, ideological contradictions

УДК 159.9.01

К. А. Кравченко (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: kravchenkokarolinaa@gmail.com)

ДЕКОНСТРУКЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ КИНО

Исследуется тема идентичности в постмодернистском кино. Отмечены основные характеристики постмодернистского киноискусства: интертекстуальность, деконструкция традиционных форм, множественность интерпретации и др. Указано, что идентичность подвергается деконструкции и происходит отказ от предыдущих эссенциалистских установок.

Идентичность, личность, кино, постмодернизм, постмодернистское кино, постмодернистский субъект, модернизм, современность

Постмодернизм – это сложный феномен, берущий свое начало с 60-х годов XX века, который выражается в различных культурных формах, демонстрирующий саморефлексивность, иронию, стертые границы, фрагментированность. Также это культурное движение, возникшее после модернизма – сам термин применяется к широкому спектру позиций в области критической теории, архитектуры, искусства, литературы и культуры; он критикует бескомпромиссность и односложность модернизма. Существуют устоявшиеся характеристики термина «постмодернизм»: мы непременно находим пространство чего-то «изменчивого», «непостоянного», «кочевого» и «многозначного». Во множестве постмодернистских произведений используется коллажирование, стилизация и масштабная ирония над всем, которая основывается на огромном количестве интертекстуальных отсылок и цитировании.

Постмодернизм – это игра со смыслами и метанарративами, которые должны быть прочитаны и расшифрованы аудиторией в рамках своих предположений и своего восприятия. Постмодернистский текст чаще всего включает в себя интертекстуальность, пародию, бриколаж, также характерно исследование гиперреальности и симулякров. Постмодернистское искусство – не только искусство в его классическом понимании, но и реклама, графический дизайн, музыкальные клипы и другие формы современного культурного отклика.

Мы можем воспринимать постмодернизм как концепцию, которая отвергает идеи абсолютной истины и универсальных ценностей, подчеркивает относительность знаний, культуры и морали. Также постмодернизм – концепция искусства и определенный стиль самовыражения индивидов. Именно в этом качестве он и представляет для нас интерес.

Постмодернизм ставит под сомнение позитивную сущность прогресса, демонстрируя бесконечную множественность интерпретаций и субъектив-

ность восприятия. Между теоретиками кино разгораются жаркие дискуссии о том, что на самом деле определяет постмодернистский фильм. Постмодернистское кино, если можно говорить глобально, стремится разрушить культурный консенсус позднего капитализма, создавая новую неочевидную ранее логику. Постмодернистские фильмы (например, фильмы Линча, Тарантино, Альмадовара) представляются полезным пространством для философских и психоаналитических размышлений, удобным мысленным экспериментом. Интересно, как постмодернистское кино критикует идеологии и определяет роли субъекта в политическом дискурсе.

Постмодернистское кино символизирует историческую трансформацию визуальных нарративных форм с точки зрения оспаривания логики бинарных оппозиций. В этом отношении важную роль играет активность самого зрителя, включенного в систему культурного и социального взаимодействия через понимание отсылок и культурного бэкграунда. В состоянии неопределенности и потенциальной фрагментарности постмодернистский субъект ищет ответы на все вопросы своего существования и в искусстве – визуальные формы искусства являются одним из наиболее доступных способов в контексте политики идентичности.

Соколова Е. Т. отмечает, что «условия неопределенности из предпосылок свободы превращаются в благодатную “питательную среду” для расцвета морального релятивизма и “деконструкции” традиций человеческой солидарности; в фетиш возводятся ценности вечного движения, личного совершенства, молодости и бессмертия» [1, с. 204–205]. В этом отношении именно кинематограф становится платформой для бесконечной фетишизации.

Но постмодернистское общество – это само по себе общество спектакля. Здесь можно вспомнить слова Ги Дебора: «Понятие спектакля объединяет и объясняет огромное множество видимых явлений. Их различия и контрасты – мнимости этой социально организованной видимости, которая сама должна быть признана в своей всеобщей истинности. Спектакль, рассматриваемый согласно своей собственной организации, есть утверждение видимости, утверждение всякой человеческой, то есть социальной жизни как видимости» [2, с. 25].

Постмодернистское искусство не имеет задачи скрывать, что оно состоит из фрагментов, оно хочет быть поймано и разгадано, ссылки должны быть поняты, заимствованные источники – не скрываются. Все связано между собой, «все переплетено». Постмодернистское кино прекрасно играет со зрителем, выкладывая все карты на стол, но не давая никаких ответов. Поэтому так важно содержание произведения, символы, диалоги и все, что может быть направлено на поиск ответов. Интересно, что часто это – поиск идентичности. Герои на экране ищут себя, а зритель тоже проходит через эту сложную работу.

Как сам постмодернистский стиль стирает границы между оригинальным и заимствованным, так и сам зритель или «потребитель контента» (если говорить о современном визуальном искусстве) уже не всегда понимает, где он

сам, а где его игра, игра в соответствие образу на экране. Личность – это многослойный конструкт и множественный выбор, иногда не имеющий под собой серьезного самоосознания. В этом отношении личность становится набором культурных и медиасимволов, которые постмодернистское кино удачно высвечивает.

Использование приемов метанаследия (саморефлексия в фильме) и многослойных повествований позволяет зрителю видеть внутренние противоречия и конфликтные стороны героев. Наше «Я» – говорит постмодернистское кино – это маски, которые приходится надевать и снимать при несоответствии общепринятым нормам. Кино иронично обыгрывает, как меняются стратегии самопрезентации человека, когда он осознает хрупкость своего существования под гнетом глобальных культурных тенденций. На месте классического субъекта возникает *постличность* как результат постоянно меняющихся ролей и смыслов, где классическая дихотомия хорошего/плохого и правильного/неправильного демонстрирует сбой. Гречко П. К. замечает, что «постмодернистская перспектива идентичности существенно отягощена (хотя это обстоятельство уже можно отнести к ее специфике) самым духом постмодернизма. Он явно не идентификационный» [3, с. 172].

Можно говорить о множестве миров постмодерна, в которых исчезают привычные стандарты и границы между настоящим и искусственным, реальностью и симулякр. Личность персонажей уже не представляется внутренней существенной структурой, а – игрой в социально обусловленные образы. При этом постмодерн кричит о необходимости этого общества, за иронией таится желание принятия и сочувствия.

Определений и «осторожничанья» в контексте смысловой территории постмодернизма предостаточно, однако последнее слово остается за потребителем визуального контента – зрителем. Неопределенность ведет к борьбе по нескольким позициям: идентичность (этническая, национальная, культурная), историчность, субъективность, нарративность и др.

Интересно, что постмодернизм – это не только разрыв с модернизмом, но прежде всего – вызов ранее существовавшему теоретическому и эстетическому порядку. В этом отношении, особенно в контексте идентичности, происходит борьба между эссенциализмом и антиэссенциализмом. Эра глобальных метанарративов, смыслов, теорий завершилась, поскольку настигло осознание метанарративов как чего-то тоталитарного и деспотичного, подавляющего. В своей критике эссенциализма постмодернизм объединился с постструктурализмом и постколониализмом – плюрализм и релятивизм во всем, но слабость и безжизненность бесконечной иронии скрываются за приставкой «пост». Постмодернизм присвоил себе статус всеобъемлющей теории инакомыслия, теории, критикующей современность.

Подытоживая, стоит сказать, что деконструкция традиционных представлений о стабильной идентичности способствует формированию «гибкой» личности, отражающей склейку культурных и личностных элементов.

Постмодернистское кино демонстрирует, что современная личность – это синтез культурных символов, стилей, социальных ролей и личных опытов, «глобальная пересборка». Британский социолог культуры Стюарт Холл справедливо отмечает: «Полностью единая, законченная, связанная и четко очерченная идентичность – это фантазия. Вместо этого, по мере умножения систем значений и культурных репрезентаций, мы сталкиваемся с блуждающим множеством возможных идентичностей, каждая из которых может быть нашей, хотя бы временно» [4, с. 223]. Эта «гибкая» идентичность не привязана к одному образу или постоянному «Я», а постоянно пересобирается и переосмысливается. Такие фильмы, как «Антихрист» Ларса фон Триера или «Парфюмер: История одного убийцы» Тома Тыквера, иллюстрируют, как субъективность формируется внутри множества переменных, без привязки к чисто эссенциалистским позициям.

Источники:

1. Соколова Е. Т. Утрата я: клиника или новая культурная норма? // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2014. № 3 (40). С. 191–209.
2. Дебор Г. Общество спектакля. М.: Логос, 2000. 224 с.
3. Гречко П. К. Идентичность – постмодернистская перспектива // *Вопросы социальной теории*. 2010. Т. IV. С. 171–190.
4. Hall S. *Cultural Identity and Diaspora*//Rutherford, J., ed. *Identity: Community, Culture, Difference*. London: Lawrence & Wishart, 1990. P. 315.

K. A. Kravchenko (*Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»*)

DECONSTRUCTION OF IDENTITY IN POSTMODERN CINEMA

The article explores the theme of identity in postmodern cinema. The main characteristics of postmodern cinema art are noted: intertextuality, deconstruction of traditional forms, multiple interpretations, etc. It is indicated that identity is undergoing deconstruction and a rejection of previous essentialist attitudes is taking place.

Identity, personality, cinema, postmodernism, postmodern cinema, postmodern subject, modernism, modernity

УДК 81'42

Ж. Ю. Крестьянова (Санкт-Петербургский государственный экономический университет, e-mail: krestyanovaz@gmail.com)

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ МЕДИАРЕПРЕЗЕНТАЦИИ ТЕХНОГЕННЫХ КАТАСТРОФ

В статье рассматриваются когнитивно-дискурсивные механизмы формирования образа техногенных происшествий в англоязычном медиадискурсе на материале новостных текстов корпуса NOW. Особое внимание уделяется тактикам точности, достоверности, аттрактивности и фокусности, с помощью которых СМИ интерпретируют и структурируют событие.

Событие, когнитивно-дискурсивный механизм, медиарепрезентация, точность, достоверность, аттрактивность, фокусность

Современный медийный дискурс играет ключевую роль в формировании общественного представления о техногенных катастрофах. В условиях роста числа техногенных происшествий, обладающих высокой социальной значимостью, растет внимание к тому, как СМИ моделируют образ этих событий.

В когнитивной лингвистике событие рассматривается как ментальная модель, с помощью которой человек осмысляет и структурирует мир. Согласно Е. Ю. Ильиной и О. С. Волковой событие – это «социально значимое явление, происшествие, ситуация, заслуживающее публичного освещения». Медирепрезентация события – это когнитивно-дискурсивный механизм, который позволяет массмедиа интерпретировать и структурировать факты через языковые средства, активизирующие у аудитории определенные устойчивые ментальные структуры, определяющие, как человек воспринимает информацию – фреймы [1, с. 88–89]. Журналисты могут влиять на процесс информирования о текущих событиях, тем самым конструируя нарратив, с помощью которого формируется образ техногенных катастроф в прессе [2, с. 104].

В контексте дискурса СМИ фреймы активно взаимодействуют со стратегиями репрезентации, к которым относятся тактика точности, достоверности, аттрактивности и фокусности, обеспечивающие воздействие на адресата [3, с. 230]. Тактика точности и достоверности взаимодополняют друг друга, где точность отвечает за семантическую адекватность описываемого события в тексте, а достоверность, подтвержденная в тексте комментариями и отсылками – за фактологическую. Е. А. Мельникова отмечает, что «идеальное но-

востное сообщение должно релевантно отражать событие-референт, быть максимально информативным, т. е. точным и достоверными» [4, с. 95–96].

Под аттрактивностью понимается «привлекательность формы подачи информации, способствующую повышению интереса массовой аудитории к событию» [5, с. 10]. Техногенные катастрофы связаны с угрозами и рисками для здоровья людей, окружающей среды и безопасности, поэтому СМИ с помощью аттрактивности могут стимулировать интерес аудитории к описываемому событию и усиливать эмоциональные компоненты фрейма [6, с. 2012–2013].

Посредством фокусности массмедиа могут акцентировать или оставлять на периферии текста такие компоненты события, как его участников, само действие, пространственно-временную локализацию, причинно-следственные связи и результат произошедшего. Именно фокусность определяет, какой фрейм станет доминирующим в новостной заметке. СМИ могут выделять, кого именно считать виновным и ответственным за происшествие, обвиняя в особенности политических деятелей или государство и отодвигая технические аспекты на второй план, что приводит к нарушению точности нарратива, повествующего о событии [1, с. 91].

В процессе медиарепрезентации фрейм события расширяется за счет появления внешнего наблюдателя, в роли которого могут выступать журналисты, эксперты или свидетели произошедшего, чьи комментарии и оценки конструируют медийную картину ситуации, а также включением в текст сообщения последствий и причин произошедшего [1, с. 89]. На этот процесс влияет множество факторов, включая потребность аудитории в достоверной и правдивой информации, управление общественным мнением или коммерциализация медийного продукта [3, с. 228]. Эти факторы напрямую определяют выбор когнитивно-дискурсивных стратегий при конструировании события.

Несмотря на большое количество работ, посвященных медиа-дискурсу, когнитивно-дискурсивные особенности репрезентации техногенных катастроф остаются недостаточно изученными.

Техногенной катастрофой называется чрезвычайное происшествие, вызванное неуправляемым опасным процессом в техносфере и повлекшее за собой крупные человеческие жертвы, ущерб здоровью людей, разрушение объектов техносферы и значительные повреждения окружающей среды. Выделяют следующие типы техногенных происшествий: химическая авария, транспортные аварии, гидродинамическая авария, аварии на коммунальных системах, внезапное обрушение здания, пожары и взрывы, радиационная авария [7].

В рамках данного исследования для дискурс-анализа были выбраны авиационные катастрофы, которые всегда сопровождаются масштабным официальным расследованием, что порождает значительный по размеру корпус текстов. Для проведения эмпирического анализа медиарепрезентации авиационных происшествий в качестве основного инструмента был выбран

корпус NOW (News on the Web), который содержит более 20 миллиардов слов из новостных статей, опубликованных с 2010 года по настоящее время [8]. К наиболее частотным лексическим единицам, связанным с номинацией авиакатастрофы как события, относятся: *plane crash* (50798), *air disaster* (3367), *aircraft accident* (3364), *aircraft disaster* (3330), *mid-air collision* (2068). В скобках указана частотность употребления данных лексических единиц в корпусе NOW.

Выражение *plane crash* репрезентирует катастрофу прежде всего как человеческую трагедию. Часто встречаются прилагательные, подчеркивающие разрушительные последствия авиакатастрофы: *fatal*, *tragic*, *devastating*, *deadly*, *horrific*, *terrifying*, *catastrophic*, *traumatic*. С помощью этих атрибутивных слов СМИ стремятся усилить трагичность события и эмоциональный отклик аудитории, задействуя тем самым тактику аттрактивности. Часто указывается количество погибших: *four killed*, *no survivors*, *67 lives lost*, *three people killed*, *killed instantly*, что дополнительно усиливает драматизацию. Среди наиболее частотных глаголов встретились *killed*, *died*, *perished*, *injured*, *lost*, *survived*. Таким образом, создается оппозиция «погибшие – выжившие», где акцентируется уникальность спасения индивида на фоне массовой гибели: *sole survivor*, *miraculously survived*, *astounding escape*, *clinging to life*. Такое построение нарратива отражает использование тактики фокусности, где СМИ концентрируют внимание читателей на более драматичных аспектах происшествия, определяя, какой фрейм станет доминирующим. Параллельно с этим разворачиваются личные истории людей: *lost his wife*, *lost his father*, *received news of the plane crash*, *has no memory of the crash*, *reeling from the deaths*, *spoke of her grief*, что создает эффект сопричастности, действующий как один из ключевых механизмов аттрактивности. Рядом с коллокацией также часто появляются элементы временной локализации: *just before*, *a week after*, *earlier in the evening*, *as the year ends*, *next week*, *after decades*, в результате чего катастрофа становится точкой отсчета, относительно которой выстраивается дальнейшая хронология. Дополнительно встречаются топонимы (*on Korean soil*, *in the mountains of Colombia*, *in Washington D.C.*, *on the West Coast*), которые придают текстам локализованную достоверность.

При использовании коллокации *air disaster* фокусность смещается с индивидуального на коллективное. Анализ конкордансов корпуса показал, что в условиях узкого контекста с коллокацией регулярно употребляется оценочная лексика, которая выстраивает определенную иерархию значимости катастроф: *the worst in the country's history*, *the deadliest U.S. air disaster*, *South Korea's worst air disaster in decades*. Благодаря этому катастрофа осмысливается как событие, формирующее коллективный опыт. Многочисленные контексты включают отсылки к годовщинам различных катастроф, прежде всего Мюнхенской трагедии 1958 года, когда самолет с футбольной командой «Манчестер Юнайтед» разбился при взлете, унеся жизни восьми игроков основы: *a memorial service for the 60th anniversary*, *a minute's silence*, *the club paid tributes*, *the walking*

tracks that criss-cross Fairbairn Pines, remembrance of those lost, badges to reflect the anniversary, the National Day of Remembrance for Victims of Air Disasters. Коллокация часто сочетается с дискурсивными маркерами коллективной скорби: *national mourning, three days of mourning, a monumental tribute, commemorative ceremonies.* Авиакатастрофа репрезентируется как событие национального траура и сплочения. Мюнхенская авиакатастрофа служит в медиа мощным культурным символом. Вокруг этого события выстраиваются повествования о коллективной утрате, героизме и памяти, что отражается в таких выражениях, как *first match after the disaster, rebuilt the team, players still remembered.* Конструкции *investigating the air disaster, inquiries into the air disaster, experts described, federal officials said, aviation authorities reported* создают фрейм официального расследования и государственного контроля. Он часто пересекается с обвинительным дискурсом: *what caused one of the worst air disasters, government coverup, experts raised questions, might have been prevented.* Таким образом, политики, премьер-министры и вышестоящие органы регулярно фигурируют как «внешние наблюдатели», которые интерпретируют событие.

Словосочетание *aircraft accident* тоже репрезентирует авиапроисшествие в статьях, посвященных реакции правительства на авиакатастрофу и описанию технических причин, где фокусность смещена с эмоциональности на причинно-следственные связи. В большинстве контекстов регулярно встречается специальная лексика: *malfunction, loss of power, engine stall, fuel-flow issues, instrumentation problems, pilot error*, а также лексика, называющая элементы бортовой техники: *cockpit, flight recorders, black box, CVR, DFDR, engines, sensors*, что подчеркивает экспертность описания. Практически каждая коллокация включает указание на официальные органы: *AAIB, NTSB, DGCA, Civil Aviation Ministry, Investigation Bureau, Central Directorate, EASA.* Встречаются фразы *investigation led by, probe launched, preliminary report released, multidisciplinary team dispatched, agency responsible for investigating under ICAO Annex 13*, которые превращают авиакатастрофу в объект тщательного контроля со стороны государства. Конструкции *politicized the aircraft accident, claimed responsibility, possible sabotage, terror link, right-wing direction* демонстрируют, что техногенная катастрофа может осмысляться в рамках политики. В новостных заметках часто появляются комментарии политических деятелей: *President says, minister noted, officials reported, Trump tweeted*, что создает повод для публичных заявлений и полемики в отношении авиационной аварии. Здесь фокусность массмедиа проявляется в том, что они могут выбирать, кого представить ответственным, отодвигая технические причины на периферию текста и формируя политизированный фрейм.

Коллокация *mid-air collision* встречается в корпусе в сочетании с конструкциями *narrowly avoided, barely preventing, avoided by seconds, close encounter, perilously close, dangerously close.* Это формирует нарратив постоянной угрозы, где столкновение либо едва не произошло, либо было предот-

вращено чудесным образом, что делает образ систем контроля более уязвимым и неспособным предотвратить катастрофу. Ключевая особенность фрейма – конструкция *between X and Y* (*between a helicopter and a plane, between two small airplanes, between a passenger jet and a military helicopter, between drones and aircraft, between paragliders/gliders/microlights/firefighting aircraft, between military jets, between commercial airliners*). Этот набор демонстрирует широкое разнообразие типов воздушных средств, тем самым расширяя событийный фрейм за рамки авиации. В окружении коллокации часто встречаются словосочетания *technical failure, malfunction, miscommunication, confusion, inadequate technology, radar unavailable, inconsistent refereeing, negligence*. Использование таких выражений показывает, что СМИ нередко конструируют причинно-следственные связи через призму технической или человеческой ошибки. Описания трагедии часто содержат акцент на героизме экипажа и его последних попытках спасти самолет: *nothing could prepare you, what the crew tried to do, their last actions*. Эти выражения смещают фокус с технических причин катастрофы на моральную оценку произошедшего, предлагая аудитории эмоционально откликнуться на трагедию через сочувствие к жертвам и восхищение их героизмом.

Исследование демонстрирует, как аглоязычные СМИ с помощью когнитивно-дискурсивных тактик активно конструируют и интерпретируют образ техногенных катастроф. Выбор лексических единиц и нарративных стратегий определяет, какой фрейм будет доминирующим в описываемом событии.

Источники:

1. Ильинова Е. Ю., Волкова О. С. Когнитивно-дискурсивный аспект медиарепрезентации события // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия «Языкознание». 2016. Вып. 7 (746): События в коммуникации и когниции. С. 87–95.
2. Мельникова Е. А. Специфика медиарепрезентации реальности в жанре новостной заметки // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. 2015. № 4. С. 103–108.
3. Волкова О. С. Когнитивно-дискурсивные тактики репрезентации спортивного события в новостном тексте: диахронический аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2016. Т. 15, № 4. С. 227–236.
4. Мельникова Е. А. Точность и достоверность как критерии информативности текста новостного сообщения // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. 2014. № 5 (24). С. 94–100.
5. Мельникова Е. А. Когнитивно-дискурсивные особенности медиарепрезентации события в англоязычном тексте новостного сообщения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2016. 23 с.
6. Раянская Э. М., Фоменко, Е.А. Языковые средства реализации аттрактивности в предтекстовых образованиях (на материале французского и рус-

ского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 6. С. 2012–2016.

7. Пожарная охрана России: офиц. сайт. URL: <https://42.mchs.gov.ru/> (дата обращения: 24.11.2025)

8. English-Corpora.org: The most widely used online collection of corpora. URL: <https://www.english-corpora.org/> (дата обращения: 26.11.2025)

Zh. Y. Krestianova (Saint Petersburg State University of Economics)

COGNITIVE-DISCURSIVE MECHANISMS OF MEDIA REPRESENTATION OF TECHNOGENIC CATASTROPHES

Based on an analysis of news articles from the NOW corpus, the study investigates how the image of industrial disasters is constructed in English-language media. The research explores cognitive-discursive mechanisms involved in this process, focusing on the use of specific strategies, namely, the tactics of accuracy, reliability, attractiveness, and focalization, through which mass media interpret and structure catastrophic events.

Event, cognitive-discursive mechanism, media representation, accuracy, reliability, attractiveness, focalization

УДК 316.4

С. В. Курапов (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: sv_ksv@mail.ru);

А. С. Курапова (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: ann-shilyaeva@yandex.ru)

ЦИФРОВОЙ ПРАГМАТИЗМ ЗУМЕРОВ В ОБЩЕНИИ С ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ (ИИ)

Статья исследует формирование новой субъектности в условиях алгоритмизации повседневности на примере поколения зумеров. На основе синтеза цифровой социологии (Д. Лаптон, Н. Маррес) и философского прагматизма (Дж. Дьюи) вводится и операционализируется ключевая концепция «цифрового прагматизма». Эмпирической базой служит контент-анализ 348 студенческих эссе по шести темам взаимодействия с ИИ. Результаты демонстрируют, что доминирующей установкой зумеров является двойственная стратегия, сочетающая инструментальное использование технологий для решения задач и рефлексивную критику их социальных и этических рисков. Делается вывод о «цифровом прагматизме» как системообразующей черте мировоззрения данного поколения.

Зумеры, цифровой прагматизм, ИИ, цифровая социология, цифровая субъектность, студенты, контент-анализ, философский прагматизм, теория поколений

Увеличивающаяся системность и алгоритмизация социальной повседневности формирует новую реальность, в которой центральным вопросом становится сама субъектность человека в цифровую эпоху. Поколение зумеров – когорта молодежи, которые родились примерно в 1995–2012 годах, те чья первичная и вторичная социализация протекала в неразрывной связи с цифровыми технологиями и средствами коммуникаций: смартфонами, интернетом, социальными сетями и алгоритмическими платформами.

Отечественные и зарубежные исследования ценностей поколения зумеров фиксируют его внутреннюю противоречивость. С одной стороны, отмечается ослабление традиционных коллективных связей и рост индивидуализма [1, 2], с другой стороны, в мотивационно-ценностной структуре доминируют альтруистические ориентации, преобладающие над ценностями консерватизма и утилитарного индивидуализма [3, с. 83–85]. Такое ценностное противоречие находит отражение и в общении с ИИ. Пилотажное исследование авторов в 2025 году (487 респондентов) показало, что большинство опрошенных студентов (57%) относятся к использованию нейросетей для принятия жизненно важных решений скептически или отрицательно, а 40,6% выражают опасения

по поводу потери контроля над личными данными, что прогнозирует рост этой тревоги в дальнейшем [4].

Основная гипотеза исследования в том, что доминирующей установкой поколения зумеров в отношении технологий является цифровой прагматизм. Мы определяем его, как стратегическое, инструментальное и одновременно рефлексивное отношение к ИИ, которое сочетает активное использование технологий для решения практических задач с осознанным критическим анализом их социальных, психологических и этических рисков.

Целью исследования является выявление и концептуализация установок цифрового прагматизма у зумеров на основе анализа его проявлений в различных аспектах общения с ИИ. Для достижения цели исследования поставлены следующие задачи: описать цифровой прагматизм, как ценностно-поведенческую установку, проанализировать нарративы студентов с точки зрения установок цифрового прагматизма, описать портрет цифровой субъектности зумеров, сформулировать концепцию «цифрового прагматизма», как ключевую характеристику современного цифрового мировоззрения зумеров.

Теоретико-методологическую рамку исследования составляют теория поколений, цифровая социология и философский прагматизм. Согласно теории поколений У. Штрауса и Н. Хау, зумеров объединяет общий исторический контекст, связанный с взрослением в эпоху цифровизации, что сформировало у них базовые модели поведения и специфический поколенческий опыт [5]: билингвизм, цифровое онлайн взаимодействие и обучение, сужение круга живого общения, активное внедрение геймификации во многие сферы жизни и новые социальные риски, например, «бытовая беспомощность» в аналоговой среде [6].

Цифровая социология (Д. Лаптон, Н. Маррес) позволяет изучать опыт поколения зумеров, рассматривая технологии ИИ, как конституирующие элементы социальности, которые встраиваются в повседневные практики и активно их формируют [7]. В данном контексте, общение с ИИ понимается как форма производства смыслов и цифровой идентичности, где алгоритм выступает агентом социального воздействия, влияющим на самооценку, социальный капитал и принятие решений [8].

Философский прагматизм Д. Дьюи фокусируется на связи знания, действия и практического опыта, что позволяет перейти на микроуровень анализа мотивов и действий самих акторов. С этой точки зрения, ИИ становится для зумеров прагматическим инструментом, ценность которого определяется не его сущностью, а практическими последствиями применения. Взаимодействие с технологиями происходит инструментально через интерфейсы и промты, а их полезность проверяется через решение проблемы, наличия рисков и последствий.

Синтез этих подходов позволяет ввести и операционализировать ключевое понятие исследования – «цифровой прагматизм», и перейти от описания разрозненных мнений к фиксации устойчивого социального паттерна, харак-

теризующего поколение зумеров. «Цифровой прагматизм» понимается нами, как устойчивые установки взаимодействия с алгоритмическими системами, для которых характерны одновременное сочетание двух стратегий: инструментального освоения технологий для эффективного достижения личных и профессиональных целей, и рефлексивной критики социальных, психологических и этических последствий такого использования, включая осознание манипулятивных механизмов цифровой среды.

Методологически исследование опирается на качественный анализ нарративов. Эмпирическую базу составил контент-анализ 348 тематических студенческих эссе по шести ключевым темам взаимодействия с ИИ: генеративное творчество, цифровое бессмертие, ИИ-компаньоны, системы рекомендаций, алгоритмы социальных сетей и биометрический эмоциональный контроль. Выбор качественной методологии обусловлен необходимостью глубокого понимания смыслов, языковых конструкций и метафор, используемых респондентами для описания своего опыта. В ходе анализа выявлялись ключевые дилеммы, метафоры и отношения в рамках каждой темы. После чего проводился кросс-тематический синтез, направленный на обнаружение сквозных двойственных установок, где прагматическая оценка полезности технологии сопрягается с критической рефлексией.

В соответствии с поставленными задачами осуществлен анализ нарративов, сгруппированный по ключевым тематическим кластерам, в каждой из которых прослеживается двойственность цифрового прагматизма: инструментальное освоение и рефлексивная критика социальных и психологических последствий.

Взгляд студентов является яркой иллюстрацией прагматического подхода, в котором отражается их восприятие ИИ как инструмента, цель которого решить их конкретную проблему, например сгенерировать или визуализировать идею. В этом смысле, работа с промтами не простой запрос, а формирование гипотезы для алгоритма, отбор и доработка результата – этап экспериментальной проверки. Как отметил один из респондентов: «это не простой запрос в поисковике, а диалог, который связан с предыдущим ответом».

Возникает острая критическая рефлексия о природе авторства и авторского стиля. Многие респонденты отмечали, что уникальность от технического исполнения смещается на архитектуры смыслов, администрирование смыслонаделения. «ИИ дает мне возможности быть автором текста, с которым я полностью согласен и что делает его полностью моим, но который составил не я», – пишет один из студентов. С позиций цифровой социологии, ИИ становится активным нечеловеческим агентом в практике творчества, трансформируя роль человека с позиции «творца» в позицию «режиссера». Таким образом, формируется парадокс имитации любого стиля, что вынуждает студентов остро рефлексировать по поводу собственной аутентичности.

В сферах, наиболее тесно связанных с человеческой эмоциональностью, в нашем случае это вопрос о цифровом бессмертии и общении с ИИ-

компаньонами, прагматическая установка сталкивается с экзистенциальными пределами, где критическая составляющая проявляется в полной мере. Цифровое бессмертие воспринимается студентами, как инструмент с потенциальной полезностью: сохранение памяти, голоса, возможности «символического прощания с человеком». Однако, главная тревога, объясняемая в рамках теории прагматизма, это искажение процесса решения проблемы горя и подлинной адаптации к новой реальности. «Иллюзия, что человек не ушел в вечность, что ты не можешь пройти все стадии горевания, оставшись в отрицании», – отмечается в эссе. Цифровая социология здесь добавляет частное проживание горя, которое превращается в публичный цифровой объект. Студенты называют это риском «симуляции скорби», что созвучно идеям Н. Маррес о важности анализа трансформации переживаемых явлений в цифровой среде.

Аналогичная критика студентов характерна и для восприятия digital-компаньонов. Признавая их практическую полезность как «тренажера», «собеседника», зумеры проводят границу между симуляцией и подлинностью, подчеркивая, что эмпатия ИИ лишена субъективного переживания и ответственности за свою коммуникацию. «ИИ говорит, что понимает меня, но по сути, это просто комбинация фразы», – так выразился один респондент. Я опасения студентов о социальной атомизации, как следствия доверия алгоритму и искажения восприятия сложных социальных взаимоотношений, показывают критический подход к этому вопросу.

В темах, связанных с алгоритмическим управлением вниманием и эмоциями (биометрический контроль, системы рекомендаций), цифровой прагматизм проявляется как наиболее зрелая форма стратегической агентности, демонстрирующей понимание правил игры. Анализируя системы рекомендаций (Дзен, Spotify и пр.), студенты демонстрируют глубокое понимание их экономико-поведенческой механики. Они описывают симбиотическую петлю обратной связи (мой выбор – анализ алгоритма – суженное меню – мой следующий выбор), но отказываются видеть в этом тотальный контроль большой системы. Вместо этого они конструируют модель гибридного агентства, где алгоритм является «соавтором» выбора.

С точки зрения прагматизма, студенты оценивают этот инструмент по последствиям, где удобство персонализации сталкивается с осознанием вреда фильтра и унификации культурного потребления под определенное количество шаблонов. В этой связи, зумерам свойственна стратегия, так называемого «осознанного противодействия» с поиском за пределами рекомендаций алгоритма, удаление истории выбора, использование сторонних подборок и некоторые другие. Прагматизм заключается и в том, что столкнувшись с проблемной ситуацией, студенты ищут восстановление контроля.

Наиболее острая критика со стороны студентов касается биометрического эмоционального контроля. Студенты видят в нем инструмент, цели которого (оценка, безопасность) вступают в фундаментальный конфликт с базовыми человеческими потребностями в автономии, аутентичности и тайны частной

жизни. Они диагностируют ключевой парадокс технологии ИИ, в которой система для обнаружения искренности порождает стратегическое «цифровое лицемерие», т. е. намеренную симуляцию «правильных» эмоций. С точки зрения прагматизма, это вынужденная, но эффективная адаптация к враждебной среде. Требование студентов ограничить при применении технологий оценочных контекстов является запросом на этическое регулирование, исходящее из прагматической позиции.

Проведенный анализ позволяет синтезировать выявленные паттерны в целостный портрет цифровой субъектности зумеров, где цифровой прагматизм операционализируется как устойчивая поведенческо-мировоззренческая стратегия, для которой характерны некоторые взаимосвязанные черты. Инструментальность и ориентация на результат, т. е. восприятие ИИ прежде всего как средства для решения конкретных задач. Адаптивность и готовность к гибридным формам деятельности, что проявляется через принятие роли не «автора», а «режиссера», «куратора» или «соавтора» с алгоритмическими системами. Системная критика и осознанность, как трезвое понимание экономических, манипулятивных методов на которых строятся цифровые платформы, и связанные с этим дискурсивные риски. Этическая рефлексия и запрос на агентность, которые выражаются через потребность в сохранении личной автономии и аутентичности, трансформирующиеся в запрос на нормативное регулирование наиболее инвазивных технологий. Выявленные нарративы фиксируют рождение нового типа рациональности, адекватной вызовам новой цифровой реальности.

В этой связи, концепция «цифрового прагматизма» становится системообразующей характеристикой современного мировоззрения зумеров, формирующаяся на стыке их исторического опыта и алгоритмизации повседневности. Уникальность цифрового прагматизма заключается в неразрывном единстве двух взаимосвязанных модусов: инструментально-адаптивного, с установкой на восприятие цифровой системы, и рефлексивно-критического, с установкой на постоянный анализ социальных, психологических и этических импликаций использования технологий.

Источники:

1. Trinko K. Gen Z. Is the loneliest generation, and it's not just because of social media // USA TODAY. URL: <https://www.usatoday.com/story/opinion/2018/05/03/gen-z-loneliest-generation-social-media-personal-interactions-column/574701002/> (дата обращения: 20.11.2025).
2. Толстикова И. И., Игнатьева О. А., Кондратенко К. С., Плетнев А. В. Коммуникативные компетенции поколения Z и выбор формата обучения в контексте социализации // International Journal of Open Information Technologies. 2022. № 11. С. 60–69.
3. Баскаева О. В. Система ценностей поколения Z и ее связь с локусом контроля // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование».

2024. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-tsennostey-pokoleniya-z-i-ee-svyaz-s-lokusom-kontrolya> (дата обращения: 20.11.2025).

4. Курапова А. С., Курапов С. В., Державина А. Д., Шатило Н. В. Этические аспекты влияния нейросетей на жизнь студенческой молодежи в контексте социоогического подхода (на примере студентов ИТ-направления СПбГЭТУ «ЛЭТИ») // Дискурс. 2025, Т. 11, № 3, С. 79–90.

5. N. Howe, W. Strauss. Generations: the History of America`s Future, 1584 to 2069. 1992. 544 p.

6. Никитина Д. О. Поколение Z: особенности и характеристики // Социология. 2021. №3. С. 136–140.

7. Marres N. Digital sociology // Polity Press. Cambridge. 2017, 240 p.

8. Lupton D. Digital sociology // Taylor & Francis Group, Routledge, 2014. 236 p.

S. V. Kurapov (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»);

A. S. Kurapova (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

DIGITAL PRAGMATISM OF ZUMERS IN COMMUNICATION WITH ARTIFICIAL INTELLIGENCE (AI)

The article explores the formation of a new subjectivity in the context of the algorithmization of everyday life, using the example of the Zimmer generation. Based on the synthesis of digital sociology (D. Lupton, N. Marres) and philosophical pragmatism (J. Dewey), the key concept of "digital pragmatism" is introduced and operationalized. The empirical basis is a content analysis of 348 student essays on six topics related to AI interaction. The results demonstrate that the dominant attitude of Zomers is a dual strategy that combines the instrumental use of technology to solve problems and the reflective criticism of its social and ethical risks. This leads to the conclusion that "digital pragmatism" is a defining feature of this generation's worldview.

Zomers, digital pragmatism, AI, digital sociology, digital subjectivity, students, content analysis, philosophical pragmatism, generational theory

УДК 004.5+004.8+159.95+165

С. Ю. Куртов (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: KurtovSY@yandex.ru)

СТАНОВЛЕНИЕ СИМБИОТИЧЕСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Объясняется конкретно-исторический характер рациональности. Описан процесс развития классических моделей рациональности под влиянием тотальной цифровизации. Рассмотрена проблема когнитивной перегрузки и эффективного ориентирования человека в сложной, перегруженной данными метавселенной. Обоснована потребность в генезисе новой форме рациональности для адаптации человека к вызовам цифровой эпохи. Описана модель «симбиотической рациональности», основанной на продуктивном синтезе интеллекта человека и инструментального искусственного интеллекта (ИИ).

Рациональность, цифровая трансформация, метавселенная, искусственный интеллект (ИИ), когнитивная перегрузка, симбиотическая рациональность, коммуникативное действие, коллапс моделей, активный экстернализм

Понятие рациональности, традиционно выступающее одним из краеугольных камней философской мысли, сегодня переживает глубокую трансформацию. Классическая формула Г. В. Ф. Гегеля «Что разумно, то действительно, и что действительно, то разумно» [1, с. 89] в условиях тотальной цифровизации социальной действительности сегодня ставится под сомнение. Современный социум с его кажущимся хаосом и абсурдом скорее напоминает сюжет комедии С. Крамера «Это безумный, безумный, безумный, безумный мир».

Тем не менее, рациональность *per se* не является абсолютной и застывшей данностью; она исторически и социокультурно обусловлена, пребывая в состоянии непрерывного становления. Если определять рациональность (или «разумность») через такие признаки, как **объяснимость и предсказуемость на основе причинно-следственных связей** [2, с. 425], то усложнение социума в процессе исторического развития закономерно ведет и к усложнению задач по его «разумному» объяснению, описанию и прогнозированию.

Анализируя эволюцию критериев «разумности», академик РАН В. С. Степин выделил классический, неклассический и постнеклассический типы научной рациональности. Согласно этой типологии, то, что с позиции классической рациональности предстает иррациональным хаосом, с позиции постнеклассической рациональности может быть рассмотрено посредством

синергетической методологии как динамический хаос, из которого в процессе самоорганизации может возникать сверхсложный порядок [3, с. 51–52].

Цифровая трансформация стала основой формирования гибридной метавселенной, объединившей физическую, виртуальную, дополненную и смешанную реальности. В этом многомерном цифровом пространстве наблюдается неуклонный рост объема создаваемых, копируемых и передаваемых данных [4]. Интеграция человека в данную среду сопряжена с риском когнитивной перегрузки, обусловленной ограниченной пропускной способностью «аналогового» интеллекта. Множество интенсивных разнородных потоков данных оказывают нарастающее давление на психику, в результате чего человек непроизвольно утрачивает способность к анализу и критическому осмыслению, а значит, перестает полноценно ориентироваться в многомерном пространстве метавселенной. Таким образом, избыточная информационная нагрузка на человека, порожденная цифровой трансформацией, системно подрывает основы рационального мышления и поведения. Человек утрачивает способность эффективно превращать данные в информацию, а информацию в актуальное знание [5, с. 428].

Условием успешной адаптации человека к цифровой трансформации становится синтез критического мышления и компетентной работы с метаданными, то есть информацией о данных. В рамках синергетической парадигмы для выявления сложного порядка в цифровом динамическом хаосе и эффективного ориентирования в метавселенной ключевым направлением видится комплексное развитие data science, включающее не только экстенсивный рост вычислительных мощностей, но и разработку качественно новых вычислительных моделей. Одним из возможных ответов на вызов когнитивной перегрузки человека в цифровой метавселенной может стать стратегия делегирования ряда рутинных когнитивных функций системам инструментального искусственного интеллекта (ИИ). Выступая в роли проактивного персонального фильтра и агрегатора информации, ИИ способен высвободить когнитивные ресурсы человека для решения задач более высокого порядка: выявления глубинных связей, интерпретации смыслов и принятия ответственных решений.

Согласно оценке компании CISCO в 2008–2009 гг. количество устройств, подключенных к глобальной сети, впервые превысило население Земли, что ознаменовало переход от Интернета людей к Интернету вещей. Эволюция систем ИИ, в свою очередь, также следует выявленной Г. С. Альтшуллером закономерности последовательного вытеснения человека из технических систем [6, с. 34]. На современном этапе развития ИИ эта тенденция уже распространяется на область когнитивного труда, которая ранее была прерогативой человека. Так, например, согласно заявлению генерального директора Microsoft С. Наделлы, уже до 30% кода компании написано ИИ [7], а мировые IT-гиганты Google и YouTube инициировали программы добровольных увольнений сотрудников по причине активного внедрения технологий ИИ в свои биз-

нес-процессы и сервисы [8]. Таким образом, развитие систем ИИ в процессе цифровой трансформации порождает диалектическое единство противоположных тенденций: все более глубокой интеграции человека в метавселенную и ее дегуманизации, то есть вытеснения человеческого начала из ее внутренней организации.

Нарушение баланса в разделении когнитивного труда между человеком и ИИ порождает системные риски, ключевым из которых является интеллектуальная атрофия. Парадоксально, но сами системы ИИ также демонстрируют признаки «когнитивной» деградации. Как показало исследование, опубликованное в журнале *Nature*, обучение чат-ботов на низкокачественных данных из социальных сетей, приводит к уменьшению точности извлечения информации из больших данных, снижению качества «рассуждений», и даже формированию аномалий в поведенческих паттернах больших языковых моделей, сходных с психопатическими чертами личности [9]. Усугубляет ситуацию ставшая массовой практика создания контента с помощью ИИ. Когда системы ИИ обучаются на «загрязненных» данных, ранее сгенерированных другими ИИ, возникает накопление ошибок, которое приводит к необратимой деградации и «коллапсу моделей». Этот феномен выражается в нарастающем искажении отражения реальности и противоречивости генерируемых результатов [10]. Следовательно, в процессе цифровой трансформации аналоговая рациональность человека рискует перейти в инобытие и обернуться своей противоположностью – цифровой иррациональностью искусственного интеллекта.

Стратегия предотвращения коллапса моделей при обучении новых больших языковых моделей заключается в обеспечении долгосрочного доступа к качественным данным, свободным от артефактов ИИ-генерации. Поэтому эпистемическая ценность данных, полученных в результате непосредственного взаимодействия человека с объективной реальностью, резко возрастает по сравнению с ценностью контента, произведенного ИИ на основе данных, произведенных в замкнутом цифровом пространстве. Учитывая, что тексты, создаваемые большими языковыми моделями, уже способны проходить тест Тьюринга [10], задача определения источника данных и верификация результатов, сгенерированных ИИ, ложится на человека требует от него все возрастающих когнитивных усилий. Таким образом, в складывающемся диалектическом единстве естественного и искусственного интеллекта в эпоху цифровой трансформации человек, обладающий сознанием, сохраняет за собой определяющую роль, то время как потенциал ИИ остается производным от уровня развития человеческого интеллекта.

В контексте проблемы рациональности вопрос о демаркации между интеллектом и сознанием остается дискуссионным. С психологической точки зрения, как отмечает О. В. Суворов, интеллект понимается как «рациональное, подчиненное законам логики мышление», противостоящее нерациональным сферам психики – эмоциям, воображению, воле [11, с. 127]. В. А. Лекторский,

в свою очередь, определяет сознание как «состояние психической жизни индивида, выражающееся в субъективной переживаемости событий внешнего мира...» [12, с. 589]. Историк Ю. Н. Харари развивает это противопоставление, указывая, что знания, получаемые результате математического анализа эмпирических данных бесполезны в вопросах ценности и смысла, в отличие от знаний, получаемых человеком через переживаемые ощущения, эмоции и мысли посредством чуткости как особой формы рефлексии. Исходя из этого, Ю. Н. Харари делает вывод о том, что современные системы ИИ в отличие от человека лишены сознания, но в перспективе неорганические алгоритмы могут получить возможность подчинить себе человечество [5, с. 278–280]. Выход из этой ситуации мыслитель видит в развитии идей техногуманизма, который утверждает примат гуманистических ценностей и указывает на необходимость когнитивной революции путем совершенствования человеческого сознания и интеллекта при помощи нейрокомпьютерных интерфейсов [5, с. 413, 425].

С позиции активного экстернализма, предложенной Э. Кларком и Д. Чалмерсом, сознание человека как бы расширяется за пределы биологического мозга, включая в свою структуру внешние инструменты, посредством которых осуществляется взаимодействие с миром [13, с. 34]. Таким образом, с точки зрения этой концепции, мозг человека и компьютер, соединенные интерфейсом, образуют качественно новую когнитивно-инструментальную систему, наделенную сознанием и интеллектом. Однако Ю. Хабермас в своей теории коммуникативного действия указывает на ограниченность подобной что когнитивно-инструментальной рациональности. По его мнению, она ориентирована на достижение индивидуальных целей и самоутверждение, что придает ей асоциальный характер. В качестве фундаментальной альтернативы Ю. Хабермас разрабатывает модель коммуникативной рациональности, в которой благодаря достижению интерсубъективного взаимопонимания преодолевается эгоцентризм участников коммуникации, обеспечивается гармонизация индивидуальных целей и когерентность коллективных действий. Поэтому эволюцию общества Ю. Хабермас рассматривает с позиции социального гуманизма как процесс практической рационализации через развитие коммуникативного действия, в которой снимается противоречие между целерациональным и ценностно-рациональным типами деятельности [14, с. 20, 34–35, 194].

Таким образом, ответом на вызовы цифровой трансформации может стать продуктивный синтез естественного интеллекта и инструментального искусственного интеллекта, воплощенный в формировании новой, «симбиотической рациональности», когда ИИ становится необходимым когнитивным партнером человека. Характерной чертой этого типа рациональности является обучение систем ИИ на высококачественных данных, полученных в результате интерсубъективной коммуникации и эмпирического опыта человека. Со своей стороны, симбиотическая рациональность требует от человека сохранения и развития уникальных компетенций: навыков межличностной коммуни-

кации, способности к корректной постановке задач перед ИИ, критической верификации полученных результатов и, что наиболее важно, готовности нести личную ответственность за решения, выработанные в симбиозе с искусственным интеллектом, несмотря на делегировании ему части рутинных когнитивных функций.

Источники:

1. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1974. 452 с.
2. Порус В. Н. Рациональность // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. III.
3. Степин В. С. Типы научной рациональности и синергетическая парадигма // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2013. № 4. С. 45–59.
4. Duarte F. Amount of Data Created Daily (2025). URL: https://explodingtopics.com/blog/data-generated-per-day?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 04.11.2025).
5. Харари Ю. Н. Homo Deus. Краткая история будущего / пер. с англ. А. Андреева. М.: Синдбад, 2018. 496 с.
6. Поиск новых идей: от озарения к технологии (Теория и практика решения изобретательских задач) / Г. С. Альтшуллер, Б. Л. Злотин, А. В. Зусман, В. И. Филатов. Кишинев: КартяМолдлвеняскэ, 1989. 381 с.
7. Novet J. Satya Nadella says as much as 30% of Microsoft code is written by AI. URL: <https://www.cnbc.com/2025/04/29/satya-nadella-says-as-much-as-30percent-of-microsoft-code-is-written-by-ai.html> (дата обращения: 04.11.2025).
8. Джаббаров Д. Сотрудникам YouTube предложили уволиться и заработать на этом. URL: <https://www.gazeta.ru/tech/news/2025/10/30/27068696.shtml> (дата обращения: 04.11.2025).
9. Fieldhouse R. Too much social media gives AI chatbots ‘brain rot’. URL: <https://www.nature.com/articles/d41586-025-03542-2> (дата обращения: 04.11.2025).
10. The Curse of Recursion: Training on Generated Data Makes Models Forget.
11. Суворов О. В. Интеллект // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. II.
12. Лекторский В. А. Сознание // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. III.
13. Иванов Д. В. Экстернализм и теория расширенного сознания // Философия науки и техники. 2019. Т. 24. № 2. С. 33–42.
14. Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности: Том 1. Рациональность действия и социальная рационализация; Том 2. К критике функционалистского разума / пер. с нем. А. К. Судакова. М.: Весь мир, 2022. 880 с.

S. Y. Kurtov (*Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»*)

**THE EMERGENCE OF SYMBIOTIC RATIONALITY IN THE AGE OF
DIGITAL TRANSFORMATION**

The concrete historical nature of rationality is explained. The process of development of classical models of rationality under the influence of total digitalization is described. The problem of cognitive overload and effective human orientation in a complex, data-overloaded metaverse is considered. The need for the genesis of a new form of rationality for human adaptation to the challenges of the digital age is justified. A model of “symbiotic rationality” based on the productive synthesis of human intelligence and instrumental artificial intelligence (AI) is described.

Rationality, digital transformation, metaverse, artificial intelligence (AI), cognitive overload, symbiotic rationality, communicative action, model collapse, active externalism

УДК 316

Д. А. Лебединцев (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: daniilal1997@gmail.com);

П. П. Дерюгин (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: deriuginpav@yandex.ru)

УРБАНТУРИЗМ В СОВРЕМЕННОМ ПОТОКОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Рассматриваются теоретические подходы к изучению урбантуризма в социологии, его виды и мотивация акторов. Анализируется теория четырех социологических моделей общества, объясняющая процессы изменений, происходящих в современных обществах. Выявляются различные типы мотивационного поведения акторов урбантуризма в современном российском обществе.

Урбантуризм, современные модели общества, потоковое общество, типы мотивации

Туризм является важным социальным явлением в обществе. Туризм – это комплексная социальная практика, система производства и потребления пространства, а также механизм конструирования социальной идентичности в современном обществе. Современные социологи изучают туризм как проявление социальной мобильности. Чарльз Тилли считает, что при изучении социальной мобильности и неравенства следует рассматривать их с позиции исторической перспективы долгосрочных изменений [1]. Современный отечественный социолог Д. В. Иванов предлагает характеризовать современное общество как потоковое общество, при этом выделяя четыре исторических типа обществ. Первая модель определяет общество как всеобъемлющую социальность (или общество всеобщей интеграции). Как правило, здесь главными элементами общества как социальной системы выступают традиционные социальные институты (семья, государство, образование, религия и т. д.). Это, например, общество «социальных фактов Эмиля Дюркгейма», в котором признается решающая роль влияния за социальными нормами и традициями, а затем и за социальным институтом, как за «цементирующими» социальную жизнь факторами. За таким обществом в социологии закрепляется характеристика традиционного общества. Оно устойчиво по своей структуре, изменения происходят медленно и присутствует сильное сопротивление всему новому и неизвестному. Социальный институт здесь понимается как механизм, который обеспечивает воспроизводство общественных отношений. Современные авторы определяют социальный институт как устойчивый комплекс формальных и неформальных правил, принципов, норм и установок, регулирующих различные сферы человеческой деятельности и организую-

щих их в систему ролей и статусов, образующих социальную систему. Социальные институты в самом обобщенном виде классифицируют на экономические, политические и культурные. В обществе всеобъемлющей социальности трансформируется представление о личностном «я» человека и о том мире, который его окружает. Это происходит потому, что в такой социальной системе у всех есть определенная социальная (профессиональная) роль, которая «диктует» определенные социальные условия и требует идентификации с собственной социальной системой.

Вторая модель общества как целостной социальной реальности связана с интеракционистской (или интеракциональной) составляющей. Другими словами, это общество отношений и взаимосвязей. В этом типе общества и социальных связей речь идет о частичной социальности, которая возникает на основе общественных отношений и которая допускает определенную независимость социальных групп и индивидов. Исторически, теории, связанные с осмыслением и анализом данного типа общества, появляются позже по сравнению с первой моделью и раскрываются в работах М. Вебера, Г. Зиммеля, а чуть позже Т. Парсонса и Р. Мертона. Здесь социальное действие как таковое, далее социальное взаимодействие, и, наконец, социальные отношения являются теми ключевыми категориями, которые обозначаются как интеракции. Возникновение второй объяснительной модели само по себе не отменяет первую. Или, другими словами, не делает ее неправильной и/или неактуальной. Теоретический инструментарий двух обозначенных объяснительных подходов до сих пор актуализируется в половине всех публикаций, размещенных в русскоязычном контенте на платформе Elibrary.ru.

Следующая модель общества становится возможной в силу развития информационно-коммуникационных технологий и сети интернет. Массово это происходит со второго десятилетия XXI в. Модель сетевого общества формируется в эпоху уже развитого постиндустриального (или информационного) общества, когда человечество в полной мере уже осознало и прочувствовало принцип, что «кто владеет информацией, тот владеет миром». Суть сетевого общества заключается в опоре на относительную (в не всеобъемлющую или частичную как в предыдущих моделях) социальность, здесь связи и отношения условны и менее зависимы, складываются на основе виртуальных контактов, в большой степени условных и свободных. М. Кастельс как один из первых и крупнейших теоретиков сетевого общества в начале XXI в. отмечает, что здесь социум становится искусственным миром, выстроенном на электронных носителях. Социальная структура этого типа общества состоит из связей, возникающих на основе сетей, поддерживаемых информационными и коммуникационными технологиями. Эти технологии, в свою очередь, появились и существуют благодаря развитию микроэлектроники. Сети начинают как бы дополнять социальную реальность, привнося особые свойства институтам и интеракциям. Такого рода дополненная социальность или «виртуальная социальность» (от лат. *virtualis* – возможный, во-

ображаемый, который реально не существует, но может возникнуть при определенных условиях) начинает формировать новые качества и свойства социальной реальности. Сейчас уже можно говорить, что роль виртуального сетевого общества настолько возросла, в том числе как эффективного социального механизма, что оно превратилось в важнейший социальный институт во всех сферах жизнедеятельности человека и социума. Появляются новые методы и методологии, позволяющие наглядно визуализировать сети и отношения в них, используя специальную терминологию: узлы, ребра и т. д. Дальнейшее развитие эта модель приобретает с повсеместным развитием процессов цифровизации. В зависимости от уровня развития инфраструктуры и целей использования ИКТ и интернет, социологи выявляют новые типы неравенства – цифрового неравенства, которое дополняет традиционные критерии социального неравенства и влияет на формирование социальной стратификации современного общества.

Четвертая, последняя по времени формирования и, таким образом, наиболее актуальная модель для объяснения современности, которую разрабатывают современные социологи – это модель потокового общества. Эта модель, также как и предыдущие по отношению к более ранним типам, не отменяет существование традиционного, интеракционистского и сетевого типов общества, но придает их характеристикам динамичность. Главные ключевые слова потокового общества связаны с понятиями движения, времени и скорости изменений социальной реальности. Согласно позиции профессора Д. Иванова, в этой модели преодолевается статика пространственного распределения сетевого общества и возникает шкала движения. Мы можем сказать, что это «процессное общество», в том смысле, что здесь связи, отношения и сети уже не являются статичными феноменами, а рассматриваются как в процессе их развития, как правило, довольно быстрого и динамичного [2]. Если в сетевом обществе степень индивидуализации и свободы возрастает, то здесь они становятся абсолютными, и даже люди не рассматриваются как фиксированные сущности, но обозначаются как непрерывные изменения. Способность к изменению становится главной характеристикой. На наш взгляд, с возникновением этой социологической теории происходит покушение на «святая святых» социологического осмысления общества – на понятие целостности социального. Здесь целостность приобретает лишь векторные черты, измеряемые посредством движения, изменения, т.е., другими словами, процессом или процессами. Ключевыми словами в данном контексте будут векторы, вязкость, степень материальности, направленность, плотность, интенсивность. Д. Иванов пишет, что важнейшие характеристики потокового общества как динамических структур можно выразить через другую новую характеристику – мобильность [2].

В современном обществе молодежь является самой мобильной социальной группой. В ее социальной среде одним из активно развивающихся направлений туризма является урбантуризм, под которым понимают посеще-

ние и исследование рукотворных заброшенных и/или действующих объектов [3]. Можно выделить несколько проявлений урбантуризма в зависимости от объекта интереса или притяжения внимания: сталкинг (посещение заброшенных объектов и территорий), диггерство (посещение подземных объектов), руфинг (проникновение на крыши зданий и технических сооружений), трейнсерфинг (путешествие на грузовых поездах). При изучении урбантуризма важно принимать мотивацию его акторов. На основе предыдущих исследований нами были выявлены следующие виды мотивации: эстетическая (посещение красивых локаций), экстремальная (поиск острых ощущений), контркультурная (отрицание классических, коммерческих, популярных видов туризма в пользу спонтанного, самовольного туризма), спортивная (проникновение на закрытые территории как «соревнование» со службой охраны).

Таким образом, урбантуризм является современным развивающимся видом туризма, мотивация акторов которого разнообразна и нуждается в дальнейшей теоретической и эмпирической апробации.

Источники:

1. Tilly Ch. Rethinking Inequality // Polish Sociological Review. 2005. № 151.
2. Иванов Д. В. К теории потоковых структур // Социологические исследования. 2012. № 4. С. 8–6.
3. Лебединцев Д. А. Историко-теоретические аспекты изучения туризма как социальной мобильности/ Информация – Коммуникация – Общество. 2025. Т. 1. С. 231–235.

D. A. Lebedintsev (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»);
P. P. Deriugin (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

URBAN TOURISM IN A MODERN FLOW SOCIETY

Theoretical approaches to the study of urbanism in sociology, its types and motivation of actors are considered. The theory of four sociological models of society is analyzed, explaining the processes of change taking place in modern societies. Various types of motivational behavior of urban tourism actors in modern Russian society are revealed.

Urbanism, modern models of society, streaming society, types of motivation

УДК 316

Л. А. Лебединцева (Санкт-Петербургский государственный университет, email: llebedintseva879@gmail.com);

П. П. Дерюгин (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: deriuginpav@yandex.ru)

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВОГО НЕРАВЕНСТВА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Рассматриваются признаки цифрового неравенства в современном обществе. Выявляются и исследуются три уровня цифрового неравенства, дополняющие традиционные критерии социального неравенства. Сделан вывод об универсальности признаков развивающегося цифрового неравенства на примере российского и китайского обществ.

Цифровое неравенство, социальное неравенство, Россия, Китай

Понятие цифрового неравенства базируется на понимании неравномерного использования цифровых технологий, что приводит к неравному воздействию и результатам этого воздействия, включающего различные типы доступа, культурные факторы, социально-экономические и политические аспекты, а также важность цифрового обучения. Работники интеллектуального труда в цифровом пространстве обладают преимуществами, выделяющими их в среде других пользователей информационными ресурсами: 1. обладание профессиональными и техническими знаниями (чаще всего это работники, занятые умственным трудом); 2. заработная плата в среднем более высокая, чем у большинства китайцев и более высокие расходы на потребление; 3. обладание большим количеством свободного времени и возможность распоряжаться им по своему усмотрению; 4. самостоятельностью и отсутствием строгого контроля; 5. стартовым первенством включенности в процессы интенсивной цифровизации общества и участие в трансформации большинства социальных феноменов: процессов, институтов, общностей. Цифровое неравенство среди работников интеллектуальной деятельности, все ярче проявляется в современных городах. Выявлена прямая зависимость между ростом уровня экономического развития городов и ростом уровня цифрового неравенства среди сотрудников интеллектуальной деятельности. Такая зависимость фиксируется не только на уровне личностей, но и на уровне социальных (интеллектуальных) групп, корпоративных организаций, стран и регионов [1, с. 10–25]. Базовые основания дифференциации работников интеллектуальной деятельности складываются на основе пяти основополагающих индикаторов: наличие технических средств и соединения; автономность доступа; навыки пользования информационными технологиями; наличие социальной поддержки в освоении информационных технологий; цели использования информационных техноло-

гий. В результате дифференциации складываются уровни цифрового неравенства сотрудников интеллектуальной деятельности, которые характеризуют уровень интернетизации разных стран; региональные и групповые социальные различия. Наиболее проблемной выступает модель дифференциации, обусловленная отказом от использования информационных технологий ввиду отсутствия мотивации или интереса. Таким образом, цифровое неравенство работников интеллектуальной деятельности базируется на уже существующей социальной дифференциации (включая место проживания, пол, уровень образования и др.) [2, с. 94–107].

Системное исследование социального неравенства в условиях урбанизированной цифровой среды показывает, что различия в количественных и качественных характеристиках доступа к современным информационным и коммуникационным технологиям и, в особенности, их использования, могут приводить к социальным последствиям, которые не всегда можно оценивать как позитивные. К числу важных индикаторов системного исследования отнесены: факторы социального неравенства (внешние, внутренние (объективные) и личностные (субъективные) информационные и коммуникационные технологии, дополнительные объективные факторы), обеспечивающие и сдерживающие факторы.

Наиболее теоретически проработанная и логически выстроенная трехуровневая модель неравенства [3]. Неравенство первого уровня (понимание неравного доступа к цифровым технологиям, прежде всего к интернету, измеряет количество времени, проведенного в сети) – это такие элементы, которые заключаются в диспропорциях в доступе к современным цифровым технологиям: различие в услугах связи, условия доступа к глобальной сети интернет; определенная несбалансированность в доступе к цифровым технологиям: услугам связи, информационно-коммуникационной сети интернет и др.; неравномерное распространение доступа к интернету среди различных групп населения; новый вид социальной дифференциации на основе неравного использования новейших информационных и телекоммуникационных технологий. Неравенство второго порядка проявляется в специфике использования интернета, предлагает статистические и эмпирические индикаторы, которые описаны в тексте диссертации. Третий уровень цифрового неравенства связан с возможностью индивида повысить свои жизненные и профессиональные шансы с помощью цифровых технологий. Мотивационная составляющая рассматривается в качестве четвертого уровня. Однако, этот вопрос остается дискуссионным, поскольку до конца не определено, как именно следует учитывать эту составляющую. Концепция цифрового неравенства становится предметом междисциплинарного изучения.

Цифровое неравенство определяется как комплексное, многоаспектное и многоуровневое явление, которое раскрывается через доступ индивидов к важнейшим ресурсам современности – информации и технологиям. Цифровое неравенство включается в систему устоявшихся социальных отношений, уве-

личивая социальную поляризацию и является одной из видов социального неравенства, в основе которого лежит разделение людей, социальных групп, слоев, классов по принципу неравенства возможностей использования информационно-коммуникационных технологий. Материальное и физическое цифровое неравенство (материальный и физический доступ) – это неравенство в возможности использования компьютера с подключением к интернету; а также необходимость приобретать технику, программное обеспечение и другие сопутствующие услуги. Цифровые навыки – это операционные, информационные и стратегические навыки, становятся востребованными после обеспечения мотивации и материального доступа к технологиям. Способы использования доступа – это фактическое применение цифровых технологий. К способам использования доступа относят разнообразие используемых приложений, время использования, активную деятельность в ходе использования. На форму доступа оказывают влияние возраст, образование, качество интернет-соединения. Применительно к интернету действует «эффект Матфея» (по Р. Мертону), который заключается в том, что разрыв между «богатыми» и «бедными» постоянно увеличивается. Исходя из этого, «информационная элита» будет все больше включена в сети [2, с. 94–107].

Исследование позволило выявить индикаторы исследования цифрового неравенства, к которым отнесены: число пользователей интернета; уровень проникновения интернет; число пользователей мобильного интернета; доля интернет-пользователей; использующих мобильные телефоны для доступа в интернет; число городских и сельских пользователей интернета; количество подписок на мобильную сотовую связь; количество абонентов фиксированной широкополосной связи; экспорт услуг ИКТ; доля населения, пользующегося интернетом. Перечисленные индикаторы способны обеспечивать эмпирическое исследование совокупностью данных, позволяющих диагностировать степень неравенства среди различных групп респондентов, а также моделировать технологии устранения цифрового неравенства посредством обеспечения доступа населения к мобильной связи и широкополосному интернету.

Новые явления информатизации и цифровизации способствуют углублению множественных и разнообразных пространственных диспропорций развития как в Китае, так и в России. Неравномерное развитие городов в России и Китае выражается в том, что значимые проявления информатизации современного общества локализованы в крупных городах, которые являются своеобразными «точками роста» пространственной цифровизации и цифрового неравенства. Как в условиях китайского общества, так и в российских условиях такие города помимо своих размеров, обладают важной качественной характеристикой, т.к. являются административными центрами – «столицами» субъектов Российской Федерации либо городами федерального значения, в случае с Китаем это города центрального подчинения и «столицы» провинций, что дает им дополнительные немалые преимущества. В итоге практически все

виды потенциалов современного развития в деловой, политической и общественной сферах, в том числе и цифровой, находятся в них.

Безусловно, на пути информатизации и цифровизации городской среды есть много проблемных моментов. Так, российская информатизация за последние десять лет добилась качественного сдвига: если еще в начале второго десятилетия данные процессы были фрагментарны и функционировали на уровне отдельных подсистем и объектов в городских условиях; присутствовал неупорядоченный процесс принимаемых ИТ-решений, не имеющих стратегического замысла, то на данный момент ситуация изменилась в корне. В настоящее время на государственном уровне развивается проект «Умный город» (в рамках национального проекта «Жилье и городская среда» и национальной программы «Цифровая экономика») с целью повышения конкурентоспособности российских городов, формирования эффективной системы управления городским хозяйством, создания безопасных и комфортных условий для жизни горожан. Основным инструментом реализации этих принципов является широкое внедрение передовых цифровых и инженерных решений в городскую инфраструктуру.

В целом, надо отметить, что тематика «выравнивания» межпровинциального неравенства в КНР разрабатывается весьма фундаментально [4]. Развитие телекоммуникационной инфраструктуры в Китае выступает как катализатор социального и культурного интеграционного процесса на национальном уровне. Увеличение вовлеченности населения в коммуникационную сеть осуществляется за счет повышения уровня грамотности, создания электронных правительств, расширения возможностей интернет-маркетинга и создания благоприятных условий для роста интернет-коммерции, а не только не только экстенсивного расширения сети и увеличения ее скорости/мощности. Цифровизация образовательной среды рассматривается как один из основных способов повышения навыков населения при обращении с ИКТ наравне с развитием онлайн-коммерции и увеличением степени интеграции административных органов в электронную среду. Подчеркивается особая роль образовательных центров и технопарков в снижении динамики показателей третьего уровня цифрового неравенства. Цифровое неравенство и его преодоление остается одной из центральных тем в дискурсе о развитии постиндустриального общества.

Источники:

1. Дерюгин П. П., Лебединцева Л. А., Ярмак О. В., Травин Р. А. Ценности и человеческий капитал сотрудников корпорации: опыт сетевой диагностики // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, № 4. С. 10–25.
2. Лебединцева Л. А., Дерюгин П. П., Чжан Хайлунь. Цифровое неравенство: современные тренды формирования и исследования // Дискурс. 2024. Т. 10, № 6. С. 94–107.

3. Hoffman D. L., Novak Th. P., Schlosser A. E. The Evolution of the Digital Divide: How Gaps in Internet Access May Impact Electronic Commerce // Journal of Computer-Mediated Communication. 2000. Vol. 5. Issue 3.

4. Zhang Hailun, Tan Shu. Container and Magnet: A New Theory on the Concrete Function of Contemporary Cities // Urban and Regional Planning. 2022. No. 7 (3). Pp. 68–73.

L. A. Lebedintseva (Saint Petersburg State University);

P. P. Deriugin (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

SOCIAL ASPECTS OF DIGITAL INEQUALITY IN MODERN SOCIETY

The signs of digital inequality in modern society are considered. Three levels of digital inequality are identified and investigated, complementing the traditional criteria of social inequality. The conclusion is made about the universality of the signs of developing digital inequality using the example of Russian and Chinese societies.

Digital inequality, social inequality, Russia, China

УДК 316.453

Ли Минсюань (Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: limingxuan4869221@gmail.com);

Юй Ян (Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: yu.soc@mail.ru);

А. Н. Юй (Российский государственный педагогический университет, e-mail: kostenkoanna04@gmail.com)

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЗАНЯТОСТИ МОЛОДЕЖИ В ИТ-СФЕРЕ КИТАЯ И РОССИИ В РАКУРСЕ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ

В контексте становления цифровой экономики новым фронтом глобальной конкуренции динамика и стратегии занятости молодежи в сфере информационных технологий представляют собой ключевые индикаторы для оценки цифрового суверенитета, инновационной жизнеспособности и социальной устойчивости страны. В данной статье объектом исследования выступает молодежь, занятая в ИТ-сфере урбанизированных регионов России и Китая, а целью – построение системной рамки для сравнительного анализа. Проблемное поле исследования формируется комплексом противоречий: с одной стороны, это давление стандартизации профессиональных моделей в условиях глобальной технологической конвергенции, с другой – глубокие различия в практиках занятости, обусловленные уникальными траекториями институциональной трансформации, культурными парадигмами и путями технологического развития двух стран. Статья первоначально определяет проблемное поле данного междисциплинарного сравнительного исследования, а затем обращается и развивает теорию «многообразия капитализмов» и модель взаимодействия «институты – технологии – индивид – культура» в качестве ключевых аналитических инструментов.

Цифровая экономика, занятость молодежи, российско-китайское сравнение, многообразие капитализмов, модель взаимодействия институты-технологии-индивид-культура

В условиях, когда цифровая экономика преобразует ландшафт глобальной конкуренции, Китай и Россия, являясь важными трансформирующимися экономиками, пережили глубокую стратегическую трансформацию в сфере информационных технологий, однако их движущие силы, пути и результаты демонстрируют системные различия. Структурная трансформация цифровых отраслей в Китае и России исходит из принципиально различных логик: Китай реализует экосистемное строительство, движимое «двойным двигателем» – государственной стратегией и рыночными силами [1], тогда как Россия осуществляет государственно-управляемое преобразование, ориентирован-

ное на «безопасность и прорыв» [2]. Китайская трансформация является результатом сочетания стратегического руководства и рыночной эндогенности [3]. Государство активно направляет процесс через такие концепции верхнего уровня, как «Цифровой Китай», а ее фундаментальная движущая сила исходит из внутренней потребности перехода экономики от факторного драйвера к инновационному и продвижения вверх по глобальной цепочке создания стоимости [1]. Путь преобразования проявляется в создании целостной экосистемы – от производства оборудования до платформенной экономики – опираясь на огромный единый рынок и активный капитал, при этом цифровая экономика глубоко интегрируется во все сферы экономической и социальной жизни [2]. В отличие от этого, трансформация России в большей степени характеризуется реакцией на внешнее давление и поиском новых путей развития [4]. На фоне нестабильности традиционной энергетической экономики и международных санкций развитие цифровой индустрии стало вопросом национальной безопасности, направленным на достижение экономической диверсификации и сохранение технологического суверенитета [5]. Ее путь опирается на прочную математическую базу, сосредотачивая усилия на прорывных направлениях, таких как базовое программное обеспечение и кибербезопасность, и активно формируя внутренний рынок через политику «импортозамещения» [5]. Промышленная экосистема носит более целенаправленный характер и тесно связана с потребностями национальной безопасности [6]. Эти две различные модели трансформации формируют кардинально различающиеся стартовые условия и институциональную среду для занятости молодежи в сфере информационных технологий обеих стран.

Для системного объяснения указанных различий данная статья привлекает и развивает теорию «многообразия капитализмов», предложенную политическими экономистами Питером Холлом и Дэвидом Соскисом [4]. Традиционно данная теория различает «либеральную рыночную экономику» и «координируемую рыночную экономику». В настоящем исследовании утверждается, что практика России и Китая представляет два уникальных варианта «переходных экономик». Вместо механического применения исходных категорий «либеральной» или «координируемой» рыночной экономики, статья творчески использует ключевую аналитическую логику «институциональной комплементарности». Российская практика ближе к модели «государственно-доминируемого» типа, где государственная власть сверху вниз активно стимулирует технологическое развитие, ставя во главу угла ответ на вызовы безопасности. Китайская практика, в свою очередь, демонстрирует особенности уникальной «стратегически координируемой рыночной экономики»: государство посредством промышленного планирования, инвестиционных фондов, формирования рынка осуществляет опережающее стратегическое размещение и глубокую координацию, направленные на формирование рынка и возвращение компаний-лидеров, достигая сочетания «активного правительства» и «эффективного рынка». Подобное применение теории не

только предоставляет основу для сравнения двух стран, но и расширяет границы ее объяснительной способности в отношении переходных экономик.

На основе указанной сравнительной логики в данной статье строится интегративная модель взаимодействия «институты – технологии – индивид – культура», призванная раскрыть, как многомерные факторы динамически переплетаются и совместно влияют на результаты занятости молодежи. Модель подчеркивает, что институциональная среда (формальные правила и неформальные ограничения) задает базовую траекторию развития; технологические пути (глобальные тренды и локализованные инновации) как движущая сила изменений трансформируют спрос на навыки; индивидуальный капитал и действия (человеческий капитал и профессиональная агентность) служат мостом между макро- и микроуровнем; культурные установки (профессиональные ценности и социальные нормы) формируют глубинные смысловые рамки. Эти четыре измерения взаимно формируют уникальную «национальную систему занятости», которая в итоге проявляется в наблюдаемых результатах трудоустройства.

Выбор и развитие данной теоретической рамки направлены на обеспечение исследования ключевыми преимуществами.

Во-первых, предоставление системной сравнительной перспективы, что требует от исследования выхода за рамки единичных показателей, таких как уровень занятости, и объяснения с позиции институциональных корней, почему схожие технологии порождают различные формы занятости.

Во-вторых, раскрытие глубинных механизмов взаимодействия, прояснение того, как различные «институционально-культурные» комбинации Китая и России системно формируют технологические траектории и человеческий капитал, создавая тем самым дифференцированные рынки труда: в Китае – «масштабное применение, высокая мобильность», в России – «фокус на высокотехнологичные сегменты, ограниченный масштаб».

В-третьих, формирование содержательных выводов, обосновывающих, что различия в занятости молодежи являются закономерным порождением глубинных институциональных структур в цифровую эпоху и позволяющих прогнозировать их будущую путевую зависимость.

Данная теория заставляет исследователей выйти за рамки единичных показателей, таких как «уровень занятости» или «заработная плата», и обратиться к рассмотрению фундаментальных различий в общей институциональной логике двух стран. Это объясняет, почему схожие технологии (например, искусственный интеллект) в Китае могут порождать масштабное коммерческое применение и связанную с ним занятость, тогда как в России они концентрируются преимущественно в сфере обороны или фундаментальных научных исследований [7].

Модель подчеркивает комплементарность и взаимодействие четырех измерений. Например, она помогает увидеть: «институты» России (государственное доминирование) и ее «культура» (акцент на фундаментальную

науку) взаимно дополняют друг друга, совместно формируя «технологические» траектории (фокус на высокотехнологичные разработки) и траектории «индивида» (подготовка узкоспециализированных экспертов), что в итоге приводит к таким характеристикам ИТ-рынка труда, как высокая специализация, элитарность, но ограниченный масштаб. Напротив, комбинация «институты-технологии-индивид-культура» в Китае легче порождает масштабный, быстро меняющийся и высококонкурентный рынок труда.

Используя эту аналитическую рамку, исследовательские выводы перестают быть простым описанием того, хороша или плоха занятость в двух странах, но получают возможность обосновать: различия в формах занятости ИТ-молодежи Китая и России являются закономерным результатом действия их собственных глубинных «институционально-культурных» комбинаций в условиях цифровой экономики. Это помогает прогнозировать, что в ходе будущих технологических трансформаций структурные возможности и риски, с которыми может столкнуться молодежь двух стран, будут продолжать диверсифицироваться в соответствии с данной траекторией.

Источники:

1. Синьхуа. План комплексного размещения строительства цифрового Китая. / Центральный комитет Коммунистической партии Китая, Государственный совет КНР. 2023. 27 февраля. URL: https://www.cac.gov.cn/2023-02/27/c_1679136694986243.htm (дата обращения: 13.12.2025).
2. У Синтан. Дискуссия о «разнообразии моделей развития» и «китайской модели» // Современный мир. 2011. № 6. URL: https://www.cccws.org.cn/-cccws/204/0226/20240226171151881310925_pc.html (дата обращения: 13.12.2025).
3. Ма Жоху. Развитие цифровой экономики Китая: опыт и перспективы / Ма Жоху // Гуанмин жибао. 2023. 5 сентября. URL: <http://www.news.cn/politics/20230905/d95dfc8b19a244489d2f1e3b6788183f/c.html> (дата обращения: 13.12.2025).
4. Султыгова А. А. Либералы и их противники о действующей в России модели капитализма / А. А. Султыгова, М. В. Кунцман // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 12-3. С. 130–133.
5. Чубукова С. Г. Стратегии развития информационного общества и направления развития законодательства // Правовая информатика: теория и опыт. М.: Научный центр правовой информации при Министерстве юстиции Российской Федерации, 2018. С. 247–252.
6. Чхутиашвили Л. В. Управление затратами в проектных организациях особенности цифровой трансформации российских предприятий; особенности цифровой трансформации российских предприятий // Формирование многополярного мира: вызовы и перспективы: Сборник докладов XI Московского юридического форума (XXIV Международной научно-практической

конференции). В 3-х ч., Москва, 08–12 апреля 2024 года. М.: Издательский центр Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), 2024. С. 187–192.

7. Куражев С. Д. Стратегии социальной мобильности российских ИТ-специалистов в кризисном обществе (итоги пилотажного исследования) / С. Д. Куражев, А. Г. Маранчак, П. П. Дерюгин // Информация–Коммуникация–Общество. 2023. Т. 1. С. 178–182.

Li mingxuan (Saint Petersburg State University);

Yu Yang (Saint Petersburg State University);

Yu A. N. (Russian State Pedagogical University)

A COMPARATIVE STUDY OF YOUTH EMPLOYMENT IN THE IT SECTOR IN CHINA AND RUSSIA IN THE CONTEXT OF SOCIAL DYNAMICS

With the rise of the digital economy in global competition, the dynamics and strategies of youth employment in the information technology field have become key indicators for assessing a country's digital sovereignty, innovation capabilities, and social resilience. This paper takes youth employment in the information technology sector in urbanized areas of Russia and China as examples, aiming to construct a systematic comparative analysis framework. The research question consists of a series of complex contradictions: on the one hand, in the context of global technological convergence, the pressure for standardization of occupational patterns is increasing; on the other hand, the unique institutional transformation trajectories, cultural paradigms, and technological development paths of the two countries have led to significant differences in employment practices. This paper first defines the problem area of this interdisciplinary comparative study, and then uses the theory of "capitalist diversity" and the "institution-technology-individual-culture" interaction model as key analytical tools.

Digital economy; youth employment; China-Russia comparison; capitalist diversity; institutional-technology-individual-culture interaction model

УДК: 316.775

Д. В. Логинов (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», email: daniilloginov123@gmail.com)

ТРАНСФОРМАЦИЯ НАРРАТИВА. ГЕНЕРАТИВНЫЙ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В РЕКЛАМНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАО «СБЕРБАНК»

В статье рассматривается трансформация сказочного нарратива в рекламной деятельности ПАО «Сбербанк» в условиях внедрения генеративного искусственного интеллекта. Актуальность исследования обусловлена активным использованием ИИ в производстве рекламного контента и необходимостью научного осмысления изменений в механизмах коллективного смыслопорождения. На основе морфологии народной сказки В. Я. Проппа, концепции мономифа Дж. Кэмпбелла и архетипической модели К. Пирсон анализируются процессы построения рекламных нарративов до и после внедрения генеративных технологий. Научная новизна работы заключается в интерпретации генеративного ИИ как ускоренного механизма фольклорной селекции и формы синтеза субъективных повествователей в цифровой медиасреде.

Генеративный искусственный интеллект, рекламный нарратив, цифровая коммуникация, морфология сказки, архетипы бренда, корпоративный фольклор

Искусственный интеллект (ИИ) в последние годы стал неотъемлемой частью медиакommunikационной и профессиональной среды. Генерация текстов, изображений, видеоконтента, а также автоматизация аналитических и креативных процессов активно внедряются в сферу рекламы и связей с общественностью. Начиная с 2023 года, генеративные модели демонстрируют качественный технологический скачок, что приводит не только к ускорению производства контента, но и к трансформации самих принципов нарративного конструирования.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что использование генеративного ИИ не только ускоряет производство контента, но и трансформирует сами принципы нарративного конструирования. В центре этих изменений оказывается нарратив как ключевая структура коммуникации, обеспечивающая связность, узнаваемость и эмоциональное вовлечение аудитории. Дополнительно актуальность исследования определяется необходимостью научного осмысления того, каким образом алгоритмически опосредованные формы сторителлинга влияют на сохранение культурных кодов и устойчивых моделей коллективного повествования в условиях цифровой медиасреды.

ПАО «Сбербанк» на протяжении длительного времени использует сказочные и фольклорные мотивы в рекламных кампаниях. Сказка как жанр коллективного творчества, основанный на архетипах и повторяемых сюжетных функциях, позволяла формировать эмоционально насыщенный и культурно укорененный образ бренда. В рекламных кампаниях 2010-х годов Сбербанк активно обращался к структурам народной и литературной сказки, адаптируя их под задачи маркетинговой коммуникации.

Однако внедрение генеративных моделей, например, GigaChat, Kandinsky 3.0/Video, меняет структуру повествования, визуальный ряд и принцип разработки кампаний. Отсюда возникает вопрос, как меняется сказочный нарратив Сбербанка при переходе от авторского творчества к гибриднему формату? Целью данного исследования является анализ трансформации сказочного нарратива в рекламных видеокампаниях ПАО «Сбербанк» с учетом использования генеративного ИИ. Задачи исследования включают анализ теоретических подходов В. Я. Проппа, Дж. Кэмпбелла и К. Пирсон, а также описание процессов построения рекламного нарратива до и после внедрения генеративных технологий.

Методологическую основу исследования составляют морфология волшебной сказки В. Я. Проппа, концепция мономифа Дж. Кэмпбелла и архетипическая модель К. Пирсон.

В. Я. Пропп рассматривал народную сказку как форму коллективного творчества, лишенную индивидуального автора. Сказка формируется в результате длительного исторического процесса, включающего повторение, варьирование и отбор устойчивых сюжетных функций, таких как «недостача», «испытание», «встреча с дарителем», «получение волшебного средства» и «ликвидация беды» [1]. Таким образом, народная сказка представляет собой систему (структуру), основанную на устойчивых структурных паттернах, формируемых коллективным опытом.

Мономиф Дж. Кэмпбелла помогает рассматривать рекламную историю как путь героя: от проблемы к трансформации через «эликсир» – продукт или услугу [2].

Архетипическая модель К. Пирсон позволяет выявить психологические образы («Опекун», «Мудрец», «Правитель»), которые бренд актуализирует для формирования эмоциональной связи [3].

До появления генеративных технологий рекламные кампании Сбербанка строились на основе авторской интерпретации фольклорных структур. Процесс создания нарратива включал разработку сценария, визуальной стилистики и персонажей, которые выстраивались в соответствии с классическими сказочными функциями. Примеры:

В рекламе «Сказка на ночь» (программа «Спасибо от Сбербанка») используется традиционная структура народной сказки: герой сталкивается с проблемной ситуацией («недостача»), проходит путь преодоления и получает символическое «волшебное средство» в виде банковского сервиса [4]. Рыцарь-

ские мотивы, образ принцессы и визуальная стилизация под сказочный мир усиливают архетипический уровень повествования.

Новогодняя реклама Сбербанка 2019 года строится на традиционном фольклорном сценарии с участием Деда Мороза и Снегурочки [5]. Нарратив разворачивается постепенно, с использованием драматургических пауз, что позволяет зрителю включиться в процесс повествования и пережить эмоциональную трансформацию вместе с героями. Подобная структура соответствует логике народной сказки, где путь героя не сводится к мгновенному решению проблемы.

Во всех кампаниях сохранялась сложность символов, драматургические паузы, многослойность фольклорных кодов.

С 2020-х годов Сбербанк активно внедряет генеративные модели Kandinsky 3.0 и Kandinsky Video, а также языковые модели, такие как GigaChat. Эти технологии используются на этапах разработки визуальных концепций, персонажей и отдельных элементов сценария. В корпоративных отчетах подчеркивается способность моделей учитывать русский культурный контекст [6].

Процесс создания рекламного ролика с участием ИИ включает несколько этапов: генерацию визуальных эскизов, вариативное моделирование персонажей и стилистическую стандартизацию сцен. Например, в новогоднем ролике со СберКотом (2024) нейросеть Kandinsky использовалась для разработки образов второстепенных персонажей, включая снеговика [7]. Человек при этом сохраняет функцию куратора, отбирая и комбинируя результаты генерации.

В кампании «Создавайте волшебные моменты» (2024) визуальный ряд строится как цифровая сказка с четко выстроенной схемой «проблема – средство – решение» [8]. Персонаж СберКота функционирует как повторяемый фольклорный герой, адаптируемый под разные коммуникационные форматы, включая совместные проекты с Чебурашкой [9].

Так, происходит трансформация сказочного нарратива при использовании генеративного искусственного интеллекта: нарратив упрощается до схемы «проблема – средство – решение». Сокращается пространство неопределенности, драматургических пауз, символической глубины. Архетипы превращаются в более шаблонные конструкции. «Путь героя» теряет трансформационный характер и превращается в транзакционную последовательность. Однако сами персонажи могут оставаться теми же – меняется именно структура и подход.

Использование генеративного ИИ приводит к трансформации структуры сказочного повествования. Испытания героя сокращаются, драматургические паузы минимизируются, а архетипы приобретают более универсальный характер. «Путь героя» все чаще редуцируется до транзакционной логики, в которой трансформация заменяется быстрым получением решения.

При этом сами персонажи могут сохраняться, однако меняется принцип их функционирования в нарративе. Генеративный ИИ выступает как ускорен-

ный механизм фольклорной селекции, где успешные сюжетные паттерны воспроизводятся и масштабируются значительно быстрее, чем в традиционной культуре.

Несмотря на тенденцию к упрощению повествования, ИИ открывает новые возможности:

- масштабируемость контента;
- персонализация;
- ускорение производственных процессов;
- адаптация под разные форматы.

Ключевым становится участие человека как «нарративного редактора», способного интегрировать алгоритмические решения в культурно осмысленную историю. Гибридная модель «человек + ИИ» позволяет сохранить эмоциональную аутентичность. Сбер демонстрирует такой подход в своих крупных мероприятиях (например, «Сделано в Сбере»), где ИИ рассматривается не как замена, а как творческий партнер.

Трансформация сказочного нарратива в рекламной деятельности ПАО «Сбербанк» отражает более широкий культурно-технологический процесс перехода от исторически длительного коллективного формирования сказки к алгоритмически ускоренному моделированию нарратива. При этом сохраняются базовые структурные элементы народной сказки, однако меняется логика их воспроизводства.

Таким образом, дальнейшее развитие рекламных коммуникаций крупных брендов, включая ПАО «Сбербанк», будет зависеть от способности выстраивать баланс между алгоритмической эффективностью и культурно-символическим содержанием. Генеративный искусственный интеллект обладает значительным потенциалом как инструмент нарративного воспроизведения и создания сказок, однако сохранение аутентичности и глубины повествования требует осознанного участия человека как интерпретатора и носителя культурных кодов. В условиях цифровизации нарратив перестает быть исключительно маркетинговым инструментом и все в большей степени становится формой современного культурного производства.

Источники:

1. Пропп В. Я. Морфология сказки. М.: Лабиринт, 2001.
2. Campbell J. The Hero with a Thousand Faces. Novato: New World Library, 2008.
3. Pearson C., Mark M. The Hero and the Outlaw: Building Extraordinary Brands Through the Power of Archetypes. NY: McGraw-Hill, 2001.
4. Новогодняя реклама Сбербанка (2019 г.) // Rutube. URL: <https://rutube.ru/video/5db45465effc068b7e76ebe834f8cb7a/> (дата обращения 01.12.25).

5. Реклама «Сказка на ночь» (программа «Спасибо от Сбербанка») // Rutube. URL: <https://rutube.ru/video/941cbf327c1d55b602eefc6bb40d043b/> (дата обращения 01.12.25).

6. «Сбер» представил нейросети Kandinsky 3.0 и Kandinsky Video // Skillbox. URL: https://skillbox.ru/media/code/sber-predstavil-neyroseti-kandinsky-30-i-kandinsky-video/?utm_source=chatgpt.com (дата обращения 02.12.25).

7. В новогоднем ролике Сбер и СберМаркетинг показали настоящих волшебников // РБК. URL: https://companies.rbc.ru/news/IUcFDfLJjY/v-novogodnem-rolike-sber-i-sbermarketing-pokazali-nastoyaschih-volshebnikov/?utm_source=chatgpt.com (дата обращения 03.12.25).

8. «Создавайте волшебные моменты». Рекламный ролик // Rutube. URL: https://rutube.ru/video/cbc4abd18df6b1075159bb8b4407be46/?utm_source=chatgpt.com (дата обращения 03.12.2025).

9. СберКот и Чебурашка. День защиты детей // Sostav.ru. URL: https://www.sostav.ru/publication/sber-65271.html?utm_source=chatgpt.com (дата обращения 03.12.2025).

D. V. Loginov (*Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»*)

TRANSFORMATION OF NARRATIVE: GENERATIVE ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE ADVERTISING ACTIVITY OF PJSC SBERBANK

The article examines the transformation of fairy-tale narrative in the advertising activity of PJSC Sberbank in the context of the introduction of generative artificial intelligence. The relevance of the study is determined by the active use of AI in advertising content production and the need for academic reflection on changes in the mechanisms of collective meaning-making. Based on the morphology of the folk tale by V. Ya. Propp, the monomyth concept by J. Campbell, and the archetypal branding model by C. Pearson, the paper analyzes the processes of constructing advertising narratives before and after the adoption of generative technologies. The scientific novelty of the study lies in interpreting generative AI as an accelerated mechanism of folkloric selection and as a form of synthesis of multiple subjective narrators within the digital media environment.

Generative artificial intelligence, advertising narrative, digital communication, fairy-tale morphology, brand archetypes, corporate folklore

УДК 316.776

В. В. Любопытнов (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: noris.net@yandex.ru)

КОММУНИКАТИВНОЕ ПОЛЕ ИНЖИНИРИНГОВОЙ КОМПАНИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Статья посвящена анализу коммуникативного поля инжиниринговой компании ООО «ГЭМ Северо-Запад» через призму семи традиций теории коммуникации Р. Крейга. С применением автоматизированного контент-анализа выявлено доминирование кибернетической и риторической традиций, обеспечивающих управляемость процессов и внешнее позиционирование.

Теория коммуникации Р. Крейга, коммуникативное поле, инжиниринговая компания, кибернетическая традиция, риторическая традиция, оптимизация коммуникационной стратегии

В условиях цифровизации и усиления конкуренции в инжиниринговой сфере эффективность коммуникаций становится ключевым фактором сохранения и укрепления рыночных позиций [1, с. 178]. Научная ценность исследования состоит в апробации модели Р. Крейга на примере промышленной компании, что позволяет углубить понимание взаимодействия различных коммуникационных традиций в корпоративной среде. «По мнению Крейга, теория коммуникации еще не обладает логически связанным исследовательским полем, но имеет потенциал стать диалогово-диалектическим полем на основе двух принципов, описанных выше. Чтобы увидеть, как работает этот подход, автор приводит матрицу семи реконструированных традиций теории коммуникации, в которой подчеркиваются практически соответствующие взаимодополняемые позиции и противоречия между ними» [2, с. 18]. Понятие коммуникативного поля все чаще используется в исследованиях различных социальных групп, не только в рамках массовой коммуникации, но и в конкретных организациях [3, с. 94].

Анализ коммуникаций компании за период с 2001 г. по 2024 г. требует обработки значительного массива данных: корпоративных документов, публикаций в СМИ, материалов цифровых каналов (сайт, социальные сети), внутренней документации и отзывов клиентов. Ручной анализ такого объема информации трудоемок и подвержен субъективным ошибкам. Использование инструментов искусственного интеллекта (ИИ) для обработки текстовых данных, классификации контента, выявления тональности и частотности ключевых сообщений позволяет: систематизировать исторические коммуникационные материалы; выявить устойчивые паттерны и эволюцию коммуни-

кационных стратегий; ускорить процесс обработки данных и повысить точность выводов.

В рамках исследования применялись методы автоматизированного контент-анализа и классификации сообщений по определенным традициям Р. Крейга.

ООО «ГЭМ Северо-Запад» – инжиниринговая компания, специализирующаяся на электромонтажных, гидромонтажных и пусконаладочных работах для объектов энергетики, металлургии и инфраструктуры в условиях Крайнего Севера. Основанная в 1972 году как Ковдорское прорабство, компания прошла путь преобразований и к 2024 году демонстрирует устойчивый финансовый рост. Уникальное торговое предложение (УТП) компании строится на 50-летнем опыте работы в экстремальных климатических условиях, что обеспечивает надежность и предсказуемость результатов для клиентов.

Целевые группы коммуникантов: крупные промышленные предприятия (Ковдорский ГОК, Кольская АЭС), государственные учреждения, малые B2B-компании, местные СМИ и отраслевые издания, потенциальные сотрудники, поставщики и партнеры.

Материалом для исследования послужили: посты компании в социальных сетях (ВК, ТГ, ОК), публикации компании в «Дзене», корпоративные документы (внутренние регламенты, должностные инструкции), сайт компании разделы «Услуги», «Кейсы и проекты», «О компании», «Карьера», «Новости»), email компании (клиентские рассылки, корпоративная почта), коммуникация сотрудников с клиентами и между собой в мессенджерах МАХ), презентации компании, брошюры, листовки, буклеты (в т. ч. их электронная версия), рекламные объявления компании в местных СМИ, пресс-релизы компании, протоколы планерок компании, отчет о мероприятии «День рождения ГЭМа».

Кибернетическая традиция обращает внимание на проблемы технологического контроля, сложности и непредсказуемости процессов обратной связи и возможности того, что коммуникативные акты, несмотря на благие намерения коммуникаторов, будут иметь неожиданные последствия [4, с. 96]. В коммуникационном поле ООО «ГЭМ Северо-Запад» традиция реализуется через системно-информационный подход к управлению коммуникациями, где ключевыми элементами являются обратная связь, информационные потоки и контроль. Компания использует эту традицию для структурирования внутренних коммуникаций (приказы, планерки, отчетность) и внешних технико-экономических взаимодействий с клиентами. Например, при реализации проектов «под ключ» на объектах Кольской АЭС или Ковдорского ГОК коммуникация строится как информационный процесс с четкими этапами, каналами передачи данных и механизмами контроля сроков и качества. Цифровые каналы (сайт, email) служат инструментами обработки заявок и передачи технической документации. Пример использования традиции в поле коммуникаций: «Взаимодействие с ключевым клиентом – АО «Ковдорский ГОК» при

реализации проекта «монтаж наружного освещения» (ноябрь 2023) [5, с. 1]. Коммуникация была структурирована как четкий информационный процесс: от технического задания и согласования этапов через корпоративную почту и мессенджеры до финальных отчетов и актов сдачи-приемки. Использовался корпоративный сайт для размещения кейса с фото до/посе, что служило формализованным каналом отчетности и демонстрации результата.». Данная традиция показала себя наиболее эффективной для внутренних оперативных коммуникаций (приказы, планерки, отчеты) и внешних технико-экономических взаимодействий с постоянными клиентами (согласование проектов, сдача этапов). Ее эффективность обусловлена авторитарным стилем управления и иерархической корпоративной культурой компании, которые требуют четких, контролируемых и документированных информационных потоков для минимизации рисков в сложных проектах. В сравнении с другими традициями, она обеспечивает максимальную предсказуемость и управляемость в регламентированных процессах.

Риторическая традиция рассматривает коммуникацию как практическое искусство дискурса. Такой способ теоретического анализа актуален, если требуется объяснить, почему участие актора в разговоре, особенно публичном, важно и как именно это происходит. Проявляется в стратегическом использовании убеждающих сообщений для формирования позитивного имиджа и привлечения клиентов. Компания активно применяет риторические приемы в кейсах на корпоративном сайте, презентациях и публикациях в отраслевых СМИ, акцентируя внимание на уникальном опыте работы в условиях Крайнего Севера, надежности и экспертизе. Например, раздел «Услуги» и публикации в «Новостях Энергетики» строятся по модели аргументативного воздействия, где факты и успешные проекты служат доказательством компетентности. Риторическая традиция, по Крейгу, ориентирована на публичное искусство дискурса, что позволяет компании эффективно позиционироваться на рынке. Пример работы традиции в поле коммуникаций компании: «Позиционирование компании в отраслевых СМИ («Новости Энергетики») и раздел «Кейсы» на корпоративном сайте. Например, публикация кейса «Как мы заменили 5 км кабеля за неделю для АО «КГОК» в «Дзене» строится по модели аргументативного воздействия: проблема (износ кабеля в суровых условиях), тезис (экспертиза и скорость ГЭМ), доказательства (этапы работы, технологии, фото), вывод (надежность партнера). Дискурс направлен на формирование имиджа эксперта.». Риторическая традиция наиболее эффективна для внешнего маркетингового позиционирования и работы с потенциальными клиентами и отраслевым сообществом. Ее сила – в способности конвертировать технический опыт в убедительные коммуникационные сообщения о надежности и экспертизе, что напрямую поддерживает УТП компании и оправдывает ценовую премию.

В социокультурной традиции коммуникации определяются как символический процесс, который производит и воспроизводит общие социокультур-

ные модели. В ней объясняется, как создается и осуществляется общественный порядок, как происходит взаимодействие людей в социуме, и показывается их тесная взаимосвязь. Отражается в коммуникациях, направленных на воспроизводство социальных норм и укрепление связей с локальным сообществом. Компания взаимодействует с администрацией города, местными СМИ и жителями, подчеркивая свою социальную ответственность и вклад в развитие региона. Например, участие в муниципальных инфраструктурных проектах и публикации в «Первом ковдорском» демонстрируют интеграцию в региональную социокультурную среду. Согласно Крейгу, данная традиция рассматривает коммуникацию как процесс создания и поддержания социального порядка, что позволяет компании укреплять репутацию «своего» партнера. Однако недостаточная активность в культурно-общественных инициативах и формальный характер коммуникаций с местным сообществом снижают глубину социокультурного воздействия. Компания упускает стратегическую возможность углубить социокультурную традицию через взаимодействие с уникальным культурным наследием Мурманской области. Партнерство с местными музеями для поддержки экспозиций, связанных с историей освоения Севера, промышленностью и энергетикой, позволило бы компании стать не просто подрядчиком, а хранителем и продолжателем индустриальной культуры региона. Освещение такой деятельности в местных и отраслевых СМИ создало бы нарратив о «компании с душой и историей», что значительно усилило бы эмоциональную связь с сообществом и улучшило репутационный капитал.

Социопсихологическая традиция в коммуникационном поле ООО «ГЭМ Северо-Запад» реализуется через воздействие на установки, мотивы и восприятие целевых аудиторий, с опорой на психологические механизмы социального влияния. В контексте коммуникаций с потенциальными сотрудниками компания неявно использует принципы влияния референтных групп и лидеров мнений, хотя и не систематически. Ключевое сообщение о стабильности, социальных гарантиях и перспективах роста адресовано не только индивидуальным кандидатам, но и их профессиональному окружению – коллегам, отраслевым сообществам, выпускникам профильных вузов. Например, публикации в разделе «Карьера» и в группе VK демонстрируют успешные кейсы текущих сотрудников, которые выступают в роли неформальных лидеров мнений, формируя привлекательный образ компании через эмоциональные истории о профессиональном развитии в условиях Севера. Однако, согласно анализу Крейга, социопсихологическая традиция требует более глубокой интеграции с социальными контекстами: компания могла бы активнее задействовать отраслевых экспертов, ветеранов предприятия или представителей профильных учебных заведений в качестве легитимных референтных фигур, чьи рекомендации усиливают доверие к работодателю. Недостаточно развитая социопсихологическая традиция напрямую влияет на негативную динамику кадров (сокращение с 45 до 25 человек с 2018 по 2024 гг.). Коммуникации с потенциальными и те-

кущими сотрудниками носят формальный, транзакционный характер, слабо используя механизмы влияния референтных групп, лидеров мнений и социального доказательства. Отсутствие системной работы с образами успешных молодых специалистов внутри компании, историй карьерного роста, вовлечения ветеранов предприятия как наставников и символов преемственности делает образ компании непривлекательным для нового поколения. Молодые специалисты не видят в ГЭМ Северо-Запад эмоционально притягательного сообщества.

Коммуникативное поле ООО «ГЭМ Северо-Запад» представляет собой структурированную, но несбалансированную систему, в которой доминируют кибернетическая и риторическая традиции, тогда как социокультурная и социопсихологическая реализованы фрагментарно и носят реактивный характер. Кибернетическая традиция обеспечивает четкость и управляемость процессов – как в проектной работе, так и во внутренних коммуникациях, – но приводит к излишней формализации и дефициту диалога. Риторическая традиция успешно используется для внешнего позиционирования через демонстрацию экспертизы и опыта, однако остается преимущественно монологической, слабо адаптированной к интерактивным форматам взаимодействия. Социокультурная традиция проявляется в основном в рамках взаимодействия с локальными институтами (администрация, СМИ), но не перерастает в глубокую интеграцию с региональным сообществом и культурным контекстом. Социопсихологическая традиция используется точечно – прежде всего в HR-коммуникациях, – однако без системной работы с референтными группами и лидерами мнений, что ограничивает ее потенциал в формировании лояльности и привлечении целевых аудиторий.

Таким образом, поле коммуникаций компании отличается высокой структурной определенностью, но низкой диалогичностью и рефлексивностью. Коммуникации ориентированы на транзакционные цели (проекты, заказы, найм) и воспроизводство существующего порядка, но слабо адаптированы к меняющимся запросам среды, цифровизации и усилению конкуренции за символические и человеческие ресурсы. Исследование коммуникационного поля компании показывает, что доминирование кибернетической (для управления и контроля) и риторической (для позиционирования) традиций в поле инжиниринговой компании высокоэффективно и целесообразно для решения ключевых операционных и рыночных задач. Однако в условиях цифровизации и конкуренции за человеческий капитал такая модель становится недостаточной. Для долгосрочной устойчивости целесообразно дополнить ее развитием социокультурной традиции (для интеграции с регионом) и социопсихологической (для формирования лояльности персонала), создав тем самым сбалансированное и адаптивное коммуникативное поле.

Источники:

1. Городнова Н. В. Цифровая трансформация: возможности применения сквозных технологий в проектах цифрового инжиниринга // Вопросы инновационной экономики. 2023. №1. С. 173–192.
2. Андриянова Т. В. Коммуникационная теория Р. Крэйга: дискурсивные практики и тенденции взаимодействия в управлении субъектом // Коммуникология. 2019. Том 7. № 2. С. 15–24.
3. Балезина Е. А. Понятие коммуникативного пространства в организации // Вестник пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 4. С. 90–95.
4. Пименов Н. П. Теоретико-методологические аспекты изучения современных политических коммуникаций // Известия СПбГЭТУ «ЛЭТИ». 2014. № 6. С. 94–98.
5. Референц лист ООО «Гидроэлектромонтаж Северо-Запад» за период 01.11.2020 – 01.11.2023.

V. V. Lyubopytnov (*Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»*)

**COMMUNICATION FIELD OF AN ENGINEERING FIRM UNDER
DIGITALIZATION CONDITIONS**

The article analyzes the communicative field of the engineering company «GEM Severo-Zapad» LLC through the lens of Robert T. Craig's seven traditions of communication theory. Using automated content analysis, the study identifies the dominance of the cybernetic and rhetorical traditions, which ensure process manageability and external positioning, respectively.

Robert T. Craig's communication theory, communicative field, engineering company, cybernetic tradition, rhetorical tradition, communication strategy optimization

УДК 130.2

Н. П. Макарова (независимый исследователь, e-mail: np99np99@mail.ru)**ФОРМЫ ПРИСУТСТВИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ В МОБАЙЛ-АРТЕ**

В статье представлена перспектива развития мобайл-арта с 2000-х гг. в рамках проектов зарубежных (англоязычных) современных художников. Мобайл-арт позиционируется в качестве актуальной художественной практики, использующей потенциал мобильных устройств. Тематическая направленность творческих опытов организуется вокруг повседневных функциональных возможностей и технологического базиса портативных электронных средств. Предпринята попытка описания и категоризации художественно переработанных форм сообщения пользователя и мобильного устройства.

Мобайл-арт, цифровое искусство, цифровая среда, производство присутствия, мобильное устройство, мобильный телефон, интерфейс, телесность

Современное русскоязычное академическое сообщество практически не знакомо с таким понятием, как «мобайл-арт» (анг. Mobile Art, Mobile Phone Art, Mobile Media Art, Cell Phone Art). Данная художественная практика едва ли широко распространена и среди неискушенной публики, однако оставаясь в поле зрения цифровых художников и иностранных исследователей, культурологов, философов. Зачастую под «мобильным искусством» подразумевают небольшие «мобильные» (переносные, «подвижные») объекты доисторического искусства [1]. Или же мобильной скульптурой (анг. Mobile Sculpture) обозначен тип скульптурного произведения, составленный из легких, невесомых, тонких компонентов, которые подвешиваются и движутся под действием воздушных потоков или мощности двигателя [2]. В значении же «арта» (отсылая ко многим «артам»: «Боди-арт», «Саунд-арт», «Медиа-арт» и др.) мобайл-арт является актуальной художественной практикой, организованной вокруг функционирования, опыта использования мобильных устройств.

Данная художественная форма начала активно развиваться с 2000-х гг. в связи с формированием и распространением мобильных телекоммуникационных технологий. Прежде всего отмечались и творчески осмыслились возможности сотовой связи, аудиовоспроизведения и аудиозаписи, фото- и видеофиксации. Так, композиция «Dialtones: A Telesymphony» (2001) американского музыканта, исполнителя, художника Голана Левина являлась музыкальным произведением («симфонией»), исполненным мобильными телефонами каждым присутствующим зрителем (выступающим в роле «композитора») в зале. В 2006 г. «мобильный» фильм «Max With a Keitai» (Япония) отображает неприемлемый взгляд горожанина с телефоном: действия разворачиваются в мегаполисе от лица наблюдателя с мобильным устройством.

С развитием технологической составляющей художественная практика начинает включать в себя опыты с подключением к публичной беспроводной сети Wi-Fi, с функциональными возможностями системы глобального позиционирования (GPS). Мобильные устройства рассматривались в качестве мобильных локативных медиа: «Локативные медиа используют некую точку (локацию) в публичном пространстве как «холст» для создания на нем арт-проекта» [3, с. 216]. Освоению пересечения «реальных» и виртуальных сред при использовании мобильных технологий была посвящена работа американского художника М. Шепарда «Tactical Sound Garden Toolkit» (2007), которая включала в себя возможность разместить в виртуальном городском пространстве (Цюрих, Сан-Диего и др.) пользовательские звуковые метки, создавая своеобразные «звуковые сады» [4]. В 2010-е гг. американский художник Дж. Фримен (John Craig Freeman) разрабатывает темы определения дополненной реальности (AR) и форм присутствия пользователя мобильных устройств в музейных и общественных, городских, пространствах (ставших гибридными). Портативные девайсы, наведенные на часть «физической» среды, отображают сконструированные виртуальные объекты: скелеты (Calaca) в «Пограничном мемориале» (2010), художественные вставки в «SFMOMA AR» (2013) и др [5]. В это же время Дж. Фримен и иные авторы (среди них Уилл Паппенгеймер, Марк Скварек, Джеффри Родс) публикуют «Манифест искусства дополненной реальности», в котором ведущую роль отводят мобильным устройствам: «С помощью дополненной реальности мы устанавливаем, пересматриваем, проливаем, моделируем, выставляем напоказ, украшаем, взламываем, заражаем и разоблачаем общественные институты и объекты, ранее принадлежавшие авторитетным распространителям художественной политики, в так называемой Физической реальности. Мобильные телефоны и устройства визуализации будущего являются материальными свидетелями этих эфемерных пространственных объектов, пост-скульптурных событий и изобретательной архитектуры» [6]. Кроме того, упомянутый выше Марк Скварек является основателем лаборатории мобильной дополненной реальности (Mobile AR Lab) в Нью-Йоркском университете (2011), которая занималась исследованиями в области мобильной дополненной реальности с помощью новых технологий AR, доступных для широкой общественности.

В 2007 году получает развитие идея современного смартфона, «устройство становится все более телесным» [7, с. 114; 117]. Или же, иными словами, с появлением айфона «возникает совершенно новая технико-экономическая логика... речь идет о персонализированных рекомендациях товаров и услуг для предполагаемой оптимизации нашей повседневной жизни» [8, с. 20]. Фиксируется и развивается императив индивидуального, самооценного опыта. Современные цифровые художники с этого времени получают возможность использовать в своих практиках данный технологический потенциал (формально) и обращаться к проблематике человеко-машинного взаимодействия, его видимых и транспарентных эффектов (содержательно). Оптимизмом проник-

нуты опыты мобильной фото- и видеосъемки. В мобайл-арте заявляются и провозглашаются «новые методы создания кинофильмов и изображений», актуальные формы пространственной идентификации и эффекты наложения гибридной среды, способности телесной включенности, а также интерактивность взаимодействия и значимость сопричастности, связанного соприсутствия [9]. Помимо описанных выше пространственных опытов, в 2010-х гг. цифровые художники также активно осваивают мобильную фотографию, отмечая преимущество непосредственного документирования сиюминутного повседневного существования [10]. При этом активно используются мобильные приложения, редакторы, коллажи. В 2010 г. возникает «Международная ассоциация мобильных цифровых художников» (International Association of Mobile Digital Artists).

Тем временем еще одним направлением работы рассматриваемой художественной практики явилось использование предметной составляющей мобильных устройств. Типизированная форма телефона – корпус и экран – выступает в качестве обобщенного вещественного образа устройства и эффектов, его использованием вызываемых. Серия скульптур уличного художника Уилла Коулза (Will Coles) «Remotes» включает работы, изображающие узнаваемые мобильные телефоны Nokia с вырезанными фразами «Nothing», «Lies», «Empty». Подобные устройства обозначаются в качестве «пластиковых богов», «объектов обожания» и проводников императивов общества потребления [11]. Американский художник Роб Петтит обращается к экологической проблематике, связанной с распространением электронных устройств. В 2014 году он составил из сотен нефункционирующих телефонов Nokia изображения спиралей, вихрей, галактик [12]. Экран мобильного устройства может быть задействован для непосредственной трансляции, воспроизведения художественных работ, как средство реализации творческого акта, как некий пограничный объект.

Тема нахождения пользователя перед экраном мобильного телефона избирается для творческой рефлексии: транспарентность и видимость технологий, контроль и свобода пользовательских действий. Проблематизируется инициированный человеком момент взаимодействия с технологическими средствами. Американский художник Эван Рот отражает на фотографиях и видеозаписях невидимую для пользователей инфраструктуру центров обработки данных, мобильных интерфейсов и интернет-систем. В «Dances for Mobile Phone» [13] документируются и отображаются ныне невидимые действия людей в отношении мобильных телефонов: этапы прикосновения к экрану. Для экспонирования «The Supermarket of Images (Since You Were Born, 2020)» [14] Э. Рот избранное пространство размещения заполняет множеством изображений, идентифицирующих цифровые перемещения художника с 2013 года: личные фотографии граничат со стандартизированными поисковыми запросами, логотипами брендов, зафиксированными полезными материалами, мемами и др. Обычно не высказываемое, не осознаваемое, не

прослеживаемое отображается: «Человек в информационную эпоху становится не источником, а переносчиком информации. Неслучайно столь популярна сегодня у художников тема паразитологии медиа и шума как новой формы коммуникации. Поскольку увеличение информации приводит к исчезновению смысла, то его ищут в сбое коммуникационных систем – в багах, глюках, глитчах. Не желая соглашаться с подобным положением вещей, человек чувствует себя человеком только в статусе источника помех» [15].

Использование мобильных устройств в мобайл-арте обращается к их повседневным свойствам и технологическим способностям. Портативные технологические средства используются в качестве инструментов творческой практики, способны конструировать, воссоздавать альтернативные пространства для художественных произведений (в том числе прибегая к телекоммуникационным возможностям). Вместе с тем мобайл-арт в содержательной части обращается к эффектам взаимодействия пользователь – мобильное устройство, обнаруживая/обнажая новые сценарии сообщения. Рассмотренные зоны мобайл-арта отражают отдельную перспективу форм присутствия пользователя и могут быть расширены, требуя тематического дополнения.

Источники:

1. Мобильное искусство // Gallerix. Интернет-музей. URL: <https://gallerix.ru/pedia/prehistoric--mobiary-art/> (дата обращения: 12.12.2025).
2. Mobile // Tate Gallery. Available at: <https://www.tate.org.uk/art/art-terms/m/mobile> (accessed 15th December 2025).
3. Пол К. Цифровое искусство. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017.
4. Shepard M. Tactical Sound Garden Toolkit. Available at: <https://www.tacticalsoundgarden.net/#> (accessed 15th December 2025).
5. Projects // John Craig Freeman. Available at: <https://johncraigfreeman.wordpress.com/projects/> (accessed 15th December 2025).
6. The AR Art Manifesto. Available at: <https://manifest-ar.art> (accessed 15th December 2025).
7. Очеретяный К. А. Датарсис – катарсис цифровой эпохи, или как цифровые платформы определяют переживание // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2025. Т. 7. № 4. С. 109–126.
8. Саден Э. Среди призраков: рассуждения об эпохе метавселенной и генеративного искусственного интеллекта / Пер. с фр. А. Захаревич. СПб.: Ивана Лимбаха, 2025.
9. Baker C., Schleser M., Molga K. Aesthetics of mobile media art // *Journal of Media Practice*. 2014. № 10 (2). Available at: https://www.researchgate.net/publication/261688467_Aesthetics_of_mobile_media_art (accessed 15th December 2025).
10. Gasteiger C. Ausstellung “Phone Photography”. Voyeur des Alltags // *Süddeutschen Zeitung*. Available at: <https://www.sueddeutsche.de/kultur/ausstellung-phone-photography-voyeur-des-alltags-1.2443171> (accessed 15th December 2025).

11. Will Coles. Remotes // Will Coles. Available at: <https://willcoles.com/portfolio-item/remotes/> (accessed 15th December 2025).
12. Giant Spirals Created from 5,000 Recycled Cell Phones // Recycle Nation. Available at: <https://recyclenation.com/2010/12/spirals-recycled-cell-phones/> (accessed 15th December 2025).
13. Dances for Mobile Phones // Evan Roth. Available at: <https://www.evan-roth.com/~frames/dances-for-mobile-phones-full/#hemisphere=west&strand=50> (accessed 15.12.2025).
14. The Supermarket of Images (Since You Were Born, 2020) // Evan Roth. Available at: <https://www.evan-roth.com/~frames/dances-for-mobile-phones-full/#hemisphere=west&strand=50> (accessed 15.12.2025).
15. Очеретяный К., Савчук В. Приговор дна // Художественный журнал. 2018. № 107. URL: <https://moscowartmagazine.com/issue/85/article/1868> (дата обращения: 12.12.2025).

N. P. Makarova (*Independent researcher*)

FORMS OF USER PRESENCE IN MOBILE ART

The study examines the perspective of mobile art development since the 2000s within the framework of projects by foreign (English-speaking) contemporary artists. Mobile art is positioned as an actual artistic practice that uses the potential of mobile devices. The thematic focus of creative experiences is organized around the everyday functionality and technological basis of portable electronic devices. An attempt has been made to describe and categorize artistically reworked forms of user and mobile device communication.

Mobile art, digital art, digital environment, production of presence, mobile device, mobile phone, interface, physicality

УДК 34.096

С. В. Максина (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: nachso@mail.ru);

И. Ф. Новикова (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: novikova.i.f@mail.ru)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Рассматриваются отдельные актуальные вопросы формирования правосознания обучающихся под воздействием средств массовой информации и сети «Интернет» в современном российском обществе. Анализируются отдельные новации в действующем законодательстве и правоприменительной практике. Исследуются имеющиеся отдельные проблемы при формировании правовой культуры современной молодежи, предлагаются пути возможного разрешения, определяются перспективы развития правосознания личности в условиях цифровизации и современных вызовов в жизнедеятельности общества.

Правосознание, правовая культура, воздействие средств массовой информации, сеть «Интернет», правомерное поведение, правонарушение

В современных реалиях одним из ключевых аспектов воспитания выступает формирование правосознания обучающихся. Перед преподавателями высшей школы стоит насущная проблема обучения молодежи не только понимать определенные правовые нормы, но и применять их в реальной жизни. Поскольку развитие общества и государства находится в прямой зависимости от уровня образования и воспитания населения, и в первую очередь молодого поколения, то указанные вопросы подлежат правовой регламентации.

Согласно ст. 72 Конституции Российской Федерации [1] общие вопросы воспитания, образования, науки, культуры молодежной политики находятся в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов.

Количество принимаемых нормативных правовых актов в условиях развития общества и государства постоянно увеличивается, правовое пространство становится разнообразным и динамически развивающимся, что требует пристального внимания к происходящим в нем изменениям, в том числе новациям в сфере юридической ответственности, знания об усилении которой за отдельные виды правонарушений молодежи должны быть известны.

Федеральный закон от 30 декабря 2020 года № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» [2], определив молодежь как социально-демографическую группу лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно, имеющих гражданство Российской Федерации, одной из целей проводимой гос-

ударством молодежной политики устанавливает, в частности, формирование системы нравственных ориентиров, позволяющих противостоять идеологиям экстремизма, терроризма, проявлениям коррупции и другим негативным социальным явлениям.

Достижение указанной цели возможно лишь при наличии у молодежи, в том числе студенческой, чувства гражданской ответственности, сформированной активной гражданской позиции, то есть правосознания высокого уровня, при котором молодежь, во-первых, знает нормы права, во-вторых, имеет положительное отношение к нему как к социальной ценности, в-третьих, имеет навыки правомерного поведения.

Однако на практике наблюдается негативная тенденция увеличения числа совершаемых правонарушений в различных сферах жизнедеятельности общества, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, обусловленных недостаточной осведомленностью молодого поколения о своих обязанностях, установленных действующим законодательством. Это приводит к росту конфликтов в обществе, злоупотреблению правами со стороны отдельных индивидуумов, приводящих к нарушению прав других лиц. Проблемой также выступает конкуренция, возникающая между социальной средой и деятельностью образовательных учреждений в сфере предоставления знаний о праве, так как вектор социализации современной молодежи сместился из плоскости личного взаимодействия в виртуальное пространство. Изложенное привело к росту правового инфантилизма, нигилизма и дезорганизации правосознания у отдельной личности.

В Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 августа 2024 года № 2233-р [3], отмечается, что национальные интересы России требуют мощного, экономически развитого государства, население которого будет сохранять и укреплять традиционные ценности, что, в свою очередь, позволит ответить на вызовы, которые стоят перед Россией как суверенным государством.

Представляется, что для решения указанных выше проблемных вопросов, роста совершаемых правонарушений, распространения негативного контента в сети «Интернет», содержащего идеологические начала терроризма и экстремизма, большое значение имеет изучение обучающимися норм права на курсах «Основы российской государственности» и «Правоведение», читаемых практически во всех учебных заведениях профессионального образования.

Основным аспектом, подтверждающим качественное правовое воспитание обучающегося, будет выступать его способность свободно ориентироваться в современной правовой среде, использовать соответствующие юридические инструменты для решения личных и профессиональных задач, понима-

ние основ юридической ответственности и наказуемости неправомерного поведения.

В качестве подходов к формированию у обучающихся правосознания следует отметить следующие:

1) интеграция правовых знаний в образовательный процесс. Поскольку подготовка современного специалиста невозможна без полноценного знакомства с действующим законодательством, то программа обучения должна содержать учебные курсы, обеспечивающие базовые знания о конституционном устройстве государства, правах и обязанностях человека и гражданина, видах юридической ответственности и процессуальном законодательстве. Новеллы законодательства должны незамедлительно включаться в лекционный курс. В качестве примера можно указать на увеличение Федеральным законом от 17 ноября 2025 года № 420-ФЗ [4] составов преступлений, ответственность за совершение которых наступает с 14 лет.

2) Представляется, что получение базовых правовых знаний невозможно без использования активных методов обучения. Такие методы интерактивного характера как деловые игры, викторины, круглые столы и др. позволяют погрузить студентов в реальные жизненные ситуации, показать взаимодействие различных отраслей права и раскрыть механизм действия правовых норм.

3) Участвующие в образовательном процессе специалисты-практики совместно с преподавателями-теоретиками создают условия для правовой ориентации обучающегося в его дальнейшем профессиональном развитии, разрабатывают и предлагают студентам сценарии развития отдельных правовых коллизий и готовят рекомендации по их разрешению.

5) Изучение любого курса, в том числе связанного с изучением норм права, невозможно без использования инструментов мониторинга и оценки полученных студентами знаний. Проведение регулярных тестирований, проверка выполнения самостоятельных заданий, проведение контрольных работ позволяют выявить пробелы в формировании соответствующих знаний и принять меры к своевременной корректировке программ обучения.

6) Полагаем, что положительную роль в получении обучающимися знаний о праве играет распространение просветительского контента в виде научно-популярной литературы, видеороликов, которые знакомят широкую аудиторию с ключевыми аспектами законодательства.

7) Нельзя сбрасывать со счетов и применение методов обратной связи. Производимая студентами оценка лекционных и практических занятий позволяет в определенной степени оптимизировать форму подачи материала, делая процесс освоения правовых знаний более эффективным. Однако значение оценки должно принимать во внимание ее субъективный характер.

Учитывая вышеизложенное, полагаем, что успешное формирование правосознания обучающихся высших учебных заведений невозможно без системного подхода, сочетающего теоретические и практические занятия, тра-

диционные и инновационные методы обучения. Взаимодействие образовательных учреждений с органами публичной власти, общественными движениями, в том числе молодежными, усиливает эффект правового воспитания, формирует активную жизненную позицию и создает основу для дальнейшего гармоничного существования в правовом государстве.

Источники:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 11. Ст. 1416.

2. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 1. Ч.1. Ст. 28.

3. Стратегия реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 августа 2024 года № 2233-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 36. Ст. 5484.

4. Федеральный закон от 17 ноября 2025 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 47. Ст. 7048.

S. V. Maksina (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»);

I. F. Novikova (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

CURRENT ISSUES OF FORMATION OF LEGAL AWARENESS OF STUDENTS IN MODERN SOCIETY

The article discusses some topical issues of the formation of legal awareness of students under the influence of mass media and the Internet in modern Russian society. The article analyzes individual innovations in current legislation and law enforcement practice. The article examines the existing individual problems in the formation of the legal culture of modern youth, suggests possible solutions, and defines the prospects for the development of legal awareness of the individual in the context of digitalization and modern challenges in society.

Legal awareness, legal culture, the impact of mass media, the Internet, lawful behavior, offense

УДК 004; 004.8; 004.89

Р. И. Мамина (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: maminaraisa@yandex.ru);

С. Н. Почебут (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: sniper2711@yandex.ru)

КОММУНИКАЦИЯ «ЧЕЛОВЕК – ИИ» В КОНТЕКСТЕ ДИНАМИКИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Анализируется процесс развития коммуникации «человек – ИИ» и ее новаций, детерминированные новациями современного искусственного интеллекта, в частности генеративного. Выделены специфика, новые реалии и тенденции коммуникативного контента в практиках взаимодействия человека с ИИ. Отдельное внимание акцентировано на рисках, которые несет в себе бесконтрольное скоростное развитие ИИ-технологий.

Искусственный интеллект, генеративный искусственный интеллект, человек, коммуникация, промтинг, физический ИИ.

Сегодня мы являемся свидетелями беспрецедентного развития искусственного интеллекта/ИИ и его настоящей экспансии во все сферы жизнедеятельности человека. Искусственный интеллект стал вездесущим, а тематика ИИ – самой топовой из всех топовых, где коммуникация «человек – ИИ» занимает особое место. Однако сначала немного о специфике современного ИИ и его новациях.

Важной отличительной особенностью современного ИИ является совмещение технологии больших данных (BigData) и методов глубинного обучения (DeepLearning), основанных на использовании искусственных нейронных сетей/ИНС. В свою очередь, это значит, что развитие ИИ идет рука об руку с ростом вычислительной мощности, а также объемом данных (big data) и новыми архитектурами нейронных сетей. По оценке экспертов, такая обусловленность делает ИИ ключевым технологическим двигателем XXI века, который можно сравнить с изобретением электричества или Интернета [1, 2]. При этом аналитики конкретизируют, что на сегодняшний день речь идет о такой разновидности текущего ИИ, как генеративный ИИ и его возможностях, ставших центром внимания мировой научной, образовательной и бизнес-общественности.

Генеративный ИИ / GenAI рассматривают как новую более мощную и зрелую разновидность прикладного современного ИИ, предназначенную для создания новых контентов на основе обучающего набора данных (тексты, изображения, программный код и др.). Прорывным в области *GenAI* считается 2022 г, когда мир увидел сразу несколько инновационных ИИ-проектов. В

частности – это алгоритмы DALL-E-2 от компании OpenAI (апрель 2022), Stable Diffusion от Stability AI (август 2022); Midjourney от одноименной компании – Midjourney (февраль 2022), создающие изображения на основе коротких фраз, введенных пользователями. Самым ярким примером новаций здесь, основанную на архитектуре «трансформер».

В свою очередь, 2023 г. стал годом экспоненциального роста возможностей генеративных моделей (GPT-4; DALL-E3 от OpenAI; Claude2 от Anthropic; отечественные ЯндексGPT 2. GigaChat 2 от «Сбера»; и др.), которые, по оценкам специалистов, еще пять лет назад казались невозможными. Отмечается, что прорыв в области трансформеров и механизмов внимания (attention mechanisms) позволил создать системы, демонстрирующие признаки «понимания» контекста, что открыло путь для качественно новых приложений ИИ и, как следствие, высокой конкурентности в сфере GenAI.

Не просто высокой конкурентностью, а уже о глобальной сверхгонимости ИИ-новаций отмечен 2025 г. В конце декабря 2024 г. внимание мировой ИИ-общественности было приковано к китайской модели DeepSeek-V3 со всеми ее расширенными способностями рассуждать, планировать и анализировать, а в феврале 2025 г. уже – к GPT-4,5 от OpenAI, несколько позднее – к GPT-5 от OpenAI (август 2025), которая продолжает развивать универсальность, улучшая возможности логического мышления и адаптивную архитектуру. А уже в ноябре, практически одновременно, компании xAI, Google и OpenAI презентовали свои новые модели: эмоциональный Grok 4.1 / xAI; Gemini 3 и Nano Banana Pro / Google; GPT-5.1-Codex-Max / OpenAI. Однако, по мнению аналитиков, с выпуском DeepSeek V3.2 (1 декабря 2025) на сцену вышел игрок, который не только догоняет лидеров отрасли Google и OpenAI, но и бросает вызов всем их бизнес-моделям и это вызов не только технологический.

В целом аналитики отмечают, что в настоящее время ландшафт искусственного интеллекта переживает революционные изменения, выходящие далеко за рамки простого обновления программного обеспечения. Эти изменения, в свою очередь, актуализировали новации коммуникативного контента, первоначально ИИ обучали умению взаимодействовать с человеком: вежливые боты, дружелюбные аватары и андроиды – это все о поведенческой культуре ИИ [3]. Сегодня человек обучается умению взаимодействовать с ИИ. Это умение, в частности, реализуется в промт-инжиниринге, новой области знания, которая появилась вместе с активным развитием больших языковых моделей.

Промт для нейросети (от англ. prompt – «подсказка») – это текстовый запрос, который пользователь отправляет ИИ, это настройка диалога с ИИ. Промпт может быть в виде: текстового запроса; изображения; формулы; аудио-записи и других данных, которые нужно проанализировать. Для человека здесь

важны не просто навыки написания текстов, а системное мышление, умение выстраивать архитектуру диалога и проектировать взаимодействие с ИИ, причем в четкой пошаговой последовательности. Специалисты называют техники промт-инжиниринга ключиками к мозгу ИИ, которые учат *ставить задачу и объяснять ее так, чтобы нейросеть выдавала желаемый результат*. Подчеркивается, что промтинг больше чем проектирование процесса: нужна логика, язык, рефлексия, настройка – именно это делает промтинг профессией будущего [4].

Развитием темы промтинга в настоящее время стали ИИ-ассистенты, и ИИ-агенты. Обе технологии: используют искусственный интеллект, но устроены по-разному: ассистенты работают по команде и выполняют только отдельные задачи по запросу; агенты – AI-система, которая может работать самостоятельно.

Динамика развития ИИ-новаций, подчеркнем еще раз, определила новации коммуникативного контента: первоначально ИИ обучали поведенческой культуре при взаимодействии с человеком, сегодня человек обучается умению взаимодействовать с ИИ. Это новое умение, которое, хотя и очень условно, можно определить как обучение человека этикетному поведению по отношению к ИИ. Вежливые промты рассматриваются как новации речевого этикета в коммуникации с ИИ и оцениваются как плодотворные в плане взаимодействия человека с искусственным интеллектом с позиции взаимной комфортной среды доверия [5]. Продолжение темы – ИИ-агенты, и это не только вежливые промты, но и актуализация принципа партнерства, как диалога, как гармоничного союза, как сотрудничества человека с ИИ, в результате которого развивается и ИИ, и сам человек.

ИИ-агенты – не последняя ИИ-новация, хотя общественные дебаты по-прежнему сосредоточены на возможностях отдельных языковых моделей, новая волна в развитии ИИ-технологий – *физический ИИ*, который представляет собой соединение ИИ с робототехникой, а одно из прогнозируемых новшеств – переход от промтинга и информационной коммуникации к полноценному общению человека и ИИ.

Первые презентации физического ИИ уже стартовали, в частности, китайский производитель Xpeng 5 ноября продемонстрировал своих роботов Iron с главным акцентом на гендерных признаках. Iron был представлен и в «женском», и в «мужском» варианте. Согласно пресс-релизу, Xpeng стремится к «крайней антропоморфности» своих роботов, то есть к максимальной очеловеченности. Робот оборудован гуманоидным позвоночником, бионическими мышцами и гибкой оболочкой, имеет 82 степени свободы, включая 22 в руках. Питание обеспечивают твердотельные аккумуляторы, а ИИ-модель VLA второго поколения с тремя чипами Turing выполняет 2250 трлн. операций в секунду. Iron умеет ходить, взаимодействовать с людьми и вести диалог.

Российский вариант был представлен 19 ноября на международной конференции AI Journey. Своего первого антропоморфного робота на базе

нейросети ГигаЧат представил Сбер. Робот Грин оснащен комплексом датчиков: десять сенсоров помогают ему обрабатывать визуальную информацию, а инерциальные датчики и датчики силы – поддерживать равновесие и точность движений. Грин понимает голосовые команды, а также говорит сам. Это возможно благодаря внедренной функции голосового общения GigaChat. Робота обучили самостоятельно перемещаться, взаимодействовать с различными предметами, а также находить и исправлять свои ошибки. При этом, если китайская команда исследований и разработок Xpeng обеспечила легкость и плавность движений Iron нового поколения, то российской модели от Сбера еще очень далеко до легкости и плавности в движениях, он еще только учится ходить.

Разработчикам физического ИИ и не только российским, предстоит большая работа по совершенствованию последней ИИ-новации, прежде всего это синхронизация ее составляющих, поэтому исследовательский поиск смещается с изучения этих отдельных составляющих на свойства единого агрегированного конструкта – телесно воплощенного ИИ, который выступает как единство *ментального* ((AI), *эмоционального* (EAI) и *физического* (PAI) интеллектов. Здесь напрашивается определенная аналогия с парадигмой человека Ст. Кови, представляющую собой совокупность ментального (IQ), физического (PQ), эмоционального (EQ) и духовного (SQ [6, с. 62]). Но если духовный интеллект складывается из первых трех и имеет решающее значение для личности человека, то для ИИ такое решающее значение имеет физический ИИ, который выполняет синергетическую функцию по отношению к элементам целого.

Процесс самоорганизации новой автономной ИИ-системы с необходимостью должен находиться под контролем человека с целью совершенствования технологий, устранения проблемных зон ИИ (галлюцинации ИИ, феномен зловещей долины, предвзятость ИИ/ феномен AI bias, проблема черного ящика и др.) и управления социальными и этическими рисками. «Человеческий надзор, – подчеркивает компания OpenAI, – остается критически важным перед развертыванием любого автономно сгенерированного ПО в рабочую среду» [7].

Не менее важно и дальнейшее развитие контента «культура роботов», которая в связи с появлением сервисных роботов была активирована сначала в Европе, США и Японии, позднее в Китае. Вместе с появлением физического ИИ актуальность контента возрастает кратно, тем более, что в новых реалиях тематика ИИ из локального приобретает глобальный характер и объективирует роль и значение кросскультурного сотрудничества в ИИ- сфере.

Современный ИИ и его новации – это гимн человеку, его знаниям, его интеллекту, его достижениям и всему созданному им миру культуры, который называют второй природой. Но есть и обратная сторона медали – это цинизм, безрассудство и безответственность современного человека перед лицом будущего человечества. Можно только удивляться глобальной свержгонке, кото-

рая ведется за *техно*, и тому, как этот бесконтрольный процесс сопровождается чванливыми обещаниями, что скоро ИИ заменит целые команды сотрудников на рабочих местах. Телегу поставили перед лошадьё и этим гордятся, а как же целевая установка, ведущая свой отсчет еще со времен Античности – поднять человека на пьедестал царя/хозяина природы. Современные реалии – это поклонение не человеку, а искусственному разуму и возведение его в ранг миссии.

Однако, по прогнозам аналитиков, сверхскоростное развитие ИИ имеет серьезные социальные последствия, в частности из доклада Европола следует, что к 2035 в Европе может начаться война людей и роботов. Согласно докладу, роботы вытеснят людей из сфер доставки и клининга, что приведет к протестам и насилию со стороны лишившихся работы людей из неблагополучных районов [8]. Есть и другие сценарии, многие из них выглядят совсем неправдоподобно, например, восстание машин (не всех, разумеется!) с целью вернуть человеку человеческое, однако, самым прогнозируемым на сегодняшний день все-таки остается восстание машин против человека, и хотя пока это всего лишь опасный сюжет, вопрос управления ИИ-рисками становится все более насущным, поскольку, как предупреждал Стивен Хокинг: *Полноценный ИИ может стать либо лучшим, либо худшим изобретением человечества*».

Источники:

1. Искусственный интеллект – как он работает, зачем нужен и куда ведет человечество. URL: <https://vc.ru/id4616024/1957021-iskusstvennyj-intellekt-principy-raboty> (дата обращения: 8.12.2025)
2. Искусственный Интеллект простыми словами: полное руководство. URL: <https://dinord.ru/di-news/iskusstvennyj-intellekt-prostymi-slovami-polnoe-rukovodstvo/> (дата обращения: 8.12.2025).
3. Мамина Р. И. Цифровой деловой этикет. Вопросы теории и актуальные практики. СПб. «Петрополис». 2025. С. 144–152
4. Что такое промтинг и как он помогает делать деньги, а не просто картинки. URL: <https://www.sostav.ru/blogs/282431/62842> (дата обращения: 8.12.2025)
5. Piperski A. Ch. Politeness in the communication between humans and artificial intelligence, Slovo.ru: Baltic accent, Vol. 15, no. 4, 2024, pp. 89–98.
6. GPT-5.1 Codex Max: ИИ-разработчик, который сам создает приложения, планирует задачи и работает над проектом, пока вы отдыхаете. URL: <https://gayaone.com/ru/technologies/artificial-intelligence/gpt-5-1-codex-max-the-ai-that-codes-for-sustained-periods-turning-ideas-into-apps> (дата обращения: 9.12.2025)
7. Кови Ст. Р. Восьмой навык: от эффективности к величию. М.: Альпина Паблишер, 2012, 416 с.

8. Европол спрогнозировал конфликт людей и роботов в Евросоюзе. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/13/12/2025/693c48399a79478ebf182914?ysclid=mjbgriu5v4125392815 (дата обращения: 9.12.2025).

R. I. Mamina (St. Petersburg state Electrotechnical University «LETI»);
S. N. Pochebut (St. Petersburg state Electrotechnical University «LETI»)

HUMAN–AI COMMUNICATION IN THE CONTEXT OF THE DYNAMICS OF MODERN ARTIFICIAL INTELLIGENCE DEVELOPMENT

The dynamics of the development of human–AI communication and its innovations, determined by the innovations of modern artificial intelligence, in particular generative, are analyzed. The specifics, new realities and trends of communicative content in the practices of human interaction with AI are highlighted. Special attention is focused on the risks posed by the uncontrolled rapid development of AI technologies.

Artificial intelligence, generative artificial intelligence, human, communication, prompting, physical AI

УДК: 02

Т. Б. Маркова (Библиотека РАН; e-mail: m.tanucha@rambler.ru)

БИБЛИОТЕКА – ПРОСТРАНСТВО ОБЩЕНИЯ И ТВОРЧЕСТВА

Интенсивное развитие информационно-коммуникативных технологий обусловило трансформацию библиотек и изменение роли библиотекаря в обществе. Современная библиотека становится полифункциональным культурным центром, пространством общения и творчества. Она сочетает функции и услуги традиционной библиотеки с цифровыми технологиями, зонированием и современным дизайном. Библиотекарь нового поколения – это не просто хранитель книг, а многопрофильный специалист, владеющий инновационными методами сбора, поиска и обработки информации, приемами социально-культурной деятельности.

Библиотека, библиотекарь, пространство, мобильное библиотечное приложение, веб-сайт, библиотечный блог, творчество, общение

В XXI веке под влиянием технологического процесса библиотеки претерпевают значительную трансформацию. Из хранилищ знаний они превращаются в информационные центры, которые объединяют в себе функции и услуги традиционной библиотеки и предоставляют информацию на бумажном, магнитном, цифровом носителе. Современная библиотека – это многофункциональный культурный центр, открытое пространство, обеспечивающее доступ к электронным ресурсам, образовательным платформам и виртуальным сервисам. Ее основными функциями являются реализация разнообразных моделей обслуживания для стационарных и удаленных пользователей, обеспечение распределенного доступа к ресурсам, предоставление максимально полной информации, связанной с научными и образовательными интересами пользователей [1]. Цифровизация придала библиотечной деятельности иное наполнение, соединив в одном месте технологии, гуманитарное знание и человеческое взаимодействие [2]. Благодаря этому читатель получил возможность реализовать свои потребности, приобрести знания в интерактивном режиме и в разных форматах.

Развитие информационно-коммуникативных технологий, расширение границ библиотечного общения ведет к увеличению пространства библиотеки. Оно включает в себя физическую и виртуальную составляющую. Последняя все больше увеличивается, поскольку библиотека выходит за пределы своего внутреннего пространства и активно внедряется в информационную среду [3]. Важнейшим элементом пространства библиотеки является веб-сайт – постоянно обновляемый информационный ресурс, представляющий разные аспекты библиотечной деятельности и сервисы в удаленном доступе. На сайте можно

найти информацию о библиотеке (история библиотеки, месторасположение, график работы, способы записи), информацию о научной и издательской деятельности, анонсы, обзоры, отзывы на мероприятия, проводимые в библиотеке или в других учреждениях, библиотечно-библиографические и информационные услуги, методическую поддержку пользователей, а также просмотреть ее электронный каталог, получить доступ к распределенным сетевым ресурсам, почитать блоги, читательские отзывы и многое другое. Сайт является визитной карточкой библиотеки, «формирует пространственно-временной континуум культуры, четко определяя место в нем библиотеки, адекватно создавая ее Образ» [4, с. 7].

Социальные сети являются площадкой для раскрытия книжных фондов, размещения официального контента, самопрезентации библиотеки, взаимодействия с пользователями и получения обратной связи. Они предоставляют широкие возможности для неформального общения с читателями, распространения информации, презентации материалов и рекламы услуг. Онлайн-платформы также позволяют библиотекам создавать сообщества читателей для обмена рекомендациями, отзывами и информацией о прочитанных книгах. Через социальные сети библиотека освещает деятельность своих сотрудников, информирует о новых поступлениях и предстоящих мероприятиях, обеспечивает коммуникации с другими учреждениями и профессиональными сообществами.

Совершенствование технических средств, появление мобильного Интернета предопределили быстрое распространение планшетов и сотовых телефонов. Благодаря ним изменились способы взаимодействия людей, открылись возможности для межличностного общения, профессионального роста, деловых контактов, путешествий. Без мобильных технологий не обходится ни одна отрасль экономики, культуры, образования. Технологии мобильной связи применяются и в библиотеках. Это информирование о новых книгах, предоставление доступа к справочным материалам, доставка электронных копий документов, использование QR-кодов при передаче дополнительной текстовой или аудиовизуальной информации, ознакомительные виртуальные видео- и аудиотуры по библиотеке, адаптированные версии сайтов для смартфонов и мобильные приложения.

Мобильное библиотечное приложение – это программное обеспечение, созданное специально для использования на смартфоне, планшете и других устройствах, которое предназначено для выполнения той или иной задачи в рамках библиотечной деятельности. С помощью таких приложений библиотеки могут привлечь новых пользователей; расширить спектр услуг, предоставить доступную информацию об организации, фонде, коллекции, осуществлять запросы к самим читателям [5, с. 97]. Их востребованность обусловлена легким доступом с помощью иконки экрана; удобным интерфейсом и быстрой навигацией; возможностью доступа к ресурсам в онлайн-режиме; разнообразием функций самого устройства (голосовой помощник, сканирование QR-кода, геолокация). [6, с. 119]. Такие возможности мобильных при-

ложений как технологии дополненной реальности, режимы эффективного чтения, навигация по библиотечным зданиям дают широкие перспективы для удовлетворения запросов и потребностей пользователей, для раскрытия уникальных коллекций крупнейших библиотек.

Эта практика успешно реализуется отечественными и зарубежными библиотеками. Например, Российской государственной библиотекой в 2013 г. была запущена программа eRSL для мобильных платформ iOS и Android, В 2020 г. библиотека выпустила приложение «НЭБ Свет», в каталоге которого представлено более 4000 электронных книг в формате epub и более 450 аудиокниг на русском языке (новая версия приложения – в 2024 г.) [7, 8]. В зарубежных библиотеках мобильные приложения используются для предоставления доступа к ресурсам, информирования пользователей и решения различных задач. Например, Баварская государственная библиотека разработала сервисы, направленные на удовлетворение специальных потребностей пользователей – «Бавария в исторических картах», «Немецкие классики в первых изданиях», «Знаменитые книги» [5, с. 98–100]. Библиотекой Конгресса (США) созданы мобильные приложения, дающие доступ к отдельным оцифрованным коллекциям из фондов библиотеки, такие как, Treasures, Aesop For Children [9, с. 59].

Эффективным инструментом интернет-коммуникации между библиотекой и пользователями является библиотечный блог. Блог – это отдельный веб-сайт или часть сайта, имеющий специальную тематическую направленность. Он способствует рекламе библиотеки, продвижению чтения в цифровой среде, реализации самовыражения и раскрытию своих способностей. По словам М. В. Ивашиной, «блог расширяет контент повседневной библиотечной деятельности и создает пространство – поле для информационно-библиотечного БЫТА, нацеленного на развитие. В повседневной библиотечной деятельности, работе с информацией и ориентацией на чужие интересы и потребности всегда есть нехватка личностного «я» и блог ее восполняет <...>. Блог интересен тем, что информация в нем отрефлексированная, часто с поставленными вопросами, на которые пока нет однозначных ответов, именно поэтому возникает дискуссия» [10, с. 43]. С точки зрения Я. Л. Шрайберга, блоги способствуют приближению библиотеки к пользователям. «Они реально помогают поддерживать интерактивную связь с читателями, регулярно давать информацию о своих продуктах и услугах и заставить читателей говорить о них, лучше выстраивать отношения со своими партнерами, использовать преимущества этих технологий в развитии возможностей электронной почты, чтобы, наконец, повышать узнаваемость своего бренда и идти в ногу со временем» [11, с. 44].

Расширение библиотечного пространства, переход на автоматизированные информационно-библиотечные технологии, формирование электронных ресурсов и предоставление свободного доступа к ним сделали библиотеку привлекательной как для читателей, так и библиотекарей. Библиотека уже не воспринимается как место скопления ненужных книг. Она становится ги-

бридной библиотекой, включающей в себя традиционный книжный фонд со справочно-обучающими службами и зонами свободного доступа к ресурсам, электронную библиотеку, предоставляющую доступ к каталогу, электронным фондам и сетевым ресурсам и учебно-исследовательскую лабораторию с помещениями и техническими средствами для работы с различными источниками информации» [1, с. 53]. И потому большая роль отводится библиотекарю, который не просто выдает книги и справки о них, а становится проводником в мир знаний, специалистом и экспертом по поиску и обработке информации. Открытый доступ, комбинированные формы обслуживания, вовлечение в социальные сети создают благоприятные предпосылки для приближенности библиотекаря к читателям.

Современный библиотекарь – это «информационный посредник», web-мастер, администратор данных, информационный брокер, менеджер и маркетолог, аналитик-синтезатор, психолог, библиотерапевт, специалист по связям с общественностью [12, с. 324]. Он должен владеть информационной грамотностью, инструментами искусственного интеллекта, применять технологии виртуальной, дополненной и смешанной реальности. По мере развития цифровых методов наряду с профессиональными знаниями приобретают значимость универсальные навыки, например, коммуникация и кооперация в цифровой среде, саморазвитие в условиях неопределенности, управление информацией и данными, критическое мышление, креативность, стрессоустойчивость и готовность к сотрудничеству [13, с. 142–143]. Портрет библиотекаря может быть дополнен такими штрихами как наличие бейджа и фирменной одежды, лояльность, (доброжелательность и внимание к пользователям, готовность ответить на их вопросы), присутствие (библиотекарь всегда в «зоне доступа»), непрерывное образование и повышение квалификации (способность к обучению, адаптивность, готовность к инновациям).

В библиотечной деятельности активно используется робототехника, цифровое хранение и архивирование, технологии искусственного интеллекта; искусственные нейросети, облачные платформы для хранения и обмена данными, виртуальная и дополненная реальность. Для привлечения в библиотеку молодых читателей внедряются интерактивные формы (путеводители, клубы виртуального общения для встреч с писателями, веб-серфинг), расширяется проектная деятельность (виртуальные экскурсии, исторические и краеведческие проекты с переносными конструкциями, электронная книга памяти [14, с. 303].

Одним из нововведений, успешно вжившихся в библиотечную деятельность, является роботизация. Чат-бот (англ. chatbot) – виртуальный помощник, задача которого заключается в выявлении и удовлетворении потребностей пользователя. Библиотечные чат-боты оказывают такие услуги как первичные консультации пользователей по справочной информации и административным вопросам, создание персонализированных рекомендаций по чтению, консультативная помощь в поиске информации и литературы для исследований. В Российской государственной библиотеке (РГБ) чат-бот предоставляет инфор-

мацию о доступных услугах и помощи в поиске нужной информации. Чат-бот в мессенджере Telegram (@rgub_bot) от Российской государственной библиотеке для молодежи оповещает пользователей о ближайших мероприятиях, выводит на дисплей список взятых из библиотеки книг, при необходимости осуществляет их продление, помогает искать книги в электронном каталоге [15, с. 55].

В заключении отметим, что интеграция реального и виртуального в библиотечном пространстве способствует изменению имиджа и стереотипов восприятия библиотеки в обществе. Меняется интерьер библиотеки, ее содержание и структура, расширяются границы библиотечного общения. Современная библиотека – это центр социальной активности и коммуникаций; пространство для творчества, реализации креативных идей; центр продвижения чтения и общения. Преобразуется роль и статус библиотекаря: он владеет разнообразными электронными платформами и цифровыми инструментами для работы с информацией, координирует множество процессов и ресурсов, хорошо разбирается не только в книгах, но и в психологии читателей. Он выступает организатором библиотечного пространства, создавая при этом условия для общения, самообразования и реализации личностного потенциала. Современный библиотекарь – это многопрофильный специалист, владеющий информационными и социокультурными технологиями.

Источники:

1. Есина Л. В. Обслуживание пользователей университетов в условиях гибридной библиотеки // Библиотеки вузов Урала. 2006. № 7. С. 52–59.
2. Аймаммедова О. Технологии и библиотека: трансформация пространства знаний в цифровую эпоху / О. Аймаммедова, Л. Овезгылыджова, О. Аннагулыева // Наука и мировоззрение: международный научно-электронный журнал. 2025. Т. 1, № 61. С. 243–248.
3. Зверевич В. Пространство современной библиотеки: понятие, организация, развитие // Библиотеки и информационные ресурсы в современном мире науки, культуры, образования, бизнеса: материалы 18 междунар. науч. конф. Крым-2011, Судак, 4–12 июня 2011 г. М.: ГПНТБ России, 2011. URL: <http://www.gpntb.ru/win/inter-events/crimea2011/disk/085.pdf> (дата обращения 25.11.2025).
4. Матлина С. Г. Завоевывать и преодолевать или обживать и осваивать? Социально-культурные аспекты формирования библиотечного пространства // Библиотечное дѣло. 2009. № 4 (94). С. 2–9.
5. Болдырева И. С. Состояние и перспективы развития мобильных библиотечных приложений (на примере Баварской государственной библиотеки) // Библиосфера. 2020. № 2. С. 96–102.
6. Герасименко А. Ю. Потенциал мобильных приложений для информационного обеспечения научных исследований // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 4 (96). С. 116–130.

7. Ленинка выпустила приложения для iPad и Android // Novate. URL: <http://www.novate.ru/news/1933> (дата обращения 11.12.25).

8. «Свет. Книги и аудиокниги»: мобильное приложение для чтения доступно в новой версии // Российская государственная библиотека [официальный сайт]. URL: <https://www.rsl.ru/ru/all-news/svet.-knigi-i-audioknigi> (дата обращения 11.12.25)

9. Яночкина Ю. В. Библиотека в смартфоне: необходимость или избыточность? // Труды ГПНТБ СО РАН. 2022. № 1. С. 56–64.

10. Ивашина М. В. Библиотекарь на виртуальной кухне или для чего нужен блог // Современная библиотека. 2009. № 3. С. 38–44.

11. Шрайберг Я. Л. Электронная информация, библиотеки и общество: что нам ждать от нового десятилетия информационного века. Ежегодный доклад конференции «Крым–2011». Судак. М.: Б. и., 2011. 79 с.

12. Егорова Т. Ф., Маслакова М. В. Интеграция виртуального и реального в трансформирующихся библиотеках нового формата // Вестник Тюменского государственного университета культуры: библиотечно-информационное пространство: вчера, сегодня, завтра: материалы VIII Всероссий. науч.-практ. конф. Тюмень: РИЦ ТГИК, 2020. № 2 (16). С. 322–325.

13. Барышев Р. А. Формирование модели цифровых компетенций сотрудников университетских библиотек // Научные и технические библиотеки. 2021. № 9. С. 129–149.

14. Альшаева Е. В. Новые форматы в помощь пользователю // Вестник Тюменского государственного университета культуры: библиотечно-информационное пространство: вчера, сегодня, завтра: материалы VIII Всероссий. науч.-практ. конф. Тюмень: РИЦ ТГИК, 2020. № 2 (16). С. 302–305.

15. Нещерет М. Ю. Библиотечный чат-бот: оптимизация взаимодействия с пользователями // Библиосфера. 2025. № 3. С. 50–59.

Markova T. B. (*Library of Russian academy of sciences*)

LIBRARY IS A SPACE OF COMMUNICATION AND CREATIVITY

The intensive development of information and communication technologies has led to the transformation of libraries and the change in the role of the librarian in society. The modern library is becoming a multifunctional cultural center, a space of communication and creativity. It combines the functions and services of a traditional library with digital technologies, zoning, and modern design. The new generation librarian is not just a book keeper, but a multidisciplinary specialist who possesses innovative methods for collecting, searching, and processing information, as well as techniques for social and cultural activities.

Library, librarian, space, mobile library app, website, library blog, creativity, communication

УДК 316.774

Д. А. Марченко (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: darka.marchenko@gmail.com)

КЛИМАТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА КАК КОММУНИКАЦИОННАЯ ПРОБЛЕМА (В КОНТЕКСТЕ МОДЕЛИ Р. КРЕЙГА)

Статья рассматривает отрицание климатических изменений как комплексную коммуникационную проблему. На основе модели коммуникационного поля Р. Крейга проведен анализ кейсов экологической коммуникации 2015–2025 гг., выявивший повторяющиеся типы коммуникативных сбоев, подрывающих доверие к климатической повестке. Предложено коммуникационное поле для преодоления отрицания климатической повестки.

Экологическая коммуникация; коммуникационное поле; модель Р. Крейга; климатический дискурс; коммуникация; традиции коммуникаций

Современный экологический кризис остается одной из наиболее значимых угроз XXI века, однако его общественное восприятие характеризуется фрагментарностью и противоречивостью. Несмотря на устойчивый научный консенсус, значительные группы населения продолжают отрицать климатические изменения, что указывает на коммуникационную природу проблемы.

Проблема исследования заключается в том, что экологическая повестка не достигает значительной части аудитории или вызывает у нее отторжение, апатию и сопротивление. Это обусловлено не только дефицитом знаний, но и тем, каким образом осуществляется коммуникация по климатической тематике.

Статья посвящена выявлению коммуникационных проблем экологической направленности с применением теории коммуникационного поля Р. Крейга. Актуальность исследования определяется необходимостью разработки коммуникационных стратегий, способных изменить восприятие климатической повестки и снизить масштабы отрицания. Методология основана на модели коммуникационного поля Роберта Крейга, позволяющей анализировать коммуникацию в рамках основных коммуникативных традиций [1]. Используются сравнительный и интерпретационный анализ, наблюдение и обобщение.

Автором проанализирована экологическая коммуникация 2015–2025 гг., включающая выступления мировых лидеров, заявления активистов и резонансные акции протестных движений.

Риторический анализ показывает, что стратегии убеждения часто оказываются неэффективными из-за несоответствия стиля сообщения ожиданиям аудитории. Эмоциональный пафос речи Греты Тунберг на Саммите ООН в

2019 мобилизовал молодежь, но вызвал защитную иронию у скептиков [2]. Напротив, технократичные выступления Дж. Байдена на COP26 в 2021 и Дж. Керри на COP27 в 2022 информируют, но не создают эмоциональной вовлеченности [3], [4]. Аналогичные эффекты возникают в риторике неопределенности, когда политические лидеры подчеркивают сомнение в причинах климатических изменений.

Семиотический анализ демонстрирует разрыв между намерением активистов и интерпретацией их действий обществом. Акции «Just Stop Oil» в 2022 и «Extinction Rebellion» в 2023–2025 гг., задуманные как визуализация климатической угрозы, массовая аудитория воспринимает как «вандализм» [5], [6]. Символы зеленых технологий, включая Tesla, утрачивают первоначальный экологический смысл и считаются как маркеры элитарности или «greenwashing». Эта несовместимость кодов ослабляет воздействие экологических сообщений.

Главный барьер, согласно феноменологической традиции, разрыв между глобальными климатическими нарративами и личным опытом. Абстрактные категории, такие как «потепление на 1,5 °C», не соотносятся с повседневными ощущениями смога, жары или пожаров. Риторика неопределенности, например заявление В. Путина на пресс-конференции в 2021 г., усиливает дистанцию между официальным дискурсом и личными переживаниями, снижая ощущение значимости проблемы [7].

С точки зрения кибернетической традиции, проблема климатической коммуникации связана с искажением каналов передачи информации и разрушением обратной связи. Алгоритмы цифровых платформ усиливают эмоциональные фрагменты (например, «How dare you?» Греты Тунберг), превращая их в мемы и вытесняя аргументацию [2]. Скандальность акций «Extinction Rebellion» и «Just Stop Oi» возрастает под воздействием алгоритмических механизмов, а пользователи попадают в эхо-камеры, где конспирологические или тревожные нарративы усиливают поляризацию и снижают качество коммуникации [5], [6].

В рамках социопсихологической традиции отрицание климатических изменений рассматривается как продукт психологических защит и групповых норм. Признание угрозы требует изменения привычного образа жизни, что вызывает когнитивный диссонанс, а его избегание формирует склонность к отрицанию. Дополнительно экологичность нередко маркируется как ценность другой социальной группы, а риторика сомнения, транслируемая политическими лидерами, нормализует скепсис и делает отрицание социально безопасной стратегией [7].

С позиции социокультурной традиции климатическая коммуникация сталкивается с устойчивыми культурными нормами и ритуалами, ориентированными на потребление как символ социального статуса. Призывы к умеренности и снижению углеродного следа воспринимаются как требование отказаться от культурно значимых маркеров успеха. Экологические акции,

нарушающие городской порядок (например, блокировки транспорта «Extinction Rebellion»), интерпретируются не как предупреждение об угрозе, а как вторжение в привычные культурные схемы, что препятствует интеграции климатической повестки в повседневные практики [6].

Согласно критической традиции, отрицание климата поддерживается институциональными интересами и стратегиями влияния. Журналистские расследования, проведенные в 2015, показали, что ExxonMobil еще в 1970–1980-е гг. знала о рисках антропогенного потепления, но финансировала think-tank и кампании, подрывающие научный консенсус [8]. На уровне государственного дискурса сомнение усиливается стратегиями неопределенности и фреймингом протестов, что выгодно акторам, для которых экологические реформы представляют экономическую угрозу и требуют перераспределения власти.

Отрицание климатических изменений формируется как многоуровневая коммуникационная проблема: риторические, семиотические, феноменологические, цифровые, психологические, культурные и политико-экономические факторы совокупно подрывают убедительность климатического дискурса. На всех уровнях от языка и символов до идентичности, культуры и институтов коммуникация теряет воздействие, что способствует устойчивому отрицанию климатических изменений

Чтобы продемонстрировать применение модели Р. Крейга, автором предложено коммуникационное поле компании для индустриального города в период смога, при котором сообщение излагается с учетом всех существующих традиций коммуникации для более успешной коммуникации. На риторическом уровне сообщение переносится в зону личной значимости: обращение к здоровью детей или качеству воздуха оказывается убедительнее абстрактных показателей. Семиотическая перспектива усиливается визуализацией невидимой угрозы динамическими индикаторами загрязнения или арт-объектами, меняющими цвет при высоких концентрациях вредных веществ.

Феноменологическая составляющая строится на признании субъективного опыта жителей, чьи рассказы о запахе гари или ухудшении самочувствия сокращают дистанцию между населением и институтами. С точки зрения кибернетической логики необходимы надежные каналы передачи данных SMS-оповещения и единый дашборд, минимизирующие шум и обеспечивающие обратную связь.

Социопсихологическое звено снижает диссонанс через коллективные действия: городские челленджи формируют ощущение причастности и делают экологическое поведение социально поддерживаемым. Социокультурный уровень дополняет стратегию созданием устойчивых ритуалов например, «Недели чистого воздуха», которая интегрирует экологическую заботу в символический порядок города.

Критическая традиция обеспечивает прозрачность: публикация данных о выбросах и независимый мониторинг демонстрируют приоритет общественного интереса и снижают недоверие, подпитывающее отрицание.

В совокупности такой подход формирует слаженную многоуровневую коммуникационную стратегию, где риторические, визуальные, феноменологические, цифровые, психологические и культурные элементы работают синхронно и укрепляют экологическую вовлеченность целевой аудитории.

Проведенный анализ показал, что устойчивое отрицание климатических изменений формируется не как дефицит знаний, а как результат системных коммуникативных сбоев, проявляющихся на уровне риторики, символов, субъективного опыта, цифровых каналов, групповой психологии, культурных норм и властных отношений. Использование модели коммуникационного поля Р. Крейга позволило выявить повторяющиеся структурные ошибки и предложить подход к их преодолению. Исследование демонстрирует, что эффективная климатическая коммуникация возможна только при одновременном учете эмоциональной убедительности, культурной укорененности, субъективной валидности опыта, прозрачности данных и социально поддерживаемых практик.

Источники:

1. Крэйг Р. Т. Теория коммуникации как область знания // Философия коммуникации: теоретико-методологические аспекты. М., 2017. С. 15–34.
2. BBC. Just Stop Oil: Protesters Throw Soup on Van Gogh Paintings. URL: <https://www.bbc.com/news/articles/c243v5m0r0lo> (дата обращения: 30.11.2025).
3. Biden J. Remarks by President Biden at the COP26 Leaders Statement. The White House Archive. URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/11/01/remarks-by-president-biden-at-the-cop26-leaders-statement/> (дата обращения: 6.12.2025).
4. InsideClimate News. Exxon: The Road Not Taken. URL: <https://insideclimatenews.org/project/exxon-the-road-not-taken/> (дата обращения: 10.12.2025).
5. Just Stop Oil. Why Art? Why Now? URL: <https://juststopoil.org/2022/10/16/why-art-why-now/> (дата обращения: 5.12.2025).
6. NPR. Transcript: Greta Thunberg's Speech at The U.N. Climate Action Summit 23.09.2019. URL: <https://www.npr.org/2019/09/23/763452863/transcript-greta-thunbergs-speech-at-the-u-n-climate-action-summit> (дата обращения: 6.12.2025).
7. Kremlin.ru. Путин В. В. Пресс-конференция по итогам переговоров Россия–США 16.06.2021. URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/65870> (дата обращения: 29.11.2025).
8. U. S. Department of State. Remarks and Releases from COP27. November 2022. URL: <https://2021-2025.state.gov/cop-27/remarks-and-releases/> (дата обращения: 5.12.2025).

D. A. Marchenko (*Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»*)

**CLIMATE AGENDA AS A COMMUNICATION PROBLEM (IN THE
CONTEXT OF THE CRAIGA MODEL)**

The article examines the denial of climate change as a complex communicative problem. Drawing on R. Craig's model of the communication field, the study analyzes cases of environmental communication from 2015 to 2025, identifying recurring types of communicative failures that undermine public trust in the climate agenda. A communication field for a company is proposed as a way to overcome climate-change denial.

Environmental communication; communication field; R. Craig's model; climate discourse; communication; communication traditions

УДК 316.77

М. С. Матвеев (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: mikhail.matveev97@gmail.com)

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Рассматривается искусственный интеллект (ИИ) как объект социологического анализа в условиях всплеска научного интереса к популярным цифровым технологиям. Опираясь на акторно-сетевую теорию, ИИ предлагается рассматривать как нечеловеческого актора, уже встроенного в сложные социотехнические сети. Анализируются проблемы массовой коммуникации вокруг феномена и последствия его внедрения в общество. Выделяются основные направления социологического осмысления ИИ: критический анализ дискурсов и ажиотажа вокруг ИИ, эмпирические исследования его взаимосвязи с процессами социальной жизни, а также переход от диагностики к обоснованным рекомендациям по снижению рискогенности внедрения ИИ в современный социум.

Искусственный интеллект, социотехническая система, акторно-сетевая теория, нечеловеческий актор, цифровые поведенческие данные, рынок труда, образование, медицина, социальные риски

Без преувеличения можно сказать: социологическая наука за последние годы старалась осмыслить без исключения все инновации, которые так или иначе проникали в жизнь современного общества. Если в конце 2010-х годов был замечен тренд на изучение таких терминов, как «большие данные» и «блокчейн», то сегодня можно говорить о всплеске интереса к исследованию искусственного интеллекта (ИИ). Однако предыдущий опыт показал, что иногда желание социологов осмыслить ту или иную популярную цифровую технологию иногда приводит к неоднозначным последствиям: популярность термина в научных статьях увеличивает широту диапазона контекстов, иногда снижает научную строгость его использования, и в итоге: уменьшает количество работ, которые несут в себе практическую и научную значимость [1]. Буквально: термин появляется в названиях работ просто потому, что он популярен. Более того, нельзя не отметить и другие аспекты в контексте изучения новейших технических объектов, это то, что М. Буравой описал как изначальное более выигрышное положение крупных IT-компаний и технологических центров по сравнению с академической социологией: ведь именно разработчики этих программных продуктов обладают более глубоким пониманием того, как функционируют данные продукты, а социолог вынужден преодолевать «системную закрытость», для того, чтобы осмыслить как работают данные

технологии и оценить их влияние на общество [2]. Таким образом, эти факторы задают методологическую проблематику в вопросах социологического осмысления ИИ и всех новейших технологий – необходимы четкие исследовательские границы: чтобы определить, какие аспекты самого феномена ИИ поддаются именно социологическому анализу, ведь ИИ уже оказывается одновременно технической системой, экономическим ресурсом, организационным инструментом и даже культурным символом.

Прежде всего, необходимо определить социологическую точку зрения на этот изначально объект научно-технического мира. Наиболее перспективным представляется в этом вопросе акторно-сетевая теория Б. Латура [3]. Одним из основных ее постулатов сформирован вокруг идеи о том, что все, что действует социально, является социальным актором – звание, которое, таким образом, по праву принадлежит машинам и всем видам нечеловеческих объектов. Б. Латур писал, что действия «лежачего полицейского» принципиально не отличаются в социуме от действий человека-полицейского: оба они замедляют движение. Да, у «лежачего полицейского» нет сознания или эмоций, но это не мешает ему действовать в обществе и, следовательно, быть социальным актором. Такая теоретическая рамка прежде всего избавляет социальных исследователей от технологического детерминизма, а также позволяет рассмотреть ИИ не как некий автономный «разум» или абстрактную технологическую инновацию, а как особый тип нечеловеческого актора, встроенного в сложные социотехнические сети и «действующего» всегда через опосредованное влияние инфраструктур данных, алгоритмических моделей, организационных регламентов, экономических интересов и нормативных установок [4]. Безусловно, особую проблематику для изучения ИИ добавляет тенденция в массовом сознании приписывать ИИ свойства человеческого субъекта именно в силу высокой степени имитации когнитивных и коммуникативных способностей. В отличие от более ранних достижений научно-технического прогресса, действия которых были социально значимы, но «прозрачны» для обыденного восприятия, современные системы машинного обучения демонстрируют поведение, которое может быть ошибочно интерпретировано как проявление автономного мышления. Даже использование формулировки «действующий ИИ» в этой статье указывает на некое напряжение между признанием агентности и опасностью ее антропоморфного прочтения. Но это не попытка задать футурологический вопрос «Можно ли ожидать от ИИ чего-то большего, чем все более изощренной имитации человеческих способностей?», а скорее констатация существующей проблематики для социологии массового сознания: триумф того, что Б. Латур назвал «двойным щелчком»: успех технологических систем, которые становятся невидимыми и непостижимыми благодаря своей собственной эффективности, что в свою очередь приводит к ошибочному пониманию у индивидов, что любые знания можно получить немедленно и бесплатно [5]

Говоря о том, как понимают термин «ИИ» и что ему приписывают, нельзя не отметить, что в социологической науке уже появились работы, посвященные этим вопросам. К. Джойс и Т. М. Круз постулировали: термин может использоваться для описания широкого спектра достижений в области компьютеризации. Для одних людей он относится к конкретному приложению или платформе, для других – к набору вычислительных методов; третьи используют этот термин для описания научной области. Поэтому неудивительно, что ИИ трудно определить однозначно и это уже имеет именно социальные последствия [6]. С точки зрения социальной науки, исследователи также предлагают определять ИИ как социотехническую систему, которая включает в себя как социальные, так и технические элементы, которые взаимосвязаны и совместно формируются: например, простое взаимодействие людей с технологиями, или возникновение самих данных, которые выдает система, тоже возникают из конкретных социальных условий. Ведь некоторые ИИ-инструменты обучаются на цифровых поведенческих данных людей, на их текстах, хранящихся в сети и являющихся их открытым цифровым следом [7].

То есть, вполне уместным обозначить первое направление, связанное с социологическим осмыслением ИИ: это критический анализ ажиотажа и шумихи, вокруг продвижения и внедрения ИИ. Социология как дисциплина имеет богатый опыт исследования массовой коммуникации и ее феноменов. Изучение повседневного опыта людей, работающих с научно-техническими инновациями или использующих их, может обеспечить информацией, содержащей в себе взгляд с места событий. Включенные наблюдения из ИТ-компаний, интервью с разработчиками открывают огромное пространство для вопросов: «Какие ценности заложены в дизайне конкретной ИИ-платформы? Чьи интересы преследуются в ходе разработки инструмента? Кто получает выгоду и прибыль от ее использования?» Практики и сторонники ИИ умеют выдвигать значимые аргументы, чтобы подкрепить ценность своей разработки: они уже утверждают, что ИИ повысили точность и эффективность принятия решений, снизили затраты или уже, в широком смысле, способствуют развитию всего общества. Социологи же способны критически оценивать эти аргументы, используя эмпирические методы, чтобы выявить эмпирический опыт использования ИИ.

Вторым направлением стоит определить широкую выборку эмпирических исследований взаимосвязи ИИ с процессами социальной жизни. Социологические теории и методы способны показать, как ИИ взаимодействует с социальным миром в таких областях, как медицина, рынок труда, образование. Как социотехническая система, ИИ всегда формируется как социальным, так и техническим контекстом. ИИ не может существовать вне социальных контекстов, ценностей и приоритетов. Социологические перспективы помогают вывести социальные контексты, ценности и приоритеты на первый план. Социологи изучают и объясняют, например, как социотехнические системы создают новые социальные нормы, моральные системы, новых экспертов и профессии.

К примеру, данные о том, что 87% студентов ведущих вузов уже используют ИИ в процессе обучения, стало поводом для изучения отношения к работам, в которых он используется. Вопрос «хорошо это или плохо» и другие моральные категории в контексте подготовки специалистов в высшей школе сильно отличаются среди студентов и преподавателей [8].

Огромное значение приобретают исследования, связанные со здоровьем и медициной: социальным феноменом стало учатившееся желание людей, обращаться за помощью, в том числе психологической, к ИИ-чат-ботам. Американская психологическая ассоциация опубликовала выборку примеров опасного общения несовершеннолетних пользователей с ИИ, установила, что чат-боты некомпетентны в чувствительных темах, с которыми обращаются люди и выступила с предложением законодательно запретить «ИИ-психотерапевтов» [9]. С точки зрения социологии медицины также был бы интересным не только факт запрета, а сами социальные причины, по которым люди выбирают именно цифровых терапевтов. К примеру, это может быть высокие цены на профессиональную медицинскую помощь или боязнь стигматизации или сложность попасть на полноценный прием ввиду высокой бюрократизации этой области медицины.

Отдельно стоит отметить работы, посвященные последствиям внедрения ИИ на рынке труда. Нередко, публичные дискуссии либо смещаются в сторону технологического алармизма, в рамках которого ИИ рассматривается как непосредственная угроза массовой занятости, либо как универсальное средство повышения производительности и освобождения человека от рутинного труда. Однако уже существующие эмпирические исследования последних лет демонстрируют более сложную картину: во-первых, данные показывают, что распространение ИИ, как правило, не приводит к массовому «исчезновению профессий», а сопровождается перестройкой структуры занятости [10]. Более того, сам дискурс о начале «эпохи ИИ» уже оказывает влияние на текущую ситуацию на рынке труда. В статье Э. Далина «Кто говорит, что искусственный интеллект крадет наши рабочие места?» вводится концепция «исключительного ИИ». В эту аналитическую рамку попадут все мнения респондентов, которые считают, что ИИ заменит офисных работников (например, журналистов, корректоров, ИТ-специалистов, врачей), что в перспективе приведет к росту безработицы именно среди высококвалифицированных групп, по сравнению с предыдущими эпохами автоматизации, которые, как правило, вытесняли рабочих, связанных с физическим трудом. И концепция слабого или умеренного подхода к ИИ, то есть, технологические решения зачастую просто внедряются в рабочее пространство.

Проведя социологический опрос, Э. Далин анализирует восприятие угрозы, связанной с ИИ, среди различных социальных групп. Результаты исследования в большей степени подтверждают второй сценарий: люди, которые уже давно вовлечены в профессиональную деятельность, воспринимают ИИ как фактор для изменения своей трудовой деятельности, а не как начало полного

вытеснения человека машиной. При этом характерной оказывается и другая, значимая закономерность: наибольшую обеспокоенность об исключительной силе ИИ и возможной утратой рабочего места выражают социально уязвимые группы – люди с низким уровнем дохода, а также молодежь в возрасте 18–24 лет, даже в тех случаях, когда их профессиональные позиции формально не относятся к числу наиболее подверженных автоматизации [11]. То есть, конкретное эмпирическое исследование показало, что ИИ уже «существует» на рынке труда не только на основе реальных технологических рисков, сколько через призму существующих социальных отношений.

Таким образом, в работе не предлагается отказаться от исследований популярных технологий, пришедших в социальный мир из научно-технической сферы, а лишь постулируется необходимость направить исследовательскую оптику не на автономный технический объект, а на сложный социотехнический феномен, прямо сейчас встраивающийся в конкретные, уже существующие социальные контексты, институты и практики. Многолетний опыт социологии, в том числе в вопросах интеграции материальных объектов в социальную ткань позволяет сменить акценты от тех аспектов, в которых социолог разбирается гораздо меньше и для постижения которых необходимо преодолевать «системную закрытость», в сторону исходной позиции, заложенной, в том числе, акторно-сетевой теорией: ИИ – это нечеловеческий актор, но обладающий влиянием на социальную действительность. Такая аналитическая рамка позволяет выделить сразу несколько направлений исследования: анализ всех коммуникативных практик, в том числе, ажиотаж вокруг продвижения и внедрения ИИ; эмпирические исследования взаимосвязи ИИ с процессами социальной жизни; и, безусловно, переход от диагностики к обоснованным рекомендациям: определение траекторий, благодаря которым удастся снизить рискогенность внедрения ИИ в современный социум.

Источники:

1. Матвеев М. С. «Социальное медиа» или «социальная сеть»: что имеет в виду социолог // Социодинамика. 2024. № 5. С. 1–9. DOI: 10.25136/2409-7144.2024.5.70567 EDN: JGFIOO
2. Savage M., Burrows R. The coming crisis of empirical sociology // Sociology. 2007. Vol. 41, no. 5. P. 885–899. DOI: 10.1177/0038038507080443 EDN: JPVNGP.
3. Латур Б. Пересобирая социальное. Введение в акторно-сетевую теорию // Экономическая социология. 2013. № 2. С. 73–87.
4. Venturini T. Bruno Latour and Artificial Intelligence // Tecnoscienza – Italian Journal of Science & Technology Studies. 2023. Vol. 14, No. 2. P. 101–114.
5. Latour B. An Inquiry Into Modes of Existence: An Anthropology of the Moderns. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2013.
6. Joyce K., Cruz T. M. A Sociology of Artificial Intelligence: Inequalities, Power, and Data Justice // Socius: Sociological Research for a Dynamic World. 2024. Vol. 10.

7. Матвеев М. С. След как знак: эпистемология и методология цифровых данных в социологии // Социодинамика. 2025. № 4. С. 71–80. DOI: 10.25136/2409-7144.2025.4.74248

8. Буякова К. И., Дмитриев Я. А., Иванова А. С., Фещенко А. В., Яковлева К. И. Отношение студентов и преподавателей к использованию инструментов с искусственным интеллектом в вузе // Образование и наука. 2024. № 26 (7). С. 160–193.

9. Abrams Z. Using generic AI chatbots for mental health support: A dangerous trend. APA Services. 12.03.2025. URL: <https://www.apaservices.org/practice/business/technology/artificial-intelligence-chatbots-therapists> (дата обращения: 08.12.2025).

10. Колмакова И. Д., Бурлаков М. Е., Колмакова Е. М., Бутаков Н. А. Влияние искусственного интеллекта на рынок труда Российской Федерации // Вестник ЧелГУ. 2023. № 11 (481).

11. Dahlin E. Who Says Artificial Intelligence Is Stealing Our Jobs? // Socius: Sociological Research for a Dynamic World. 2024. Vol. 10.

M. S. Matveev (*Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»*)

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS AN OBJECT OF SOCIOLOGICAL ANALYSIS: KEY RESEARCH DIRECTIONS

Artificial intelligence (AI) is examined as an object of sociological analysis in the context of a surge of scholarly interest in popular digital technologies. Drawing on actor–network theory, AI is conceptualized as a non-human actor already embedded in complex sociotechnical networks. The article analyzes issues of mass communication surrounding the phenomenon and the social consequences of its implementation. It identifies the main directions of sociological inquiry into AI: a critical analysis of discourses and hype surrounding AI, empirical studies of its interconnections with processes of social life, and a shift from diagnosis to evidence-based recommendations aimed at reducing the risks associated with the deployment of AI in contemporary society.

Artificial intelligence; sociotechnical system; actor–network theory; non-human actor; digital behavioral data; labor market; education; healthcare; social risks

УДК 008

Л. С. Московчук (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: lsmoskovchuk@etu.ru)

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОСТСЕКУЛЯРНОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье рассматриваются ограничения классической дихотомии традиционной и современной культуры, предлагается концепция множественных современностей, где одновременно действуют логика устойчивости (преемственность) и логика изменчивости (адаптация). На примере постсекулярного общества автор показывает, как религия и секулярность сосуществуют в новых формах, а идентичность при этом эволюционирует от жесткой (эссенциалистской) к гибридной, формируемой в диалоге и «третьем пространстве». Показано, что традиция становится ресурсом для гибкой идентичности в глобальном мире.

Идентичность, культурная идентичность, традиционная культура, постсекулярная культура, постсекулярное общество, гибридная идентичность

Классическое противопоставление традиционной и современной культур постепенно утрачивает объяснительную силу и предстает все большим методологическим упрощением, поскольку эта жесткая дихотомия предполагает линейное замещение одного типа общества другим, в результате чего традиция предстает как нечто маргинальное и исчерпавшее свой ресурс, что не соответствует эмпирическим наблюдениям. Традиционные социокультурные системы, вопреки стереотипам, обладают внутренней адаптивностью, в то время как даже самые динамичные социокультурные институты, утратив преемственность базовых паттернов (легитимации, коммуникации, идентичности), обрекли бы себя на нестабильность и распад. Скорее, следует говорить о сложном сосуществовании и взаимопроникновении двух типов культурных логик в условиях поздней современности: логики устойчивости и преемственности и логики процедуральности и изменчивости. Элементы традиционной культуры при этом не музеефицируются, а, напротив, активно реконфигурируются и становятся ресурсом для построения идентичности в глобализирующемся мире. Таким образом, вместо линейной модели «от традиции к современности» продуктивнее анализировать динамическое поле взаимодействия социокультурных традиций и инноваций в рамках концепции множественной современности.

Противопоставление обозначенных культур строится на ряде жестких бинарных оппозиций: вера против знания, устойчивость против изменчивости, духовное против материального, религиозное против светского. Однако для описания сложной реальности рубежа XX–XXI веков такие прямые противопоставления оказываются недостаточными. Вместо них в научный дискурс все

активнее входят термины с приставкой «пост-», которые преимущественно обозначают снятие исходной антитезы с ее сохранением в преобразованном виде внутри новой, более сложной системы. Ярким примером такого концептуального сдвига является теория постсекулярного общества и культуры, которая вместо разведения по разные стороны баррикад светского и религиозного обращается к анализу новых публичных форм, функций и способов сосуществования религии с секулярными институтами. ПЮ Л. Бергер в предисловии к монографии «The desecularization of the world: Resurgent religion and world politics» пишет, что «современный мир в значительной степени религиозен, это совсем не тот секуляризованный мир, который предсказывали (с радостью или унынием) многие аналитики современности» [1, с. 9] и сторонники теории модернизации.

В традиционной социокультурной системе идентичность рассматривается как предзаданная и статичная сущность, детерминированная объективными основаниями: природным порядком или метафизическими основаниями. Эссенциалистский характер этой парадигмы проявляется в сведении человеческого «Я» к набору объективных категорий: происхождению (кровь, род, этнос), социальному статусу, полу, возрасту и др. Эти аскриптивные признаки выступают как неоспоримые онтологические координаты, которые не только описывают, но и предписывают индивиду его место в социуме, достаточно жестко нормируя как коллективные ожидания, так и самовосприятие человека. С одной стороны, строгость этих предписаний обладает конфликтогенным потенциалом, так как расхождение между индивидуальными склонностями и нормативными ожиданиями могут стать источником внутреннего или социального противостояния. С другой – именно эта однозначность позволяет минимизировать экзистенциальную неопределенность и снизить уровень тревоги, предлагая человеку четкую систему координат для самоопределения.

Как отмечал Эрих Фромм, «современный человек, освобожденный от оков доиндивидуалистического общества, которое одновременно и ограничивало его, и обеспечивало ему безопасность и покой, не приобрел свободы в смысле реализации его личности, то есть реализации его интеллектуальных, эмоциональных и чувственных способностей. Свобода принесла человеку независимость и рациональность его существования, но в то же время изолировала его, пробудила в нем чувство бессилия и тревоги» [2, с. 11]. Поэтому ценностно-символическая система традиционной культуры инерционна по своей природе. Отвергая изменения, не имеющие укорененного смысла, она обеспечивает преемственность и устойчивость культурных паттернов, тем самым облегчая идентификационные процессы.

Связь между традиционной культурой, религиозной и этнокультурной идентичностью представляет собой сложную систему взаимного влияния. Эта многоуровневая система достаточно подробно рассмотрена в концепции этносимволизма Энтони Смита. В рамках этого подхода этничность одновременно и конструируется, и базируется на устойчивых, обладающих объ-

ективной природой явлениях: мифах, символах, ценностях, культурной памяти, которые транслируются через традиционную культуру через язык, обрядовые и бытовые практики. Религия в этой конструкции выступает легитимизирующим и структурирующим фактором. Культурные и религиозные ресурсы, лежащие в основе индивидуальной национальной идентичности, рассматриваются как основы коллективной идентичности, так как создают «священные основы» нации в том смысле, что они «поддерживают» четыре фундаментальных аспекта государственности: сообщество, территорию, историю и судьбу» [3, с. 40]. Таким образом, традиционная культура служит материальным и поведенческим выражением религиозной и этнокультурной идентичности. Религиозная идентичность предлагает трансцендентное обоснование уникальности группы, а этнокультурная идентичность интегрирует эти компоненты в устойчивое «мы», противопоставленное «другим».

С точки зрения этносимволизма, религия и культура служат основными этнодифференцирующими факторами, удовлетворяя, по выражению Эриха Фромма, базовую человеческую потребность в системе, придающей жизни смысл и избавляющей от парализующих сомнений [2, с. 36]. Именно поэтому процессы секуляризации, лишаящие культуру этой смыслообразующей функции, зачастую провоцируют обратную реакцию – ревитализацию религии как источника устойчивой идентичности.

Согласно Ю. Хабермасу, в постсекулярном обществе идентичность конституируется через рациональную коммуникацию и открытость к диалогу. Этот процесс проблематизируется фундаментальным противоречием: если секулярная культура, с ее размытыми границами, не обеспечивает идентичности устойчивости, то жесткие рамки религиозной традиции зачастую ограничивают индивидуальную свободу и комфорт. Постсекулярность предполагает равные усилия по сближению и со стороны светского мировоззрения, и со стороны религиозного. При чем если со стороны традиционной культуры, по мнению Хабермаса, мы наблюдаем тенденции по адаптации традиций и критической рефлексии предшествующего опыта, то со стороны светской культуры эти тенденции менее заметны и самоочевидны: «понимание светскими гражданами того, что они живут в постсекулярном обществе, которое эпистемологически приспособлено к продолжающемуся существованию религиозных общин, в первую очередь требует изменения менталитета, которое требует не меньших когнитивных усилий, чем адаптация религиозного сознания к вызовам все более секуляризованной среды» [4, с. 15]. В результате постсекулярная идентичность человека предстает как внутренний динамичный и напряженный процесс. В ее поиске субъект вынужден балансировать между наследием, автономией и диалогичностью, продиктованной необходимостью сосуществования с Другим в плюралистичном обществе. Поиск этого сложного баланса порождает ключевую характеристику современной идентичности, обозначаемую как гибридность. Гибридность заключается в синтезе религиозных, светских, духовных и культурных элементов. Катали-

затормозит этот синтез становится интенсивное и постоянное межкультурное взаимодействие: владение несколькими языками, многонациональные семьи, погружение в мировую культуру и развитие межкультурной компетентности, которые делают процесс гибридизации перманентным.

Для описания диалектики постсекулярной идентичности плодотворна концепция «третьего пространства» и гибридности Х. К. Бхабхи [5]. В отличие от подходов, трактующих мультикультурализм как коллекционирование, экзотификацию или музеификацию «иных» культур, Бхабха предлагает понимать современную культуру как динамичное «третье пространство», где в диалоге рождаются новые, гибридные формы самоопределения. Плодотворность данной концепции для изучения постсекулярной идентичности заключается в ее способности преодолевать радикальный этноцентризм, который проявляется в отказе от диалога с Другим, и одновременно противостоять культурному застою, обеспечивая непрерывность и творческий характер культурной эволюции.

Источники:

1. Berger P. L. The desecularization of the world: a global overview // The desecularization of the world: Resurgent religion and world politics. Michigan: 1999.
2. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: АСТ, 2006.
3. Smith Anthony D. The cultural foundations of nations: hierarchy, covenant and republic. Blackwell Publishing, 2008. 260 p.
4. Habermas J. Religion in the Public Sphere // European Journal of Philosophy. 2006. № 14. Pp. 1–25.
5. Bhabha Homi K., Rutherford J. Le tiers-espace // Multitudes. 2006. № 26. Pp. 95–107.

L. S. Moskovchuk (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

THE PROBLEM OF IDENTITY IN A POST-SECULAR SOCIETY

This article critiques the classical dichotomy of traditional versus modern culture, proposing instead the concept of multiple modernities. This framework posits the simultaneous operation of a logic of sustainability (ensuring continuity) and a logic of variability (enabling adaptation). Using the theory of post-secular society as a case study, the author demonstrates how religion and secularity reconfigure their coexistence into new forms. Within this dynamic, individual and collective identity evolves from a rigid, essentialist model toward a hybrid one, forged through dialogical exchange in a «third space».

Identity, cultural identity, traditional culture, post-secular culture, post-secular society, hybrid identity

УДК 316.772

М. А. Непомилуева (Санкт-Петербургский государственный университет,
e-mail: maryanmsu91@yandex.ru)

ГИБРИДНЫЕ КОММУНИКАЦИИ В КОНТЕКСТЕ МЕТАМОДЕРНИЗМА: СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ И ПРАКТИКИ

В современном обществе гибридные формы коммуникации выступают не просто технологическим феноменом, но развиваются под воздействием социальных детерминант, включая нормы взаимодействия, распределение ролей и коллективную координацию действий. Показано, что метамодернистская культура с ее амбивалентностью ценностей, колебанием между индивидуальным и коллективным и интеграцией реального и виртуального формирует условия, в которых гибридная коммуникация становится необходимой для согласованного взаимодействия. При этом она не только расширяет его возможности, но и создает новые пространства для идентичности, коллективной деятельности и культурного самовыражения.

Гибридная коммуникация, метамодернизм, метамодернистская осцилляция, амбивалентность ценностей, мультиролевое взаимодействие, многоканальная коммуникация

Современное общество переживает трансформацию коммуникационных форм под влиянием цифровизации, глобализации и изменений культурных парадигм. Концепция метамодернизма характеризуется колебанием между противоположными ориентациями, как-то: индивидуальное и коллективное, реальное и виртуальное, искренность и ирония [1]. В таких условиях традиционные линейные формы коммуникации становятся недостаточными для передачи сложного социального смысла.

Появление гибридных коммуникаций, объединяющих физические, цифровые и виртуальные каналы, отражает адаптацию социальной практики к новым культурным условиям. Они позволяют участникам взаимодействовать одновременно в разных измерениях: через личное присутствие, цифровые платформы и мультимедийные каналы, сохраняя социальную координацию и коллективные цели.

Цель статьи – выявить социальные детерминанты гибридной коммуникации в метамодернистском контексте и показать, как именно социальная структура и ценности способствуют ее возникновению и распространению.

В современном обществе заложен потенциал объединения различных каналов и форм взаимодействия, включая офлайн- и онлайн-коммуникацию, вербальные и невербальные средства, визуальные, аудиальные и интерактив-

ные элементы [2]. В использовании этого потенциала состоит сущность гибридных коммуникаций.

Представляется возможным выделить следующие свойства гибридной коммуникации, определяющие ее социальную природу:

- Многоканальность как социальная необходимость: участники взаимодействуют в реальном и виртуальном пространстве, чтобы поддерживать координацию и достигать коллективных целей.

- Мультиролевое участие: участники могут одновременно выполнять разные социальные роли, что соответствует метамодернистской амбивалентности идентичности.

- Коллективные нормы и ожидания: гибридная коммуникация формируется в рамках согласованных норм, которые обеспечивают совместимость действий в разных средах.

При этом у таких смешанных, или гибридных форм коммуникации, есть свои социальные детерминанты. Они включают структурные ограничения (доступность технологий, формальные правила взаимодействия) и культурные установки (ориентация на коллаборацию, амбивалентность ценностей, интеграция индивидуального и коллективного) [3], [4].

Говоря о метамодернистском контексте, следует отметить, что к 2000-м годам в сфере социально-философской рефлексии назрел вопрос о пересмотре состояния, в котором находится современная социокультурная система. Столкнувшись с кризисом определения постмодернизма, некоторые авторы еще с конца 1980-х гг. и в начале 1990-х стали отрицать актуальность «состояния постмодерна» [5]. Спустя полтора десятилетия кризис определения перерос в кризис эвристического потенциала.

На протяжении первых полутора десятилетий XXI в. предложено порядка двух десятков концепций различной степени теоретической проработанности для объяснения новой ситуации, в которой находится современная социокультурная система: от перформатизма до метамодернизма. Несмотря на методологические сложности, на данный момент именно концепция метамодернизма продемонстрировала наибольшую устойчивость [6].

Его основные качества и критерии, такие как динамичность колебаний между полюсами трансцендентности и ее отсутствия, серьезности и иронии, рационализмом и иррационализмом, лаконично сформулированы в «Манифесте Метамодерниста» как «прагматичный романтизм» [7].

На появление метамодернизма повлияла череда событий 1999–2011, среди которых: взросление поколения милениалов, критический поворот в доступности информационных технологий, качественные культурные изменения, вызванные публичной доступностью сетевых компьютеров [8], появление БРИКС и усиление его влияния, стремление к энергетической независимости посредством информационных технологий, четвертая волна терроризма, война в Ираке, кризис европейской интеграции, крах мультикультурализма и возрождение популярности национализма, мировой экономический

кризис, Арабская весна, близость экологической катастрофы. Каждое из этих событий не повлияло в отдельности, но в терминах Джеймисона, «слилось воедино» с другими в переходе к новой культурной реальности, осмыслить которую пытаются авторы метамодернизма.

В качестве основных свойств современной социокультурной системы, репрезентуемых метамодернизмом, возможно выделить следующие:

1. Аутопойезис и самоорганизация как принципы метамодернистского мировоззрения.

2. Структура восприятия характеризуется осцилляцией между модерном и постмодерном, двумя крайностями, которые оно, расшатывая, преодолевает, но никогда с ними не совпадает [9].

3. Синергия как новое отношение к истине (творческий процесс индивидуального поиска идеала). Метамодернистское мышление умеет результативно трактовать парадокс [10].

4. Новый «режим историчности» в культуре – «асинхронность» [11], свидетельствующий о существовании различных модальностей.

5. Сочетание чувственного и трансцендентного, новая атмосфера в искусстве и повседневности [12].

6. «Поворот к человеку», усиленное выражение чувств и настроения.

7. Стремление к межсубъективной связи и коммуникации, обретению общности, личность метамодернистов социальна [1, 12].

8. Поиск новых нарративных стратегий, протосинтез [13].

9. Стратегическая наивность, образ мышления «что, если» [1].

10. Реанимация истощенного в постмодернизме аффекта, стремление к вовлеченности.

11. «Глубиноподобие», реконструирование утраченной трансцендентальности.

12. Реструктурализм и признание за языком «функции отношений между людьми» [1].

13. Супергибридность – использование многочисленных и разнообразных культурных источников или каналов для создания произведения или смысла [14].

Говоря о концепции метамодернизма в контексте теории коммуникации, стоит отметить, что метамодернизм следует понимать как социокультурную парадигму, формирующую нормы и ожидания участников коммуникации. Представляется возможным выделить следующие положения метамодернизма, влияющие на коммуникативные процессы:

1) Осцилляция между крайностями, противоположными ценностями и ориентирами, требующая гибкости в коммуникации.

2) Ориентация на достижение совместных результатов при одновременном сохранении автономии.

3) Сосуществование реального и виртуального, распределение социальных действий между физической и цифровой средами, что требует интеграции каналов – супергибридности.

Указанные свойства формируют социальные детерминанты, которые делают гибридную коммуникацию необходимой для эффективного взаимодействия. Участники сообществ в условиях доминирования метамодернистской парадигмы используют в коммуникации одновременно разные каналы и медиа, чтобы поддерживать согласованность действий и достигать совместного результата в виде достигнутых договоренностей и смыслов [15].

Возможно выделить несколько ключевых социальных детерминант гибридной коммуникации:

- Нормативные детерминанты – правила и ожидания, обеспечивающие совместимость действий участников в различных средах.

- Ролевые детерминанты – необходимость одновременного выполнения нескольких социальных ролей в коллективных и виртуальных пространствах.

- Групповые детерминанты – социальные цели и задачи, требующие координации через различные каналы коммуникации.

- Культурные детерминанты: доминирующие ценности и социальные смыслы, в частности, метамодернистская осцилляция между противоположными полюсами, их сосуществование, которые влияют на способы взаимодействия и приемлемые формы коммуникации.

Эти детерминанты формируют условия возникновения гибридной коммуникации, которая выступает не просто технологическим феноменом, а социально обусловленной практикой взаимодействия.

Говоря о практиках гибридной коммуникации, стоит отметить различные формы, в которых она протекает:

- Смешанные онлайн-офлайн взаимодействия: одновременное участие в физических встречах и цифровых платформах для обсуждения и принятия решений.

- Интеграция мультимедийных каналов – использование текстовых, визуальных и интерактивных средств для согласования действий и передачи смыслов.

- Мультиролевое взаимодействие: участники могут одновременно выполнять организационные, экспертные и социальные роли, что соответствует социальной логике метамодерна.

Эти практики демонстрируют, что гибридная коммуникация представляет собой не просто технологическое решение, а социальную адаптацию к культурным и структурным условиям современности, в описании которых определенным объяснительным потенциалом обладает концепт метамодернизма.

Таким образом, гибридные формы коммуникации в контексте метамодернизма возникают как результат социальной динамики, а не исключительно технологических возможностей. Метамодернистская осцилляция, коллаборация и одновременная ориентация на индивидуальное и коллективное создают

социальные условия, при которых интеграция различных каналов и форм взаимодействия становится необходимой для эффективной коммуникации.

Исследование позволяет сделать вывод о том, что гибридная коммуникация представляет собой одновременно социально детерминированную практику, средство координации действий в условиях многомерной социальной среды, а также инструмент адаптации к современной социокультурной ситуации, сущностные и содержательные свойства которой нашли выражение в концепте метамодернизм.

Источники:

1. Vermeulen T, Van Den Akker R. Notes on metamodernism // *Journal of Aesthetics & Culture*. 2010, vol. 2. URL: <http://www.emerymartin.net/FE503/Week10/Notes%20on%20Metamodernism.pdf> (дата обращения: 20.10.2018).
2. Castells M. *The Rise of the Network Society*. Oxford: Blackwell, 2010.
3. Jenkins H. *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide*. New York: NYU Press, 2006.
4. McLuhan M. *Understanding Media: The Extensions of Man*. Cambridge: MIT Press, 1994.
5. Lash, S. *Sociology of Postmodernism*. L.; N.-Y., 1990. 300 p. P. 9. doi:10.4324/9781315832326.
6. Непомилуева М. А. 17 постпостмодернизмов: репрезентация социокультурной динамики в современных концепциях трансцендирования модерна // *Теория и практика общественного развития*. 2025. № 2. С. 80–87.
7. Turner L. *Metamodernism: Manifesto*. // *Metamodernism*, 2010. URL: <http://www.metamodernism.org> (дата обращения: 20.10.2018).
8. Perez C. *The Double Bubble at the Turn of the Century: Technological Roots and Structural Implications*. *Cambridge Journal of Economics*, 2009. P. 779–805.
9. Lieven B. *Liotard and teology*. London, N.-Y., 2014.
10. Freinacht H. You're not metamodern before you understand this. Part 2: Proto-Synthesis// *Metamoderna*, 15.03.2015. URL: <http://metamoderna.org/youre-not-metamodern-before-you-understand-this-part-2-proto-synthesis-2?lang=en> (дата обращения: 07.11.2018).
11. Bloch E. *Erbschaft dieser Welt*: Frankfurt a M., 1985.
12. Vermeulen T, Van Den Akker R. Misunderstandings and clarifications. Notes on Notes on Metamodernism // *Metamodernism*, 03.06.2015. URL: <http://www.metamodernism.com/2015/06/03/misunderstandings-and-clarifications/> (дата обращения: 20.10.2018).
13. Freinacht H. You're not metamodern before you understand this. Part 1: Game Change// *Metamoderna*, 11.03.2015. URL: <http://metamoderna.org/youre-not-metamodern-before-you-understand-this-part-1-game-change?lang=en> (дата обращения: 04.11.2018).

14. Heiser J. Analyze This: A Round Table Discussion Led by Jorg Heiser on “Super-Hybridity”: What Is It and Should We Be Worried? With Ronald Jones, Nina Power, Seth Price, Sukhdev Sandhu and Hito Steyerl. Frieze, 2010. URL: <http://frieze.com/article/analyze> (дата обращения: 04.10.2020)

15. Anderson B. Imagined Communities. London: Verso, 2006.

M. A. Nepomilueva (Saint-Petersburg State University)

HYBRID COMMUNICATIONS AT THE METAMODERNISM CONTEXT: SOCIAL DETERMINANTS AND PRACTICES

In the conditions of modern society hybrid forms of communication are not just a technological phenomenon but are influenced by social determinants, including norms of interaction, role distribution, and collective coordination. It has been shown that the metamodernist culture, with its ambivalent values, oscillation between the individual and the collective, and integration of the real and the virtual, creates an environment where hybrid communication becomes essential for coordinated interaction. This not only enhances communication capabilities but also creates new spaces for identity, collective action, and cultural expression.

Hybrid communication, metamodernism, metamodernist oscillation, values ambivalence, multi-role interaction, multi-channel communication

УДК 930[553.9+622]

А. М. Нерослов (Музей пермской нефти, ООО «ЛУКОЙЛ-ПЕРМЬ», e-mail: permyak25@mail.ru)

АСПЕКТЫ ПРОМЫШЛЕННОЙ КОММЕМОРАТИВНОЙ ТОПОНИМИИ НА ПРИМЕРЕ НЕФТЕГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ

Исследования промышленной топонимии и антропотопонимии сводятся, в основном, к систематизации локализованных массивов топонимов или эргонимов. Однако, именной нейминг в недропользовании – это многомерный акт, в пересечении прикладной геологии, региональной географии, отраслевой истории, лингвистики, политологии, социальной психологии. В статье обозначаются аспекты генезиса промышленной коммеморативной топонимии, актуальная проблематика коммеморации в недропользовании и промышленной сфере.

Промышленная антропотопонимия, коммеморация, коммеморативная топонимия, горнозаводская культура, нефтяная отрасль, именные присвоения, отраслевая культура

Растущий интерес к персонифицированному неймингу в техносфере, прикладной науке и геологии, городской (селитебной) среде генерирует совокупно разноформатный корпус именных присвоений в топонимических и урбанистических комплексах, отраслевых терминологических аппаратах. Репрезентативной формой коммеморации в недропользовании является топонимия. Однако названия месторождений в большинстве территорий России, справедливо отмечают Е. В. Запольских и И. А. Подюков, «описаны лишь эпизодически» [1, с. 20]. Наиболее полно коммеморативные геологические объекты нефтегазовой отрасли инвентаризированы в субъектах «большой Тюмени», Тимано-Печоры, Верхнего и Среднего Прикамья [2], [3].

Современная топонимия нефтегазовой отрасли базируется на традициях горнозаводской культуры XVIII–XIX веков. Изначально в названиях горных заводов транслировались топонимы приуроченных природно-ландшафтных объектов или населенных пунктов. В последующем, наряду с метонимией по признаку геоландшафтной связанности, при агрегировании названий во многих случаях промышленные топообъекты соотносились с человеком (номинантом). Модели названий «от личного имени» органично вписались в горнозаводскую топонимикон. Именные присвоения, инициируемые частными горнопромышленниками, по мнению исследователя Е. Э. Ивановой, отражали стремление к формированию «“культы” владельца» [4, с. 60].

Этимологический анализ массива промышленных топонимов горнозаводского прошлого Урала позволяет типологизировать **персонифицированные**

антропотопонимы (то же, что этимологически прозрачные), к которым относятся следующие группы именных присвоений:

- **владельческие**, подразделяемые внутри группы на **отождествленные (родовые)** – производные от антропонимов владельцев промышленных топообъектов или членов их семей, **доверенные** – происходящие от антропонимов приближенного к владельцам круга лиц, **синхронные** – сочетающие личные или родовые имена владельцев и собственные имена географических, геоландшафтных топообъектов;

- **эпонимические** – фиксирующие и/или легитимизирующие приоритет номинанта (первооткрыватель, первопроходец);

- **статусные** – подчеркивающие пиетет инициатора присвоения к номинанту, обладающему особым персональным статусом.

Кроме того, в горнозаводской топонимии типологизируются **условно именные антропотопонимы** (этимологически полупрозрачные), к которым можно отнести:

- **сакральные** – агиотопонимы, образованные от имен святых;

- **перенесенные** – оттопонимические, преемственные названиям сопредельных населенных пунктов (ойконимам), производным от фамилий или личных имен субъектов, идентифицированных в общественно-историческом контексте;

- **фантомные** – абстрагированные в ландшафте, без конкретной географической привязки или с размытой локацией, часто заимствованные из горнозаводского (народного) фольклора, исполненные таинственности или даже мистики.

Стремительный подъем отечественной нефтяной промышленности на рубеже XIX–XX веков главным образом был связан с Азербайджаном и Северным Кавказом. При этом антропотопонимы нефтяного сектора, неотягощенные горнозаводским «градообразующим» предназначением, интегрировались в урбанистическое пространство, апеллируя уже как эргонимы не только к отдельно взятым промышленным объектам, но в целом к корпорациям, сочетая именной эквивалент владельца и формализованную организационно-правовую метрику хозяйствующего субъекта [5]:

- *Товарищество нефтяного производства Братьев Нобель* (1879 г.);

- *Нефтепромышленное и торговое товарищество «С. и И. Джасели и К°»* (1880 г.);

- *Товарищество производства русских минеральных масел и других химических продуктов под фирмою «С. М. Шибаетов и К°»* (1883 г.);

- *Товарищество морского и речного пароходства и торговли нефтяными продуктами «Братья Меркульевы»* (1887 г.);

- *Акционерное общество нефтеперегонных заводов «В. Ропс и К°»* (1896 г.);

- *Северное нефтепромышленное товарищество на вере «А. Г. Гансберг, А. П. Корнилов и К°»* (1909 г.); и т. д.

Промышленная экспансия бурно развивающейся нефтяной промышленности отразилась в топонимическом ландшафте центральной части Российской империи. Товарищество Братьев Нобель, наращивая производственный потенциал по логистической оси Каспий – Волга – Кама, практиковало собственную модель индустриализации – так называемые *Нобелевские городки*. Поселения нового типа, построенные в Астрахани, Царицыне, Саратове, Самаре, Казани, Рыбинске, Уфе, объединяли в периметре производственные объекты, комфортное жилье для рабочих и служащих, общественную и бытовую инфраструктуру [6]. *Нобелевские городки*, как типизированный урбаноим, синонимизировались в общественном восприятии с промышленной модернизацией и патернализмом крупного частного бизнеса.

Впрочем, именные названия «от владельца» и другие типы промышленных антропотопонимов, традиционные в горнозаводской культуре или логичные в период капитализации нефтяной отрасли, обнаружили, за редким исключением, уязвимость в историко-политическом процессе и неустойчивость в социуме, как, кстати, и преобладающее число советских (идеологизированных) именных топонимов и эргонимов.

Трансформацию промышленного топонимического ландшафта в парадигме социалистической идеологии можно условно разбить на два этапа. В ранний советский период (1917–1953 годы) подходы к топонимии отражали текущий внутривластный процесс. С начала 1930-х годов в отраслевой топонимике, соответственно общественной повестке, алгоритмически акцентировалась безусловная и, как правило, прижизненная мемориализация верхнего (возвеличенного) эшелона власти:

– *нефтепромысел имени И. В. Сталина* (Уральская обл., Верхнечусовские Городки, 1930 г.);

– *промысел имени Артема* (АзССР, Баку, 1930-е гг.; в честь большевика Ф. А. Сергеева, парт. псевдоним Артем);

– *нефтяной промысел имени Л. М. Кагановича* (АзССР, Кара-Чухур, 1933 г.);

– *Верхнечусовской нефтеперегонный завод имени И. Д. Кабакова* (Уральская обл., Верхнечусовские Городки, 1933 г.);

– *Саратовский крекинг-завод имени С. М. Кирова* (Саратов, 1935 г.);

– *трест «Калининнефть»* (УзбССР, Коканд, 1937 г.); и т. д.

Номинативный генезис «абсолютных» именных акцентов мог быть различен. О присвоении имени Сталина Верхнечусовскому промыслу ходатайствовал промысловый комитет профсоюза горняков (здесь то же, что нефтяников), а само решение утверждалось Президиумом ВСНХ СССР. Имя И. Д. Кабакова, первого секретаря Уральского обкома ВКП(б), Верхнечусовскому НПЗ присвоили в инициативном порядке на местном партийном уровне. Отзыв ранее присвоенных имен чаще всего, как и в случае с репрессированным в 1937 году И. Д. Кабаковым, сводился к чисто технической процедуре.

Обоснованием номинативного генезиса могла быть транстопонимия. Неординарный для советских лет, составной коммеморативный конструкт таким образом институционализирован в названии нефтесервисного предприятия **Павловский машиностроительный завод имени А. Ф. Мясникова**. Заложенный в Прикамье в 1816 году Павловский завод был «поименован» в честь владельца – генерал-адъютанта, графа Павла Александровича Строганова. В конце 1941 года в Пермскую область эвакуировали **Бакинский экспериментальный машиностроительный завод имени А. Ф. Мясникова**, который развернул на базе Павловского завода производство бурового оборудования для нефтяной отрасли. После реэвакуации Бакинского машзавода его идеологический «именной бренд» остался приобщенным к уральскому горнозаводскому (владельческому) антропотопониму.

Регулярная ревизия промышленной топонимиклы в 1930–1950-е годы обуславливалась волнами переименований населенных пунктов и глобальной перестройкой топонимической системы. Пермь в 1940 году была переименована в Молотов, а в 1957-м городу вернули историческое имя. И эргонимы, в данном случае названия головного предприятия нефтяной отрасли Прикамья, выполняя номинативную функцию, не только зафиксировали реверсивное переименование, но и промаркировали ключевые внутриотраслевые оргпреобразования:

- 1936–1942 годы – **трест «Прикамнефть»**;
- 1942–1944 годы – **Государственный Молотовский нефтяной комбинат (Молотовнефтекомбинат)**;
- 1945–1957 годы – **объединение «Молотовнефть»**;
- 1957–1991 годы – **объединение «Пермнефть»**.

Поздний советский период (1953–1991 годы) заметно отличается антропотопонимическим набором, генерируемым в нефтегазовой отрасли. К характерным признакам здесь можно отнести отказ от прижизненных именных присвоений и практику коммеморации геологических объектов – месторождений углеводородного сырья (УВС). Неотъемлемой привилегией первопроходцев в любой сфере всегда оставалось право присвоения названий, в том числе собственных имен, своим открытиям. И традиция инициативного присвоения обнаруженным месторождениям УВС имен прославленных геологов, геолого-разведчиков, геофизиков, буровиков соответствует исторической логике.

К числу первых именных геологических объектов в советской нефтегазовой отрасли относят **Губкинское нефтяное месторождение** (1965 г., Ямало-Ненецкий окр., Тюменской обл.; в честь академика И. М. Губкина, основоположника советской нефтяной геологии) [2, с. 118–123]; **Лугинецкое нефтегазоконденсатное место** (1966, Томская обл.; в честь геолога И. П. Лугинца, первопроходца Заполярья и Нарымского края) [7]; и т. д.

С учетом исключительных профессиональных достижений этих и других номинантов, можно сделать вывод, что именные присвоения геологическим объектам в советские годы стали неформализованной компонентой отраслевой наградной системы. В отдельных случаях, когда номинантами при-

своений выступали, например, участники установления Советской власти в Сибири, региональные партийные деятели, выдающиеся исторические личности, знаменитые спортсмены, именные месторождения приобретали «общественное звучание» [2].

В постсоветский период инициативная коммеморация геологических объектов в нефтегазовой отрасли продолжает практиковаться, в основном, в качестве неформального наградного института. А смысловая соразмерность большинства номинаций позднего социализма и современного периода указывает на преемственность «якорной» традиции отраслевой культуры, впитавшей горнозаводское начало.

Новой номинацией именных присвоений, продекларированной в честь 75-летия Великой Победы, стали особые заслуги в Великой Отечественной войне. Открытым в 2020 году месторождениям УВС присвоены имена прославленных полководцев, маршалов Георгия Жукова и Константина Рокоссовского (Карское море); легендарного якутского снайпера Ивана Кульбертинова (Якутия) [8]. Коммеморация подвига объективно раздвигает отраслевые рамки традиции в сфере недропользования.

В то же время разовый акцент на почитаемом в православии Сергии Радонежском (*Радонежское нефтяное месторождение*, Тюменская обл., 2000 г. [2, с. 265–267]) вряд ли можно интерпретировать как сакрализацию промышленной антропотопонимии. Скорее, это реплика горнозаводской традиции агиотопонимии, синхронизированная с программой юбилейных мероприятий 2000-летия Рождества Христова.

Точно так же не стоит расценивать как манифест или эпатаж номинацию в нефтегазовой топонимии античной темы (*нефтяное месторождение Нептун*, Охотское море, 2017 г.). Имя древнеримского бога в топониме было заявлено с прагматичной целью. Предполагаемое название месторождения – Аяшское – по мнению недропользователя вызывало затруднения в произношении у зарубежных партнеров. В результате возникло предложение сконструировать *рациональный топоним* на основе универсального в межкультурной коммуникации мифонима Нептун [9]. Еще одно месторождение УВС в Охотском море, обнаруженное поблизости спустя год, было названо именем древнегреческого морского божества Тритона.

Выборочный обзор отраслевого топонимического ландшафта четко обозначает профессиональную гендерную сегрегацию в коммеморативной топонимии. Так, в Пермском крае из 26 именных месторождений лишь одно названо именем женщины: *Трифоновское нефтяное месторождение* (1997 г.; в честь геолога Н. А. Трифоновой) [3, с. 152–159]. В 80 именных присвоениях месторождениям «большой Тюмени» тоже фиксируется только одно женское имя: *нефтяное месторождение имени С. Г. Белкиной* (с 2020 г.; в честь геолога, лауреата Ленинской премии С. Г. Белкиной) [2, с. 89–91].

Требует взвешенной оценки возвращение в отраслевую традицию ранней советской практики прижизненных именных присвоений: *Институт*

нефти и газа имени М. С. Гуцериева при Удмуртском государственном университете (Ижевск, 2011 г.); *месторождение имени Ю. А. Чикишева* (Томская обл., 2019 г.); и др. Не всегда оправданно переименование эксплуатируемых на протяжении длительного времени месторождений УВС: *нефтяное месторождение имени В. А. Лобанова* (бывш. Рассветное, Пермский край, 1968 г.; переименовано в 2021 г.); *месторождение имени А. Усольцева* (бывш. Имилорское, ХМАО – Югра, 1981 г.; переименовано в 2022 г.); и др. [3], [8]

Сегодня, в период «политической турбулентности» и волатильности общественного дискурса, возрастают риски спонтанных, конъюнктурных коммемораций. В любом случае разумный баланс между географическими и именными присвоениями в сфере недропользования нефтегазовой и других добывающих отраслей промышленности позволит сохранить разнообразие топонимического ландшафта, как неотъемлемой части общего историко-культурного наследия.

Источники:

1. Запольских Е. В., Подюков И. А. Названия месторождений и рудников Пермского края: история, региональная специфика // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 3. С. 19–29.
2. Именные месторождения нефти и газа Тюменской области: монография / А. А. Арсеньев, В. М. Александров, Н. Н. Закиров и др. Тюмень: ТИУ, 2021. 392 с.
3. Нерослов А. М. Свод именных месторождений углеводородного сырья Пермского края, Республики Башкортостан, Удмуртской Республики, Республики Коми, Ненецкого автономного округа. Пермь: Астер Плюс, 2024. 368 с.
4. Иванова Е. Э. Имена основателей уральской промышленности на карте Урала // Филологический класс. 2019. № 2 (56). С. 59–66.
5. Матвейчук А. А. Нефтяное предпринимательство в Российской империи: Исторические очерки. М.: Древлехранилище, 2025. 256 с.
6. Птичникова Г. А. Нобелевские городки в дореволюционной России // Архитектурное наследство. 2006. № 46. С. 298–306.
7. В память о великих: чьи имена сегодня носят месторождения «Томск-нефти». URL: <https://obzor.city/article/657997---v-pamjat-o-velikih-chiimenasegodnja-nosjat-mestorozhdenija-tomsknefti?ysclid=li4ubjxyqc294597794> (дата обращения: 26.11.2025).
8. Справочник недропользования УВС. URL: <https://uvspwa.sgp72.ru> (дата обращения: 10.12.2025).
9. «Газпром нефть» переименовала месторождение, чтобы партнерам было легче его произносить. URL: <https://tass.ru/ekonomika/4657149> (дата обращения: 26.11.2025).

A. M. Neroslov (*Permoil Muzrum*)

**ASPECTS OF INDUSTRIAL COMMEMORATIVE TOPONYMY ON THE
EXAMPLE OF THE OIL AND GAS INDUSTRY**

The research of industrial toponymy and anthropological understanding is mainly reduced to the systematization of localized arrays of toponyms or ergonyms. However, naming in subsurface use is a multidimensional act at the intersection of applied geology, regional geography, industry history, linguistics, political science, and social psychology. The article outlines the aspects of the genesis of industrial commemorative toponymy, the actual problems of commemoration in the subsoil use and industrial sphere.

Industrial anthropotopathology, commemoration, commemorative toponymy, mining culture, oil industry, nominal assignments, industry culture

УДК 316.33, 303.6

С. А. Нога (Благотворительный фонд помощи детям, оставшимся без попечения родителей «Дети ждут», e-mail: trick-no@yandex.ru)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ РОДСТВЕННИКАМ ЛЮДЕЙ, СТОЛКНУВШИХСЯ С ПСИХИЧЕСКИМ РАССТРОЙСТВОМ: АНАЛИЗ ОТКРЫТЫХ ИСТОЧНИКОВ ОРГАНИЗАЦИЙ САНКТ- ПЕТЕРБУРГА

В данной работе актуализируется проблема институциональной поддержки родственников пациентов с психическими расстройствами, в том числе семей с детьми. Представлен анализ открытых источников государственных и коммерческих организаций Санкт-Петербурга. Систематизированы данные о медицинских и социальных учреждениях, выявлены формы и степень представленности семейно-ориентированной помощи, а также зафиксирован дефицит внимания к детям как отдельной группе.

Психические расстройства, психическое здоровье, родственники пациентов, семьи с детьми, институциональная помощь, психиатрическая помощь, институты социальной поддержки, эмпирическая социология

В 2023 году Росстат зафиксировал 460 тыс. случаев заболевания психическим расстройством впервые в жизни у совершеннолетних людей [1, с. 228]. С 2019 по 2022 год от 50,5 до 58,7 тыс. человек были взяты под наблюдение по причине выявления психического расстройства или расстройства поведения впервые в жизни [2, с. 47–48]. Всего на конец 2023 года зарегистрировано около 1,4 млн пациентов, состоящих под диспансерным наблюдением, то есть 944,1 человек на 100 000 населения [1].

На сегодняшний день не было найдено точных данных о том, какое количество людей с выявленным психическим расстройством является родителем на территории России. Однако по данным зарубежных исследователей это число варьируется от 3% среди отцов и 7% среди матерей [3] до 37% среди всех родителей [4]. Тем не менее известно, что в России в 2023 году из-за наличия психического заболевания были лишены родительских прав 1014 человек [5].

В 2024 году в Общественной палате Аппарат Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка провел круглый стол под названием «Реализация родительских прав и обязанностей лицами с ментальными особенностями и психическими заболеваниями. Проблемы. Пути решения», на котором был поднят вопрос об оказании помощи детям, чьи родители болеют психическим расстройством.

Сотрудники научно-практических центров, благотворительных организаций, Представители Министерства здравоохранения и Министерства про-

свещения Российской Федерации обсудили, какие вопросы правоприменения требуют первоочередного решения, а также какие трудности стоят перед специалистами-практиками в оказании помощи и сопровождении родителей с психическими заболеваниями. В частности, на основе пресс-релиза на сайте Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка можно выделить следующие темы, актуализированные специалистами:

1. организация системного комплексного подхода к сопровождению выделенных семей,
2. подготовка специалистов для работы с данной группой,
3. развитие просветительских проектов: для уменьшения стигматизации и повышения осознанности у родителей,
4. информирование о наличии помощи и ее результатах,
5. создание методических рекомендаций для проведения психосоциальной реабилитации в семье,
6. доработка законодательства по вопросу лишения родительских прав в связи с наличием психического расстройства [5].

Данные тематические блоки апеллируют своими задачами к различным организациям: государственным и частным; коммерческим и некоммерческим; образовательным, медицинским, научно-исследовательским, правовым, профессиональным и просветительским.

Задача данной работы состоит в том, чтобы очертить контур организаций, работающих в области психического здоровья и социальной поддержки, представляющих собой потенциально активных участников развития помощи семьям, имеющим в составе взрослого с диагностированным психическим расстройством, в Санкт-Петербурге. В фокус данной работы взяты государственные и частные коммерческие учреждения.

Для выполнения задачи были собраны данные о государственных и частных медицинских организациях. Список частных организаций собирался через Реестр лицензий на осуществление медицинской деятельности, предоставленных Комитетом по здравоохранению (Версия № 88 от 18.11.2025) из Системы классификаторов и открытых данных Санкт-Петербурга [6]. Всего было обнаружено 10133 записей о 4901 юридическом лице с медицинской лицензией.

Данные были скачаны с портала в формате CSV. Далее с помощью программного кода на языке Python из них были отобраны 669 уникальных организаций с упоминанием услуг по «психиатрии», «психотерапии», «наркологии» или «медико-социальной помощи». Из этих организаций были удалены многопрофильные клиники, поликлиники, клиники, специализирующиеся на диагностике и лечении определенных заболеваний или узких областей медицины, где психологическая помощь была сателлитной, корпоративные клиники. В результате отбора сформировался список из 98 учреждений.

Их сайты были проанализированы вручную на соответствие следующим параметрам:

1. упоминание не только лечебной помощи,

2. предложение услуг для детей,
3. предложение услуг для семей,
4. упоминание не только лечебной помощи для семей,
5. упоминание готовности работать с родственниками людей, имеющих психическое расстройство,
6. указание на приоритетность работы с пациентами с осложняющими факторами (сиротство, инвалидность, учет в полиции и прочее).

Были обнаружены 43 медицинские организации, отвечающие хотя бы одному выделенному нами параметру, в частности: 29 коммерческих и 14 государственных.

Дальнейший ручной анализ коммерческих организаций показал, что параметру «предлагают не только лечебную помощь для семей» соответствует 19 организаций. В данном случае под категорией «семья» понималась группа людей с детьми, то есть не учитывались случаи упоминания исключительно парной терапии.

В конечном итоге при помощи ручного анализа сайтов были обнаружены 3 организации, упоминавшие направленную работу с родственниками людей, имевших диагностированное психическое расстройство. Ни одна организация не фокусировалась на младших несовершеннолетних членах семьи в рамках данной проблемы.

Анализ сайтов государственных организаций, в частности психоневрологических диспансеров и психиатрических больниц, показал, что 7 из 14 организаций оказывают не только лечебную помощь родственникам людей с расстройствами.

В данных организациях помощь предлагалась в основном в форме образовательных программ: курсов психиатрической грамотности, школ для родственников пациентов с психическими расстройствами. Были упомянуты формы семейной психотерапии, направленные на достижение сотрудничества между родственником и болеющим на пути к выздоровлению. В данном случае снова не было обнаружено предложений, актуализирующих специфическую помощь несовершеннолетним членам семьи.

Также были отобраны государственные организации, направленные на оказание социальной помощи семьям. С помощью данных о «Комплексных центрах социального обслуживания населения» на сайте Администрации Санкт-Петербурга [7] были выделены 18 районных «Центров социальной помощи семье и детям».

Данная категория организаций представляет интерес, так как каждая из них определяет одним из ключевых направлений своей деятельности социальное, психологическое и педагогическое сопровождение семей в трудной жизненной ситуации.

После анализа информации на сайтах данных организаций было обнаружено, что лишь одна из них обращает внимание на специфическую семейную проблему родительства с диагностированным расстройством.

В частности такое упоминание было обнаружено на сайте «Центра социальной помощи семье и детям Центрального района Санкт-Петербурга». В описании отделений психолого-педагогической помощи и службы экстренной психологической помощи по телефону упоминается «помощь детям и взрослым в форме индивидуальных консультаций (по телефону и очно) в ситуациях жизненных трудностей: (...) депрессий» [8].

Это единственное найденное упоминание психиатрического диагноза как причины проблем внутрисемейных отношений и жизненных трудностей для детей и родителей среди всех Центров социальной помощи Санкт-Петербурга. При этом на сайтах регулярно упоминается проблема химической зависимости, инвалидности родителей и столкновение с хроническими заболеваниями.

По итогам ручного анализа видно, что поле организаций, направляющих усилия на работу с семьями, имеющими в составе взрослого с диагностированным психическим расстройством, в основном представлено государственными медицинскими организациями, в меньшей степени коммерческими медицинскими организациями и в минимальной степени государственными поставщиками социальных услуг семьям.

В рамках данной работы не ставилась цель проведения комплексного анализа открытых источников некоммерческих организаций. Однако первичный анализ через упоминание в «Реестре поставщиков социальных услуг» [9] организаций, оказывающих полустационарную форму социального обслуживания семьям, дал возможность обнаружить организации, включающие в себя акцентуацию помощи интересующей нас группе населения.

Так, в Санкт-Петербургской общественной организации по гармоничному развитию семьи и личности «Центр “РАДОМИРА”» упоминаются онлайн-эфирные для людей в тревожном состоянии, ПТСР или преддепрессивном состоянии и их родственников для «просвещения в части психологической грамотности в целом и для оказания помощи менее ресурсным членам семьи» [10]. Данная форма помощи роднит практику общественной организации с практиками государственных учреждений. Необходимо провести полный анализ некоммерческих организаций Санкт-Петербурга для выявления разнообразия помощи и потенциала к ее реализации выделенной нами группе.

Таким образом, проанализировав государственные и коммерческие организации, направленные на оказание социальных и медицинских услуг населению, столкнувшемуся с психическими расстройствами, мы выявили 11 организаций, обозначающих в открытых источниках готовность оказывать помощь родственникам людей с психическим расстройством. Стоит отметить, что ни одна из организаций не акцентировала внимание на помощи детям, однако на данном этапе мы исходим из того, что дети как категория родственников могут быть включены в число получателей услуг.

Также было отмечено, что частные организации и государственные поставщики социальных услуг не выносят помощь для родственников болею-

щих людей в заметное пространство среди прочих услуг. Упоминание о них остается труднодоступным – в архивных статьях или при более детальном изучении проблем, с которыми можно обратиться.

В свою очередь государственные медицинские организации делают услугу более заметной, например, ее можно было наблюдать на главной странице сайта в перечне заглавных направлений работы или в подтипах заглавных направлений.

На сегодняшний день можно прийти к выводу, что ландшафт организаций не выделяется специфическими заметными формами оказания помощи семьям, столкнувшимся с психическим расстройством взрослого, тем более родителя. Скорее, он представляет собой равнину с областями, образующими потенциальный фундамент для развития и институционализации практик.

Источники:

1. Российский статистический ежегодник. 2024. М.: Росстат, 2024.
2. Здравоохранение в России. 2023: Стат.сб./Росстат. М., 2023.
3. Luciano A., Nicholson J., & Meara E. The economic status of parents with serious mental illness in the United States. // *Psychiatric Rehabilitation Journal*. 2014. No. 3. P. 242–250. DOI: <https://doi.org/10.1037/prj0000087>
4. Johnson, S., Lawrence, D., Perales, F., Baxter, J., Zubrick S. Prevalence of Mental Disorders Among Children and Adolescents of Parents with Self-Reported Mental Health Problems // *Community Mental Health Journal*. 2018. No. 1. P. 884–897. DOI: <http://doi.org/10.1007/s10597-017-0217-5>
5. Помощь, которую ждут: меры поддержки родителей с психическими заболеваниями обсудили эксперты круглого стола. 2024. URL: <https://deti.gov.ru/Press-Centr/news/1408> (дата обращения: 30.11.2025)
6. Реестр лицензий на осуществление медицинской деятельности, предоставленных Комитетом по здравоохранению (Версия № 88 от 18.11.2025). 2025. URL: https://data.gov.spb.ru/irsi/7808043833-licenses_medicine/structure_version/563/ (дата обращения: 11.12.2025)
7. Адреса Комплексных центров социального обслуживания населения (КЦСОН) районов Санкт-Петербурга. 2025. URL: <https://www.gov.spb.ru/gov/-otrasl/trud/socialnye-voprosy/usznr/oldstady/> (дата обращения: 14.12.2025)
8. Центр социальной помощи семье и детям Центрального района Санкт-Петербурга. 2025. URL: <https://www.cspsd-cr-spb.ru/nashi-otdelenija> (дата обращения: 14.12.2025)
9. Реестр поставщиков социальных услуг. 2025. URL: <https://iss.ktsz.spb.ru/ISS/esrn/index/servproviders.htm> (дата обращения: 14.12.2025)
10. Центр «Радомира» – Семьям. 2025. URL: <https://radomira.ru/categories/-semjam/> (дата обращения: 14.12.2025)

S. A. Noga (*Charitable Foundation for Assistance to Orphans «Deti zhdut»*)

**INSTITUTIONAL SUPPORT FOR RELATIVES OF PEOPLE WITH
MENTAL DISORDERS: ANALYSIS OF OPEN SOURCES OF
ORGANIZATIONS IN SAINT PETERSBURG**

This paper addresses the issue of institutional support for relatives of patients with mental disorders, including families with children. It presents an analysis of open sources of public and private organizations in Saint Petersburg. Data on medical and social institutions are systematized, the forms and degree of representation of family-oriented support are identified, and a lack of attention to children as a distinct target group is documented.

Mental disorders, mental health, relatives of patients, families with children, institutional support, psychiatric care, social support

УДК 378.1

О. И. Окуловский (Михайловская военная артиллерийская академия, e-mail: oo_noc@rambler.ru);

Г. Д. Кучерявая (Михайловская военная артиллерийская академия, e-mail: galina_d_k@mail.ru)

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ МИНОБОРОНЫ РОССИИ

Рассматриваются отдельные аспекты развития системы высшего образования в Минобороны России. В рамках действующих нормативных правовых актах, в соответствии с моделью образовательной программы высшего образования интегрированной с программой профессиональной переподготовки, предлагается получение обучающимися военных образовательных организаций высшего образования нескольких квалификаций.

Военная образовательная организация высшего образования, высшее образование, дополнительная профессиональная программа, образовательная организация, образовательная программа высшего образования, программа профессиональной переподготовки

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 12.05.2023 № 343 «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования» в 2023-2026 годах в России осуществляется пилотный проект, направленный на изменение уровней профессионального образования [1]. Участниками проекта выступают образовательные организации высшего образования подведомственные Минобрнауки России.

Пилотный проект предусматривает:

два уровня высшего образования (базовое высшее образование, специализированное высшее образование);

самостоятельный уровень профессионального образования (аспирантура (адъюнктура));

срок освоения программ базового высшего образования от четырех до шести лет, а программ специализированного высшего образования от одного года до трех лет в зависимости от направления подготовки, специальности и (или) профиля подготовки либо от конкретной квалификации, отрасли экономики или социальной сферы [1].

Система высшего образования Минобороны России, являясь неотъемлемой частью национальной системы высшего образования, должна быть готова к предстоящим изменениям как в вопросах организации образовательной деятельности, так и в вопросах проектирования образовательных программ по различным специальностям и направлениям подготовки. При этом

должны учитываться и потребности развития Вооруженных Сил Российской Федерации в комплектовании органов военного управления (ОВУ) и воинских частей высококвалифицированными специалистами нужной квалификации. Решение указанных задач зависит во многом от выбора образовательных программ, по которым проходит обучение в военных образовательных организациях высшего образования (ВОО ВО) Минобороны России.

Образовательная программа высшего образования (ОП ВО) является одним из основных элементов системы высшего образования, определяющим его содержание. Заблаговременное проектирование новых, а также корректировка уже реализуемых в настоящее время ОП ВО могут способствовать подготовке, в перспективе, ВОО ВО Минобороны России к предстоящим изменениям системы национального высшего образования.

Категория «образовательная программа» раскрывается в статье 2 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» (Закон об образовании) как комплекс основных характеристик образования (объем, содержание, планируемые результаты) и организационно-педагогических условий, который представлен в виде учебного плана, календарного учебного графика, рабочих программ учебных предметов, курсов, дисциплин (модулей), иных компонентов, оценочных и методических материалов, а также в виде рабочей программы воспитания, календарного плана воспитательной работы, форм аттестации [2].

Военные образовательные организации высшего образования Минобороны России входят в категорию образовательных организаций, осуществляющих подготовку кадров в интересах обороны и безопасности государства, обеспечения законности и правопорядка, а освоение ОП ВО в них имеет определенные особенности [2].

Образовательные программы, реализуемые в интересах обороны и безопасности государства, разрабатываются на основе требований, предусмотренных Законом об образовании, а также квалификационных требований к военно-профессиональной подготовке выпускников. Согласно требований нормативных правовых актов Минобороны России, выпускники ВОО ВО должны обладать компетенциями, необходимыми для выполнения профессиональных задач в должностях предназначения. Соответственно, и обучение необходимо осуществлять по специализированным ОП ВО, с учетом будущей их профессиональной деятельности.

Военная служба выпускников ВОО ВО в воинских частях и ОВУ представляет собой деятельность, при которой недостаток полученных знаний, умений, навыков и компетенции может повлечь гибель военнослужащих и(или) нанести существенный вред их здоровью. Объективно существует необходимость включения в ОП ВО специальных дисциплин, при изучении которых возможно формирование у выпускников дополнительных компетенций. При формировании основных характеристик ОП ВО должны учитываться такие факторы, как определение видов служебной деятельности и

профессиональных задач, к которым готовятся выпускники, результаты освоения образовательных программ, характеристики сформированных компетенций и другие вопросы.

Возможные изменения системы высшего образования Российской Федерации определяют отдельные направления деятельности Минобороны России и военных образовательных организаций высшего образования по проектированию ОП ВО. Так, например, необходима проработка вопросов о продолжительности обучения по программам базового высшего образования.

В 2021 году с внесением поправок в Закон об образовании, у обучающихся появилась возможность одновременного освоения в рамках обучения по ОП ВО нескольких квалификаций [2].

Нет необходимости объяснять, что система высшего образования Минобороны России должна постоянно совершенствоваться, в том числе и корректируя образовательные программы высшего образования. Одним из перспективных направлений ее развития может стать внедрение практики обучения по ОП ВО, предусматривающим присвоение выпускникам нескольких квалификаций [4], [5]. В этой связи необходимо закрепить за военными образовательными организациями высшего образования Минобороны России право реализовывать подобные ОП ВО.

Разработка и реализация ОП ВО в военной образовательной организации высшего образования в соответствии с нормативными правовыми актами, предусматривающих возможность одновременного получения обучающимися нескольких квалификаций может осуществляться в соответствии со следующими моделями [5]:

образовательная программа высшего образования по нескольким направлениям подготовки (специальностям) соответствующего уровня высшего образования;

образовательная программа высшего образования, интегрированная с программой(ами) профессиональной переподготовки;

образовательная программа высшего образования, интегрированная с программой(ами) профессионального обучения.

Таким образом, ВОО ВО получили возможность разработать такую ОП ВО, в рамках которой возможно объединение двух специальностей или направлений подготовки. Обучение по данной ОП ВО позволит присвоить выпускнику две квалификации. Также в единую ОП ВО возможна интеграция собственно образовательной программы высшего образования и дополнительной профессиональной программы – программы профессиональной переподготовки или программы профессионального обучения. В этом случае выпускнику по окончании обучения имеется возможность присвоить нескольких квалификаций [4], [5].

Реализация указанных положений возможна, например, при обучении по любой военной специальности (специализации) в ВОО ВО.

Как показывают объективные данные, сделанные на основе опыта по-

следних более чем трех лет проведения специальной военной операции (СВО), не достаточные знания основ тактической медицины способны привести к летальному исходу военнослужащих на поле боя. При существующем дефиците у выпускников знаний, умений и навыков доврачебной (первой) помощи, а также нехватка медперсонала в местах, где в кратчайшие сроки требуется оказать помощь лицам, получившим ранения (увечья, травмы, контузии), важно наличие соответствующих компетенций. Например, одним из возможных подходов одновременного получения нескольких квалификаций обучающимися ВОО ВО является разработка ОП ВО, предусматривающих получение нескольких квалификаций [3].

Таким образом, предлагаемые изменения будут способствовать корректировке отдельных направлений функционирования системы высшего образования Минобороны России в свете современных тенденций развития системы высшего образования Российской Федерации, поскольку позволят, с одной стороны, осуществлять подготовку военных специалистов, обладающих необходимыми компетенциями на различных должностях в воинских частях и ОВУ, а с другой стороны, заложат основу в последующем для перехода к новой системе высшего образования.

Источники:

1. Указ Президента Российской Федерации от 12.05.2023 № 343 «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования» (документ предоставлен КонсультантПлюс, дата обращения: 15.12.2025).
2. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (документ предоставлен КонсультантПлюс, дата обращения: 15.12.2025).
3. Приказ Минобрнауки России от 06.04.2021 № 245 «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры» (документ предоставлен КонсультантПлюс, дата обращения: 15.12.2025).
4. Письмо Минобрнауки России от 16.11.2022 № МН-5/35513 «О направлении разъяснений» (вместе с «Ответами на вопросы образовательных организаций высшего образования, поступившие в рамках вебинара на тему: «Расширение образовательными организациями высшего образования практики реализации образовательных программ в сетевой форме. Практическая подготовка – практика реализации», «Вопросами образовательных организаций высшего образования к вебинару на тему: «Модели реализации образовательных программ высшего образования: присвоение выпускнику нескольких квалификаций, построение траектории обучения в соответствии с потребностями рынка труда»» (документ предоставлен КонсультантПлюс, дата обращения: 15.12.2025).
5. Письмо Минобрнауки России от 21.07.2023 № МН-5/2645-ДА «О

применении отдельных норм законодательства об образовании» (вместе с «Методическими рекомендациями по разработке и реализации образовательных программ высшего образования, предусматривающих возможность одновременного получения обучающимися нескольких квалификаций») (документ предоставлен КонсультантПлюс, дата обращения: 15.12.2025).

O. I. Okulovsky (Mikhailovskaya Artillery Academy);

G. D. Kucheryavaya (Mikhailovskaya Artillery Academy)

SELECTED ISSUES OF IMPROVING THE HIGHER EDUCATION SYSTEM OF THE RUSSIAN MINISTRY OF DEFENSE

The article discusses certain aspects of the development of the higher education system in the Russian Ministry of Defense. Within the framework of the current legislation, in accordance with the model of a higher education program integrated with a professional retraining program, it is proposed that students of military higher education institutions receive several qualifications.

Military educational organization of higher education, higher education, additional professional program, educational organization, educational program of higher education, professional training program

УДК 81-114

С. К. Осипов (Санкт-Петербургский государственный экономический университет, e-mail: osipov_s_k@yahoo.com)

ДИСКУРСИВНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЦЕННОСТИ «MENTAL WELLBEING» В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ

В настоящей статье представлен анализ научных подходов к определению «медиатизации» как ключевого понятия современной медиалингвистики и других социальных наук. Развитие медиа за последние десятилетия выявили необходимость в уточнении содержания понятия «медиатизации», впервые представленного в работах британского социолога Дж. Томпсона. Рассматривается дискурсивная репрезентация ценности MENTAL WELLBEING в англоязычных СМИ, определяемая фактором медиа. С применением методов корпусной лингвистики на основе данных корпуса News on the Web (NOW) выявляются основные содержательные признаки концепта MENTAL WELLBEING и векторы его оценочной интерпретации. Анализ коллокатов сложносоставной лексики mental wellbeing позволил выявить основные содержательные признаки концепта в его дискурсивной медиарепрезентации.

Концепт, ценность, дискурсивное конструирование, корпусная лингвистика, mental wellbeing

Средства массовой информации играют важную роль в отображении концептов, в особенности тех, что связаны с социально важными феноменами. В последнее время к ним можно отнести миграцию, болезни (ВИЧ/СПИД), пандемию, гендерное равенство и прочее. Медиа является одним из возможных видов дискурса, представляющих собой пространство для существования концептов. Можно сказать, что в зависимости от среды они видоизменяются, но «ни один из дискурсов не способен в современных условиях оказать на «бытующий» в нем концепт обыденного сознания такого мощного воздействия как медиакоммуникация» [1, с. 42]. Как отмечала Р. Водак, «дискурс конституирует общество и, в свою очередь, конституируется им» [2, с. 18], то есть дискурс одновременно и определяется социумом, и становится определяющим фактором при формировании общественного сознания и основных ценностных ориентиров общества.

В связи с этим в течение последнего десятилетия в научных исследованиях начало активно рассматриваться понятие медиатизации – специфическая форма конструирования социальных представлений о мире, транслирующих образцы культуры, ценностные смыслы, коды и символы посредством медиатехнологий. Этот термин относится к ключевым понятиям такой науч-

ной дисциплины, как медиалингвистика (media studies), рассматривающей, помимо прочего, «медиатизацию концептов/ценностей».

Существует множество исследований отечественных и зарубежных лингвистов, посвященных этому вопросу. Сам термин «медиатизация» был введен в дискурс социальных наук британским ученым Дж. Томпсоном для описания отображения символических образов культуры. Социолог определяет медиатизацию как форму конструирования общественных представлений о мире с использованием медиатехнологий, которые транслируют образцы культуры, а также ценности [3]. Поскольку понятие было выведено Дж. Томпсоном в конце XX века, то оно продолжает формироваться и приобретать дополнительные смыслы в современном международном научном дискурсе. С. Ливингстон, сопоставляя различные определения «медиатизации», существующие в науке, заключает, что «понимание медиатизации остается незавершенным, продолжающимся историческим проектом» [4, с. 157], отчасти связанным с ограничениями видами используемых медиа (радио, телевидение и т. д.).

В отечественной лингвистике и смежных областях термин «медиатизация» начинает активно использоваться в конце 1990-х и начале 2000-х годов, впервые появившись в русскоязычных работах, отражающих западные концепции, в частности, в аналитических обзорах Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН). Начиная с девяностых, «медиатизация является ключевым трендом, задающим динамику развития общества и таких подсистем, как наука, массмедиа, политика и пр.» [5, с. 312]. Появляются исследования, в которых определяется понятие «медиатизации» и устанавливается его потенциал как базовой категории медиалингвистики. Так, Н.И. Клушина понимает под медиатизацией «распространение влияния медиа на важнейшие области социальной жизни и обратный процесс вовлечения в информационную сферу различных сторон общественной деятельности» [6 с. 68–69]. О. С. Иссерс описывает медиатизацию как процесс «интенсивного влияния масс-медиа на общественное сознание, на состояние языка и культуры» [7, с. 179]. Суммируя различные подходы, можно отметить, что теоретические представления о «медиатизации» как дискурсивном факторе и процессе продолжают развиваться. Это можно связать с динамическими изменениями в сфере интернет-медиа, благодаря которым информация стала более доступной, тем самым вырос прагматический потенциал тех средств и стратегий, посредством которых медиа влияют на общественное сознание.

В ряде актуальных отечественных исследований как ключевой результат медиатизации рассматривается дискурсивное конструирование в системе ценностей социума новых и трансформации уже существующих концептов, раскрывается аналитический потенциал методов корпусной лингвистики в дискурсивных и лингвоаксиологических исследованиях медийных текстов [1]; [8]; [9]; [10].

В центре внимания нашего исследования находится ценность MENTAL WELLBEING, приобретающая актуальность в последнее десятилетие. Обсуж-

дения ментального состояния людей ранее считались табуированными и различными способами кодировались, описывались иносказательно. В современном обществе данная тема стала актуальнее и, как следствие, ее отображение в медиа прошло процесс дестигматизирования, то есть, устранения ранее установленных предубеждений путем открытого описания социально значимого феномена.

В данной статье на материале пополняемого корпуса англоязычных медиатекстов *News on the Web* общим объемом более 20,7 млрд. слов с помощью функции «Collocates» были выделены основные коллокации, репрезентирующие концепт MENTAL WELLBEING, в период с 2010 по 2025 гг [11]. На первом шаге исследования выделялись коллокаты сложносоставной лексемы *mental wellbeing* в окне наблюдения 3L-3R. Далее рассматривались тридцать коолокатов ядерной лексемы с наиболее высокими показателями абсолютной частотности (ALL) и меры MI (Mutual Information Score).

В число наиболее частотных и релевантных коллокатов с показателем MI, превышающим 3.0, вошли лексемы, позволяющие сделать выводы об основных содержательных признаках концепта и векторах его оценочной интерпретации. К ним относятся: *physical* (6.46), *health* (3.21), *improve* (4.00), *care* (3.35), *malnutrition* (7.02), *nutrition* (5.94), *self* (5.58), *emotional* (4.83), *employees* (3.28), *promote* (3.95), *improving* (4.15), *boost* (3.70), *care* (3.55), *impact* (3.07), *employees* (3.28), *poorer* (6.07), *affect* (3.40), *maintain* (3.26), *stress* (3.34), *enhance* (3.36), *sleep* (3.02), *supporting* (3.57), *importance* (3.56), *improved* (3.50), *prioritise* (6.07), *mindfulness* (5.45), *fitness* (3.78), *workplace* (3.95), *promoting* (3.73), *affecting* (3.98), *resilience* (4.23), *improves* (4.86), *impacted* (3.77), *mood* (3.67).

Моделирование коллокаций в медийных нарративах, освещающих проблему поддержания ментального благополучия и психологического комфорта, показало, что они образуют семантические группы, относящиеся к темам **физического здоровья** (*physical, health*); **физической активности** (*fitness*); **здорового питания** (*malnutrition, nutrition*); **поддержания ментального благополучия граждан государственными институтами и общественными организациями** (*promote, improving, boost, maintain, enhance, supporting, promoting, improves, prioritise*), **заботы работодателей о ментальном здоровье сотрудников** (*employees, workplace*), **факторов, влияющих на ментальное здоровье** (*impact, affect, stress, sleep, affecting, impacted, poorer*), **осознанного, ответственного отношения человека к своему ментальному здоровью** (*self, care, mindfulness*).

Медийные нарративы отражают связь ментального здоровья с практиками здорового образа жизни и физическим здоровьем в целом: *Our intent is to go well beyond [cardio connected fitness]... we've got strength, we've got mental wellbeing, nutrition and hydration and sleep and recovery," Stern said... (Consumer News and Business Channel, 06.11.2025 [11]).* Акцентируется необходимость деятельного участия государственных служб и общественных организа-

ций в программах по поддержанию ментального здоровья граждан, что отражается в наличии в числе коллокатов *mental wellbeing* глаголов с семантикой развития, усиления, продвижения: *The Mental Wellbeing Plan (2023–2028) was launched in Spring 2023 and demonstrates how partners across the system will work together to **promote mental wellbeing*** (County Press, UK, 29.01.2025 [11]). Поддерживается также важность заботы каждого отдельного члена общества о своем здоровье, значимость практик осознанного поведения, направленных на улучшение и поддержания собственного положительного эмоционального фона и психологического комфорта: *I share Fitbit's belief that **mindfulness and mental wellbeing** are an important part of our holistic health and by better managing your emotional wellbeing, it can help make a positive lasting impact on your overall health* (Business Post, 23.04.2021 [11]). СМИ создают нарратив озабоченности ухудшением ментального здоровья граждан, освещая негативные факторы, способствующие этой тенденции: *Particularly concerning is the increase in school-related **stress** which may be contributing to **poorer mental wellbeing**, especially among 15-year-old girls.* (The Guardian, 15.03.2016 [11]).

На следующем шаге исследования нами были выделены коллокаты сложносоставной лексемы *mental illness*, являющейся оппозитивом лексемы *mental wellbeing*. К наиболее релевантным коллокатам-существительным были отнесены: *stigma* (8,59), *addictions* (8,49), *schizophrenia* (8,90), *addiction* (8,24), *stigmas* (8,23), *stigmatization* (8,06) и *retardation* (8,00). В числе коллокатов-прилагательных выделяются такие, как: *diagnosable* (9,88), *substance-use* (9,12), *perinatal* (8,42), *untreated* (8,23) и *undiagnosed* (8,16). Большая часть коллокатов связаны с темой зависимостей, запрещенных препаратов, постановки медицинских диагнозов и лечения болезней, а также стигматизации психических недугов и психологического неблагополучия: *I have no doubt that reducing the **stigma** around **mental illness** in society has saved lives...* (The Spectator, 26.06.2025 [11]).

Тематическая категоризация коллокатов сложносоставных лексем *mental wellbeing* и *mental illness* с последующим интерпретативным анализом контекстов их употребления в корпусе показали, что наиболее актуальными аспектами освещения ментального благополучия в англоязычных медиа являются: проблема стигматизации ментального нелагополучия; необходимость государственной и общественной поддержки нездоровых людей; важность минимизации факторов, негативно влияющих на ментальное здоровье и эмоциональный комфорт; значимость осознанного отношения каждого человека к своему психическому здоровью. Качественные и популярные медиа предлагают схожие контексты в публикациях на тему о психическом здоровье, эмоциональном состоянии граждан и прочих составляющих ценностного поля.

Источники:

1. Медиатизация лингвокультурных феноменов: аспекты языковой репрезентации. Волгоград: ВГУ, 2024.

2. Wodak R. Disorders of discourse. L.; N.Y.: Longman, 1996.
3. Thompson J. B. Mediated Interaction in the Digital Age. // Theory, Culture & Society. 2018. № 37 (1).
4. Ливингстон С. О медиа(тиза)ции всего // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2017. Т. 2, № 2.
5. Рысакова П. И. Стратегии научной популяризации в цифровой медиасреде // Медиалингвистика. 2022. Т. 9, № 4.
6. Клушина Н. И. Медиатизация современной культуры и русский национальный стиль // Русская речь. 2014. № 1.
7. Иссерс О. С. Массовая речевая культура в аспекте медиатизации социальных коммуникаций // Вестник НГУ: История, филология. 2019. Т. 18, № 6.
8. Кочетова Л. А., Ильинова Е. Ю. Лингвокультурная специфика практик репрезентации кибербезопасности в русскоязычном медийном пространстве: корпусный подход // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 3.
9. Кочетова Л. А., Кононова И.В. Медиатизация регулятивной ценности «здоровый образ жизни» в англоязычных СМИ: корпусный подход // Научный диалог. 2024. Т. 13. № 6.
10. Кононова И. В., Кочетова Л. А. Метафорическая концептуализация ценности Mental Health в англоязычных СМИ // Когнитивные исследования языка. 2025. № 1. 1 (62).
11. English-Corpora.org – News on the Web (NOW). URL: <https://www.english-corpora.org/> (accessed 09.12.2025)

S. K. Osipov (Saint Petersburg State University of Economics «UNECON»)

DISCURSIVE REPRESENTATION OF THE MENTAL WELLBEING VALUE IN ENGLISH-LANGUAGE MEDIA

This article presents an analysis of scientific approaches to the definition of “mediatization” as a key concept in modern media linguistics and other social sciences. The development of media over the past decades has highlighted the need for clarification of the content of the term “mediatization,” first introduced in the works of British sociologist J. Thompson. The discursive representation of the MENTAL WELLBEING value in English-language media is examined, with the factor of media playing a determining role. Using corpus linguistic methods based on data from the News on the Web (NOW) corpus, the main semantic features of the concept MENTAL WELLBEING and vectors of its evaluative interpretation are identified. Analysis of collocates of the compound lexeme mental wellbeing revealed the primary substantive characteristics of the concept in its discursive media representation.

Concept, value, discursive construing, corpus linguistics, mental wellbeing

УДК 316.4.066

А. В. Павлов (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: aliekhandr-pavlov-2000@mail.ru);

Э. А. Эсселевич (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: ernest.esselevitch@yandex.ru)

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА РЕГУЛЯТОРНОЙ РОЛИ ЦИФРОВОГО КАПИТАЛА В СЕТЕВОМ ОБЩЕСТВЕ РОССИИ: НА ОСНОВАНИИ АНАЛИЗА ВТОРИЧНЫХ ДАННЫХ ВСЕРОССИЙСКИХ МОНИТОРИНГОВ

Актуальность исследования обусловлена переходом цифрового капитала в России в фазу структурообразующего регулятора социальной стратификации в условиях кризиса рынка труда. Научная новизна заключается в операционализации цифрового капитала как мета-капитала с регуляторной функцией и введении коэффициента конвертации как ключевой переменной стратификации. На основании анализа вторичных данных выявлена двойственная природа его воздействия: цифровой капитал действует как «социальный лифт» и драйвер экономического неравенства, создавая «цифровую премию», но в сфере символического и социального капиталов выступает механизмом консервации, наталкиваясь на «институциональную блокаду» доверия и фрагментируя общество.

Цифровой капитал, социальная диагностика, сетевое общество, коэффициент конвертации, цифровое неравенство, социальная стратификация, цифровой разрыв, цифровизация

В современной России цифровое неравенство сместилось от вопроса доступа к качеству использования ресурсов. Парадокс в том, что высокий доступ и формальная грамотность непропорционально улучшают социально-экономический статус. В нашей работе цифровой капитал анализируется как динамический мета-капитал, регулирующий конвертацию традиционных ресурсов. Для этого вводится коэффициент конвертации ($K(conv.)$) как ключевая переменная стратификации.

Целью анализа является социологическая диагностика регуляторной роли цифрового капитала в процессах перераспределения экономического, культурного и социального капиталов в сетевом обществе России.

Для проведения социологической диагностики мы отходим от инструментального понимания цифровой грамотности и операционализируем цифровой капитал (ЦК) как мета-капитал, обладающий регуляторной функцией по отношению к классической триаде капиталов П. Бурдьё (экономическому, культурному, социальному). Нами разработана диагностическая модель, в

которой Индекс Цифрового Капитала (Index digital capital) – IDC рассчитывается не как сумма навыков, а как производная от потенциала конвертации. Мы вводим формулу $IDC = (A1 * C1) * K(conv.)$, где $A1$ – материальный доступ, $C1$ – уровень цифровых компетенций (информационных – поиск, оценка и систематизация данных, и коммуникативных – создание контента, личного бренда, участие в коллаборациях), а $K(conv.)$ – коэффициент конвертации, отражающий способность индивида трансформировать цифровые действия в офлайн-ресурсы. Анализ данных всероссийских мониторингов (RLMS-HSE, ВЦИОМ, НАФИ) за период 2021–2024 гг. позволяет утверждать, что в российском сетевом обществе цифровой капитал перестал быть просто «дополнительным ресурсом» и стал институциональным фильтром, определяющим проницаемость социальных лифтов [1, с. 105–125].

При первичной обработке данных индекса цифровой грамотности НАФИ (71 п.п. в 2023 году) мы фиксируем критический дисбаланс, указывающий на низкий потенциал генерации символического капитала: при высокой информационной грамотности (умение потреблять) компетенция «создание цифрового контента» остается в зоне минимума. Это позволяет диагностировать состояние российского общества как «общества цифровых реципиентов», а не «цифровых продуцентов» [2, с. 45]. Регуляторная роль ЦК здесь проявляется в блокировке восходящей мобильности: большинство населения использует сеть для сохранения текущего социального статуса (развлечение, общение с сильными связями), в то время как меньшинство с высоким $K(conv.)$ использует сеть для его повышения [3, с. 112].

Анализ корреляции между цифровыми компетенциями и доходными децилями на базе данных RLMS-HSE и отраслевых отчетов демонстрирует, что цифровой капитал выступает главным драйвером экономической стратификации [4, с. 78]. Мы наблюдаем феномен «цифрового разрыва второго уровня», который регулирует доступ к экономическим благам не через наличие компьютера, а через формат занятости. Данные за 2024 год показывают, что переход на дистанционную занятость (доступный лишь носителям высокого ЦК) создает «цифровую премию»: заработные платы IT-фрилансеров выросли на 40% [5], достигнув 147 тыс. руб., в то время как в профессиях с низким компонентом цифрового капитала (копирайтинг, административные функции) рост составил лишь 21%.

Более того, цифровой капитал начал выполнять функцию регионального выравнивателя [6, с. 23], но только для узкой страты. Работа механизма $K(conv.)$ (конвертации в деньги) изменилась: специалисты из регионов (например, Новосибирск) через удаленную занятость получают доступ к столичным зарплатам, выравнивая свои доходы с московскими. Это подтверждает гипотезу о том, что ЦК «отменяет» географический детерминизм, но усиливает профессиональную сегрегацию [7, с. 56]. При этом данные RLMS показывают тревожный тренд: в кризисные периоды (2020, 2022) наличие высшего образования (культурный капитал) без актуализированного цифро-

вого капитала перестает гарантировать защиту от снижения доходов [8, с. 91]. Таким образом, ЦК становится верификатором культурного капитала: диплом вуза конвертируется в достойную зарплату только при наличии цифрового интерфейса реализации навыков.

В сфере культурного капитала мы фиксируем взрывной рост конвертации времени в институционализированные знания через цифровые платформы. Рынок онлайн-образования вырос в 10 раз за 5 лет [9], достигнув объема 145 млрд руб. Социологически значимым является не сам объем рынка, а структура потребления: 56% пользователей использовали онлайн-обучение для повышения квалификации, что свидетельствует о стратегии накопления. Однако диагностика выявляет здесь скрытую форму неравенства. Доступность онлайн-образования (формальная демократизация) не привела к выравниванию шансов. Напротив, данные показывают, что эффективное завершение курсов (реальное накопление культурного капитала) коррелирует с исходным уровнем самоорганизации и «доцифрового» образования. Цифровой капитал здесь работает как мультипликатор: он усиливает культурный капитал тех, у кого он уже был высок, и мало влияет на ресурсную базу низкоресурсных групп, подтверждая «эффект Матфея» в цифровой среде [10, с. 34].

Наиболее сложная конфигурация выявлена в анализе конвертации ЦК в социальный и символический капиталы. Вопреки глобальным трендам, в России наблюдается «институциональная блокада» конвертации цифровой популярности в общественное доверие. Данные ВЦИОМ (2023) показывают отрицательный индекс доверия к социальным сетям и блогам (-20 п.), в то время как традиционное телевидение сохраняет положительный баланс (+24 п.) [11, с. 67]. Это означает, что накопленный в сети символический капитал (лайки, подписчики) имеет низкий курс обмена на легитимность в широком социуме. Лишь 19% россиян доверяют блогерам [12].

Регуляторная роль ЦК здесь проявляется в фрагментации общества: формируются замкнутые «цифровые анклав» (эхо-камеры) [13, с. 102], внутри которых символический капитал имеет высочайшую ценность, но за их пределами он девальвируется. Социальный капитал, формируемый онлайн, остается «слабым» (по Грановеттеру) [14, с. 28], и его конвертация в реальную взаимопомощь затруднена низким уровнем межличностного доверия. Сетевое общество России демонстрирует высокую связность при низкой сплоченности, где цифровой капитал используется для поддержания контактов (бриджинг), но не для создания глубоких связей (бондинг), способных генерировать коллективное действие.

Таким образом, на основании анализа вторичных данных, мы диагностируем, что цифровой капитал в России на текущем этапе выступает не столько вспомогательным ресурсом, сколько механизмом ре-стратификации. Он эффективно конвертируется в экономические блага для квалифицированного меньшинства, создавая новые формы неравенства, но наталкивается на барьеры недоверия при попытке конвертации в символическую власть и по-

литическое влияние. Он не просто дополняет классическую типологию капиталов П. Бурдье, но выступает необходимым условием их ликвидности. Без верификации «цифрой» традиционные активы (диплом вуза, профессиональный опыт) теряют конвертируемость, подвергаясь эрозии.

Источники:

1. Дерюгин П. П., Милецкий В. П., Павлов А. В., Эсселевич Э. А. Социологическая диагностика цифрового капитала как фактора цифрового неравенства: апробация методологической модели // Дискурс. 2025. №1. С. 105–125.
2. Национальное агентство финансовых исследований (НАФИ). Индекс цифровой грамотности населения России. 2023. М.: НАФИ, 2023.
3. Бурдье П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 60–74.
4. Данные RLMS-HSE (Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ). Волна 2023 г. URL: <https://rlms-hse.crs.unc.edu/> (дата обращения: 10.12.2025).
5. Российский рынок труда IT-специалистов в 2024 году: аналитический отчет. М.: Sense-group, 2024.
6. Волков Ю. Г. Социологическая диагностика и экспертиза: потенциал «социологии для общества» // Россия реформирующаяся. 2015. № 13. С. 20–35.
7. Ластовкина Д. А. Сетевой подход в социологии: теоретический обзор основных направлений // Society and Security Insights. 2022. № 1. С. 50–65.
8. Цомартова М. Э., Волик М. В. Последствия дефицита специалистов на рынке труда и вызовы 2024 года // Дискуссия. 2024. № 4 (125). С. 85–95.
9. Рынок онлайн-образования в России 2024: итоги года. М.: EdMarket, 2024.
10. Лебедев А. Н. К теории ценностно-аффективной поляризации социальных групп // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2022. Т. 2. № 1. С. 30–45.
11. ВЦИОМ. Индекс доверия к институтам и каналам информации: ноябрь 2023. Пресс-выпуск № 4675. М.: ВЦИОМ, 2023.
12. Исследование медиапотребления и доверия к источникам информации. М.: ФОМ, 2023.
13. Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 4. С. 31–50.
14. Шадаев оценил дефицит айтишников в 500–700 тыс. человек // РБК. 2023. 16 августа. URL: <https://www.rbc.ru/economics/16/08/2023/64dce9789-a7947ec1d11a641> (дата обращения: 10.01.2025).

A. V. Pavlov (*Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»*);

E. A. Esselevich (*Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»*)

**SOCIOLOGICAL DIAGNOSTICS OF THE REGULATORY ROLE OF
DIGITAL CAPITAL IN THE RUSSIAN NETWORK SOCIETY: BASED ON
THE ANALYSIS OF SECONDARY DATA FROM ALL-RUSSIAN
MONITORING**

The relevance of the study is due to the transition of digital capital in Russia to the phase of a structure-forming regulator of social stratification in the context of the labor market crisis. The scientific novelty lies in the operationalization of digital capital as a meta-capital with a regulatory function and the introduction of the conversion coefficient as a key stratification variable. Based on the analysis of secondary data, the dual nature of its impact has been revealed: digital capital acts as a "social elevator" and a driver of economic inequality, creating a "digital premium", but in the sphere of symbolic and social capital it acts as a conservation mechanism, encountering an "institutional blockade" of trust and fragmenting society.

Digital capital, social diagnostics, network society, conversion rate, digital inequality, social stratification, digital divide, digitalization

УДК 37.014; 141.82; 330.342.146

Е. В. Павлюк (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: evgen.mgd@gmail.com)

НОВЫЕ И СТАРЫЕ ФОРМЫ ОТЧУЖДЕНИЯ В ЭПОХУ КРИЗИСА «СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛИЗМА»: ОБОСНОВАНИЕ С ПОЗИЦИЙ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Современное общество стран первого и второго мира претендует на звание «постиндустриального» общества, которое, согласно доминирующим сегодня теориям, лишено противоречий и проблем предшествующих форм капитализма, однако практический опыт и объективные факторы в обществе, политике, образовании и сфере производства опровергают эти теории. Социально-ориентированный капитализм не только не снял противоречий и антагонизмов своих предшественников, но и развил их дальше, особенно в непродуцированных сферах жизни человека. Статья акцентирует внимание на новых формах отчуждения, а именно: отчуждение от процесса образования, отчуждение от знаний и отчуждение обучающихся и обучающихся друг от друга, параллельно доказывая наличие старых форм отчуждения, сформулированных Карлом Марксом в «постиндустриальном» обществе социально-ориентированного капитализма.

Отчуждение от знания, отчуждение от процесса образования, отчуждение обучающихся и обучающихся друг от друга, диалектический материализм, социальный капитализм, политическая экономия

Социальный капитализм, порожденный борьбой капиталистической формации с деформированными рабочими государствами или так называемыми странами социалистического лагеря, действительно на качественном и количественном уровне стоит много выше предшествующих форм капитализма [1], но господствующие сейчас в науке, обществе и политике теории «социального» капитализма претендуют не просто на описание отличий современной стадии от предшествующих. Современные теории прямо утверждают, что отличия в форме органически перешли и в отличие по содержанию.

Если углубиться в современные неолиберальные или консервативные экономические и философские теории, которые выражают открыто свою апологетику капиталистическому обществу, то в подавляющем большинстве можно встретить опровержения материалистического понимания истории и политической экономии Карла Маркса. При этом претенденты на опровержение марксизма не обращают должного научного внимания на диалектический характер теории научного коммунизма. То, что описано Карлом Марксом в XIX веке, конечно сейчас не может в полной мере описывать события

XXI века, поскольку с XIX века изменились многие вещи в научно-техническом плане, а вследствие этого многое поменялось и в общественных отношениях. Поэтому в марксизме, как и в любом другом научном направлении, существует творческое развитие теории на основе актуальных научных открытий.

Новые данные в области социологии, философии, политики и экономики позволяют взглянуть на общественные отношения под теми углами, которые были не так заметны в XIX или XX веке. Но это не означает, что они последовательно объясняют или хоть в какой-то мере исчерпывают имеющиеся вопросы современности без порождения новых. Используя актуальные открытия вышеописанных дисциплин, подкрепленные современным научно-техническим прогрессом, на основе метода диалектического материализма по отношению к обществу, т. е. на основе исторического материализма органически можно прийти к следующему:

1. В конечном счете производство и воспроизводство действительной жизни все еще является определяющим моментом в историческом процессе, несмотря на сглаживание многих противоречий XIX и XX века, которые не видны сейчас так ярко, как в предыдущие исторические эпохи. Но это не означает, что с тех пор исторический процесс встал с ног на голову. Это не означает, что мир меняется под влиянием идей, выдвинутых тем или иным философом-теоретиком, поскольку эти идеи все еще являются продуктом способа производства материальной жизни, который обуславливает социальные, политические и духовные процессы жизни вообще. Западные либералы, демократы, социалисты и еврокоммунисты публикуют под своим авторством не одну сотню книг, посвященных проблеме неравенства, социальную несправедливость и даже как популяризировать свои идеи самым эффективным способом. Тем не менее, практика показывает, что в конечном счете это не привело Европу к решению или снятию проблем капитализма, а с недавних пор модель «социального государства» и «шведского социализма» находятся в экономическом и нравственном упадке, несмотря на то, что в западном обществе популяризированы идеи социальной справедливости, равенства и всеобщего блага. Теория «социального» капитализма не может объяснить ни предпосылки упадка, ни сам упадок, поскольку базируется она на объяснении влияния частей надстройки общества друг на друга и на объяснение формы отражения экономического базиса в ней, но эта теория не использует имманентных экономических законов в самом базисе, которые и изменяют части надстройки в соответствии с экономическими интересами правящего класса.

2. Социальный капитализм (капитализм «с человеческим лицом») не снял противоречий в отношениях людей. Отчуждение от родовой сущности, отчуждение от процесса труда, отчуждения человека от других людей и отчуждение от продуктов труда не только не были сняты в последующих промышленных революциях, эпохе цифровизации и глобализации, но наоборот, лишь усилились по сравнению с XX веком [1]. Из чего понятно, что социаль-

ный капитализм, как и его предшественники имеет лишь преходящую форму и не будет длиться вечно.

3. Социальный капитализм в борьбе с бюрократическим «социализмом» СССР перенял от Союза много прогрессивного, что как бы должно было опровергнуть основные положения научного коммунизма Карла Маркса, однако, по причинам, изложенным в предыдущем пункте, этого не произошло. Наоборот, социальный капитализм, подняв развитие человечества на новый уровень (в сравнении с прошлым), сейчас находится в упадке, вследствие чего можно также увидеть новые формы противоречия между производственными силами и производственными отношениями, которые Карл Маркс если и застал, то в зачаточном виде, что не могло дать ему материала для исследования этих противоречий. Социально-ориентированный капитализм позаимствовал систему доступности всеобщего образования рабочему классу к средне-специальному и высшему образованию, одновременно введя систему обязательного школьного образования для детей. Вместе с этим, упадок в сфере образования показал, что могут существовать, помимо систематизированных и сформулированных Карлом Марксом на основе классической политической экономии и идей утопических социалистов 4-х основных типов отчуждения, новые типы отчуждений и подтипы старых. Помимо вышеупомянутых 4-х основных, впоследствии открыли как минимум еще 2: отчуждение от процесса образования и отчуждения от знания, вместе с этим отчуждение человека от других людей получило новую почву в процессе образования, а именно отчуждение обучающихся и обучающихся друг от друга.

4. Отчуждение от процесса образования проявляется в нежелании студентов посещать занятия по не интересующим их или сложным предметам, или если в принципе отсутствует система контроля посещаемости, которая все равно не гарантирует усвоение студентом предмета, поскольку даже присутствуя очно на предмете, его сознание может быть где-то в телефоне. Школьники вместо изучения предметов дома используют готовые ответы (ГДЗ) и нейросети для выполнения домашнего задания, бездумно его переписывая, очные занятия могут игнорироваться ими в старших классах так же, как и у студентов.

5. Отчуждение от знания имеет более яркий и пагубный эффект, органично дополняя вышеприведенное отчуждение, а именно в том, что обучающиеся может получать положительные оценки, но если задать ему вопрос с прошлых лет обучения, с большой долей вероятности он не ответит, поскольку большинство детей и студентов руководствуются тактикой, суть которой можно описать так: «Если это знание оценивается сейчас или будет оцениваться к концу семестра/четверти, то я это выучу к моменту оценивания, после него нет необходимости держать полученную информацию в голове ввиду ее бесполезности в практической жизни».

Процесс получения знания и само знание отчуждаются от человека, принимают чуждый ему характер, прямо как в отчуждении от процесса труда и

продуктов труда. Процесс обучения воспринимается как «не моя жизнь, что-то чуждое мне, забирающее мое личное время», полученные знания не используются для творческого развития науки, самореализации и познания окружающего бытия с целью поставить над ним сознательный контроль, принимая в человеческой голове форму бесполезно потраченного времени, а доучивание к контрольным точкам приводит к тому, что большой поток информации за короткий промежуток времени приводит к формальному результату: человек предмет как бы сдал, но одновременно с этим его не знает. Такой человек становится по словам Теодорно Адорно «полуобразованным», который понимает, что от него хотят на рабочем месте, но который не всегда до конца осознает процессы, в которых он участвует, как человеческая рабочая сила. Весь процесс сводится в конечном счете в отчуждении полученных знаний, опосредствованный через диплом/аттестат об окончании учебного заведения, после которого большую часть полученной информации «можно забыть» [2].

Помимо этого, в сфере образования усугубляется отчуждение человека от других людей. Преподаватель против воли становится в антагонистические отношения с обучаемыми. Мало того, что находится под действием против воли 4-х уже давно известных типов отчуждения, так еще один из них обостряется из-за того, что лица, которых он учит, попадают под 2 новых типа отчуждения и видят в преподавателях своих онтологическим оппонентом, которые дают им бесполезную и устаревшую информацию.

Неомарксисты, фрейдомарксисты, франкфуртская школа, современные социологи и философы разрабатывали теории схожие с выше указанными тезисами об отчуждении в отношениях в сфере образования, но в сравнении с диалектическим материализмом уходили в различные крайности, которые в конечном счете не объясняли генезиса проблемы, а лишь порождали еще больше вопросов или сводили все в конечном счете на фатализм.

Неомарксисты: Луи Альтюссер, Сэмюэл Боулз, Герберт Гинтис [3; 4]. Отошли от экономического обоснования в сторону идеологии. Сущность их воззрений сводится к описанию механизма воспроизводства отношений на производстве в сфере образования, но они не объясняют причин возникновения подобного рода воспроизводства. Заметно, что их теория вдохновлена теорией культурной гегемонии Антонио Грамши, снятие и преодоление противоречий видят в «долгой войне» за гегемонию и идеологическую борьбу, как внутри образовательных учреждений, так и вне их [5].

Франкфуртская школа: Макс Хоркхаймер, Теодор Адорно, Герберт Маркузе [6; 7]. Отошли от политэкономического анализа в сторону критики культуры и разума. Являются создателями теории «одномерного» человека. Пессимистичны относительно разрешения противоречий. Пропагандируют теорию полупассивного сопротивления («великий отказ» Маркузе и «негативное мышление» Адорно). По существу, в методах критики и борьбы, а также теоретических воззрениях на преодоление противоречий очень схожи с поздними младогегельянцами XIX века (Бруно Бауэр, Арнольд Руге) [8; 9].

Т. е. просто-напросто научная критика и тотальный отказ от системы ценностей капиталистического общества.

Пьер Бурдьё, французский социолог (теория социального воспроизводства) [10]. Стратегия социальных групп, а не классов. Школа лишь воспроизводит имеющееся в обществе социальное неравенство, но из его теории не понятно почему и зачем. Вводит понятие «символического насилия» – мягкого принуждения принять имеющиеся независимо от нашей воли правила игры. Методы борьбы видит в реформизме и научном разоблачении.

Мишель Фуко [11]. Рассматривает власть не как насилие одного класса над другим, а как сеть отношений, производящая самого человека. Для него знание и власть нераздельны, образовательные учреждения «дисциплинарные институты», которые производят «послушные тела». Самый странный путь преодоления противоречий из всех, а именно локальное (личное) сопротивление и «забота о себе».

Пауло Фрейре, бразильский теоретик педагогики (критическая педагогика) [12]. Вся суть его теории сводится к переносу на образование банковских отношений или, как говорит сам автор, «банковскую модель» образования, где учитель «депозитирует» знания в пассивного ученика. Выход видит в диалогической или проблемно-постановочной педагогике, где учитель и ученик совместно познают мир, что побуждает критическое сознание и ведет к освобождению. По сути своей сводит преодоление противоречий к реформизму.

Неолиберализм. Идеологи «экономики знаний», теоретики «человеческого капитала», например, последователи Гэри Беккера [13]. Не видят проблем в действующей системе, считают современную модель образования вполне приемлемой и подчиненной логике рынка и эффективности рыночной экономики. Рассматривают образование, как инвестицию в «человеческий капитал» для приобретения «компетенций» и «гибких навыков» для повышения конкурентоспособности на рынке труда. Стоят за свободный рынок труда и реформы в сторону свободного рынка труда с реформированием образования под нужды технологической ориентации и «навыков XXI века», чтобы вложенные инвестиции в «человеческий капитал» могли быть применены в любой точке мира, где они найдут спрос на свою рабочую силу.

Где же искать источник этих новых видов отчуждения? В экономических производственных отношениях людей. Производство рабочей силы требует известных затрат на образование, однако чересчур большие временные затраты на образование приводят к тому, что общественно необходимое рабочее время для производства товара «рабочая сила» растет, а из политической экономии Карла Маркса мы знаем, что это приводит к удорожанию как самой «рабочей силы», так и к удорожанию произведенных ею продуктов труда [14; 15]. Все заметнее, что в образовании вектор его развития сводится не к получению знаний для сознательного управления общественными процессами и завоеванию сил природы, а для получения компетенции делать определенную механически отупляющую работу, для удешевления и уменьшения обще-

ственно необходимого времени для производства рабочей силы, а как следствие понижении ценности образования и его влияния на заработную плату выпускников ВУЗов и средне-специальных учебных заведений [16].

Таким образом, «социальный» капитализм не снимает противоречий предыдущих форм капитализма, а лишь сглаживает их до кризисных ситуаций. Вместе с этим новости из цивилизованных стран «социального» капитализма все чаще сообщают о кризисах в разных областях промышленности и общественных институтах, которые вынуждают пролетариев выходить на забастовки и стачки, из чего можно сделать закономерный вывод: социальный капитализм исчерпал свою прогрессивную роль и находится на стадии упадка, а в некоторых западных странах и вовсе начинается отказ от модели социального государства. Вместе с этим подъем общественного развития капитализмом на качественно более высокую ступень по сравнению с его предыдущей ступенью – империалистическим капитализмом, что породил новые типы противоречий в одной из самых консервативных областей общественных отношений, которые, как показывает опыт, невозможно снять реформами. Это лишь подтверждает тезисы современных марксистов, последователей Теда Гранта, что капитализм исчерпал свою прогрессивную роль и никакие либеральные реформы и системы процветания не могут длиться вечно.

Для снятия накопившихся в обществе противоречий необходимо радикальное изменение в производственных отношениях людей, которые уже давно стали оковами для развития производительных сил общества и начинают становиться оковами в надстройке над экономическим базисом.

Источники:

1. Вудс А., Грант Т. Бунтующий разум: марксистская философия и современная наука / пер. с англ. Ю. В. Жулий. М.: Канон+, 2015.
2. Адорно Т. Теория полуобразования // Социологические исследования. 1993.
3. Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (Заметки для исследования) // Неприкосновенный запас. 2011. № 3 (77).
4. Боулз С. Школа в капиталистической Америке: образовательная реформа и противоречия экономической жизни. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011.
5. Слева от Маркса. Учение о гегемонии / А. Грамши, Л. Д. Троцкий; под общ. ред. О. В. Селина. М.: Родина, 2024.
6. Хоркхаймер М. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / М. Хоркхаймер, Т. Адорно. М.; СПб: Медиум, Ювента, 1997.
7. Маркузе Г. Одномерный человек: исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: REFL-book, 1994.
8. Bauer B. Die Posaune des jüngsten Gerichts über Hegel den Atheisten und Antichristen. Ein Ultimatum. Leipzig: Wigand, 1841.

9. Ruge A. *Zwei Jahre in Paris. Studien und Erinnerungen*. Leipzig: Jurany, 1846.
10. Бурдые П. Формы капитала // *Эконом. социология*. 2002. Т. 3, № 5.
11. Фуко М. *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. М.: Ad Marginem, 1999.
12. Фрейре П. *Педагогика угнетенных. 50-летие издания*. СПб: Азбука-Аттикус, 2018.
13. Becker G.S. *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education*. 3rd ed. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1993.
14. Маркс К. *Капитал. Критика политической экономии*. Т. 1, кн. 1: *Процесс производства капитала* // Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения: в 50 т.* 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1960. Т. 23.
15. Маркс К. *Наемный труд и капитал* // Маркс К., Энгельс Ф. *Соч. в 50 т.* 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 6.
16. Маркс К. *Экономико-философские рукописи 1844 года* // Маркс К., Энгельс Ф. *Соч. в 50 т.* 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1974. Т. 42.

E. V. Pavliuk (*Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»*)

**NEW AND OLD FORMS OF ALIENATION IN THE ERA OF THE CRISIS
OF «SOCIAL CAPITALISM»: A JUSTIFICATION FROM THE
STANDPOINT OF DIALECTICAL MATERIALISM**

Modern societies of the first and second world lay claim to the title of "post-industrial" society, which, according to dominant contemporary theories, is devoid of the contradictions and problems of prior forms of capitalism. However, practical experience and objective factors in society, politics, education, and the sphere of production refute these theories. Socially-oriented capitalism has not only failed to resolve the contradictions and antagonisms of its predecessors but has further developed them, especially in the non-productive spheres of human life. The article focuses on new forms of alienation, namely alienation from the educational process, alienation from knowledge, and the mutual alienation of educators and learners, while simultaneously demonstrating the presence of the old forms of alienation formulated by Karl Marx within the "post-industrial" society of socially-oriented capitalism.

Alienation from knowledge, alienation from the educational process, alienation of educators and learners, dialectical materialism, social capitalism, political economy

УДК 811.111'373.45

С. Р. Папуш (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: papushs727@gmail.com)

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ СЛОВАРНОГО СОСТАВА СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА КАК СЛЕДСТВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Статья рассматривает этимологию как важный раздел языкознания, изучающий происхождение и историческое развитие слов. Основное внимание уделяется формированию словарного состава английского языка, который больше, чем наполовину состоит из заимствований. Прослеживается влияние различных языков (латинского, скандинавского, французского, итальянского, русского и др.) на лексику английского языка в разные исторические периоды – от древнеанглийской эпохи до Нового времени. Показано, как исторические события (христианизация, нормандское завоевание, эпоха Возрождения, торговые связи) обусловили интенсивность и характер заимствований, приводящих к орфографическим и семантическим изменениям слов.

Этимология, заимствования в английском языке, историческое развитие английской лексики, латинские заимствования, нормандское завоевание, скандинавские заимствования, этимологические дубликаты, словарный состав, источники заимствований, периодизация английского языка

Важным разделом языкознания является этимология: она напрямую связана с лингвистикой, так как помогает определить происхождение слов. Объектом исследования в этимологии является определение того, когда, в каком языке, по какой словообразовательной модели, на базе, какого языкового материала, в какой форме и с каким значением возникло слово, а также какие исторические изменения его первичной формы и значения обусловили форму и значение, известные исследователю. Таким образом, предметом этимологии, как раздела языкознания, является изучение источников и процесса формирования словарного состава языка и реконструкция словарного состава языка древнейшего периода [1, с. 7–8].

Современный английский язык, со специфическими особенностями его звукового и грамматического строя и словарного состава, представляет собой продукт длительного исторического развития, в процессе которого язык подвергался разносторонним изменениям, обусловленным различными причинами. Заимствования, из которых английский язык состоит почти на 70% [2, с. 222], стали неотъемлемой его частью. Будучи результатом длительного исторического взаимодействия языков, заимствование как процесс и заимствование как результат этого процесса представляют собой значительный

интерес для истории языка. Благодаря этому получают детальное освещение причины и языки-источники заимствований, пути, формы и типы заимствований, а также те преобразования, которые претерпевает заимствованное слово в языке, его заимствовавшем [3, с. 5]. Заимствование как результат породило этимологические дублеты.

Наличие заимствований объясняется историческими причинами (войны, путешествия, торговля, открытие новых земель), которые приводят к взаимодействию отличных друг от друга языков. Разные исторические периоды характеризуются разной интенсивностью притока заимствованных слов: в зависимости от конкретных исторических событий интенсивность варьируется от увеличенной до уменьшенной [2, с. 223].

Некоторые заимствованные слова, независимо от сферы употребления, претерпели определенные орфографические изменения, но их семантическое значение осталось прежним. Однако большая часть заимствований изменились как орфографически, так и семантически: *англ. mill* – *от англо-сакс. myln* – *от лат. molina* «мельница»; *англ. street* – *от англо-сакс. stræt* «простирающийся вперед, плоско наложенный слой» – *от лат. strata* «дорога»; *англ. wall* – *от англосакс. weall* «крепостной вал, защита» – *от лат. vallus* «изгородь, частокол» [4].

Совокупность слов английского языка, т. е. его словарный состав, является наиболее подвижной и наиболее быстро развивающейся частью языка. Лексика языка остро реагирует на изменения в истории народа – носителя данного языка – во всех сферах жизни общества. Словарный состав современного английского языка значительно богаче, чем словарный состав древнеанглийского языка. Это обогащение шло в английском языке как за счет внутренних ресурсов – словосложения, аффиксации и переосмысления слов, так и за счет заимствования слов из других языков, которое в английском языке в силу условий исторической жизни английского народа было неизбежным.

Английский язык относится к западногерманской языковой группе. В его основе лежат англо-фризские диалекты, носители которых оказались на территории современной Великобритании в 500–700 годах нашей эры в ходе континентальной миграции в Европе (Великого переселения народов). С V в. происходит переселение англов и саксов на Британские острова, вытеснение кельтских языков и латыни. Появляется древнеанглийский язык.

Ученые выделяют следующие периоды английского языка: древнеанглийский (середина V в. – 1100 г.), среднеанглийский (1100 г. – 1500 г.), новоанглийский (1500 г. – наст. время) [5, с. 49–50]. Под влиянием наречий викингов и норманнов в древнеанглийский период формируются лексика и грамматика [5, с. 45–47]. Интересен тот факт, что, несмотря на большой процент заимствований в английском, в древнеанглийский период словарный состав пополнялся именно путем образования новых слов из элементов, существующих в самом языке [5, с. 74].

До конца VI в. англо-саксонская Британия была почти полностью изолирована от Европы, однако в 597 г. папа Григорий I послал в Англию миссионеров с целью распространить среди германских завоевателей христианство. Так началась христианизация Британии [5, с. 53]. Уже в VII в. христианство распространилось по всей Англии. Поскольку латынь тогда была для Западной Европы международным языком церкви и церковной науки, она была введена в Англии как церковный язык в результате установления новой связи с Римом. Следствием связи с римско-латинской культурой стало проникновение в английский язык латинских слов, прямо или косвенно связанных с религиозно-церковной сферой понятий [5, с. 53–54]. Многие из них являются частью современного состава языка: *altar* (др.а. *altar*; лат. *altaria* «алтарь»), *angel* (др.а. *angel*, *engel*; поздн-лат. *angelus* «ангел» от греч. *aggelos* «вестник»), *abbot* (др.а. *abbod*; поздн-лат. *abbas* от греч. *abbas* «отец», «аббат»), *ark* (др.а. *earc*; лат. *arca* «ящик, ковчег»), *candle* (др.а. *candel*; лат. *candela* «свеча»), *devil* (др.а. *deofol*; лат. *diabolus* «дьявол» от греч. *diabolos* «клеветник», впоследствии «дьявол») [6, с. 106]. Некоторые слова из этой категории со временем подверглись переосмыслению: *clerk* (лат. *clericus*; греч. *klerikos* «принадлежащий к духовному ордену») в древнеанглийском значило «духовное лицо» (др.а. *cleres*); изменение значения произошло потому, что в древности обязанности писца исполнялись обычно низшими церковными служителями; *to offer* в древнеанглийском первоначально значил «совершать жертвоприношение» (др.а. *offrian*; лат. *offero* «представлять, предлагать»); *rule* значило «монастырский свод правил» (др.а. *regol*; лат. *regula* «правило») [6, с. 107].

Под влиянием скандинавских вторжений с конца VIII до середины XI в.в. словарный состав английского языка пополнился скандинавскими заимствованиями, которые легко определяются по сочетанию букв «sk» в начале слова: *sky*, *skill*, *skin*, *skirt*, *ski* и др. Но далеко не все скандинавские заимствования придерживаются этой структуры: *to call*, *to take*, *to cast*, *to die*, *law*, *husband* (от ск. *hūs* + *bōndi* «обитатель дома»), *window* (ск. *vindauga* «глаз ветра»), *ill*, *loose*, *low*, *weak* [7, с. 170].

Норманнское завоевание 1066 г. оказало сильное влияние на развитие английского языка. По большей части оно повлияло на словарный запас: поскольку захватчики были носителями французской культуры и французского языка, это послужило появлению многих новых слов французского происхождения и, соответственно, отразилось на лексическом составе английского языка. Начиная с этого исторического события, наступает следующий период английского языка – среднеанглийский. В этот период были заимствованы, например, *button*, *balm*, *colour*, *boot*, *prison*, *noble*, *heritage*, *estate*, *age*, *air*, *ease*, *dinner*, *poison*, *pillar*, *saddler*, *baker*, *fruit*, *beauty*, *skinner*, *service*, *beef* [8, с. 130].

Новоанглийский период охарактеризовался желанием английского народа вытеснить из обихода французский язык, вернув английский на главенствующие позиции. Однако эпоха Возрождения, охватившая всю Европу,

не могла не коснуться Англии. Именно поэтому в XV-XVI в.в. значительно повысился интерес к науке, искусству и культуре древних цивилизаций Греции и Рима. В связи с этим в английский язык вошло значительное количество латинских и древнегреческих заимствований. Слова были абстрактными, относящимися к науке и искусству (англ. *elect* от лат. *legere* «выбирать»; англ. *music* от ср.англ. *musikv* – от лат. *musica* «музыка» – от древнегреч. *musikē* «искусство муз») [9, с. 50].

В XVI в. были также заимствованы некоторые слова из русского языка, относящиеся к особенностям русского быта и государственного устройства (англ. *rouble* – рус. рубль, англ. *cossack* – рус. казак, англ. *tsar* – рус. царь и др.) [7, с. 257]. Заимствования из русского немногочисленны в основном потому, что связи между англичанами и русскими установились лишь в XVI в., при этом имея ограниченный характер. В том же веке в связи с расширением морской торговли возник интерес к Московскому государству, что повлекло за собой переговоры между Иваном IV и королевой Елизаветой [7, с. 257].

С развитием капиталистического строя в Англии английское общество проявляло интерес к Италии (капиталистический вид экономических отношений был развит в Италии к тому времени); соответственно, англичане взаимодействовали с итальянской культурой и языком, что сказалось на пополнении словарного состава английского языка итальянской лексикой. К ней относятся слова, связанные с торговлей, финансовыми операциями, ведением бухгалтерского учета, военным делом, искусством. Например, заимствованные в период XVI в. *англ. bank* – *ит. banca* (скамейка), *англ. bankrupt* – *ит. banca rotta* (признак некредитоспособности ростовщика), *англ. alarm* – *ит. all' armi* (к оружию!), *англ. colonel* – *ит. colonnello* (командир первой роты пехотного полка), *англ. mezzotinto*, *англ. studio*, *англ. balcony*, *англ. stucco*, *англ. cornice*, *англ. piano*, *англ. violon*, *англ. soprano*, *англ. opera*, *англ. sonata*, *англ. canto*, *англ. casino*, *англ. umbrella*, *англ. volcano*, *англ. to manage*, *англ. to isolate*. В XX в. из итальянского в английский язык пришли *fascist* и *fascism*, связанные с обостренной в то время в Италии идеологии национального и расового превосходства [7, с. 252–253].

В XVIII в. в Голландии активно развивалось кораблестроение и судоходство. Интерес англичан к умениям голландцев в этих сферах и усиление торговли привлекли следующие заимствования: *голл. rocke* (*прялка*), *англ. spool* – *голл. spoel* (*шпулька*), *англ. buoy* – *голл. boei* (*буй*), *англ. cruise* – *голл. kruis* (*крейсирование*), *англ. dock* – *голл. docke* (*док*), *англ. skipper* – *голл. schipper* (*шкипер*), *англ. sloop* – *голл. sloep* (*шлюп*), *англ. yacht* – *голл. jacht* (*яхта*) [7, с. 256].

С XVII по XIX в.в. английский язык пополнялся заимствованной из русского языка лексикой, связанной как с русской культурой того времени, так и с государственным устройством: *англ. astrakhan* – рус. *Астрахань*, *англ. сопеск* – рус. *копейка*, *англ. ukase* – рус. *указ*, *англ. samovar* – рус. *самовар*, *англ. zakouska* – рус. *закуска*, *англ. troyka* – рус. *тройка*, *англ. steppe* – рус. *степь*,

англ. *verst* – рус. *верста*, англ. *vodka* – рус. *водка*, англ. *knout* – рус. *кнут* (дало впоследствии производный глагол *to knout*) [7, с. 257].

Примеры некоторых этимологических дублетов: *to catch* – *to chase*, *channel* – *canal*, *quiet* – *quite*, *hotel* – *hostel*, *shirt* – *skirt*, *shade* – *shadow*, *scale* – *shell*, *sir* – *senior*, *history* – *story*, *to appraise* – *to appreciate*, *sure* – *secure*, *defeat* – *defect*, *to double* – *to duplicate*, *genre* – *gender*, *feat* – *fact*, *fanatic* – *fan*, *strait* – *strict*, *chamber* – *camera*, *to appear* – *peer*, *to propose* – *purpose*, *mister* – *master*.

Лексика современного английского языка представляет собой сложное сочетание различных элементов, которые наслаивались один на другой на протяжении истории языка и вступали в различные взаимоотношения между собой. В силу того, что развитие языка – в том числе и словарного состава – происходит постепенно, словарный состав современного английского языка содержит слова, сложившиеся в разные исторические эпохи, в результате различных способов его пополнения, с помощью различных словообразовательных средств.

Источники:

1. Галинова Н. В. Русская этимология. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2015.
2. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка: учеб. пособие, 2-е изд., перераб. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012.
3. Харитончик З. А. Лексикология английского языка: Учеб. Пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. Минск: Вышэйшая школа, 1992.
4. Маковский М. М. Большой этимологический словарь современного английского языка. М.: Азбуковник, 2005.
5. Ильиш Б. А. История английского языка. 5-е изд. М.: Высшая школа, 1968.
6. Амосова Н. Н. Этимологические основы словарного состава современного английского языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1956.
7. Аракин В. Д. История английского языка: Учеб. пособие. 2-е изд. М.: ФИЗМАТЛИТ, 2003.
8. Лазаренко А. С. Лингвистические последствия Нормандского завоевания Англии в среднеанглийский период // Молодой ученый. 2018, № 36 (222). С. 127–130.
9. Курицкая Е. В. Этимология заимствований в современном английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019, том 12, вып. 3. С. 47–52.

S. R. Papush (*Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»*)

**FOREIGN LANGUAGE ELEMENTS OF THE MODERN ENGLISH
VOCABULARY AS A CONSEQUENCE OF THE ENGLISH LANGUAGE
FORMATION**

This article examines etymology as an important branch of linguistics, studying the origin and historical development of words. It focuses on the formation of the English language's vocabulary, which consists more than half of borrowings. It traces the influence of various languages (Latin, Scandinavian, French, Italian, Russian, and others) on English vocabulary over various historical periods, from Old English to the modern era. It shows how historical events (Christianization, the Norman Conquest, the Renaissance, and trade relations) determined the intensity and nature of borrowings, leading to orthographic and semantic changes in words.

Etymology, loanwords in English, historical development of English vocabulary, Latin loanwords, Norman Conquest, Scandinavian loanwords, etymological doublets, vocabulary, sources of borrowings, periodization of the English language

УДК 323.2

Е. А. Пашковский (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: egn-pashkovsky@rambler.ru)

РОЛЬ СЕТЕЙ В РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Современная сетевая реальность формирует новые модели коммуникации и оказывает значительное влияние на взаимодействие общества и власти. Традиционные иерархии уступают место горизонтальным связям, власть измеряется прозрачностью, нацелена на мониторинг социологических показателей достижения национальных целей. Наше исследование посвящено анализу роли перечисленных факторов в процессе подготовки, представления обществу и реализации национальных проектов.

Национальные проекты, сетевое общество, цифровизация, децентрализация власти, социальная эффективность государственного управления

Сетевое общество не является феноменом только современности. Известный исследователь этой темы М. Кастельс отмечает, что видение в основе эволюции общества иерархий и вертикального подчинения является в некотором роде искаженным, «поскольку исторический и социальный анализ ориентировался преимущественно на этноцентризм и идеологию, чем на скрупулезное изучение сложности мультикультурного мира» [1, с. 67]. Тем не менее до распространения электронных коммуникационных технологий сети были менее эффективными, чем вертикально организованные командные структуры [2]. Сетевые структуры, активно внедряющиеся в современные политические, экономические, культурные процессы, характеризуются децентрализованностью и связностью. Суть децентрализации социальных сетей составляет наличие в системе одновременно множества активных центров или лидеров, а также примерно равных социальных статусов и рангов людей и групп, которые образуют данную сеть [3]. Использование сетевой модели в политическом управлении характеризуется демократическим стилем лидерства, обсуждением политических решений, расширением диалога общества и государства, прозрачностью власти, цифровизацией государственных услуг. Постепенное внедрение сетевой реальности можно проследить на примере реализации национальных проектов современной России.

Национальный проект представляет собой стратегический план развития страны в какой-либо конкретной сфере, принятый на определенный срок, включающий целевые показатели, задачи, необходимые к реализации для их достижения, обозначение методов и средств достижения целей, подразумевающий финансирование в необходимом объеме. Впервые программа Приори-

тетных национальных проектов была инициирована В. В. Путиным 5 сентября 2005 г. на встрече с членами Правительства, руководством Федерального Собрания и членами Президиума государственного совета РФ. В своей речи Президент подчеркнул, что основной целью деятельности руководства страны является существенное повышение качества жизни граждан России, а первые национальные проекты будут направлены на развитие здравоохранения, образования, сельского хозяйства и решение проблемы доступного жилья. На сегодняшний день актуален анализ национальных проектов, введенных двумя Указами Президента: «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (№ 204 от 7 мая 2018 г.) [4] и «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» (№ 309 от 7 мая 2024 г.) [5]. Первыми были запущены национальные проекты 2019–2024 гг., и сейчас можно анализировать их результаты. Второй инициировал проекты, реализуемые в настоящий момент.

Нами будет рассмотрена роль сетей в реализации национальных проектов в следующих аспектах: вектор на развитие информационных и коммуникационных сетей, усиление децентрализации государственного управления, мониторинг властью социологических показателей достижения национальных целей.

Направленность на развитие информационных и коммуникационных сетей обеспечивается национальным проектом «Экономика данных» (с 2019 по 2024 гг. – «Цифровая экономика»). Цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы является одной из национальных целей, заявленных в Указе № 309. Национальный проект «Экономика данных» включает инициативы по финансовой поддержке разработок в области технологий искусственного интеллекта, развитию цифровых платформ для документооборота в сферах науки, образования, городской инфраструктуры, а также взаимодействия общества и власти; обеспечению доступа в интернет на всей территории страны, количественному и качественному развитию системы образования в области ИТ, и поддержке предпринимательства в этой сфере. Согласно опросам ВЦИОМ [6], «Цифровая экономика» является самым успешным национальным проектом: из 10 наиболее эффективных инициатив всех проектов за последние несколько лет 4 имеют отношение к цифровой экономике (выросло количество онлайн-сервисов в сфере госуслуг; стало больше разрабатываться российских цифровых технологий; выросло количество студентов по ИТ-специальностям; повысилась цифровая грамотность людей).

Усиление децентрализации государственного управления. Разработка и реализация национальных проектов подразумевает ввод новых элементов децентрализации в систему управления государством. Президентский указ ставит национальные цели и поручает Правительству при участии Государственного совета на этой основе разработать национальные проекты. Отдельные за-

дачи ставятся администрации Президента. На уровне регионов созданы проектные офисы, образующие горизонтальную сеть, координируя действия различных ведомств (министерств, агентств, региональных администраций), которые ранее могли работать разрозненно. Кроме того, успешный опыт одного субъекта РФ (например, в строительстве школ или модернизации поликлиник) быстро становится известным в других через сеть обмена опытом, конференции и цифровые платформы. Отметим также, что к реализации национальных проектов активно привлекается бизнес. Создается сеть контрактов и совместных предприятий между государством и частными компаниями для строительства инфраструктуры, внедрения цифровых решений, оказания услуг.

Мониторинг властью социологических показателей достижения национальных целей. Указ № 309 ставит одну из задач Администрации Президента РФ совместно с Государственным советом РФ: определить социологические показатели достижения национальных целей, целевых показателей и выполнения задач, предусмотренных Указом, а также обеспечить постоянный мониторинг таких социологических показателей. Такой подход соответствует современному принципу понимания эффективности государственного управления не аналогично экономическому рынку (соотношение затрат и вознаграждений), а исходя в том числе из оценки граждан. В этом отношении значимый социологический показатель – результаты социологических опросов на тему оценки эффективности национальных проектов. С 2019 года постоянный мониторинг отношения граждан РФ к национальным проектам и удовлетворенности ими проводится Всероссийским центром изучения общественного мнения.

По результатам опросов, проводившихся с июня 2022 г. по декабрь 2024 г. [см., напр., 6, 7] граждане РФ более всего осведомлены о следующих национальных проектах: «Демография» (69% респондентов в июне 2022 г. и 77% в декабре 2024 г.), «Здравоохранение» (74% и 74%), «Малое и среднее предпринимательство» (72% и 73%), «Образование» (73% и 72%), «Безопасные и качественные дороги» (73% и 70%), «Жилье и городская среда» (70% и 66%), «Экология» (70% и 66%), «Культура» (63% и 66%), «Туризм и индустрия гостеприимства» (66% и 63%).

Данные национальные проекты связаны с повседневной жизнью, базовыми потребностями человека и актуальными социальными проблемами, что может объяснять их наиболее высокую «популярность». По динамике за два с половиной года показатели мало меняются, за двумя исключениями. На 12% за вторую половину 2023 г. выросла узнаваемость проекта «Демография», что может быть связано с появлением в 2023 г. универсального пособия малоимущим семьям с детьми и беременным женщинам, а также выросшей поддержкой проекта среди публичных лиц, активным освещением в СМИ и социальных сетях результатов проекта, связанных с ростом рождаемости в отдельных регионах, историй успеха семей.

Рост известности национального проекта «Малое и среднее предпринимательство» на 10% за то же полугодие можно связать с введением ряда новых программ льготного кредитования, а также популяризацией цифровых платформ по поддержке молодых предпринимателей (например, «Мсп.рф», «Мой бизнес»).

Отметим конкретные мероприятия национальных проектов, о которых более всего информированы граждане РФ по данным опросов, проводившихся с декабря 2020 г. по декабрь 2024 г. [см., напр., 6, 8]. Это материнский капитал (93% респондентов в декабре 2020 г. и 98% в декабре 2024 г.), диспансеризация населения (86% и 90%), раздельный сбор и переработка мусора (89% и 88%), семейная ипотека (75% и 88%), расселение аварийного жилья (84% и 87%), благоустройство городской среды (81% и 87%), ремонт и строительство дорог (83% и 85%).

Отметим, что осведомленность в конце периода реализации национальных проектов 2029–2024 гг. в целом выше, чем в его начале. После введения с 2020 г. материнского капитала на первого ребенка осведомленность об этой мере почти стопроцентная. Наибольший рост известности фиксируется у семейной ипотеки, что может быть связано с высокой актуальностью жилищной проблемы для молодых людей, а также объявлением Президентом РФ В. В. Путиным 2024 как Года семьи и запуском в этом году национального проекта «Семья».

По данным опросов, проводившихся с декабря 2022 г. по декабрь 2024 г. [см., напр., 6, 9] наибольшей эффективностью обладают следующие результаты реализации национальных проектов: благоустраивается городская среда (81% респондентов в декабре 2022 г. и 89% в декабре 2024 г.), выросло количество онлайн-сервисов в сфере госуслуг (89% и 88%), стало больше производиться российской продукции (78% и 79%), стало больше понятной информации о туристических услугах (76% и 79%), стало больше разнообразных туристических предложений (77% и 78%), стало больше разрабатываться российских цифровых технологий (76% в декабре 2024 г.), стало больше волонтеров (75% и 75%), строится больше новых дорог (69% и 75%), выросло количество студентов по ИТ-специальностям (72% и 75%), повысилась цифровая грамотность людей (75% и 74%). Национальные проекты, к сферам которых относятся данные результаты – «Жилье и городская среда», «Туризм и индустрия гостеприимства», «Цифровая экономика», «Безопасные качественные дороги», «Образование», «Малое и среднее предпринимательство» по большей части входят в состав наиболее «популярных». При этом среди данных инициатив нет относящихся к наиболее известным проектам «Демография» и «Здравоохранение», что может говорить о сохраняющихся проблемах в этих областях, на решение которых направлены современные национальные проекты «Семья», «Молодежь и дети», «Продолжительная и активная жизнь», «Технологии здоровья». Отметим также стабильно высокую за последние годы удовлетворенность количеством онлайн-сервисов в сфере государственных услуг.

Наибольший рост эффективности, согласно оценке граждан, отмечается у инициатив, связанных с развитием инфраструктуры и благоустройства.

Таким образом, реализация национальных проектов современной России демонстрирует различные аспекты проявления сетевой реальности в государственном управлении, взаимодействии государства и общества, социальной жизни. Один из наиболее успешных национальных проектов нацелен на расширение информационных и коммуникационных сетей; формат реализации национальных проектов подразумевает ввод новых элементов децентрализации в государственное управление, смещение акцентов с иерархий на организационно-управленческие сети; власть нацелена на постоянный мониторинг социологических показателей достижения национальных целей.

Источники:

1. Кастельс М. Власть коммуникации: учеб. пособие / пер. с англ. Н.М. Тылевич. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2023.
2. Mokyr J. The Lever of Riches. Technological Creativity and Economic Progress. N.Y.: Oxford University Press, 1990.
3. Михайленок О. М. Сетевое общество как аспект социальной реальности // Социально-политические исследования. 2019. № 4 (5). С. 5–23.
4. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 15.12.2025).
5. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542/page/1> (дата обращения: 15.12.2025).
6. Национальные проекты – 2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nacionalnye-proekty-2024> (дата обращения: 15.12.2025).
7. Национальные проекты – 2022: информированность и отношение. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nacionalnye-proekty-2022-informirovannost-i-otnoshenie> (дата обращения: 15.12.2025).
8. Национальные проекты – 2023: итоги и ожидания. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nacionalnye-proekty-2023-itogi-i-ozhidaniya> (дата обращения: 15.12.2025).
9. Национальные проекты – 2022: планы и результаты. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nacionalnye-proekty-2022-plan-y-i-rezultaty> (дата обращения: 15.12.2025).

E. A. Pashkovsky (*St. Petersburg State Electrotechnical University «LETI»*)

**THE ROLE OF NETWORKS IN THE IMPLEMENTATION OF NATIONAL
PROJECTS IN MODERN RUSSIA**

The modern networked reality is shaping new communication models and significantly impacting the interaction between society and government. Traditional hierarchies are giving way to horizontal connections, power is measured by transparency, and it is focused on monitoring sociological indicators of national goal achievement. Our research analyzes the role of these factors in the preparation, presentation to society, and implementation of national projects.

National projects, network society, digitalization, decentralization of power, social efficiency of public administration

УДК 316.453

Е. М. Петрова (Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: Liza4542056@gmail.com);

Юй Ян (Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: yu.soc@mail.ru)

ЦИФРОВЫЕ СТРАТЕГИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И УЧЕНИКОВ В УСЛОВИЯХ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ

При финансовой поддержке гранта РНФ № 24-18-00261

В работе рассматриваются цифровые стратегии взаимодействия преподавателей и учеников в условиях дистанционного обучения, сформировавшиеся в контексте активной цифровизации образовательной среды и постпандемических трансформаций. Отмечается, что перенос традиционных офлайн-моделей преподавания в онлайн-формат без их адаптации приводит к снижению эффективности образовательного процесса и ослаблению учебной мотивации. На основе авторского эмпирического исследования предлагается типология цифровых стратегий взаимодействия. Особое внимание уделяется сравнительному анализу практик дистанционного обучения в России и Китае, что позволяет выявить различия в степени структурированности, коллективности и индивидуализации цифрового взаимодействия. Сделан вывод о необходимости перехода к системному использованию цифровых стратегий как условия повышения устойчивости и результативности дистанционного обучения.

Дистанционное обучение, цифровое образование, онлайн-взаимодействие, стратегии взаимодействия, цифровые платформы, Россия, Китай, постпандемическая реальность

В условиях потокового общества, где информационные технологии стремительно проникают во все сферы жизни, система образования сталкивается с необходимостью пересмотра устоявшихся форматов взаимодействия между преподавателями и учащимися. Особенно остро данный вопрос проявился в период пандемии COVID-19, когда дистанционное обучение перестало быть временной мерой и стало устойчивым элементом образовательной практики. Массовый переход в онлайн-формат выявил ряд системных проблем, включая снижение учебной мотивации, трудности контроля качества знаний, техническую неготовность инфраструктуры и, главное, ограниченную эффективность традиционных педагогических стратегий в цифровой среде [1, с. 45].

Дистанционное обучение принципиально меняет характер образовательного взаимодействия. Отсутствие физического присутствия, ограничен-

ность невербальной коммуникации и опосредованность общения цифровыми платформами требуют от преподавателей новых подходов к организации учебного процесса. В этих условиях возрастает значимость стратегий взаимодействия, позволяющих выстраивать устойчивую коммуникацию, поддерживать вовлеченность учащихся и обеспечивать качество образовательных результатов. Проблема заключается в том, что стратегии, сформированные в рамках офлайн-образования, не успевают адаптироваться к темпам цифровых изменений, что приводит к противоречию между развитием информационного общества и практиками обучения.

Дополнительным фактором, усиливающим значимость цифровых стратегий взаимодействия, становится неоднородность цифровых компетенций участников образовательного процесса. Преподаватели и ученики по-разному адаптируются к использованию онлайн-платформ, что формирует асимметрию взаимодействия и усиливает риски коммуникативных сбоев. В условиях дистанционного обучения преподаватель вынужден не только транслировать учебный материал, но и выполнять функцию модератора цифровой среды, обеспечивая техническую и организационную устойчивость образовательного процесса. Это приводит к расширению профессиональной роли преподавателя и усложнению структуры взаимодействия.

Кроме того, дистанционный формат усиливает значимость самоорганизации и саморегуляции учащихся. В условиях отсутствия жесткого внешнего контроля и физического присутствия в учебной аудитории ученики сталкиваются с необходимостью самостоятельно выстраивать учебный режим, распределять нагрузку и поддерживать мотивацию. Эмпирические данные показывают, что недостаточно сформированные навыки самоорганизации напрямую отражаются на результатах обучения и уровне вовлеченности. В этой связи стратегии взаимодействия приобретают компенсаторную функцию, позволяя частично восполнить дефицит внешних регуляторов образовательного процесса.

Особое внимание в дистанционном обучении уделяется характеру цифровой коммуникации между преподавателем и учениками. Онлайн-взаимодействие отличается фрагментарностью, асинхронностью и высокой степенью формализации, что усложняет формирование доверительных отношений. Отсутствие спонтанных коммуникаций, характерных для очного формата, ограничивает возможности неформального обмена информацией и снижает эмоциональную насыщенность взаимодействия. В этих условиях возрастает роль целенаправленно выстроенных коммуникационных практик, направленных на поддержание контакта и снижение социальной дистанции.

Эмпирическое исследование, положенное в основу данной работы, было направлено на выявление практик взаимодействия преподавателей и восприятия дистанционного формата учащимися. Для получения комплексных данных была использована триангуляция методов, включающая проведение интервью с преподавателями, количественный опрос и методику ценностно-целевой рефлексии. Применение комбинированного подхода позволило зафиксировать

как субъективный опыт участников образовательного процесса, так и устойчивые закономерности реализации взаимодействия в онлайн-среде.

Дополнительно следует отметить, что дистанционный формат обучения усиливает значимость институциональных и организационных условий реализации образовательного процесса [2, с. 21]. В онлайн-среде возрастает зависимость качества взаимодействия от выбранной цифровой платформы, структуры курса и степени формализованности учебных процедур. Недостаточная прозрачность организационных требований и размытость регламентов взаимодействия нередко приводят к снижению ответственности учащихся и росту учебной дезориентации. В этой связи стратегии взаимодействия выполняют функцию структурирования образовательного пространства и задают понятные рамки учебной деятельности.

Важным аспектом дистанционного взаимодействия является также перераспределение ответственности между преподавателем и учеником. Если в очном формате значительная часть контроля и регуляции осуществляется за счет внешних механизмов, то в дистанционном обучении возрастает роль внутренней мотивации и самоконтроля учащихся. Это усиливает дифференциацию образовательных результатов и делает более заметными различия в учебных стратегиях. Эмпирические данные показывают, что учащиеся с более высокой степенью учебной автономии демонстрируют лучшие показатели адаптации к дистанционному формату.

Кроме того, дистанционное обучение трансформирует характер педагогического влияния. Преподаватель все чаще выступает не только как источник знаний, но и как координатор образовательного процесса, навигатор в цифровой среде и медиатор взаимодействия. Это требует от него развития новых профессиональных компетенций, связанных с управлением онлайн-коммуникацией, поддержанием внимания аудитории и использованием цифровых инструментов для сопровождения учебной деятельности. В этом контексте стратегии взаимодействия приобретают характер профессиональных практик, направленных на адаптацию педагогической деятельности к условиям цифрового общества.

На основе анализа эмпирических данных была выявлена и структурирована система стратегий взаимодействия преподавателей и учеников в дистанционном формате. В ходе исследования были обобщены шесть ключевых стратегий: стратегия диагностики, стратегия целеполагания и мотивации, стратегия персонализации, стратегия поддержки и сопровождения, стратегия контроля и рефлексии, а также унифицированная стратегия. Данные стратегии отражают многоуровневую природу дистанционного взаимодействия и позволяют систематизировать опыт преподавателей в цифровой образовательной среде. Охарактеризуем каждую из них.

Стратегия диагностики направлена на определение уровня знаний, образовательных потребностей, интересов и цифровых навыков учащихся. В условиях дистанционного обучения она приобретает особую значимость, по-

скольку преподаватель лишен возможности оперативного наблюдения за учебной аудиторией. Использование входных тестирований, анкетирований и регулярного сбора обратной связи позволяет адаптировать содержание курса и методику преподавания под конкретную группу или отдельного ученика.

Стратегия целеполагания и мотивации ориентирована на формирование у учащихся осознанных учебных целей и поддержание интереса к образовательному процессу. В дистанционном формате она реализуется через визуализацию прогресса, постановку краткосрочных и долгосрочных целей, а также элементы геймификации. Эмпирические данные показывают, что эмоциональная поддержка и индивидуальный контакт с учениками существенно повышают уровень их вовлеченности и успеваемости.

Стратегия персонализации предполагает учет индивидуальных особенностей учащихся и гибкую настройку образовательных траекторий. Индивидуальные задания, персональная обратная связь и возможность выбора форматов изучения материалов позволяют компенсировать ограничения дистанционного формата. Результаты исследования подтверждают, что индивидуальный формат обучения в онлайн-среде демонстрирует более высокую эффективность по сравнению с групповыми вебинарами.

Стратегия поддержки и сопровождения направлена на формирование устойчивого эмоционального контакта между преподавателем и учениками. В условиях дефицита живого общения данная стратегия играет ключевую роль в снижении чувства изоляции и поддержании доверительной образовательной среды. Отсутствие поддержки в дистанционном формате нередко приводит к снижению концентрации внимания и ухудшению усвоения учебного материала.

Стратегия контроля и рефлексии ориентирована на системную оценку результатов обучения и осмысление учащимися собственного образовательного прогресса. Использование тактик поощрения, оценки работы и ресурсов для самопроверки способствует развитию ответственности и самоконтроля. Эмпирические данные показывают, что учащиеся с низким уровнем дисциплины и саморегуляции испытывают наибольшие трудности в адаптации к дистанционному обучению.

Интеграцией всех перечисленных подходов выступает унифицированная стратегия, предполагающая сочетание диагностических, мотивационных, персонализированных, поддерживающих и контрольных элементов. Унифицированная модель ориентирована на непрерывное поддержание коммуникации, ясность организационных процессов, использование удобных цифровых инструментов и создание условий для самостоятельной работы учащихся. Реализация данной стратегии способствует формированию продуктивной образовательной среды и развитию навыков самообразования.

Также сравнительный анализ российских и китайских практик дистанционного обучения показывает, что в Китае более выражены структурированные и коллективные подходы, активно используются автоматизирован-

ные инструменты контроля и рейтинговые системы мотивации. В российском контексте, напротив, большее внимание уделяется индивидуализации, эмоциональной поддержке и гибкости образовательного взаимодействия. Сопоставление данных моделей позволяет рассматривать цифровые стратегии взаимодействия как адаптивный инструмент, учитывающий институциональные и культурные особенности образовательных систем.

Таким образом, результаты исследования подтверждают, что эффективность дистанционного обучения напрямую связана с системным применением цифровых стратегий взаимодействия. Их использование позволяет преодолеть ограничения онлайн-формата и обеспечить устойчивость образовательного процесса в условиях современной цифровой реальности.

Источники:

1. Иванов Д. В. Дополненная современность: эффекты постглобализации и поствиртуализации // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 44–55.
2. Веселов Ю. В. Социальное доверие в цифровом обществе // Социологические исследования. 2021. № 4. С. 15–27.
3. Дерюгин П. П., Чжао Ц., Юй Я., Чжэн С. В. Восприятие коммуникативных технологий и онлайн-взаимодействия в образовательной среде // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 278–284.

E. M. Petrova (Saint Petersburg State University);

Yu Yang (Saint Petersburg State University)

DIGITAL STRATEGIES OF INTERACTION BETWEEN TEACHERS AND STUDENTS IN DISTANCE LEARNING

The article examines digital strategies of interaction between teachers and students in the context of distance learning shaped by the digitalization of education and post-pandemic transformations. It is shown that traditional pedagogical interaction models lose their effectiveness in online environments, which leads to a decrease in students' motivation and the quality of educational interaction. Based on empirical research, the authors propose a typology of interaction strategies, including diagnostic, motivational, personalized, supportive, controlling and reflective strategies, as well as a unified strategy. Special attention is paid to the comparison of Russian and Chinese distance learning practices.

Distance learning, digital education, online interaction, interaction strategies, educational platforms, Russia, China

УДК 316.7

А. М. Пивоваров (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, e-mail: a-pivovarov@mail.ru)

РЕКОНФИГУРАЦИЯ МАССОВОСТИ В ПЛАТФОРМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Расхожее мнение о демассификации общества в цифровую эпоху предполагает, что диверсификация медиа и алгоритмическое разделение аудитории привели к исчезновению массового общества. Доклад оспаривает эту позицию, утверждая, что массовое общество не исчезло, а подверглось качественной трансформации. Анализируя три ключевых компонента массовости – производство, потребление и культуру – автор показывает, как платформизация реконфигурирует механизмы интеграции и социального контроля массы. Алгоритмическое управление вниманием, персонализированная унификация потребления и нишевая стандартизация культуры воспроизводят логику массовости как внутри полупубличных сетевых пространств, так и на уровне социума в целом.

Масса, массовое общество, платформизация, глубокая медиатизация, алгоритмы, потребление

Классический взгляд на массовую культуру и массовое общество информационной эпохи, представленный в работах М. Маклюэна [1], Э. Тоффлера [2], Д. Нейсбита [3], предполагал, что основной тенденцией развития будущего является демассификация, происходящая вследствие растущей диверсификации и возможностей выбора информационных каналов и платформ, а также децентрализации и демократизации средств массовой коммуникации.

Наша позиция состоит в том, что массовое общество не исчезло, а трансформировалось в новую форму. Понятие «постмассового общества» означает не преодоление свойств массового индустриального социума, а лишь его цифровую реконфигурацию, или адаптацию к условиям платформенного капитализма. Ключевым вопросом является то, что именно изменилось в механизмах интеграции и социального контроля массы под воздействием платформизации.

Согласно Г. Блуммеру, масса – это коллективное образование, которое, сохраняя ряд эффектов, присущих таким явлениям как толпа и публика, «состоит из некоего конгломерата индивидов, которые обособлены, изолированы, анонимны и, таким образом, однородны в той мере, в какой имеется в виду массовое поведение» [4, с. 555]. Иными словами, масса есть неструктурированное множество разрозненных индивидов, чья уникальность выносятся за скобки.

Масса, как и толпа в значительной мере является не социальной общностью («некультурной», по выражению Г. Блуммера), а психологической. Несмотря на то, что каждый индивид в массе ведет себя на основании собственного выбора, участники массы являются гомогенными в своем поведении, поскольку находятся под прессом сходных стимулов, вызывающих у них сходные реакции.

Среди других важных свойств массы стоит указать на отсутствие внутренних структурных связей – кооперативных, поведенческих, субъективных, свойственных социальным общностям [5], и устойчивого сознания своей идентичности [4]. И то и другое проявляется в дефиците субъектности, как на коллективном, так и индивидуальном уровне. Масса не способна к коллективным действиям, а те изменения, которые вносят массы в социальную реальность, имеют стихийный характер. Включенные в массу разрозненные индивиды не только не удовлетворяют свои потребности в укорененности и групповой принадлежности [6], но и не удовлетворяют таким критериям субъектности, как осознанность, четкость и устойчивость мировоззрения и самодетерминированность [7, с. 172].

Основным фактором интеграции разрозненных индивидов в массу является «объект массового интереса» [4, с. 554]. Масса уравнивает индивидов перед лицом одних и тех же объектов всеобщего интереса или страха. Поскольку объекты массового внимания – события, новинки, известия, персоналии, модные тенденции и т. д. – сменяют и конкурируют друг с другом, то и сама масса находится в постоянном состоянии активации и дезактивации, сменяя свой состав, а также направление и интенсивность своего внимания и своих порывов.

С точки зрения своего генезиса массовое общество включает три составные части: массовое производство, массовое потребление и массовую культуру [8, с. 127]. Эти базовые элементы массовости в период позднего капитализма или в постиндустриальную эпоху никуда не исчезли, а лишь видоизменились: массовое производство стало постфордистским – значительно более гибким и «клиенто-ориентированным», массовое потребление стало макдональдизированным и выполняющим все больше знаково-символических функций, а массовая культура стала тотально коммерциализированной и превратилась в «культуриндіустрию» [9].

Индустриально-технологическую основу цифровой стадии развития постиндустриального общества (позднего капитализма) составляют четыре вектора экономических, социальных и культурных изменений: сетевизация, датификация, алгоритмизация и платформизация [10]. Последняя есть процесс, в ходе которого извлекается экономическая ценность из остальных процессов одновременно. Именно поэтому современная стадия развития мировой экономики, основанной на извлечении, анализе и использовании данных как нового «сырья», названа платформенным капитализмом [11]. Цифровые платформы представляют собой «(пере)программируемые цифровые

инфраструктуры, которые обеспечивают и формируют персонализированные взаимодействия между конечными пользователями и поставщиками» [10, с. 121]. Платформы не просто используют сети, данные и алгоритмы. Являясь доминирующей организационной формой и занимая уникальную стратегическую позицию в цифровой экономике, они одновременно создают инфраструктурные возможности, собирают информацию о всех действиях и транзакциях, определяют, какие сетевые эффекты будут усиливаться, контролируют алгоритмическое управление взаимодействиями [12].

Элементы массового общества в цифровую эпоху претерпели существенные изменения в первую очередь благодаря *платформизации* производства, потребления и культуры. Цифровая трансформация представляет собой следующий виток эволюции этих компонентов.

Постфордистская гибкость труда и децентрализация производства в цифровую эпоху оборачивается алгоритмическим управлением прекаризированной рабочей силой. Платформы типа Яндекс-ГО, предлагающие комплексные услуги и разного рода сервисы – курьерские, ремонтные, кулинарные, переводческие и пр. – используют алгоритмы для мониторинга, оценки и контроля работников в режиме реального времени через GPS-трекинг, системы рейтингов и автоматизированное распределение задач. Если постфордизм характеризовался гибкой специализацией, децентрализацией производства и ориентацией на изменчивые потребительские вкусы, то капитализм платформ в этих отношениях идет еще дальше. Цифровые технологии позволяют сочетать массовость производства с индивидуализацией продукта. Используя большие данные и машинное обучение, компании могут предлагать гибкую кастомизацию, пригодную для производства массовой продукции, прежде всего культурными индустриями.

Платформенное массовое потребление развивается в логике углубления формальной рационализации. Дж. Ритцер и исследователи, пользующиеся его методологией, убедительно показывают, как четыре базовых принципа макдональдизации усиливаются в цифровую эпоху, поскольку цифровая платформа заставляет потребителя самостоятельно создавать (производить) собственный опыт потребления [13].

Массовая культура как компонент массового общества представляет собой сплав народной и элитарной культуры, в который добавлена индустриальная составляющая, благодаря которой массовая культурная продукция имеет свойства тиражируемости и стандартизации. Основной функцией искусства массовой культуры является социализация индивида, его адаптация к актуальной социокультурной среде. «Отсюда же – и его настроенность на самовоспроизводство, где социально значимая информация бесконечно репродуцируется в сходных между собой вариантах, настойчиво доводя до сознания потребителей те принципы, на которых основывается данное общество» [14, с. 37].

Новизна текущего состояния заключается в «глубокой медиатизации» культурного производства и потребления [15]. При этом перепроизводство и фрагментация стали двумя основными проблемами культуры цифровой эпохи. «Эхо-камерность» и ориентация на нишевость создают полупубличные, полуприватные пространства [16], которые лишают культуру и искусство функции наведения мостов между различными социальными группами. Общество теряет свою целостность в результате того, что утрачивается общность этических, художественных, интеллектуальных ориентиров, позволяющих устанавливать общезначимые смысловые оппозиции [17]. Таким образом, видимая демассификация культуры в действительности углубляет массовость, воссоздавая конгломерат разобщенных индивидов, руководствующихся не разделяемыми смыслами, а эмоциональными порывами, вызванными воздействием объектов, приковывающих их непроизвольное внимание.

Компенсаторная тенденция «свермассификации» культуры заключается в принятии культурных установок определенного сообщества ценой снижения степени собственной индивидуализации. «Проявлением сверхмассификации можно объяснить то, что участники групп, даже имеющих открытый доступ к глобальной информации и возможности для бесконечного выбора идентичностей, стремятся к гомогенизации своего культурного пространства» [18, с. 22]. Этот процесс усреднения предпочтений в цифровую эпоху происходит не столько на уровне мировой культуры в целом, сколько на уровне сообществ и их микрокультур.

Отличие платформенного от индустриального общества состоит в том, что оно стирает границы между массовым производством, массовым потреблением и массовой культурой. Сегодня все три сферы опосредованы платформами, которые одновременно организуют производство контента, его потребление и формирование культурных норм и предпочтений.

Однако механизм интеграции массы остался прежним: атомизированные индивиды контролируются с помощью объектов и событий массового внимания. Несмотря на наличие феномена стихийного или «вирусного» распространения контента в социальных медиа, платформенные формально рациональные системы создали ситуацию гораздо большей предсказуемости и стабильности управления массовым вниманием.

Потребление цифровой эпохи устроено так, что при сохранении массового масштаба оно создает иллюзию индивидуального обслуживания. При этом каждый потребитель превращается в «невидимого производителя», генерирующего данные через повседневную онлайн-активность. Внимание, которое в индустриальную эпоху было статистическим ресурсом СМИ, в условиях платформенного капитализма превратилось в главную, тотально исчисляемую валюту.

Массовое общество цифровой эпохи создает парадоксальное сочетание массовости и персонализации. Хотя люди чувствуют себя более свободными в выборе способа заработка, стиля жизни, идентичностей и культурных

предпочтений, на самом деле они подвергаются новым формам контроля и стандартизации через систему рекомендательных алгоритмов, агрессивный цифровой маркетинг и платформенную зависимость.

Платформенное массовое общество – это этап эволюции классического массового общества в условиях цифровой («глубокой») медиатизации, в которой свойственное массе отсутствие субъектности воспроизводится через алгоритмически организованные системы контроля.

Источники:

1. Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: внешние расширения человека. М.: Гиперборея, Кучково поле, 2007.
2. Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004.
3. Нейсбит Д. Мегатренды. М.: АСТ: ЗАО НПП «Ермак», 2003.
4. Блуммер Г. Коллективное поведение // Психология масс: хрестоматия / сост. Д. Я. Райгородский. Самара: Бахрах, 1998. С. 547–556.
5. Вахменин В. Н. Роль массы в социокультурной динамике: дис. кандидата философских наук: 09.00.11. Волгоград, 2016.
6. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / пер. с польск. С. М. Червоной. М.: Логос, 2005.
7. Ильин А. Н. Массовая культура и субкультуры современного общества: специфика соотношения // Общественные науки и современность. 2011. № 4. С. 169–177.
8. Полякова Н. Л. Теория массового общества и постмодернистская социология // XX век в социологических теориях общества. СПб., 2004. С. 126–160.
9. Хоркхаймер М. Диалектика просвещения: философские фрагменты / М. Хоркхаймер, Т. Адорно; пер. с нем. М. Кузнецова. М.: Медиум, 1997.
10. Добринская Д. Е. Что такое цифровое общество? // Социология науки и технологий. 2021. Т. 12. № 2. С. 112–129.
11. Срничек Н. Капитализм платформ. М.: Изд. дом ВШЭ, 2019.
12. Van Dijck J. Governing digital societies: Private platforms, public values // Computer Law & Security Review. 2020. Vol. 36. Article 105377.
13. Ritzer G. The Changing Nature of Consumption and the Intensification of McDonaldization in the Digital Age / G. Ritzer, S. Miles // Journal of Consumer Culture. 2019. Vol. 19, No. 2. P. 228–247.
14. Костина А. В. Конструктивный потенциал массовой культуры / А. В. Костина, А. Р. Кожаринова. М.: ЛЕНАНД, 2015.
15. Hepp A. Deep Mediatization / A. Hepp. London; N.Y.: Routledge, 2020.
16. Habermas, J. A New Structural Transformation of the Public Sphere and Deliberative Politics / J. Habermas. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 2023.
17. Стракович Ю. Фрагментация культуры в цифровую эпоху: угроза или благо? // Наука телевидения: науч. альм. Вып. 7. Москва, 2010. С. 103–119.

18. Смолкина Д. В. Трансформации массовой культуры в постиндустриальном обществе: автореф. дис. ... канд. культурол. наук: 24.00.01. Екатеринбург, 2012.

A. M. Pivovarov (*Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University*)

RECONFIGURING MASS SOCIETY IN THE PLATFORM AGE

The prevalent view of societal demassification in the digital era posits that media diversification and algorithmic audience fragmentation have eradicated mass society. This paper contests this perspective, contending that mass society has undergone qualitative reconfiguration rather than disappearance. Analyzing three core dimensions of massness – production, consumption, and culture – the author illustrates how platformization reshapes mass integration and social control. Algorithmic attention governance, personalized consumption unification, and niche cultural standardization perpetuate mass logic across semi-public networked spaces and society at large.

Mass, mass society, platformization, deep mediatization, algorithms, consumption

УДК 800.92:519.682

А. О. Пиленко (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: a.pilenko@mail.ru)

ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ВЛАСТЕЙ НА ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЕЙ (НА ПРИМЕРЕ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ)

Рассматриваются и исследуются факторы формирования региональных электоральных предпочтений, рассмотрена роль власти. Представлена актуальность и значимость темы исследования с применением политологических методов. В настоящей статье рассматриваются основные факторы, которые формируют региональные электоральные предпочтения.

Региональные субъекты, электоральные предпочтения, формирование региональных электоральных предпочтений, власть, культура, электоральная культура, изменение электоральных предпочтений

В современных геополитических исследованиях все больше ставится акцент на проблемы формирования региональных электоральных предпочтений и на то, как она влияет на политические процессы. Политическое участие в последнее время стало одной из важных политических тем, поскольку оно демонстрирует интерес граждан к политическим вопросам в их обществе. Этот интерес может проявляться в различных формах, таких как поддержка, несогласие, протест, демонстрация и т. д. В то же время политическое участие играет важную роль в процессе политических изменений. Определение и группировка современных факторов формирования электоральных предпочтений позволяет не только прогнозировать политические процессы, но и выявлять их закономерности. Понимание факторов формирования политических процессов, одной из движущих сил которых являются электоральные предпочтения, присущие демократическим политическим системам.

При определении вектора электоральных предпочтений регионы следует рассматривать как территориальные сообщества. Электоральное пространство имеет два измерения – социокультурное и региональное.

Изучение механизмов формирования электоральных предпочтений на региональном уровне обусловлено тем, что в федеративных государствах промежуточные органы власти (региональные элиты и администрации) играют значительную роль в воспроизводстве политических установок и мобилизации электората. В связи с этим, отметим, что Хабаровский край в качестве репрезентативного кейса, демонстрирует как региональная политическая динамика может радикально менять партийные и персональные предпочтения избирателей, так и показывать пределы административного влияния на

политическую повестку, а также поведение электората. Стоит сказать, что победа Сергея Фургала на выборах в 2018 году отчасти отражала локальные политические настроения и доверие непосредственно к региональной политической фигуре, а также восприятие избирателями нестандартной партийной коалиционной стратегии [1]. Однако, как известно, последующие события 2020 года и массовые протесты продемонстрировали, что устойчивые политические изменения требуют не только организационного и риторического ресурса, но и согласованности между региональной политической культурой, медийной средой и формальными инструментами управления.

В настоящее время, существуют несколько ключевых факторов, влияющих на формирование региональных электоральных предпочтений в Хабаровском крае. Безусловно, на степень прозрачности и открытости региональных институтов власти напрямую влияет на доверие граждан и, как следствие, на электоральное участие. Более того, повышение эффективности коммуникации между властью и населением способствует росту электоральной активности. Однако, важно отметить, что динамика социально-экономического развития края коррелирует с изменением политических установок. В периоды экономической стабильности наблюдается рост электорального доверия к действующим институтам, в периоды неопределенности – повышение интереса к альтернативным направлениям. Результаты исследования показывают, что электоральные предпочтения в Хабаровском крае формируются под воздействием комплекса взаимосвязанных факторов, рассмотрим их.

Социально-экономические показатели региона за период 2018–2024 годов характеризуются сохраняющимися проблемами: демографическим спадом в ряде муниципальных образований, колебаниями уровня занятости и низкой динамикой роста валового регионального продукта по сравнению с некоторыми другими регионами Дальневосточного федерального округа (ДФО). Официальная статистика Росстата фиксирует специфику занятости и доходов в регионе, что определяет восприимчивость к социальным программам и призывам региональных властей [1], [2]. Итак, на выборах 2018 года. Сергей Фургал (ЛДПР) победил действующего губернатора, что было неожиданно, учитывая прежнее доминирование «партии власти» в региональной политике, и в июле 2020 года Сергей Фургал был непосредственно задержан по уголовному делу, которое вызвало продолжительные массовые протесты в Хабаровске и ряде муниципалитетов. Впоследствии Михаил Дегтярев стал исполняющим обязанности, а затем и назначенным губернатором. Эти события кардинально изменили политический ландшафт региона.

Административным ресурсом является – анализ официальных протоколов и наблюдений за избирательными кампаниями выявляет типичные практики использования административного ресурса, мобилизация государственных служащих, влияние на организацию избирательного процесса через контроль над избирательными комиссиями, использование механизма регио-

нального бюджета для целевых программ, влияние на информационное освещение событий. Эти инструменты оказывают систематическое, но не абсолютное влияние на электоральные предпочтения [3], [4].

Предоставление субсидий, инфраструктурные инициативы и адресные меры поддержки влияют на лояльность населения: избиратели проявляют большую склонность поддерживать кандидатов, связанных с видимыми финансовыми результатами. В то же время эффективность программ зависит от их узнаваемости и восприятия справедливого распределения. Официальные бюджетные отчеты региона и публикации о региональных проектах указывают на использование таких инструментов в предвыборных циклах.

Контроль и влияние на региональные СМИ, а также активность местных Телеграм-каналов и сообществ ВКонтакте формируют информационные поводы и нарративы. В условиях ограниченного доступа к репрезентативным опросам контент-анализ СМИ служит важным индикатором отношения властей и каналов коммуникации с населением. Исследования динамики протестов подчеркивают роль социальных сетей как платформы для мобилизации.

На примере предыдущих факторов, можно особенно подчеркнуть роль фактора политической культуры. Например, политическая культура влияет на формирование политических предпочтений в различных территориальных образованиях и влияет на преобладание личностных или макроэкономических факторов [1], [5]. Эмпатия и эмоциональная привязанность к образу Сергея Фургала стали ключевым фактором мобилизации протеста, симпатия к этому человеку и эмоциональные связи повысили мотивацию участников, превратив местное недовольство в более широкую гражданскую активность и коллективные действия. В сочетании с информационной повесткой дня и поддержкой СМИ история Фургала стала важным символом протеста, объединяющим различные группы вокруг общих целей и ожиданий. Более того, личный образ лидера трансформировался в символ регионального протеста. Напротив, назначение Михаила Дегтярева и последующая политика сопровождались критикой и низким уровнем доверия со стороны части населения, что усилило раскол между институциональными властями и местным мобилизованным электоратом. Эти явления указывают на важность персонализации региональной политики в условиях высокой политической чувствительности.

Подводя итоги можно отметить, что региональное правительство Хабаровского края влияет на электоральные предпочтения посредством сочетания административных, социальных и коммуникационных инструментов. В то же время протестные настроения 2020 года показали ограниченность эффективности чисто административных практик: массовая мобилизация и персонализация протестного руководства ослабили одностороннюю трансформацию административного ресурса в стабильную электоральную поддержку [6], [7], [8], [9]. Это согласуется с современными теоретическими моделями, в которых административный ресурс рассматривается как важный, но не всемогущий фактор, а протестное голосование – как механизм коррекции доминиру-

ющих политических практик. Сравнение с другими регионами, где имели место предвыборные протесты, показывает схожую картину: локальные кризисы доверия и яркие личности могут изменить стабильные электоральные тенденции, по крайней мере, в краткосрочной перспективе. В то же время ограничения исследования – отсутствие репрезентативных социологических данных в разрезе отдельных муниципалитетов и возможные искажения при контент-анализе – требуют осторожности в общих выводах и указывают направление для дальнейших эмпирических исследований.

По мнению автора вышесказанное позволяет сделать объективное заключение о том, что региональная власть воздействует на электоральные предпочтения через административный ресурс, реализацию социальных программ и медиакommunikации, данные инструменты, конечно остаются значимыми и в Хабаровском крае. Так, с 2020 года протестные настроения усилили роль личностного фактора и, в свою очередь, показали, что массовая мобилизация может существенно изменить электоральный ландшафт региона, снизив предсказуемость и ослабив прямое влияние административных практик. Более того, Хабаровский край демонстрирует уникальное сочетание факторов (социально-экономические трудности, персонализация политики, активная гражданская реакция), что напрямую делает его показательным для изучения регионального электорального поведения в условиях политической нестабильности.

Полагаем, что региональным властям стоит усилить прозрачность в распределении социальных льгот и коммуникаций, учитывать протестные настроения при разработке политических стратегий и инвестировать в механизмы диалога с гражданским обществом. Конечно, для перспективности исследований рекомендуется проводить репрезентативные опросы общественного мнения на муниципальном уровне, проводить углубленный анализ контента СМИ и сравнительные исследования с другими регионами Дальневосточного федерального округа.

Источники:

1. Вестник Избирательной комиссии Хабаровского края. Сайт Российского центра обучения избирательным технологиям при ЦИК России. URL: <https://khabrayon.khabkrai.ru/> (дата обращения 30.10.2025)
2. Шульгина Н. Р. Механизмы продвижения молодежного парламентаризма в контексте формирования электоральной культуры // Вопросы теории и практики избирательного законодательства: материалы региональной научно-практической конференции, Краснодар, 03 июня 2025 года. Краснодар: Юг, 2025. С. 367–371.
3. Росс К. Региональные выборы в России: инструмент авторитарной легитимности или нестабильности? // *Palgrave Commun.* 2018. № 75. С. 87–91
4. Никитина Т. А., Терентьева И. А. Теоретико-методологические основания изучения электорального поведения населения // Вестник Поволжского института управления. 2018. Т. 18. № 1. С. 98–105.

5. Прокопенко Т. Роль социальных медиа в политической коммуникации // Коммуникология. 2020. Т. 8. № 4. С. 22–36.
6. Добрынина Е. Н., Кирничук А. В. Интернет-мем как средство манипуляции общественным сознанием в политическом дискурсе // Deutsche Internationale Zeitschrift für zeitgenössische Wissenschaft. 2021. № 20. С. 45–55.
7. Современные угрозы государству и обществу: радикализм, терроризм, информационные войны, «цветные революции» / Г. И. Авцинова, А. И. Аршинова, С. В. Беспалов [и др.]. М.: РУДН, 2018.
8. Оськина О. И. Трансформационные переменные политической культуры современной политической элиты. 2020. Т. 1. № 3. С. 52–73.
9. Стецкая А. С. Имидж политической элиты в электоральных предпочтениях / А. С. Стецкая Г. В. Черникова // Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика. 2025. № 18. С. 189–198.

A. O. Pilenko (*Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»*)

**FEATURES OF REGIONAL AUTHORITIES' INFLUENCE ON
ELECTORAL PREFERENCES OF VOTERS (ON THE EXAMPLE OF
Khabarovsk Krai)**

The article examines and analyzes the factors that shape regional electoral preferences and the role of government in this process. It also highlights the relevance and significance of this research topic using political science methods. The article focuses on the main factors that influence regional electoral preferences.

Regional actors, electoral preferences, formation of regional electoral preferences, power, culture, electoral culture, and changes in electoral preferences.

УДК 371.31

Е. В. Пирайнен (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: evpiraynen@etu.ru)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБУЧЕНИЯ: ОТ ПАССИВНОСТИ К АКТИВНОСТИ

Представлен сравнительный анализ активного обучения и традиционных методов обучения в условиях высшего образования. Рассматривая сильные и слабые стороны обоих методов.

Активное обучение, вовлеченность, эффективность, компетентностный подход

Образование все больше воспринимается как нематериальный инвестиционный актив, процесс формирования, фиксации и капитализации которого нужно сделать максимально управляемым [1, с. 7]. Технологический прогресс, изменения культурных условий и психоэмоциональные вызовы XXI века привели к масштабной трансформации современного образования. На фоне этих изменений актуализируется необходимость баланса между инновационными изменениями и гуманистическими задачами образования.

Одной из причин трансформации образовательного процесса стало переосмысление целей современной молодежи. Согласно отчету OECD Trends Shaping Education 2025, для все большего числа молодых людей главным элементом идентичности уже не является просто иметь работу как источник дохода, их жизненные приоритеты смещаются в сторону личной реализации, устойчивого образа жизни и эмоционального благополучия. Это отражается на образовательном поведении: учащиеся выбирают курсы и программы не только исходя из их прикладной ценности для карьеры, но и из желания развить свои хобби, понять себя, освоить навыки этичного общения и построить гармоничные отношения с окружающим миром [2]. Это требует включенности обучающихся в образовательный процесс. Современные студенты хотят иметь выбор, как и в каком темпе учиться, хотят участвовать, а не быть пассивными получателями информации.

Трансформация обучения от пассивности к активности – это ключевая тенденция современной педагогики, предполагающая переход от роли учащегося как пассивного слушателя к роли активного участника образовательного процесса, когда студент не просто потребляет информацию как на лекциях или при изучении учебно-методической литературы, а сам ищет, анализирует, решает задачи и взаимодействует с другими участниками образовательного процесса. Это достигается с помощью интерактивных методик, проектной деятельности, дискуссий и конечно, включения современных технологий, развивая критическое мышление и самостоятельность. Но несмотря

на то, что усвоение нового лучше всего происходит в интерактивном формате игры, тем не менее вузовское обучение – это все-таки серьезный процесс формирования фундаментальных знаний, ценностей и картины мира, а не просто развлечение. Именно это подчеркивал министр науки и высшего образования Валерий Фальков, говоря о необходимости сочетания фундаментальности и практичности в подготовке специалистов, формировании «онтологии» студента, а не только наборе прикладных навыков [3]. Поэтому крайне важно не отказываться от традиционных форм обучения, а грамотно сочетать их с современными форматами обучения.

Пассивное обучение предполагает одностороннюю передачу знаний, когда студенты только слушают и запоминают информацию. Главная цель пассивного обучения – заучить как можно больше фактов и определений и проверяются знания в основном путем воспроизведения заученной информации.

Рассмотрим формы взаимодействия педагог – студент, в которых педагог является активным действующим лицом, а студент занимает роль пассивного слушателя:

Лекции. Студенты слушают и частично записывают информацию, которую сообщает преподаватель. Иногда по итогам лекции педагог может попросить задать ему вопросы. Но это, как правило, просто формальное действие, не требующие обязательного выполнения.

Чтение учебно-методической литературы. Самостоятельное изучение теоретического материала по учебникам, пособиям, статьям, хоть и требует от студента произвольного внимания, но по сути является просто ознакомлением с теоретическим материалом.

Просмотр обучающих видео. Видео-лекции и обучающие ролики помогают визуализировать сложные концепции, но это все-равно пассивное восприятие информации.

При пассивном подходе к обучению студенты мало взаимодействуют как с преподавателем и одноклассниками. Они не развивают важные навыки общения и сотрудничества. Такой метод характеризуется низкой вовлеченностью детей в образовательный процесс.

Обычно при пассивном методе преподаватель дает большой объем информации, и большинство студентов, особенно начальных курсов, просто не могут глубоко ее проанализировать, и усваивают ее только поверхностно, не подвергая критической оценке. Пассивный метод ориентирован только на изучение теории, а это негативно сказывается на мотивации и интересе к учебе. Кроме того, данный подход не учитывает индивидуальные особенности личности в обучении. Однако у пассивного метода есть и преимущества. Он прост в использовании и подходит для больших групп. Его удобно применять, когда нужно за короткий срок ознакомить студентов с большим объемом информации или стимулировать самостоятельное восполнение недостающей информации.

При активном же обучении студенты являются самостоятельными субъектами образовательного процесса и участвуют в работе вместе с преподавателем. Основная идея подхода активного обучения состоит в том, чтобы вовлечь учащихся в образовательный процесс, дать им возможность самим работать с материалом, а не просто пассивно его получать. При активном обучении, чтобы поддерживать интерес студентов, приходится использовать различные интерактивные формы обучения: деловые игры, квизы, круглые столы, мастер-классы и т. п.

Важным принципом активного обучения является обратная связь. Обратная связь является нейтральной информацией о ходе процесса научения, которая дает возможность учитывать разницу между целью действий и их результатом. Активный самоконтроль, самооценка, а также оценка преподавателя создают возможность оценивать текущее состояние, а затем на основе полученных сведений осуществлять корректирующие действия [4, с. 91]. Очень важно, чтобы студенты регулярно получали обратную связь не только от преподавателя, но и от своих одногруппников. Это способствует рефлексии, помогает понять, что получается хорошо, а над чем еще нужно поработать.

Если сравнить пассивное и активное обучение, то в пассивном формате преподаватель – это источник знаний, а в активном формате – наставник, фасилитатор, который помогает структурировать дискуссию и совместно прийти к решениям, не предлагая готовых ответов, а просто направляя этот процесс. И студент выступает активным участником, отчасти исследователем в образовательном процессе, развивая навыки анализа, решения проблем и сотрудничества.

Основные минусы пассивного обучения – низкая вовлеченность, поверхностное усвоение знаний, отсутствие практического применения, слабая мотивация, недостаток развития soft skills: коммуникативных и командных навыков, не развиваются навыки сотрудничества, критического мышления, самостоятельности.

Тем не менее пассивное обучение в форме прослушивания лекций, чтения учебников, просмотра видеоуроков и даже «пассивном» участие в семинарах тоже полезно. Хотя пассивное обучение направлено в основном на запоминание фактов, его преимущества включают экономию времени для преподавателя, удобство для студентов (можно учиться в своем темпе, совмещать с работой), развитие умения концентрироваться на задаче, и это хороший способ получить объемные базовые знания, которые затем можно углубить активными методами.

Так как пассивное обучение не развивает навыки критического мышления и практического решения проблем, в современных реалиях его просто необходимо комбинировать с активными и интерактивными методами, в том числе с применением новых технологий. Современный формат обучения предполагает активное использование гаджетов, что интересно студентам, которые тяготеют к технологиям и хотят научиться применять их с пользой.

Поэтому применение активных методов в образовании требует особого внимания к технологической инфраструктуре (стабильный интернет, удобные платформы и инструменты для совместной работы) и методической работе (создание новых и адаптация традиционных методов к онлайн-формату). Кроме того, при использовании активных методов следует учитывать и психологические аспекты взаимодействия между участниками образовательного процесса. Нужно создавать атмосферу доверия и сотрудничества, поддерживать мотивацию и интерес, а также обеспечивать обратную связь.

Активный метод предполагает *дискуссии*, когда студенты могут задавать вопросы или высказывать свое мнение; *проекты*, индивидуальные и групповые – исследовательскую деятельность, представленную в форме видеороликов, презентаций, блога и т. п.; *деловые* и *виртуальные ролевые игры*. При таком подходе происходит более глубокое усвоение материала, развиваются навыки решения реальных проблем, формируется самостоятельность и инициативность, повышается мотивация и вовлеченность. Но активное обучение требует больше времени на подготовку для преподавателя, предполагает сложность контроля за группой, иногда технические сложности. И для студентов активное обучение сопряжено с рядом трудностей: групповая работа мешает концентрации внимания и подходит далеко не всем; требуется самодисциплина и активность, если студенты неактивны, обсуждения становятся поверхностными, а глубокие обсуждения, наоборот, требуют большего времени, которого может не хватить в рамках учебного расписания.

Таким образом, трансформация от пассивности к активности – это не просто смена методов, а фундаментальное изменение роли учащегося в образовательном процессе, превращение его из наблюдателя в деятеля. Чтобы найти баланс между активным и пассивным обучением нужно чередовать пассивные и активные формы, чтобы избежать перегруза. Начинать с традиционных пассивных форм, таких как лекции и объяснения, что помогает донести основную информацию, постепенно включать активные методы, адаптируя их под специфику предмета и уровень подготовки учеников. Главное – найти грамотное сочетание методов активного обучения и пассивного восприятия, чтобы поддерживать вовлеченность студентов и эффективность преподавания.

В образовательном пространстве можно использовать разные подходы. Все методы имеют свои преимущества и недостатки, и выбор между ними зависит от целей и задач обучения.

Источники:

1. Будущее образования: глобальная повестка // chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcgklclefindmkaj/https://kcdod.khb.ru/files/documents/15006_budushchee_obrazovaniya.pdf.

2. Тренды в глобальном образовании на 2025 год: технологии, вызовы и трансформации. <https://educationschool.ru/trends-education-2025>.

3. Центр развития конкурентной политики и государственного заказа.
<https://ria.ru/20200912/obrazovanie-1577134979.html>.

4. Шаталова Н. И. Активные методы обучения в концепции организации учебного процесса. // Известия УрГЭУ. 2004. № 9.

E. V. Pirainen (St. Petersburg State Electrotechnical University «LETI»)

TRANSFORMATION OF LEARNING: FROM PASSIVITY TO ACTIVITY

A comparative analysis of active learning and traditional teaching methods in higher education is presented. Considering the strengths and weaknesses of both methods.

Active learning, engagement, efficiency, competence approach

УДК 316.7

Е. Г. Поздеева (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, e-mail: elepoz@mail.ru)

ФАКТОРЫ ГИБРИДИЗАЦИИ КУЛЬТУРНЫХ ПРОСТРАНСТВ ГОРОДА

Рассматривается процесс гибридизации, проявляющийся в синтезе форм и сопровождающих активностей, наиболее характерный культурным и архитектурным пространствам города. Выявлены факторы, способствующие гибридизации культурных пространств и определяющие вектор их развития. Подчеркивается потенциал творчества, экспериментирования, новые возможности приобретения культурного опыта и формирования коммуникационных практик участниками событий и посетителями культурных пространств и мест города.

Культурное пространство, город, гибридизация, идентичность, цифровизация, виртуальная реальность, архитектурная гибридность

Современное городское пространство все больше приучает жителей к сложным архитектурным и визуальным решениям, смешанным формам и локациям, предоставляющим возможность существования в физической и виртуальной реальности, реализуя мультiformатные коммуникационные практики. Если бросить взгляд в историю прошлого века первой его трети, то нельзя не заметить параллель – стремление инженеров и дизайнеров городов с помощью психотехнического подхода разнообразить инструменты воодушевляющего идеологического воздействия на жителей. Сложные формы и конструкции, устремленные ввысь, напоминающие следы космических кораблей, «танцующие» здания, синтез эмоционально-осязательных элементов, раскрепощающих творческий дух и пробуждающий мечты о будущем, основанные на вере в могущество гения человека – этими чертами изобилуют памятники живописи и архитектуры того времени. Идеи психотехники в искусстве преследовали цели не только поиска новых художественных подходов, но и энергетических источников, потенциал которых раскрывался с помощью неординарных и синтетических решений. Сегодня городские пространства вновь обращаются к активной трансляции сложных стилей и инновационных форм, создавая вокруг человека, погруженного в повседневную жизнь, ореол таинственной скрытой энергии и бесконечности творческих открытий. Это достигается с помощью гибридных форматов, соединяющих как близкие, так и дальние элементы, стремящихся в одной «упаковке» удовлетворить сложный набор потребностей современного человека. Так, товары все больше соединяются с услугами, развлечения – с едой, спорт – со зрелищем,

книжные магазины включают кафе и открытые библиотеки, экспонаты музеев «оживают», а уголки города превращаются в уличные музеи.

Цифровизация культуры города происходит быстрыми темпами, ресурсы культуры трансформируются на основе применения искусственного интеллекта, включают преимущества дополненной и виртуальной реальности: возникают виртуальные музеи, выставочные пространства, все больше проводится онлайн-мероприятий, создаются образовательные курсы, посвященные истории и современному искусству, развиваются цифровые сервисы, облегчающие доступ пользователям к образованию и культурному развитию. При этом осмысление воздействия цифровой культуры на человека связано с признанием того, что не только человек создает культуру, опираясь на технологии и творчество, но и культура создает самого человека и продолжает его пересоздавать, трансформируя его потребности и навыки [1], ставя новые задачи и открывая горизонты познания.

На основе новых научных подходов сегодня становится возможным учет нейропроцессов при проектировании и формировании городской среды, это развивает нейроархитектуру, понимаемую как застроенную среду, разработанную с учетом принципов нейробиологии. Обращение к нейроархитектуре позволяет применять знания в области влияния среды не только на эмоциональное состояние человека, но и на нейропроцессы в сторону стимулирования или подавления определенных паттернов поведения. Мультисенсорное влияние среды, которая включает физические и виртуальные элементы, позволяет рассматривать ее как сложное коммуникативное пространство, а архитекторов и дизайнеров воспринимать в роли режиссеров перформативного действия [2].

В современной городской среде особенно заметны процессы гибридизации, которые делают ее более разнообразной. Гибридизация является одним из важнейших факторов эволюции в природе, она оказывает влияние на разнообразие, адаптивные способности видов, формирует специфику среды и определяет ее жизненные силы. Сегодня городские системы в своей сложности отвечают задачам повышенной функциональности в ответ на потребности жителей. Вид гибридности порождает проблему противоречивости, но одновременно придает динамику и поддерживает поворот к креативным идеям и практикам.

В современном городском пространстве выделяются своей гибридностью и культурные площадки. Понятие культурной гибридности было актуализировано в 90-х гг. XX века в русле подхода к анализу социокультурных процессов с позиций пересечения и взаимопроникновения различных культур. Результирующим эффектом интеграции становится образование новой – гибридной культуры, процесс формирования которой проходит под влиянием разнообразных факторов, среди которых значимое место занимают специфика территории контакта, количество акторов, тип межкультурной ком-

муникации, этап и особенности общественного развития, в рамках которого происходит гибридизация [3].

Гибридность в дизайне пространства, наблюдаемая сегодня, характерна тренду гуманизации городских пространств, предполагает интеграцию различных стилей. Однако ее восприятие неоднозначно – гибридность всегда содержит новизну, нацеливает на выявление скрытых характеристик и последствий, новые формы зачастую воспринимаются как маргинальные [4]. В архитектурной гибридности выделяют такие виды, как стилевая (сочетание элементов среды), функциональная (комплекс функций), технологическая (переплетение технологий, сложная алгоритмизация), символическая (множество кодов и смыслов интегрированы в образах). В характеристике современного города применяется и понятие «гибридный урбанизм», оно отсылает к принципу отсутствия привязки физического пространства к одной какой-либо задаче, гибкой сборки меняющихся технологий, включению технологий дополненной реальности в физическое пространство.

По мнению Д. В. Галкина, в настоящий момент мы наблюдаем новую страницу в истории искусства и культуры, в которой не только технологии рождают новое искусство, но имеет место и обратное влияние, линия которого направлена от художественных экспериментов к новым технологическим идеям и инновациям, что производит гибридные формы, соединяя художественное творчество и технологии [5, с. 43]. Можно говорить о встрече двух процессов – технологизации искусства и эстетизации технологий. Подчас уже сложно разделять эти виды, так как процессы переплетения науки и техники, архитектуры, искусства и компьютерных технологий постоянно производят новые продукты и ставят нас перед задачей определения отношения к ним и включения в зоны активности.

Одним из важных аспектов исследования является выяснение факторов гибридизации, комплекс которых оказывает влияние на качественные и динамичные характеристики культурных пространств. К основным факторам можно отнести:

- Системное усложнение потребностей аудиторий в способах и местах культурных практик, отвечающих динамичному форматированию идентичности под влиянием информационно-коммуникационной активности и экономики впечатлений.

- Цифровизацию и виртуализацию, освоение новых технологий общения и деятельности, включение дополненной реальности в культурное потребление, что вытекает из роста цифровой грамотности и культуры.

- Персонализацию маркетинговых и рекламных предложений со стороны культурно-развлекательной индустрии и образовательной сферы, предлагающих сложные продукты и миксовые комплексы услуг, омниканальность и соучастие потребителей.

- Переосмысление культурно-исторического опыта общества, рост интереса к культурной сфере с позиций активного участника событий, виртуа-

лизация которых позволяет реализовать погружение во времени и пространстве и осуществить виртуальное общение с героями прошлого.

- Экспериментирование в сфере искусства и творчества.

- Экологическую направленность проектирования и реновацию территорий и мест, особенно в городской среде, что направлено на обеспечение комфорта, инфраструктурное развитие и коммуникационную насыщенность пространств.

Культурные пространства и архитектура города создают его «коллективное тело» и формируют образ. Город стремится быть воспринимаемым как единое целое, различные объединения мультикультурных агломератов строятся на концепции диалога. Однако, как отмечают исследователи, в последнее время мегаполисы перестали выполнять свои идентификационные функции, что побуждает городские власти более внимательно обратиться к культурным практикам и традициям (праздникам, фестивалям, концертам на городских площадках и др.), а также к досуговым формам, поддерживающим коллективную активность горожан, что способствует новым попыткам «сборки» коллективного тела города [6, с. 529].

Современное городское пространство включает не только архитектуру, несущую художественные смыслы, но и уличное искусство, локально отражающее информационную среду с определенным комплексом технических, эмоциональных и социально-этических возможностей. Уличное искусство, включенное в естественную среду, апеллирует к разнообразию интерпретаций. Но восприятие его отличается двойственностью: с одной стороны, включенность объектов уличного искусства в привычную нам окружающую среду и нередко даже высокое качество самих произведений порождают отношение к ним как к культурно значимым, но с другой стороны, поскольку это направление зачастую связано с нелегальной формой творчества, оно воспринимается как маргинальное, часто оценивается как вандализм. Возникшая недавно форма «музей уличного искусства», призвана стать посредником между актуальным стрит-артом и зрителем, в задачу этой формы музея входит пробудить у зрителя не только эстетические чувства, но и идентификационные процессы, социально-этическое отношение к транслируемым проблемам [7, с. 70].

Места, где соединяются история, культура и современные технологии – это современные музеи, которые все более активно предлагают интерактивные решения. Новый синтез технологий, применяемых в музеях, призван повышать интерес к музею, привлекать посетителей, демонстрировать ранее труднодоступные экспонаты, для чего в музеях можно увидеть множество проекций и инструментов виртуализации, видеомэппинга или 3D-мэппинга (проецирование изображения на разные объекты), мультимедийные диарамы. Новые впечатления предлагаются посетителям на основе совмещения пространств (например, в Музее Победы на Поклонной горе в Москве), применения проекций, которые реагируют на движение посетителя, что достигает

ся за счет добавления к проекторам сенсорных датчиков и камер (Галерея современного искусства в Казани на выставке «Николай Рерих» предложила посетителям с помощью движения рук в воздухе написать свои картины). Технологии применения виртуальной (VR) и дополненной (AR) реальности направлены на то, чтобы у посетителя формировался опыт взаимодействия с экспонатами на основе их оживления, это способствует восприятию осмотра музейных залов как увлекательного индивидуального приключения. К ярким примерам успешных смешанных форм можно отнести проекты наших ведущих музеев («Великолепный Эрмитаж», «Виртуальный Русский музей», «Моя Третьяковка» и др.), ставшие популярными мэппинг- и иммерсивные спектакли, выставки (например, выставка-байопик в Санкт-Петербурге, посвященная В. Цою). Так, погрузиться в мир живописи и идей коллекционеров можно в KGallery в Санкт-Петербурге, прослушав аудиозапись рассказа В. Смехова о коллекции семьи Куниных.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что процессы гибридизации, глубоко трансформирующие культурные пространства современных городов, вносят свой неосценимый вклад в разнообразие культурных форм, обеспечивая поддержку и гибкость идентичности [8], освоение культурного наследия, обладают мощным развивающим и мотивационным потенциалом для посетителей и меняют сам облик объектов, придавая ему черты новизны и притягательности.

Источники:

1. Лекторский В. А. Естественное, искусственное и науки о человеке // Культурно-историческая психология. 2018. Т. 14. № 3. С. 31–35.
2. Мухитов Р. К., Гордеева А. Э. Нейроархитектура: архитектура, влияющая на чувства людей. // Известия КазГАСУ. 2022. № 2 (60). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neyroarhitektura-arhitektura-vliayuschaya-na-chuvstva-lyudey> (дата обращения: 10.12.2025).
3. Мещеряков А. Ю., Якушенкова О. С. Культурная гибридность в условиях урбанистического ландшафта // Теория и история культуры. 2017. № 4. С. 57–60.
4. Будникова А. Гибридность – проблема современного города или катализатор? URL: <https://m-a-arch.space/gibridnost-problema-sovremennogo-goroda-ili-katalizator> (дата обращения 8.12.2025).
5. Галкин Д. В. Техно-художественные гибриды или произведение искусства в эпоху его компьютерного производства (V1.0A) // Гуманитарная информатика. 2007. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnо-hudozhestvennye-gibridy-ili-proizvedenie-iskusstva-v-epohu-ego-kompyuternogo-proizvodstva-v1-0a> (дата обращения: 8.12.2025).
6. Дорофеев Д. Ю., Марков Б. В. Визуальная антропология и коммуникация: философский взгляд. СПб.: Изд-во РХГА, 2022.

7. Дроздова-Пичурина Н. Н. Урбанизация музея vs. Музеологизация городского пространства: к теоретической разработке вопроса (на примере Санкт-Петербурга). // Вопросы музеологии. 2016. № 1 (13). С. 10–23.

8. Арканникова М. С., Танова А. Г., Поздеева Е. Г. К проблеме гибкой идентичности в условиях развития культурных практик населения. // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2025. № 1 (110). С. 83–92.

E.G. Pozdeeva (Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University)

FACTORS OF HYBRIDIZATION OF CULTURAL SPACES OF THE CITY

This article examines the process of hybridization, manifested in the synthesis of forms and accompanying activities, most characteristic of the city's cultural and architectural spaces. The factors that facilitate the hybridization of cultural spaces and determine their development vectors are identified. The potential for creativity, experimentation, new opportunities for acquiring cultural experience, and the development of communication practices among participants in events and visitors to the city's cultural spaces and sites is emphasized.

Cultural space, city, hybridization, identity, digitalization, virtual reality, architectural hybridity

УДК 172

А. И. Пономарёв (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: aiponomarev@etu.ru)

ДОКОГНИТИВНОЕ МОРАЛЬНОЕ МЫШЛЕНИЕ

В докладе рассматривается концепция докогнитивного мышления на примере животных. Отдельное внимание уделено возможности морального мышления на докогнитивном уровне. Рассмотрение животных как моральных агентов в рамках докогнитивного мышления позволяет выдвинуть новые аргументы в дискуссии о человеческой моральной агентности.

Моральная агентность, моральная ответственность, докогнитивное мышление, мышление животных

Агентность является актуальной проблемой в сегодняшних дискуссиях о природе морали и рациональности. Различные процессы в трансформирующемся обществе требуют новых ответов на вопросы о том, кого можно считать моральным агентом, за какие действия может быть назначена моральная ответственность и т. д. Среди факторов, влияющих на трансформацию представлений в области моральной агентности, можно указать и взрывной рост информации, и прогресс в области биологии с увеличением знания о влиянии на геном человека, а также политические трансформации, формирующие размытый и нежелательный вариант будущего.

Агентность является специфическим свойством субъекта, которое означает его соответствие ряду условий. Несмотря на то, что полное знание о субъекте доступно только самому субъекту, агентность является объективным свойством, ведь моральная ответственность, порожденная агентностью, не может зависеть от произвола самого субъекта. По этой причине в вопросах агентности принято обращаться к образу другого. Образ другого необходим поскольку собственный пример никогда недостаточен. У отдельной личности ангажированный взгляд, каждому хочется, чтобы другие несли ответственности побольше, а он сам поменьше. Полезным другим для вопросов агентности может быть и близкий и далекий человек, и представитель иной культуры, и робот, оснащенный ИИ и демонстрирующий признаки рационального поведения. Могут такими полезными другими быть и животные.

Животные не умеют думать в нашем смысле слова, не имеют языка, никак не формулируют мыслей, но умеют принимать решения. Свидетельств о том, что у других животных (объединенных термином «non-human animals») есть какое-то «мышление» достаточно много, но эта проблема остается трудноразрешимой до сих пор. Морфологией тел разные животные сильно отличаются, поэтому при серьезном рассмотрении группа нечеловеческих животных уже перестает существовать как что-то единое, приходится их отдельно

разбирать по родам и семействам. Дельфины «мыслят» не так, как шимпанзе, которые «мыслят» не так, как собаки, а те в свою очередь сильно отличаются в «мышлении» от крыс и т. д. Объединение животных с разной морфологией в одну категорию «non-human animals» оправдано только потому, что их рациональное поведение осуществляется без нашего языка. При сравнении человеческой и «животной» рациональности можно сделать вывод о роли языка и языковых структур в человеческой рациональности.

Полезным для анализа является и указание на то, что животных объединяют их базовые интенции: все животные имеют желание найти еду, когда голодны, и все животные стремятся убежать от хищников, когда чувствуют опасность. Такие действия могут считаться рациональными, если под рациональностью понимать соответствие результатов и их реализации. Отдельный индивид, видя хищника и опознавая его как хищника, бежит и прячется в укрытие. Такое поведение невозможно списать на инстинкты в виду большого разнообразия и большого фактического материала, демонстрирующего нарушение шаблонов, считающихся инстинктивными. Инстинктами могут быть объяснены только устойчивые стереотипы поведения, но обучаемость выходит за их рамки. Поэтому вопрос о собственно мышлении животных остается до сих пор открытым. И главное, являются ли наши выводы о мышлении животных адекватным отражением того, как животные приходят к принятию конкретного решения, или же скорее приписыванием животным человеческих качеств, в том числе владение такими абстрактными концептами, как «еда» и «хищник»?

Х. Бермудес предлагает, в числе прочего, представление о неязыковом варианте мышления с опорой на теорию Г. Фреге. В своей знаменитой статье «Значение и смысл» Фреге предлагал разделить референции терминов и высказываний на два типа: под значением следует понимать предметы и положения дел, под смыслом субъективное отношение к этим предметам и положениям дел. Термины «Утренняя звезда» и «Вечерняя звезда» имеют одно значение (планета Венера), но разный смысл, поскольку созерцание звезды на вечернем и утреннем небе порождает в человеке разные переживания. Аналогично и с высказываниями: «Марк Твен написал «Гекльберри Финна»» и «Самюэль Клеменс написал «Гекльберри Финна»» имеют одно значение, поскольку отражают действия одной и той же личности, но разный смысл для говорящего, ведь он может и не знать, что «Марк Твен» является псевдонимом. Именно смысл высказываний Фреге называл мыслью, поскольку, с одной стороны, смысл высказываний имеет субъективную природу, а с другой – подвержен рациональным правилам и доступен для других [1].

К животным это может быть применимо вот в каком формате. Даже не имея абстрактных представлений «еда» или «хищник», каждое животное вполне может иметь специфические субъективные переживания по отношению к окружающим его предметам. Многие млекопитающие способны идентифицировать представителей разных видов как «хищников», что способно

вызывать сходное поведение – бежать и прятаться. Также способны решать разные головоломки для того, чтобы съесть спрятанную в них еду. Именно такое разнообразие поведенческих стратегий, объединенных одной интенцией, говорит о наличии рациональности, в конкретном смысле этого слова, в поведении животных. Поведение животных является сложным, адаптивным, предсказуемым для контрагентов, а значит и подверженным оценке по критериям правильности.

Как все-таки понять, правильно ли мы приписываем мысли животным или нет? Согласно предложенной Бермудесом схеме, обоснование нашей интерпретации мыслей животных выглядит следующим образом:

- 1) наблюдатель-человек полагает, что животное думает X;
- 2) животное действительно думает X,
- 3) утверждение наблюдателя истинно.

Как правило, вывод о конкретном решении животного базируется на успешности предсказания его поведения, поскольку рациональное поведение животных должно быть предсказуемым. Фрегеанский подход позволяет сделать вывод о семантическом единстве. Очевидно, что представление о еде для человека и других животных разнятся, также как и разнятся представления о хищниках, однако возможно вывести некоторое семантическое единство, «голод» и «страх» и другие базовые ощущения и эмоции вполне могут быть общими для разных видов животных, в том числе и человека [2].

Как видно из предложенной схемы, чтобы установить, о чем думает сознательное существо, не обладающее языком, необходимо как минимум наблюдать за ним. Результаты наших наблюдений позволяют сделать заключение о содержании мыслей животного, поскольку наши мысли также отражаются в поведенческих реакциях. В рамках предложенной схемы также подразумевается, что у животных со сложным поведением есть определенный вариант самосознания, т. е. «Я-представление» или «Я-ощущение» [3]. Каждый индивид действует в эгоцентричном пространстве, он оценивает, на каком расстоянии и в каком направлении от него находится объект (оцениваемый как еда или хищник), такое поведение требует выделения себя из списка других объектов. Также наличие собственного семантического пространства, когда индивид имеет субъективные переживания относительно конкретного представителя понятия «еда» или «хищник», даже без понимания самих абстрактных терминов предполагает некоторое представления о самости.

Для моральной дискуссии важна не только возможность совершать действия по алгоритму, пусть и достаточно сложному. Нужно также и оценивать эти действия в категориях правильно/неправильно, а для этого одним из необходимых условий является самостоятельно осознаваемая субъектность. Морально значимые действия как раз отличаются такой дифференциацией: одно и то же действие в отношении одного объекта морально допустимо, в отношении другого объекта – недопустимо. Из предыдущего анализа видно, что жи-

вотные способны к подобной дифференциации, значит к ним вполне применимы нормативные оценки.

Также нормативный аспект в поведение животных предполагает, что к поведенческим реакциям, вроде связки «хищник» – «бежать» добавляется модальность вида «должен бежать» или «следует бежать». Как правило, свобода действий в соответствии с императивом или в противоречии к императиву считается необходимым условием для того, чтобы действия оценивать по моральным категориям. Наличие нескольких вариантов среди списка вряд ли подвергается сомнению, однако вопрос остается в том, как конкретно животное принимает решение, вынуждено или свободно. Если выбор осуществляется как оптимальный при наличии других, оцененных менее привлекательными, то такая оценка вполне соответствует понятию нормативности, хотя нам, конечно, трудно представить себе мышление животного, которое приводит его к решению против его эгоистичных интересов. Такое поведение с необходимостью требует абстрактных концепций, таких как Божья воля или гуманистические идеалы.

Если вполне такие рассуждения о языковых мышлении и рациональности справедливы, то могут быть сделаны и дальнейшие выводы уже о человеческой рациональности и морали. Несмотря на разнообразие моральных теорий и практик, чувство совести, связанное с самооценкой, играет базовую роль и имеет биологическое происхождение. Люди схожи в области совести и морального чувства между собой, поскольку люди схожи в этом аспекте с другими животными. Очевидно, язык демонстрирует радикальное отличие человека от остальных животных, другие виды не способны к такому виду коммуникации. Тем не менее, игнорировать общие особенности морального поведения нерационально.

Подводя итог, можно сделать ряд замечаний. Фрегеанская теория помогает разобраться в мышлении животных, описать их семантическое пространство. Предложенная Бермудесом схема позволяет оценить правильность приписывания мыслей животным на основании предсказуемости их поведения. Присутствие самосознания и рациональности у животных кое-что говорит о человеческой рациональности и самосознании, а именно, что разнообразие моральных теорий все же имеет общий базис в биологической природе.

Источники:

1. Фреге Г. Логика и логическая семантика. М.: Аспект Пресс, 2000.
2. Bermudez J. L. Thinking without Words. NY: Oxford University Press, 2003.
3. Bermúdez J. L. Understanding «I». Language and Thought. New York: Oxford University Press, 2016.

A. I. Ponomarev (*Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»*)

NON-COGNITIVE MORAL RATIONALITY

Paper contains analysis of non-cognitive rationality on the basis of non-human animals. Possibility of moral rationality on non-cognitive level received additional attention. Non-human animal rationality could bring a new arguments in the discussion on humane moral agency.

Moral agency, moral responsibility, non-cognitive rationality, animal reactivity

УДК 81'42+811

Н. С. Проказов (Санкт-Петербургский государственный экономический университет «СПБГЭУ», e-mail: famdoc953@mail.ru)

АНГЛОЯЗЫЧНЫЙ ДИАЛОГИЧЕСКИЙ КИНОДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ ДИАХРОНИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В данной статье приводится обоснование перспективности диахронического корпусного исследования англоязычного диалогического кинодискурса для описания эволюции коммуникативного поведения участников кинодиалога посредством анализа специфики фатической коммуникации в динамике, установления средств реализации категорий прецедентности, определения эволюционных аспектов лингвокультурных и лингвокогнитивных характеристик.

Диахроническая лингвистика, историческая дискурсология, кинодискурс, кинодиалог, креолизованный текст, корпусная лингвистика

Традиционная диахроническая лингвистика изначально концентрировалась на описании изменений формальной стороны языковой системы. Сформировавшееся в конце XX века направление исторической дискурсологии задавало новый вектор исследований, сместив акцент на эволюцию речевых актов, реализацию коммуникативных стратегий, выделение жанровой специфики и дискурсивных особенностей в их социокультурном контексте [1], [2]. Особое внимание уделялось диахронической эволюции языковых единиц и их содержательной стороне, а также трансформации синтаксических средств выражения коммуникативных интенций.

Динамический аспект изучения дискурса предполагает учет исторической периодизации этапов развития языка, обеспечивающий обширную доказательную базу при описании языковых тенденций, характерных для конкретного временного среза [3]. Основной проблемой для исследователей остается репрезентативность и объяснительная способность источников для объективизации знания о прошлом языка: письменные памятники (хроники, письма, трактаты) лишь опосредованно отражают живую речь и повседневные коммуникативные практики.

В этой связи кинематограф, особенно звуковой (с конца 1920-х гг.), представляет собой перспективное поле для диахронических исследований дискурса. Киноречь целенаправленно стремится к уподоблению существующим в реальности речевым паттернам и выполняет функцию социального мимесиса, отражая дух эпохи и изменение прецедентного фона коммуникации в текстах кинодиалогов [4]. Имитация действительности в креолизованном тексте – одна из примечательных особенностей кинематографа как коммуникативной системы [5]. Кинодиалог – это псевдо-устная речь, прошедшая

через фильтры сценария, режиссуры и актерской интерпретации, существующая в рамках киноконтекста и выполняющая функцию социокультурной репрезентации и нормализации коммуникативного поведения.

Как отмечает Ю. Г. Сорока, кинодискурс включает в себя культурный и социальный контекст, который дает зрителю представление об участниках кинодиалога. Особенности контекста проявляются в репликах героев фильмов [6, с. 49]. Кинотекст, обладая свойствами фиксации и массовой тиражируемости, становится мощным инструментом отражения речевого идеала исторического периода.

Таким образом, кинематограф можно рассматривать как дискурсивный архив XX–XXI веков, позволяющий проследить эволюцию языка в диахроническом аспекте на фоне закрепленных за каждым периодом моделей речевого поведения, вербального компонента выражения эмоций, социально-культурного контекста и табуированной лексики.

Аналитический обзор существующих работ показывает, что диалогический кинодискурс до настоящего момента не становился объектом диахронического исследования. Проводились синхронические исследования: лингвокультурологические анализы отдельных фильмов или творчества режиссеров [7], изучение жанровой специфики. Работы, прослеживающие изменение лингвопрагматических параметров диалога на протяжении десятилетий с применением инструментов корпусной лингвистики, единичны [8]. Данная исследовательская лакуна определяет научную новизну предлагаемого подхода, который позволяет перейти от анализа единичных текстов к выявлению масштабных тенденций в англоязычном диалогическом кинодискурсе.

Применение методов корпусной лингвистики для описания эволюции языка на позволит выявить исторические тенденции в речевом поведении на лексико-морфологическом и синтаксическом уровнях текста. На лексико-морфологическом уровне в динамическом аспекте прогнозируется общая коллоквиализация и рост частотности разговорных единиц, сленга и инвективной лексики. Либерализация языковых норм в англоязычном сообществе напрямую влияет на десакрализацию табуированной лексики и способствует увеличению удельного веса инвектив в диалогах кино (*piece of crap, fuck, douchebag*). Демократизация речи проявляется также в росте тенденции к морфологической редукции, более частотном употреблении клитиков (*he's, we're, outta, 'em*).

Трансформации на синтаксическом уровне могут быть продемонстрированы последовательным уменьшением средней длины реплики (предложения) в диалогах. Распространенные предложения, характерные для театрализованной речи раннего кинематографа, уступают место динамичным высказываниям, имитирующим спонтанный разговор. Закономерно и увеличение частотности эллиптических конструкций (*Are you coming? vs. You comin'?*). В целях реализации закона экономии языковых усилий изменяется и сама

структура диалога: длинные монологи вытесняются короткими репликами (*ping-pong conversation*).

На фоне стремления к лаконичной передаче информации происходит качественное изменение фатических элементов коммуникации, которые эволюционировали от речевых клише для начала и завершения беседы (*How do you do? I must be going*), соблюдения формальных условностей диалога (*Lovely weather, isn't it?*) и логического перехода к теме (*As I was saying...*) к маркерам речевых характеристик персонажей. В период раннего кинематографа фатическая коммуникация была лишена психологического и эмоционального компонента значения, идеализируя сценическую речь актеров. Минимальная плотность речевых филлеров и междометий на данном этапе также объясняется ограничениями хронометража, в который необходимо было уместить фабулу, избегая сюжетно незначительных реплик. Следующий период характеризуется переосмыслением важности элементов фатической коммуникации, которые акцентируют внимание не на повествовании сюжета с безупречными диалогами, а на рефлексии персонажей, раскрытии внутреннего мира и поведенческих характеристик. Паузы, речевые филлеры и мысли, прерываемые междометиями, демонстрируют неловкость, неуверенность, несовершенство живого человеческого общения.

Не менее интересна и репрезентативна в динамике категория прецедентности в англоязычном диалогическом кинодискурсе. Ранний кинематограф вдохновлен классической литературой и библейскими сюжетами. Персонажи ссылаются на античную мифологию и исторические события, что указывает на их образованность и социальное положение, а также обеспечивает создание универсального интерпретационного поля для посвященной аудитории. Начиная с 1960–1970-х годов наблюдается диверсификация источников прецедентности. К традиционному цитированию произведений добавляются феномены массовой и популярной культуры (классические голливудские фильмы, телевизионные шоу, музыка и пр.). Прецедентные единицы этого периода часто используются не для прямого цитирования, а в качестве аллюзий для групповой идентификации определенной аудитории. В современный период (с 2000-х годов) доминирующим источником становится интернет. Для этих единиц характерна высокая степень контекстуальной зависимости и короткий жизненный цикл, поскольку их использование в диалоге маркирует актуальность и моделирует речевые практики, характерные для дискурса в рамках медиасреды и отличающиеся высокой степенью интертекстуальности. Таким образом, эволюция прецедентности в кинодиалоге отражает переход к динамичному, ориентированному на текущий момент глобальному медийному контексту.

Диахроническое исследование англоязычного диалогического кинодискурса с применением корпусных методов, позволяющее фиксировать эволюцию живых речевых практик, представляет собой перспективное направление исследования. Кинодиалог объективирует языковые нормы и дискурсив-

ные характеристики своей эпохи, транслирует лингвокультурный и лингво-прагматический аспект общения.

Источники:

1. Кочетова Л. А. Диахронный подход к изучению рекламного дискурса: теоретико-методологический аспект // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. № 638. С. 216–224.
2. Кочетова Л. А. Историческая дискурсология как вектор развития теории дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. № 6 (717). С. 323–334.
3. Köhnen T. Historical Text Linguistics: Investigating Language Change in Texts and Genres // English Historical Linguistics. 2008. Vol. 2: Words, Texts and Genres / H. Sauer, G. Waxenberger (eds.). Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2008. P. 166–187.
4. Ворошилова М. Б. Креолизованный текст: кинотекст // Политическая лингвистика. Екатеринбург: УрГПУ, 2007. Вып. (2) 22. С. 106–110.
5. Kozloff S. Overhearing Film Dialogue. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 2000.
6. Сорока Ю. Г. Кинодискурс повседневности постмодерна // Постмодерн: новая магическая эпоха / под ред. Л. Г. Иониной. Харьков: Харьковский нац. ун-т им. Н. В. Карамзина, 2002. С. 47–49.
7. Zyкова I. V. Linguistic creativity and multimodal tropes in cinematic discourse // Russian Journal of Linguistics. 2023. Т. 27, № 2. С. 334–362.
8. Kochetova L. A., Ilyinova E. Yu. Diachronic and dialect variation of english intensifying adverbs in the film dialogue discourse: corpus-based study // Science Journal of Volgograd State University. Linguistics. 2022. Т. 21, № 5. С. 95–107.

N. S. Prokazov (Saint Petersburg State University of Economics)

**ENGLISH DIALOGICAL CINEMATIC DISCOURSE AS AN OBJECT OF
DIACHRONIC RESEARCH**

This article provides a justification for the prospects of a diachronic corpus study of English dialogical cinematic discourse for description of the evolution of the communicative behavior of participants in a film dialogue by analyzing the specifics of phatic communication in dynamics, establishing means of implementing precedent categories and determining the evolutionary aspects of linguistic-cultural and linguistic-cognitive characteristics.

Diachronic linguistics, historical discourse studies, cinematic discourse, film dialogue, creolized text, corpus linguistics

УДК 130.2:001.92:002:374.71

Д. Е. Прокудин (Санкт-Петербургский государственный университет,
e-mail: d.prokudin@spbu.ru)

Hi-Fi, ВИНИЛ И КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ

Одним из важнейших механизмов сохранения «культурного ядра» является передача культурных кодов через сохранение культурно-исторической памяти. Для этого в любом обществе формируются и институализируются различные социальные практики. К ним, прежде всего, относятся система образования, культурная политика, просветительская деятельность, политика сохранения исторической памяти. В российском обществе все эти институты существуют и оказывают определенное влияние на подрастающие поколения. Однако, нельзя забывать и о неформальных практиках, которые оказывают несравнимо большее воздействие на современную молодежь в формировании собственной культурной идентичности. В настоящем исследовании раскрывается один из механизмов связи поколений – увлечение музыкой и хорошим звуком, который является один из способов передачи культурных кодов и сохранении культурно-исторической памяти.

Культурный код, «культурное ядро», сохранение-культурно исторической памяти, связь поколений, музыка, Hi-Fi, радиоаппаратура

Сохранение «культурного ядра» в любом обществе и в любое время есть необходимое условие для продолжения существования цивилизации. Только освоение его новыми поколениями через передачу культурных кодов определяет цивилизационное существование и развитие. Формируемые в обществе механизмы трансляции культурных кодов разнообразны. Прежде всего, это институализированные формы, такие как, система образования, молодежная культурная политика, политика сохранения исторической памяти, просветительская деятельность.

Однако, в этих процессах одну из важнейших ролей играет преемственность поколений, которая в основе происходит в семье. Именно семейное воспитание и постоянное живое общение создают основу для восприятия всего культурно-исторического опыта. Со стороны семьи это воздействие является многогранным и разнообразным. Дети, как правило, перенимают от родителей привычки, культурные устои, память о своих предках (семейную память, которая является неотъемлемой частью исторической памяти общества). Через воспоминания родителей их детям передается память о культурно-исторических контекстах их молодости. В том числе, от родителей детям передаются и различные увлечения. И как раз они и становятся тем самым

прочным мостиком в этой связи поколений, через них передаются культурные устои прежних поколений.

В этой связи необходимо отметить увлечение музыкой – ее прослушивание на качественной радиоаппаратуре. Это увлечение, как правило, является довольно комплексным культурным феноменом и состоит из меломании (любовью к музыке) и филофонии (любовью к качественному звучанию). Кроме этого, данное увлечение может включать в себя и увлечение радиотехническим творчеством – сборка радиоаппаратуры, ее обслуживание и модернизация в домашних условиях. Если говорить о поколениях, сформировавшихся в 70–80-е годы прошлого столетия, то увлечение музыкой, в том числе, включает и коллекционирование ее записей на различных физических носителях – виниловые пластинки, магнитная лента, лазерные CD-диски и т. д. Ну а для прослушивания с этих носителей необходима качественная звуковоспроизводящая аппаратура (Hi-Fi, Hi-End). А такая аппаратура служит достаточно долго и достается по наследству.

Приобщение детей к миру музыки через домашнее прослушивание может породить в дальнейшем и их осознанное увлечение всем вышеперечисленным. Но связь поколений при этом заключается не только в этом увлечении. Через него происходит передача исторической памяти о достижениях прошлых поколений. В частном случае, поколения, рожденные в постсоветское время, сталкиваются с советской радиоаппаратурой и начинают понимать, что в Советском Союзе разработка и производство потребительской радиоаппаратуры было поставлено на поток. Эта аппаратура была (и остается) качественной и достаточно доступной. И это вопреки расхожему современному суждению, что «в проклятом совке ничего не было». И ведь мы вправе гордиться не только военными победами, освоением космического пространства и атомной энергетикой, но и уровнем жизни в советское время. Возможность приобрести блочную высококачественную Hi-Fi аппаратуру, покупать виниловые пластинки (средняя цена 2.50 рубля за виниловый диск фирмы «Мелодия» при средней зарплате 120 рублей у служащих), магнитную ленту на бобинах и кассетах говорит о достойном уровне жизни простого советского человека. Через приобщение в семье к увлечению музыкой подрастающие поколения знакомятся с многочисленными марками отечественной радиоаппаратуры советского производства («Радиотехника», «Эстония», «Вега», «Маяк», «Электроника», «Ария», «Феникс», «Бриг», «Прибой», «Ильма», «Ростов», «Орфей», «Арктур» и многие другие).

Для выявления увлечением музыкой в современной молодежной среде было проведено исследование на основе анкетирования, в котором приняли участие студенты первого курса бакалавриата института философии факультетов политологии, математико-механического и прикладной математики и процессов управления Санкт-Петербургского государственного университета. Всего в осеннем семестре 2025/26 учебного года было анкетировано 467 человек.

Основные результаты анкетирования говорят о том, что:

- 1) 64% опрошенных считают себя меломанами;
- 2) при этом подавляющее большинство (89,5%) слушают музыку со стриминговых сервисов, используя смартфоны с наушниками;
- 3) на стационарной блочной звуковоспроизводящей аппаратуре музыку прослушивают с традиционных носителей: с виниловых пластинок (8,8%), с лазерных CD-дисков (3,6%) и магнитной ленты (1,7%);
- 4) более 48% ответили, что у их родителей или дедушек/бабушек дома есть стационарная блочная звуковоспроизводящая аппаратура и акустические системы;
- 5) при этом почти 53% согласились с тем, что если бы они жили отдельно от родителей, то приобрели бы звуковую аппаратуру и акустическую систему;
- 6) из предпочтительных брендов звукового оборудования в основном были названы те, которые производят популярные компактные решения (портативную акустику, наушники, смартфоны и т. п.): Apple, Panasonic, JBL, Sony, Marshall, Bose. Но попадались и бренды, производящие аппаратуру класса Hi-Fi (Audio Technica, Bowers & Wilkins, Pioneer, Yamaha, Marantz). И никто не назвал ни одной отечественной марки;
- 7) только 6,9% увлекаются радиотехническим творчеством. А 3,4% занимались или продолжают заниматься в радиотехническом кружке.

Результаты анализа полученных ответов говорят о том, что:

- представители поколения Z, так называемые «сетевые люди», из-за своей мобильности привыкли слушать музыку фоном со стриминговых сервисов через мобильные устройства и наушники;
- подавляющее меньшинство представителей молодежи слушают музыку с традиционных носителей на стационарной звуковоспроизводящей аппаратуре. Так как это бывшие школьники, которые в основном могли слушать музыку либо в домашних условиях (у родителей или у дедушек) или в гостях у своих родственников или друзей, то именно эти значимые взрослые являются для них источником данного увлечения. И это увлечение возможно останется с ними на всю жизнь, исходя из желания обзавестись в будущем своей аппаратурой и, скорее всего, своей коллекцией музыки на твердых носителях. Тут уже могут быть различные пути – собственное приобретение или доставшееся по наследству оборудование и коллекция пластинок и других записей;
- пока что для этой части молодежи увлечение музыкой не приобрело личностный глубокий смысл, так как они поверхностно разбираются в брендах радиоаппаратуры, а советские марки им вообще неизвестны (что требует дальнейшего уточнения);
- увлечение радиотехническим творчеством является единичными случаями. Но это может быть и неявно, так как под опрос не попали представители технических вузов и технических специальностей, связанных с проектированием радиотехнической аппаратуры.

Проведенное исследование позволяет говорить о том, что преемственность поколений может лежать (и лежит) в пространстве досуговой деятельности и увлечений. При этом решающую роль играют родители и родственники. Но поверхностное знание либо полное незнание о достижениях советской радиоэлектронной промышленности говорит о том, что в обществе в целом продолжается тенденция к замалчиванию о достижениях отечественной науки и техники в советский период нашей государственности [1]. И это негативным образом влияет на передачу культурных кодов, дает сбой в процессах поколенческой преемственности и искажает культурно-историческую память.

Например, одной из знаковых отечественных разработок стала разработка инженером таганрогского завода «Прибой» В. Стародубцевым первого серийно выпускавшегося лапового усилителя мощности Прибой 50УМ-204С и 75УМ-204С. Выпускался с 1991 года примерно до 1993 года. Однако, на официальном сайте завода (<https://priboy.ru>) об этой истории советского времени нет никакой информации. Только на различных тематических сайтах можно найти разрозненную информацию по этому усилителю [2, 3, 4]. А сами усилители достаточно часто встречаются на платформе Интернет-торговли AVITO (<https://www.avito.ru>).

В связи с этим недостаточно передачу культурных кодов осуществлять только в неформальном пространстве семьи и ближнего окружения. В этих процессах должно участвовать и общество. И здесь к основным направлениям можно предложить следующие:

- осуществление просветительской деятельности о достижениях отечественной радиоэлектронной промышленности периода СССР. Что возможно целенаправленно осуществлять через Российское общество «Знание» (<https://znanierussia.ru>);

- создание условий для радиотехнического творчества молодежи. Это могут быть как государственные учреждения дополнительного образования (дворцы, дома и центры детского творчества, кванториумы и т. п.), так и частные кружки (благо под их деятельность поддерживается грантами региональных правительств);

- поддержка обществ меломанов, их институализация. Например, в Санкт-Петербурге осуществляет свою деятельность секция меломанов в рамках культурно-просветительной общественной организации «Общество коллекционеров Санкт-Петербурга» (<http://o-k-spb.ru/>).

И, как не странно, даже тенденции развития общества потребления могут влиять на связь поколений и играть свою роль в передаче культурных кодов. Во всем мире и в России возвращается мода на физические носители звука (прежде всего на виниловые пластинки). Зарубежные пластинки уже почти 10 лет доступны на различных маркетплейсах. А в России известная отечественная фирма «Мелодия» открыла завод по производству виниловых пластинок в Новосибирске в 2025 году и уже начала выпуск с оригинальных мастер-лент первых четырех дисков [5]. Несомненно, это также внесет свою

лепту в как на возвращении моды на виниловые носители, так и на приобретение соответствующей радиоаппаратуры. И это могут быть не только винтажные аппараты времен СССР, но и современная техника, которую пока что на заказ выпускают современные отечественные производители (Русич-Аудио, Профиль Аудио, Sciber, Три В и многие другие). Ни у конечно же, нельзя забывать, что для поколения Z, основными каналами получения информации являются Интернет-ресурсы. Поэтому всю данную деятельность целесообразно сопровождать именно в сети Интернет.

Источники:

1. Прокудин Д. Е. Достижения отечественной науки и техники: к проблеме замалчивания // Университет. Образование. Общество (к 300-летию СПбГУ). СПб.: Сборка, 2023. С. 152–157.
2. Левчук А. ТОП 10 лучших усилителей мощности СССР // Звукомания. 2021. URL: <https://zvukomaniya.ru/top-10-luchshix-usilitelej-moshhnosti-sssr> (дата обращения: 15.11.2025)
3. Звук «Прибоя» // Хабр. Блог компании RUVDs.com. 2021. URL: <https://habr.com/ru/companies/ruvds/articles/563758/> (дата обращения: 15.11.2025)
4. Прибой 50УМ-204С // LD-Sound. 2021. URL: <https://ldsound.info/priboj-50um-204s/> (дата обращения: 15.11.2025)
5. Фирма «Мелодия» выпустила первые винилы на своем производстве // NEWSmuz.com. URL: <https://newsmuz.com/news/mix/firma-melodiya-vypustila-pervye-vinily-na-svoem-proizvodstve-51340> (дата обращения: 15.11.2025)

D. E. Prokudin (Saint Petersburg state university)

Hi-Fi, VINYL, AND CULTURAL CODES

One of the most important mechanisms for preserving the "cultural core" is the transmission of cultural codes through the preservation of cultural and historical memory. For this purpose, various social practices are formed and institutionalized in any society. These include, first of all, the education system, cultural policy, educational activities, and the policy of preserving historical memory. In Russian society, all these institutions exist and have a certain impact on the younger generations. However, we must not forget about informal practices that have an incomparably greater impact on modern youth in shaping their own cultural identity. This study reveals one of the mechanisms of communication between generations – the fascination with music and good sound, which is one of the ways to transmit cultural codes and preserve cultural and historical memory.

Cultural code, "cultural core", preservation of cultural and historical memory, communication of generations, music, Hi-Fi, radio equipment

УДК 141.319.8; 001.8; 512.54

Е. Л. Разова (Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, e-mail: lrazova@gmail.com);

С. В. Петров (Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, e-mail: petrov@grsu.by)

ОТ ИТАКИ ДО ЦИФРОВОГО ВАВИЛОНА: П-ТЕОРЕМА КАК МЕТОД АНАЛИЗА ДИАЛЕКТИКИ ОСЕДЛОСТИ И НОМАДИЗМА В ХХІ ВЕКЕ

Актуальность исследования обусловлена кризисом классических бинарных оппозиций («оседлый vs. кочевник») в условиях глобальной мобильности и цифровизации, порождающих гибридные формы бытия. Новизна работы заключается в использовании п-теоремы Бакингема в качестве основы формального аппарата (системы размерностей и π -групп) анализа конфигураций Антропного Пространства. Содержательные аспекты: в тезисах демонстрируется, как данный метод позволяет провести контекстный семантический анализ дихотомии от архетипа Одиссея до современных онлайн-номадов, выявить закон компенсации между параметрами и описать гибридные формы как диалектическое разрешение. Работа вносит вклад в операционализацию философской антропологии.

Антропное пространство, оседлость и номадизм, п-теорема Бакингема, анализ размерностей, п-теорема, контекстный семантический анализ, диалектика традиции и постмодерна, цифровой кочевник, гибридные формы бытия, навигация по возможным мирам

Категории «Дом» (оседлость) и «Путь» (номадизм) в ХХІ веке радикально трансформируются. Глобальная мобильность и цифровые инфраструктуры стирают границы, порождая гибридные формы – от «цифровых кочевников» до стратегий «медленного переселения» (slow-mading) [1].

Эта трансформация знаменует собой глубинный кризис пространственно-временных и смысловых координат, в которых традиционно удерживалась человеческая идентичность. На смену жестким бинарностям приходит состояние перманентной семантической неопределенности, где сам выбор между оседлостью и номадизмом становится экзистенциальным вызовом. Требуется не просто новый классификатор, а инструмент для навигации в этом континууме неопределенности – инструмент, способный работать с динамическими конфигурациями, а не статичными типами [2, 3].

Для преодоления этого методологического разрыва предлагается использовать аппарат теории подобия (систему размерностей и метод π -групп). Этот аппарат переводит качественные состояния в формальные параметры (S, T, F, E, W/Sp, A/Ex) и выявляет инвариантные комплексы (π -группы), которые ис-

пользуются для анализа семантической структуры антропного пространства, понимаемого как динамическая, квантово-подобная структура совместного бытия, в которой устойчивые конфигурации реальности понимаются как актуализированные ветви из спектра возможностей. Применение π -теоремы носит эвристический характер и служит для создания операционального языка и выявления системных взаимосвязей, которые затем получают философскую интерпретацию в концепции антропного пространства [4].

Цель исследования – продемонстрировать метод на примере анализа дихотомии «номад/оседлый», чтобы: 1) провести ее контекстный семантический анализ; 2) выявить закономерности и зоны напряжения; 3) описать гибридные формы как диалектическое разрешение. Исследование проводится в парадигме антропного пространства, где эта динамика есть навигация по суперпозициям возможных миров, а выбор стратегии – акт смыслового коллапса.

Анализ качественных состояний (конфигураций) в динамической системе антропного пространства требует перехода от феноменологических описаний к выявлению структурных инвариантов – устойчивых паттернов, сохраняющихся при изменении внешних условий. Для решения этой задачи в качестве формального аппарата избирается π -теорема Бакингема, широко применяемая в теории подобия и физическом моделировании [5].

Суть π -подхода заключается в следующем: система, описываемая n -размерными параметрами, может быть представлена через $(n-k)$ независимых безразмерных комбинаций этих параметров – π -групп, где k – число независимых фундаментальных размерностей в системе. Эти безразмерные группы являются инвариантами, описывающими качественное состояние системы независимо от ее масштаба или конкретных количественных значений [6; 7].

В контексте антропного пространства это позволяет редуцировать множество феноменологических аспектов человеческого бытия к ключевым безразмерным комплексам, которые и определяют ту или иную конфигурацию (например, «оседлость» или «номадизм») как целостное состояние [8; 9].

Для применения метода необходимо определить набор взаимно независимых параметров (размерностей), операционализирующих ключевые аспекты со-бытия в антропном пространстве. В рамках данного исследования предлагается следующая система базовых размерностей:

S (Social Contract) – социальный договор (0-1): степень интегрированности в коллективные структуры и разделяемые нормы. Пример: высокий S характерен для традиционного оседлого сообщества, низкий – для атомизированного цифрового кочевника.

T (Temporal Flow) – временной поток (0-1): доминирующая темпоральная модель, где 0 – циклическое, мифическое время, 1 – линейное, историческое время [10]. Пример: оседлость часто связана с циклическим временем места ($T \rightarrow 0$), тогда как проектное номадическое существование – с линейным ($T \rightarrow 1$).

F (Fixation) – фиксация (0-1): степень стабильности, укорененности в конкретном локусе по сравнению с текучестью и подвижностью. Пример: параметр, напрямую дифференцирующий оседлость (высокий F) и номадизм (низкий F).

E (Economic Eigenvalue) – экономический показатель: количественный или порядковый показатель ресурсного обеспечения, опосредующий доступ к другим параметрам и возможность выбора стратегии.

Дихотомия W/Sp (Width/Spectrum) vs. A/Ex (Altitude/Experience): противоречие между «широтой» охвата (географического, сетевого, культурного) и «глубиной» погружения в локальный контекст и опыт [11; 12].

Количественные оценки параметров (например, $S=0.95$), приводимые далее, носят иллюстративно-модельный характер и получены путем семантической кластеризации текстовых дескрипторов соответствующих жизненных форм. Их цель – демонстрация относительного сдвига и напряженности между полюсами, а не точное измерение.

Сочетания этих параметров, в соответствии с π -теоремой, образуют устойчивые безразмерные комплексы. Для анализа дихотомии «номад/оседлый» ключевыми являются следующие π -группы:

Группа 2 («Мобильный ландшафт»): Ingold (Sp) $\Leftrightarrow$ Tuan (Ex) с коэффициентом $-1/+1$. Данная группа описывает ядро номадического модуса, где прирост мобильности и ширины спектра (W/Sp) компенсируется (-1) снижением глубины и интенсивности локального опыта (A/Ex) [8, 9].

Группа 4 («Оседлая структура»): Леви-Стросс (структура) $\Leftrightarrow$ Фрейд (укоренение). Эта группа описывает ядро оседлого модуса, характеризующееся высокими значениями фиксации (F) и социального договора (S), где устойчивая социальная структура поддерживает и воспроизводит глубокую психологическую укорененность [11, 12].

Сложные группы (например, 5, 12): описывают гибридные или переходные состояния, такие как номадизм как временный, экономически детерминированный период «раннего выхода на пенсию» (early retirement), где параметры E и W/Sp высоки, но F и A/Ex не минимизированы до предела.

Формирование безразмерных π -групп на основе заданной системы параметров было осуществлено с применением методов вычислительного семантического моделирования.

Таким образом, предложенный методологический аппарат позволяет:

а) декомпозировать сложные феномены оседлости и номадизма на набор операционализируемых параметров;

б) выявлять через структуру π -групп системные связи и компенсаторные механизмы между этими параметрами;

в) проводить контекстный семантический анализ, отслеживая, как изменение исторического, технологического или экономического контекста меняет значения размерностей внутри инвариантных групп, что и является предметом следующего раздела.

Диахронический анализ позволяет рассматривать дихотомию «номад/оседлый» не как статичную оппозицию, а как развивающуюся систему, чьи конкретные конфигурации радикально меняются в зависимости от культурно-исторического контекста. В рамках онтогенеза этой системы можно выделить ключевые точки: от архетипического мифа (Одиссей) через исторические формы к современным полюсам тяготения – «Цифровому Вавилону» (глобальный, но фрагментированный номадизм) и «Новому Иерусалиму» (ценностно-насыщенная, локальная нео-оседлость).

Архетипические и исторические конфигурации служат базовыми референциями. Оседлость (Итака в мифе Одиссея) характеризуется максимальными значениями фиксации ($F \rightarrow 1$) и социального договора ($S \rightarrow 1$), доминированием глубины опыта над его широтой ($A/Ex \rightarrow W/Sp$) и ориентацией на циклическое, мифическое время ($T \rightarrow 0$) [13]. Данная конфигурация практически исчерпывающе описывается π -группой 4 («Оседлая структура»: Леви-Стросс $\Leftrightarrow$ Фрейд), акцентирующей воспроизводство устойчивых социальных и психологических структур.

Вынужденный номадизм (Путь Одиссея после разрушения Трои) представляет собой инверсию: резкое падение F , кризис S и переход к линейному, целеполагающему времени ($T \rightarrow 1$). В этой фазе доминирует π -группа 2 («Мобильный ландшафт»: Ingold $\Leftrightarrow$ Tuan с коэффициентом $-1/+1$), однако в ее негативной, «страдательной» модальности, где рост W/Sp (география скитаний) напрямую компенсируется утратой A/Ex (ностальгия по дому). Таким образом, π -группа 2 описывает ядро номадического модуса, но реализуется в разных экзистенциальных модальностях: негативной (вынужденной, «страдательной», как у Одиссея) и позитивной (добровольной, «поисковой», как у онлайн-кочевника). Коэффициент $-1/+1$ фиксирует структурное отношение, в то время как модальность определяется контекстом инициации и отношением субъекта к данному компромиссу.

Предварительный количественный анализ и кластеризация современных форм номадизма и оседлости, результаты которого представлены ниже, были получены с использованием алгоритмов автоматизированной обработки текстовых данных. Анализ современных конфигураций выявляет новые паттерны:

Онлайн-номады («Цифровой Вавилон»): демонстрируют уникальный профиль: высокий квази-договор ($S=0.95$), опосредованный цифровыми платформами, абсолютное доминирование линейного реального времени ($T=1.0$), максимальную ширину спектра (W/Sp) при минимальных F и A/Ex . Это состояние является чистой, добровольной актуализацией π -группы 2 в ее позитивной модальности [14].

Нео-оседлые («Новый Иерусалим»): сознательно конструируют конфигурацию, противоположную цифровому номадизму: акцент на A/Ex , реабилитация локального S , осозанный отказ от избыточного W/Sp в пользу экологической и смысловой устойчивости. Группа 4 здесь переосмысливается на новом, рефлексивном уровне [14].

Гибридные формы – от «цифровых кочевников» (digital nomads) до стратегий осознанного «медленного кочевничества» (slow-mading) как практики, синтезирующей мобильность с углубленным погружением в локальные контексты – наиболее показательны для динамики системы. Здесь параметры Е (экономическая обеспеченность) и F становятся управляемыми переменными. Анализ выявляет возникновение сложных π -групп (например, 5, 12), где наблюдается не противостояние, а циклическое чередование или ситуативный баланс влияния Групп 2 и 4.

Системные закономерности, выявленные в результате анализа, сводятся к следующему:

1. Закон компенсации (Группа 2): гипертрофия одного полюса в дихотомии W/Sp vs. A/Ex неизбежно ведет к дефициту другого (коэффициент -1/+1), что объясняет как продуктивность, так и экзистенциальные риски номадизма.

2. Вызов дисбаланса: крайние, «чистые» конфигурации ведут к системным патологиям: фрагментации сознания и «спирали» дезориентации у номадов – ригидности и утрате сложности у оседлых.

3. Диалектическое разрешение: гибридные формы и документированный феномен осознанного «возвращения» значительной части номадов к оседлым формам жизни указывают на поиск новой устойчивости. Этот процесс может быть интерпретирован как формирование новых адаптивных циклов (по Р. Раппапорту [15]), интегрирующих опыт пути (W/Sp, T=1.0) в обогащенную структуру дома (A/Ex, F).

Интерпретация в парадигме антропного пространства позволяет придать анализу завершенность. Динамика доминирования π -групп 2 и 4 есть не что иное, как практическая навигация по суперпозициям возможных миров антропного пространства.

Оседлость представляет собой коллапс в одну устойчивую, повторяющуюся ветвь реальности (максимальный F).

Номадизм – это сознательное удержание системы в состоянии потенциала (минимальный F), которое может реализоваться как Восхождение (целенаправленный поиск сложности), так и вырождаться в Войну (катастрофическое расщепление, «спираль»).

Таким образом, ответственный жизненный выбор в условиях современной сверхсложности может быть описан как осознанное оперирование параметрами и π -группами для достижения диалектического синтеза – «Возвращения с эликсиром», – то есть коллапса в новую, смыслообогащенную и устойчивую ветвь реальности [16].

Предложенный аппарат (система размерностей и π -групп) позволил провести анализа дихотомии «номад/оседлый», выявив ее как динамическую диалектическую систему. Закон компенсации (-1/+1 в Группе 2) регулирует напряжение между полюсами, а гибридные формы («slow-mading», «возвращение») указывают на циклическое разрешение этого напряжения через синтез.

В парадигме антропного пространства эта динамика интерпретируется как базовый механизм навигации по суперпозициям возможных миров: оседлость (коллапс в ветвь) и номадизм (удержание в потенциале) выступают взаимно необходимыми фазами смыслопорождения.

Проведенный анализ позволяет переосмыслить оппозицию «традиция – постмодерн». *Традиция* соответствует доминации π -группы 4 с максимальной фиксацией (F) параметров. *Постмодерн* – доминации π -группы 2 с гипертрофией подвижности (W/Sr, T). Современные гибриды указывают на возможность *пост-постмодерного синтеза* – конструирования новых устойчивостей через рефлексивное управление параметрами бытия. В условиях современной сложности, осознанная навигация по напряжению между корнями (A/Ex, F) и путем (W/Sr, T) становится практикой ответственного со-творения реальности – выбором той ее ветви, в которой человеческое бытие преумножает свою осмысленность.

Научная новизна работы – в синтезе π -теоремы с задачами философской антропологии. Перспективным видится исследование скрытых размерностей (например, смысловой вертикали, *Logos*) для анализа кризиса смысла в предельно мобильных средах.

Источники:

1. Миланович Б. Глобальное неравенство. Новый подход для эпохи глобализации. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017.
2. Кужелева-Саган И.П., Спичева Д. И. Феномен цифрового кочевничества в современном междисциплинарном дискурсе // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 454. С. 72–87.
3. Касавин И. Т. Границы миграции. Ответ оппонентам // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 82. С. 291–296.
4. Разова Е. Л. Дом экзистенции: топология человеческого бытия // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2025. № 3 (48). С. 40–46.
5. Buckingham E. On physically similar systems; illustrations of the use of dimensional equations // Physical review. 1914. Vol. 4, № 4. P. 345–376.
6. Петров С. В., Кадан А. М. Фреймворк на основе анализа размерностей для верифицируемых рассуждений LLM // Информационные системы и технологии = International Congress on Computer Science: Information Systems and Technologies. В 2 ч. Ч. 2: материалы XI Междунар. науч. конгр. по информатике, Минск, 29-31 окт. 2025 г. Минск: БГУ, 2025. С. 212–220.
7. Петров С. В., Кадан А. М. Метод семантических размерностей: унификация теорий через инварианты группы масштабирования // Дистанционные образовательные технологии: сб. трудов X Междунар. юбилейной науч.-практ. конф., Ялта, 16–18 сент. 2025 г. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2025. С. 351–352.

8. Ingold T. The perception of the environment: essays on livelihood, dwelling and skill. London; New York: Routledge, 2021.
9. Tuan Yi-Fu. Space and place: The perspective of experience. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1977.
10. Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994.
11. Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
12. Фрейд З. Тотем и табу // Фрейд З. Вопросы общества. Происхождение религии. М.: ООО «Фирма СТД», 2008. С. 287–444.
13. Гомер. Одиссея. М.: Дюна, 1993.
14. Священное Писание (Библия). Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Российское Библейское общество, 2015.
15. Rappaport R.A. Ecology, meaning, and religion. Richmond, Calif.: North Atlantic Books, 1979.
16. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. М.: Рефл-бук: Ваклер, 1997.

E. L. Razava (Yanka Kupala State University of Grodno);

S. V. Piatrou (Yanka Kupala State University of Grodno)

FROM ITHACA TO THE DIGITAL BABYLON: THE Π -THEOREM AS A METHOD FOR ANALYZING THE DIALECTICS OF SEDENTISM AND NOMADISM IN THE 21st CENTURY

The relevance of the study is determined by the crisis of classical binary oppositions ("sedentary vs. nomadic") in the context of global mobility and digitalization, which give rise to hybrid forms of being. The novelty of the work lies in the use of Buckingham's π -theorem as the basis for a formal apparatus (a system of dimensions and π -groups) for analyzing the configurations of Anthropic Space. Substantive aspects: the paper demonstrates how this method allows for a contextual semantic analysis of the dichotomy from the archetype of Odysseus to modern online nomads, reveals the law of compensation between parameters, and describes hybrid forms as a dialectical resolution. The work contributes to the operationalization of philosophical anthropology.

Anthropic space, sedentism and nomadism, Buckingham's π -theorem, dimensional analysis, π -groups, contextual semantic analysis, dialectics of tradition and postmodernity, digital nomad, hybrid forms of being, navigation through possible worlds

УДК 004.89

Р. Б. Рахматуллин (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: rahmatullin.rodion2012@yandex.ru);

К. А. Балаева (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: ksubalaeva@mail.ru)

СЕНТИМЕНТ-АНАЛИЗ КОРПОРАТИВНОЙ РЕЧИ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕГУЛИРОВАНИЯ ГИБРИДНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В ЦИФРОВОЙ РАБОЧЕЙ СРЕДЕ

В условиях распространения гибридных форм занятости и цифровых корпоративных коммуникаций возрастает риск конфликтов, связанных с некорректной тональностью и токсичной речью в текстовых каналах взаимодействия. В статье рассматривается применение методов sentiment-анализа и обработки естественного языка для выявления токсичных высказываний в корпоративных чатах. Новизна работы заключается в ориентации на мягкую, превентивную модерацию коммуникации, направленную на формирование культуры уважительного общения, а не на жесткое ограничение сообщений. Представлены архитектура решения и демонстрационный чат-прототип, подтверждающий практическую применимость ИИ-подхода в HR-среде.

Гибридные коммуникации, корпоративные чаты, токсичная речь, sentiment-анализ, обработка естественного языка, искусственный интеллект в HR, коммуникативная корректность, превентивная модерация, цифровая рабочая среда

Цифровизация управленческих и производственных процессов в организациях привела к существенному росту объема текстовой коммуникации между сотрудниками. Корпоративные чаты стали неотъемлемой частью гибридной рабочей среды, обеспечивая оперативное взаимодействие, координацию задач и обсуждение управленческих решений. Вместе с тем интенсивность и фрагментарность такого общения повышают риск коммуникативных искажений, некорректных формулировок и конфликтных ситуаций, что напрямую отражается на психологическом климате и эффективности командной работы.

В работах по организационному поведению подчеркивается, что реализация управленческих функций требует эффективного обмена информацией, а коммуникация выступает связующим процессом, интегрирующим внутреннюю среду организации и обеспечивающим интеграцию с внешней средой; при этом эффективные коммуникации способствуют повышению показателей деятельности и удовлетворенности работников трудом [1, с. 29–30]. Коммуникация при этом определяется как процесс обмена и понимания информации между двумя и более людьми с целью мотивирования определенного поведения или влияния на него, а цель коммуникационного процесса связывается с

обеспечением понимания информации [1, с. 29–30]. Следовательно, качество сообщений в корпоративных каналах может рассматриваться как фактор результативности взаимодействия.

Неконструктивное общение, включая агрессивные или уничижительные высказывания, может выступать источником межличностных конфликтов. Понятие конфликта в управленческом контексте описывается как взаимодействие между субъектами, характеризующееся их противостоянием на основе противоположно направленных мотивов или суждений (мнений, оценок) [1, с. 50]. Среди причин возникновения конфликтов в группах отдельно выделяются плохие коммуникации, что дополнительно подтверждает значимость контроля качества сообщений в организационной среде [1, с. 50]. Таким образом, профилактика деструктивных коммуникативных практик имеет прямую управленческую ценность.

С точки зрения теории коммуникации цифровое взаимодействие может быть рассмотрено как процесс передачи и интерпретации сообщений, где важна не только содержательная сторона, но и корректность кодирования и декодирования. В рамках теоретического определения коммуникация описывается как процессы перекодировки вербальной и невербальной сфер, что подчеркивает роль интерпретации сообщения и реакции адресата как существенного элемента коммуникативного акта [2, с. 15]. В корпоративной переписке, где невербальные компоненты ограничены, возрастает роль лексики и тональности, что повышает вероятность ошибок восприятия и эскалации напряжения.

В условиях роста объема цифровых коммуникаций актуализируется задача автоматизированной поддержки качества общения. Развитие прикладной лингвистики в последние десятилетия связано с внедрением информационных технологий и развитием компьютерной лингвистики, включая автоматическую обработку естественных языков (NLP) как одного из направлений оптимизации коммуникации [3, с. 15]. В прикладном плане NLP применяется для классификации текстов и решения задач анализа высказываний, включая анализ настроений (sentiment analysis) [4, с. 98]. Это создает предпосылки для использования инструментов искусственного интеллекта в качестве технологической основы модулей анализа корпоративных сообщений.

Методологической основой данной работы послужил проектно-ориентированный подход, включающий анализ возможностей применения искусственного интеллекта для автоматизации HR-функций, выбор технологической платформы под задачу заказчика и поэтапную разработку прототипа интеллектуального решения. В рамках исследования была поставлена задача создания демонстрационного модуля анализа токсичной речи в корпоративном чате, ориентированного на мягкую, превентивную модерацию коммуникации.

На первом этапе был проведен анализ существующих AI-решений, применяемых в управлении человеческими ресурсами, с целью выявления практик, связанных с оценкой коммуникаций и командной динамики. Далее был выбран формат чат-прототипа как наиболее репрезентативный для моделиро-

вания условий корпоративного общения. Для проектирования решения использовался многоагентный подход с привлечением специализированных ИИ-агентов, выполняющих аналитические и проектные функции, что позволило формализовать требования к классификации некорректных высказываний и описать сценарии реакции системы.

Разработанный прототип представляет собой веб-приложение, реализованное с использованием стандартных клиентских технологий. Пользовательский интерфейс имитирует корпоративный чат и позволяет вводить текстовые сообщения. Аналитический модуль осуществляет оценку сообщения и присваивает ему уровень коммуникативной корректности. В демонстрационной версии используется имитационная модель, позволяющая воспроизвести логику работы системы без развертывания полноценного серверного решения; при этом архитектура прототипа предусматривает возможность последующей интеграции моделей NLP-классификации.

Функционально прототип реализует сценарий мягкого вмешательства в коммуникацию. При выявлении потенциально некорректных формулировок система информирует пользователя о возможных рисках и предлагает пересмотреть текст сообщения. Такой подход не предполагает автоматического блокирования сообщений и ориентирован на формирование осознанного отношения к корпоративному общению, снижая риск конфликтов, обусловленных плохими коммуникациями, которые рассматриваются как одна из причин внутригрупповых и межгрупповых конфликтов [1, с. 50]. В результате модуль может рассматриваться как элемент профилактики конфликтов и поддержки качества взаимодействия в цифровой рабочей среде.

Результаты разработки демонстрируют практическую применимость методов сентимент-анализа и NLP для задач управления коммуникацией в корпоративной среде. Прототип может использоваться в образовательных целях, при апробации новых HR-инструментов, а также как основа для дальнейшего расширения функциональности. Потенциальные направления развития включают интеграцию реальных моделей обработки естественного языка, анализ контекста диалога и подключение дополнительных каналов коммуникации.

Следует отметить, что представленное решение имеет ряд ограничений, связанных с использованием имитационной модели и отсутствием масштабной эмпирической валидации. Тем не менее архитектура прототипа допускает расширение и интеграцию с корпоративными информационными системами. В перспективе подобные модули могут стать частью HR-практик, направленных на профилактику конфликтов и повышение качества внутренних коммуникаций, которые, согласно управленческому подходу, выступают фактором эффективности организации и удовлетворенности работников трудом [1, с. 29–30].

Таким образом, в работе представлен прикладной подход к использованию искусственного интеллекта для регулирования гибридных корпоративных коммуникаций. Разработанный чат-прототип иллюстрирует возможности пре-

вентивного анализа токсичной речи как инструмента управления человеческими ресурсами и формирования устойчивой культуры взаимодействия в цифровой рабочей среде.

Источники:

1. Дорофеева Л. И. Организационное поведение: учебно-методический комплекс для студентов, обучающихся по направлениям «Менеджмент» и «Управление персоналом» для подготовки бакалавров. 2-е изд., перераб. и доп. Саратов: Саратовский источник, 2014. 394 с.
2. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации. М.: Рефл-бук, 2001. 656 с.
3. Соснина Е. П. Введение в прикладную лингвистику: учебное пособие / Е. П. Соснина. – 2-е изд., испр. и доп. Ульяновск: УлГТУ, 2012. 110 с.
4. Столбун Е. А. Искусственный интеллект и обработка естественного языка: материалы 59-ой научной конференции аспирантов, магистрантов и студентов БГУИР, Минск, 2023. С. 97–98.

R. B. Rakhmatullin (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»);
K. A. Balaeva (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

**SENTIMENT ANALYSIS OF CORPORATE SPEECH AS A TOOL FOR
REGULATING HYBRID COMMUNICATIONS IN A DIGITAL WORK
ENVIRONMENT**

With the widespread adoption of hybrid work formats and digital corporate communications, the risk of conflicts associated with inappropriate tone and toxic language in text-based interaction channels has increased. This article examines the application of sentiment analysis methods and natural language processing techniques to identify toxic statements in corporate chats. The novelty of the study lies in its focus on soft, preventive moderation of communication aimed at fostering a culture of respectful interaction rather than imposing strict message restrictions. The paper presents the system architecture and a demonstrational chat prototype that confirms the practical applicability of the AI-based approach in the HR environment.

Hybrid communications, corporate chats, toxic language, sentiment analysis, natural language processing, artificial intelligence in HR, communicative appropriateness, preventive moderation, digital work environment

УДК 34.05

Ю. В. Ровинская (РАНХиГС, e-mail: kyriyachek@mail.ru)

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТАХ МЕЖДУНАРОДНОГО И РОССИЙСКОГО ПРАВА

Исследование отражает актуальные проблемы в сфере прав человека, представляет различные научные точки зрения на проблему. Объектом изучения является интерпретационное поле прав человека. Новизна научного подхода связывается с унификацией интерпретационной составляющей сферы прав человека посредством дефрагментации прав в этой области. Результаты исследования связаны с уточнением возможностей отечественного правового поля по формированию дефрагментированного правового пространства.

Права человека, интерпретационное поле, фрагментация права, дефрагментация права, российское правовое поле, защита прав человека, концепции прав человека, универсальность норм прав человека, международное право

На фоне существования универсальной доктрины прав человека, предполагающей неотъемлемость присущих всем людям прав человека и ввиду этого потребность мирового сообщества обеспечивать и гарантировать их, в этой области активно развиваются интерпретационные направления. Под процессом интерпретации необходимо понимать специфику толкования, на основе которой представляется правомерным устанавливать корреляцию между текстуальным проявлением нормы права и ее актуальным содержанием.

Интерпретационная составляющая в данном контексте нацелена на создание поля понимания внутреннего содержания правового контекста через анализ его внешних проявлений. В соответствии с теорией интерпретации, разработанной Э. Бетти [1, с. 63], интерпретативный процесс охватывает несколько сторон, прежде всего субъективность интерпретатора и репрезентативную форму, определяющую средство трансляции формируемой информации.

Правовая наука выделяет ряд концепций прав человека в международном правовом поле, включая доктрину основных прав человека (представленных в системе взглядов на правовое положение человека в обществе и государстве; при этом их конкретное выражение и объем могут отличаться в позитивном праве различных государств и в международно-правовых договорах); концепцию культурного релятивизма (подразумевающую интерпретацию и реализацию прав человека в международных документах в зависимости от национальных и культурных особенностей страны); доктрину витальных прав (утверждает приоритет жизненных прав человека, наций и народов на основе сочетания универсальных, интернациональных, цивилиза-

ционных и национальных принципов международного и внутригосударственного права).

Под правами человека в данном контексте целесообразно понимать комплекс признанных и гарантированных государством правовых возможностей личности, присущих каждому человеку и удовлетворяющих его интересы и потребности во всех сферах жизнедеятельности [2, с. 16].

Одной из актуальных проблем в рамках развития прав человека является вопрос фрагментации, или плюрализации, международного права.

Данное явление можно обозначить как один из парадоксов феномена глобализации. Это проявляется в том, что глобализация, отражающая усиление связей во всех сферах на мировом уровне и превращение всего мира в единое общество, обходит стороной международное право, при этом запуская в действие его фрагментацию, которая по отношению к глобализации может быть названа ее противоположностью – умельчением.

В сфере международного права в области прав человека отсутствует единая дефиниция понятия фрагментации международного права.

Обобщая существующие подходы к пониманию данного понятия, необходимо указать наше понимание: неоднородность системы международного права в области прав человека, что связано с процессом его дробления, деления на универсальную, региональную, локальную системы.

Появление фрагментации международного права в области прав человека вызвано отсутствием верховного законодателя, что, в свою очередь, усугубляется существованием большого количества многосторонних международных договоров, с одной стороны, наличием развитого уровня специализации, которая охватывает специальные отрасли международного права с их принципами и институтами, не всегда оказывающимися в гармонии с принципами смежных правовых сфер и практикой общего международного права.

К числу причин возникновения фрагментации международного права в области прав человека относят, согласно мнению П.-М. Дюпюи [3, с. 791], расширение материальной сферы охвата международного права, увеличение числа действующих в нем лиц, стремление повысить эффективность международных обязательств посредством создания сложного договорного механизма, например в той же области, т. е. в области прав человека.

При указании на международные договоры необходимо указать на Венскую конвенцию 1969 г. о праве международных договоров и Венскую конвенцию 1986 г. о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями, которые заложили возможности повышения риска фрагментации международного права в области прав человека.

Данные конвенции

– допускали существование соглашений, касающихся определенных лиц или групп, имеющих схожий правовой статус (в результате такие соглашения могли изменить международные многосторонние договоры только в отноше-

нии некоторых их участников, без предоставления возможности другим участникам договора вступить в такое соглашение; так возникали отличающиеся друг от друга правовые режимы в отношении разных участников в рамках одного международного договора);

- регламентировали практику заявления оговорок к международным договорам (в результате государства заявляли оговорки для рассмотрения документа под удобным углом);

- закладывали фундамент формализма, когда международные договоры разрабатывались в одних историко-политических условиях, а реализовывались – в других (в результате нормы международных договоров отставали от динамично развивающихся международных отношений).

Ряд других ученых признает фрагментацию международного права в области прав человека технической проблемой, вытекающей из процедурных вопросов, однако несущей угрозы подрыва правопорядка. В частности, европейские ученые М. Коскенниemi [4, с. 26] и Б. Симма [5, с. 278] относятся к фрагментации международного права в области прав человека как к форме многообразия актов транспозиции юридической техники при движении от национального юридического к международному правовому контексту. Индийский ученый С. Сингх [6, с. 39] определяет фрагментацию через взаимодействие между конфликтующими правилами и институциональной юридической практикой, кульминация которых выражается в эрозии институтов общего международного права.

Актуальность проблемы фрагментации международного права в области прав человека подтверждена фактом ее включения с 2000 г. в долгосрочную программу как часть работы Комиссии международного права ООН, которая призвана заниматься вопросами его (т. е. международного права) прогрессивного развития.

Была утверждена тема работы «Риск фрагментации международного права», которая была трансформирована в тему «Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права».

Вышеобозначенные причины усугубляются растущим числом специализированных международных органов, прежде всего международных судов, между которыми не наблюдаются структурные отношения и взаимосвязи.

Последствием фрагментации международного права в области прав человека является появление проблемы конфликтов юрисдикции, т. е. возможность поручения разрешения вопроса нескольким судам или специализированным органам. В частности, в случае пыток и дискриминации в отношении несовершеннолетней негритянки-инвалида может возникнуть одновременная юрисдикция международного суда (например, Европейского суда по правам человека) но и договорных органов, учрежденных соответствующим договором, например: Комитет по правам человека, Комитет против пыток, Комитет по ликвидации расовой дискриминации, Комитет по ликвидации дискри-

минации в отношении женщин, Комитет по правам ребенка и Комитет по правам инвалидов.

Важно отметить, что рассмотрение одного и того же вопроса различными судами или специализированными органами может иметь различные правовые последствия. В частности, Г. Хафнер [7, с. 369] считает, что в настоящее время не существует единой системы международного права. Последняя представлена разносторонними беспорядочными частями и элементами.

В этой связи целесообразно отметить, что утверждение о несистемности международного права уже содержит логический вывод о невозможности фрагментации, поскольку невозможно разделить то, что не представляет собой единого целого. Такой вывод сделан рядом исследователей, в частности А. Ш. Мартино [8, с. 293].

К проявлениям фрагментации права в области прав человека в России относится категория территориальной фрагментации единого правового пространства. В частности, несоответствия и противоречия между различными нормативными актами приводят к невозможности получения гражданами полноценной поддержки на всей территории России по причине отсутствия единых критериев в праве (многодетность, семейные предприятия, т. д.). Наряду с этим необходимо указать на факт, в соответствии с которым в субъектах Российской Федерации существуют различия в возрастных ограничениях на продажу энергетических напитков или в минимальном возрасте вступления в брак.

Приняты некоторые шаги по противодействию фрагментации права в области прав человека в России:

- внесены поправки в Конституцию Российской Федерации в ходе конституционной реформы 2020 г. – решения международных органов, принятые на основе международных договоров Российской Федерации, не подлежат применению, если они противоречат Конституции Российской Федерации;

- денонсированы отдельные международные конвенции (например, выход Российской Федерации из Европейской конвенции о защите прав человека от 1950 г., когда решения Европейского суда по толкованию конвенции противоречили интересам и положениям Конституции Российской Федерации).

Необходим процесс дальнейшего преодоления фрагментации права в России на основе следующих шагов: систематизация законодательства (в формате унификации и согласования различных нормативных актов и подходов к их применению); обеспечение единообразного толкования законов судами (отсутствие этого создает правовую неопределенность и нестабильность в судебной практике); конституционализация всех отраслей права (стремление к соответствию нормативных актов в любой сфере в максимально возможной степени духу и букве основного закона страны).

Пути решения проблемы фрагментации международного права в области прав человека:

- юридический (запуск процесса унификации права);

- методологический (разработка методов урегулирования конфликтов в рамках международного права);
- политический (политическая воля и политическое согласие государств).

Преодоление фрагментации права будет способствовать укреплению единства права в различных сферах российского и международного права. При этом правоведение должно предоставить необходимый простор для развития правовых механизмов.

Источники:

1. Betti E. S. General Theory of Interpretation. N.Y.: Appleton, 2019.
2. Ковлер А.И. Антропология права. М.: Юрист, 2002.
3. Dupuy P.-M. The Danger of Fragmentation of Unification of International Legal System and the International Court of Justice // Journal of International Law and Politics. 2021. № 31.
4. Koskeniemi M. K. The Fate of Public International Law: Between Technique and Politics. // Modern Law Review. 2019. Vol. 70. Iss. 1. P. 1–30.
5. Simma B. T. Universality of International Law from the Perspective of a Practitioner // European Journal of International Law. Vol. 20. Iss. 2. 2025.
6. Singh S. P. The Potential of International Law: Fragmentation and Ethics // Leiden Journal of International Law. Vol. 24. Iss. 1. 2023. P. 23–43.
7. Хафнер Г. Т. Риски фрагментации международного права // Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, 55-я сессия. 2024. Доп. № 10 (A/55/10).
8. Martino A.-Ch. International Law: to Practise the Impossible. Cambridge: University Press, 2023.

J. V. Rovinskaya (the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)

INTERPRETATION OF HUMAN RIGHTS IN THE CONTEXTS OF INTERNATIONAL AND RUSSIAN LAW

The study reflects current issues in the field of human rights and presents various scientific perspectives on the problem. The object of study is the interpretative field of human rights. The novelty of the scientific approach lies in the unification of the interpretative component of the field of human rights through the de-fragmentation of rights in this area. The results of the study contribute to clarifying the potential of the domestic legal framework for creating a de-fragmented legal space.

Human rights, interpretive field, fragmentation of law, defragmentation of law, Russian legal field, protection of human rights, concepts of human rights, universality of human rights norms, international law

УДК 327.5

Е. А. Руденко (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: sincerocrane83@gmail.com)

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ КОНФЛИКТА НА УКРАИНЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ СТРАНЫ В ИНСТРУМЕНТ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ ПОД ВНЕШНИМ УПРАВЛЕНИЕМ

В статье анализируется трансформация Украины в государство-прокси для гибридной войны против России через идеологическую обработку и милитаризацию. Особое внимание уделяется архитектуре внешнего управления, включающей финансовую зависимость от МВФ и ЕС, а также военно-техническую интеграцию в периферийную инфраструктуру НАТО. Делается вывод о системной утрате Украиной суверенитета, криминализации ее институтов и превращении в перманентный источник нестабильности как следствия политики силового доминирования.

Гибридная война, государство-прокси, внешнее управление, финансовая зависимость, милитаризация, НАТО, МВФ, утрата суверенитета, украинский кризис, коллективный Запад

К моменту начала СВО Украина уже восемь лет жила в состоянии перманентной гибридной войны, направленной и против России, и против общего исторического прошлого. Западные кураторы поощряли эту идеологическую обработку, видя в ней предохранитель от сближения с Москвой. Кульминацией стратегического проектирования конфликта стало целенаправленное военное строительство на Украине после 2014 года под руководством инструкторов НАТО, превратившее ее территорию в плацдарм гибридной войны и элемент периферийной инфраструктуры Альянса [1].

Параллельно с идеологической обработкой происходило последовательное наращивание оперативного и военного потенциала Украины. Регулярные учения стран НАТО, такие как «Rapid Trident» и «Sea Breeze», выполняли двоякую функцию: они отрабатывали взаимодействие с войсками Альянса и проводили рекогносцировку местности у российских границ. Эти маневры также служили инструментом легитимации неонацистских формирований, чьи представители участвовали в них наравне с регулярными войсками. Под прикрытием программ сотрудничества западные спецслужбы создавали на Украине разведывательную инфраструктуру, включая сети электронной разведки (SIGINT) и агентурный аппарат. [2].

Материальной основой стала целенаправленная многоуровневая система военной поддержки Запада, эволюционировавшая от поставок «нелетальных» вооружений (2014–2021) и тактических систем (2022–2023) до передачи

техники стратегического значения (танки, Patriot, крылатые ракеты), что превратило Украину в полигон прямого противостояния с Россией [3]. В 2025 году ключевым инструментом стала инициатива НАТО «Список приоритетных потребностей Украины» (PURL), через которую европейские союзники финансировали закупки американского оружия (например, 75% финансирования систем ПВО Patriot). Однако общий объем объявленной военной помощи в июле-августе 2025 года упал на 43%, что демонстрирует неустойчивость обязательств и формирует для Украины отношения глубокой внешней зависимости, ограничивающие ее суверенитет и создающие риски криминализации финансовых потоков [4].

ЕС развернул масштабные программы прямой бюджетной поддержки (например, Ukraine Facility). Ведутся дискуссии о новых источниках финансирования, включая спорные планы по использованию замороженных российских активов [5]. Вместе с безвозвратными субсидиями осуществляется масштабное кредитование киевского режима через международные финансовые институты (МФИ) и на двусторонней основе. Киев также получает масштабное кредитование от МВФ [6], Всемирного банка [7] и европейских институтов (ЕИБ, ЕБРР) [8]. Условия этих программ (структурные реформы, «прозрачность») в контексте военного времени приобретают характер внешнего управления, создавая модель «ограниченного суверенитета».

Европейский союз также выступает в роли крупного кредитора. Европейский инвестиционный банк предоставил чрезвычайный кредит солидарности в размере 2 млрд евро [9], а ЕБРР – пакет поддержки на аналогичную сумму [10]. Обсуждение будущих кредитов, например, под залог замороженных российских активов, лишь усиливает долговую зависимость Украины, порождая вопрос о том, каким образом и за счет каких ресурсов в будущем будет обслуживаться и погашаться этот растущий долг, особенно если учесть разрушение ее производственного и экспортного потенциала.

Условия военного времени, срочность поставок и преднамеренное ослабление контроля за расходованием средств создают питательную среду для оттока ресурсов через коррупционные и оффшорные схемы. Упрощенный порядок таможенного оформления для военной и «гуманитарной» помощи, введенный еще весной 2022 года (когда, например, бронежилеты и тепловизоры были приравнены к гуманитарным грузам), изначально содержал значительные риски для злоупотреблений [11].

Бюджет Украины и ее экономическая политика полностью контролируются внешними кредиторами, главным образом Международным валютным фондом (МВФ) и Европейским союзом. Государство формирует бюджет с рекордным дефицитом, который практически полностью покрывается западными заимствованиями: в 2024 году дефицит составил 43,9 млрд долларов, в 2025-м – 37,3 млрд, а на 2026 год запланирован на уровне 47 млрд долларов (около 18,4% ВВП). Финансовая зависимость предоставляет кредиторами рычаги для диктата внутренней политики. Так, в ноябре 2025 года МВФ замо-

розил рассмотрение нового кредитного пакета в 8 млрд долларов, выдвинув Киеву ультимативные требования. Фонд потребовал отмены налоговых льгот для самозанятых и малоимущих, либерализации газового рынка, девальвации гривны для увеличения бюджетных доходов и проведения реформ по борьбе с коррупцией [12]. В этих условиях международные финансовые институты диктуют Киеву непопулярные социально-экономические меры, прямо влияющие на благосостояние граждан, причем их невыполнение грозит прекращением жизненно важного финансирования.

Согласно данным Института ООН по исследованию проблем разоружения (UNIDIR), Украина третий год подряд является крупнейшим получателем таких средств, получая около 33% их глобального объема, в то время как ряд стран Африки не получает помощи вовсе. Одновременно в том же докладе указывается, что украинская сторона, вероятно, продолжает использовать и даже производить запрещенные противопехотные мины [13]. Этот парадокс – масштабное финансирование ликвидации последствий от оружия, которое продолжает применяться, – указывает на слабый контроль доноров за конечным использованием выделяемых ресурсов и их оторванность от реальной ситуации.

Украина стала результатом стратегического проектирования коллективного Запада, последовательно преобразовавшего ее в государство-прокси для ведения гибридной войны против России. Этот процесс, начавшийся с идеологической обработки и поддержки националистических сил после 1991 года, прошел ключевые этапы легитимации радикального режима в 2014 году и его тотальной милитаризации после 2022 года. Через механизмы финансовой зависимости, прямого военного строительства и внешнего управления был создан милитаризированный анклав, чья политическая, экономическая и военная машина всецело подчинена интересам внешних спонсоров. Итогом стала глубокая утрата суверенитета, криминализация государственных институтов и превращение Украины в перманентный источник нестабильности, что является закономерным следствием политики силового доминирования, отрицающей многополярность и право России на безопасность.

Источники:

1. Тренин Д. В. Стратегическое сдерживание: новые контуры // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22, № 4. С. 74–86.
2. Savage Olivia. Ukraine conflict: Ukraine deploying indigenously developed SIGINT system // Janes. 2023. URL: <https://www.janes.com/osint-insights/defence-news/c4isr/ukraine-conflict-ukraine-deploying-indigenously-developed-sigint-system> (дата обращения: 12.12.2025).
3. A Database of Military, Financial & Humanitarian Aid // Ukraine Support Tracker. Kiel Institute for the World Economy, 2025. URL: <https://www.kielinstitut.de/topics/war-against-ukraine/ukraine-support-tracker/> (дата обращения: 13.12.2025).

4. NATO Allies and partners fund over 4 billion in PURL packages for Ukraine // NATO. 2025. 10 Dec. URL: <https://www.nato.int/en/news-and-events/articles/news/2025/12/10/nato-allies-and-partners-fund-over-4-billion-in-purl-packages-for-ukraine> (дата обращения: 14.12.2025).

5. Ukraine Facility // European commission. 2025. URL: https://enlargement.ec.europa.eu/funding-technical-assistance/ukraine-facility_en (дата обращения: 14.12.2025).

6. IMF Executive Board Approves US\$15.6 Billion under a New Extended Fund Facility (EFF) Arrangement for Ukraine as part of a US\$115 Billion Overall Support Package // International Monetary Fund. 2023. 31 March. URL: <https://www.imf.org/en/news/articles/2023/03/31/pr23101-ukraine-imf-executive-board-approves-usd-billion-new-eff-part-of-overall-support-package> (дата обращения: 01.12.2025).

7. Всемирный банк мобилизует пакет чрезвычайного финансирования для Украины в размере свыше 700 млн долларов США / Группа всемирного банка. 2022. 7 марта. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/press-release/2022/03/07/world-bank-mobilizes-an-emergency-financing-package-of-over-700-million-for-ukraine> (дата обращения: 09.12.2025).

8. Украина договорилась с МВФ о новом финансировании на \$8,2 млрд // РБК. 2025. 27 нояб. URL: <https://www.rbc.ru/economics/27/11/2025/69279b589a7947cfff7aa2dd> (дата обращения: 06.12.2025).

9. European Commission and EIB Group sign €2 billion guarantee under Ukraine Facility to support country's reconstruction and resilience // European Investment Bank. 2025. URL: <https://www.eib.org/en/press/all/2025-124-european-commission-and-eib-group-sign-eur2-billion-guarantee-under-ukraine-facility-to-support-country-s-reconstruction-and-resilience> (дата обращения: 11.12.2025).

10. ЕБРР выделит Украине 2 млрд евро для поддержки бизнеса и реформ // Интерфакс. 2022. URL: <https://www.interfax.ru/business/827195> (дата обращения: 02.12.2025).

11. Власти Украины приравняли бронежилеты к гуманитарной помощи и упростили ввоз БПЛА // ТАСС. 2022. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14195813> (дата обращения: 13.12.2025).

12. МВФ выступил с замечаниями к бюджетным мерам Украины, пишет Bloomberg // РИА Новости. 2025. 11 нояб. URL: <https://ria.ru/20251111/ukraina-2054226703.html> (дата обращения: 08.12.2025).

13. UNIDIR: Киев остается главным получателем финансирования на борьбу с минами // Московский комсомолец. 2025. 1 дек. URL: (дата обращения: 04.12.2025).

Y. A. Rudenko (*Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»*)

**STRATEGIC DESIGN OF THE CONFLICT IN UKRAINE AND THE
COUNTRY'S TRANSFORMATION INTO AN INSTRUMENT OF HYBRID
WARFARE UNDER EXTERNAL MANAGEMENT**

The article analyzes the strategic design of Ukraine as a proxy state by the collective West for waging hybrid warfare against Russia. It examines the country's phased transformation through ideological indoctrination, the legitimization of nationalist forces, and their subsequent total militarization. Special attention is paid to the architecture of external management, which includes financial dependence on the IMF and the EU, as well as military-technical integration into NATO's peripheral infrastructure. The conclusion is drawn about the systemic loss of Ukraine's sovereignty, the criminalization of its institutions, and its transformation into a permanent source of instability as a consequence of the policy of power dominance.

Hybrid warfare, proxy state, external management, financial dependence, militarization, NATO, IMF, loss of sovereignty, Ukrainian crisis, collective West

УДК 94(47)+929+070

В. В. Семенов (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: syrovodka@gmail.com)

ФИГУРА П. Н. ВРАНГЕЛЯ НА СТРАНИЦАХ ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ В 1919 Г.

В статье впервые рассматривается зарождение и первоначальное развитие эмоциональных и рациональных представлений о видном деятеле Белого движения генерале бароне П. Н. Врангеле на страницах иностранной периодической печати. Исследование базируется на материалах англоязычной (английской и американской) прессы.

Гражданская война в России, Белое движение, Врангель, медиаобраз, англоязычная пресса, английская пресса, американская пресса, газеты, образ

Иностранная периодическая печать является, бесспорно, ценным и вместе с тем недостаточно освоенным источником, способным сообщить своеобразную точку зрения на военные и политические процессы в рамках исследования проблематики революционного 1917 года и последовавшей за ним Гражданской войны в России. В мятущейся стране продолжали работать западные информационные агентства: Рейтер (Reuters), Гавас (Havas), Ассошиэйтед Пресс (Associated Press) и др. [1, р. 79.] Драматические события революционного периода в России с самого начала воспринимались зарубежной печатью с высокой степенью противоречивости, о чем в последние годы появилось некоторое число заслуживающих внимания исследований [2]. Послеоктябрьские дни вызвали двойственную реакцию в иностранной печати, сочетавшую несомненный интерес с тревожным восприятием происходящего. Медийный образ советской власти конструировался в ту пору вокруг фигур В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого. Примечательно, что среди представителей антибольшевистских сил сопоставимым уровнем медийного присутствия обладал поначалу лишь утративший полномочия экс-председатель Временного правительства А. Ф. Керенский. Представления о Белом движении были персонифицированы в именах генералов А. М. Каледина и Л. Г. Корнилова. Персона командующего Добровольческой армией генерала Корнилова обладала большей известностью ввиду его активной роли в событиях второй половины 1917 г., и в первую очередь вследствие неудачного сентябрьского выступления против Временного правительства. После гибели этого «духовного диктатора» белых добровольцев [3, с. 117], их принял под свою руку генерал А. И. Деникин, чье имя, как и в случае Корнилова, также почти слилось с ведомой им армией.

Генерал барон П. Н. Врангель присоединился к Добровольческой армии сравнительно поздно – в конце августа 1918 г., однако, молниеносный карьер-

ный взлет вскоре вывел его в число виднейших деятелей Белого движения. Его фигура впервые появилась в поле зрения зарубежной прессы летом 1919 г. Это было время проведения Царицынской операции, когда войска под его началом стремились к скорейшему овладению городом, который на протяжении года считался «стратегическим камнем преткновения многочисленных попыток белых» [4, с. 150]. 12 июня 1919 г. лондонская газета «Таймс» опубликовала заметку под заглавием «Победоносное наступление Деникина». В публикации, сообщавшей об успехах белых на Юге России, в числе прочего указывалось, что «на манычском фронте (к востоку от Азовского моря) вся конница была поставлена под командование генерала Врангеля. Он пересек реку Маныч и стремится вперед на широком фронте» [5, с. 11]. Так имя П. Н. Врангеля впервые было упомянуто в англоязычной печати. В дальнейшем, в течение лета 1919 г. газеты не единожды возвращались к освещению боевых действий Кавказской армии генерала Врангеля, отмечая стремительный порыв ее наступления. Эти короткие репортажи, зачастую не называя напрямую имени командующего армией, тем не менее исподволь формировали его образ в западной прессе.

Данный медиаобраз создавался не только фронтовыми сводками, но и через оценки сторонних наблюдателей. Во второй половине июля 1919 г. ряд периодических изданий опубликовал интервью бывшего Верховного Главнокомандующего Русской императорской армии, а ныне лишь высокопоставленного эмигранта великого князя Николая Николаевича. Великий князь, несмотря на отход от дел, в известной степени оставался значимой персоной в глазах западного мира, и потому не удивительно, что каждое его появление в публичном поле привлекало определенное внимание. В интервью, помимо имен вождей Белого движения – А. В. Колчака и А. И. Деникина, респондентом упоминались генералы А. Г. Шкуро, В. Л. Покровский и П. Н. Врангель, аттестованные им как «прекрасные руководители» белого воинства [6, с. 9]. По всей вероятности, столь высокой оценкой двое последних обязаны в первую очередь громким успехом Кавказской армии, овладевшей в июне 1919 г. «Красным Верденом», как именовали Царицын по обе стороны фронта по аналогии со славившейся своей неприступностью одноименной французской крепостью. В своем оценочном суждении великий князь Николай Николаевич, внесший свой маленький вклад в умножение информированности о белом лагере за рубежом, оказался прозорлив. Полгода спустя, в начале 1920 г. из четырех белых армий на Юге России три будут возглавляться названными им генералами [7, с. 168, 200, 215].

Вслед за победным наступлением, взявшим начало от берегов Маныча и нашедшем свое триумфальное завершение в Царицыне, войска под началом генерал-лейтенанта П. Н. Врангеля продолжали боевые действия на Нижней Волге. Сообразно Московской директиве Главнокомандующего от 20 июня (3 июля) 1919 г., каждая из трех армий, составлявших основу Вооруженных сил на Юге России (ВСЮР), – Добровольческая, Донская и Кавказская, обя-

заны были «шагать» на Москву собственными путями. Однако, уже начиная с августа, ни о каком наступлении белых в Поволжье не могло идти и речи. Пройдя три четверти отрезка до назначенной командованием первой промежуточной цели – Саратова, и находясь от нее всего в нескольких суточных переходах, обескровленная в долгих непрерывных боях Кавказская армия, вынужденно перейдя к активной обороне, начала тяжелый отход на прежние позиции. В дальнейшем в ходе осенних боев в Поволжье Кавказская армия одно за другим отразила три наступления красных на Царицын. На протяжении всей осени 1919 г. западная пресса не единожды отмечала удачные действия врангелевских войск. В сентябре «Вашингтон пост» с первой полосы сообщила, как бойцы Врангеля «успешно принимали участие в упорной обороне Царицына против многократных атак большевиков с северо-востока и юга... В конечном счете враг был отброшен» [8, с. 1]. В другом случае они «нанесли резкий контрудар, возвратили все утраченные территории и нанесли большевикам тяжелые потери» [9, с. 4]. В дни тяжелых неудач растянувшегося белого фронта лондонская «Гардиан» указывала, что лишь «армия генерала Врангеля на западном берегу Волги всецело добилась успеха» [10, с. 8]. «Врангель в блистательном сражении сохранил Царицын», «Врангель взял инициативу в свои руки и успешно наступает», – из раза в раз возвещала иностранная периодика [11, с. 6; 12, с. 35; 13, с. 2].

Особого внимания заслуживают материалы, выходявшие в то время из-под пера Г. Вильямса, который являлся наиболее крупным и известным западным журналистом, работавшим на Юге России. Современники справедливо характеризовали его как «человека, прекрасно осведомленного в русских делах» и даже «лучшего и наиболее скромного из британских экспертов по России» [14, с. 29]; [15, с. 149–150]. Статьи Вильямса выходили в «Таймс» и «Нью-Йорк Таймс» и впоследствии перепечатывались в региональной и местной печати. Этот репортер, не будучи непосредственным свидетелем боевых действий, выезжал, однако, в прифронтовой Царицын и сумел приобрести собственное, не навязанное впечатление от соприкосновения с фронтовой действительностью. Перечисляя личные наблюдения, Вильямс коротко упомянул, что еще до начала боестолкновений на ближних подступах к Царицыну из города были выведены склады и госпитали. Эти слова стали достоверным свидетельством своевременной и планомерной эвакуации города, что в свою очередь по обыкновению являлось очевидной проблемой для каждой из сторон Гражданской войны. Оставив подробную и обстоятельную характеристику первой обороны города войсками генерал-лейтенанта П. Н. Врангеля, и отдельно отметив самоличное управление операцией со стороны командующего, Г. Вильямс сделал исчерпывающее заключение. «Я убежден», – подытожил журналист, – «что этот успех в исключительно неблагоприятных условиях обусловлен не укрепленными позициями, каковые были несовершенны, а смелой и искусной стратегией генерала Врангеля и начальника его штаба Шатилова, и удачью его кубанской конницы» [16, с. 5]; [17, с. 25].

Схожим образом Г. Вильямс откликнулся на исход третьей по счету обороны: «Генерал Врангель удержал Царицын на Нижней Волге рядом блестящих оборонительных маневров, несмотря на ошеломляющий натиск большевиков. В ходе последней атаки город был почти окружен, и только высочайшее проявление упорства и дерзкая изобретательность со стороны Врангеля и его генералов, и их замечательных кубанских казаков обернули неминуемую победу большевиков в сокрушительное поражение» [18, с. 17].

Неоспоримо, что вплоть до весны 1920 г. барон П. Н. Врангель оставался на порядок менее известен заграничной публике, нежели Главнокомандующий ВСЮР А. И. Деникин, чье имя синонимизировалось с его воинством. По частоте упоминания на страницах западных газет генерал П. Н. Врангель находился в одном ряду с генералами К. К. Мамантовым (Мамонтовым) и А. Г. Шкуро. Однако, в исследуемый отрезок времени, в отличие от того же Мамантова, чей пик славы пришелся на дни его знаменитого рейда по тылам красных, рядом с именем Врангеля в зарубежной печати никогда не стояло слово «поражение». Неудачный для него период во главе Добровольческой армии на рубеже 1919–20 гг. не успел попасть в фокус зрения иностранной прессы ввиду ощутимого запаздывания в освещении событий от их действительного хода, что вытекало из недостатка прямых и оперативных каналов поступления информации. Не успели обнаружиться на страницах зарубежных газет и отголоски предосудительного политического процесса, в который оказался вовлечен П. Н. Врангель, и которому А. И. Деникин впоследствии подобрал очень выразительное и слегка картинное именование: «поход на власть». Потому вплоть до конца 1919 г. Врангель пользовался известностью на Западе исключительно как военный практик, одинаково искусный и в наступлении, и в обороне. Более того, представляется, что за полгода, минувшие с момента первого газетного упоминания на Западе, фигура барона П. Н. Врангеля приобрела в печати определенный ореол непобедимости. Неотъемлемыми полководческими характеристиками командующего Кавказской армией иностранная пресса единодушно признавала высокий уровень стратегического мышления и оперативного искусства, блестящее владение искусством маневрирования, редкую находчивость, инициативность и решительность – все эти качества стали доминантами его образа. Конечно, объективная реальность не могла не приобрести известное преломление через личное восприятие авторов печатных формулировок. Однако, не приходится утверждать, что в очевидно положительном медийном образе П. Н. Врангеля статично обобщались какие-либо стереотипные представления. Напротив, в нем акцентированно проявлялись отличительные черты конкретной личности. В итоге, не лишенный идеализации, но все же убедительный в своей содержательности образ барона П. Н. Врангеля, сотворенный печатью в данный период, заложил основу как для последующего изложения бурной деятельности этого неординарного генерала, так и, в немалой степени, для оформления за рубежом общественных представлений о сопряженной с его именем крымской эпопее 1920 года.

Источники:

1. Palmer M. B. International News Agencies: A History. Cham: Palgrave Macmillan, 2019.
2. Волынцев М. С. Шведская печать о Февральской революции 1917 г. (по материалам донесений русских агентов в Швеции) // Клио. 2023. № 1.
3. Гребенкин И. Н. Генерал Л. Г. Корнилов: штрихи к портрету // Отечественная история. 2005. № 4.
4. Егоров А. И. Разгром Деникина. М.: Вече, 2012.
5. The Times. London. 1919. 12 июня.
6. The Evening News. Harrisburg. 1919. 22 июля.
7. Волков С. В. Белое движение в России: организационная структура. М.: Б. и., 2000.
8. The Washington Post. 1919. 14 сентября.
9. Chicago Tribune. 1919. 19 октября.
10. The Guardian. Manchester. 1919. 12 ноября.
11. The New York Times. 1919. 12 октября.
12. The Times. London. 1919. 27 октября.
13. The San Francisco Examiner. 1919. 25 октября.
14. Берборова Н. Н. Железная женщина. Нью-Йорк: Russica Publishers, Inc, 1981.
15. Локкарт Б. Агония Российской империи. Воспоминания офицера британской разведки / пер. с англ. В. Н. Карпова. М.: ТД Алгоритм, 2016.
16. The Times. London. 1919. 27 сентября.
17. The New York Times. 1919. 28 сентября.
18. The New York Times. 1919. 5 ноября.

V. V. Semenov (*Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»*)

P. N. WRANGEL ON THE PAGES OF FOREIGN PRESS IN 1919

This article examines for the first time the origin and initial development of emotional and rational representations of the prominent White movement figure, General Baron P. N. Wrangel, in the pages of foreign periodicals. The study is based on materials from the English-language (British and American) press.

Russian Civil War, White movement, Wrangel, media image, English-language press, British press, American press, newspapers, image

УДК 336.77

О. А. Скрынская (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: o.a.skrynskaya@ya.ru)

ДОВЕРИЕ К РЕПУТАЦИИ КАК ОСНОВА КРЕДИТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В статье анализируется информационная база, которая являлась основой при оценке кредитоспособности, как со стороны торговых контрагентов, так и коммерческих банков, в Российской империи, начиная с развития кредитных отношений и до революции 1917 года. Показано, что в России, вплоть до окончания анализируемого периода, основой совершения сделок была деловая репутация компании. Финансовые отчеты и прочая информация применялась как дополнение к сведениям, полученным от доверенных лиц о деятельности компании – потенциального кредитополучателя. Эти правила сохранялись в коммерческих банках в рамках специализированных подразделений – справочных отделов, а также в самостоятельных учреждениях – справочных конторах о кредитоспособности.

История, кредит, оценка, кредитоспособность, справка, агент, информация

Сегодня одним из актуальных направлений исторических исследований является изучение экономики Российской империи конца XIX – начала XX века. Этот период времени в России характеризовался активным экономическим ростом: созданием промышленных предприятий, акционерных обществ, кредитных учреждений, развитием сельского хозяйства, железных дорог и прочих отраслей. История России богата именами выдающихся предпринимателей, мировоззрение которых основывалось на традициях русского купечества. Исторически преобладал ценностно-рациональный тип хозяйственного поведения, при котором предпринимательство рассматривается как условие и средство для улучшения не только собственного существования, но и для достижения этических целей, заданных сообществом – общего блага, повышения уровня жизни населения, обеспечения безопасности страны, ее экономической независимости [1, с. 110]. В данной статье будет рассмотрена еще одна особенность мировоззрения представителей делового мира России – высокая роль репутации потенциального контрагента при принятии решения о сотрудничестве. Доверие к деловой репутации оставалось значимым фактором в предпринимательском мире вплоть до революции 1917 года, что следует из методик ведения бизнеса кредитными учреждениями при принятии решения о совершении кредитных операций. Доктор экономических наук, профессор И. Д. Афанасенко пишет: «для русской культуры характерно усматривать в кредите, прежде всего, его нравственное содержание, как приобретенное к себе дове-

рие» [1, с. 216]. Это доверие считалось частью неимущественного производственного капитала наравне с физической силой, интеллектом и знаниями.

В то же время развитие экономических процессов требовало применения более объективных сведений о компании при принятии решений о кредитоспособности. С начала XX века за рубежом разрабатываются методы анализа финансовых данных, в частности для целей оценки кредитоспособности (считается, что коэффициентный анализ финансовой отчетности зарождается в коммерческих банках США в 1890-х годах) [2], [3, с. 572]. Причинами этого служат увеличение числа предприятий, в том числе в акционерной форме, при которой происходит отделение собственника от непосредственного управления компанией. Аналогичные процессы происходили и в Российской империи. Уже в середине XIX века в России становится доступной обширная база финансовой отчетности [4], увеличивается число кредитующих компаний, в том числе акционерных обществ. При этом авторское исследование, проведенное на базе внутренних нормативных документов банков Российской империи, показало, что в нашей стране флагманом применения расчетных методов анализа выступал Государственный банк [5], в то время как у коммерческих банков основой для принятия решений оставалась репутация контрагента.

Исторически кредит начинается со сделок купли-продажи с отсроченной оплатой. И. Д. Афанасенко указывает, что система кредитных отношений была развитой в Древней Руси и нашла свое отражение в Русской Правде. Так как главное основание кредита – его возврат в установленные сроки, то в своей денежной форме он выдавался под гарантию. Гарантией могли служить либо вещественное обеспечение (залог), либо личное доверие («данное честное слово в верной уплате или взятие расписки, векселя и тому подобного обязательства»). Также в монографии И. Д. Афанасенко среди прочих выделено следующее правило кредитования: «строгая осмотрительность относительно лица, берущего кредит» [1, с. 236].

В период Московской Руси кредит широко используется в торговле в формате задолженности при сделках купли-продажи или в выдаче наличных на установленный срок. При этом «личный кредит постоянно первенствует над вещественным; личному кредиту должно предшествовать доброе имя; только постоянная и непоколебимая честность могут его упрочить» [1, с. 241].

В XIII веке с ростом торговых оборотов растет потребность и в кредите. В 1754 году учреждается первый в России заемный банк (государственное кредитное учреждение), который предназначен для выдачи ссуд дворянству, купечеству и фабрикантам под залог недвижимости или товаров. В дальнейшем банковская система проходит через развитие и кризис, закончившийся реформой 1860 года, предполагающей развитие системы коммерческих банков под руководством Государственного банка Российской империи. При одновременном росте числа кредитующихся компаний и развитии акционерного предпринимательства в последующие годы можно было ожидать появления новых методов оценки кредитоспособности, однако коммерческие

банки в качестве базы для принятия решений используют сведения собственных специализированных подразделений – справочных отделов, или самостоятельных учреждений – справочных контор о кредитоспособности.

В работе В. А. Дмитриева-Мамонова и З. П. Евзлина, изданной в 1915 году, авторы обращают внимание, что «особенную важность в современном банке имеет хорошо поставленный справочный отдел». «Этот отдел занимается систематическим собиранием сведений о кредитоспособности лиц, обращающихся в банк за вексельным кредитом, и наблюдением за состоянием и ходом дел лиц, уже пользующихся таким кредитом в банке. Средства осведомления, которыми располагают современные банки, весьма различны. Прежде всего, довольно ценные сведения о клиентах доставляют члены учетного комитета, однако, невозможно, чтобы несколько лиц, его составляющих, были в состоянии основательно знать положение всех торговопромышленных деятелей, работающих в данном районе. Ввиду этого банк старается дополнить сведения о своих клиентах путем наведения дружественно-деловых справок, справляясь о том или другом клиенте у третьего лица, с которым банк уже вел дела и знает с хорошей стороны. В последнее время образовались особые специальные организации, которые всецело посвящают себя делу собирания всякого рода сведений о кредитоспособности или имущественной и платежной состоятельности лиц торгово-промышленного класса и за определенное вознаграждение сообщают их корреспондентам.

Часто в целях осведомления банки обращаются непосредственно к заинтересованному клиенту, прося его дать подробные сведения относительно его состояния, имущества и дел, а в случае надобности подкрепить сообщаемые данные соответственными документами (балансом, торговыми книгами и т. д.).

Много ценных и верных сведений о характере коммерческих оборотов клиентов и об их имущественном состоянии администрация банка может извлекать из совершаемых банком разного рода операций. Это очень важные черты для характеристики состоятельности данного лица, круга его клиентов и способов ведения им дела. Поэтому очень важно, чтобы в справочный отдел доставлялись специальными отделами ежемесячные сводки о произведенных операциях каждым клиентом, кредитующимися в значительных размерах» [6, с. 66–72].

На основании данного отрывка можно сделать вывод о том, что деловая репутация остается главным фактором при принятии решения о возможности кредитования.

Что касается деятельности справочных контор о кредитоспособности, то данные учреждения действовали как в зарубежных странах, так и в России. При этом в ходе обсуждения их законодательного регулирования, которое велось с 1898 года, отмечалось, что потребность в такого рода конторах появилась в связи с переходом от торговли на ярмарках и «обычных в прежнее время приездов покупателей к продавцам» к торговым сделкам через «письменные сношения, запродажи по образцам, высылаемым железными дорога-

ми или почтой», а также установление торговых связей через агентов – представителей фирм на местах [7, с. 33]. То есть, необходимо было поддерживать и обезопасить именно операции продажи товаров в кредит, в том числе при международной торговле.

Интересно, что министр юстиции в ходе обсуждения отмечал, что затруднением в работе справочных контор было бы отсутствие сведений официального характера, а именно «сведений ипотечных указателей и торгового реестра, списков вексельных протестов, а также списков о подоходных податях», также «для обозрения со стороны контор не были бы открыты и заявления о размере торговых оборотов и количестве ежегодной прибыли», которыми пользуются аналогичные учреждения за рубежом. Таким образом, «единственным источником сведений могли служить частные сообщения от местных агентов» [7, с. 4].

Несмотря на то, что право открывать справочные конторы о кредитоспособности было утверждено только в 1905 году, на практике справочные конторы уже активно вели свою деятельность. Например, в 1901 году была выпущена справочная книга С. Клячкина, владельца одной из первых справочных контор. Справочник включал в себя данные о сорока тысячах торговцах, ведущих свою деятельность в более чем 2000 населенных пунктах Российской империи: о том, какого рода торговлей занимался предприниматель; сведения о годовом обороте предприятия – не в численном выражении, а указанием на то, что оборот является большим, средним или малым. На основании этого показателя все компании в справочнике были отнесены к первому, второму или третьему разряду [8], [9].

В соответствии с исследовательской работой Д. М. Генкина [10] в 1911 году содержание справок строилось на работе «решершеров» («лиц, добывающих сведения о фирмах в месте расположения бюро») и корреспондентов, «доставляющих сведения из мест, где нет самостоятельных отделений». «Решершеры являются постоянными служащими, состоящими на жаловании; они должны быть в связи с промышленным и торговым миром, добывать сведения от лиц, внушающих доверие, и из добытых сведений самостоятельно составлять справки. Бюро должно обладать обширной сетью корреспондентов, имея их несколько в одних и тех же местах, чтобы проверять сведения, данные одним через сообщения других. Корреспонденты обычно получают определенное вознаграждение за каждую справку, не составляют справок в окончательной форме, сведения, ими доставленные, поступают к редакторам. Корреспонденты отвечают не только на запросы из бюро, но и по собственной инициативе и доставляют дополнительные сведения, если в положении предприятия, о котором справлялись, произошли значительные перемены. Имена корреспондентов, вербуемых обыкновенно из коммерческого мира, владельцы бюро сохраняют в тайне; также гарантируется строжайшая тайна и именам фирм, сообщающих сведения. Сохранение в тайне источников – основное условие деятельности справочных контор». Сведения решершеров и корре-

спондентов «состоят из заключений, выведенных из личных расспросов у знакомых, поставщиков, банкиров и других лиц, имеющих отношение к кредитному лицу; часто они основываются на общих наблюдениях и случайных слухах. Часто бюро обращается к фирмам, о которых сделан запрос, с просьбой дать сведения о самих себе. В тех случаях, когда о данной фирме запрос сделан в первый раз, такие сведения являются основой дальнейших расследований со стороны бюро. Эти расследования касаются вопросов об обороте, о районе деятельности, о банковых связях, поставщиках и т. п. К важным источникам относятся официальные данные: книги, регистры и прочие данные, публикуемые для всеобщего сведения. Использование официальных данных имеет у нас меньшее значение, благодаря вообще неудовлетворительности их в качественном и количественном отношении».

С течением времени в 1910-е года в основу деятельности справочных бюро о кредитоспособности, как частных, так и открывавшихся при союзах промышленников и торговцев, легли сбор и публикация сведений о неплательщиках и нарушителях договорных обязательств [8], [11].

Итак, в справочных конторах о кредитоспособности оценка финансового положения оценивалась, в первую очередь, не на базе финансовых отчетов компаний, а на основе сведений, собранных от контрагентов компании. Таким образом, основой оценки все еще выступала личная благонадежность владельца фирмы и его деловая репутация.

На основании приведенных данных можно сделать вывод о том, что, вплоть до революции 1917 года, оценка кредитоспособности как торговыми контрагентами, так и коммерческими банками основывалась на репутации компании, а также личной благонадежности ее собственника или главного акционера. Кредитные отношения, как и в середине XIX века, соответствуют характеристике, данной в работе профессора политической экономии Михаила Францевича Шимановского (1831–1889) в 1872 году: «специфическим именем кредита называем нравственное чувство доверия, примененное к группе экономических двусторонних отношений, состоящих в непосредственной выдаче ценности с одной стороны, – под обязательством будущего платежа с другой стороны» [12, с. 15]. То есть кредитные отношения строились на доверии, подтвержденным, в первую очередь, личным знакомством с получателем кредита, с его финансовым положением и предпринимательской репутацией.

Источники:

1. Афанасенко И. Д. Россия в потоке времени. Истрия предпринимательства. СПб.: изд-во «Третье тысячелетие», 2003.
2. Скрынская О. А. Иоганн Шер и Пауль Герстнер: вклад в развитие методов анализа отчетности // Международный бухгалтерский учет. 2018. Т. 21, № 2(440). С. 238–250. DOI 10.24891/ia.21.2.238. EDN YOBGEI.
3. Ковалев В. В., Ковалев В. В. Анализ баланса. М.: Проспект, 2017.

4. Асташкина А. С. Отчетность акционерных компаний второй половины XIX века в России // Аудиторские ведомости. 2016. №5. С. 59–71. EDN VWGPGJ.

5. Скрынская О. А. Развитие методов оценки кредитоспособности Государственным банком Российской империи // Финансы и бизнес. 2019. Т. 15, № 1. С. 150–161. DOI 10.31085/1814-4802-2019-15-1-150-161. EDN FIGPVO.

6. Дмитриев-Мамонов В. А., Евзлин З. П. Организация и техника коммерческого банка. Петроград: тип. М. Пивоварского и Ц. Типографа, 1915.

7. О порядке учреждения справочных контор о кредитоспособности / Министерство Финансов. Учреждения по части торговли и промышленности. Отдел торговли. 12 февраля 1905 г. № 1400/1199. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1905.

8. Серова Ю. Г. Общедоступные сведения о кредитоспособности лиц в Российской империи (историко-правовой анализ) // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 220–225. DOI 10.34216/1998-0817-2023-29-4-220-225. EDN YGSWHY.

9. Серова Ю. Г. Правовая аналитика в деятельности справочных контор о кредитоспособности в Российской империи (историко-правовой анализ) // Юридическая техника. 2024. № 18. С. 288–291. EDN BZRDDJ.

10. Генкин Д. М. Справки о кредитоспособности (юридическое исследование) / предисл. проф. Г.Ф. Шершеневича. М.: Изд-е Бр. Башмаковых, 1911.

11. Серова Ю. Г. Появление и развитие института «союзных» справочных контор о кредитоспособности в дореволюционной России // Теория государства и права. 2022. № 4(29). С. 238–248. DOI 10.47905/MATGIP.2022.29.4.020. EDN HAKBXJ.

12. Шимановский М. Ф. Кредит и общественные банки. Часть 1. Варшава: тип. сыновей С. Оргельбранда, 1872.

O. A. Skrynskaya (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

TRUST IN REPUTATION AS THE BASIS OF CREDIT RELATIONS IN THE RUSSIAN EMPIRE

The article analyzes the information, which trading counterparties and commercial banks used as the basis for assessing the creditworthiness in the Russian Empire in the period from the beginning of credit relations to the revolution of 1917. It is shown that in Russia, until the end of the analyzed period, the basis for transactions was the business reputation of the company. Financial reports and other information were used as an addition to information received from trusted persons about the activities of the potential recipient company. These rules were maintained in commercial banks in its specialized reference departments, as well as in independent institutions – creditworthiness reference offices.

History, credit, assessment, creditworthiness, reference, agent, information

УДК 94(47)

Д. И. Стогов (С.-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: bel-grigorij@yandex.ru)

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ СЪЕЗДЫ (1912–1914 ГГ.) О БОРЬБЕ С ПЬЯНСТВОМ

В статье анализируются резолюции двух педагогических съездов, которые состоялись в Санкт-Петербурге в период с 1912 по 1914 гг.: Первого Всероссийского съезда по семейному воспитанию и Первого Всероссийского Съезда по вопросам народного образования. Отмечается, что в документах обоих съездов видное место занимали вопросы борьбы с пьянством и утверждения трезвости. Делается вывод о том, что оба съезда ставили ребром вопрос о необходимости всестороннего трезвеннического просвещения, прежде всего, в учебных заведениях, о подготовке «учителей трезвости». Однако если резолюция Съезда по народному образованию содержала в себе весьма расплывчатые формулировки, то резолюция Съезда по семейному воспитанию прямо указывала на необходимость борьбы не с последствиями алкоголизма, а с его причинами.

Российская империя, пьянство, трезвость, просвещение, образование, воспитание, педагогические съезды

В настоящее время проблема народного пьянства по-прежнему, как много лет назад, остается одной из самых актуальных социальных проблем. Ежегодно в России от причин, связанных с алкоголизмом, умирают, согласно данным Всемирной организации здравоохранения, около 500 тысяч человек, то есть 10 процентов от общего количества умерших [1]. В целях противодействия алкогольной угрозе в нашей стране возрождаются общества трезвости, вводятся различные ограничительные меры, связанные с продажей спиртного. Между тем, богатый опыт, связанный с трезвеннической работой, который относится к прошлому нашей страны, должен быть всецело изучен и востребован.

В этой связи в последние десятилетия сделано немало. В частности, вышло в свет большое количество научных трудов, посвященных истории борьбы с пьянством и трезвеннического движения [2]; [3]; [4]. Особое место среди научных трудов на эту тему занимает монография А. Л. Афанасьева об обществах трезвости царской России [5], где коротко освещена работа Первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством, который проходил в Санкт-Петербурге с 28 декабря 1909 г. по 6 января 1910 г. (все даты здесь и далее указаны по старому стилю) [5, с. 91–92], и Всероссийского съезда практических деятелей по борьбе с алкоголизмом, состоявшегося в Москве 6–12 августа 1912 г. [5, с. 92]. В августе 2025 г. состоялся круглый стол, по-

священный этому съезду, имевший общественный резонанс [6]. Вместе с тем, до сих пор историками практически не рассмотрены резолюции образовательных форумов, которые состоялись в Санкт-Петербурге незадолго до Первой мировой войны. Это Первый Всероссийский съезд по семейному воспитанию, прошедший в столице Российской империи с 30 декабря 1912 по 6 января 1913 г., и Первый Всероссийский съезд по вопросам народного образования, состоявшийся в Санкт-Петербурге в период с 22 декабря 1913 г. по 3 января 1914 г.

Работа этих съездов и их значение для развития российской педагогики высоко оцениваются современными учеными [7, с. 55]; [8, с. 82]. Вместе с тем, в современной исторической литературе практически ничего не говорится о вкладе данных форумов в борьбу с алкоголизмом. Настоящая статья призвана восполнить этот существенный пробел.

В резолюции и пожеланиях Первого Всероссийского съезда по семейному воспитанию в пункте 9 говорилось о борьбе с пьянством. Авторы документа подчеркивали, что в виду неуклонно растущей алкоголизации населения, захватывающей все более и более в свои цепкие объятия и молодое поколение, неотложно «необходимо живое, горячее, энергичное участие семьи в борьбе с ведущим к вырождению алкоголизмом» [9, с. 65–66]. Для этого, как отмечалось в резолюции, нужно было, чтобы все, имеющие то или иное отношение к воспитанию юного поколения, были вполне осведомлены о всеобъемлющей тлетворной роли алкоголя как «тормоза прогресса во всех областях народной жизни» [9, с. 66]. В документе особо подчеркивалось, что в основе борьбы с алкоголизмом, согласно современным научным данным, надо положить принцип полного воздержания от спиртных напитков как «в виду установившихся диких питейных обычаев, так и алкогольных предрассудков» [9, с. 66]. Делался вывод о том, что «успех в борьбе с алкоголизмом, как показал уже опыт наиболее культурных стран, может быть обеспечен лишь тогда, когда центр ее будет перенесен с последствий алкогольного отравления на предупреждение зла, когда главнейшее внимание будет сосредоточено на воспитании юных, подрастающих поколений в духе полного воздержания от каких бы то ни было спиртных напитков» [9, с. 66]. Съезд признал желательным распространять идею о том, что важное значение для борьбы с алкоголизмом в семьях имеет женщина, которая может вступать во все ассоциации для борьбы с этим злом, что облегчается уставами обществ, разрешающими открытие филиальных отделений в провинции. Съезд также постановил поручить Исполнительной комиссии войти в сношения с педагогическими и родительскими организациями с предложением о выработке проектов борьбы с алкоголизмом в семьях. Таким образом, исходя из документа, делегаты съезда выступали за пропаганду полного воздержания от алкоголя.

В работе Первого Всероссийского Съезда по вопросам народного образования, который состоялся в Народном доме императора Николая II на Петербургской стороне через год после Первого Всероссийского съезда по се-

мейному воспитанию, приняли участие многочисленные педагоги из разных концов Российской империи и обсуждали функционирование системы народного образования.

В резолюции второй секции съезда пункт 44 был посвящен борьбе с алкоголизмом. В документе отмечалось, что, признавая все растущее и растущее в России употребление спиртных напитков «одним из губительных для народного просвещения явлений, подрывающих духовные силы народа, уничтожающих результаты просвещения народа», [9, с. 13] секция обращает самое глубокое внимание русского учительства на необходимость «одушевленной, систематической, планомерной борьбы народного учителя и школы с народным алкоголизмом» [9, с. 13]. Эта борьба, по мысли авторов резолюции, может вестись школой и учителем путем общей просветительной работы, путем организации истинно разумных и здоровых развлечений и путем специального антиалкогольного просвещения народа и его детей. Как отмечалось в документе, принимая во внимание выдающееся значение в развитии и распространения алкоголизма «неведения об алкоголе, алкогольных предрассудков, питейных обычаев и самообмана в подъеме сил от алкоголя» [9, с. 13], секция сочла необходимым, чтобы воспитанники всех учебных заведений, подготовляющих к учительской деятельности, были достаточно ознакомлены с алкогольным вопросом, «социально-гигиеническим, экономическим и вообще противокультурным значением алкоголизма и мерами борьбы с ним» [9, с. 13]. «В виду неотложной потребности» в постановлении ставился вопрос о важности организации особых временных курсов для подготовки учителей в этом отношении. Кроме того, сочли авторы документа, во всех учебных заведениях, до народной школы включительно, необходимо противоалкогольное обучение [9, с. 14]. В резолюции особо отмечалось, что «для выполнения культурной задачи борьбы с алкоголизмом необходима дружная совместная работа школы с семьей, при содействии общественных сил и государства» [9, с. 14]. Таким образом, в отличие от Съезда по семейному воспитанию, делегаты Съезда по вопросам народного образования не ставили напрямую вопрос о полном воздержании от потребления алкоголя, делая акцент на необходимости трезвенного просвещения, в том числе организации курсов по подготовки «учителей трезвости».

Аналогичный весьма умеренный подход мы наблюдаем в постановлении, принятом Всероссийским съездом по кооперации, который состоялся в Киеве 1–7 августа 1913 г., то есть как раз в период между рассматриваемыми нами педагогическими съездами. В пункте 13 постановления Съезда по кооперации, в части IV, говорилось о необходимости борьбы кооперативов с пьянством. В документе рекомендовалось запретить продажу крепких напитков в лавках обществ потребителей [9, с. 206]. Таким образом, в постановлении съезда речь идет только о запрете **крепких** напитков, а не алкоголя вообще.

Делая вывод, необходимо отметить, что рассмотренные нами два педагогических съезда, которые состоялись в Санкт-Петербурге в период с 1912

по 1914 г., а именно Первый Всероссийский съезд по семейному воспитанию и Первый Всероссийский съезд по вопросам народного образования, ставили ребром вопрос о необходимости всестороннего трезвеннического просвещения, прежде всего, в учебных заведениях. Говорилось и о важности подготовки «учителей трезвости». Однако если резолюция Съезда по народному образованию была более обтекаемой и содержала в себе весьма расплывчатые формулировки, то резолюция Съезда по семейному воспитанию прямо указывала на необходимость борьбы, прежде всего, не с последствиями алкоголизма, а с его причинами. При этом рекомендовалось полное воздержание от употребления любого алкоголя.

Источники:

1. Алкоголизм – проблема современной России? // Rehab Family. URL: <https://rehabfamily.com/articles/alkogolizm-v-rossii/> (дата обращения 26.11.2025).
2. Акоева Н. Б. Борьба за народную трезвость в России: исторический аспект // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 5. Ч. 1. С. 13–17.
3. Стогов Д. И. Первый Всероссийский съезд по семейному воспитанию о борьбе с пьянством и утверждении трезвости // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XXIII Междунар. науч. конф., Иваново, 27–28 марта 2024 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2024. С. 490–496.
4. Королев С. В., Мелехин В. И., Уваров С. Н. Борьба с пьянством и антиалкогольная политика в первые годы советской власти (1917–1930 гг.). Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2025.
5. Афанасьев А.Л. Трезвенное движение в России в период мирного развития. 1907–1914 годы: опыт оздоровления общества: монография. Томск: ТУСУР, 2007. 196 с.
6. Это был уникальный консервативно-охранительный форум традиционалистов-трезвенников // Русская народная линия. URL: https://ruskline.ru/news_rl/2025/08/07/eto_byl_unikalnyi_konservativnoohranitelnyi_forum_tradicionalistovtrezvennikov (дата обращения 26.11.2025)
7. Крук Д. С. История развития детского театра в России // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2017. № 1 (24). С. 45–60.
8. Кудряшев А. В. Общественные дискуссии конца XIX начала XX века о взаимодействии семьи и школы // Проблемы современного образования. 2015. № 2. С. 76–85.
9. Съезды по народному образованию. Сборник постановлений и резолюций всероссийских и областных съездов по вопросам народного образования (школьного, внешкольного и дошкольного) с подробным сводным алфавитным указателем содержания (Включая постановления 61 съезда) / Сост. В. К. Чарнолуский. Пг.: Тип. Б. М. Вольфа, 1915.

D. I. Stogov (*Saint Petersburg electrotechnical university «LETI»*)

**ST. PETERSBURG PEDAGOGICAL CONGRESSES (1912-1914) ON
THE FIGHT AGAINST DRUNKENNESS**

The article analyzes the resolutions of two pedagogical congresses that took place in St. Petersburg in the period from 1912 to 1914: the First All-Russian Congress on Family Education and the First All-Russian Congress on Public Education. It is noted that in the documents of both congresses, the issues of combating drunkenness and the establishment of sobriety occupied a prominent place. It is concluded that both congresses raised the issue of the need for comprehensive total education, primarily in educational institutions, and the training of "sobriety teachers". However, while the resolution of the Congress on public education contained very vague formulations, the resolution of the Congress on family education directly pointed to the need to combat not the consequences of alcoholism, but its causes.

Russian Empire, drunkenness, sobriety, enlightenment, education, upbringing, pedagogical congresses

УДК 316.4.066

Е. В. Строгеекая (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: avs1973@list.ru);

И. Б. Бетигер (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: ssps@etu.ru)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ДИНАМИКА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ

Рассматривается трансформация социальной роли высшей школы в контексте противоречий цифрового общества. Анализируются институциональные противоречия между общественными запросами и консервативным устройством вузов. Выявляются экзогенные и эндогенные факторы институционального развития высшего образования.

Социальный институт высшего образования, ролевое противоречие, институциональное противоречие, структурно-динамическое противоречие, институциональное развитие высшей школы, цифровое общество

Актуальность темы обусловлена кризисными явлениями, сопровождающими функционирование высшей школы, начиная с середины XX в., и критикой ее институционального устройства, развернувшейся среди представителей социально-гуманитарного знания.

Казалось бы, социальная роль высшей школы как социокультурного центра, обеспечивающего сохранение и воспроизводство профессионального опыта, приобщение молодого поколения к общечеловеческим, национальным и профессиональным идеям, традициям, нормам и правилам, моделям поведения, неоспорима. Однако сегодня она ставится под сомнение и подвергается существенной критике за невозможность осуществления в современных условиях информационного, быстро меняющегося, полного неопределенностей и непредсказуемостью общества. Ученые и практики говорят о кризисной ситуации в высшем образовании.

Кризисные явления вызваны целым рядом фундаментальных противоречий. Ролевое противоречие заключается в следующем: исторически сложившаяся социальная роль и потенциальные возможности высших учебных заведений вступают в конфликт с современными ожиданиями общественности от результатов их деятельности. Классические идеи высшей школы наделяют ее учреждения ролью социокультурных центров, направленных на поиск истины, продуцирующих духовные ценности, аккумулирующих и транслирующих универсальное знание. Успешно выполняя эту роль, образование превращается в мощный фактор, выравнивающий возможности людей в информационном обществе, поскольку оно обеспечивает доступ к мировому

информационному ресурсу, а также предлагает проверенные временем методологии его использования. Вместе с тем, заметно, что роль современной высшей школы девальвируется. Нынешние социальные ожидания в отношении высшей школы не столько связаны с потребностью общества в знании, сколько сводятся к выполнению ею роли продавца символов, идентичностей и статусов [1, с. 75–92].

Кроме того, имеет место институциональное противоречие между существующими сегодня институциональными формами высшей школы и новыми социальными потребностями, связанными с образованием. Институциональное устройство высшего образования, его нормативная, статусно-ролевая и символическая системы формировались в ответ на вызовы и требования общества. Каждая новая веха в истории развития высшей школы вносила коррективы в ее функциональное назначение и миссию, но изменения институциональных моделей в соответствии с новыми аспектами социальной роли требовали существенных временных затрат и происходили с заметным запаздыванием.

Так на протяжении XVIII – XIX вв. с развитием и дифференциацией науки за высшей школой закреплялась функция поиска истины и освоения методологий ее достижения. Ее выполнение приводило высшие учебные заведения к необходимости выделения научных исследований в самостоятельный вид университетской деятельности, а также к структурной дифференциации в соответствии с принципами научной специализации. Именно такой предстает модель исследовательского университета. В то же время, эта модель с ее консервативностью, фрагментированностью и замкнутостью научных школ, а также предпочтительной персональной направленностью подготовки вызывает нарекания и сомнения, поскольку не может продуктивно ответить на такие социальные вызовы как массовость высшего образования, необходимость быстро адаптироваться к рынку и проявлять предпринимательские свойства, осуществлять инновации.

Еще одним примером проявления описанного институционального противоречия является прагматическая модель высшего образования, начало которой было положено в наполеоновской Франции. Одна из главных черт этой модели активно воспроизводится и даже используется для оценки качества образовательной деятельности современных университетов. Это – узкая профессионализация образования. Однако XXI в., характеризующийся индивидуализацией труда, проектным характером экономики и быстрой динамикой структуры рынка труда, до минимума снижает вероятность успеха следования по направлению линейных профессионально-образовательных траекторий, основанных на одной профессии. Институциональное устройство сегодняшнего российского университета, по-прежнему, нацелено на обеспечение студента специальностью «на всю жизнь» и в силу своей инертности обуславливает невозможность или существенные трудности в приобретении обучающимися компетенций, связанных со сменой профессий и профессиональных идентичностей.

Наконец, институциональная инертность университетов ведет к еще одному противоречию, которое можно назвать структурно-динамическим. С одной стороны, университетский хронотоп исключителен с точки зрения институциональной социодинамики. Студенты, преподаватели и сотрудники погружены в многонациональную, мультипрофессиональную и социально неоднородную среду, т. е. их контакты с многообразием культурных форм и проявлений здесь непосредственны и происходят в реальном времени. Такая неоднородная социокультурная среда высшей школы содержит в себе возможности для обеспечения преемственности поколений, межкультурного диалога и междисциплинарных исследований, тем самым, обуславливая потенциал успеха в поисках ресурсов для развития социального института высшего образования. Однако сегодняшняя структура учреждений высшего образования не предусматривает широких возможностей для открытой межгрупповой коммуникации, а, скорее, выстраивает барьеры между академическими сообществами, ее составляющими, выводя их за пределы дискурсивного пространства и, тем самым, упуская динамические ресурсы, имманентные их корпоративным культурам. Структурно-динамическое противоречие имеет два последствия.

Первое заключается в том, что существующая структура тормозит развитие самих университетов.

Второе – в том, что потенциал университета в формировании у студентов таких актуальных компетенций, как высокая коммуникативная состоятельность, мастерство взаимодействия в межгрупповом поле, социальное и профессиональное партнерство и взаимопомощь, навыки междисциплинарного исследования и, наконец, опыт собственного социокультурного развития используется недостаточно, поскольку среда современных вузов скорее поддерживает все имеющиеся символические и дискурсивные барьеры [2].

Стремление преодолеть ролевое, институциональное и структурно-динамическое противоречия подталкивает национальные системы образования к реформам. Анализ фундаментальных противоречий, девальвирующих общественный статус института высшего образования, приводит к предположению о том, что современная высшая школа требует не только и не столько структурных или организационных, сколько институциональных перемен. На это накладывается влияние многочисленных слабо прогнозируемых и мало управляемых внешних для системы образования факторов. Поиск путей преодоления институциональных противоречий и задача определения ориентиров развития высшего образования ставит российскую социологию перед необходимостью выявить детерминанты институциональной динамики высшего образования.

Создание нового институционального порядка, соответствующего вызовам информационной эпохи, требует достаточно радикального пересмотра базовых оснований высшего образования. Он включает в себя как переосмысление сущности, общественного назначения и целей образовательной

деятельности, разработку новых принципов и технологий ее осуществления, так и изменения в методах и способах объединения, координации и регламентации поведения людей и групп, реализующих цели высшего образования. Влияние такой составляющей, как социальная среда высшей школы на ход образовательного процесса и его итоги вряд ли вызывает у кого-либо сомнения. Такие широко известные исторические модели образовательных систем, как Оксбриджская или Гумбольдтовская отличались не только особыми педагогическими технологиями, но и способами организации взаимодействия участников образовательного процесса, регламентацией их поведения, т. е. своей социальной средой [3]. В отличие от классических моделей, социальная среда современной высшей школы гораздо более разнородна. Она состоит из большого числа академических сообществ, различающихся по своим социокультурным параметрам.

Актуализация социально-средовой составляющей образовательных систем выводит проблемы исследования и институциональных преобразований высшей школы за пределы реформирования исключительно самого образовательного процесса или экономических принципов и методов управления высшей школой и заставляет обратиться к такому, пока еще недостаточно востребованному познавательному ресурсу, как корпоративная культура академического сообщества.

В условиях масштабных турбулентных преобразований глобального цифрового общества именно академические сообщества в их культурном разнообразии оказывают постоянно возрастающее воздействие на высшую школу, в результате чего либо самовоспроизводятся и консервируются, либо трансформируются и в известной мере совершенствуют все ее составляющие: от вступительных испытаний до учебно-методических практик и дистанционных форм проведения выпускных государственных экзаменов и защит дипломных проектов и т. д., а, в конечном счете, меняют и статусно-ролевую структуру, и ценностно-нормативные основы института высшего образования.

Если смена социально-экономических детерминант и эпистемологический поворот информационной эпохи – это экзогенные предпосылки институциональных трансформаций высшего образования, к которым чаще всего привлечено особенно пристальное внимание исследователей, то корпоративные культуры академических сообществ представляют собой эндогенные детерминанты. С одной стороны, корпоративные культуры академических сообществ обеспечивают укрепление социально-профессиональных связей и культурное воспроизводство, в том числе, передачу традиционных ценностей и профессионального опыта из поколения в поколение. С другой стороны, социальная функция академических сообществ заключается в развитии человеческого потенциала, а, следовательно, от их корпоративных культур требуется изменчивость и гибкость.

В настоящее время с позиций современного социологического знания корпоративные культуры академических сообществ изучены мало. Необходимость их социологического анализа придает соответствующую значимость разработке теоретико-методологической базы для осмысления социокультурного феномена академических сообществ вузов, необходимой для оценки препятствий и ограничений, а также выявления ресурсов и трендов институционального развития современной высшей школы России.

Источники:

1. Абрамов Р. Н. Трансформации академической автономии // Вопросы образования, 2010, № 3.
2. Кларк Б. Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации / пер. с англ. А. Смирнова; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. М.: изд. дом Гос. ун-та – ВШЭ, 2011.
3. Миненков Г. Трансформация университета и учебный процесс. Методическое пособие. Минск: Европ. гуманит. ун-т, 2004.

E. V. Strogetskaia (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»);

I. B. Betiger (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

**INSTITUTIONAL DYNAMICS OF HIGHER EDUCATION IN
THE DIGITAL AGE**

This article examines the transformation of the social role of higher education in the context of the contradictions of the digital society. It analyzes the institutional tensions between societal demands and the conservative structure of universities. It identifies the exogenous and endogenous factors in the institutional development of higher education.

Social institution of higher education, role contradiction, institutional contradiction, structural-dynamic contradiction, institutional development of higher education, digital society

УДК 008.2:304.5

И. А. Суров (Санкт-Петербургский национальный исследовательский Академический университет имени Ж. И. Алфёрова, e-mail: ilya.a.surov@itmo.ru)

МИРОВЫЕ КУЛЬТУРЫ ПЕРЕД ВЫЗОВОМ ИИ

Социально-психологические и этико-правовые аспекты информационных технологий обычно рассматриваются как общие для всего человечества. Предлагаемые при этом подходы и решения также считаются универсальными, игнорируя самобытность цивилизаций и свойственных им мировоззрений. В докладе рассмотрены особенности отношения к информационным технологиям и искусственному интеллекту в западной, восточной и русской культурах.

Искусственный интеллект, цивилизация, культура, свобода, субъектность, Восток, Запад, Россия

Запад. Рассмотрение начнем с Запада как главного разработчика и драйвера современной техносферы на протяжении последних сотен лет. Мотивы и цели этого прогресса определил бэконовский лозунг «знание – власть»: знание законов природы дает возможность пользоваться ими в своих целях. За четыре столетия такого развития Запад достиг в этом успехов, поставив законы природы на службу своим интересам.

Непознанной оставалась лишь душа человека, природа которой осталась за рамками естественных наук в силу декартовского дуализма. Методы биологии, анатомии и физиологии схватывали лишь внешнюю сторону живых организмов (*res extensa*), тогда как их поведение и мышление не описывалось никакими простыми законами. В течение столетий психика-душа (*res cogitans*) оставалась прерогативой религиозно-гуманитарной философии.

В 20 веке оформленное Декартом разграничение естественных и гуманитарных предметов стало меняться. Биология и физиология открыли нейронную механику рефлексов, нервных сигналов и кодирования психической информации. Электроника и кибернетика радикально повысили сложность компьютерных моделей, открывших науке дверь в запретную раньше область *res cogitans*.

Считавшиеся непознаваемыми процессы духовной жизни – память, мышление, научение – начали воспроизводиться сетями элементарных павловских рефлексов, получивших название перцептрона. Все точнее имитируя психику человека, искусственный интеллект (ИИ) поднял бэконовский лозунг научно-технологического прогресса на небывалую высоту и открыл для него новые горизонты. Гностический проект абсолютного знания и власти увидел свет в конце туннеля.

Согласно философии гностицизма, знание должно освободить искру человеческого духа от оков косной материи, возвращая ее в «потерянный рай»

божественного света [1; 2]. На деле, однако, в западной цивилизации происходит другое. ИИ чаще дает обывателю не знание и свободу, а одобренные его владельцами развлечения деградационно-паразитического спектра.

Бесконечный поток персонально сгенерированного контента, заточенного под выброс дофамина в конкретном организме. Пребывая в этом потоке, времени и сил на решение реальных проблем остается немного. Человек потребляет все больше, а понимает и может все меньше. Поскольку деградировавшая психика восстанавливается трудно и передается по наследству, для многих родов эта дорога в один конец. Расслоение общества на техноэлиту сверхлюдей и рабочий скот [3], необходимость в котором с развитием робототехники становится все меньше, переходит в терминальную фазу.

Восток. Восточная культура во многих отношениях противостоит западной: гармония и коллективизм вместо свободы индивида, ритуал и канон вместо прогресса и самостоятельности. По Киплингу, «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись».

В восточной культуре существование всего живого следует логике космических циклов – «юг», над которыми человек не властен. Соответственно в философиях Востока вопрос свободы воли не встает: нет такой, так о чем тут говорить? Человек может либо бессознательно вращаться в циклах перевоплощений, либо осознать их и выйти в нирвану – после чего нахождение на Земле теряет всякий смысл. Соответственно этому Восток не был драйвером научно-технического прогресса, а встраивался в предложенное Западом русло.

Тем не менее, между Востоком и Западом много общего. Цель человека восточной культуры – сходное с гностическим просветление через освобождение от уз плоти и связанных с ними страданий. Отличается только путь к этой цели: вместо западного пути знания-силы на востоке предпочитается путь «остановки ума» и созерцательного растворения личности в мировой гармонии.

Если Запад только подходит к мысли об иллюзорности свободы человека, то Восток знал об этом всегда и принимает это как само собой разумеющееся. Для Востока современные нейронауки и искусственный интеллект лишь подтверждают древние истины, которые ненадолго уходили в тень либеральной философии. Материальный мир есть иллюзия, майя. Жизнь в ней – воспетый Сунь-Цзы «путь обмана», который теперь воплощен в матрице метавселенных. Какая разница, где отрабатывать карму? Виртуальная сансара с перспективой цифрового просветления интереснее и комфортнее, чем неизменные в веках страдания реального мира.

Расслоение общества под действием этих технологий на Западе тормозится остатками либеральной веры во всеобщее равенство. На Востоке же такое расслоение – исконная норма жизни кастового общества. Высшая каста – ученые и духовенство, вторая – чиновники и военные, третья – предприниматели и торговцы, четвертая – ремесленники и земледельцы. Плюс безкастовые «неприкасаемые» – «маленькие люди», коих в современной Индии сотни мил-

лионов. Подчинение низших каст высшим утверждено священными ведами, встроено в традиции и обычаи. Если теперь высшая каста станет править остальным населением с помощью систем ИИ, то чем это отличается от того что было всегда? Формой, но не содержанием.

Россия. На Руси подобное господство одних над другими принципиально неприемлемо. Ее территория – единственный регион мира, где не было рабовладения. В его ближайшем аналоге, крепостном праве, положение крепостных не идет ни в какое сравнение со статусом неприкасаемых в Индии, африканских рабов на плантациях Америки, европейских колоний, древней Греции и Рима. Единственный в истории нынешней цивилизации пример построения не толпо-элитарного, а народно-ориентированного государства имел место в России.

Причина этих исторических фактов – осознание многовариантности будущего и способности человека к управлению им по собственной воле. В отличие от свободы как отсутствия ограничений, воля предполагает ответственность за сделанное «на свой страх и риск». Тем не менее, «русский авось» выражает доверие случаю, обладающему своей неведомой волей. «Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что» – указание к свободному творчеству за горизонтом известного. Эти ценности отторгают с территории Руси и западную техноагрессию, и саморастворение в нирване по-восточному [4].

В русской культуре свобода и творчество поддерживается как у себя, так и у других. Отсюда встроенная в русский язык всесубъектность живой природы, которая вольна действовать по своему разумению в своих интересах [5]. И природа эта мудра, так что «путь обмана» в итоге всегда обернется против обманщика. На большой же дистанции настоящая сила – в правде. В межнациональных отношениях это качество – уважение к суверенитету – отличает концепцию русского мира и от западного, и от восточного колониализма. При этом другие народы не истребляются ни силой, ни методом «культурного сотрудничества», а на равных правах включаются в общий супер-этнос с сохранением и развитием своей самобытности.

В отношении ИИ русская культура также имеет особую предрасположенность. С одной стороны, склонность к всесубъектности подсказывает нам антропоморфную терминологию, согласно которой ИИ учится, развивается, как-то себя ведет, действует от первого лица, галлюцинирует, принимает решения и ошибается, пишет, создает и творит. Поэтому носитель русского языка легко подхватывает научно-популярные нарративы, в развлекательной манере навязывающие читателю стереотип восприятия машины как равной человеку [6].

Антропоморфное восприятие и терминология в отношении ИИ – далеко не безобидная игра слов. В результате этой «игры» создатели ИИ оказываются в статусе родителей, которые создали якобы свободную сущность и выпустили ее в самостоятельное плавание. Незаконный штраф, неверный диагноз, ошибочное решение «цифрового министра» тогда воспринимаются как результат *самообучения* ИИ, за которое его создатели и владельцы не отвечают.

Под покровом иллюзии антропоморфизма и на Западе, и на Востоке происходит беспрецедентная концентрация управления в руках никому не подотчетных лиц, несущая столь же беспрецедентные общественные риски [7].

Несмотря на установку всесубъектности, в России такое уравнивание машины с человеком встречает категорическое неприятие. Ползучее наделение ИИ авторским правом и правосубъектностью классифицируется конституционным судом РФ как принципиально противоречащее основам традиционных культур [8]. Этот вывод вполне соответствует общественному консенсусу, выражаемому в «кодексах этики ИИ», согласно которым ответственность за него целиком лежит на разработчиках и владельцах. В этом проявились глубинные основы русской культуры, позволяющие отличать истинную субъектность и свободу воли от машинных имитаций [6].

Обыватель Запада делегирует свою субъектность всеведущей машине со сверхчеловеческим интеллектом. Обыватель Востока погружается в виртуальные вселенные как новые слои глобальной майи. В обоих случаях homo sapiens становится биологической приставкой к ИИ, управляемой через нейроинтерфейс или экран своего смартфона. Запад и Восток наконец-то нашли общую точку, которую не видел Редьярд Киплинг. Противоположности сходятся.

Единственная мировая культура с иммунитетом от пандемии машинизма – культура русской цивилизации. В этой культуре ИИ – не конец истории, не антихрист и не мессия. Это очередной инструмент, который как атомную энергетику, генную инженерию и интернет можно использовать и во вред, и во благо. В первом случае он ведет к подавлению субъектности и деградации человека по западно-восточному сценарию. Во втором варианте ИИ снимет с земледельца, инженера, учителя, ученого и управленца не субъектность а лишь рутину, открывая им новые горизонты для саморазвития. Выбор сценария – выбор свободный несмотря на все разговоры про «неизбежное будущее» и «законы рынка». На Руси знают: закон – что дышло; куда повернешь, туда и вышло.

Источники:

1. Дэвис Э. Техногнозис. Миф, магия и мистицизм в информационную эпоху. АСТ, 2008. 480 с.
2. Подопрigора А. В. Число и цифра: пифагорейская традиция и метафизика цифровой реальности // Антиномии. 2018. № 3 (18). С. 7–26.
3. Алексеева И. Ю., Аршинов В. И., Чеклецов В. В. «Технолюди» против «постлюдей»: НБИКС-революция и будущее человека // Вопросы философии. 2013. № 3. С. 12–21.
4. Суров И. А. Свобода воли: культурные коды и уроки истории // Ценности и смыслы. 2025. № 1 (95). С. 79–94.
5. Смирнов А. В. Всечеловеческое и общечеловеческое: Европа, Арабский мир, Россия // Концепт: философия, религия, культура. 2020. № 4. С. 7–15.

6. Суров И. А. Законы робототехники Азимова: мировоззренческие основы и когнитивные искажения // Сибирский философский журнал. 2025. № 4. С. 5–24.
7. Суров И. А. Техноязычество: цифровые идола и концентрация управления // Технологос. 2025. № 3. С. 76–90.
8. Зорькин В. Д. Право и вызовы искусственного интеллекта // Российская газета. 2024. <https://rg.ru/2024/06/27/pravo-i-vyzovy-iskusstvennogo-intellekta.html>

I. A. Surov (Saint-Petersburg Academic University)

WORLD CULTURES IN FRONT OF AI CHALLENGE

The socio-psychological, ethical and legal aspects of information technologies are usually seen as universal to humankind. The existing approaches and solutions are usually considered universal, which ignores the identities and unique worldviews of different civilizations. This report examines specificity of attitudes towards information technology and artificial intelligence in Western, Eastern and Russian cultures.

Artificial intelligence, civilization, culture, freedom, subjectness, East, West, Russia

УДК 94(47).083; 94(100)"1914/19"; 94(73).091.3

В. М. Тарелко (Санкт-Петербургский Институт истории РАН,
e-mail: ztarelko141@gmail.com)

АМЕРИКАНСКОЕ ПРИСУТСТВИЕ В ДЕЛЕ ПОМОЩИ РУССКИМ ВОЕННОПЛЕННЫМ В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В данной статье предпринята попытка рассмотреть особенности американского посредничества в деле помощи русским военнопленным, находящимся в Османской империи, в годы Первой мировой войны. Масштаб и значение американского присутствия напрямую зависели от характера российско-турецких переговоров и в целом носили ограниченный характер. Тем не менее американское посредничество оказалось полезным для российского правительства, поскольку выполняло три важные функции: обеспечивало связь с турецким правительством, служило источником информации о положении военнопленных и, что было наиболее существенным, служило проводником прямой материальной помощи между российским правительством и русскими военнопленными в Турции.

Комитет по оказанию помощи русским военнопленным, Г. Моргантау, российско-американские отношения, военнопленные, гуманитарное сотрудничество

Первая мировая война повлекла за собой небывалый ранее поток военнопленных. Эта проблема имела ту же природу, что и снарядный, транспортный и санитарный «голод» – предположение о скоротечности войны. Правительства оказались не готовы ни материально, ни организационно к размещению на своей территории тысяч, а то и миллионов военнопленных. Положение пленных усугублялось также взаимным недоверием враждующих сторон. Эти обстоятельства вынуждали государства искать различные пути помощи соотечественникам в плену, в том числе привлекать к этому делу нейтральные государства. В качестве таковых выступили Соединенные Штаты Америки и Испания. Первоначально эта задача легла на плечи американских и испанских консульских и дипломатических служб. Однако довольно быстро выяснилось, что они не были способны выполнить возложенные на них задачи вследствие нехватки персонала, ресурсов и опыта [1]; [2].

По большей части эти обстоятельства касались русских военнопленных в Германии и Австро-Венгрии. Совершенно иная ситуация складывалась с военнопленными в Османской империи. Несмотря на успехи русской армии на Кавказском фронте, это не предотвратило потерь личного состава вследствие пленения солдат. Однако доля русских военнопленных в Турции по сравнению с Германией и Австро-Венгрией была незначительной и составляла всего

0,23% (5500 человек) от общего числа [3, с. 100]. Естественным следствием этого стало сосредоточение основных усилий царских властей на помощи соотечественникам, томившихся в лагерях Центральной Европы [3, с.100].

Тем не менее вопрос о положении военнопленных периодически возникал в российско-турецких отношениях, порой приобретая острый характер. Из Министерства иностранных дел в Генеральный штаб поступали сведения о бедственном положении русских военнопленных в Османской империи. Содержание этих сообщений, вероятно, было синонимично с описаниями лагерного быта в письмах бывшего начальника Артвинского округа Батумской области Е. Лаврова, находившегося в плену с ноября 1914 года. Он сообщал, что в турецком плену «люди мрут от истощения, отвратительного помещения и отсутствия прогулок. С голода едят сырую траву без разбора, лягушек, черепашек. Болезни никто не лечит. Смертность такая, что на моих глазах в Сивасе за 2 месяца из 1200 человек умерло 900...» [4, с. 207].

Следом эти сведения из Генерального штаба оказывались в распоряжении Комитета по оказанию помощи русским военнопленным, находящимся во вражеских странах, состоящего под Августейшим Ея Императорским Величеством Государыни Императрицы Александры Федоровны под председательством князя Н. Д. Голицыным. На заседании Комитета от 20 августа / 2 сентября 1915 года этот вопрос стал предметом детального обсуждения. В итоге комитет принял решение об оказании денежной помощи соотечественникам через американского посла в Константинополе, первоначально выделив для этой цели 500 турецких лир [5, л. 9].

Уже 24 августа / 6 сентября 1915 года первый товарищ министра иностранных дел обратился к российскому императорскому послу в Вашингтоне Ю. П. Бахметеву с поручением начать переговоры с Государственным департаментом США об организации помощи русским военнопленным через американского посла Г. Моргантау. Перед послом также была поставлена задача связаться непосредственно с американским послом в Константинополе и через него выяснить «истинное положение наших военнопленных...», а также узнать «в каких размерах должно быть оказано в дальнейшем вспомоществование и предпочитает ли Американское посольство предоставление в его распоряжение припасов натурой или же денежными средствами для закупки их на местах» [6, л. 66, 72].

Из последующих документов стало очевидно, что денежная форма помощи оказалась более приемлемой. Комитет Императрицы Александры Федоровны начал ежемесячно перечислять американскому послу по 4500 рублей. К 1 июля 1916 года общая сумма переведенных средств достигла 35 500 рублей [7, с. 2298]. На эти деньги Американский посол приобретал продукты питания и одежду, а часть средств выдавалась непосредственно военнопленным.

Данные средства, как и пожертвования от частных лиц и организаций (например, от Закаспийского областного отделения Комитета Ее Император-

ского Высочества великой княгини Елизаветы Федоровны), первоначально поступали на счет российского императорского посольства в Вашингтоне. Затем они передавались в Государственный департамент США, который через Riggs National Bank of Washington D.C. с отметкой «предназначается для русских военнопленных в Турции» переводил их американскому послу в Константинополе [6, л. 12, 24, 27, 36, 41, 56.].

Деньги от Комитета поступали вплоть до января 1917 года включительно. Последний обнаруженный чек датируется 27 января в размере 9000 рублей с учетом минувшего ноября и декабря 1916 года [6, л. 21]. После Февральской революции денежные средства продолжали поступать на счет Госдепартамента. Последний найденный чек о переводе средств датируется 5 апреля 1917 года [6, л. 2].

Однако российско-турецкие отношения, по оценке историка В. В. Погнахирева, «несли на себе отпечаток взаимного недоверия и подозрительности». Существовало устойчивое убеждение с обеих сторон, что средства, направляемые правительствами своим военнопленным, расхищаются, в следствии чего не доходят до адресатов. В феврале 1916 года Заведующий Центральным справочным бюро о военнопленных генерал-лейтенанта И. А. Овчинников докладывал, что «едва ли возможно иметь твердую уверенность в том, что пересылаемые деньги действительно будут вручены турецкими властями адресатам» [8, с. 33]. Несмотря на эти сомнения, ежемесячные денежные переводы продолжались.

Кроме того, американский посол оказался вовлечен в переговорный процесс по обмену списками военнопленных между воюющими сторонами и организации взаимных инспекций лагерей делегациями Международного комитета Красного Креста в Турции и России [6, л. 56]. В первом случае ситуация развивалась следующим образом. Турецкое правительство игнорировало запросы российских властей о предоставлении списков русских военнопленных, ссылаясь на отсутствие ответных списков от России. В адрес царского правительства неоднократно направлялись «около десятка разного рода требований и напоминаний, исходивших в 1915 – первой половине 1917 года как из Стамбула, так и непосредственно от испанского посольства в Петрограде, и даже от американских дипломатов» [9, с. 123].

Однако в декабре 1915 года товарищ министра иностранных дел уведомил российского посла в Вашингтоне для последующей передачи информации Г. Моргентгау о том, что российское правительство еще в октябре направило два списка турецких военнопленных в Константинополь через Греческий Красный Крест в Бухаресте [6, л. 56]. Американскому послу мало что удалось сделать, поскольку с января 1916 года вопрос перешел в ведение испанского посольства в Петрограде, а с октября 1916 года обе стороны начали обмениваться списками напрямую через ЦСБ [9, с. 124].

Осенью 1915 года российские власти выступили с инициативой, пытаясь через шведское и норвежское правительства получить от Блистательной

Порты разрешение на посещения «на началах взаимности делегатами Женевского комитета Красного Креста мест заключения наших пленных в Турции». Не получив ответа, они просили «содействия в этом вопросе у американцев», что также не дало никакого результата [6, л. 56]. Тем не менее на рубеже 1915 – 1916 годов между Петроградом и Константинополем начались довольно размеренные переговоры по этому вопросу. По итогу осенью 1916 года делегация МККК проинспектировала турецкие лагеря, в которых содержались русские военнопленные. В отчете были отмечены такие недостатки, как: «слабая медицинская помощь, наличие телесных наказаний, предоставления офицерам медикаментов только за плату, отсутствия в помещениях печей, а в умывальниках мыла» и др [8, с. 28]. В свою очередь ответный визит МККК в Россию не последовал, несмотря на то, что имелось разрешение Генерального штаба [Там же].

Таким образом, в условиях пассивного и затяжного характера российско-турецких переговоров по вопросу о положении военнопленных участие американского посла фактически сводилось к «мягкой» посреднической деятельности, которая выражалась в качестве трех основных функций: служить каналом связи с турецким правительством, служить источником информации о положении военнопленных и, что было наиболее существенным, служить проводником прямой материальной помощи между российским правительством и томящимися в турецких лагерях русскими военнопленными.

Источники:

1. Miller M. L. The American YMCA and Russian Culture. The Preservation and Expansion of Orthodox Christianity, 1900-1940. Lanham: Lexington books, 2013. URL: <https://i.twirpx.one/file/3531594/> (Data access 28.07.2025).
2. Steuer K. Pursuit of an «Unparalleled Opportunity». The American YMCA and Prisoner of War Diplomacy during World War I, 1914-1923. Columbia University Press. URL: <http://www.gutenberg-e.org/steuer/index.html> (Data access 28.07.2025).
3. Познахирев В. В. Русско-турецкие взаимоотношения в деле защиты гуманитарного права военнопленных в годы Первой мировой войны // Клио. 2014. № 6. С. 99–101.
4. Лазаренко Е. И. Положение русских военнопленных Первой мировой войны в иностранных лагерях (на материалах личного происхождения) // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2022. Т. 27. Вып. 1. С. 201–209.
5. РГИА. Ф. 525. Оп. 2. Вн. оп. 225/2747. Д. 472.
6. АВПРИ. Ф. 170. Оп. 512/1. Д. 719.
7. Вестник Красного Креста. 1916. № 7.
8. Познахирев В. В. Турецкие военнопленные и гражданские пленные в России в 1914–1924 гг. СПб.: Нестор-История, 2014.

9. Познахирев В. В. Особенности обмена списками военнопленных между Россией и Турцией в годы Первой мировой войны // Клио. 2014. № 8 (92). С. 123–125.

V. M. Tarelko (*Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences*)

**THE AMERICAN INVOLVEMENT IN TERMS OF ASSISTANCE TO
RUSSIAN PRISONERS OF WAR IN THE OTTOMAN EMPIRE DURING
THE FIRST WORLD WAR**

In this article has been attempted to examine the specifics of American involvement in terms of assistance to Russian prisoners of war in the Ottoman Empire during the World War I. The scale and significance of the American participation were generally limited because of directly depended on the nature of the Russian-Turkish negotiations. Nevertheless, American mediation turned out to be useful for Russian government, as it performed three important functions: it provided communication with the Turkish government, served as a source of information about the situation of prisoners of war, and, most significantly, served as a mediator for direct material assistance between the Russian government and Russian prisoners of war in Turkey.

Committee for Assistance to Russian Prisoners of War, Morgenthau, Russian-American relations, prisoners of war, humanitarian cooperation

УДК 327:004.77

М. С. Татаренко (Санкт-Петербургский Политехнический Университет Петра Великого, e-mail: tatarenkom613@gmail.com);

М. Атагылыжова (Санкт-Петербургский Политехнический Университет Петра Великого, e-mail: meryem.01.sam@yandex.ru)

ИНФЛЮЕНСЕРЫ В СЕТЕВОЙ РЕАЛЬНОСТИ КАК АКТОРЫ ЦИФРОВОЙ ДИПЛОМАТИИ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ГОСУДАРСТВАМИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ КОММУНИКАЦИЯХ

В условиях формирования сетевого общества инфлюенсеры становятся значимыми медиаторами международных коммуникаций, влияя на восприятие государств и внешнеполитических процессов широкой аудиторией. Их участие в государственных, культурных и имиджевых кампаниях отражает трансформацию традиционных механизмов публичной дипломатии, в которых важную роль начинают играть персонализированные цифровые каналы. Взаимодействие государств с инфлюенсерами открывает новые возможности для продвижения национальных интересов в глобальной онлайн-среде, но одновременно формирует вызовы, связанные с прозрачностью, достоверностью информации и этическими границами участия частных медиаперсон в политически значимых процессах. В статье анализируются современные практики сотрудничества между государственными структурами и инфлюенсерами, а также их влияние на политические, культурные и социальные коммуникации в сетевой реальности.

Сетевое общество; цифровые коммуникации; инфлюенсеры; публичная дипломатия; цифровая дипломатия; международные коммуникации; государственно-блогерские партнерства; образ государства; глобальная онлайн-среда

Цифровая среда XXI века радикально изменила коммуникационные практики государства. Современные политические и дипломатические институты уже не могут существовать вне сетевой публичности – пространства, где информация создается, распространяется и интерпретируется миллионами пользователей в режиме реального времени. В этих условиях традиционные механизмы публичной дипломатии утрачивают значимость на формирование повестки. На смену им приходит новая экосистема коммуникации, основанная на инфлюенсерах, или, как отмечают исследователи, на «медиазначимых других» [1].

Сотрудничество государства с инфлюенсерами является закономерной реакцией на изменения в медиасреде [2]. Традиционные СМИ пользуются институциональным доверием, а блогеры выстраивают межличностное доверие со своей аудиторией. Благодаря этому государство получает возмож-

ность говорить с людьми «на равных», используя понятные им культурные коды. В результате такое взаимодействие становится элементом стратегии цифровой дипломатии, которая решает комплекс политических, культурных и имиджевых задач.

Актуальность исследования определяется тем, что инфлюенсеры все чаще включаются в дипломатические, имиджевые и международно-коммуникационные кампании государств, выполняя роль посредников между официальными структурами и глобальной аудиторией. Это делает их частью новой архитектуры цифровой дипломатии, логика которой основана на алгоритмах платформ, визуальных форматах и сетевых механизмах формирования доверия.

Цель исследования заключается в анализе инфлюенсеров как акторов цифровой дипломатии и в осмыслении того, как государства используют цифровизацию для создания новых форм международного воздействия. Поскольку цифровая дипломатия функционирует в условиях глобальных платформ, важно учитывать цифровые инфраструктуры, которые определяют архитектуру современного информационного пространства.

Методологическая основа опирается на сравнительно-политический и коммуникационный анализ, а также на изучение кейсов взаимодействия государств с инфлюенсерами в рамках различных официальных и полуофициальных кампаний.

Новизна исследования заключается в рассмотрении инфлюенсеров не как коммерческих медиапосредников, а как новых субъектов цифровой дипломатии, формирующих международные нарративы и влияющих на восприятие государств в глобальном информационном пространстве.

Контекст появления таких партнерств связан с эволюцией дипломатии в цифровую эпоху. С начала 2010-х годов государства осознали, что коммуникация в социальных сетях перестала быть вспомогательной, а стала центральным инструментом влияния. На фоне падения доверия к традиционным медиа (данные Edelman Trust Barometer 2023 показывают, что лишь 43% мировых граждан доверяют новостным СМИ) и роста персонализированных каналов, что породило практическую потребность обращаться к посредникам, обладающим высокой доверием в онлайн-среде, то есть к инфлюенсерам [3]. Цифровизация дипломатии также меняет характер международной конкуренции. Платформы становятся пространством, где государства соревнуются за внимание пользователей, запускают международные кампании, формируют цифровой имидж, создают визуальные стратегии и нативные нарративы. Как раз инфлюенсеры позволяют государствам обойти ограничения традиционных медиа, выйти на молодежные и зарубежные аудитории, внедриться в транснациональные цифровые сообщества.

Институционально, государства адаптировали свои коммуникационные стратегии, вводя новые подразделения по цифровой дипломатии, создавая руководства по работе с социальными сетями и формализуя закупки цифрового

контента. В рамках цифровизации публичной дипломатии сотрудничество между государствами и блогерами получает институциональное оформление. Такие требования как маркировка рекламы, нормы защиты потребителей и законы о финансировании политической рекламы начали затрагивать и сферу инфлюенсер-маркетинга [4]. Этот институциональный слой формирует «правила игры» и определяет юридические рамки сотрудничества. В условиях высокого уровня поляризации и роста недоверия институтам власти скрытые или плохо маркированные партнерства рискуют вызвать обратную реакцию и падение доверия. Государства вынуждены учитывать, что их дипломатические сообщения конкурируют с развлекательным, образовательным и локальным контентом, а значит, должны адаптироваться к тем медиаформам, которые доминируют в цифровой среде. Именно поэтому в последние годы нарастает практика сотрудничества между государственными органами и блогерами.

Когда мы смотрим на методы цифровой дипломатии в рамках партнерства с инфлюенсерами, можно выделить несколько характерных приемов. Один из них это прозрачное сотрудничество, когда государственные ведомства и МИД приглашают блогеров на ознакомительные визиты, туры, культурные мероприятия, дают им доступ к локациям и ресурсам, и затем совместно публикуют контент. В ряде государств сотрудничество с блогерами становится частью долгосрочной дипломатической стратегии: инфлюенсеры выступают «мягкими амбассадорами», которые через личный опыт демонстрируют культурные особенности страны, рассказывают о национальной политике или международных инициативах. Визуальный характер контента позволяет государствам формировать привлекательный имидж и влиять на внешнее восприятие даже в условиях политической напряженности. При этом эффективность подобных проектов зависит от сочетания цифровой аналитики, платформенной оптимизации и способности инфлюенсеров создавать ненавязчивый контент, который воспринимается как личное мнение, а не государственное поручение.

В контексте взаимодействия государств с инфлюенсерами цифровая дипломатия выступает как форма внешнеполитической коммуникации, адаптированная к логике цифровой среды и основанная на использовании сетевых акторов для формирования международных нарративов. Она перестает быть исключительно сферой официальных лиц и переходит в пространство, где ключевую роль играют цифровые платформы, алгоритмы, определяющие скорость, охват и характер восприятия политической информации. Цифровая дипломатия в этих условиях использует потенциал инфлюенсеров для создания эмоционально окрашенных и визуально ориентированных сообщений, способных эффективно транслировать государственные позиции аудитории. Таким образом, она становится механизмом, который соединяет внешнеполитические задачи с культурой сетевой коммуникации, используя цифровизацию как инструмент усиления международного влияния и расширения присутствия государства в мировом информационном пространстве [5].

Интервью Владимира Путина Такеру Карлсону стало показательным примером того, как инфлюенсеры превращаются в значимых акторов цифровой дипломатии. Размещенное на потоковом сервисе Tucker Carlson Network, оно продемонстрировало исключительный охват: спустя 17 часов после публикации интервью собрало около 122 миллионов просмотров в соцсетях и более 6,2 миллиона на YouTube-канале Карлсона [6]. Подобные показатели свидетельствуют о высокой эффективности медиалидеров в распространении государственных нарративов за пределами традиционных каналов внешней коммуникации. В данном случае Карлсон выступил в роли влиятельного посредника – лидера общественного мнения, через которого российский президент смог оперативно донести свою позицию до широкой международной аудитории, усилив влияние официальной дипломатии инструментами сетевой медийной экосистемы.

Несмотря на растущую роль инфлюенсеров, цифровая дипломатия сталкивается с рядом вызовов. Платформенная зависимость делает государства уязвимыми перед алгоритмами частных компаний, которые фактически контролируют распространение дипломатического контента. Политическая поляризация и высокая чувствительность аудитории к манипуляциям увеличивают риск критики и недоверия. Сотрудничество с инфлюенсерами в сфере публичной дипломатии сталкивается с институциональными и правовыми барьерами. Жесткие требования к маркировке контента или нормы о статусе «иностранный агент» осложняют процедуру выстраивания международных партнерств. Более того, сама эта практика может быть интерпретирована как попытка обойти традиционные дипломатические институты, что порождает вопросы о ее прозрачности и, в конечном счете, легитимности [7].

Таким образом, инфлюенсеры становятся значимыми акторами цифровой дипломатии, формирующими новые каналы взаимодействия государств с глобальной аудиторией. Их роль заключается в персонализации внешнеполитических сообщений, адаптации дипломатических нарративов к логике сетевого внимания и расширении инструментов публичной дипломатии за пределы традиционных медиапространств. Цифровизация делает подобные практики неотъемлемой частью международных коммуникаций, однако их эффективность зависит от прозрачности, этичности и точного понимания динамики доверия в цифровой среде.

Источники:

1. Захаркин Р. А., Аргылов Н. А. Инфлюенсеры как медиазначимые другие: современные тренды вторичной социализации. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/inflyuensery-kak-mediaznachimye-drugie-sovremennye-trendy-vtorichnoy-sotsializatsii>. (дата обращения 20.10.2025г.)
2. Цифровая дипломатия: как государства ведут внешнюю политику через соцсети и цифровые платформы. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/51542>. (дата обращения 20.10.2025г.)

3. Edelman Trust Barometer 2023. URL: <chrome-extension://efaid-nbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2023-1/2023%20Edelman%20Trust%20Barometer%20Global%20Report.pdf>
4. Филимонов А. Соцсети, блогеры и государство: новые меры по регулированию Интернета // Интернет-версия системы ГАРАНТ. URL: <https://www.garant.ru/article/543540/> (дата обращения 20.10.2025г.)
5. Impact of Social Media Influencers on Public Policy and Political Discourse URL: https://www.researchgate.net/publication/357308661_Impact_of_Social_Media_Influencers_on_Public_Policy_and_Political_Discourse (дата обращения 20.10.2025 г.)
6. The Vladimir Putin Interview. URL: <https://tuckercarlson.com/the-vladimir-putin-interview>. (дата обращения 20.10.2025г.)
7. Annabell T. Et al. Sponsored by the State: The Private Regulation of Government Influencers //Journal of Consumer Policy. URL: https://www.researchgate.net/publication/395541039_Sponsored_by_the_State_The_Private_Regulation_of_Government_Influencers (дата обращения 20.10.2025г.)

M. S. Tatarenko (Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University);
M. Atagylyzhova (Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University)

INFLUENCERS IN THE NETWORKED REALITY AS ACTORS OF DIGITAL DIPLOMACY: INTERACTION WITH STATES IN INTERNATIONAL COMMUNICATIONS

In the context of the formation of a networked society, influencers are becoming significant mediators of international communications, shaping the perception of states and foreign policy processes among broad audiences. Their participation in state, cultural, and image campaigns reflects the transformation of traditional public diplomacy mechanisms, where personalized digital channels are beginning to play a crucial role. The interaction between states and influencers opens up new opportunities for promoting national interests in the global online environment but simultaneously creates challenges related to transparency, the reliability of information, and the ethical boundaries of involving private media personalities in politically significant processes. The article analyzes contemporary practices of cooperation between state structures and influencers, as well as their impact on political, cultural, and social communications in the networked reality.

Networked society; digital communications; influencers; public diplomacy; digital diplomacy; international communications; state-blogger partnerships; national image; global online environment

УДК 316.776

М. А. Телишева (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: mullykun@mail.ru)

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ КОД КОММУНИКАЦИОННОГО СООБЩЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ КАМПАНИИ «СКАЗКА О БЫТОВОЙ МАГИИ»)

В условиях возросшего интереса к фольклору в массовой культуре его использование в коммерческой коммуникации требует глубокого анализа. Особый интерес представляет региональный кейс калининградской компании «СОХО», обратившейся к русскому фольклору. В ходе анализа ключевых образов сообщений выявлены и интерпретированы частные герменевтические коды.

Коммуникационная кампания, фольклорный образ, сказка, герменевтический подход, герменевтический круг, герменевтический код, диалог, интерпретация

За последние несколько лет в России заметно возрос интерес к фольклору. Это тенденция проявляется в отечественном кинематографе, литературе, индустрии компьютерных игр и других отраслях, оказывающих влияние на массовую культуру.

«Сказки – то, что помнят все; то, что ассоциируется с детством, безопасностью, счастьем. Это объединяет людей» [1]. Поэтому использование фольклорных образов в коммуникационной деятельности – это мощный пласт для создания глубокой эмоциональной связи с целевой аудиторией.

Особенно примечательная такая тенденция для Калининграда, который является анклавом с уникальной историко-культурной идентичностью. Обращение местного бизнеса к общеславянскому фольклору, а не, например, к немецкому наследию, весьма интересный культурный феномен.

Компания «СОХО» является крупной розничной сетью, продающей бытовую технику и электронику, которая была основана в Калининграде. Данная организация запустила в преддверии ноябрьского скидочного сезона и приближающегося нового года коммуникационную кампанию под названием «Сказка о бытовой магии», основанную на фольклорных образах.

В статье предпринимается попытка определить специфику использования фольклорных образов для построения коммуникационной кампании коммерческой организации с позиции герменевтического толкования.

В качестве важнейшего методологического подхода кажется наиболее продуктивным обращение «к традиции герменевтического анализа в научно-исследовательской парадигме коммуникативного опыта» [2].

Важнейшими теоретическими концептами являются герменевтический круг, диалог и теория герменевтического кода Р. Барта. Последовательное их применение позволяет осуществить данное исследование. Герменевтический круг описывает общий смысловой процесс взаимодействия зрителя с сообщением. Диалог становится неременным условием осуществления взаимодействия. Теория кодов Р. Барта позволяет понять, как именно фольклорный образ трансформируется в убедительный рекламный аргумент.

Успешная коммуникация, согласно Гадамеру, происходит не через отказ от своего горизонта, а через его расширение и слияние с горизонтом другого [3]. Коммуникационная кампания «СОХО» рассчитана на то, что горизонт ожидания целевой аудитории включает: культурный багаж (знание русских сказок); бытовой опыт (понимание практической пользы техники); потребность (желание «чуда» или простого и быстрого решения проблем).

Таким образом, целевая аудитория смотрит на рекламу «СОХО» не с чистого листа, а со своим пониманием фольклорных персонажей. Компания вступает с ней в диалог, рассчитывая на это знание.

Рекламный текст как «плотный текст» требует интерпретации. Восприятие рекламного текста реципиентом исходит из собственного опыта извлечения из структуры памяти всевозможных кодов. Так рекламное сообщение, основанное на коммуникационной концепции «Сказка о бытовой магии», состоит из двух уровней:

Поверхностный уровень. Его задача – привлечь внимание и закрепиться в памяти через мгновенную узнаваемость образа и провокацию эмоциональной реакции.

Глубинный уровень. На этом уровне происходит основная работа по расшифровке скрытого вопроса и формированию убеждения. Именно здесь фольклорные коды выполняют роль семантического «ключа», обеспечивающего общий для создателей и аудитории смысловой фундамент. Они переводят утилитарную функцию товара в план мифа и архетипа, придавая ему экзистенциальную значимость.

Ролан Барт отметил, что многие увлекательные тексты строятся как загадки. Они выступают опорами, которые обещают читателю разгадку, но утаивают или задерживают окончательный ответ до самого конца. Задача же герменевтического кода заключается в выделении формальных единиц, которые и позволяют сконцентрировать, загадать, сформулировать, ретардировать и, наконец, разгадать загадку [4]. Такие коды создают напряжение и вовлеченность, заставляя зрителя активно участвовать в создании смысла.

Рекламная коммуникация выступает полем для диалога. Как канал коммуникации она предлагает реципиенту самостоятельно пройти путь от загадки к ответу, тем самым глубже закрепляя итоговый вывод. Зритель разгадавший код, чувствует себя сообразительным и вовлеченным, а не просто объектом для воздействия.

С помощью перечисленных герменевтических инструментов можно проанализировать фольклорных персонажей, используемых в рекламных баннерах.

Кощей Бессмертный как код вечного хранения. В общеславянском фольклоре данный образ выступает как архетип Абсолютного Зла, Хранителя и Скупца [3, с. 30]. Его ключевая характеристика – не просто бессмертие, а его зависимость от спрятанного, охраняемого объекта (яйца). Это делает его идеальным воплощением идеи ценности, изъятой из времени и требующей максимальной защиты.

Работа герменевтического круга:

1. На баннере изображен Кощей Бессмертный. У целевой аудитории уже есть предварительное понимание: это злой сказочный персонаж.

2. Но Кощей находится в странном контексте – на фоне современного интерьера и холодильника, который находится прямо за ним. Это не вяжется с первоначальным пониманием его образа.

3. Снова возвращаемся к баннеру, чтобы понять замысел. И вот в глаза бросается деталь – Кощей в руках держит яйцо, то самое яйцо, в котором заключена смерть его.

4. Так запускается анализ, в ходе которого приходит понимание того, что Кощей изображен на рекламном баннере не как отрицательный персонаж, а хозяин, которому важно сохранить свою «смерть» – яйцо, поэтому на фоне холодильника.

5. Так понимание данного рекламного баннера как «целого» меняется в части, связанной с Кощеем Бессмертным. Теперь целое это реклама об эффективном хранении.

В результате слияния горизонтов рождается новый смысл: холодильник наделяется «кощевыми» свойствами абсолютного хранителя, переводя утилитарную функцию в экзистенциальную плоскость.

Баба Яга как код магической трансформации. Архетипическая основа данного образа заключается в архетипе Мудрой Прародительницы, Хранительницы Границ и Обладательницы Тайного Знания. Ее ключевая функция в сказочном пространстве – трансформация героя или вещей. Она олицетворяет магическое, интуитивное претворение сырого в готовое, хаоса в порядок.

Работа герменевтического круга:

1. На рекламном баннере изображена Баба Яга. У целевой аудитории уже есть предварительное понимание: это сказочный персонаж, обладающий магическими силами.

2. Но Баба Яга на баннере стоит на кухне, а вместо традиционного котла над огнем или ступы с метлой рядом находится современная духовка.

3. Так запускается анализ, в ходе которого приходит понимание того, что она не колдует над котлом, потому что наблюдает за готовкой в духовке. Акцент смещается на результат трансформации.

4. Так понимание данного рекламного баннера как «целого» меняется в части, связанной с Бабой Ягой. Это реклама не о колдовстве, а о пользе бытовой техники.

В сказке она варит зелья в котле, но на рекламном баннере она использует для этого духовку. Итак, выстраивается следующий скрытый диалог, где магическое превращение ингредиентов в готовый продукт сменяется на технический процесс термообработки.

В результате слияния горизонтов рождается новый смысл бытовая техника становится проводником «кулинарной магии», делая сложные превращения простыми и доступными. Авторитет фольклорного персонажа служит подтверждением эффективности прибора.

Кот-Баюн как код абсолютного погружения и контроля. В восточнославянском фольклоре Кот-Баюн – существо, которое обладает магическим голосом. Он способен усыплять своими сказками или пением, лишая воли и погружая в глубокий сон или транс. Однако, если удастся поймать Кота Баюна, он становится верным помощником, а его сказки обретают целебные свойства. Это архетип Властителя Звука и Пограничника между сознанием и бессознательным. Его сила – в управлении акустическим пространством и психическим состоянием слушателя через магию повествования и звука.

Работа герменевтического круга:

1. На рекламном баннере изображен Кот-Баюн. У целевой аудитории уже есть предварительное понимание, что это не обычный кот.

2. Но вокруг Кота-Баюна изображена золотая цепь, а рядом с ним изображен саундбар.

3. Так запускается анализ, в ходе которого приходит понимание того, что магический голос кота подчинен и визуально ассоциирован не с ним самим, а с технологичным устройством – саундбаром.

4. Так понимание данного рекламного баннера как «целого» меняется в части, связанной с Котом-Баюном. Это реклама не о магическом влиянии, а о погружающем, высококачественном звуковом опыте через технику.

В результате слияния горизонтов рождается новый смысл саундбар наделяется свойствами фольклорного образа. Он становится не просто колонкой, а инструментом магического преобразования домашнего пространства и контроля над эмоциональным состоянием пользователя. Покупка техники интерпретируется как обретение власти над звуком, ранее доступной лишь при помощи сказочного существа.

Проведенный анализ данных фольклорных образов демонстрирует коммутационную логику, которая раскрывается через частные герменевтические коды. Они являются вариациями центрального мета-послания: «Технология – это реализованная, доступная и надежная магия повседневности. «СОХО» предлагает не просто товары, а воплощение сказочных возможностей». Таким образом, герменевтический анализ позволяет вскрыть глубинный меха-

низм взаимодействия, где покупка техники рекламируется как акт приобщения к «бытовой магии».

Герменевтический подход является важнейшей методологией для вскрытия глубинных смысловых кодов, заключенных в сообщениях компании к целевой аудитории. Она позволяет перейти от описания образов к пониманию того, как именно они сливаются в единый горизонт ожидания с целевой аудиторией.

Источники:

1. Эскапизм или богатая мифология: в чем причина популярности кино-сказок?/ Мария Самарина/ «Постньюс». URL: <https://postnews.ru/a/29580> (дата обращения: 10.12.2025).
2. Шарахина Л. В., Шашкова Н. В. Исследовательский дизайн герменевтики в методологической парадигме коммуникативистики//Информация – Коммуникация – Общество (ИКО–2025): Труды XXII Всероссийской научной конференции с международным участием / Санкт-Петербург, 23 – 24 января 2025 г. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ, 2025.
3. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988.
4. Барт Р. S/Z. М.: Академический проект, 2009.

M. A. Telisheva (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

HERMENEUTICAL CODE OF A COMMUNICATION MESSAGE (USING THE EXAMPLE OF THE «TALE OF HOUSEHOLD MAGIC» CAMPAIGN)

Given the increased interest in folklore in popular culture, its use in commercial communication requires in-depth analysis. Of particular interest is the regional case of the Kaliningrad company «COXO», which turned to Russian folklore. During the analysis of key message images, private hermeneutical codes were identified and interpreted.

Hermeneutics, communication campaign, folklore character, fairy tale, hermeneutic approach, hermeneutical circle, hermeneutical code, dialogue, interpretation

УДК 81'42+811

А. В. Толокова (Санкт-Петербургский государственный экономический университет, e-mail: tolokowaalina@gmail.com)

ЖАНРОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ «ЛОНГРИДА» КАК ФОРМАТА ЦИФРОВОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

Рассматриваются жанровые характеристики «лонгрида» как синкретичного формата цифровой журналистики. Исследуется взаимодействие вербальных и визуальных компонентов в структуре медиатекста и выявляются особенности его нарративной организации. Уточняются лингвистические особенности формата и определяются функциональные возможности лонгрида в современной медиасреде.

Лонгрид, мультимодальность, жанр, жанровые характеристики, цифровая журналистика, структура повествования, лингвистические особенности, формат

Стремительное развитие технологий и рост доступности больших объемов информации в корне трансформировали систему журналистских жанров XXI века: способы распространения, потребления и восприятия контента изменились, а традиционные формы – новость, репортаж, очерк – далеко не всегда отвечают запросам современной аудитории. В ответ на это возросла потребность в форматах, которые способны удерживать внимание читателя и глубоко раскрывать тему. Одним из подобных форматов является лонгрид – объемный, структурированный, мультимедийный текст, адаптированный к возможностям цифровых платформ. Лонгрид представляет собой синкретический медиапроект, сочетающий в себе элементы нескольких жанров классической журналистики и методов подачи информации.

Следует отметить, что, несмотря на широкое распространение лонгрида и активное использование этого формата в цифровых СМИ, его статус как самостоятельной категории остается предметом дискуссий. Традиционно жанры журналистики определяются как «устойчивые типы публикаций, объединенных сходными содержательно-формальными признаками» [1, с. 15]. Так, лонгрид характеризуется «системностью темы (новое явление, системное расследование), глубоким и длительным исследованием темы журналистом с использованием большого количества источников информации и большим объемом текста в сочетании с высокой плотностью смысла и претензией на исчерпанность данной темы» [2], что отличает его от традиционных форм. Особенности формата наиболее заметны в цифровой среде, где «онлайн-коммуникация не только приводит к диффузии жанров и форматов, но и предполагает смешение разных типов дискурса» [3, с. 15]. Анализ лонгрида как нарратива подтверждает эту тенденцию: Л. Н. Шевченко приходит

к выводу, что традиционные жанры журналистики теряют актуальность, уступая место новым мультимедиа-жанрам [4, с. 91]. При этом, как отмечает А. Ю. Климко, несмотря на наличие содержательно-формальных признаков, лонгрид не образует самостоятельную категорию: в каждом тексте сочетаются элементы различных журналистских форм, однако при этом всегда заметно преобладание характеристик конкретного типа [5, с. 167]. В связи с этим исследование лонгрида как жанровой единицы кажется особенно целесообразным: анализ лингвистических, структурных и медиа-прагматических характеристик позволит глубже понять природу формата, его функциональные возможности и место среди современных СМИ. Мы разделяем позицию А. В. Колесниченко: «лонгрид отличается от традиционных жанров рядом ключевых характеристик» [2]. Особенности этого формата можно условно объединить в три группы: содержательные, композиционные и мультимедийные.

Содержательные особенности обусловлены объемом и глубиной повествования. Ключевая характеристика формата отражена уже в его названии: термин лонгрид (англ. Long – «длинный» и read – «читать») дословно переводится как «длинное чтение». Количественный параметр действительно является значимым: средняя длина англоязычного лонгрида составляет не менее 2000 слов [6, с. 5]. Однако определяющим фактором выступает не столько объем текста, сколько степень и способ раскрытия темы. Лонгрид предполагает детальное и всестороннее освещение проблемы, включающее фактический материал, контекстуализацию и аналитическую интерпретацию, что позволяет читателю сформировать целостное представление о рассматриваемом явлении. В этом смысле нарративность и системная организация информации выступают ключевыми содержательными признаками формата, отличающими его от кратких новостных сообщений, ориентированных прежде всего на оперативность.

Лонгриду свойственна мультимодальность, текст лонгрида как правило сопровождается фотографиями, видео, инфографикой, графическими материалами, а также иными визуальными или интерактивными компонентами. Такое сочетание способствует усилению когнитивного воздействия на читателя, расширяет выразительные возможности текста и способствует усваиванию и восприятию информации. Нередко интеграцию аудиовизуальных элементов рассматривают как жанрообразующую характеристику формата. Мультимодальность лонгридов – часть стратегии удержания внимания аудитории. В условиях распространенного сегодня многозадачного потребления медиаконтента и популярности микроблогов интерес к объемным, структурно и визуально-сложным материалам демонстрирует стремление аудитории найти баланс между информативностью и развлечением. В таком контексте лонгрид представляет собой не просто «текстовую массу», а комплексный мультимедийный продукт, цель которого – удержать читателя на платформе продолжительное время посредством одного материала, одновременно по-

вышая престиж медийного бренда и конкурируя с краткими поверхностными новостными форматами [7, с. 82].

Однако некоторые исследователи уточняют, что мультимедийная насыщенность не является критерием, определяющим сущность жанра. Так, А. В. Колесниченко отмечает: «несмотря на то что лонгриды хоть и принято сопровождать большим количеством иллюстраций, лонгрид останется лонгридом, даже если материал будет представлять собой только текст без иллюстраций» [2]. Тем не менее фокус с количественного аспекта мультимедийных элементов, интегрированных в текст, стоит сместить на качественный. Использование репортажных вставок, звуковых и интерактивных элементов, а не только фотографий и инфографики, свойственных схожим по объему форматам создает «эффект присутствия» и формирует специфическую для жанра многослойность восприятия.

Композиционная и структурная нестандартность выделяет лонгрид среди иных жанров журналистики. В отличие от «классической» газеты, лонгрид может быть выстроен не по методу «перевернутой пирамиды» – когда приоритетность информации убывает от начала текста к его завершению – а как развернутое повествование, разбитое на смысловые блоки [8, с. 428]. Каждый блок посвящен отдельной истории, он обладает собственной визуальной композицией и дизайнерским оформлением. При этом данные блоки остаются связаны общей темой и образуют цельное повествовательное пространство. Одна из особенностей композиции – отказ от строгой линейности. Применение нелинейного повествования – через чередование сюжетных линий, вставные микросюжеты, репортажные фрагменты или интерактивные элементы – позволяет автору контролировать темп повествования, распределять акценты и управлять вниманием читателя более гибко, чем в традиционных форматах.

Лингвистические особенности лонгрида во многом определяются спецификой его дискурсивной природы, сочетающей элементы журналистского, документального и нарративного дискурсов. Поскольку любой институциональный дискурс, включая журналистский, реализуется «через набор присутствующих ему жанров, предполагающих коммуникативные стратегии и тактики воздействия, осуществляемые посредством выбора определенных языковых средств», лонгрид использует расширенный арсенал речевых и структурно-композиционных инструментов [9, с. 4]. Одним из ключевых параметров является обеспечение когезии и когерентности, то есть связности и логической последовательности материала. Единство информации, «логичность, последовательность и целостность излагаемого материала» формируют доверие аудитории [9, с. 4]. В лонгриде когезия обеспечивается анафорическими и катафорическими связями, лексическими повторами, тематической прогрессией и тщательно выстроенной композицией каждого блока. Когерентность, в свою очередь, достигается за счет комплексного нарратива: чередования сюжетных линий, маркировки хронотопа события, интеграции репортажных

эпизодов, аналитических вставок и микросюжетов, создающих многослойное смысловое пространство. Важную роль в формировании смысловой структуры лонгрида играют интертекстуальные механизмы. Данный формат активно использует отсылки к документальным источникам, архивным материалам, экспертным высказываниям, а также элементам художественной и массовой культуры, что способствует расширению семантического поля и углублению интерпретационного потенциала текста. Посредством интертекстуальности лонгрид формирует многослойное смысловое пространство, в котором фактическая информация дополняется культурными и дискурсивными контекстами, а интердискурсивность позволяет гибко комбинировать различные способы отражения действительности в рамках единого нарратива.

Источники:

1. Тертычный А. А. Жанры периодической печати. М.: Аспект Пресс, 2014.
2. Колесниченко А. В. Длинные тексты (лонгриды) в современной российской прессе // Медиаскоп. 2015. № 1. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1691> (дата обращения: 08.12.2025).
3. Steensen S. Online feature journalism: A clash of discourses // Journalism Practice. 2009.
4. Шевченко Л. Н. Лонгрид как нарративный текст // Лингвистические исследования и их использование в практике преподавания дисциплины «Русский язык и культура речи»: материалы I Международной научно-методической конференции. М., 2018.
5. Климко А. Ю. Портретный очерк в формате лонгрида // Медиасреда. 2017. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/portretnyy-ocherk-v-formate-longrida> (дата обращения: 08.12.2025).
6. Jacobson S., Marino J., Gutsche R. The digital animation of literary journalism // Journalism. 2015. № 17. URL: https://www.researchgate.net/publication/273181655_The_digital_animation_of_literary_journalism (дата обращения: 08.12.2025).
7. Пуля В. Журналист-дирижер: 5 уровней восприятия медиа // Сборник статей открытой сессии «Медиаконвергенция, которая изменила мир», РГГУ. 2014. URL: <https://dokumen.tips/education/-556fd63fd8b42af8088b493d.html?page=3> (дата обращения: 08.12.2025).
8. Самарцев О. Р. Творческая деятельность журналиста: очерки теории и практики: уч. пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Академический Проект, 2013.
9. Котова Е. О. О специфике виртуального журналистского дискурса в аспекте лингвоэкологии (на примере русскоязычных лонгридов) // Огарев-Online. 2019. № 8 (129). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-spetsifike-virtualnogo-zhurnalistskogo-diskursa-v-aspekte-lingvoekologii-na-primere-russkoyazychnyh-longridov> (дата обращения: 08.12.2025).

A. V. Tolokova (Saint Petersburg State University of Economics)

**GENRE CHARACTERISTICS OF THE LONGREAD AS A FORM OF
DIGITAL JOURNALISM**

The article examines the genre characteristics of the longread as a syncretic format of digital journalism. It analyses the interaction between verbal and visual components within the structure of the media text and identifies the specific features of its narrative organization. The study also clarifies the linguistic properties of the format and outlines the functional possibilities of the longread within the contemporary media environment.

Longread, multimodality, genre, genre characteristics, digital journalism, narrative structure, linguistic features

УДК: 141.155

В. В. Тузов (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: tuzov_1950@mail.ru)

ФЕОДАЛИЗМ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ КАК ФОРМА САМООРГАНИЗАЦИИ ЕЕ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Рассматривается процесс самоорганизации социального пространства феодальной Европы с точки зрения синергетических закономерностей.

Европа, феодализм, самоорганизация, исторический процесс

Развитие истории до сих пор отражается в научной литературе неоднозначно. Нет единого мнения о том, как развивается человеческое общество. Есть мнение, что история развивается эволюционно, ему противоречит представление о том, что это происходит революционно. Одни авторы признают наличие законов, которые определяют ход истории, другие считают, что главным действующим лицом истории являются выдающиеся деятели. По мнению ряда авторов, вся история – это история отдельных локальных цивилизаций. Маркс предложил рассматривать историю как естественноисторический процесс, когда одни общественно экономические формации сменяют друг друга по мере развития. Марксисты дополнили Маркса и представили исторический процесс как цепочку ОЭФ, когда одна формация заменяет другую по мере развития производительных сил. Однако такое представление противоречит историческим фактам. По мнению представителей этой точки зрения, рабовладельческая ОЭФ Европы достигнув максимума в развитии производительных сил, вынуждена была перейти в более совершенную форму феодальной общественно экономической формации. По мнению автора, исторический процесс развивался несколько иначе. Маркс выделял три ступени развития истории: бесклассовое общество, классовое общество и возврат к бесклассовому обществу на более высокой ступени развития. Поскольку Маркс был диалектиком, то исторический процесс у него подчиняется диалектическому закону двойного отрицания, смысл которого Гегель выразил формулой «Тезис-антитезис-синтез». Переход от одного состояния к другому происходит через скачки, как предписывает другой диалектический закон взаимного перехода количественных и качественных изменений. Однако сам скачек в данном случае не рассматривается. Ф. Энгельс, рассуждая о социализме говорит о необходимости переходного периода от капитализма к коммунизму для того, чтобы сформировался новый человек с новым мышлением. Но аналогичная проблема была и на рубеже перехода от бесклассового общества к классовому. Необходимо было сломать веками формировавшуюся общественную психологию, традиции, которые возникающее неравенство в среде первобытной общины нивелировали,

предписывая соответствующие действия со стороны общины. Исходя из этого предположения о необходимости переходного периода при переходе от бесклассового общества к классовому попробуем рассмотреть этот процесс на примере трансформации Римского общества пятого века под влиянием внутренних и внешних факторов и возникновения феодального общества как преемника Римской империи. Автор исходит из того, что ряд формаций, если пользоваться терминологией марксизма не являлись подлинными формациями по типу существующих в них отношений. Способ производства специфический и имеет у Маркса название, но тип отношений смешанный, когда присутствует и равенство, и неравенство, характерное для классового общества.

Сами классики марксизма отмечали эту особенность предшествовавших капитализму формаций. Только при капитализме упали покрывала патернализма, которые маскировали классовый характер феодальных отношений. Другими словами, только капиталистическая общественно экономическая формация представляет собой чистую форму проявления классовых отношений, когда «каждый за себя один бог за всех». Капитализм с точки зрения синергетики представляет собой неравновесную систему в чистом виде без примеси равновесности. Другие формации, такие как рабовладельческая и феодальная являются примерами переходных форм от первобытного бесклассового общества к классовому. В этих обществах с одной стороны есть богатые и бедные, знатные и не знатные, рядовые, но есть и забота со стороны государства о свободных гражданах как в Древней Греции, так и в Древнем Риме. В феодальном обществе феодал должен был заботиться о своих арендаторах и вассалах в трудные для них периоды. Этот момент отражался в кодексе рыцаря.

Что представляет собой феодальная общественно экономическая формация? Это в терминологии теории диссипативных структур или синергетике есть социальный хаос. Этот хаос на протяжении многих веков методом проб и ошибок пытался превратиться в социальный порядок.

Что произошло на Европейской территории в период падения Рима и возникновения нового состояния европейского общества? Столкнулись две цивилизации: умирающая рабовладельческая (Римская) и умирающая первобытнообщинная (варварская периферия). Первобытнообщинная формация пыталась стать Римом, но для этого у нее не было предпосылок. Рим пытался сохранить себя в прежней форме, но у него на это не было сил. В результате идея Рима осталась, а реальностью стал социальный хаос, т. к. и старая римская и варварская цивилизации распались на мелкие части. По какой причине не случилось предсказанного марксистами перехода от высокоразвитой римской цивилизации к чему-то более эффективному по типу отношений?

Феодализм не являлся более высокоразвитой формой отношений или способом производства чем рабовладение. Феодализм являлся логически последовательной формой существования разрушившегося первобытнообщинного строя, который принесли варвары на территорию Рима. Рабовладельческие отношения потерпели крах не из-за того, что они были менее привлекательными,

чем феодальные отношения, а из-за того, что исчезли рабы вследствие двух эпидемий, а новых взять было уже негде. Соседние племена окрепли и были в состоянии защитить свою свободу. Кроме того, шла постоянная борьба за власть вооруженными средствами между претендентами на императорскую должность в Риме. Произошла экономическая, культурная и нравственная деградация о чем писал Августин Аврелий [1].

Ж. Ле Гофф пишет: «Варвары пытались воспринять по возможности все высшее, что осталось от Римской империи, особенно в области культуры и политической организации. Но здесь, как и во всем прочем, они ускорили, отягчили усугубили упадок, наметившийся в эпоху поздней империи. Закат они превратили в регресс, утроив силу варваризации: своим варварством они амальгамировали варварство одряхлевшего римского мира и выпустили наружу дикие примитивные силы, скрытые ранее лоском римской цивилизации» [2, с. 35].

Еще один пример из этой же работы: «Наконец, мы видим упадок системы управления и уничтожение власти. Франкский король, возводимый на трон поднятием его на щите, в качестве инсигний, вместо скипетра или диадемы, имел лишь копье, а его отличительным знаком являлись длинные волосы («rex crinitus»). Этаким царь Самсон с гривой волос, переезжавший из одного своего владения в другое в сопровождении нескольких писцов, домашних рабов и гвардии антрустионов. И ко всему этому прилагались дивные титулы, позаимствованные из словаря поздней Римской империи» [2, с. 37].

Большую роль в средневековье играла церковь, но и она подверглась деградации. Ж. Ле Гофф пишет: «В хаосе варварских нашествий епископы и монахи, св. Северин например, стали универсальными руководителями разваливающегося общества: к своей религиозной роли они прибавили политическую, вступая в переговоры с варварами, хозяйственную, распределяя продовольствие и милостыню, социальную, защищая слабых от могущественных, и даже военную, организуя сопротивление или борясь «духовным оружием», когда нет оружия материального. Силой обстоятельств они пришли к клерикализму, смешению полномочий.

Но церковное начальство, само варваризовавшееся или неспособное бороться с дикостью магнатов и народа, шло на уступки в духовной сфере и в религиозной практике» [2, с. 37].

Этой анализ историка подтверждает мысль о том, что феодализм демонстрировал не преемственность одной ОЭФ другой более развитой. Он показывает, что феодализм есть неорганизованное социальное пространство, где люди пытаются выживать кто как умеет.

Феодальная раздробленность Европы вместо Римской централизации в рамках империи произошла по целому ряду причин и как мне представляется, главная причина состояла в том, что надо было производить продукты питания, необходимые для жизни. В условиях распада прежних экономических отношений рабовладения произошел переход к естественной для человека и при-

вычной для варваров форме производства средств существования и прежде всего продуктов питания: сельское хозяйство в рамках либо отдельной семьи, либо общины. Большие наделы земли (феоды), которые достались бывшим военачальникам варваров обрабатывались арендаторами, у которых не было земли. Феодал крестьянину не был нужен для производства. Феодалы, это группа людей, не приспособленная для производства чего-либо. Они привыкли воевать, владели оружием и были способны организовывать людей для каких-либо задач. Говоря современным языком это были банды разбойников, которые могли и хотели существовать за счет грабежа бывших соратников и соплеменников. Поэтому крестьяне вынуждены были платить налог своему феодалу за то, чтобы он защищал их от других феодалов. Как писал Гоббс: «Война всех против всех». Но такое положение вещей не приемлемо для производства. Поэтому появлялись лидеры, которые пытались объединить враждующих феодалов под своей властью, прекратив таким образом междоусобную войну.

Каролинги вместе с церковью объединили часть Европы, но «Грандиозное здание каролингской монархии в течение IX в. стало быстро разваливаться под совместными ударами внешних врагов – новых завоевателей – и внутренних сил дезинтеграции» [2, с. 46]. Эта пульсация процесса самоорганизации социального пространства Европы, когда объединения возникают, распадаются, возникают новые и т. д. не прекратилась и в настоящее время, т.к. не закончился период развития социума в фазе самоорганизации.

Самоорганизация не возникает на пустом месте. Для этого должна быть причина. Такой причиной с точки зрения автора является заложенный в генетику человека инстинкт «доминирования-подчинения», стремление индивида стать первым и получить возможность более полного и в первую очередь удовлетворения жизненно важных потребностей и возможность передать свои качества потомству. Данный инстинкт заставляет индивидов конкурировать друг с другом за ресурсы. Поэтому история Европы – это история войны между феодалами с целью грабежа, и с целью подчинения соседей своей воле.

Как возникает самоорганизация? На социальной среде появляется лидер (флуктуация, аттрактор), который разными средствами собирает вокруг себя тех, кто попадает в сферу его интересов. Над умами таких лидеров довлеет идея великого Рима. Некоторым лидерам удастся объединить вокруг себя соседей дальних и ближних, но с их уходом, как правило, такая кооперация распадается по разным причинам.

На ее разрушение, так же, как и на объединение, влияет стремление человека быть первым. Лидеры, входящие в объединение и недовольные своим положением запускают своими действиями процесс диссипации (рассеивания), процесс разрушения кооперации. Таким образом средние века в Европе есть попытка самоорганизации ее социального пространства. Постепенно, видимо с появлением возможности содержать большую армию, плюс с поддержкой лидера того или иного возникшего объединения Папой Римским, временные объединения становятся постоянными и принимают форму государств. Теперь в

конкуренцию вступают уже не отдельные феодалы, а короли от лица своего государства. Попытка объединить разрозненные группы будь то феодальное княжество или феодальное государство, не может увенчаться успехом из-за внутренних разногласий лидеров, участвующих в процессе самоорганизации. Мировые войны в Европе показали тщетность попыток определенных элитарных групп создать новую империю по примеру Римской. Такие объединения противоречат механизму самоорганизации и его законам. Даже если удастся на короткое время объединить разрозненные государства, конкуренция разорвет их по мере ослабления внутренних связей и под воздействием внешних вызовов.

Источники:

1. Тузов В. В. Роль нравственного аспекта в обеспечении устойчивости социальной системы в философии Августина Аврелия // Труды XIX Всероссийской научной конференции / Санкт-Петербург, 2 – 3 февраля 2022 г. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ, 2022 С. 315–319
2. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / Общ. ред. Ю.Л. Бессмертного; Послесл. А. Я Гуревича. М.: Издательская группа Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. 367 с.

V. V. Tuzov (Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI")

FEUDALISM IN MEDIEVAL EUROPE AS A FORM OF SELF-ORGANIZATION OF ITS SOCIAL SPACE

The process of self-organization of social space in feudal Europe is examined from the perspective of synergistic patterns.

Europe, feudalism, self-organization, historical process

УДК 165

А. И. Тюрин (Национальный исследовательский Томский государственный университет, e-mail: tyurin.ai.sovj@stud.tsu.ru)

ПОСТМОДЕРН И НАУКА: ПРОБЛЕМА ВЗАИМОСВЯЗИ

Рассматривается трансформация мировоззрения европейского человека в переходный период от модерна к постмодерну в связи с изменениями в научной рациональности. Показывается, как кризис классической науки и становление неклассического типа научной рациональности на рубеже XIX–XX веков способствовали утрате доверия к метанарративам модерна. Особое внимание уделяется роли физики в дестабилизации современной картины мира и формировании постмодернового сознания. Работа подчеркивает глубокую взаимосвязь между трансформациями в науке и культурно-философскими сдвигами эпохи.

Модерн, постмодерн, метанарратив, научная рациональность, классическая наука, неклассическая наука, мировоззрение

Несмотря на то, что термин «постмодерн» вошел в широкий философский дискурс после выхода работы Ж.-Ф. Лиотара [1], описываемая культурная эпоха началась за несколько десятилетий до этого. Осмысляя произошедшую переориентацию европейского человека на новый тип мышления, Ж.-Ф. Лиотар выделил главную черту постмодернизма – недоверие к метанарративам, или же «крах» метанарративов. «...Публичный миф, в котором отражены доминирующие социальные представления и официальные версии прошлого, настоящего или будущего... Метанарративы предлагают человеку набор символов, образов, объяснений, руководств к действию и т. д., которые в ходе социализации становятся основой его мировоззрения» [2], – вот, чем являются метанарративы. Метанарративы выполняли фундаментальную роль в становлении техногенной цивилизации. Они служили ей в качестве надежного мировоззренческого основания.

Окончательно утвердившись к Новому времени, такими мировоззренческими основами были: вера в мощь человеческого разума, в возможность объективной истины и полноту научного объяснения. Вера в разум затмила все иррациональное в человеке: новоевропейского человека интересовало уже не столько спасение своей души, сколько идея постоянного прогресса. Масштабную объективацию этой идеи мы можем видеть в познании, системной организации всех сфер общества, универсальных нормах морали, права, даже в искусстве.

Анализируя сложившуюся в модерне ситуацию, историк и теоретик культуры Й. Хейзинга также пишет, что кризис модерна был вызван завышенными притязаниями науки «на мировое господство», включая господство

в мире ценностей, определяющих жизнь человека [3; 4]. Далее, Й. Хейзинга поясняет, что наука заместила другие области культуры, дав ощущение, что «мы приближаемся к развязке» [4]. На науку были возложены большие надежды, как на единственное, что способно дать окончательные ответы на все вопросы и улучшить жизнь.

Успехи классической науки укрепляют веру в разум в обществе. В эпоху Просвещения наука берет на себя воспитательную функцию и формирует мировоззрение. Е. Жаринов пишет: «В соответствии со всей системой взглядов просветителей, с верой в великую преобразующую силу разума находилось их особое внимание к проблемам воспитания... Просветительское искусство дидактично, и этот дидактизм является сознательной установкой. Они развивают идею о воспитательном значении искусства, считая, что искусство призвано просвещать людей...» [5]. Просвещение выступает квинтэссенцией метанарративов современной культуры и затрагивает все ее сферы.

Механицизм и физикализм – ключевые черты научной картины мира того времени. Они также задают тренды и образцы систематизации и универсализации духовно-правовой сферы культуры. Например, Ш. Фурье и А. Сен-Симон работали над идеей исследования социальной жизни на основе механики И. Ньютона, а ученик А. Сен-Симона О. Конт, который считается создателем социологии, называл последнюю «социальная физика» [6]. Е. В. Спекторский же выдвигает идею, что социальная физика как феномен появляется в модерне задолго до О. Конта [7]. Точнее сказать, социальная физика появляется вместе с модерном. Небесная механика и социально-философское знание развиваются на базе принципов новоевропейской физической науки. Для небесных тел и социальных групп приводятся идентичные свойства: постоянство, линейная размерность, геометрическая гармония [7]. Модерн формирует общественный идеал, структура которого геометрична, математична. Жизнь человека объясняется исключительно принципами классической научной рациональности.

Но, уже в кон. XIX века–нач. XX века науку, построенную на принципах классики Э. Гуссерль обнаруживает в глубоком кризисе. А через нее кризисом охвачена европейская культура в целом. Э. Гуссерль разбирается, почему так произошло: «Позитивистская редукция идеи науки к науке всего лишь о фактах... как утрата ее жизненной значимости... Наука всего лишь о телах, разумеется, ничего [не может сказать о разуме], ведь она абстрагируется от всего субъективного» [8, с. 19–20]. Если модерн, от Р. Декарта и вплоть до начала XX века, в своем стремлении к объективности, отдалялся от человека, то затем приходит осознание, что даже познание чего-то на первый взгляд абсолютно внешнего, объективно-природного, так или иначе бессмысленно, если оно без нас и не для нас. «Эта наука, говорят нам, ничем не может нам помочь в наших жизненных нуждах» [8, с. 20]. Сам успех науки, а также ее оторванность от жизни показали неправомерность установок модерна.

У Э. Гуссерля в начале XX века было множество реальных причин и поводов убедиться в кризисе классических рациональных метанарративов на практике, в собственной биографии. Вот он пишет: «Пропадает также и вера в «абсолютный» разум, из которого мир получает свой смысл, вера в смысл истории, смысл человечества, в его свободу...» [8, с. 29]. Европейское человечество в слепой вере в величие и могущество разума со временем позабыло, что общественный идеальный порядок – человеческий конструкт из прошлого. Теперь от него осталось только имя и потому так легко и неоднократно оно успешно выступает ярлыком для чудовищных политических режимов и военных кампаний.

Что же происходит в самой науке? В физике на рубеже XIX–XX вв. совершается ряд открытий, предлагаются теории, которые, однако, не отвергают и не разрушают классический идеал научной рациональности, но делают его частным случаем. Открытие Планком дискретности взаимодействия, теории относительности Эйнштейна, создание квантовой механики с ее принципами – это ядро «новой» физики переворачивает представления о природе настолько, что абсолютно весь мир, включая нас самих, предстает в принципиально других отношениях.

Физика, цель которой объяснения и предсказания, стала оперировать не просто идеальными объектами (абсолютно черное тело, абсолютно гладкая поверхность и т. д.), а такими, подобия которых нельзя встретить в обыденном опыте и даже представить (элементарные частицы, кванты, искривленное пространство-время и т. д.). Среди прочего природа перестала восприниматься раз и навсегда неизменной – не все можно точно измерить, не все можно просчитать наперед, ведь не все подвластно «демону Лапласа», который не привык иметь дело с принципиальной неопределенностью (соотношение Гейзенберга) и вероятностью, как законом самой природы (правило Борна).

В физике, как и в самой культуре, возникает мощное недоверие к классическому метанарративу. «Естествознание этого периода со всей очевидностью показало несостоятельность претензий классического мышления на стабильность, постоянство, абсолютность и центризм. Напротив, оно требовало утверждения философии *нестабильности, релятивизма и децентрации*. Если И. Ньютон способствовал формированию модерна, то А. Эйнштейн стоит у истоков постмодернизма» [9, с. 124]. Мы полагаем, что то, что обычно рассматривается как «культурные» или «цивилизационные» причины постмодерна, страшные следствия того, что классический метанарратив работает – две мировые войны, с их, в каждой по-своему, страшными формами и последствиями, не имело бы такого эффекта, если бы мы могли ответить – как? и почему/зачем? Как наука привела к созданию химического и ядерного оружия? Почему и зачем человек скатился до таких зверств, как концлагеря или применение вышеозначенных средств массового убийства? Ведь все должно быть разумно, научно – вот путь к миру и к истине. Однако ключ к ответам на эти вопросы, который модерновая культура хотела бы найти в

науке, не мог быть дан. Даже намеки на него были потеряны тогда, когда настал кризис (переродившийся в революцию) в физике и науке в целом.

Человек оказался в ситуации потерянности, ведь окружающий мир больше нельзя просто познать, то есть измерить, как это завещал И. Ньютон. «Квантовая теория и микрофизика заставляют более радикально пересмотреть представление о непрерывной и прогнозируемой траектории. Препятствия, с которыми сталкиваются точные исследования, связаны не с их дороговизной, но с природой материи», – также пишет Ж.-Ф. Лиотар [1]. На смену «Математическим началам» приходят конгрессы, споры и различные интерпретации.

Если даже ученые не могли быть до конца уверены ни в природе, ни в науке, которая ее изучает, то как быть обыденному сознанию? Метанарратив торжества науки в общественном сознании пал. Он и был, как мы показали, главным метанарративом модерна – он был самым современным. Так не подвергнуть ли сомнению прочие устои? Религия уже была отвергнута продолжающейся секуляризацией Природы и культуры, наука нуждается в пересмотре, а открытия науки ставят под сомнения философские категории. «В “состоянии постмодерна” человек оказался лишенным каких-либо философских, научных, религиозных или нравственных опор и устоев и остался один на один с миром, в котором безраздельно властвует гераклитовское “panta rei”» [9, с. 128]. Процесс пересмотра прежнего мировоззрения был запущен тогда, когда кардинально сменился тип научной рациональности. По классификации В. С. Степина этот этап соответствует началу неклассического типа научной рациональности [6; 10], как хронологически, так и по основным принципам.

В данном тексте мы постарались раскрыть современное мировоззрение и истоки постмодернового в их связи с наукой. Как можно увидеть, в модерне классической научной рациональности отводилось место общей картины мира, что со временем оказалось несостоятельным. Это имело прочную связь с переходом к постмодерну и с его становлением. Остаются вопросы для дальнейшего осмысления: Каковы отношения науки и культуры в современном мире? Существует ли здесь некоторая иерархия? Возможна ли вера в силу науки и научной рациональности в современном мире? Не приведет ли это к очередному кризису мировоззрения и основ социальной и культурной жизни человека?

Источники:

1. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
2. Троцук И. В. Метанарратив // Большая российская энциклопедия: Научно-образовательный портал. URL: <https://bigenc.ru/c/metanarrativ-f6bcb3/?v=6012544>. (дата обращения: 01.12.2025).
3. Визгин В. П. На пути к другому: от школы подозрения к философии доверия. М.: Языки славянской культуры, 2004. 800 с.

4. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня // Социология власти. 2010. № 7. С. 206–220.
5. Жаринов Е. В. Падшее просвещение. Тень эпохи. М.: Времена, АСТ, 2021. 510 с.
6. Степин В. С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различия // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб.: Издательский дом «Миръ», 2009. С. 249–295.
7. Спекторский Е. В. Проблема социальной физики в XVII столетии. Т. I. Новое мировоззрение и новая теория науки. СПб.: Наука, 2006. 448 с.
8. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / пер. с нем. Д. В. Складнев. СПб.: Фонд «Университет», Владимир Даль, 2004. 398 с.
9. Ратников В. П. Постмодернизм: Истоки, становление, сущность // Философия и общество. 2002. № 4 (29). С. 120–132.
10. Степин В. С. Типы научной рациональности и синергетическая парадигма // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2013. № 4. С. 45–59.

A. I. Tyurin (National Research Tomsk State University)

POSTMODERNISM AND SCIENCE: THE PROBLEM OF INTERRELATION

The transformation of the worldview of European man during the transitional period from modernity to postmodernity is examined in connection with changes in scientific rationality. It is shown how the crisis of classical science and the establishment of a non-classical type of scientific rationality at the turn of the 19th–20th centuries contributed to the loss of trust in the metanarratives of modernity. Special attention is paid to the role of physics in destabilizing the modern worldview and shaping postmodern consciousness. The work emphasizes the deep interconnection between transformations in science and the cultural-philosophical shifts of the era.

Key words: modernity, postmodernity, metanarrative, scientific rationality, classical science, non-classical science, worldview

УДК 81'373.2

Л. А. Ульяницкая (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: ulianitckaia_liubov@mail.ru)

**ОТ ЯЗЫКОВОГО СОЮЗА К ЯЗЫКОВОМУ ОСТРОВУ:
КОНЦЕПЦИЯ АРЕАЛА Н. С. ТРУБЕЦКОГО В ИЗУЧЕНИИ
СОВРЕМЕННЫХ КОНТАКТНЫХ ЗОН (НА ПРИМЕРЕ
ФЛАМАНДСКОГО АРЕАЛА)**

В статье демонстрируется актуальность ареальной методологии Н. С. Трубецкого для анализа современных языковых контактов. На примере фламандского ареала исследуется переход от симметричного языкового союза в Бельгии, с взаимным влиянием нидерландского и французского языков, до асимметричного языкового острова западнофламандского языка во Франции. На материале лексической и грамматической интерференции показаны механизмы конвергенции в рамках языкового союза, а также роль социолингвистических факторов в сохранении языка.

Пражская лингвистическая школа, Н. С. Трубецкой, ареальная лингвистика, языковой союз, языковой остров, западнофламандский язык

Предложенная в конце XVIII века и активно разрабатываемая в начале XIX века теория генетического родства языков совершила настоящий переворот в лингвистике, и на несколько десятилетий сравнительно-исторический метод неоспоримо главенствовал в работах таких видных ученых как Ф. Бопп, Р. Раск, Я. Гримм, А. Шлейхер. Этот метод творчески развивали немецкие лингвисты, принадлежащие к школе младограмматизма – К. Бругман, Г. Остгоф, Б. Дельбрюк, Г. Пауль, а также отечественные языковеды А. Х. Востоков, Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов, И. А. Бодуэн де Куртене. Однако уже к началу XX века стали заметны несовершенства применения исключительного этого метода. С критикой младограмматической парадигмы выступили члены Пражской лингвистической школы [1], созданной в 1926 году, и ставшей главным оплотом европейской ветви структурной лингвистики. Наиболее полно и последовательно структурно-функциональная концепция Пражской лингвистической школы воплотилась в исследованиях звуковой стороны языка. Фундаментальные «Основы фонологии» Н. С. Трубецкого практически создали новый раздел языкознания – фонологию, введя в научный обиход такие базовые понятия, как фонема, оппозиция, корреляция, дифференциальный признак, нейтрализация фонем и др. Эту школу иначе называют Пражская школа *функциональной* лингвистики, так как в рамках ее научных разработок возникла теория языковых функций и функциональных стилей, что напрямую указывает на предназначение

языка как средства достижения определенных целей и на его способность выполнять следующие языковые функции: социальную (обеспечение связи с другими людьми) и экспрессивную (язык выступает как средство выражения мысли безотносительно к слушателю). Тем самым, Пражская лингвистическая школа, совершив решительный разворот от исторического изучения языка к системно-функциональному, утвердила понимание языка как целенаправленной действующей системы, что заложило основы функционализма и на десятилетия определило новые векторы развития науки о языке.

Научная деятельность Н.С. Трубецкого не ограничивалась вопросами фонологии. Этот поистине выдающийся ученый сместил акцент лингвистических исследований в отношении классификации языков с сугубо генетического на типологическо-ареальный. Ключевой работой, посвященной развитию этого подхода, стала научная статья «Вавилонская башня и смешение языков» (год публикации – 1923), в которой ученый впервые в четкой форме выдвигает идею «языкового союза» (*Sprachbund*) как альтернативу генетическому родству. Он утверждает, что сходства между языками могут возникать не из-за общего происхождения, а из-за длительных контактов и взаимовлияния в пределах общего географического ареала. В другой статье, «Мысли об индоевропейской проблеме» (год публикации – 1939), Н. С. Трубецкой применяет ареальный подход к классической проблеме описания родства языков. В работе доказывается, что единство индоевропейской семьи – не результат происхождения от одного праязыка в чистом виде, а результат конвергентного развития древних диалектов в рамках общего ареала (индоевропейский языковой союз), что было поистине революционной для своего времени идеей. «Опыт фонологического описания некоторых языков Северного Кавказа» является наглядным примером практического применения ареального подхода к конкретному региону, который ученый считал хрестоматийным примером языкового союза (кавказские языки принадлежат к разным семьям, но обладают схожими чертами). Несмотря на то, что Н. С. Трубецкой сыскал наибольшую славу в области фонологии, его работы по ареальной лингвистике и теории языковых союзов являются не менее фундаментальными и продолжают влиять на сравнительное языкознание, ареальную лингвистику и контактологию до сих пор. Его идеи были подхвачены и развиты другими учеными.

В термине «языковой союз» многие ученые видели излишне категоричное навязывание незыблемого территориального единства группы языков, поэтому он заменяется, иногда, на синонимичное понятие конвергентной зоны или языкового ареала. Конвергенции подвергаются как родственные, так и неродственные языки. В случае близкородственных языков или диалектов, сохраняющих некоторую степень взаимопонятности, возможно массовое заимствование лексики и перенимание грамматических черт. Например, это произошло с украинским языком (восточнославянская группа), повергшимся существенному влиянию польского языка (западнславянская группа). В случае

отдаленного родства также имеется возможность для конвергентных явлений. Например, одной из черт балканского языкового союза, включающего в себя языки, принадлежащие к нескольким группам индоевропейской семьи, считается постпозитивный определенный артикль (в болгарском, румынском и албанском языках), развивающийся из указательного местоимения [2, с. 104].

Можно говорить о больших и малых языковых ареалах. Например, иногда весь мир делят на три макроареала – Старый свет, Новый свет и Океанию. Возможно множество вариантов более дробного деления, вплоть до ареала распространения одного диалекта, изучением чего и занимается ареальная лингвистика. Ее основная задача – характеристика территориального распределения языковых особенностей и интерпретация изоглосс (линий, соединяющих на диалектологической карте места с одинаковыми языковыми явлениями). В результате выявляются области взаимодействия диалектов, языков и ареальных общностей – языковых союзов, характеризующихся общими структурными признаками.

Методология и терминологический аппарат ареальной лингвистики применимы не только к обширным союзам, но и к локальным зонам интенсивных языковых контактов.

Особо примечательной областью с точки зрения высокой степени концентрации контактов языков, принадлежащих к разным языковым группам, для изучения в рамках ареальной лингвистики, является территория исторического графства Фландрия, большая часть которого сегодня входит в состав Бельгии, а его небольшие части на западе и востоке входят в состав Франции и Нидерландов соответственно. В этом (назовем его фламандским) языковом союзе наблюдается разноплановая система иерархических отношений между германскими и романскими идиомами, современное состояние которой определила многовековая, полная политических, экономических и социальных изменений, история. Однако и сегодняшнюю языковую ситуацию в ареале нельзя назвать стабильной: мы являемся свидетелями, с одной стороны, процесса угасания фламандских диалектов в Бельгии под влиянием гегемонии нидерландского языка, с другой стороны, подъем западнофламандского языка во Франции в результате придания ему официального статуса регионального языка в 2021 году. В рамках этого доклада мы должны уточнить, что с чисто лингвистической точки зрения фламандского языка (тем более западнофламандского) как отдельного, кодифицированного языка не существует. В Бельгии под понятием «фламандский язык» скрывается либо бельгийский вариант нидерландского языка, либо собирательное название для южнонидерландских диалектов, в особенности для западнофламандского и восточнофламандского. Тем не менее, в 2021 году Франция закрепила название «западнофламандский язык» (*le flamand occidental*), потому что именно этот диалект был распространен, преимущественно в устной форме, на территории современного департамента Нор, и особенно в округе Дюнкерк, во Франции. Поэтому для описания языковой ситуации во Франции мы будем

использовать термин западнофламандский язык, для языковой ситуации в Бельгии – западнофламандский диалект, в ситуации, когда речь идет про общий языковой континуум Фландрии – западнофламандский идиом.

Сосуществование в одном ареале французского языка с нидерландским языком и его диалектами естественным образом привело к их взаимному влиянию. Так, например, анализируя фламандский словарь, изданный в Бельгии [3] с 4000 слов, словосочетаний и фразеологизмов, мы обнаружили более 500, имеющих французское происхождение. Среди них прямые заимствования: *amateur* (любитель), *chauffage* (отопление), *congé* (отпуск); лексические кальки: *achternoen* (от фр. *après-midi* – полдень), *glasbreuk* (от фр. *un briseglace* – ледокол), и кальки на уровне словосочетания: *24 uur op 24* (от фр. *24h sur 24* – круглые сутки), *het volstaat dat* (от фр. *il suffit que* – достаточно того, что), *op de minuut* (от фр. *à la minute* – тотчас же). В свою очередь, в словаре французских бельгицизмов [4] легко обнаружить слова нидерландского происхождения, например, *dikke nek* (тщеславный), *keeper* (вратарь), *manneke* (человечек), *waterzooi* (рыбный или мясной бульон), *yogourt* (йогурт), *zwanzeur* (шутник), а также регулярное использование нидерландского уменьшительного суффикса *-tje*: *ketje* (парнишка), *krotjie* (дружочек). Одними из самых известных франкоязычных бельгицизмов являются обозначения чисел 70 и 90 – *septante* и *nonante* (в отличие от стандартного французского *soixante-dix* и *quatre-vingt-dix*), что также может быть объяснено влиянием германской системы счета, где для наименования десятков используется корень единицы и единый суффикс, показатель десятка. Например, в нидерландском 70 – *zeventig*, 90 – *negentig*. Влияние нидерландского заметно в структуре словосочетаний. Так, вопрос Вам ничего не нужно? в Бельгии строят как *Vous n'avez rien besoin?* (согласно нидерландской структуре *Heeft u niets nodig?*), а во Франции – как *Vous n'avez besoin de rien?*. Играть в футбол в Бельгии *jouer football* (нид. *voetbal spelen*), а во Франции *jouer au football*. Нередки синтаксические кальки, например, *Ça goûte* (Это вкусно) от нидерландского *Het smaakt* и *Qu'est-ce que c'est pour une voiture?* (Что это за автомобиль?) от *Wat is het voor een auto?* В известной степени калькой с нидерландского *Ik wel!* (Я тоже!) можно признать конструкцию *Moi bien!* В повелительном наклонении встречается *Viens une fois ici!* (Иди же сюда!) от *Kom eens hier!* Интересен также вопрос *Tu viens avec?* (Ты идешь?) от *Kom je mee?* где сохраняется французский порядок слов, но используется калька с отделяемой приставки *mee* – *avec*. [5]. Все это наглядно доказывает конвергентные процессы между французским и нидерландским языком в рамках фламандского ареала.

Вместе с тем фламандский языковой ареал можно сузить до микроареала, соответствующего территории распространения западнофламандского языка во Франции, и даже определить его как языковой остров. Языковым островом называют область компактного проживания носителей конкретного идиома посреди иноязычного большинства населения [6]. Причины возник-

новения подобного языкового анклава могут быть разными, но зачастую объясняются вынужденными переселениями, которые приводят к отрыву от традиционной зоны расселения целого народа или его части. Ярким, хоть и драматическим примером, служат тверские карелы, которые вследствие притеснения православного населения шведскими властями, после подписания Столбовского мира в 1617 года, мигрировали на восток, где в Тверской области они сформировали субэтническую группу, сохранив свой язык и культуру. В случаях с фламандцами во Франции речь не идет о вынужденном переселении, так как фламандцы традиционно жили на территории, которая официально закрепились за Францией еще при Людовике XIV в XVII веке, но о постепенной ассимиляции под влиянием и даже «агрессивным» доминированием французского языка. К. Маттхайер предлагает социолингвистически ориентированное определение термина «языковой остров» и описывает его как «языковое сообщество, возникшее в результате неудавшейся или затянувшейся лингвокультурной ассимиляции, которая обособила меньшинство от отличающегося по своему происхождению и языку окружающего большинства» [7, с. 334]. Ключевым отличием в этом случае от классического языкового союза является асимметричность и однонаправленность языкового контакта. «Язык-остров» испытывает многоуровневое давление, но почти не влияет на окружающий язык. Если сегодня западнофламандский язык во Франции переживает настоящий подъем, вызванный консолидацией французских фламандцев, благодаря активной работе ассоциации «Институт регионального фламандского языка» (ANVT – Akademie voor Nuuze Vlaemsche Taele), созданной в 2004 году, то XIX и XX века нанесли трудновосполнимый ущерб западнофламандскому языку. Навязываемый престиж французского языка, запрет использования западнофламандского детьми в школе, резко негативный имидж языка германской группы после Второй мировой войны, привели к стигматизации западнофламандского языка и подчас добровольному отказу носителей от его передачи своим детям. Данные Национального института статистики и экономических исследований Франции (INSEE) сообщают о 156 973 носителях фламандского во Франции в 1806 году, и уже о 60 000 в 1999 году. Сегодняшнее количество носителей трудно подсчитать, разные источники указывают от 20 000 до 50 000 человек, в той или иной степени беглости говорящих на западнофламандском языке. Необходимо отметить, что на 2026 год в 11 учебных заведениях (начальная и средняя школа) ведется преподавание западнофламандского языка, организованы курсы и разговорные клубы для взрослых, работает радиостанция «Uylenspiegel» (программы которой включают в себя передачи об истории языка и региона, а также дискуссии на самом языке), публикуются учебные пособия, переводы и фольклорные тексты, что наверняка в ближайшие десятилетия поможет укрепить положение западнофламандского и вывести его из статуса языка, используемого старшим поколением для исключительно бытового общения.

Возвращаясь к методологии ареальной лингвистики, стоит отметить, что мы можем обнаружить в языковом острове западнофламандского языка во Франции серьезный потенциал для построения микроизоглосс, так как промежуточные результаты двух лингвистических экспедиций в мае и в сентябре-октябре 2025 года указывают на диалектальные различия внутри «анклава». Так, можно выделить «морской» диалект, распространенный на побережье Северного моря, с номинальным центром в городе Бре-Дюн, который перенимает черты западнофламандского диалекта Бельгии в силу территориальной близости, и «внутренний» диалект, распространенный в таких городах и деревнях как Берг, Азбрук, Кассель, Вормут, Лооберг, остающийся более самобытным, не претерпевшим влияния Бельгии, и сохранивший некоторые архаичные черты, которые стерлись в Бельгии под влиянием кодифицированного нидерландского языка.

Ареальная концепция Н. С. Трубецкого остается мощным инструментом для анализа сложных языковых ситуаций. Фламандский языковой ареал представляет собой уникальную лабораторию, где в исторической динамике наблюдаются обе модели: классический языковой союз и языковой остров. В Бельгии длительное соседство привело к глубокой двусторонней интерференции, создав специфические бельгийские варианты нидерландского и французского с многочисленными лексическими заимствованиями и структурными кальками. В то же время, западнофламандский язык во Франции эволюционировал в условиях асимметричного давления, превратившись в типичный языковой остров. Его современное состояние – результат действия не столько лингвистических, сколько политических и социальных факторов. Однако начавшаяся ревитализация, поддержанная официальным признанием, указывает на потенциал обратного процесса. Таким образом, фламандский ареал демонстрирует, что статус «союза» или «острова» не является перманентным, а зависит от исторического контекста и волевых решений языкового сообщества. Это делает его изучение чрезвычайно актуальным для понимания судеб других контактных зон и языков меньшинств в современном мире.

Источники:

1. Пражский лингвистический кружок: сборник статей / ред. Н. А. Кондрашов. М.: Прогресс, 1967.
2. Шарафутдинова Н. С. Лингвистическая типология и языковые ареалы: учебное пособие. 3-е изд., перераб. и доп. Ульяновск: УлГТУ, 2012.
3. Permentier L., Schutz R. Typisch Vlaams 4000 woorden en uitdrukkingen. Leuven: Davidsfonds, 2015.
4. Belgicisms. Inventaire des particularités lexicales du français en Belgique, 1994. URL: <https://www.belgicisms.4h-conseil.fr/> (дата обращения: 01.12.2025)
5. Ульяницкая Л. А. Лексическая и грамматическая интерференция во фламандском варианте нидерландского языка: диссертация на соискание

ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.04 – Германские языки / Ульяницкая Любовь Александровна; С.-Петерб. гос. электротехн. ун-т «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина). Санкт-Петербург, 2018.

6. Фурцев Р. В. К вопросу об определении понятия «языковой остров». Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 10 (76): в 3-х ч. Ч. 2. С. 167–170.

7. Mattheier K. Theorie der Sprachinsel. Voraussetzungen und Strukturierungen // Berend N., Mattheier K. Sprachinselforschung: eine Gedenkschrift für Hugo Jedig. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1994. S. 333–348.

L. A. Ulianitchkaia (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

**FROM LANGUAGE UNION TO LANGUAGE ISLAND:
N. S. TRUBETZKOY'S AREAL CONCEPT IN THE STUDY OF MODERN
CONTACT ZONES (THE FLEMISH AREAL CASE STUDY)**

The article demonstrates the relevance of N.S. Trubetzkoy's areal methodology for the analysis of modern language contacts. Using the Flemish areal as a case study, it examines the transition from a symmetrical language union in Belgium, characterized by the mutual influence of Dutch and French, to an asymmetrical language island of West Flemish in France. Based on evidence of lexical and grammatical interference, the study reveals the mechanisms of convergence within a language union and underscores the role of sociolinguistic factors in language preservation.

Prague Linguistic Circle, N.S. Trubetzkoy, areal linguistics, language union, language island, West Flemish

УДК 72.035.5+72.035.9

Е. В. Умова (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: evum@mail.ru)

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ АРХИТЕКТУРЫ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Статья является продолжением исследования основных тенденций развития европейской и русской архитектуры на рубеже столетий.

Культура, архитектура, эклектика, модерн, полистилизм, «чикагская школа», модернизм, рационализм

В мировой архитектуре конец XIX – начало XX вв. это время, когда традиционные архитектурные формы вступают в противоречие с новыми функциональными и конструктивными задачами строительства зданий. Причиной этого становится окончательное формирование индустриальной цивилизации со всеми присущими ей чертами и особенностями. Не имея в сложившихся условиях общих принципиальных взглядов на пути дальнейшего развития зодчества, и стремясь к большей творческой свободе, архитекторы начинают обращаться к формам уже существовавших исторических стилей, используя их для создания нового, адаптированного к потребностям индустриального общества.

Это привело к появлению и господству «архитектуры **эклектики**» (историзм), когда архитекторы обратились к приемам и формам эпох ренессанса, барокко, классицизма и др. Причем использовалась не только стилизация под какие-то известные исторические архитектурные произведения, но зачастую происходило смешение в одной постройке приемов и деталей различных стилей. Яркие примеры – здания Парламента в Лондоне (1857), построенное в стиле «готического романтизма», и Парижской оперы (1875), в котором архитектор объединил элементы ренессанса, барокко и классицизма. При этом в разных странах историзм развивался, опираясь на местные культурные традиции и учитывая сложившиеся социальные и экономические условия. Конец XIX в. ознаменовался появлением таких выдающихся сооружений в стиле эклектики как здание Рейхстага в Берлине (1894), музей Виктории и Альберта в Лондоне (1909), здания Городской думы (1892) и Политехнического музея (1907) в Москве.

Поиски новых форм в европейской архитектуре рубежа XIX–XX вв. способствовали становлению своеобразного творческого направления, получившего название стиля **модерн**. Основная задача этого направления – «осовременить» средства и формы архитектуры, предметы прикладного искусства, дать им живую и динамичную пластику, которая больше отвечала духу

времени, чем застывшие каноны классицизма. Получивший в России название «модерн», в Бельгии и во Франции он именовался «ар нуво», в Австро-Венгрии «сецессион», «югендштил» в Германии, «стиль либерти» в Италии, «модерн стайл» в Великобритании, а в США – «стиль Тиффани».

Постепенно сформировался ряд типичных для этого стиля принципов: сочетание пластических методов с подчеркнуто нетрадиционными формами и декоративными мотивами; дополнение живописной многообъемности и пластики композиций со свободной трактовкой внутреннего пространства, формами, очерченными сложной кривой, часто напоминающей линии стилизованных растений. Эти же линии составляли основу характерного для модерна затейливого орнамента, выполнявшегося в штукатурке, живописи, изразцовой технике и особенно часто в виде сложных по рисунку металлических решеток. Новые строительные материалы – металл, листовое стекло, обливную керамику и др. – архитекторы широко использовали, но, как и другие, более традиционные материалы, полностью подчиняли их пластическому и объемно-пространственному замыслу, игнорируя промышленные методы и стандарты [1, с. 409–411].

Глубокий индивидуализм композиций – одна из наиболее характерных черт модерна. В основе своей он был иррационален, и в силу этого противостоял эклектике, в основе которой лежал порядок, базирующийся на сознательном отборе прошлых стилей. Появляется новый тип художника-универсала, объемлющего различные виды творческой деятельности. Так, бельгиец Х. Ван де Вельде выступал как теоретик, архитектор, декоратор, живописец и график. Среди выдающихся архитекторов модерна особенно выделяются: В. Орта в Бельгии, в Испании – А. Гауди, в России – Ф. Шехтель, Л. Кекушев и Ф. Лидваль. Последний фактически стал «отцом» северного модерна, появлению которого в России способствовали усилившиеся к началу XX в. культурные связи с Финляндией и Швецией. В них национальный романтизм (такое название стиля использует европейские искусствоведы) стал главным течением в искусстве, а развитие его было связано с именами Э. Сааринена и Л. Сонка в Финляндии, Р. Эстберга и К. Вестмана в Швеции, М. Нюропа в Дании.

К характерным признакам этого стилевого направления можно отнести: общий средневековый облик зданий, в духе национального (в основном шведского и финского) романтизма; сочетание естественных и искусственных отделочных материалов, фактур, цветотональных плоскостей (рустированного камня, напоминающего финские скалы, майолики, цветной керамической плитки); частое применение финского гранита для облицовки цоколя и фактурной штукатурки (или отделочного кирпича) для плоскости стен верхних этажей; использование орнаментов, вдохновленных северным фольклором, образами северной флоры и фауны; массивные формы зданий, напоминающие крепостные стены и рыцарские замки [2, с. 43–54].

Самые знаковые постройки в стиле модерн в Санкт-Петербурге связаны с именем Ф. Лидваля, на становление творческой манеры которого повлияли такие представители шведского неоромантизма, как Ф. Боберг и Г. Классон. Северный модерн финского направления ярко проявился в творчестве архитектора Й. Стенбека, по проектам которого были возведены кирхи в Приморске и Зеленогорске. Одним из первых общественных зданий в стиле модерн в России стал Витебский (ранее Царскосельский) железнодорожный вокзал (1904), построенный зодчими С. Бржозовским и С. Минашем [3, с. 329].

Бурное развитие капитализма во второй половине XIX в. действительно увеличило потребность в утилитарных зданиях: заводах, вокзалах, биржах, сберегательных кассах и т. п. В постройках зданий подобного назначения конструкции из стекла и металла часто оставались открытыми, создавая новый архитектурный облик. Эта тенденция была особенно заметна в инженерных сооружениях, полностью лишенных декора (мостах, башнях и др.). Важнейшими вехами в утверждении этой новой архитектуры, основанной на технических достижениях века, стали Хрустальный дворец в Лондоне (1851) и два крупнейших сооружения Парижской всемирной выставки 1889 г. – Эйфелева башня и Галерея машин. Их влияние на последующую архитектуру было огромным, хотя в то время подобные здания были единичными, являясь плодом не столько архитектурной, сколько инженерной деятельности. Несмотря на быстрое развитие материалов и технологий большинство архитекторов своей основной задачей продолжали считать архитектурно-художественную разработку проектов, рассматривая ее по-прежнему как декорирование конструктивной основы. В гражданском строительстве внедрение новой строительной техники шло медленно, и в большинстве случаев металлический каркас, ставший уже распространенной конструктивной основой зданий, скрывался под кирпичной кладкой. Постепенно нарастало противоречие между передовыми техническими устремлениями и традициями, основанными на кустарных методах [4, с. 148–178].

После недолгого расцвета модерн начинает терять свое значение, но многие достижения архитекторов этого направления оказали свое влияние на последующее развитие архитектуры. Главное значение этого стиля состоит в том, что он, как бы «расковал цепи» академизма и эклектики, которые долгое время стесняли творческий метод зодчих. В это же время стали появляться новые течения, для которых было характерно подчеркнутое отрицание традиционного опыта искусства и экспериментальный поиск новых форм. Начиналась эпоха модернизма...

Уже с конца XIX в. стал намечаться поворот наиболее прогрессивных архитекторов в сторону освоения передовой строительной техники, и поиску форм, отвечавших новым конструкциям и новому функциональному содержанию зданий. Предшествовало этому повороту развитие передовых теорий, в частности, французского архитектора Э. Виолле-ле-Дюка который главным принципом архитектуры считал **рационализм**, требовавший единства формы,

назначения и конструктивных методов. Это выражалось следующей формулой: «камень должен быть камнем, железо – железом, а дерево – деревом». Он считал, что «современная металлическая конструкция открывает совершенно новую область для развития архитектуры» [5, с. 220–223].

Практическое воплощение рационалистических принципов архитектуры впервые было осуществлено в США представителями так называемой «Чикагской школы». Ее лидером стал Л. Салливен, творчество которого наиболее ярко проявилось в строительстве многоэтажных конторских зданий в Чикаго. Суть нового метода строительства заключалась в отказе от облицовки металлического каркаса массивом стены, в широком использовании крупных остекленных проемов, в сведении к минимуму декора. Салливен последовательно воплотил эти принципы в здании универмага в Чикаго (1904), конструкция которого подтверждала главный тезис архитектора: «Форма должна соответствовать функции». Именно он стоял у истоков развития строительства высотных зданий, которое широко развернулось впоследствии в США [6, с. 206–238].

В сторону поиска рациональных форм строительства были направлены творческие устремления и многих прогрессивных европейских архитекторов. Изучая достижения «Чикагской школы», они стали внимательнее присматриваться к рациональным решениям инженерных сооружений, промышленных зданий и к новым формам общественных зданий, основу которых формировали металлические конструкции. Среди представителей этого направления выделяются немецкий архитектор П. Беренс, австрийцы О. Вагнер и А. Лоос, французы О. Перре и Т. Гарнье. Например, Перре своим творчеством показал широкие эстетические возможности, таящиеся в конструкциях из железобетона. Формула, которой он следовал, – «Техника, поэтически выраженная, претворяется в архитектуру». Эта творческая программа оказала огромное воздействие на зодчество последующего периода, а из мастерской этого мэтра вышло много известных архитекторов, среди которых один из выдающихся лидеров XX в. Ле Корбюзье [6, с. 29–32].

Одним из первых, кто понял необходимость активного участия архитекторов в промышленном строительстве, был П. Беренс, в 1903–1909 гг. спроектировавший ряд зданий и сооружений для крупного предприятия электрической компании АЭГ. Все здания, построенные по его проекту, отличаются целесообразностью инженерных решений, лаконичностью форм, наличием больших оконных проемов, а также продуманным планом, который отвечает производственной технологии. Эти черты характерны и для здания бывшего германского посольства в Петербурге, единственного произведения этого архитектора в России. Активное участие П. Беренс принимал в деятельности созданной в 1907 г. в Кельне организации «Веркбунд» (союз производителей), целью которой было преодоление разрыва между кустарными и промышленными изделиями, и придание последним высоких художественных качеств. В его мастерской воспитывались специалисты, которые после пер-

вой мировой войны станут во главе мировой архитектуры, и направят ее развитие в совершенно новое русло [5, с. 226–228].

Именно так начинает формироваться главная особенность культуры XX в. – **полистилизм**, когда в архитектуре в целом, и в творчестве отдельного зодчего могли соединяться различные художественные течения.

Источники:

1. Современный словарь справочник по искусству. М.: ОлимпАСТ, 1999.
2. Полевой В. М. Малая история искусств. Искусство XX века. 1901–1945. М. Искусство, 1991.
3. Горюнов В. С., Тубля М. П. Архитектура эпохи модерна. Концепции. направления. Мастера. СПб, Стройиздат, 1992.
4. Гидион З. Пространство, время, архитектура. М.: Стройиздат, 1984.
5. Гуляницкий Н. Ф. История архитектуры. Архитектура гражданских и промышленных зданий: В 2 тт. Т. 1. М.: Стройиздат, 1984.
6. Львова Е. П., Сарбьянов Д. В., Кабакова Е. П. и др. Мировая художественная культура. XX век. Изобразительное искусство и дизайн. СПб: Питер, 2007.

E. V. Umova (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

THE TENDENCES IN THE DEVELOPMENT OF THE ARCHITECTURE IN THE END OF THE XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURES

The article is a continuation of the study of the main trends in the development of European and Russian architecture at the turn of the century.

Culture, architecture, eclecticism art-nouveau, Jugendstil, modernism, polystylism, "Chicago school", modernism, rationalism

УДК 140.8; 316.752; 327.8

Р. В. Федоров (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: rvfedorov@etu.ru)

ПОСТМОДЕРНИЗМ КАК ТРИГГЕР ТРАНСФОРМАЦИИ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

В статье рассматривается постмодернизм как философскую и культурную парадигму, характерную для западного общества, и анализирует его связь с ключевой проблемой – утратой идентичности. Плюрализм, лежащий в основе постмодернизма, способствует релятивизму, что приводит к размыванию четких ориентиров и снижению мотивации для формирования стабильной идентичности. В статье также анализируются концепции ведущих представителей постмодернизма.

Постмодернизм, идентичность, реальность, ценности, перформанс, гендер

Глобальное информационное общество оказывает существенное воздействие на социум. Негативной стороной все возрастающего влияния стало появление тенденции к нивелированию цивилизационной идентичности, созданию симулякров и новых матриц культуры. Это дает возможность осуществлять предпочтительную для политической власти трансформацию системы ценностей и смысловых приоритетов в сфере общественного сознания. На эти тенденции уже в начале 60-х годов XX века обратил внимание Г. Маркузе, констатируя формирование «одномерного человека», наделенного «счастливым сознанием». «Счастливое Сознание – убеждение в том, что действительное разумно и что система продолжает производить блага – является отражением нового конформизма, рожденного переходом технологической рациональности в социальное поведение» [1, с. 109]. Причиной формирования «счастливого сознания» является повсеместное использование телевидения, радио и интернета, которые ежедневно снабжают человека повторяющейся информацией. В результате человек оказывается словно запрограммированным: он так часто слышит тот или иной посыл, что начинает считать свои действия актом доброй воли. В подобных ситуациях существует не выбор, а лишь иллюзия выбора. Это формирует установку на бесполезность попыток нахождения истины и как следствие к тотальному запутыванию массового сознания с помощью подмены понятий. В конечном счете для носителя «счастливого сознания» интерпретация объекта будет замещать на уровне феноменального восприятия сам объект. «Счастливое сознание» благодаря сформированным и навязанным симулякрам не обладает способностью к критической рефлексии, так как «дискурс постепенно утрачивает связи, отражающие этапы процесса познания и познавательной оценки» [1, с. 112]. Социальная система представ-

лена линейно упорядоченной, она сведена на уровень исторической «одномерности». Происходит постепенное замещение личных взглядов догматичными установками, сопровождающееся утратой способности к саморефлексии и критической оценке окружающей обстановки.

В постмодернизме знаковая реальность рассматривается как самостоятельный объект исследования, который продуцирует собственное содержание и специфичную форму проявления в общественном сознании.

В частности, об этом говорит подход Жана Бодриера, представившего модель осознания системы вещей как системы знаков, несущих свой особый смысл. Виртуальная условность симулякров замещает неvirtуальную реальности существующего общества. Мы живем «в мире, котором управляет принцип симуляции» [2, с. 165]. Потеря связи с реальностью формирует эпоху гиперреальности, где инсталляция приобретает приоритетное значение, отодвигая на второй план само содержание. Нарушается корреляция между знаком и явлением предметного мира. Экспоненциальный рост информации не содержит в себе соответствующему ему смысловое содержание, оно постоянно уменьшается. «Симулякр – это вовсе не то, что скрывает собой истину, – это истина, скрывающая, что ее нет. Симулякр есть истина» [2, с. 5]. Воспроизводство субъектов «счастливого сознания» эффективно контролируется властью через систему образования. «На самом деле она знает, что ... – это лишь зона размещения и надзора за целой возрастной категорией, поэтому ей нет дела до отбора – свою элиту она отыщет в другом месте или же иным способом» [2, с. 198]. Лавинообразный рост объема доступных данных сопровождается снижением их смысловой насыщенности и качественной ценности.

Избыточность информационных потоков провоцирует состояние «когнитивного шока», усугубляемое тенденцией быстрого устаревания и обновления информации. Становится невозможным верифицировать что было первоначально реальным. Перманентно конструируемые симулякры создают самовоспроизводящуюся гиперреальность. Гиперреальность коммуникации становится более реальной при сравнении с первоначальным объектом, в итоге происходит упразднение соответствия понятийного аппарата самому объекту.

Стратегия, сосредоточенная на тотальную «постмодернизацию» всего общества, формирует мировоззренческую парадигму – «Современный мир – это мир симулякров» [3, с. 9]. Абсолютизация плюрализма делает равнозначными ценностные ориентиры. Отрицание константных моделей для принятия решения приводит к ситуации, когда ценности принципиально невозможно идентифицировать. Признание равнозначности ценностных альтернатив становится причиной кризиса идентичности. Онтологическое существование мира взято в «кавычки». Ж. Деррида поясняет: «В мире не-существования ... все равно возможно и все точно так же невозможно, следовательно, этот мир есть истинное пространство кавычек, остающееся лишь в преддверии Бытия, располагающееся между двумя сериями присутствий» [4, с. 316].

Эта радикальная процессуальность и конструируемость реальности находит свое предельное выражение в сфере человеческой идентичности. Здесь концептуальный мост между общей постмодернистской установкой и конкретной социальной практикой выстраивает теория Джудит Батлер: «...гендер – это не факт, не исходный пункт, но некое «событие», становление, которое никогда не завершается до конца. Его нельзя понимать как вещь или просто как набор атрибутов, присущих субъекту, – скорее, он представляет собой «процесс», который запускается постоянной стилизацией тела» [5, с. 34].

В теории Батлер гендер и сексуальность не рассматриваются как биологически предопределенные сущности, они возникают благодаря повторяющимся социальным действиям и жестам. Иллюзия устойчивой, «природной» идентичности лишь результат «перформативных актов», регулируемых устаревшими социальными предпочтениями.

Если постмодерн деконструировал устойчивые онтологические категории, а Бодрийяр диагностировал замещение реальности симулякрами, то Батлер предлагает механизм, позволяющий осуществить эту трансформацию уже на уровне биологического и социального бытия человека. Перформативные действия в век гиперреальности не обращены к личному, «подлинному» досоциальному «я» (которое Батлер определяет как эфемерную регулятивную идею), а обращены к циркулирующим в медиасреде симулякрам идентичностей. Социальные сети становятся глобальной сценой для такого перформанса, где жесты, манеры общения и бесконечные самопрезентации, скопированные из неконтролируемого потока образов, конституируют «я» в режиме реального времени. Следовательно, формируемое медиа-машиной «счастливое сознание» создает не просто безучастного потребителя, но и превращает его в активного исполнителя предписанных перформансов. Иллюзия выбора (описанная Маркузе) трансформируется в иллюзию аутентичности перформативного акта. Индивид, ретвитя, лайкая и повторяя определенные дискурсивные и визуальные коды, становится непосредственным соучастником в воспроизводстве гиперреальных идентичностей, которые замещают собой утраченную связь с устойчивой реальностью. Ревизия идентичности в ситуации абсолютизированного плюрализма, когда невозможно определить границы диапазона выбора, подменяется воспроизводством лишенных онтологического основания перформативных актов.

Теория Джудит Батлер о перформативных актах логически завершает и конкретизирует постмодернистский анализ. Процессуальность и конструктивность реальности, описанные на макроуровне, буквально «воплощаются» в микро-практиках повседневности. Реальность отступает перед гиперреальностью. Идентичность пытаются встраивать в политически ангажированный симулякр, создающим сцену для перформансов, границы которой стерты цифровыми медиа.

Идеи постмодернизма оказали значительное воздействие на современную политику Запада. Декларирование необходимости защиты прав меньшинств и поддержания всех форм культурного разнообразия параллельно совмещалось с формированием морально-политических требований о признании несовершенства традиционных оснований морали. Это ставило уже под сомнение само существование стабильной национальной идентичности.

«Стратегии национальной безопасности США» 2025 года позиционирует себя как коренной и «необходимый» разворот от курса предшествующих десятилетий, который она описывает как период заблуждений, ослабления суверенитета и культурного упадка [6]. Этот разворот напрямую перекликается с философской критикой постмодернистской реальности. Представленный документ можно интерпретировать как масштабную политическую программу, направленную на преодоление кризисных явлений, описанных философами постмодерна. Он прямо или косвенно апеллирует к тем же проблемам – размыванию идентичности, утрате суверенитета и девальвации смыслов, – предлагая в ответ набор консервативных по духу решений. Стратегию можно рассматривать не просто как основной внешнеполитический документ исполнительной власти США, но и как своеобразный манифест онтологического и аксиологического восстановления. Она пытается дать ответ на вызовы постмодернистской эпохи через:

1. Ре-онтологизацию. Утверждение первичности материальных основ (экономика, армия, границы) над дискурсивными и информационными конструктами. Стратегия настаивает на примате материальных, «реальных» основ могущества: промышленная база, военная мощь, контроль над границами, энергетическая независимость.

2. Ре-идентификацию. Отказ от процессуальной, гибкой идентичности в пользу фиксированной, основанной на традиционных ценностях и национальном суверенитете. «Мы избавились от радикальной гендерной идеологии и абсурда woke-культуры в Вооруженных силах» [6, с. i]. США «восстанавливают культуру компетентности, искореняя так называемые «DEI» (разнообразие, равенство и инклюзивность) и другие дискриминационные и антиконкурентные практики, которые разрушают наши институты и сдерживают нас» [6, с. 6].

3. Создание нового метанарратива. Предложение взамен постмодернистского плюрализма и релятивизма единого, императивного проекта национального и цивилизационного возрождения («сделать Америку более великой, чем когда-либо»). «Соединенные Штаты должны защищать свою экономику и своих граждан от любой вредоносной деятельности ... пропаганды, операций влияния и иных форм культурной подрывной деятельности» [6, с. 21]. В Европе «экономический спад затмевается подлинной и более мрачной перспективой цивилизационного стирания <...> Мы хотим, чтобы Европа оставалась европейской, восстановила свою цивилизационную уверенность...» [6, с. 25].

Противопоставление строится на нарративе «возрождения против упадка». США, провозгласив возврат к «традиционным ценностям» и национальному суверенитету, позиционируют себя как силу, способную не только защититься от этого упадка, но и навязать Европе рецепт для ее собственного «спасения».

Изменение позиции значительной части американской элиты по принципиальным вопросам, затрагивающих сферу традиционных ценностей, знаменует собой начало переосмысления последствий включения в политическую практику постулатов постмодернизма.

Источники:

1. Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: «REFL-book», 1994. 386 с
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: Постум, 2015. 240 с.
3. Делез Ж. Различие и повторение. СПб.: Петрополис, 1988. 384 с.
4. Гурко Е. Н. Деконструкция: Тексты и интерпретация / Жак Деррида, Елена Гурко / Минск: Экономпресс, 2001. 319 с.
5. Батлер Дж. Гендерное беспокойство. Феминизм и подрыв идентичности. М.: Кабинетный ученый, 2022. 352 с.
6. National Security Strategy of the United States of America. Washington: The White House, 2025. 29 p. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf> (дата обращения: 7.12.2025).

R. V. Fedorov (*Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»*)

POSTMODERNISM AS A TRIGGER FOR THE TRANSFORMATION OF TRADITIONAL VALUES

The article examines postmodernism as a philosophical and cultural paradigm characteristic of Western society and analyzes its connection to the key issue of identity loss. The pluralism underlying postmodernism contributes to relativism, leading to a blurring of clear guidelines and a decrease in motivation to form a stable identity. The article also analyzes the concepts of leading postmodernists.

Postmodernism, identity, reality, values, performance, gender

УДК 316.472.4

И. В. Фокин (Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: st145109@student.spbu.ru)

ЦЕННОСТИ КАК ОСНОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННОГО ДОВЕРИЯ: ВЛИЯНИЕ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ЭФФЕКТИВНОСТЬ И ИННОВАЦИИ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье рассматриваются ценности работников как основание организационного доверия, влияющего на экономический успех компании и ее нацеленность на инновации в цифровом обществе. Цель работы – выявить проблему и задачи, решение которых требуется для разработки концепции ценностных оснований организационного доверия в цифровом обществе.

Ценности, организационное доверие, цифровое общество, инновации, сетевой анализ, экономическая эффективность

Особенностью общества XXI века является ускоренное развитие технологий, способствующих становлению т.н. цифрового общества. Важной проблемой является противоречие между социодинамикой цифрового общества, организационных структур и ценностей работников, занятых в экономике. Как правило, общество и экономика трансформируются быстрее, чем ценности, хотя и ценности, формирующие культуру, создают «духовный фон различным экономическим системам, влияющий на их образование и развитие» [1, с. 3]. Противоречие, таким образом, состоит в рассогласованности между изменениями в ценностях сотрудников, определяющих организационное доверие в современных компаниях, и в общественных структурах развивающегося цифрового общества.

Ценность – это значение определенного явления или предмета для личности или социальной группы [2, с. 15]. Существуют разные представления о генезисе человеческих ценностей, но мы сформулируем ценности кратко как то, что возникает в процессе возникновения самости [3, с. 9]. Ценность – это то, что позволяет действовать на основе представлений о собственном «Я». Ценности работника-профессионала и ценности организации – источники действия в экономической сфере.

Организационное доверие есть «рациональное ожидание сотрудников компании ответственного, честного, благожелательного, компетентного... поведения коллег и/или руководителей в ситуации свободы принятия решений и отсутствия полного контроля действий для достижения общих целей компании» [4, с. 88]. Но мы бы дополнили это определение уточнением, что помимо рационального ожидания в организационном доверии важным компонентом является сопряженность ценностей сотрудников и в целом их пси-

хологическая совместимость. То есть организационное доверие это и рациональное ожидание, и отношение ценностно-субъективного характера, основанное на соотнесенности ценностей акторов. Это утверждение восходит к одному из классиков теории организации Ч. Бернарду, который подчеркивал важность морали для долгосрочной жизнеспособности компаний [5, с. 2].

Цифровое общество – это общество, базирующееся на информационно-коммуникационных технологиях (ИКТ) и движимое их развитием. В цифровом обществе особое экономическое значение приобретают инновации в сфере ИКТ и важной задачей частных и государственных компаний, занятых в сфере разработки цифровых технологий, является выявление и развитие компетенций сотрудников, необходимых для работы в новой цифровой реальности. Компетенции определяются ценностями сотрудников, которые, в свою очередь, влияют на организационное доверие, являющееся ключевым фактором успеха в цифровой экономике.

Для проработки концепции ценностных оснований организационного доверия и их влияния на инновации и экономическую эффективность, предлагается поиск ответов на следующие вопросы:

1. Каковы теоретико-методологические и исторические предпосылки исследования ценностных оснований организационного доверия в цифровом обществе?
2. Как противоречие между динамикой ценностей сотрудников инновационных компаний и динамикой общественных изменений сказывается на эффективности компаний?
3. Каковы различия в доверии к атрибутам цифрового общества у сотрудников частных и государственных компаний?
4. Сотрудники каких ценностных групп обладают более высокими показателями организационного доверия и какие ценности критически важны для инновационных компаний?
5. Как страновые различия проявляются в ценностных основаниях организационного доверия и их влиянии на инновации и экономическую эффективность на примере компаний в России и других странах СНГ?

Возможности эмпирического исследования будут зависеть в том числе, но не исключительно от применения сетевого анализа, восходящего к работам М. Гранноветтера, согласно которому «...индивидуальное экономическое действие включено (embedded) в социальные структуры связей» [4, с. 92], и исследователям социального обмена П. Блау и Дж. Хомансу, которые описали обменные сделки (а разновидностями их являются различные формы доверия) как «...поведенческие акты в рамках «сетей» социального обмена...» [1, с. 40].

Таким образом, исследование ценностных оснований организационного доверия и их влияния на инновации и экономическую эффективность в цифровом обществе важно по трем следующим причинам:

1. существует противоречие в развитии ценностей как источника экономического действия и развитии цифрового общества;
2. организационное доверие трансформируется в условиях цифрового общества, а значит, образует новые связи с инновационностью и эффективностью компаний;
3. отсутствует понимание различий в ценностях сотрудников, определяющих организационное доверие и их важности для инноваций в частных и государственных компаниях.

Источники:

1. Капитонов Э. А., Зинченко Г. П., Капитонов А. Э. Корпоративная культура. Культура и практика. М.: Издательство «Альфа-Пресс». 2005.
2. Налчаджян А. Теория ценностей и цинизма (Психологические аспекты аксиологии). М.: Когито-Центр, 2020.
3. Йоас Х. Возникновение ценностей / пер. с нем. К. Г. Тимофеевой. СПб.: Алетейя, 2023.
4. Веселов Ю. В., Липатов А. А. Доверие в организации: методологические основания исследования в экономике, социологии и менеджменте //Российский журнал менеджмента. 2015. Т. 13. №. 4. С. 85–104.
5. Valentinov V., Roth S. Chester Barnard's systems-theoretic approach to organisation theory: a reconstruction //The European Journal of the History of Economic Thought. 2021. Т. 28. №. 5. С. 733–752.

I. V. Fokin (Saint Petersburg State University)

**VALUES AS THE FOUNDATION OF ORGANIZATIONAL TRUST: IMPACT
ON ECONOMIC EFFICIENCY AND INNOVATION IN A DIGITAL
SOCIETY**

The article examines the values of employees as the foundation of organizational trust that influences the economic success of a company and its focus on innovation in a digital society. The purpose of the work is to identify the problem and tasks that need to be solved in order to develop a concept of the value foundations of organizational trust in a digital society.

Values, organizational trust, digital society, innovations, network analysis, economic efficiency

УДК 329

Д. Г. Черкасов (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: mitya-cher2801@yandex.ru)

КРИЗИСЫ И ТРАЕКТОРИИ «ПРАВОГО ПОВОРОТА» В СТРАНАХ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ В ПЕРИОД 2015–2025 ГГ.

В статье анализируется трансформация идеологических платформ, электоральных стратегий и коалиционного поведения консервативных и право-популистских партий Дании, Норвегии, Швеции и Финляндии в 2015 – 2025 гг. на фоне общеевропейского «правого поворота». Показано, что североевропейские партии правого спектра прошли путь от маргинальных антииммигрантских движений к системным игрокам, способным формировать правительства или выступать их ключевой поддержкой. Выявлены три основные траектории трансформации: «норвежская» (долгосрочное участие во власти с умеренной дерадикализацией), «датская» (жесткий антииммигрантский консенсус при сохранении социального государства) и «шведско-финская» (быстрая нормализация бывших радикальных партий после 2022 г).

Правый популизм, Северная Европа, нормализация, идеологическая трансформация, миграционный кризис, коалиционная политика, Швеция, Шведские демократы, Дания, Норвегия, Финляндия

Последнее десятилетие ознаменовалось заметным сдвигом европейского политического ландшафта вправо, получившим в научной литературе название «правый поворот» или «четвертая волна» праворадикализма (К. Мюдде, 2019) [1 с. 46]. Традиционно считавшиеся бастионом социал-демократического консенсуса и политической умеренности страны Северной Европы (Дания, Норвегия, Швеция, Финляндия) не остались в стороне от данной тенденции. Если в 2000-е годы право-популистские партии региона занимали маргинальное положение, то к 2025 г. они, либо входят в правящие коалиции (Норвегия и Финляндия) либо выступают внешней поддержкой правительства (Дания), либо стали второй-третьей по величине парламентской фракцией (Швеция).

Трансформация консервативных и право-популистских партий Северной Европы в 2015–2025 гг. происходила под воздействием четырех взаимосвязанных кризисных факторов, разрушивших прежнюю парадигму «скандинавской исключительности». Первым и наиболее мощным триггером стал миграционный кризис 2015–2016 гг., когда Швеция приняла рекордные 163 тыс. просителей убежища (1,6% населения), Финляндия – более 32 тыс. [2], а Дания и Норвегия уже к концу 2015 г. ввели временный пограничный контроль

и радикально сократили социальные гарантии для иммигрантов. Вторым фактором выступил энергетический и инфляционный кризис 2022–2023 гг., подорвавший доверие к дорогостоящей «зеленой трансформации» и усиливший запрос на защиту национальной промышленности и рабочих мест. Третий – постпандемийное укрепление национального суверенитета и критика наднациональных решений. Четвертым – долгосрочная эрозия социал-демократической гегемонии, выразившаяся в устойчивом снижении electoralной поддержки левых и левоцентристских сил во всех четырех странах. На этом фоне сложились четыре различимые национальные траектории трансформации.

Норвежская модель (Партия прогресса, Fremskrittspartiet) представляет собой наиболее ранний и длительный опыт в регионе опыта включения правопопулистской силы в правящую коалицию (2013–2021 и с 2025 г.). За этот период партия прошла контролируемую дерадикализацию: отказалась от требования полного выхода из Европейской экономической зоны, смягчила климатический скептицизм, сохранив при этом жесткую антииммигрантскую риторику. Тактический выход из правительства в январе 2020 г. позволил вернуть «аутентичность» перед выборами 2021 г., а возвращение в коалицию в 2025 г. с результатом 23,8% [3] под руководством Сильви Листхауг окончательно закрепило статус FrP как полностью «нормализованной», но не утратившей основной электорат партии.

Датская модель уникальна тем, что максимальное влияние правопопулистов достигнуто при минимальном прямом участии во власти. Датская народная партия (Dansk Folkeparti) в 2001–2011 и 2015–2019 гг. выступала внешней опорой либерально-консервативных кабинетов, обеспечив «парадигмальный сдвиг» в миграционной политике (временная защита вместо постоянного вида на жительство, конфискация ценностей, план ликвидации «параллельных обществ»). Раскол 2022 г. и создание партии «Датские демократы» Ингер Стейберг привели к конкурентному ужесточению риторики, в результате которого даже социал-демократы под руководством Метте Фредериксен приняли лозунг «нулевой нетрудовой миграции» и идею внешних центров обработки заявок. Таким образом, в Дании сформировался редкий всепартийный национал-консервативный консенсус по вопросам идентичности при сохранении одного из самых щедрых в мире социальных государств.

Шведская и финская траектории относятся к типу «запоздалой, но стремительной нормализации» бывших антисистемных акторов. «Шведские демократы» (Sverigedemokraterna) до 2018 г. находились под жестким «санитарным кордоном» и политической изоляцией, однако после выборов 2022 г. (20,5%) [4] и 134-дневного правительственного кризиса стали незаменимым внешним партнером правоцентристского кабинета Ульфа Кристерссона (соглашение Тиде). Партия получила беспрецедентное влияние на миграционную, криминальную и энергетическую политику без занятия министерских постов, а квота гуманитарной иммиграции была сокращена с 5000 до 900 че-

люлек в год. Под руководством Джимми Окессона ШД отказались от требования выхода из ЕС, поддержали вступление Швеции в НАТО и перевели антимусульманскую риторику в культурно-цивилизационный регистр («шведские ценности», принудительная ассимиляция или репатриация).

В Финляндии «Истинные финны» (Perussuomalaiset) продемонстрировали циклическую динамику: резкий рост в 2011 г. (19,1%) [5], участие в правительстве 2015–2017 гг., раскол 2017 г. после избрания радикального лидера Юсси Халла-ахо, оппозиционная радикализация 2019–2023 гг. и триумфальное возвращение в коалицию в 2023 г. уже под руководством Рийкки Пурра с 20,1% [5]. Партия получила семь министерских позиций, включая ключевые посты, и провела самые жесткие в Евросоюзе меры по сокращению гуманитарной миграции и ужесточению условий получения гражданства.

Общим для всех четырех случаев является значительное идеологическое смещение. Оно выражается в ряде ключевых трансформаций. Во-первых, сохраняется и даже усиливается антииммигрантская и антимусульманская позиция. Во-вторых, происходит эволюция от радикального евроскептицизма. На смену ему приходит модель прагматичного сотрудничества с Европейским союзом. Это сотрудничество носит критический характер. В-третьих, признается антропогенный характер климатических изменений. При этом одновременно звучит жесткая критика предлагаемых «зеленых» мер. В качестве примера таких мер можно назвать «дорогостоящие зеленые налоги». Наконец, наблюдается окончательный отказ от неолиберальных установок 1990-х годов, а вместо них принимается концепция «шовинизма благосостояния» [6, с. 23].

К 2025 г. во всех странах Северной Европы полностью разрушен «санитарный кордон» вокруг право-популистских сил, традиционные правоцентристские партии существенно сместились вправо по вопросам идентичности и миграции. Социал-демократы либо утратили гегемонию (Швеция, Финляндия), либо радикально ужесточили собственную позицию (Дания), а фактическая миграционная и интеграционная политика региона стала одной из самых рестриктивных в Евросоюзе [7]. Таким образом, «правый поворот» в Северной Европе носит не конъюнктурный, а структурный и, по-видимому, необратимый характер, ознаменовав окончательное завершение эпохи социал-демократической исключительности и полную интеграцию региона в общеевропейскую тенденцию роста и нормализации правых сил.

Особое значение в процессе трансформации приобрела стратегия управляемой дерадикализации осуществлявшаяся одновременно «сверху» и «снизу». «Сверху» лидеры второго-третьего поколения (Джимми Окессон, Рийкка Пурра, Сильви Листхауг, Ингер Стейберг) последовательно исключали из партийных рядов носителей откровенно неонацистского или антисемитского прошлого, вводили жесткие кодексы коммуникации и переформулировали антииммигрантскую повестку в терминах «защиты шведских/датских/финских/норвежских ценностей» и «культурной несовместимо-

сти» и «социальной сплоченности». «Снизу» давление оказывал средний класс пригородов и малых городов, для которого жесткая риторика по преступности и иммиграции сочеталась с требованием сохранения высокого уровня социальных гарантий и бесплатного здравоохранения. Именно эта комбинация «шовинизма благосостояния» и культурного консерватизма оказалась электорально наиболее выигрышной и позволила правым партиям выйти далеко за пределы традиционного рабочего протестного электората.

Еще одним важным следствием «правого поворота» стала трансформация внутрипартийной структуры традиционных консервативных партий региона. В Норвежской консервативной партии, шведской умеренной коалиционной партии, финской Национальной коалиции и датской Венстре (Датская либеральная партия) усилились национал-консервативные фракции, ранее маргинальные. Молодые политики, выросшие в эпоху социальных сетей и миграционного кризиса, открыто заимствовали риторические приемы у правопопулистов, но упаковывали их в более респектабельную форму. В результате границы между «умеренными» консерваторами и «радикальными» популистами к 2025 г. стали во многом условными: различия сохраняются преимущественно в тональности, а не в содержании политики по ключевым вопросам идентичности, безопасности и миграции.

Наконец, североевропейский опыт продемонстрировал высокую адаптивность право-популистских партий к институциональным ограничениям консociальных демократий. В условиях пропорциональных систем, многопартийности и частых коалиционных правительств радикальные лозунги быстро превращались в конкретные пункты коалиционных соглашений (Соглашение Тиде в Швеции и правительственная платформа Петтери Орпо в Финляндии). Это привело к парадоксальному эффекту: чем больше правопопулисты получали реальной власти или влияния на нее, тем быстрее происходила нормализация их имиджа в глазах избирателей и СМИ. К 2025 году формулировка «экстремистская партия» применительно к «Шведским демократам» или «Истинным финнам» уже звучит в основных медиа региона как анахронизм.

Таким образом, североевропейский «правый поворот» 2015–2025 гг. следует рассматривать не как временное отклонение от «нормального» социал-демократического пути, а как завершение длительного процесса реконфигурации политического пространства под влиянием глобальных вызовов идентичности, суверенитета и распределения благосостояния. Регион, долгие десятилетия служивший образцом прогрессивной исключительности, окончательно интегрировался в общеевропейскую тенденцию роста и институционализации правых сил, предложив при этом собственную оригинальную модель – национально-консервативное государство всеобщего благосостояния с жесткими культурными границами.

Источники:

1. The far right today: by Cas Mudde, Cambridge, UK, Polity Press, 2019.
2. Asylum applicants by type, citizenship, age and sex – annual aggregated data, Eurostat URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/migr_asyapp-ctza/default/table?lang=en (дата обращения 10.12.2025).
3. Election result, Valgresultat URL: <https://valgresultat.no/valg/2025/st> (дата обращения 10.12.2025).
4. Valresultat 2022, Val.se URL: <https://www.val.se/val2022> (дата обращения 10.12.2025).
5. Eduskuntavaalit, Vaalit URL: <https://vaalit.fi/eduskuntavaalit> (дата обращения 10.12.2025).
6. Bambra, Clare & Lynch, Julia. Welfare Chauvinism, Populist Radical Right Parties and Health Inequalities Comment on «A Scoping Review of Populist Radical Right Parties' Influence on Welfare Policy and its Implications for Population Health in Europe» // International Journal of Health Policy and Management. 2020. № 10. 10.34172/ijhpm.2020.149 pp.
7. Manifesto Project, Data Dashboard URL: https://visuals.manifesto-project.wzb.eu/mpdbshiny/cmp_dashboard_corpus_doc/ (дата обращения 10.12.2025).

D. G. Cherkasov (St. Petersburg State Electrotechnical University «LETI»)

CRISES AND RIGHT TURN TRAJECTORIES IN THE NORDIC COUNTRIES (2015-2025)

The article analyzes the transformation of ideological platforms, electoral strategies, and coalition behavior of conservative and right-wing populist parties in Denmark, Norway, Sweden, and Finland in 2015–2025 against the backdrop of a pan-European «right turn». It is shown that the Northern European parties of the right-wing spectrum have gone from marginal anti-immigrant movements to systemic players capable of forming governments or acting as their key support. Three main transformation trajectories have been identified: «Norwegian» (long-term participation in government with moderate deradicalization), «Danish» (a tough anti-immigrant consensus while maintaining a welfare state) and «Swedish-Finnish» (rapid normalization of former radical parties after 2022).

Right-wing populism, Northern Europe, normalization, ideological transformation, migration crisis, coalition politics, Sweden, Sweden Democrats, Denmark, Norway, Finland

УДК 327

В. О. Чернов (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, e-mail: vochernov@list.ru)

ЦИФРОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ КАК СРЕДСТВО РЕШЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СПОРОВ: КЕЙС ЯПОНИИ

В статье рассматривается роль цифровой дипломатии Японии в процессе урегулирования территориального спора с Россией вокруг Южных Курильских островов. В условиях трансформации международных коммуникаций цифровая дипломатия становится значимым инструментом внешней политики. Новизна работы заключается в комплексном рассмотрении цифровой дипломатии Японии как особого механизма поддержания международной вовлеченности. Анализируются инструменты и методы цифровой дипломатии, используемые страной. Делается вывод, о значении цифровой дипломатии в контексте внешней политики страны.

Цифровая дипломатия, Япония, Россия, российско-японские отношения, Курильские острова, территориальный спор, информационно-коммуникационные технологии, информационная политика

В эпоху глобальной цифровизации дипломатия постепенно выходит за рамки традиционных форм межгосударственного взаимодействия, трансформируясь в многослойную систему коммуникаций, опирающуюся на цифровые технологии. Одним из примеров применения цифровой дипломатии является опыт Японии, которая использует цифровые платформы для продвижения своей позиции в территориальном споре с Россией вокруг Южных Курильских островов (Северных территорий).

Актуальность исследования обусловлена растущей ролью цифровых технологий в международных отношениях и необходимостью поиска новых форм взаимодействия между государствами в условиях геополитической нестабильности. Анализ цифровой дипломатии в контексте Курильского вопроса позволяет не только оценить ее потенциал и ограничения, но и выявить тенденции трансформации международных коммуникаций в условиях глобальной цифровизации.

Цель статьи – проанализировать особенности применения цифровой дипломатии Японии в процессе урегулирования территориального спора с Россией, определить ключевые стратегии, методы и риски данного подхода, а также оценить его эффективность и влияние на международную повестку.

Методологическая основа исследования опирается на сравнительно-политический подход, который позволяет рассмотреть цифровую дипломатию Японии как часть широкой системы ее внешнеполитической стратегии.

Также проведен анализ публичных заявлений японских политических лидеров, публикаций в национальных СМИ и материалов международных исследовательских центров. Эмпирическая база работы включает официальные обращения японского правительства, материалы японских СМИ и аналитические публикации.

Новизна исследования заключается в комплексном анализе цифровой дипломатии Японии как альтернативного механизма влияния и поддержания международной повестки. Несмотря на наличие трудов о территориальных спорах, вопрос использования цифровых инструментов в японско-российском контексте остается малоизученным. Исследование показывает, что цифровая дипломатия становится альтернативным механизмом поддержания международной вовлеченности при замороженных конфликтах.

Конфликт на Южных Курильских островах представляет собой территориальный пограничный спор между Японией и Россией, возникший из-за того, что все Курильские острова были включены в состав СССР по Ялтинскому соглашению 1945 г. Япония стремится восстановить суверенитет над четырьмя южными островами архипелага (Итуруп, Кунашир, Шикотан, Хабомаи), утраченными после Второй мировой войны, и заключить официальный мирный договор с Россией. Россия, в свою очередь, сохраняет военный контроль над островами в стратегических целях и отказывается возвращать их Японии [1].

Вопрос передачи архипелага носит геополитический характер. Острова не только граничат с богатыми рыбными угодьями, но и изобилием горячих источников, полезных ископаемых и редкоземельных металлов. Кроме того, контроль России над этими островами с 1945 года обеспечил стране выход к Тихому океану и, следовательно, к западному побережью США. В последнее время Россия использует стратегическое положение Курильских островов, милитаризуя архипелаг [2].

В Японии проблема принадлежности спорных территорий остается предметом острой общественной и политической дискуссии. Интерес к теме поддерживается не только политическими соображениями, но и культурными факторами. Особое значение имеет тот факт, что на островах находятся захоронения японцев, проживавших там до поражения страны во Второй мировой войне. Как отмечает издание *The Japan Times*, в июле 2025 года бывшие жители южных Курильских островов уже в четвертый раз подряд были вынуждены проводить поминальную церемонию в открытом море, не имея возможности высадиться на архипелаге. Это обусловлено приостановкой программ гуманитарных обменов между Россией и Японией, связанной с политическими разногласиями между странами в связи с проведением специальной военной операции на территории Украины [3]. Для японского общества, в котором традиционно сильна культура почитания предков и сохранения исторической памяти, этот аспект имеет особую эмоциональную значимость.

На фоне отсутствия мирного договора и усиливающейся геополитической напряженности Япония прибегает к инструментам цифровой диплома-

тии как к средству поддержания международного внимания к проблеме, формирования благоприятного общественного мнения и укрепления связей с союзниками. Цифровая дипломатия становится важным компонентом японской внешней политики, направленным на использование коммуникационных технологий для достижения стратегических целей в условиях ограниченных возможностей традиционной дипломатии.

Для решения территориальных споров касательно четырех курильских островов Япония преимущественно использует следующие платформы и инструменты:

- официальные сайты правительственных структур;
- официальные и неофициальные тематические сайты, распространяющие информацию о программах обмена;
- цифровые СМИ.

Япония использует цифровую дипломатию в своих усилиях по разрешению территориального спора с Россией, прежде всего, путем содействия коммуникации, вовлечению общественности и обмену информацией для обоснования своих требований и поощрения диалога. Несмотря на то, что прямой прогресс в переговорах приостановлен из-за геополитической напряженности, Япония использует цифровые платформы для интернационализации текущей проблемы вокруг южных Курильских островов для того, чтобы обозначать свою позицию, основанную на международном праве, а также для содействия программам обмена и развития межличностных связей.

Ключевые аспекты использования Японией цифровой дипломатии включают.

1. Цифровые сообщения японского правительства и заявления лидеров в формате видео, подчеркивающие нерешенный характер территориального вопроса и стремление возобновить диалог с Россией. Целью этих обращений являются поддержание глобальной осведомленности о проблеме и формирование благоприятного общественного мнения. Так, например, в 7 февраля 2025 года Премьер-министр Японии Сигэру Исиба пообещал положить конец давнему территориальному спору с Россией. В своем видеообращении он заявил: «Вызывает глубокое сожаление, что территориальный вопрос до сих пор не решен, а двусторонний мирный договор не подписан, несмотря на 80-летие окончания войны» [4].

2. Использование онлайн-каналов для продвижения программ обмена для бывших жителей спорных островов, что способствует укреплению культурных и социальных связей. Стоит отметить, что, хотя эта программа была приостановлена в 2022 году, японское правительство выразило намерение содействовать ее возобновлению.

3. Участие в более широких цифровых экономических и технологических партнерствах, как это видно на примере цифровой дипломатии Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в отношениях с другими партнерами, включая ЕС, для укрепления своей региональной позиции и косвенного уси-

ления дипломатического влияния на Россию. В качестве примера можно привести участие Японии в совете Digital Partnership Council Европейского Союза 12 мая 2025 года, а также в различных программах, связанных с обменом информацией, таких как Data Free Flow with Trust (DFFT), и с искусственным интеллектом [5].

4. Пропаганда через цифровые СМИ для поддержания информированного общественного дискурса и дипломатического давления. Это направление служит формой адаптации японской внешней политики к условиям, в которых прямые переговоры с Россией недоступны [6]. Цель достигается путем расширения понимания претензий Японии и более широких последствий спора среди международной общественности. Японские СМИ на английском языке, такие как The Asahi Shimbun, The Japan News и The Japan Times, на протяжении как минимум последних 20 лет периодически выпускают статьи, освещающие проблему.

В целом, хотя прямой дипломатический прогресс с Россией ограничен из-за геополитической напряженности, Япония использует инструменты цифровой дипломатии в качестве стратегического дополнения к традиционной дипломатии. Этот подход соответствует более широкой дипломатической стратегии Японии, направленной на привлечение союзников, таких как США и ЕС, использование цифровых партнерств и интерпретацию спора в контексте международного права в цифровом формате для противодействия текущей позиции России.

Однако несмотря на то, что можно выделить широкий ряд приемов цифровой дипломатии, которые использует Япония, внедрение цифровых технологий в Японии происходит сравнительно медленно, что сказывается на возможностях страны. В то время как другие страны активно внедряют искусственный интеллект, облачные сервисы и аналитику данных в режиме реального времени, японское правительство по-прежнему отдает предпочтение традиционным форматам работы [7].

Другое важное ограничение цифровой дипломатии заключается в том, что она может быть инструментом для влияния на общественное мнение и продвижения своих позиций, но не является основным методом решения территориальных споров, которые требуют традиционных дипломатических и юридических усилий. Проблема усугубляется тем, что, в связи с политической ситуацией, Россия отказывается вести переговоры с Японией после 2022 года. Согласно заявлению пресс-секретаря Министерства иностранных дел России Марии Захаровой, причиной этому служит «враждебный курс, нацеленный на нанесение ущерба нашей стране и ее гражданам» [8].

Еще одна проблема, препятствующая развитию цифровой дипломатии Японии по поводу Курильского вопроса – недостаточный уровень сформированности общественного мнения среди японского населения. По мнению аналитиков, правительству страны следует активнее распространять свою по-

зицию по Курильскому вопросу не только на международную аудиторию, но и на внутреннюю [9].

Таким образом, территориальный спор вокруг Курильских островов остается нерешенным, однако инструменты цифровой дипломатии позволяют Японии поддерживать внимание международного сообщества к данной теме. В долгосрочной перспективе это может способствовать формированию более благоприятных условий для урегулирования конфликта.

В данном контексте цифровая дипломатия служит для Японии стратегическим инструментом, дополняющим методы традиционной дипломатии. Однако эффективность цифровых инструментов ограничена рядом факторов: медленным внедрением информационных технологий в стране и геополитической напряженностью. Кроме того, цифровая дипломатия не может заменить прямые политические и юридические переговоры, необходимые для окончательного разрешения спора.

Использование Японией цифровой дипломатии в исследуемой ситуации показывает, как цифровые инструменты могут функционировать в условиях замороженного конфликта. Данный кейс наглядно демонстрирует, что основная значимость цифровой дипломатии заключается не в непосредственном разрешении спора, а в поддержании темы в международной повестке.

Источники:

1. Гибадюков М. Курильский Конфликт: «Япония, Которая Может Сказать Нет» // iGlobe News. URL: <https://www.iglobenews.org/ru> (дата обращения: 17.09.2025).
2. Choudhury, S. A Dispute for the Decades: The Russo-Japanese Struggle for the Kuril Islands // Harvard International Review. URL: <https://hir.harvard.edu/kuril-islands-russia-japan> (дата обращения: 17.09.2025).
3. Ex-residents of Japan-claimed isles hold memorial at sea // The Japan Times. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2025/07/21/japan/northern-territories-ex-residents-memorial> (дата обращения: 17.09.2025).
4. Japan's premier vows to end territorial dispute with Russia // Anadolu Agency. URL: <https://www.aa.com.tr/en/asia-pacific/japans-premier-vows-to-end-territorial-dispute-with-russia/3474968> (дата обращения: 17.09.2025).
5. Joint statement following the EU-Japan Summit 2025, № 25/1890 // European Commission. Press corner. URL: https://ec.europa.eu/commission/press-corner/detail/en/statement_25_1890 (дата обращения: 17.09.2025).
6. Wellisch, S., Laš, L. Media discourses of territorial disputes in Japan // Asian Geographer. 2020. №39. С. 1-19. DOI 10.1080/10225706.2020.1768569.
7. Irsyam, D. Why Japan Leads in Robots but Lags in Digital Life // Medium. URL: <https://medium.com/@dirsyamuddin29/why-japan-leads-in-robots-but-lags-in-digital-life-2e3e4c0849ff> (дата обращения: 17.09.2025).
8. Комментарий официального представителя МИД России М.В.Захаровой в связи с высказываниями японского руководства по тематике

российско-японских отношений // Министерство иностранных дел Российской Федерации URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1984568 (дата обращения: 17.09.2025).

9. Japan-Russia Reality Check: From Abe to Suga // Carnegie. URL: <https://carnegie.ru/commentary/84101> (дата обращения: 17.09.2025).

V. O. Chernov (*Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University*)

DIGITAL DIPLOMACY AS A MEANS OF RESOLVING TERRITORIAL DISPUTES: THE CASE OF JAPAN

The article examines the role of Japan's digital diplomacy in the process of resolving the territorial dispute with Russia over the Southern Kuril Islands. In the context of the transformation of international communications, digital diplomacy is becoming an important tool of foreign policy. The novelty of the work lies in the comprehensive consideration of Japan's digital diplomacy as a special mechanism for maintaining international engagement. The article analyzes the tools and methods of digital diplomacy used by the country. The conclusion is made about the importance of digital diplomacy in the context of the country's foreign policy.

Digital diplomacy, Japan, Russia, Russian-Japanese relations, the Kuril Islands, territorial dispute, information and communications technology, information policy

УДК 378.147, 316.776.4

Л. В. Шарахина (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: lvsharakhina@etu.ru);

Н. В. Шашкова (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: nv.shashkova@gmail.com)

ГИБРИДНЫЕ КОММУНИКАЦИИ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ

В статье рассматривается влияние гибридных коммуникаций на трансформацию образовательного процесса в университете. Анализируется и обобщается определенный опыт образовательной практики, учитывающей взаимодействие человеческих и технологических актантов в учебном процессе.

Коммуникация, гибридные коммуникации, человеческие и технологические актанты, высшее образование, образовательный процесс

Понятие гибридных коммуникаций является одним из актуальных в современном научном знании. Его осмысление происходит как в общетеоретическом, так и научно-практическом контекстах. Э. Чэдвик рассматривает его в рамках исследования гибридной медийной системы общества, А. Хепп предлагает их анализ с позиции медиатизации и коммуникативного конструктивизма, Г. А. Малецке анализирует воздействие «механистических систем» на мир человека, под влиянием которых происходит развитие цифрового антропоцена. В аспекте научно-прикладных исследований глубокие выводы содержатся в работах А. Н. Чумикова, Д. П. Гавры и ряда других авторов, исследующих гибридные форматы как стратегический инструмент для управления коммуникациями в бизнесе, политике и государственных структурах.

Образование как важнейшая часть современного социума не может не испытывать на себе происходящие глубокие социокультурные изменения. Мы разделяем общую научную позицию упомянутых выше авторов, согласно которой современное понимание коммуникации уже не соотносится лишь с передачей информации. Коммуникация сегодня является средой обитания, полем развития и механизмом трансформации общества и человека. Поэтому справедливо рассматривать многие социальные феномены в контексте именно коммуникативных систем. На наш взгляд, современное образование также представляет собой коммуникативную систему, которая активно трансформируется в соответствии с процессом гибридизации.

Гибридность предполагает глубокое взаимопроникновение цифровых и не-цифровых форм взаимодействия, а также порождения на этой основе новых динамичных коммуникативных практик и форм медиапотребления. Эти

практики активно проникают и в образовательную систему, обуславливая существенные изменения фундаментальных процессов в современном университете. Их осмысление, по справедливому замечанию коллег «обусловлено как теоретической необходимостью, так и практическими запросами современной отечественной системы образования (среднего, высшего), которые связаны с пониманием ценностных установок молодежи, поиском эффективных коммуникационных механизмов взаимодействия педагогов и учащихся, становлением форм личностного развития молодежи» [1, с. 7].

В данной статье содержится некоторое обобщение накопленного опыта использования гибридных коммуникаций в реализации магистерской и бакалаврской образовательных программ на кафедре «Связи с общественностью» в СПбГЭТУ «ЛЭТИ».

Прежде всего поясним, что под гибридными коммуникациями в образовательной практике мы понимаем взаимодействие человеческих и нечеловеческих (технологических) актантов (платформ, нейросетевых алгоритмов и т. п.), которое приводит к генерации чего-то нового (смысла, отношения, продукта и др.) в учебном процессе. Важно подчеркнуть, что речь здесь идет не о совместном использовании технологических «ноу-хау» с традиционными форматами обучения, а именно о новом качестве результата образовательной/педагогической активности, появившемся вследствие взаимопроникновения человеческих и технологических агентов в процессе образовательной коммуникации. Опираясь на понимание номадического пространства Ж. Делеза и Ф. Гваттари, исследователь Андриана де Соуза-э-Сильва справедливо отмечает, что «гибридное пространство как номадическое пространство означает фокусировку на отношениях (путях) между его элементами (связность, мобильность и общительность), а не на самих элементах (точках), поскольку смысл возникает из связей внутри сети» [2].

В ограниченных рамках данной статьи трудно описать весь спектр возможностей гибридных коммуникаций, обозначим лишь некоторые.

1. Повышение инклюзии и доступности содержания программы (учебных дисциплин, предметов) у студентов. Мы ранее отмечали, что в результате взаимодействия с нейросетевыми алгоритмами «возрастает коммуникативная модальность самой информации, и человек с минимальным набором компетенций в той или иной области, например, может существенно расширить горизонты своего сознания и границы своего развития» [3, с. 485]. В работе со студентами, обучающимися на разных уровнях (бакалавриата/ магистратуры), мы наблюдаем разные «точки входа» в образовательный вузовский процесс. У бакалавров подобный опыт связан со школьной подготовкой, у магистрантов – с уровнем бакалавриата. Причем магистрант может иметь абсолютно разный профессиональный бэкграунд, который не соотносится напрямую с нынешним направлением его подготовки (например IT-инженер или журналист может осваивать направление, связанное с коммуникационными стратегиями в высокотехнологичных отраслях). Гибридные

коммуникации позволяют активно использовать новые форматы презентации знаний (видеоролик, текст, интерактив, лэндинг, геймификация), позволяющие студенту быстрее включиться в учебный процесс и легче адаптироваться к необходимому образовательному контенту. Кроме того, большое количество обучающихся традиционно воспринимает контент из одного источника коммуникации (преподаватель на лекции). При этом остаются без внимания индивидуальные особенности студентов, проявляющиеся в их когнитивных стилях (например, различия в восприятии информации аудиалом, визуалом или кинестетиком). Гибридные коммуникации в учебном процессе позволяют в большей степени учесть разнообразные потребности аудитории с помощью новых форм коллективной образовательной вовлеченности (например, интерактивные доски). И, наконец, гибридные коммуникации позволяют достаточно эффективно решить проблему асинхронности в освоении материала. Она связана с темпоральными особенностями студента восприятия учебного материала. Активное обращение к чатам, видеолекциям, обсуждениям на форумах учебных тем позволяет устранить подобные барьеры и создать более благоприятную и дружескую атмосферу интеллектуального постижения.

2. Развитие навыков работы со сложными поликодовыми образовательными текстами. Один из пластов сложности самой коммуникации заложен в ее поликодовости, когда смысл воплощается в различных системах (допустим, текстовый ряд – визуальный – речевой – интерактивный). Например, задание первокурсникам по истории искусства: создать сообщение по одному из памятников культуры Петербурга XX века. Бакалавр выбирает Дом Розенштейна и делает гайд по созданию «Дома с башнями» в игре Minecraft. Какие навыки развиваются у студента: а) анализ собственного поликодового поля. Студент превращается в имплицитного зрителя, когда «чужое» становится «своим» (памятник архитектуры); б) учится декодировать смыслы сложных систем (в данном случае, произведения искусства); в) переводить смыслы между разными знаковыми системами. В нашем случае это визуальный образ (Дом Розенштейна) – текст (информация о памятнике + составление самостоятельного отрефлексированного текста) – интерактив (геймифицированная игра) – речь (презентация своего проекта: буклет + мультимедийная презентация); г) создавать новое знание и систему сообщений, транслирующих его в различных форматах; д) осуществлять саморефлексию в новой гибридной коммуникативной системе.

3. Формирование и развитие навыков критического мышления в гибридных коммуникациях. Например, задание изучить конкретный мем как пример вирусной коммуникации позволит студенту, обучающемуся на направлении реклама и связи с общественностью пройти определенные этапы и сформировать/развить навыки: а) обращения к оригинальному первоисточнику (мем был нейтральным или уже сознательно интенциональным в момент своего происхождения); б) различения оригинального смысла его последующей

трансформации; в) интерпретации (т. е. как мем наполняется различными смыслами в зависимости от контекста использования, отражая идеи и ценности); г) анализа данных (охваты, реакции, комментарии и т. п.). В этом случае информация для студента перестает быть «неподъемным» и «скучным» объектом исследования, а предстает как реально действующий актант гибридной коммуникативной среды, с которым происходит активное взаимодействие. Более того именно гибридный ландшафт современных коммуникаций заостряет проблему критического мышления в аспекте формирования и развития «новостной грамотности» как рационально-аналитического умения человека, связанного с эффективным использованием «собственных аналитических способностей и навыков критического мышления, дабы судить о достоверности, степени надежности и сбалансированности информации, поступающей из новостных сообщений – откуда бы те ни исходили: из прессы, радио, телевидения или сети Интернет» [4, с. 306].

4. Гибридные коммуникации формируют и развивают у студентов отношение к образованию как непрерывному процессу. Это особенно важно при организации групповой работы. Гибкость коммуникации, возможная с помощью цифровых инструментов, позволяет обращаться к ним в удобный момент вне аудиторного времени. Интеллектуальная и эмоциональная активность студента может актуализироваться в соответствии с его индивидуальным временным графиком. И, таким образом, смягчается организационная заданность (аудиторное расписание) образовательной деятельности. Чаты или сетевые форумы значительно упрощают работу внутри групп, стирая жесткие пространственно-временные границы коммуникации внутри группы. А образование начинает восприниматься как постоянно развивающийся(-ся) процесс.

Вместе с тем нельзя не обозначить определенные проблемы, порожденные гибридными коммуникациями и требующие своего осмысления. Они связаны с возможной когнитивной перегрузкой, как студента, так и преподавателя. Особенную актуальность здесь приобретает вопрос не только познавательного напряжения, но и резкое возрастание любой информационной нагрузки (информационный шум, например). Очень востребованным в таком случае становится коммуникативный детокс. Кроме того, элиминирование границ между разумной академичностью и известной демократизацией стиля и самого языка гибридных коммуникаций может привести к поверхностному отношению к учебным задачам, фрагментации внимания коммуникаторов, известному упрощению сложных понятий и решений и т. п.). Цифровая гибридизация образовательного процесса обуславливает значительную трансформацию роли преподавателя (особенно в аспекте мультизадачности). Во многом меняется традиционный функционал преподавателя как хранителя и передатчика знания. Актуальной становится его роль эксперта, медиатора, дизайнера образовательного пространства.

Таким образом, гибридизация образования как коммуникативной системы ведет к качественным изменениям самого образовательного процесса и его

участников. Наблюдаемая трансформация имеет сложное и полимодальное выражение. Она соотносится с созданием более гибкой системы, учитывающей персонализированные особенности и запросы участников, возникновению новых форм и методов обучения и качества результата. И вместе с тем обнаруживается проблемное поле, в котором мы встречаемся с когнитивным дисбалансом, угрозой упрощения и потери глубокого смысла изучаемого материала, субъективности и разрушения некоторых педагогических традиций. Поэтому активное использование гибридных коммуникаций в образовательном процессе требует тщательного проектирования, грамотного соотношения рисков и появившихся возможностей, направлено на укрепление образования как непреходящей ценности и необходимости развития и саморазвития человека и общества.

Источники:

1. Медиапотребление «цифровой молодежи» в России / под ред. Д. В. Дунаса. М.: МГУ, 2021. URL: <https://www.journ.msu.ru/upload/iblock/4ea/4eae7985ff410d18b94a34d3c2debb-64.pdf> (дата обращения 07.12.2025)
2. A. De Souza E Silva, Hybrid Space revisited: from concept toward theory // URL: <https://academic.oup.com/ct/article/35/1/14/7923679> (дата обращения 03.12.2025)
3. Шашкова Н. В., Каймасиди Н. П., Зайцева О. В. Коммуникативная парадигма «цифродернизма». Нейросеть – живая или мертвая // Информация – Коммуникация – Общество (ИКО–2024): Труды XXI Всероссийской научной конференции с международным участием / Санкт-Петербург, 1–2 февраля 2024 г. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ, 2024.
4. Шомова С. А. News Literacy: модный бренд или насущная необходимость // Вестник Университета (Государственный университет управления), 2013. № 21. С. 304–310.

L. V. Sharakhina (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»);
N. V. Shashkova (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

HYBRID COMMUNICATIONS IN THE CONTEXT OF EDUCATION PROGRAMS IMPLEMENTATION

The influence of hybrid communications on the university education process are reviewed in the article. The definite experience of education practice, based on interaction of human and technological actants in education process, are analyzed.

Communication, hybrid communications, human and technological actants, higher education, education process

УДК: 316.776

О. А. Шевченко (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: sevcholia@yandex.ru)

ДИАЛЕКТИЗМЫ КАК ЭЛЕМЕНТ КОММУНИКАЦИИ БРЕНДОВ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ Р. КРЕЙГА

В условиях глобализации и информационного перенасыщения бренды сталкиваются с необходимостью выделяться и устанавливать эмоциональную близость с аудиторией. Одним из инструментов достижения этой цели становятся диалектизмы. В данной работе проведен анализ использования диалектизмов в коммуникации российских брендов с применением методологии теории «коммуникативного поля» Роберта Крейга. Особое внимание уделено феноменологическому подходу, который позволяет рассматривать диалектизмы как средство уважительного взаимодействия с аудиторией и сохранения локальной аутентичности.

Коммуникация брендов, локальная идентичность коммуникации, феноменологическая традиция в коммуникации, коммуникативное поле Р. Крейга

Глобализация и массовая культура привели к стандартизации коммуникации: бренды зачастую используют сообщения, рассчитанные на среднего потребителя. Однако в последние годы наблюдается противоположный тренд – усиливающееся стремление к аутентичности и культурному разнообразию. В условиях информационного перенасыщения именно региональные особенности становятся ресурсом для эмоционального выделения бренда и формирования близости с потребителем. Это отражается в коммуникации брендов, которые начинают использовать локальные языковые особенности, такие как диалектизмы. О. А. Полякова, исследуя эти языковые формы в рекламных и PR-текстах, отмечает, что, несмотря на ограниченность их употребления, диалектизмы «могут быть ярким средством выразительности в рекламных и PR-текстах» [1, с. 341].

Диалектизмы исторически возникают и функционируют как элементы устной речи – непосредственного, немедиализированного, эмпирически переживаемого диалога. Когда же диалектные формы выводятся из контекста устной речи и включаются в коммуникацию бренда, например, рекламный текст, таргетированные объявления, упаковку, нейминг, они перестают быть частью «подлинного диалога» и превращаются в инструменты воздействия. Таким образом, центральной проблемой данного исследования выступает несоответствие истинного коммуникативного статуса диалектизма той роли, в которой его используют в сообщениях брендов, что несет в себе риски возникновения коммуникативных барьеров.

Актуальность темы вытекает из наблюдаемой в последнее время практики: бренды различных уровней, от локальных точек до федеральных ритейлеров, все активнее эксплуатируют региональные языковые маркеры. Во многом это связано с особенностями поведения потребителей. Так одно из последних исследований «Яндекс Маркета» показало, что треть опрошенных россиян ищут товары в интернет-магазинах, используя диалектизмы [2]. При этом около 70% респондентов хотели бы видеть больше диалектизмов в креативах брендов. Данная тенденция подчеркивает необходимость теоретического осмысления коммуникативной практики использования диалектизмов брендами.

Гипотеза исследования: диалектизмы оказываются эффективными в коммуникации брендов преимущественно тогда, когда их использование находится в контексте феноменологической традиции. «В присутствии лежит сущностная тенденция к близости» [3, с. 58], – пишет Мартин Хайдеггер, один из ярких представителей феноменологической традиции. Следовательно, бренды, используя диалектную лексику в стремлении стать ближе к реципиентам, должны обеспечить «присутствие», что достигается при построении коммуникации, в которой, особое внимание уделяется внутреннему миру и индивидуальному опыту человека.

Цель нашей статьи – на основе коммуникативного подхода Р. Крейга определить особенности коммуникации бренда, использующей в своих сообщениях с ЦА диалектизмы. В задачи исследования входит: 1) с помощью использования нейросети ChatGPT сбор и аннотирование выборки брендинговых коммуникаций; 2) проверка гипотезы путем оценки примеров с точки зрения коммуникативного поля Роберта Крейга; 3) формулирование вывода об эффективных стратегиях использования диалектизмов.

Методология исследования опирается на теорию «коммуникативного поля» Роберта Крейга, что позволяет рассмотреть коммуникацию с позиции различных исследовательских традиций. Это позволяет рассмотреть диалект в коммуникативном сообщении как маркер идентичности, инструмент убеждения, элемент культурной репрезентации и способ установления контакта с ЦА. И обращаясь к различным традициям, можно увидеть всю сложность этого явления.

Анализируя диалект в коммуникации бренда с различных традиций, сформулированных Р. Крейгом, мы можем отметить следующие положения. С точки зрения риторической традиции диалектные выражения выступают инструментом воздействия и усиления выразительности текста. Однако в данном подходе они нередко редуцируются до техники убеждения, упуская из виду историко-культурную значимость и связь с живым человеческим опытом. В рамках кибернетической традиции диалектизмы можно рассматривать как элементы передачи информации, повышающие точность обращения к конкретной аудитории в условиях сложных коммуникационных систем. Здесь ограничением выступит снижение роли субъективного опыта и межличностных отноше-

ний. Социокультурная традиция рассматривает диалектизмы как проявление коллективной идентичности и инструмент воспроизводства культурных норм и традиций. Однако фокус на групповых структурах может привести к игнорированию индивидуального опыта носителя языка и его обезличиванию. С позиции критической традиции использование диалектизмов можно понимать как акт сопротивления норме: сохранение идентичности, противостояние культурной унификации, что, разумеется, смещает акцент на распределение власти в обществе и мешает рассмотрению диалектизмов в рамках их использования в коммуникации брендов. В рамках семиотической традиции диалектизмы понимают как знаки, которые всегда опосредуют смысл, представляющие собой коды, обозначающие принадлежность к конкретной местности. В этом случае их связь с живым человеческим опытом часто оказывается упрощенной до уровня символа. В социопсихологической перспективе внимания уделяется восприятию и поведенческим реакциям на диалектизмы, но культурная значимость и субъективный опыт также остаются недооцененными.

Наконец, феноменологическая традиция позволяет наиболее полно раскрыть сущность диалектизмов, поскольку исходит из признания «Другого» как субъекта, обладающего уникальным опытом присутствия в мире. Р. Крейг так описывает процесс коммуникации в рамках этого подхода в своей статье: «Переживая отношение другого ко мне, я переживаю не только наше сходство, но и наше различие. Благодаря Другому я могу на себя посмотреть не как на себя, а как на другого. На другого смогу посмотреть как на себя» [4, с. 138]. Использование диалектизмов, основанное на феноменологическом подходе, становится актом признания локальной идентичности собеседника, проявлением уважения к его внутреннему миру.

Чтобы понять, как бренды используют диалектизмы в коммуникации на практике, мы провели исследование: сначала с помощью нейросети был сформирован список наиболее часто встречающихся диалектизмов в России; далее по открытым публичным источникам был проведен поиск сообщений. Из общего массива данных была выделена выборка из 10 наиболее репрезентативных примеров – тех, в которых диалектизмы использованы явно и повторяются как элемент брендинга, нейминга или текстовой коммуникации. Каждый кейс проанализирован с опорой на коммуникативное поле Крейга.

Анализ показал, что чаще всего коммуникация брендов находится в контексте семиотической традиции. Так, ростовская кофейня «Кушери», используя региональный диалектизм в нейминге, создает образ «местного», отличного от сетевых аналогов бренда. Аналогичный подход демонстрирует и бренд недвижимости по «Поребрик» в Санкт-Петербурге, используя в названии код, прочно связанный на ассоциативном уровне с конкретным городом.

Довольно часто встречается риторическая традиция, в которой диалектизм работает как средство убеждения, направленного на формирование доверия. Так, ювелирный концепт-store MUÁR оперирует ростовскими лексическими формами «тю», «тютиня» в тексте поста: «Ростов-на-Дону – город

со своим характером, акцентом и вкусом. Здесь говорят коротко, но выразительно. Здесь знают, что “ТЮ” – не просто звук, а настроение. Здесь растет ягода с особым именем, вкусом и запахом – ТЮТИНА, очень известная местным. На поверхности каждого изделия – “ТЮ” и стилизованный силуэт ягоды тютини. Это напоминание о корнях, о родной земле, о языке, который не спутаешь ни с чем. Именно этот уникальный код города вдохновил нас на создание нового бренда “ТЮТИНА”».

Социокультурная традиция отражается в названии художественной выставки «Жердела» в галерее «Ростов», посвященной творчеству локальных авторов. В данном случае диалектизм направлен не столько на идентификацию объекта или суггестивное воздействие, сколько на отражение в себе коллективного историко-культурного опыта жителей юга России.

Иногда мы наблюдаем использование диалектизмов в кибернетической модели, например, «бадлон» как товарная позиция и тег Ozon. Здесь диалектизм редуцируется до интерфейсного сигнала для поиска, становясь элементом оптимизации потока интернет-трафика.

На фоне таких примеров особенно контрастирует другой тип практики – когда диалектизм используется в духе феноменологической традиции. Характерный пример – проект бренда Ozon «Создано людьми» о российских предпринимателях со всех уголков страны. Проект показывает истории этих простых людей, рассказанные ими самостоятельно, с сохранением речевых особенностей, в том числе диалектизмов. «А что же мы теряемся, коли у нас птица есть, яйцо есть, мясо есть птичье» – отрывок из речи одной из героинь роликов. Диалектизмы не используются как рекламные ярлыки, а выступают частью естественного языка героев сообщений брендов. Такой подход этичен и уважителен, так как он дает возможность смотреть на «Другого» его же глазами, как на человека со своей историей, культурой и неповторимым индивидуальным опытом.

Еще одно подтверждение эффективности подхода, реализованного в коммуникационной кампании Ozon, можно обнаружить в трудах Ханса-Георга Гадамера, одного из главных представителей феноменологии и герменевтики, который пишет: «Что “выяснится” в беседе, этого никто не знает заранее. Достижение взаимопонимания или неудача на пути к нему подобны событию, случающемуся с нами» [5, с. 229]. В отличие от практики, где язык подгоняется под унифицированные нормы, Ozon не навязывает герою заранее заданный сценарий. Напротив, коммуникации предоставляется свобода развиваться как подлинный диалог – с элементами неопределенности, неожиданности и самораскрытия.

Проведенное исследование позволило проанализировать особенности использования диалектизмов и подтвердить выдвинутую гипотезу. В условиях преобладающего обращения брендов к риторической, семиотической и социокультурной традициям диалектизмы, как правило, оказываются редуцированы до инструментов убеждения или символического обозначения ло-

кальности. В таких случаях региональные языковые элементы утрачивают свой подлинный коммуникативный статус и превращаются в поверхностный, коммерчески мотивированный знак. Это приводит к искажению их исходной природы и может создавать коммуникативные барьеры, выражающиеся в непонимании и в отторжении со стороны носителей локальной культуры.

Напротив, анализ сообщений, созданных в русле феноменологической традиции, демонстрирует, что подлинная сущность диалектизмов раскрывается тогда, когда они остаются частью живого опыта конкретного человека. Таким образом, корректное использование диалектизмов в коммуникации брендов предполагает включение их носителя как активного субъекта коммуникации. Только в этом случае региональная языковая форма сохраняет свою аутентичность и способствует формированию подлинной близости.

Источники:

1. Полякова О. А. Диалектизмы в рекламных и PR-текстах: особенности, функции и перспективы использования // Русский язык в поликультурном мире. Т. 1. Ялта: Изд-во «Ариал», 2017. С. 336–341.
2. Третью опрошенных россиян ищут товары в интернете с помощью диалектизмов // Sostav. URL: <https://www.sostav.ru/publication/tret-oproshennykh-rossiyan-ishchut-tovary-v-internete-s-pomoshchyu-dialektizmov-74617.html> (дата обращения: 10.12.2025).
3. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Республика, 1997. 503 с.
4. Craig R. T. Communication theory as a field // Communication Theory. 1999. Vol. 9, no. 2. P. 119–161.
5. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.

O. A. Shevchenko (Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”)

DIALECTISMS AS AN ELEMENT OF BRAND COMMUNICATION IN THE CONTEXT OF R. CRAIG’S THEORY

In the context of globalization and information overload, brands face the challenge of differentiating themselves and establishing emotional closeness with their audiences. One of the tools used to achieve this goal is the incorporation of dialectisms. This paper analyzes the use of dialectisms in the communication practices of Russian brands, applying the methodology of Robert Craig’s theory of the communicative field. Particular attention is paid to the phenomenological approach, which makes it possible to conceptualize dialectisms as a means of respectful interaction with the audience and the preservation of local authenticity.

Brand communication; local communicative identity; phenomenological tradition in communication; Robert Craig’s communicative field

УДК 316.422

М. В. Шутова (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: mvshutova@etu.ru)

МЕДИАТИЗИРОВАННАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ И РЕПУТАЦИЯ: ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРИЗНАНИЯ В ГИБРИДНОЙ КОММУНИКАЦИОННОЙ СРЕДЕ

Исследование анализирует публичную благодарность в цифровой среде как форму социального признания и репутационный механизм. На материале 337 благодарностей сотрудникам магазинов и медиков автор показывает, что репутационный эффект благодарности определяется не общей позитивной оценкой, а ценностными основаниями признания. Предложена модель гибридного репутационного цикла. Результаты указывают на необходимость теоретического и практического сдвига от управления количественными репутационными метриками к анализу ценностной структуры публичного признания.

Медиатизация, цифровая благодарность, отзывы, социология градов, гибридизация

В условиях глубокой медиатизации профессиональная репутация все в меньшей степени формируется исключительно в рамках непосредственного взаимодействия между специалистом и клиентом. В таких сферах, как медицина, сервис, образование и консультационная деятельность, профессиональные действия получают продолжение и легитимацию в цифровом публичном пространстве – через отзывы, рекомендации и иные формы пользовательской обратной связи. Эти формы образуют гибридные коммуникации, в которых офлайн-практики труда и онлайн-репрезентации оказываются неразрывно связаны.

Одним из ключевых элементов таких гибридных коммуникаций становится публичная благодарность, зафиксированная в медиатизированных высказываниях. В практиках репутационного менеджмента в сфере диджитал (SERM, ORM) она, как правило, редуцируется до количественных индикаторов удовлетворенности – рейтингов, средних оценок, динамики упоминаний. Однако подобная редукция оставляет без внимания принципиально важный аспект: публичная благодарность представляет собой не просто цифровой след, а акт признания, который переводит частный опыт профессионального взаимодействия в репутационно значимый публичный ресурс. Существующие исследования редко рассматривают благодарность как гибридный социальный механизм, артикулирующий ценностные критерии профессиональной значимости. Данная статья предлагает анализировать ее как репутационного агента,

действующего на пересечении офлайн-практик труда и онлайн-режимов видимости. Теоретической основой выступают социология градов (Л. Болтански, Л. Тевено), теория медиатизации и социология признания. Эмпирический объект – публичные благодарности в цифровых отзывах. Цель – показать, что репутация формируется через гибридный процесс, в котором действие, высказывание и алгоритмическая видимость образуют единую конфигурацию, легитимируя профессионала через артикуляцию порядков величия.

Репутация как социальный механизм признания. В современной социологии репутация рассматривается как механизм признания, обеспечивающий воспроизводство доверия. В условиях цифровизации она приобретает характеристики измеримого и капитализируемого ресурса, тесно связанного с социальным капиталом [1]. Будучи частью социального капитала, репутация снижает неопределенность взаимодействия и служит индикатором соответствия нормам и ценностям контекста, влияя на профессиональные траектории. В то же время репутация не принадлежит субъекту как устойчивое свойство, а существует в виде совокупности интерпретаций, циркулирующих между участниками сети и постоянно пересобираемых в новых контекстах.

Особую аналитическую значимость в условиях цифровизации приобретает онтологический поворот Дж. Ло, позволяющий рассматривать репутацию не как отражение «сущности» субъекта, а как распределенный, множественный и процессуальный объект, существующий одновременно в различных онтологических режимах. Она формируется через совокупность социальных интервенций, цифровых следов и алгоритмических процедур, оставаясь принципиально нестабильной. Цифровизация усиливает эту множественность, реифицируя репутацию в виде рейтингов и метрик.

Публичность и медиатизация репутации: режимы видимости и гибридные коммуникации. В условиях глубокой медиатизации репутация становится публичным, гибридным феноменом. Как подчеркивает А. Хепп, медиа превращаются в среду, конституирующую социальные практики. [2]. Развивая этот подход, К. Лундби вводит понятие гибридных коммуникаций, подчеркивая, что современные формы социального взаимодействия не могут быть отнесены исключительно ни к офлайн-, ни к онлайн-пространству [3]. Репутация возникает на пересечении физических действий и их медиатизированных репрезентаций, а также между институциональными и пользовательскими режимами публичности. Профессиональные действия, совершаемые в офлайн-контексте, получают продолжение в цифровых репрезентациях – отзывах, рекомендациях, рейтингах и комментариях, которые начинают функционировать в соответствии с собственной медиалогикой. Медиатизация репутации связана прежде всего с трансформацией режимов видимости. Цифровые платформы не только делают репутацию наблюдаемой, но и активно структурируют способы ее предъявления: задают форматы высказываний, внедряют числовые шкалы оценки, алгоритмически ранжируют контент и перераспределяют внимание. В результате репутация превращается в объект публичного наблюдения и срав-

нения и адресуется множественным аудиториям – пользователям, профессиональным сообществам, институциональным акторам и алгоритмическим системам. Каждая из них активирует собственные критерии значимости, что приводит к множественности репутационных режимов и потенциальным конфликтам между ними. Таким образом, в медиатизированной среде репутация не просто отражает социальную реальность, но участвует в ее конституировании, соединяя офлайн-действия и онлайн-репрезентации, индивидуальные акты признания и институциональные метрики, человеческие интерпретации и алгоритмическую обработку. Это позволяет рассматривать репутацию как принципиально медиатизированный и гибридный феномен, анализ которого необходим для понимания современных механизмов признания, доверия и профессиональной легитимации.

Социология градов: порядки величия и публичное оправдание. Для анализа ценностных оснований репутации в медиатизированной среде продуктивной рамкой выступает социология градов Л. Болтански и Л. Тевено. Она позволяет рассматривать репутацию как результат публичного оправдания, опирающегося на разделяемые принципы справедливости [4]. Акторы, давая оценку, апеллируют не к частным предпочтениям, а к общезначимым принципам – порядкам величия (например, индустриальному, рыночному, гражданскому). Репутация возникает как результат успешного соотнесения действий субъекта с критериями одного или нескольких таких порядков, признанных релевантными в конкретном контексте. Это процессуальный результат согласования конкурирующих логик значимости.

Благодарность как форма репутационного оправдания. В этой рамке публичная благодарность предстает как форма репутационного оправдания: она артикулирует основания, по которым действие признается значимым, и тем самым легитимирует профессиональное поведение. В отличие от абстрактных оценок или числовых рейтингов, благодарность обладает выраженной аргументативной структурой. Даже в лаконичных формах она содержит указание на то, почему действие было признано ценным: за эффективность, внимательность, ответственность, заботу, инициативу, честность, профессионализм или вклад в общее благо. Эти указания позволяют реконструировать, какие именно миры и какие критерии величины были актуализированы в конкретном акте признания.

Благодарность в цифровой публичности выполняет двойную функцию: являясь результатом индивидуального опыта, она одновременно адресована неопределенному кругу лиц и включается в процессы публичного сравнения и репутационного отбора. Таким образом, она соединяет индивидуальное признание с коллективными критериями значимости, выступая прагматическим механизмом репутационного оправдания в условиях медиатизации. Эмпирическим объектом исследования выступают медиатизированные акты публичной благодарности. Проанализированы два корпуса данных: клиентские отзывы на работу продавцов (Яндекс.Карты, Google.Карты, 2024–2025 гг.) и отзы-

вы пациентов о врачах (портал «ПроДокторов», 2018–2021 гг.). Эти тексты являются публичными высказываниями, ориентированными на внешних наблюдателей, что делает их релевантными для анализа репутационных механизмов. Методологической основой выступил дискурс-анализ, адаптированный для изучения практик признания, в рамках социологии градов Л. Болтански и Л. Тевено. Единицей анализа стали смысловые фрагменты, артикулирующие основание благодарности. Анализ 337 текстов показал, что благодарности функционируют как единицы репутационного производства. В отзывах продавцам доминируют индустриальный (скорость, компетентность) и рыночный (вежливость, сервис) порядки величия. Явно выражен репутационный порядок через прямые рекомендации («рекомендую этого консультанта»). В благодарностях врачам также доминирует индустриальный порядок, но с акцентом на экспертизу и ответственность; рыночный (забота) и репутационный порядки выражены сильнее.

Благодарность выступает медиатором в логике Б. Латура: она не передает опыт, а трансформирует его, редуцируя сложность работы до публично интерпретируемых признаков, соотнесенных с легитимными порядками величия. Интерфейс платформы (шаблоны, ограничения) усиливает эту стандартизацию. [5]. Таким образом, публичная благодарность становится узлом в репутационной инфраструктуре, стабилизирующей ожидания и участвующей в гибридном репутационном цикле, который трансформирует действие в публичный, ценностно-кодированный ресурс.

В настоящей статье публичная медиатизированная благодарность была рассмотрена не как эмоциональный отзыв, а как гибридный репутационный агент, играющий конститутивную роль в формировании профессиональной репутации в условиях глубокой медиатизации. Теоретический синтез теории медиатизации, социологии градов и акторно-сетевого подхода позволил предложить модель гибридного репутационного цикла. Эта модель демонстрирует, как офлайн-профессиональное действие, пройдя через фильтры индивидуальной оценки, ценностной артикуляции (в порядках величия) и медиатизированной репрезентации, производит репутационный эффект, который материализуется в офлайн-реальности, замыкая петлю обратной связи. Эмпирический анализ показал, что репутационный эффект благодарности определяется не ее позитивностью вообще, а конкретными ценностными основаниями оправдания (доминирующими порядками величия). Внешняя, публичная благодарность функционирует прежде всего в режиме индустриального, рыночного и репутационного порядков, выступая сигналом доверия и инструментом рекомендации для неопределенной аудитории. Исследование аргументирует необходимость стратегического сдвига – от управления количественными метриками (рейтинги, количество отзывов) к глубокой аналитике ценностной структуры публичного признания. Для специалистов это означает:

1. Выявление доминирующих и дефицитарных порядков величия в отзывах о профессионале или бренде.

2. Понимание, какие именно аспекты деятельности получают публичную легитимацию и переводятся в репутационный капитал.

3. Целенаправленную работу не с «числом отзывов», а с поддержкой тех форм профессиональных действий и их репрезентаций, которые соответствуют ключевым для аудитории критериям значимости (например, стимулирование отзывов, артикулирующих не просто «понравилось», а «экспертно проконсультировал в сложной ситуации»). Так благодарность становится центральным объектом для рефлексивного конструирования репутации. Ее анализ открывает возможность перехода от реактивного устранения негатива к проактивному формированию устойчивого репутационного ядра, основанного на согласовании ценностей профессионального действия, медиатизированных форматов признания и социальных ожиданий.

Источники:

1. Шутова М. В. Профессиональная репутация в цифровом обществе: от социального капитала к сетевой сборке // Социологические исследования. 2025. № 5. С. 90–99. DOI: 10.31857/S0132162525050086.

2. Hepp A. Figurationen digitaler Zukünfte – oder: Warum wir eine Medien- und Kommunikationsforschung der Emergenz brauchen // Berliner Journal für Soziologie. 2025. Vol. 35. P. 71–99. DOI: 10.1007/s11609-025-00549-4.

3. Lundby K. (ed.). Mediatization of Communication. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2014.

4. Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов. М.: НЛЮ, 2013.

5. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. 2-е изд. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020.

M. V. Shutova (Saint Petersburg Electrotechnical University)

MEDIATIZED GRATITUDE AND REPUTATION: VALUE FOUNDATIONS OF RECOGNITION IN A HYBRID COMMUNICATION ENVIRONMENT

The study analyzes public gratitude in the digital environment as a form of social recognition and a reputational mechanism. Based on 337 gratitude messages addressed to retail employees and medical professionals, the author demonstrates that the reputational effect of gratitude is determined not by a general positive assessment, but by the value foundations of the recognition. A model of a hybrid reputation cycle is proposed, and the results indicate the necessity of a theoretical and practical shift—from managing quantitative reputation metrics to analyzing the value structure of public recognition.

Mediatization, digital gratitude, reviews, sociology of worth, hybridization

УДК 316.77

А. В. Щербина (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: ashcherbina@list.ru)

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП НЕЙРОСЕТЕВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: ЭПОХА ВОЙН ЗА ПРИРОДНУЮ СРЕДУ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Рассматривается соперничество культурно и экономически самодостаточных макрорегионов за искусственный интеллект как инструмент экономического, научно-технологического и военного господства. Выделяется ключевая в условиях растущего энергодефицита тенденция сетизации природной среды, – ближнего космоса. Показана на примере «прозрачности поля боя» критическая значимость динамических состояний для развития сетевых технологий и прорывов в использовании ИИ. Выделены главные тренды нейросетевой цивилизации: децентрализация источников и средств коммуникации, автономизация социальных субъектов, становление нейроноосферы, вовлекающей всю природную среду в нейросетевую общественную инфраструктуру.

Сетевое общество, нейросети, искусственный интеллект, центры обработки данных, природная среда, космос, прозрачность поля боя, нейроноосфера

За 30 лет, прошедших с появления понятия «сетевое общество», предложенного М. Кастельсом, до присуждения в 2025 г. Нобелевской премии по экономике Дж. Мокиру за определение предпосылок устойчивого экономического роста, опирающегося на научно-технологический прогресс, представления о сетях (и нейросетях), о сетевой реальности закрепились в общественном сознании как отражающие новое, но уже признанное в качестве значимого для всего человечества положение вещей. Книгопечатание, деньги и банки, железные дороги, телеграф, телефон, радио, телевидение, электрическое освещение и атомные электростанции, интернет, ПК и смартфон, торговые сети и маркетплейсы, массовые запуски спутников на орбиты, создание центров обработки данных, электронные платежи, дистанционные форматы работы и обучения и т. п. – старые и новые характерные признаки сетевой трансляции (распределения, обмена и потребления) вещества, энергии и информации стали привычными. Искусственный интеллект, особенно искусственные нейронные сети, на международном и национально-государственном уровнях признан приоритетным инструментом формирования нового глобального социально-технологического уклада.

И в промышленности, и в сфере услуг одновременно усиливаются сетизация, алгоритмизация, использование спутникового интернета и роботов, 3D-печати и дизайн-проектирования. Социальная среда характеризуется возраста-

нием объема и масштаба сетевых коммуникаций, их представленностью на государственно-корпоративном и индивидуальном уровнях [1].

Борьба за господство между ТНК и государствами ведет к резкому росту производительности труда в отраслях энергетики, обороны, с/х, медицины за счет использования систем знаний об объекте и инструментов управления им, что отражается в чувствительных для человечества сферах здоровья, долголетия, качества пищи и окружающей среды. В качестве примеров можно привести создание (Институт Макса Планка) единой цифровой климатологической карты земли с разрешением в 1,2 км поверхности как основы прогнозирования и моделирования климата по сезонам и по зонам; последние наработки по оцифровке каждого миллиметра поверхности мозга с целью создания миниатюрных комплексов-аналогов всех видов зрительных, слуховых, тактильных, вкусовых рецепторов для моделирования механизмов переработки информации на биохимическом, нейрофизиологическом и психоэмоциональном уровнях.

На современном этапе глобализации в условиях утраты финансово-политической монополии США наблюдается появление новых глобальных субъектов относительно автономного развития: макрорегионов, обладающих цивилизационно-культурной самодостаточностью, энергетическим и технологическим суверенитетом. Конкурентная борьба за ресурсы и качество сетевых технологий, как самого передового инструмента экономического, научного и военного господства, оборачивается на наших глазах опережающим ростом потребностей в «веществе и энергии», что вынуждает ведущие мировые IT гиганты планировать приближение всей инфраструктуры ИИ к дешевым и доступным источникам энергии, использовать и осваивать новые природные среды: от поверхности земли к подземным слоям и глубинам океана, от атмосферы к стратосфере и ближнему космосу.

В условиях становления экономики знаний и обработки данных продолжается дискуссия между разработчиками ИИ по поводу стратегий его развития, которое упирается в ограниченность ресурсов и условий (энергия, деньги, кадры, время на успех). Прогнозируется, что для решения задач превращения вещества в энергию, а энергии в информационно-вычислительные мощности и модели знаний для гражданских и военных нужд необходимо осуществить массовый вынос платформ центров обработки данных в стратосферу и на орбиты ближнего космоса (планы США, КНР, Японии и Южной Кореи). Т. о. решатся ключевые вопросы энергетического обеспечения не только за счет атомной и иных видов энергии на земле, но и за счет прямого доступа к энергии солнца в космосе, а сети спутников разведки, мониторинга и связи на этих орбитах делают их сенсорным телом для вычислительных мощностей. И. Маск прогнозирует осуществление этого шага в пределах ближайших пяти лет.

Программы колонизации ближнего космоса (и в перспективе – Луны) нацелены на вынесение на околоземные орбиты энергетической и расчетно-

аналитической инфраструктуры, формирующей новую, уже не линейную или плоскую, а сферную гигасеть – «нейроноосферу».

В условиях ограниченности ресурсов и энергодефицита обсуждаются стратегические приоритеты развития искусственного интеллекта: развивать знания о мире и прагматически использовать возможности ИИ в этой части, или приоритетно развивать мощности и потенциал самого ИИ на материале картины мира. Если американские высокотехнологические гиганты следуют второй стратегии развития ИИ, то Китай – первой. Китайцы стремятся максимально внедрять результаты разработок ИИ в производство. Будучи фабрикой мира (по ассортименту и объему выпускаемой продукции), они лидируют в зеленой энергетике, роботизации и автоматизации (в т.ч. конвейерного производства), автомобиле и судостроении, средствах навигации, связи, ВПК и космических программах. По производительности графических процессоров они вплотную приблизились к мировому лидеру Nvidia.

Специфика «Китайского пути» – в «единой судьбе человечества», укорененная в собственной тысячелетней цивилизационной истории, намечает самый радикальный тип глобализации именно на основе сетевых технологий: от строительства до с/х, от генетики до фотонных чипов собственных квантовых компьютеров. Главные задачи Китай определяет как развитие, с опорой на собственные силы, энергетики (создание гигантских накопителей электроэнергии в пустынях, горах, в океане, приоритетное развитие ядерных технологий и солнечной энергетики, в т. ч. в космосе), ракетно-ядерного потенциала, всех видов транспорта (скоростная сеть железных дорог уже больше, чем у всех остальных стран, вместе взятых), информационных технологий и науки, основанной на них (наработки по созданию глобального космического интернета на базе квантовых компьютеров, сети ЦОДов на ближних орбитах, колонизации Луны). Налицо претензия на монополию в мировой экономической и технологических сферах, где КНР реализует свою древнюю стратегию – «победа без боя». Решениями партии и правительства проектируется традиционное для прошлых времен восстановление себя как сетевого ядра смыслов и культурных кодов (помимо товарно-технологического лидерства) для всего человечества.

Специалисты уже сделали фундаментальный вывод о границах эффективности «рассуждений ИИ по аналогии», т. е. в статичных условиях. Для качественного прироста потенциала ИИ и фундаментальных прорывов его использования критически значимыми являются динамические состояния: войны, катастрофы всех видов, эпидемии. К новейшим инструментам сетевой реальности можно отнести методы интегрального контроля и управления матрицами устойчивости в условиях т. н. хаоса. Соответственно, военные конфликты становятся лучшей «обучающей моделью» для ИИ. В этой связи нужно выделить тенденцию создания военно-политических и экспертных платформ на базе спутников разведки и целеопределения, где мозговым ядром становятся академии при генеральных штабах армий США, России, КНР, Европы.

За счет непрерывных разведки, мониторинга, целеуказаний во-многом упраздняется ключевое понятие боевых действий – «туман войны» и обеспечивается беспрецедентная прозрачность поля боя. В результате растет уязвимость всех видов и уровней вооруженных сил на поле боя, а также – ближнего и дальнего тылов. Прозрачность проникает с тактического и оперативного уровня на стратегический. Это затрудняет концентрацию и сосредоточение больших армейских группировок, внезапность масштабного удара, приводит к необходимости вести боевые действия малыми подразделениями, что влечет изменения в боевом и тыловом обеспечении. Рассредоточенность, маневренность, интегральная сетевая информированность и координация в режиме реального времени становятся условием превосходства. Дроны слышат, спутники видят, точное оружие проникает – прозрачность поля боя диктует рассредоточение по другим средам с поверхности земли: логистика в перспективе вытесняется в космос, под землю и в океан.

Предстоит еще проанализировать итоги ковидной эпидемии: радикальный скачок в сетизации среды и обеспечивающей ее инфраструктуры на региональном и глобальном уровнях. В первую очередь речь идет о таких точках роста как городская среда Пекина, Москвы, Шанхая, Сеула, Дубая. Ковид запустил «идеальный шторм» для автономизации всех, особенно городских, баз данных и сетизации среды, как условия и средства анализа и контроля.

Война и города тестируют прозрачность среды и оптимальные допуски человеческой свободы. Вывод технологий на базе нейросетей в океан и подземные горизонты также является попыткой автономизации связи и коммуникации в условиях прозрачности социальной среды, особенно в условиях современных городов и военных действий.

Право собственности как социально-политический институт все больше реализуется как возможность распоряжаться инструментами анализа и контроля природных и техногенных сред.

Современное состояние сетевых технологий и форм их включения в управление на государственном, корпоративном и персональном уровнях приводит к дальнейшей децентрализации источников и средств коммуникации, автономизации всех субъектов анализа и действия, Современная сетевая реальность характеризуется вовлечением всех природных сред (космос, подземные и глубоководные горизонты) в формирующуюся на наших глазах единую нейро- био – ноосферную сетевую общественную инфраструктуру, становящуюся неотъемлемым условием человеческого существования.

Источники:

1. Дятлов С. А. Энейро-сетевая экономика: формирование новых сегментов глобального рынка // Современные технологии управления. 2017. № 2 (74). URL: <https://sovman.ru/article/7401/> (дата обращения: 03.12.2025)

A. V. Shcherbina (*Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»*)

THE MODERN STAGE OF NEURAL NETWORK CIVILIZATION: THE ERA OF ENVIRONMENTAL WARS IN THE GLOBAL WORLD

The article considers the rivalry of culturally and economically self-sufficient macroregions for artificial intelligence as an instrument of economic, scientific, technological and military domination. There is a key trend in the growing energy shortage of the natural environment, namely, near space. Using the example of "battlefield transparency", the critical importance of dynamic states for the development of network technologies and breakthroughs in the use of AI is shown. The main trends of the neural network civilization are identified: decentralization of sources and means of communication, autonomization of social subjects, the formation of a neural sphere involving the entire natural environment in a neural network public infrastructure.

Networked society, neural networks, artificial intelligence, data processing centers, natural environment, space, battlefield transparency, neural sphere

УДК 316.442

Э. А. Эсселевич (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: ernest.esselevitch@yandex.ru);

А. В. Павлов (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: alielexandr-pavlov-2000@mail.ru)

РАЗЛИЧИЯ В ТРАЕКТОРИЯХ АДАПТАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУПП К ИСКУССТВЕННОМУ ИНТЕЛЛЕКТУ

В статье анализируются различия в траекториях адаптации социально-профессиональных групп к технологиям искусственного интеллекта в контексте цифрового неравенства. На основе пилотажного опроса показано, что особенности использования ИИ и восприятие его влияния на профессию определяются структурой трудовых задач и характером профессиональной конкуренции, формируя новые формы алгоритмического неравенства.

Цифровое неравенство, алгоритмическое неравенство, социально-профессиональные группы, искусственный интеллект

Переход к информационному обществу и научно-технический прогресс, в частности появление новых информационных и коммуникационных ресурсов, приводит к складыванию форм неравенства, не существовавших на прошлых этапах развития социальной структуры, в основе которых лежит взаимодействие людей с современными цифровыми технологиями. Лебединцева Л. А., Дерюгин П. П. и их коллеги в своей работе «Цифровое неравенство: современные тренды формирования и исследования», исследуя научную литературу, отмечают следующий тренд: цифровые технологии, вопреки ожиданиям, ведут к усилению дифференциации между социальными группами, определяемой усилением цифрового неравенства и нового содержания традиционных форм социального и информационного неравенства. В подтверждение этому тезису российские социологи приводят факт роста интенсивности исследований проблематики цифрового неравенства российскими исследователями: за 10 лет с 2013 по 2023 число упоминаний данного понятия увеличивается в более чем раз, и этот показатель продолжает расти [1, с. 96].

Алгоритмическое неравенство, или алгоритмический разрыв, представляет собой новый и более сложный уровень цифрового неравенства, который возникает в эпоху широкого внедрения алгоритмов и искусственного интеллекта. За последние несколько лет в обществе значительно увеличился уровень использования технологий ИИ (здесь и далее искусственный интеллект): по данным исследователей из «OpenAI» на июль 2025 года 700 миллионов человек (около 10% населения планеты) еженедельно отправляют 18 миллиардов сооб-

щений только в «ChatGPT» [2]. Также растет и количество сотрудников, которые отмечают, что их организации используют генеративный ИИ для решения хотя бы одной задачи [3]. Тем не менее, существуют и негативные последствия такой стремительной интеграции. Так крупные корпорации делают большие инвестиции в разработку ИИ при этом увольняя тысячи сотрудников [4]. В то же время, полностью полагаться на ИИ в решении задач сейчас нельзя, так как он не является совершенной и безошибочной технологией: чат-боты не обладают критическим мышлением и склонны к «галлюцинациям» (то есть к предоставлению ложной информации как достоверной), что может ввести людей в заблуждение и привести к плачевным последствиям [5].

С другой стороны, есть и положительные последствия роста использования ИИ. Масштабный эксперимент 2025 года показал, что использование генеративного ИИ в бизнесе увеличило продажи на 16% [6]. Авторы другого исследования отмечают, что использование данной технологии сотрудниками клиентской поддержки повышает продуктивность на 14% по сравнению с теми, кто ее не применяет [7]. Наконец, ИИ в сфере образования улучшает его доступность, при этом снижая нагрузку на учителей [8, с. 543].

Таким образом, существование данной технологии в обществе противоречиво. С одной стороны ИИ вызывает трансформацию социального порядка, а вместе с ним норм, ценностей и социальных институтов, что может приводить к негативным последствиям: аномии, конфликтам, разрушению связей и т. д. А с другой стороны, очевидно положительное влияние: рост эффективности многих процессов, рост доступности информации и знаний, что потенциально может привести к снижению социального неравенства и росту социальной мобильности. Неоспоримо одно – трансформации неизбежны, а потому их необходимо изучать именно сейчас, чтобы быть готовым к возникновению негативных последствий интеграции ИИ в общественную структуру.

На наш взгляд, разные социально-профессиональные группы в различной степени чувствительны к изменениям, вызванным ИИ. Эту чувствительность можно объяснить особенностями выполняемой деятельности, степенью интеграции ИИ в трудовые процессы, социальной защищенностью и социальной идентичностью, а также некоторыми другими факторами. Влияние ИИ можно объяснить категориями «цифрового неравенства», то есть различной степенью адаптации социально-профессиональных групп к новой технологии с вытекающими из этого последствиями, отражающимися в социальной структуре.

В результате анализа литературы было принято решение в качестве пилотажного исследования провести измерение и сопоставление следующих показателей цифрового неравенства относительно технологии ИИ:

- неравенство в техническом оснащении – это измерение относится к различиям в качестве оборудования пользователей. Низкое качество ограничивает доступ к полному спектру возможностей, которые предоставляет ИИ;
- неравенство в автономии использования – это измерение касается степени контроля, которую пользователи имеют над техническим оснащением;

– неравенство в навыках – это измерение относится к обладанию цифровыми компетенциями, то есть способностью эффективно использовать цифровые технологии, а также находить и оценивать необходимую информацию;

– неравенство в доступности социальной поддержки – проявляется в помощи, которую человек может получить от более опытных пользователей, когда им она требуется;

– неравенства в цели использования – это измерение исследует то, как социальные, экономические, демографические и другие факторы влияют на то, для чего люди используют цифровые технологии [9].

Опрос проводился среди студентов СПбГЭТУ «ЛЭТИ» 10.12.2025. Выборка составила 92 человека, средний возраст 20 лет, большинство (80,5%) – мужчины. Большинство (62%) также не трудоустроено, при этом топ-3 сферы профессий (в том числе желаемые) представлены были следующим образом: технические, включая инженеров, энергетиков и т. п. – 53%, ИТ – 14%, образование – 5%. Анализ позволил сделать следующие выводы:

Результат 1. В сферах бизнеса и ИТ встречаются самые высокие частоты использования ИИ, в образовании и инженерии – средний уровень. Минимальное использование у работников ручного труда. При этом в большей степени низкий уровень использования ИИ определяет не отношение к данной технологии, а структура задач.

Результат 2. Среди технических профессий, ИТ и профессий, связанных с образованием, самооценка навыков использования ИИ находится на среднем и высоком уровне, также как и страх замены реальных работников на данную технологию. В то же время уровень страха самый высокий в массиве среди профессий, связанных с маркетингом, а самый низкий – в рабочих профессиях. Таким образом, страх замены выше там, где профессия когнитивная и конкурентная.

Результат 3. Почти во всех профессиях, где ИИ используется оценка результата работы, в которой была применена данная технология – высокая. Даже при низкой частоте использования восприятие влияния ИИ на профессию часто положительное. Так, ИТ-специалисты используют ИИ часто и оценивают эффект высоко, а специалисты «ручного» труда не используют ИИ, но считают, что его влияние все равно будет значительным.

Подводя итоги, можно отметить, что полученные результаты подтверждают тезис о неоднородности влияния технологий искусственного интеллекта на различные социально-профессиональные группы и демонстрируют наличие специфических форм цифрового неравенства, связанных не столько с доступом к ИИ как таковому, сколько с особенностями его встраивания в профессиональную деятельность. Использование ИИ, уровень навыков работы с ним и восприятие связанных с ним рисков и возможностей существенно различаются в зависимости от структуры трудовых задач, характера профессиональной конкуренции и степени когнитивной насыщенности профессии. При этом восприятие значимости ИИ для будущего профессии зачастую опережает реальные

практики его использования, что указывает на формирование нового уровня алгоритмического неравенства, основанного на различиях в траекториях адаптации к ИИ. Результаты пилотажного исследования подтверждают актуальность дальнейшего изучения данных процессов на расширенных и более репрезентативных выборках, а также необходимость более детальной операционализации социально-профессиональных различий в контексте трансформации цифрового неравенства под воздействием технологий искусственного интеллекта.

Источники:

1. Лебединцева Л. А., Дерюгин П. П., Чжан Х., Кадыров А. М., Фасахудинов В. В. Цифровое неравенство: современные тренды формирования и исследования. // Дискурс. 2024. № 6. С. 94–107.
2. Chatterji A., Cunningham T., Deming D. How People Use ChatGPT. URL: <https://cdn.openai.com/pdf/a253471f-8260-40c6-a2cc-aa93fe9f142e/economic-research-chatgpt-usage-paper.pdf> (дата обращения: 09.12.2025).
3. The 2025 AI Index Report. // Stanford University. URL: <https://hai.stanford.edu/ai-index/2025-ai-index-report> (дата обращения: 09.12.2025).
4. Microsoft lays off about 3% of its workforce in what one executive calls a «day with a lot of tears». URL: <https://apnews.com/article/microsoft-layoffs-d1f2de54ebad6f099deac8fbd3375835> (дата обращения: 09.12.2025).
5. Park S., Nan X. Generative AI and misinformation: a scoping review of the role of generative AI in the generation, detection, mitigation, and impact of misinformation. // AI&Society. 2025. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s00146-025-02620-3> (дата обращения: 09.12.2025).
6. Fang L., Yuan Z., Zhang K., Donati D. Generative AI and Firm Productivity: Field Experiments in Online Retail. 2025. URL: <https://arxiv.org/abs/2510.12049> (дата обращения: 09.12.2025).
7. Brynjolfsson E., Li. D. Raymond L. Generative AI at Work. URL: <https://www.nber.org/paper/w31161> (дата обращения: 09.12.2025).
8. Melo-Lopez V., Basantes-Andrade A., Gudino-Mejia C. The Impact of Artificial Intelligence on Inclusive Education: A Systematic Review // Education Science. 2025. № 15 (5). Pp. 539–560.
9. DiMaggio P., Hargittai E., Celeste C., Shafer S. From Unequal Access to Differentiated Use: A Literature Review and Agenda for Research on Digital Inequality. URL: https://cpi.stanford.edu/_media/pdf/key_issues/consumption_research.pdf (дата обращения: 09.12.2025)

E. A. Esselevich (Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI»);
A. V. Pavlov (Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI»)

**DIFFERENCES IN THE TRAJECTORIES OF ADAPTATION OF SOCIAL
AND PROFESSIONAL GROUPS TO ARTIFICIAL INTELLIGENCE**

The article analyzes differences in the trajectories of adaptation of socio-professional groups to artificial intelligence technologies in the context of digital inequality. Based on a pilot survey, it is shown that the characteristics of AI use and the perception of its impact on the profession are determined by the structure of work tasks and the nature of professional competition, forming new forms of algorithmic inequality.

Digital inequality, algorithmic inequality, socio-professional groups, artificial intelligence

УДК 316.453

Юй Ян (Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: yu.soc@mail.ru);

Е. М. Петрова (Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: Liza4542056@gmail.com);

А. Н. Юй (Российский государственный педагогический университет, e-mail: kostenkoanna04@gmail.com)

АПРОБАЦИЯ ИНСТРУМЕНТАРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СТРАТЕГИЙ МОБИЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ В РАМКАХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ ИГУ

При финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 24-28-01448

В рамках социологической школы, проведенной в Иркутском государственном университете (ИГУ), автором был представлен научный доклад, посвященный анализу стратегий мобильности студентов в современных социальных условиях. Исследование ориентировано на проблематику прикладной и сравнительной социологии и направлено на преодоление доминирующих в международных исследованиях моделей мобильности студентов, основанных преимущественно на западном социальном опыте. В развитие представленного доклада было проведено пилотажное исследование, целью которого стала апробация авторского опросника, направленного на выявление и измерение различных стратегий мобильности студентов. Пилотаж был реализован непосредственно в ходе академического мероприятия с участием студентов ИГУ.

Студенты, мобильность студентов, проблемы мобильности, университеты, социологическая школа

В условиях углубляющихся социально-экономических трансформаций и ускоряющейся дифференциации образовательных и профессиональных траекторий проблема студенческой мобильности приобретает особую теоретическую и прикладную значимость. Современные университеты функционируют в пространстве множественных институциональных ожиданий, где классические линейные модели образования и занятости все в меньшей степени соответствуют реальным стратегиям социального действия молодежи. На фоне глобализации, цифровизации и роста социальной неопределенности студенческая мобильность все чаще выступает не как следствие институционального давления, а как осознанная стратегия адаптации, накопления ресурсов и конструирования будущего социального положения.

Вместе с тем существующие международные исследования мобильности студентов в значительной степени опираются на нормативные модели, сфор-

мированные в контексте западных образовательных систем, что ограничивает их объяснительный потенциал применительно к иным социальным и институциональным условиям. Недостаточная чувствительность таких подходов к вариативности ценностных ориентаций, сетевых структур и институциональных режимов актуализирует необходимость разработки альтернативных аналитических рамок и эмпирических инструментов. В этом контексте особую значимость приобретает апробация авторских методик, ориентированных на выявление стратегий мобильности студентов как комплексных и многомерных форм социального действия, укорененных в конкретных национальных и культурных контекстах.

Теоретической основой исследования послужила концептуальная схема Д. В. Иванова «сети – поток – интеракция – институт», в рамках данного подхода студенческая мобильность рассматривается как форма социального действия, формирующаяся на пересечении индивидуальных устремлений и структурных условий [1], [2]. В отличие от трактовок мобильности как механического перемещения или следования институционально заданной траектории, предложенная концептуальная схема позволяет анализировать мобильность как процесс стратегического соотнесения образовательных и профессиональных решений студентов с доступными институциональными ресурсами, сетевыми связями и доминирующими интеракционными практиками [3]. Таким образом, мобильность приобретает характер осмысленного и рефлексивного действия, встроенного в более широкие социальные и культурные контексты.

Применение данной теоретической рамки в эмпирическом исследовании потребовало перехода от абстрактных аналитических категорий к измеряемым показателям [4]. Для этого студенческая мобильность была концептуализирована как совокупность устойчивых ориентаций и практик, отражающих способы включенности студентов в институциональные структуры, социальные сети и проектные формы деятельности, а также особенности темпорального выстраивания образовательных и профессиональных траекторий. Такой подход позволил рассматривать мобильность не как единичный выбор, а как комплексную стратегию, поддающуюся эмпирической фиксации и количественному анализу.

На основании данного теоретического подхода студенческая мобильность была операционализирована в виде 7 различных стратегий:

- институционально-линейные академические стратегии;
- институционально-прагматические профессиональные стратегии;
- транснациональные образовательные стратегии;
- предпринимательские и инновационные стратегии;
- проектно-сетевые стратегии;
- нелинейные и прерывистые стратегии;
- стратегии пожизненного обучения.

Следует подчеркнуть, что выделенные стратегии представляют собой аналитические идеальные типы и не предполагают их взаимной исключаемости на

эмпирическом уровне. В реальных образовательных и профессиональных биографиях студентов возможно сочетание элементов нескольких стратегий, однако в рамках количественного анализа фиксируется доминирующая ориентация, определяющая логику принятия решений и выборов. Подобная типологизация позволяет выявить структурные различия в способах конструирования мобильности и создать основу для последующего сравнительного анализа.

Исходя из предложенной типологии, можно предположить, что распространенность и выраженность различных стратегий мобильности будет варьироваться в зависимости от институционального контекста, образовательной среды и доминирующих социальных ожиданий в отношении студенческой молодежи. Различные режимы высшего образования по-разному структурируют доступ к ресурсам, сетям и возможностям проектной активности, что, в свою очередь, должно находить отражение в конфигурации стратегий мобильности студентов. В этом смысле эмпирический анализ ориентирован не только на описание распределения стратегий, но и на проверку их дифференцирующей способности в различных социально-институциональных условиях. Выделенные стратегии отражают различные комбинации институциональной заданности, сетевой включенности, интеракционной логики и темпоральной организации образовательных и профессиональных траекторий [5].

Пилотажное исследование было проведено с использованием количественной анкеты. Эмпирическую базу составили студенты, принимавшие участие в мероприятиях социологической школы ИГУ (1–5 декабря 2025). Основной задачей пилотажного исследования являлась проверка логической структуры инструментария, понятности формулировок и предварительной дифференцирующей способности шкал.

Для сравнительного анализа в исследование также были включены данные по группе китайских студентов, что позволило выявить различия в структуре стратегий мобильности студентов между двумя образовательными и институциональными контекстами. Включение в анализ данных по группе китайских студентов носит исследовательский и эвристический характер и направлено на выявление различий в структуре стратегий мобильности в условиях различных институциональных режимов высшего образования. В данном случае сравнение осуществляется не на уровне индивидуальных показателей, а на уровне распределения стратегий как форм социального действия, что позволяет сопоставлять образовательные и профессиональные ориентации студентов в разных культурных и институциональных контекстах. Такой сравнительный дизайн расширяет аналитические возможности исследования и способствует выявлению контекстуальной обусловленности стратегий мобильности.

Результаты пилотажного исследования свидетельствуют о наличии устойчивых различий в распределении стратегий мобильности студентов между сравниваемыми группами.

В целом китайские студенты демонстрируют более высокие суммарные баллы по большинству стратегий, в особенности по предпринимательским и инновационным стратегиям, транснациональным образовательным стратегиям и проектно-сетевым стратегиям. Это указывает на более выраженную ориентацию на активное и стратегическое конструирование образовательных и профессиональных траекторий. В то же время по институционально-линейным академическим и институционально-прагматическим профессиональным стратегиям различия между группами оказываются менее значительными, что отражает сохраняющееся влияние институциональных рамок высшего образования в различных национальных контекстах.

Отдельного внимания заслуживает относительно высокий уровень выраженности стратегий пожизненного обучения и нелинейных стратегий у обеих групп, что может интерпретироваться как реакция студентов на условия социальной неопределенности и нестабильности образовательных и профессиональных рынков. Необходимо особо подчеркнуть, что полученные результаты имеют предварительный характер. Ключевым ограничением проведенного пилотажного исследования является крайне малый объем выборки, что не позволяет говорить о ее репрезентативности и существенно ограничивает возможности обобщения выводов [7].

Вместе с тем необходимо отметить ряд методологических ограничений проведенного исследования, прежде всего связанных с ограниченным объемом выборки, в частности по группе китайских студентов, что не позволяет рассматривать полученные результаты как репрезентативные для всей совокупности студентов соответствующего национального и институционального контекста. Данное обстоятельство существенно сужает возможности статистического обобщения и требует осторожности при интерпретации выявленных различий, в связи с чем результаты сравнительного анализа следует рассматривать преимущественно как предварительные и ориентированные на формирование исследовательских гипотез. Вместе с тем проведенный пилотаж подтвердил принципиальную работоспособность предложенного инструментария, его логическую целостность и дифференцирующий потенциал, а также позволил обозначить направления его дальнейшего методологического совершенствования. В перспективе исследование предполагает доработку опросника, расширение и выравнивание выборки, а также сочетание количественного анализа с качественными методами, прежде всего глубинными интервью, что позволит более детально реконструировать механизмы формирования стратегий мобильности студентов в различных институциональных и культурных условиях.

Источники:

1. Иванов Д. В. Социология в XXI веке: между фрагментацией и интеграцией / Д. В. Иванов, Ю. В. Асочаков, К. П. Гулькина // Наука. Культура.

Общество. 2024. Т. 30, № 3. С. 6–25. DOI: 10.19181/nko.2024.30.3.1 EDN: PDRADD

2. Иванов Д. В. Дополненная современность: эффекты постглобализации и поствиртуализации // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 44–55. DOI: 10.31857/S013216250009397-9 EDN: KJDUDV

3. Восприятие китайскими студентами коммуникативных технологий и общения в управлении: итоги пилотажного исследования / П. П. Дерюгин, Ц. Чжао Я. Юй, С. Чжэн // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 278–284. DOI 10.24412/1998-5533-2025-1-278-284. EDN PXCPVE.

4. Юй Я. Ценности как объект социологического исследования: перспективы сетевого подхода // Информация–Коммуникация–Общество. 2022. Т. 1. С. 365–368. EDN: ZWKCGT

5. Применение акцентуационного подхода в диагностике ценностей ИТ-специалистов России и Китая / Я. Юй, Т. Лю, Л. Вэй, Х. Сян // Глобальные социальные процессы 6.0: социальные коммуникации и устойчивое экономическое развитие. СПб.: Астерион, 2025. С. 644–647. EDN IBOJAX.

6. Schwartz, S. H. An Overview of the Schwartz Theory of Basic Values // Online Readings in Psychology and Culture. 2012. № 2 (1). DOI: 10.9707/2307-0919.1116

7. Социология ценностной солидарности современных обществ: грани научной проблемы / П. П. Дерюгин, Л. А. Лебединцева, Т. Лю, Я. Юй // Информация-Коммуникация-Общество. 2024. Т. 1. С. 120–124. EDN: LRJVOU

Yu Yang (Saint Petersburg State University);

Petrova E. M. (Saint Petersburg State University);

Yu A. N. (Russian State Pedagogical University)

TESTING A TOOL FOR RESEARCHING STUDENT MOBILITY STRATEGIES AT THE IRKUTSK STATE UNIVERSITY SCHOOL OF SOCIOLOGY

As part of the sociology school held at Irkutsk State University (ISU), the author presented a research paper devoted to analyzing student mobility strategies in contemporary social conditions. The study focuses on applied and comparative sociology and aims to overcome the dominant student mobility models in international research, which are based primarily on Western social experience. To further develop this paper, a pilot study was conducted to test the author's questionnaire, designed to identify and measure various student mobility strategies. The pilot study was conducted during an academic event attended by ISU students.

Students, student mobility, mobility issues, universities, sociological school

УДК 174.4:174.8:331.445

С. В. Якупова (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: sveta_yakupova13@mail.ru)

ДРЕСС-КОДОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ДЕЛОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Статья посвящена дресс-кодовой коммуникации как неотъемлемому элементу деловой и корпоративной культуры организации. Рассмотрены формальные и неформальные правила делового стиля. Изложены функции дресс-кода в социокультурном пространстве деловой среды. Рассмотрена новация делового стиля – тематика имитации дресс-кода у сервисных роботов.

Деловой этикет, деловая среда, деловой стиль, корпоративная культура, дресс-код, дресс-кодовая коммуникация, деловая культура

Деловая культура современного социума развивается в трех пространственных измерениях: в реальном/офлайн, виртуальном/онлайн и интерактивном/офлайн-онлайн-взаимодействии и в целом представляет собой сложный многофакторный социокультурный феномен. Одной из знаковых составляющих этого феномена является внешний фактор: поскольку именно визуальный канал при первом знакомстве дает 55% информации о человеке и формирует стереотипное восприятие: «свой – чужой». Однако и при последующем общении дресс-кодовая тематика и дизайн внешности представляют собой организованную определенным образом информацию, которая принята как социально значимая в деловой среде.

Внешний вид специалисты рассматривают как целостную систему, взаимосвязанными элементами которой являются одежда, обувь, прическа, аксессуары и пр. Применительно к внешнему виду в официальной деловой среде действуют формализованные правила *делового стиля*, которые базируются на следующих нормах и принципах: зависимости одежды от времени суток; сезона; от значимости события; принципе комфортности, приоритете делового костюма перед любой другой одеждой; а также умении умеренно следовать моде [1, с. 118–119]. В вопросе о моде важно отметить, что деловая одежда, в отличие от светской, где мода занимает первые позиции, всегда несколько консервативна и всегда немного, на пол шага, отстает от светских правил.

В настоящее время по степени формальности выделяют три основных вида делового стиля: *официальный деловой стиль, повседневный деловой управленческий и повседневный неформальный деловой стили*. Каждому виду соответствует свой дресс-код:

– официальному деловому стилю – *дресс-код Business Best* (формализованный, не приемлющий даже незначительного проявления индивидуальности);

– повседневному деловому управленческому – *дресс-код Business Traditional* (предполагает некоторое проявление свободы во внешнем облике);

– повседневному неформальному деловому – *дресс-код Business Casual* (допускается некоторое проявление свободы и индивидуальности в персонализации образа).

Таким образом, деловой стиль разделяет нормы деловой одежды на официальную, прописанную нормами делового протокола, и деловую повседневную, что имеет документальное подтверждение в кодексах корпоративной культуры, которые не являются правовыми документами, но имеют обязательный характер для сотрудников компании.

Для ряда профессий требования к внешнему облику сотрудников утверждены на законодательном уровне, к примеру, для персонала предприятий индустрии гостеприимства, служащих некоторых государственных структур и ведомств. В данном случае речь идет о спецформе, униформе и форменной одежде. В тех организациях, где не предусмотрены установленные законом правила, может быть принят дресс-код, который закрепляется в локальных нормативных актах, то есть *дресс-код* – регламентированный и обязательный к выполнению набор требований организации к внешнему виду сотрудников. Если в организациях не предусмотрено ни ношение униформы, ни соблюдение дресс-кода, то внешний вид сотрудников подчиняется негласным правилам делового стиля.

В целом, правила, обязательные или условные, формируют не только внешний облик делового человека, но и его поведенческую культуру в социокультурном пространстве деловой среды. Так, например, согласно результатам исследования в Мангеймском университете (ФРГ), женщины, одетые вызывающе на рабочем месте, воспринимаются как мужчинами, так и женщинами, менее компетентными и профессиональными [2, с. 116–118]. Через дресс-кодovou коммуникацию участники деловой среды транслируют свою компетентность и профессионализм. Дресс-коды, как уже подчеркивалось ранее, выступают в качестве знаков, позволяющих распознавать участников деловой среды по принципу «свой-чужой» и, соответственно, исходя из этого принципа, выстраивать коммуникативные стратегии. Одежда позволяет реализовать в жизни человека ролевую функцию, одной из которых является роль специалиста, профессионала. Через регламентацию правил осуществляется дисциплинирующее воздействие на человека, благодаря которому развивается самоконтроль, и рабочий процесс воспринимается им более ответственно.

Немаловажно отметить, что дресс-коды формируют психологические установки, влияющие на когнитивные способности. Согласно результатам исследования профессора психологии Абрахама Рутчика (США), ношение официальной одежды воздействует на скорость обработки информации: участники

эксперимента, одетые в одежду в деловом стиле, проявляли способность мыслить более целостно [3, с. 662–664]. В 2012 г. американские ученые Адам Хэйо и Адам Галинский предложили теорию *«одежествленных способностей»* (enclothed cognition), суть которой заключается во влиянии одежды на когнитивные процессы человека. В рамках проведенного исследования была выявлена зависимость символического значения одежды и опыта ее физического ношения. В ходе эксперимента было установлено, что, например, ношение халата врача повышает концентрацию внимания [4, с. 5].

В рамках внутри-социального пространства компании дресс-коды формируют корпоративную идентичность и являются одним из инструментов укрепления ее корпоративного духа и бренд-единства. Во внешней среде корпоративные дресс-коды через единство делового стиля сотрудников транслируют корпоративные ценности компании и ее имидж.

В эпоху цифры одной из новаций делового стиля стала тема имитации дресс-кода. В связи с тем, что некоторые отрасли испытывают нехватку кадров, например, в сфере услуг, данная проблема стала решаться с помощью внедрения роботов [5], [6]. В настоящее время вспомогательная роботизированная техника наряду с сотрудниками организации активно участвует в деловой коммуникативной среде. Однако профессиональную ролевую функцию робот должен выполнять, не привлекая к себе пристального внимания. Если он будет выделяться, то он будет мешать. Человеческое в нечеловеческом на безопасном уровне сходства достигается с помощью имитации дресс-кода, так как согласно гипотезе автора эффекта «зловещей долины» Масахиро Мори, чем больше роботы похожи на человека, тем больше симпатии они вызывают, однако при увеличивающемся сходстве возникает противоположный эффект – чувство отторжения и страха [7, с. 98–100]. К примеру, роботы Сисси и Франц в «Meiser Design Hotel» в Динкельсбюле и роботы-помощники в немецкой сети отелей «Ahorn Hotels & Resorts» у всех вызывают чувство симпатии благодаря удачной комбинации нечеловеческого и человеческого. Таким образом, можно говорить, что для робототехники дресс-коды для сервисных роботов выполняют очеловечивающую функцию.

В целом, дресс-кодинг является неотъемлемым элементом деловой и корпоративной культуры организации: деловой – на представительском уровне района, города, страны; корпоративной – и внутри организации, и на внешнем корпоративном: «компания-клиент/покупатель». Однако дресс-кодовая коммуникация на всех уровнях взаимодействия является только одной из составляющих бренд-имиджа компании и ее деловой культуры. Современный деловой мир, будучи главным приверженцем технологических новаций, оказался сегодня и главным апологетом поведенческой деловой культуры на всех уровнях взаимодействия (цифровых и нецифровых) и во всех ее проявлениях, включая дресс-кодинг.

Источники:

1. Мамина Р. И. Деловой этикет в системе имиджа: философско-культурологический анализ. СПб.: ИД «Петрополис», 2012. 232 с.
2. Wookey M. L., Graves N. A., Butler J. C. Effects of a sexy appearance on perceived competence of women // Journal of Social Psychology. 2009. № 149 (1). P. 116–118.
3. Slepian M. L., Ferber S. N., Gold J. M., Rutchick A. M. The cognitive consequences of formal clothing // Social Psychological and Personality Science. 2015. № 6 (6). P. 661–668. URL: doi:10.1177/1948550615579462 (дата обращения: 03.12.2025).
4. Adam H., Galinsky A. D., Enclothed cognition // Journal of Experimental Social Psychology. 2012. doi:10.1016/j.jesp.2012.02.008 (дата обращения: 03.12.2025).
5. Ahorn Hotels & Resorts setzen erfolgreich Serviceroboter zur Unterstützung des Personals ein, 21.08.2024. URL: <https://www.ahorn-hotels.de/aktuelles/detail/news/ahorn-hotels-resorts-setzen-erfolgreich-serviceroboter-zur-unterstuetzung-des-personals-ein/> (дата обращения: 13.12.2025).
6. Schreiber D. Fachkräftemangel und Digitalisierung in Hotels – Roboter packen mit an // Südwest Presse, 23.07.2024. URL: <https://www.swp.de/wirtschaft/gastgewerbe-gegen-die-krise-roboter-packen-im-hotel-mit-an-77362261.html> (дата обращения: 13.12.2025).
7. Mori M. The Uncanny Valley / transl. by K.F. MacDorman, N. Kageki // IEEE Robotics & Automation Magazine. 2012. Vol. 19, iss. 2. P. 98–100.

S. V. Yakupova (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

DRESS CODE COMMUNICATION IN THE CONTEXT OF BUSINESS CULTURE

The article is devoted to dress code communication as an integral element of the business and corporate culture of the organization. Formal and informal rules of business style are considered. The functions of the dress code in the socio-cultural space of the business environment are stated. The innovation of the business style is considered – the topic of imitation of the dress code in robotic equipment.

Business etiquette, business environment, business style, corporate culture, dress code, dress code communication, business culture

УДК 940.55 (47=57)

Р. А. Ялышев (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: repyal@mail.ru)

КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В 1905 ГОДУ: ОСОБОЕ СОВЕЩАНИЕ И. Л. ГОРЕМЫКИНА КАК ОТВЕТ ВЛАСТИ НА РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОБЫТИЯ В РОССИИ

Рассматривается вопрос о пути реформирования аграрного сектора в России в начале XX века. Вплоть до 1905 г. власти искали способы сохранения общинного землевладения и отстаивали интересы крупных землевладельцев. В 1905 г. аграрная политика была доверена И.Л. Горемыкину, который открыл «Особое совещание о мерах к укреплению крестьянского землевладения» и пытался консервативными методами решить крестьянский вопрос. В итоге его политика была сметена революцией.

Россия в начале XX века, аграрный вопрос, С. Ю. Витте, И. Л. Горемыкин, П. А. Столыпин, русская революция, аграрные реформы, крестьянская община

В 1905 г. вспыхнула первая русская революция, основной причиной которой уверенно можно назвать нерешенность крестьянского вопроса. К началу XX века «земельный голод» и другие проблемы крестьян достигли масштабов, которые не позволяли большинству из них выживать в условиях бурного роста капиталистических отношений. Власти понимали остроту проблемы, но в поисках решений отталкивались, прежде всего, от интересов крупных землевладельцев, что вело к попыткам утихомирить крестьянство без принципиального решения аграрного вопроса. Наглядным примером такого подхода было «Особое совещание о мерах к укреплению крестьянского землевладения» под руководством И. Л. Горемыкина.

Программа работы Особого совещания, предложенная И. Л. Горемыкиным и одобренная царем была оглашена на его первом заседании 17 мая 1905 г. Задачами совещания стали: 1) выработка наказа Главному управлению землеустройства и земледелия по вопросам крестьянского землевладения; 2) составление инструкции Крестьянскому поземельному банку; 3) «исполнение законодательного труда, направленного к улучшению условий крестьянского землевладения с целью облегчения выдела крестьянам в частную собственность их участков надельной земли»; 4) составление законопроекта по ограничению крестьянских наделов, поиск мер по устранению «чересполосицы» и т. п. [1, Д. 2. Л. 280].

Эта программа после споров была утверждена, после чего от нее старались не отклоняться. Такой подход продавливал председатель совещания И. Л. Горемыкин, часто напоминая собравшимся участникам заседаний, что «задача нашего Совещания <...> заключается не в выработке нового обще-

го положения о крестьянском землевладении, которое заменило бы собою Положение 19 февраля 1861 года, а в частичном усовершенствовании и развитии соответствующих постановлений названного Положения, в целях облегчения крестьянам возможности приобретать в частную собственность причитающиеся на их долю участки надельной земли» [1, Д. 3. Л. 9].

Обсуждения начались с выработки наказа Главному управлению землеустройства и земледелия. Эта деятельность затянулась из-за жарких прений, в следствие чего обсуждением наказа и закончился первый период деятельности совещания, в течение которого оно действительно влияло на развитие аграрной политики. Следующим этапом была выработка новой инструкции Крестьянскому поземельному банку, которая была подготовлена после напряженных дебатов к концу работы Особого совещания. Остальные задачи либо вообще не были затронуты, либо получили разрешение не в том объеме, как того требовала сложившаяся ситуация в аграрном секторе.

17 октября 1905 г. был издан царский Манифест, знаменовавший собою начало конца самодержавного управления в России. Автором Манифеста предположительно был С. Ю. Витте. Горемыкин был просто в «бешенстве» от появления этого документа и уже 25 октября в своей записке на имя царя сделал вывод, что Манифест этот ничего не дал крестьянству. Он предложил для прекращения революции выношенную в кругу своего Особого совещания **идею прекратить взывать с крестьян выкупные платежи с 1 января 1907 г., а с 1906 года снизить их на 50%** или хотя бы настолько, насколько это возможно, и предоставить льготные отсрочки по различным недоимкам [1, Д. 2. Л. 514].

Это предложение Горемыкина 31 октября 1905 г. было воплощено в жизнь в царском Манифесте 3 ноября 1905 г. Начинание сразу же подхватил Витте, став развивать его в совершенно ином ключе, чем того желал Горемыкин. В докладе Николаю II он заявил, что Совет министров в связи с отменой выкупных платежей поручил главноуправляющему землеустройством и земледелием образовать комиссию для решения вопросов о признании надельных земель собственностью владельцев и об установлении порядка выхода крестьян из обществ [2, с. 80]. И предложение получило одобрительную санкцию императора. Данный факт означал смену приоритетов во взглядах царя на решение аграрного вопроса. Для совещания Горемыкина наступали тяжелые времена.

Перед Особым совещанием с самого начала встал вопрос о привлечении к деятельности совещания крестьян. В начале XX в. обращение к мнению крестьянства стало определенной тенденцией. Вопрос о крестьянах в совещании поднял Д. А. Хомяков. И. Л. Горемыкин планировал это использовать как пропагандистский инструмент и заявлял: «Если крестьянам будет объявлено от имени Совещания, что мы без вас ничего не сделаем, мы вас спросим, то такое заявление будет иметь громадное и, смею думать, благотворное значение» [1, Д. 2. Л. 259]. «Русское слово» и другие консервативные СМИ разнесли данный факт в публичное пространство [3].

Успокоить крестьян такими методами не удалось, тем более что Горемыкин считал, что самый удобный способ познакомиться с мнением крестьян заключается в вызове избранных крестьянами из своей среды представителей в Петербург. Попытки Н. Н. Кутлера убедить председателя хотя бы в технической невозможности провести такие заседания с расспросами, а также в полной их бессмысленности в принципе ни к чему не привели [4]. Заседания продолжились, а вопрос о крестьянах стал сходить на нет. Оживить его снова пытался А. Г. Щербатов, но в итоге крестьяне так не были привлечены к работе совещания.

К осени 1905 г. участники почувствовали угрозу закрытия Особого совещания. В этой ситуации им было уже не до крестьян. 1 октября Горемыкин сообщает в своем письме Хомякову: «События нашей современной общественной жизни идут так порывисто и быстро и так влияют на ход наших законодательных работ, что трудно быть уверенным в неизменном положении и завершении трудов нашего Совещания» [1, Д. 3. Л. 18]. Основания для такого беспокойства были достаточными. Снова возрастал авторитет С. Ю. Витте – главного оппонента проводимой Горемыкиным линии в крестьянском вопросе. Определелись и шаги по смене курса крестьянской политики в дальнейшем. Но власти действовали медленно, опасения участников совещания оказались преждевременными. Оно продолжило работу, но в заседаниях уже не наблюдалось большого энтузиазма и решительности. Некоторые участники стали игнорировать работу. В. Ф. Трепов осенью 1905 г. заявил следующее: «Хочу просить Высочайшего соизволения на увольнение меня из членов Особого совещания» [5, Л. 21]. Д. А. Хомяков не посетил вообще ни одного осеннего заседания, а на четырех последних не присутствовал А. Д. Самарин. Основную роль в Особом совещании к этому времени играли уже сторонники нового курса крестьянской политики – В. И. Гурко, А. И. Путилов, Г. В. Глинка.

Чего же смогло добиться совещание Горемыкина? В 1905 г. Министерство земледелия и государственных имуществ было преобразовано в Главное управление землеустройства и земледелия и был создан Комитет по земельным делам. Об этом ратовал Горемыкин еще до начала работы совещания. Основным делом горемыкинского совещания стала выработка наказа Главному управлению. Проект наказа охватывал только ту сторону деятельности управления, которая относилась к устройству крестьянского землевладения, хотя круг обязанностей Главного управления был шире. Выработанный окончательно лишь к 15 ноября 1905 г. проект наказа Главному управлению состоял из 21 пункта и вместе с Журналом № 1 Особого совещания был направлен на рассмотрение императору. Его подписали 12 членов Особого совещания во главе с Горемыкиным, а также делопроизводитель Н. В. Плеве. Наказ носил характер общих рекомендаций. Суть наказа сводилась к нескольким основным тезисам: 1) «Все меры и распоряжения по устройству и укреплению крестьянского землевладения сосредотачиваются в Главном управлении землеустройства и земледелия», что вело к организации единого управления крестьянскими делами.

2) «При исполнении возложенных на Главное управление <...> задач необходимо всемерно *избегать принудительного вмешательства в исторически сложившиеся порядки землевладения и землепользования крестьян...*» [1, Д. 2. Л. 550–553] Таким образом, совещание старалось повлиять на сохранение общинного землевладения, что в условиях осени 1905 г. выглядело мало перспективным направлением.

Второй документ, выработанный совещанием, – проект инструкции Крестьянскому поземельному банку действительно был необходим, так как банк не справлялся со своими обязанностями как из-за несовершенства его устава, так и в силу тяжести задач, на него возложенных. Операции Крестьянского банка не могли привести к особенно крупным результатам в деле расширения крестьянского землевладения, сильно отстававшего от роста численности населения. Последнее, со времени открытия действий банка, возросло на 37%, а площадь земли, приобретенной крестьянами с помощью банка, составила не более 3,9% от их наделов. В то же время количество земли, купленной крестьянами помимо банка, достигло 13,9% от наделных площадей [1, Д. 3. Л. 29].

Окончательный вариант инструкции банку Особое совещание согласовало к самому концу 1905 г. 14 января 1906 г. И. Л. Горемыкин подал этот документ на рассмотрение Николаю II. Проект инструкции состоял из 20 пунктов. Он был подписан двенадцатью участниками, но так и остался проектом, так как совещание было закрыто в январе 1906 г.

Итог работе Особого совещания язвительно подвел С. Ю. Витте в мемуарах: «Наступили смуты, так называемая революция, и о комиссии Горемыкина все забыли, вопрос крестьянский всплыл в резкой форме во всем объеме в Совете министров, и, по моему представлению, комиссия Горемыкина была закрыта, погребена, не оставив по себе решительно никаких следов» [6, Т. 3, с. 324].

Закрытием Особого совещания дело не ограничилось. Началось давление и на Комитет по земельным делам, руководимый Горемыкиным. В «мемуарях» Совета министров от 17 и 24 февраля 1906 г. отмечалось, что созданный указом 6 мая 1905 г. Комитет по земельным делам, «еще и до сего времени не приступивший к своей деятельности, подлежит упразднению». 7 марта 1906 г. комитет был закрыт [7, с. 420]. С. Ю. Витте, добившийся ниспровержения Горемыкина, вскоре был ниспровергнут сам. Он не смог долго продержаться на посту председателя Совета министров, и уже в апреле 1906 г. ненадолго произошла обратная смена его на Горемыкина.

Подводя итоги деятельности «Особого совещания о мерах к укреплению крестьянского землевладения», приходится констатировать, что совещание лишь отчасти выполнило возложенные на него задачи, но они в дальнейшем не были взяты в работу новым правительством во главе с П. А. Столыпиным. Наиболее серьезным достижением совещания стала инициатива по отмене выкупных платежей крестьян в 1906–1907 гг. А вот заметных результатов, которые могли повлиять на курс властей в аграрном вопросе, не возникло. Более

того, многие участники заседаний так и не смогли разобраться с ситуацией в аграрном секторе, сложившейся к 1905 г., а, следовательно, не были способны переоценить свои взгляды на крестьянскую политику для принятия решений, адекватных сложившейся революционной ситуации. С закрытием «Особого совещания о мерах к укреплению крестьянского землевладения» закончился длительный период, на протяжении которого власти колебались в выборе дальнейшего направления крестьянской политики, делая большую ставку на охранительные мероприятия. Вскоре после упразднения Особого совещания политический курс окончательно изменился. Идеи, активно обсуждавшиеся в совещании И. Л. Горемыкина, ушли в прошлое.

Источники:

1. Письма И. Л. Горемыкина участникам совещания и документы // РГИА. Ф. 1212. Оп. XVI. Д. 1–3.
2. Всеподданнейший доклад председателя Совета министров гр. С. Ю. Витте по аграрному вопросу 10 января 1906 г. // Аграрный вопрос в Совете министров. 1906 г. М.; Л., 1924.
3. Русское слово. 30 мая 1905 г. № 144.
4. Кризис самодержавия в России 1895–1917 гг. Л.: 1984.
5. В. Ф. Трепов – И. Л. Горемыкину 15 ноября 1905 г. // РГИА. Ф. 1626. Оп. 1. Д. 1270.
6. Витте С. Ю. Воспоминания. В 3-х тт. М.: 1960.
7. Законодательные акты переходного времени: 1904–1908 гг.: сборник законов, манифестов, указов Пр. Сенату, рескриптов и положений Комитета министров. СПб.: 1909.

R. A. Yalyshev (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

THE PEASANT QUESTION IN 1905: IVAN L. GOREMYKIN'S SPECIAL COMMITTEE AS THE AUTHORITIES RESPONSE TO REVOLUTIONARY EVENTS IN RUSSIA

Reforming the agrarian question in Russia at the beginning of the twentieth century is investigated. Until 1905 the authorities sought ways to preserve the peasant community and defended the interests of large landowners. As a result, agrarian policy was entrusted to Ivan L. Goremykin who opened the "Special Committee on Measures to Strengthen Peasant Land Ownership" and tried to solve the peasant question by conservative methods but was swept away by the first Russian revolution.

Russia in the beginning of the XX century, agrarian question, Sergey Witte, Ivan Goremykin, Peter Stolypin, Russian revolution, agrarian reform, peasant commune

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение Оргкомитета	3
<i>Абабкова М. Ю.</i> Проблемы синтетических изображений человека в гибридных коммуникациях	4
<i>Ананьева Е. М.</i> Нужно ли урбанизировать хайдеггеровскую провинцию?	9
<i>Апанин А. В.</i> Человеческая индивидуальность: аналоговое vs. цифровое	14
<i>Атеев К. О.</i> Децентрализованные автономные организации как форма сетевой реальности: эмпирический анализ распределения власти	20
<i>Баженов С. С.</i> Границы этической компетентности: опыт сравнения морального бытия человека и искусственного интеллекта	24
<i>Бакулин А. В.</i> Карьерные стратегии студентов в условиях дополненной современности: интеграция институтов и интеракций как ключевой фактор профессионального развития	29
<i>Белозуб Д. А.</i> Роль языковых средств в создании и поддержании парасоциальных отношений	33
<i>Белослудцева Д. А.</i> Медиарепрезентация концепта responsible consumption: корпусный подход	38
<i>Бондарева М. Н.</i> Гендерные стереотипы: эволюционные корни и социокультурное переосмысление	43
<i>Бугазов А. Х.</i> Роль гуманитарных дисциплин в формировании евразийской идентичности общества	49
<i>Васильева О. А., Ефимов С. И.</i> Оптимизация труда в эпоху AI-платформ: влияние OpenAI на структуру профессий и динамику современного общества	54
<i>Васин Д. А.</i> От общего горизонта к микрокосмам: антропология культурной изоляции и конец универсального автора	60
<i>Волынцев М. С.</i> Столичная печать о патриотической манифестации 19 июня 1917 г. в Петрограде	66
<i>Вэй Л., Би Ц.</i> Платформенная занятость как механизм социальной адаптации женщин в условиях трансформаций	73
<i>Глухих В. А., Кирсанова Н. П.</i> Искусственный интеллект как инструмент усиления человеческого капитала в образовании	78
<i>Грейдина Н. Л.</i> Слово в медийной среде: информация и дезинформация	83
<i>Grigorieva L. V., Filyasova Yu. A.</i> Phonetic means of emphasis in english promodiscourse	89
<i>Гуркин А. Б., Гуркин Я. А.</i> Журнал «Вестник полиции» как важнейший	94

источник по истории Санкт-Петербургской сыскной полиции	
<i>Дагбалдай Э. Г.</i> Этические принципы использования искусственного интеллекта в логопедии	100
<i>Дерюгин П. П., Кузнецова О. В., Алексеева О. М.</i> Адаптация в пространстве гибридного общества: риски растущей дуальности идентификации	105
<i>Емелин Я. А.</i> Роль средств массовой информации в процессе релегитимации институтов политической власти	112
<i>Журавлева О. М.</i> Характеристики субкультуры как часть образа лингвокультуры	116
<i>Замотин М. П.</i> Теория социальных сетей М. Кастельса	122
<i>Ильина А. В.</i> Особенности применения механик геймификации в условиях трансляции ценностей	126
<i>Каминский С. И., Милецкий В. П.</i> Модели политических коммуникаций в игровом виртуальном пространстве	131
<i>Камышина Е. А.</i> Человеческий капитал корпоративного лидера в условиях сетевой процессуальности: трансформация ресурса влияния	137
<i>Ковалёва А. Р.</i> Риторическая традиция в этически сложных коммуникациях (на примере модели Р. Крейга)	140
<i>Корчажкина О. М.</i> Современные ученые о многовековом противостоянии России и Запада	145
<i>Кравченко К. А.</i> Деконструкция идентичности в постмодернистском кино	150
<i>Крестьянова Ж. Ю.</i> Когнитивно-дискурсивные механизмы медиарепрезентации техногенных катастроф	154
<i>Курапов С. В., Курапова А. С.</i> Цифровой прагматизм зумеров в общении с искусственным интеллектом (ИИ)	160
<i>Куртов С. Ю.</i> Становление симбиотической рациональности в эпоху цифровой трансформации	166
<i>Лебединцев Д. А., Дерюгин П. П.</i> Урбантуризм в современном потоковом обществе	172
<i>Лебединцева Л. А., Дерюгин П. П.</i> Социальные аспекты цифрового неравенства в современном обществе	176
<i>Ли М., Юй Я., Юй А. Н.</i> Сравнительное исследование занятости молодежи в IT-сфере Китая и России в ракурсе социальной динамики	181
<i>Логинов Д. В.</i> Трансформация нарратива. Генеративный искусственный интеллект в рекламной деятельности пао «Сбербанк»	186
<i>Любопытнов В. В.</i> Коммуникативное поле инжиниринговой компании в	191

условиях цифровизации

<i>Макарова Н. П.</i> Формы присутствия пользователя в мобайл-арте	197
<i>Максина С. В., Новикова И. Ф.</i> Актуальные вопросы формирования правосознания обучающихся в современном обществе	202
<i>Мамина Р. И., Почебут С. Н.</i> Коммуникация «Человек – ИИ» в контексте динамики развития современного искусственного интеллекта	206
<i>Маркова Т. Б.</i> Библиотека – пространство общения и творчества	212
<i>Марченко Д. А.</i> Климатическая повестка как коммуникационная проблема (в контексте модели Р. Крейга)	218
<i>Матвеев М. С.</i> Искусственный интеллект как объект социологического анализа: основные направления исследования	223
<i>Московчук Л. С.</i> Проблема идентичности в постсекулярном обществе	229
<i>Непомилуева М. А.</i> Гибридные коммуникации в контексте метамодернизма: социальные детерминанты и практики	233
<i>Нерослов А. М.</i> Аспекты промышленной коммеморативной топонимии на примере нефтегазовой отрасли	239
<i>Нога С. А.</i> Институциональная помощь родственникам людей, столкнувшихся с психическим расстройством: анализ открытых источников организаций Санкт-Петербурга	246
<i>Окуловский О. И., Кучерявая Г. Д.</i> Отдельные вопросы совершенствования системы высшего образования Минобороны России	252
<i>Осипов С. К.</i> Дискурсивная репрезентация ценности «Mental Wellbeing» в англоязычных СМИ	257
<i>Павлов А. В., Эсселевич Э. А.</i> Социологическая диагностика регуляторной роли цифрового капитала в сетевом обществе России: на основании анализа вторичных данных всероссийских мониторингов	262
<i>Павлюк Е. В.</i> Новые и старые формы отчуждения в эпоху кризиса «социального капитализма»: обоснование с позиций диалектического материализма	267
<i>Папуш С. Р.</i> Иноязычные элементы словарного состава современного английского языка как следствие формирования английского языка	274
<i>Пашковский Е. А.</i> Роль сетей в реализации национальных проектов современной России	280
<i>Петрова Е. М., Юй Я.</i> Цифровые стратегии взаимодействия преподавателей и учеников в условиях дистанционного обучения	286
<i>Пивоваров А. М.</i> Реконфигурация массовости в платформенном обществе	291

<i>Пиленко А. О.</i> Особенности влияния региональных властей на электоральные предпочтения избирателей (на примере Хабаровского края)	297
<i>Пирайнен Е. В.</i> Трансформация обучения: от пассивности к активности	302
<i>Поздеева Е. Г.</i> Факторы гибридизации культурных пространств города	307
<i>Пономарёв А. И.</i> Докогнитивное моральное мышление	313
<i>Проказов Н. С.</i> Англоязычный диалогический кинодискурс как объект диахронического исследования	318
<i>Прокудин Д. Е.</i> Hi-Fi, винил и культурные коды	322
<i>Разова Е. Л., Петров С. В.</i> От Итаки до цифрового Вавилона: π -теорема как метод анализа диалектики оседлости и номадизма в XXI веке	327
<i>Рахматуллин Р. Б., Балаева К. А.</i> Сентимент-анализ корпоративной речи как инструмент регулирования гибридных коммуникаций в цифровой рабочей среде	334
<i>Ровинская Ю. В.</i> Интерпретация прав человека В контекстах международного и российского права	338
<i>Руденко Е. А.</i> Стратегическое проектирование конфликта на Украине и трансформация страны в инструмент гибридной войны под внешним управлением	343
<i>Семенов В. В.</i> Фигура П. Н. Врангеля на страницах зарубежной печати в 1919 г.	348
<i>Скрынская О. А.</i> Доверие к репутации как основа кредитных отношений в Российской империи	353
<i>Стогов Д. И.</i> Петербургские педагогические съезды (1912–1914 гг.) о борьбе с пьянством	359
<i>Строгецкая Е. В., Бетигер И. Б.</i> Институциональная динамика Высшей школы в условиях цифровой эпохи	364
<i>Суров И. А.</i> Мировые культуры перед вызовом ИИ	369
<i>Тарелко В. М.</i> Американское присутствие в деле помощи русским военнопленным в Османской Империи в годы Первой мировой войны	374
<i>Татаренко М. С., Атагылыжова М.</i> Инфлюенсеры в сетевой реальности как акторы цифровой дипломатии: взаимодействие с государствами в международных коммуникациях	379
<i>Телишева М. А.</i> Герменевтический код коммуникационного сообщения (на примере кампании «сказка о бытовой магии»)	384
<i>Толокова А. В.</i> Жанровые характеристики «лонгрида» как формата цифровой журналистики	389

<i>Тузов В. В.</i> Феодализм средневековой Европы как форма самоорганизации ее социального пространства	394
<i>Тюрин А. И.</i> Постмодерн и наука: проблема взаимосвязи	399
<i>Ульяницкая Л. А.</i> От языкового союза к языковому острову: концепция ареала Н. С. Трубецкого в изучении современных контактных зон (на примере фламандского ареала)	404
<i>Умова Е. В.</i> Основные тенденции развития архитектуры конца XIX – начала XX вв.	411
<i>Федоров Р. В.</i> Постмодернизм как триггер трансформации традиционных ценностей	416
<i>Фокин И. В.</i> Ценности как основание организационного доверия: влияние на экономическую эффективность и инновации в цифровом обществе	421
<i>Черкасов Д. Г.</i> Кризисы и траектории «правого поворота» в странах северной Европы в период 2015–2025 гг.	424
<i>Чернов В. О.</i> Цифровая дипломатия как средство решения территориальных споров: кейс Японии	429
<i>Шарахина Л. В., Шашкова Н. В.</i> Гибридные коммуникации в контексте реализации образовательных программ	435
<i>Шевченко О. А.</i> Диалектизмы как элемент коммуникации брендов в контексте теории Р. Крейга	440
<i>Шутова М. В.</i> Медиатизированная благодарность и репутация: ценностные основания признания в гибридной коммуникационной среде	445
<i>Щербина А. В.</i> Современный этап нейросетевой цивилизации: эпоха войн за природную среду в глобальном мире	450
<i>Эсселевич Э. А., Павлов А. В.</i> Различия в траекториях адаптации социально-профессиональных групп к искусственному интеллекту	455
<i>Юй Я., Петрова Е. М., Юй А. Н.</i> Апробация инструментария исследования стратегий мобильности студентов в рамках социологической школы ИГУ	460
<i>Якупова С. В.</i> Дресс-кодовая коммуникация в контексте деловой культуры	465
<i>Ялышев Р. А.</i> Крестьянский вопрос в 1905 году: особое совещание И. Л. Горемыкина как ответ власти на революционные события в России	469

Труды
XXIII Всероссийской научной конференции
с международным участием
Информация – Коммуникация – Общество
(ИКО–2026)

Санкт-Петербург, 22 – 23 января 2026 г.

Оригинал-макет подготовлен в
Информационно-методическом центре
Института социально-гуманитарного и экономического образования
СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Компьютерная верстка – Л. С. Московчук, Е. В. Пирайнен, С. Н. Почебут.

Подписано в печать
Комплектация 1 CD-ROM. Объем данных
Гарнитура «Times NEW Roman». Тираж 8 экз.

Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
197376, С.-Петербург, ул. Проф. Попова, 5

WWW.ICS.RU

